24×15) 400 [Б. ц.] 329.15 (∞) (064

Фрунзенский район. Комиссия по пр
нию празднования 19-го МЮД'а.
построения маршрута Фрунзенского райо
демонстрации XIX МЮД'а 1 сентяб
[М.], тип. „Искра революции“. [1933].
с. „Для заметок“ (21×15) 500. Беспл.
329.15К (∞) (0

ий, Осип Аронович.
vom II. weltkongress der Komintern a
en aufnahmebedingungen der Kommunistis
nale und die reinigung der kommunistis
Mit einem anhang: Die 21 aufnahmebe
r Komintern. Moskau Leningrad, Ver
schaft ausländischer arbeiter in der Ud
Iskra revoluzii“ in Moskau. 1933.
3×12) 4.000. 40 к.
загл: O. Pjatnizki.
загл: „Die 21 aufnahmebedingungen der Komm
nationale und die reinigung der kommunistischen pa

М. А. БАКУНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

1828—1876

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
Ю. М. СТЕКЛОВА

ТОМ ВТОРОЙ

ГЕГЕЛИАНСКИЙ ПЕРИОД

1837—1840

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Супер-обложка и переплет худ. Н. П. Дмитревского

Сдано в производство 23/IV—33 г.
Подписано к печати 25/III — 34 г.
Ответств. ред. И. А. Теодорович.
Технический ред. Ф. М. Точилин.
Формат бум. 62×94 см., $31^1/_2$ п. л.
Изд. № 90. Уполн. Главл. В—42892.
В п. л. 38.400 зн. Зак. 2014. Тир. 5200.
Тип. газ. „Правда“, ул. Горького, 48.

Цена 8 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В числе рукописного наследия, оставшегося от М. А. Бакунина, немалый интерес представляют конспекты прочитанных им книг. Их дошло до нас изрядное количество, хотя дошли вероятно далеко не все. Само собою разумеется, что этими записями далеко не исчерпывается вся сумма прочитанных и продуманных Бакуниным произведений: ведь обычно составляются конспекты наиболее важных, по мнению конспектирующего, сочинений. Но даже по этим дошедшим до нас записям можно судить о направлении умственных интересов Бакунина в годы его молодости и об их широте. Уже из писем, напечатанных в первом томе нашего издания, видно, что Бакунин и до встречи с Н. Станкевичем был не тем юным, легкомысленным поручиком, не знавшим, что с собой делать и куда деваться, каким его представлял себе С. А. Венгеров в комментариях к четвертому тому выходивших под его редакцией сочинений В. Г. Белинского, а серьезным юношею с глубокими идейными запросами и философскими влечениями, довольно резко расходившимися с господствовавшим настроением окружавшей его юнкерско-офицерской и чиновно-помещичьей среды. Дошедшие до нас конспекты молодого Бакунина лишний раз доказывают неправильность мнения Венгерова. Уже до знакомства с Н. Станкевичем М. Бакунин выделялся из своего окружения как внешним обиходом (правда, объяснявшимся отчасти его сравнительной бедностью), так и особенно своими духовными устремлениями. Привычки его среды, ее тупость, ограниченность, животность глубоко ему претили. Представитель более прогрессивной общественной группы, выходец из дворянства нищающего или обуржуазивающегося, переходящий на позиции демократического разночинства, юный Бакунин, пока еще не отдавая себе отчета в своем протестантском настроении, рвался из тесных рамок юнкерско-прапорщичьего времяпровождения, метался, искал какого-то выхода, задумывался над вопросами

о смысле жизни и призвании человека, надеясь в философии найти ответ на мучившие его вопросы. Отражение этих порываний мы и находим в сохранившихся конспектах Бакунина.

Уже *от 1834 года* мы находим конспект под заглавием «Записки касательные всеобщей истории, извлеченные из моего чтения и дополненные моими примечаниями». Характерно введение к этому конспекту, показывающее, что юный прапорщик уже тогда задумывался над глубоко скрытыми факторами исторического процесса и, приступая к изучению истории, ставил перед собою ряд вопросов, свидетельствующих об углубленном подходе к изучаемому предмету (мы приводим это введение в первом томе настоящего издания под № 55).

Затем до мая 1836 года записи прерываются. Совершенно очевидно, что Бакунин за это время не забросил занятий, что он хотя частично продолжал свою умственную работу, и если конспектов за указанный период не сохранилось, то это не значит, что их не было, а просто они до нас не дошли. Возможно впрочем, что дошли, что они даже имеются в Прямухинском архиве, но в виду того, что последний в настоящее время находится в беспорядке, что он не описан, а содержание его до сих пор не приведено полностью в известность, эти конспекты не были разысканы и мне не предоставлены. Для подтверждения возможности моего предположения приведу такой факт: среди любезно предоставленных мне конспектов Бакунина * не оказалось того, который напечатан у А. Корнилова на стр. 697—710 первого тома его семейной хроники. То обстоятельство, что Корнилов напечатал этот конспект, доказывает, что он у него был в руках, т. е. сохранился до нашего времени, и если его нет в б. Пушкинском Доме, то это значит, что или 1) он не был передан Корниловым в Пушкинский Дом и получил какое-то иное направление, или 2) находится там, но пока еще не разыскан. Это же легко могло случиться и с другими конспектами, которые в дальнейшем, быть может, еще отыщутся.

Итак *за 1836 год* мы имеем в своем распоряжении 4 конспекта: 1) от 23 мая ** — древняя история по сочинению

* За проявленную ею любезность мы приносим благодарность нынешней администрации б. Пушкинского Дома (как впрочем и старой, проявившей любезность не меньшую). Но к сожалению, не в ее силах преодолеть застарелую халатность и беспорядок, вошедшие в традицию учреждения.

** Приходится предполагать, что дата на конспекте отмечает день приступа к его составлению.

Геерена «Руководство всеобщей истории» (в конспекте 13 страниц in folio *); 2) от 28 июня (Прямухино) — «Логика» по Кругу (7 стр.); 3) от августа (Тверь) — продолжение древней истории по Геерену (19 стр. + 5 стр. таблиц по греческой истории); 4) от 18 сентября — «Записки древней истории из Геерена» (Handbuch der Geschichte). История Египта и Македонии после Александра Македонского (26 стр.). Таким образом, если судить по имеющимся налицо конспектам (а это, как ясно из вышесказанного, представляется несколько рискованным), у Бакунина в это время преобладает еще интерес к истории, а не к отвлеченным наукам, и философией он только начинает заниматься.

К 1836 году вероятно относятся также: а) тетрадь, содержащая начало перевода первой лекции «Наставления к блаженной жизни» Фихте, которое названо у Бакунина «Указание на блаженную жизнь» (2 стр.), и б) часть другой папки в 66 страниц, содержащей несколько в беспорядке смешанных и не разобранных по темам записей, а именно: отрывок из «Einleitung in die Wissenschaftslehre», т. е. «Введение в наукознание» Фихте (2 стр.), выписки по истории Греции (6 стр.), возможно 1 страница выписок из «Фауста» и 3 страницы каких-то вычислений; остальное же в этой папке относится к более позднему периоду занятий Бакунина философией.

От 1837 года до нас дошло больше записей, а именно: 1) июль ** (Прямухино) — «Философия религии» Гегеля (15 страниц); 2) 3—20 июля ** — Hegel, zw. Band. Phenomenologie des Geistes, т. е. Гегель, том 2. «Феноменология духа» (11 стр.); 3) 14 августа (Прямухино), 19 августа (Тверь) — перевод книги Марбаха: первые четыре письма и начало пятого (20 стр.); 4) 3 сентября (Прямухино) — «Феноменология» Гегеля (24 стр.); 5) 3 сентября (Прямухино) — из «Энциклопедии» Гегеля: эта тетрадь заполнялась долго, ибо имеет и другую дату «26 апреля 1838 года» (45 стр. + 9 стр. из «Логики»); 6) сентябрь — ноябрь — «Мои записки», посвященные формулировке некоторых положений Гегеля (4 стр.) ***. Сюда надо прибавить: 2[1]) 21 — 31 июля (Прямухино) — конспект по «Энциклопедии» Гегеля, опубликованный А. Корниловым в конце

* Все конспекты написаны на листах писчей бумаги большого формата очень плотным и убористым почерком.

** Год не проставлен, но, судя по некоторым внешним признакам, эта тетрадь относится к 1837 году.

*** Напечатано в настоящем томе под № 227.

первого тома своей работы, но нами в б. Пушкинском Доме не полученный.

Здесь мы присутствуем уже при серьезном приступе Бакунина к изучению философии и особенно наиболее популярной тогда философии Гегеля. Неважно, кто первый натолкнул Бакунина на мысль заняться Гегелем. Возможно, что это был Н. Станкевич. Уже в ноябре 1835 года он советовал Бакунину «твердо заняться философиею и историею» как «двумя основными человеческими науками» («Переписка» Н. Станкевича, стр. 595). Историею Бакунин занимался и до того; к философии его тоже, как мы знаем, тянуло еще с 1834 года, т. е. до знакомства с Станкевичем. Но, несомненно, письма Станкевича, в которых он восхвалял Гегеля и заявлял, что только сей последний способен его удовлетворить, а еще больше, возможно, устные беседы должны были оказать известное влияние на Бакунина, побудив его приняться наконец вплотную за ознакомление с творениями великого немецкого мыслителя. Это он и начал осуществлять с июля 1837 года по приезде в Прямухино и продолжал затем в течение нескольких лет с большей или меньшей энергией.

Как уже отметил А. Корнилов, довольно подробно изложивший эти конспекты Бакунина на стр. 389—401 первого тома своей работы, Бакунин изучал Гегеля в достаточной мере бессистемно, как это впрочем ясно видно по перечисленным уже нами конспектам, а также по тем, которые мы еще перечислим дальше. Но во всяком случае то, что ему надо было, чего он вместе со своим поколением искал в отвлеченных формулах философии, он там нашел. После разгрома декабристов, обнаружившего силу старых феодально-землевладельческих элементов русского общества, сумевших надолго дать отпор новым вторгавшимся в русскую жизнь буржуазным либеральным и демократическим началам, прогрессивные элементы впали в маразм, в нравственную прострацию, которая почти в течение полувека тяготела над ними. Судорожно искали они в действительности какого-либо реального выхода, надежды на изменение, опоры для своих смутных идеалов, в которых ясно было только одно: их внутренняя непримиримость с безобразием существующего, с социально-политическим укладом, делавшим почти невозможным всякий экономический, политический и идейный прогресс. И одной группе носителей новых принципов общественной жизни, сме-

шанной группе либеральных и плебейских идеологов, шедшей от Грановского и Каткова до Белинского и временно собравшейся вокруг Н. Станкевича, показалось, что в лице философской системы Гегеля она обрела разрешение мучивших ее вопросов, за которыми, в сущности, скрывался один основной, но самим членам группы в тот момент неясный вопрос о смысле их общественной деятельности и в частности о шансах на преобразование тогдашней русской жизни и еще точнее на низвержение все удушающего самодержавия. Правда, в первое время решение, данное истолкователем принципов гегелианства в кружке, которым вследствие отъезда Станкевича за границу. сделался Бакунин, было в достаточной степени безнадежным: вместо диалектического истолкования действительности и открытия в ней самой элементов внутренней борьбы и прогресса под влиянием экономического развития наши гегелианцы, усвоив букву учителя, сервилистически приспособлявшегося к мерзкой прусской действительности, а не дух его системы, которому он сам впрочем в практической жизни не был верен, пришли к примирению с действительностью, к преклонению перед нею, при чем объявляли всякую действительность, точнее сказать, все существующее разумным, хотя в теории (увы, не на практике) сам Гегель понимал под разумной действительностью вовсе не всякую случайную, конкретную действительность, не все существующее, а, с другой стороны, объявлял и разумное, т. е. в частности революционную идею, учитывающую действительное соотношение сил и правильно оценивающую реальное бытие в его развитии, действительностью. Такое квиетическое, примиренческое толкование Гегеля его русскими последователями соответствовало тогдашнему бессилию новых экономических и политических начал в русской жизни и связанному с этим бессилию наших прогрессивных элементов, вербовавшихся из бедного и служилого дворянства, а также из растущего слоя разночинства, обслуживавшего нарождавшийся капитализм: представителем первой социальной группы в кружке был М. Бакунин, представителем второй — В. Белинский.

Как видно из того конспекта, который напечатан у Корнилова, Бакунин поспешил отметить из введения к «Энциклопедии» Гегеля знаменитое положение: что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно. Нужно впрочем прибавить, что это положение, которое само по себе не заключает в себе ничего

реакционного и которое А. И. Герцен, например, просто считал особой формой выражения закона достаточного основания, которое сам Гегель признавал естественным выводом из своего положения о том, что философия не имеет другого предмета кроме действительности, а потому согласование ее с действительностью и опытом необходимо, — это положение ни в одной стране не было воспринято с такою страстью и не привело к таким важным результатам, как в России 30—40-х годов, где оно на время стало знаменем целой школы. В нашей литературе истолкователем и популяризатором этой мысли в ее консервативном, квиетистском, гегелевом, а не гегелианском смысле явился В. Белинский, как самый блестящий литератор кружка, но действительным его и других вдохновителем был М. Бакунин. Таким образом, его ученический конспект, сам по себе не имеющий никакого научного значения, сыграл немалую роль в истории нашей культуры, оказав на довольно длительный срок решающее влияние на самого влиятельного критика и публициста эпохи (предположение А. Корнилова, что Белинский познакомился с конспектом Бакунина в рукописи, весьма правдоподобно). Впрочем здесь дело было не столько в конспекте, незаконченном и вряд-ли широко разглашавшемся, сколько в устной проповеди Бакунина, который по своему агитаторскому темпераменту, едва ухватив какую-нибудь систему взглядов, спешил поделиться ею с своим окружением и обратить его в свою веру, что при его пропагандистском таланте ему обыкновенно удавалось.

Но конечно в 1837 году Бакунин мог ознакомиться лишь с вершками гегелевской философии. Конспекты его свидетельствуют о том, что он продолжал изучать творения Гегеля и в следующие годы. Так, *от 1838 года* до нас дошли следующие его конспекты: 1) от 11 февраля — перевод Беттины с посвящением от 18 октября 1838 * (стр. 7 + 29 + след. 5, итого 41, соответствующих 230 стр. оригинала); 2) от 18 мая — тоже перевод Беттины (5 стр., засчитанных выше); 3) от 16 марта (Москва) — I. Философия духа из «Энциклопедии» Гегеля (9 стр.); 4) от 27 марта (Прямухино) — конспект книги Маргейнеке «Die Grundlehren der christlichen Dogmatik als Wissenschaft» 1827 («Основные учения христианской догматики как науки», 8½ стр.); 5) упомянутая выше часть конспекта, находящаяся в одной тетради с конспектом 1837 года и датированная 26 ап-

* Напечатано в настоящем томе под № 299.

реля — из «Энциклопедии» Гегеля и из «Логики» (стр. 45 + 9, засчитанных выше); 6) от 16 июня (Прямухино) — из «Логики» Гегеля (8 стр.); 7) от 5 сентября — «Записки по истории христианской церкви» Неандера[1] (20 стр.); 8) от 11 октября (Прямухино) — «Логика» Гегеля (20 стр.); 9) от 20 октября (Прямухино) — «История христианской церкви» того же Неандера (20 стр.); 10) от 29 октября (Прямухино) — «Логика» Гегеля (14 + 8 стр.); 11) от 22 ноября — снова «История христианской церкви» Неандера (20 стр.); 12) от 7 декабря (Прямухино) — «История христианской церкви» Неандера (12 стр.). Есть еще несколько конспектов, относительно которых трудно установить, составлялись ли они в 1838 или 1839 году (о них смотри ниже).

Мы видим таким образом, что в 1838 году Бакунин весьма усердно предавался своим занятиям, при чем особенно прилежно изучал философию Гегеля, упорно работая над «Энциклопедией» и «Логикой». Одновременно он много работал по богословию, в частности над историей христианства. Объясняется это двумя обстоятельствами: с одной стороны, идеализм той поры, да впрочем и всякий философский идеализм, является одною из форм и отрыжек поповщины, особенно христианской. Все учителя Бакунина и Станкевича из числа немецких идеалистов — Гегель, Шеллинг и пр. и даже Кант и Фихте — были в большей или меньшей степени заражены если не ортодоксальным протестантством, лицемерно (а может быть и искренно) заявляя, что философия в сущности учит тому же, что и лютеранский катехизис, то по крайней мере деизмом, вроде Фихте и Канта. И мы видим, что до отъезда из России и даже в первые годы пребывания за границей Бакунин оставался верующим христианином, хотя его христианство, естественно, не совсем было похоже на то, которое излагалось в катехизисе православной церкви. В данном пункте он просто шел по следам своих учителей, умудрявшихся сочетать диалектику с лютеранской церковностью. Другая причина интереса, который питали тогда даже прогрессивные элементы, вышедшие из школы немецкого идеализма, к вопросам богословия, заключалась в том, что именно в этой области философия начинала в то время наносить серьезные удары традиционному церковному христианству и даже религии вообще. Левые гегелианцы во главе с Бруно Бауэром уже выступали на сцену, а в следующем году Бакунин в своих письмах

начинает уже заговаривать о Штраусе и его критике христианской мифологии, — правда, сначала несочувственно, но это несущественно. Именно через критику религии бывшие гегелианцы пришли к материализму, а вслед за ними ту же эволюцию проделал впоследствии и Бакунин.

От 1839 года до нас дошли следующие тетради: 1) 11 января (Прямухино) — греческая грамматика (18 стр.); 2) 12 февраля (Прямухино) — то же (11 стр.); интерес к греческой грамматике, как вообще к античной литературе, внушен был Бакунину Гегелем, как мы ниже указываем в комментарии к № 268; 3) 16 января (Прямухино) — пятая тетрадь конспекта «Истории христианской церкви» Неандера (20 стр. + 4½ стр. другого конспекта); 4) 3 апреля (Прямухино) — конспект первой части немецкого сочинения д-ра Карла Людвига Михелета (или Мишле) [2] «История последних систем философии в Германии от Канта до Гегеля» (18 стр.); 5) 16 апреля — продолжение конспекта Михелета, при чем дальше имеются даты 1 июня и 24 сентября (13 стр.); 6) 1839, без более точного обозначения (Прямухино), — конспект «Истории цивилизации во Франции» Гизо [3] (2½ стр.); 7) 21 апреля (Прямухино) — заметки о «Психологии или философии субъективного духа» по «Энциклопедии» Гегеля и «Психологии» Розенкранца (11 стр.).

Кроме того до нас дошли без точных обозначений: 1) выписки о методе из Шаллера [4] «Философия нашего времени» на немецком (7 стр.); 2) 39 страниц философской смеси; 3) 6 страниц заметок о Гамлете; 4) 1 страница выписок из «Философии истории» Гегеля (§§ 548—550), итого 53 страницы философских конспектов, относящихся явно к *эпохе 1838—1839 гг.*

Из печатаемых в настоящем томе писем и статей Бакунина видно, что кроме упомянутых в перечисленных конспектах произведений Бакунин читал и многие другие. Из них стоит упомянуть сочинения Канта, «Философию права» Гегеля, Шеллинга и т. п. Читал ли он в оригиналах произведения французских просветителей или критиковал их со слов Гегеля и таких историков философии, как Рейнгольд и Михелет, мы не знаем. Одно нам твердо известно: в списке книг, отосланных Бакуниным летом 1839 года в Прямухино, имелся том Гельвеция «Об уме», лучшее произведение одного из самых выдающихся и последовательных французских материалистов XVIII века. Этот список, напечатанный в настоящем томе под № 324, необходимо иметь

в виду, чтобы составить себе более или менее полное представление о размахе умственных интересов Бакунина в рассматриваемый период.

Таким образом дошедшие до нас конспекты Бакунина представляют по размеру нечто довольно солидное. Мы произвели подсчет, и оказалось, что если даже не считать 90 страниц переводов Марбаха и Беттины и греческой грамматики, то остается 452 страницы большого формата в лист, т. е. считая одну страницу рукописи в 2 печатные страницы in 8° (а в ряде случаев, благодаря убористости почерка этих конспектов, из страницы рукописи выйдет и три печатные страницы), получим около 900 страниц или примерно два тома настоящего издания. Само собою разумеется, мы этих конспектов печатать здесь не собираемся: и издание наше не является академическим, и содержание этих конспектов не таково, чтобы представлять какой-либо особый интерес, так как автор их прославился во всяком случае не как ученый или пролагатель новых путей в области теоретической мысли. Кроме того эти конспекты содержат обычно лишь отрывочное, незаконченное изложение чужих мыслей, а поскольку они позволяют судить о том, *как* Бакунин воспринимал эти мысли, и в этом отношении представляют некоторый интерес для его биографии, то не забудем, что его понимание гегелевой философии вылилось в его статьях, которые мы (в числе трех) печатаем в настоящем томе и которые с этой стороны дают достаточно вразумительный ответ на этот вопрос.

В настоящем томе мы печатаем 190 документов, в том числе две статьи (большая половина одной из них не была опубликована). Из этого материала до сих пор была напечатана лишь незначительная часть. А именно А. Корнилов в первом томе написанной им семейной хроники Бакуниных («Молодые годы Михаила Бакунина». Москва, 1915) поместил из этого числа полностью 12 писем и частично 23; кроме того о трех он упоминает в разных местах своей работы (все это точно отмечено в нашем комментарии). Далее в свое время были напечатаны: 1) письмо Бакунина к Герцену от 20 апреля 1840 года (в переписке Бакунина с Герценом и Огаревым, изданной М. Драгомановым в Женеве); 2) предисловие Бакунина к «Гимназическим речам» Гегеля (в «Московском Наблюдателе» за 1838 год) и 3) первая часть статьи о философии (в «Отечественных Запис-

ках» за 1840 год). Таким образом больше половины (по объему) статейного материала и около 4/5 эпистолярного (по числу) публикуется нами впервые. Следовательно и этот том подобно предыдущему состоит в подавляющей массе из оригинального материала, впервые поступающего в распоряжение исследователей и читателей.

Как и в первом томе настоящего издания, редакция считает нужным пояснить, что те документы семейной хроники Бакуниных, в частности письма М. А. Бакунина, о местонахождении которых в комментарии не дается никаких специальных указаний, находятся в Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме, ныне Институте Русской Литературы Академии Наук СССР.

Всем лицам и организациям, оказавшим нам содействие в подыскании и предоставлении материалов, приносим здесь глубокую благодарность.

Ю. Стеклов.

7 июня 1931 года.

М. А. БАКУНИН

ГЕГЕЛИАНСКИЙ ПЕРИОД

Перевод с французского.

№ 209. — Письмо сестрам Беер.

(24 июня 1837 года. Прямухино.)

Дорогие и добрые друзья!

Итак мы расстались, мы теперь пишем друг другу, думаем друг о друге, опечаленные невозможностью попрежнему часто беседовать друг с другом, как могли это делать несколько дней тому назад. Дорогие друзья, я тоже заплатил свой долг человеческой природе. Мне было очень грустно, очень грустно, когда я расставался с вами. И не думайте, что причиною моей печали была только ваша судьба, ожидающие вас неприятности и тяготы. Нет, источник этой грусти был также во мне самом. За последнее время мы так хорошо начали понимать друг друга, наша жизнь была столь полна любви, столь полна веры. Мы наконец овладели подобающею нам сферою царства небесного, обетованного богочеловеком. Мы могли наконец произнести слова Фихте «жизнь есть блаженство» * и могли произнести их, не говоря неправды, ибо мы вкусили от истинной жизни, мы были совершенно счастливы, дорогие друзья. И для этого не требуется многого во внешнем мире, нужно лишь, чтобы человек достиг наконец истинной и полной истины; нужно, чтобы он прошел и навсегда оставил эпоху фантазий, которые иногда бывают очень приятными, но которые тем не менее задерживают ход истинной жизни и парализуют ее действительность.

Итак я — в Прямухине, снова со своими сестрами, братьями и родителями. Я обещал вам, дорогие друзья, что буду с вами откровенен, и мне нетрудно будет сдержать это обещание, так как я испытываю потребность говорить с вами открыто, дать вам возможность читать в моей душе так же, как и я читаю

* Слова Фихте в оригинале по-немецки.

в ней сам. Знаете ли, я начинаю думать, что прямухинский воздух для меня вреден. Здесь я всегда чувствую себя и поглупевшим, и более узким, и менее свободным, и менее счастливым. Здесь есть нечто, что меня подавляет и принижает. Здесь я менее способен, чем во всяком другом месте, к тому высокому созерцанию истины, к той сфере абсолютной любви, где чувствуешь себя столь свободным, столь достойным звания человека, где дышится так вольно, где человек чувствует себя столь счастливым. Это случается со мною каждый раз, как я сюда приезжаю, и это чрезвычайно странно. Не вздумайте говорить, что здесь играет роль несчастная и непризнанная любовь, как вы некогда думали и как я чуть было сам не подумал. Нет, это — глупости, которые были необходимы, которые выполнили свое предназначение, а именно — совершенно разрушили во мне гармонию, бывшую в то время преждевременною, составлявшую лишь слабое предчувствие той, которою я наслаждаюсь теперь, не бывшую еще достаточно истинною, так как она еще не испытала всех отрицаний, всех бурь, которые должны были ее разбить. Гармония была разрушена, я в течение около полугода был мишенью ужасающих бурь, но эти бури прошли, я познал истинную гармонию, ту полную и целостную гармонию действительности, которую я не могу уже утратить.

Что же означает то чувство подавленности, которое я испытываю здесь, как его определить и объяснить? Виноват ли в нем я или кто-нибудь другой? Вам, мои милые друзья, известны более чем неприятные обстоятельства, которые приключились со мною в связи с любовью Станкевича к Любаше. Его нерешительность, моральная и физическая болезнь, Любаша, мои родители — все это, как вы знаете, сильно меня угнетало. Но вы знаете также, какую силу я проявил. Вы знаете, что, не поддаваясь обстоятельствам, я имел достаточно сил, чтобы смело смотреть им в лицо, чтобы стать выше их, чтобы управлять ими по своей воле. Вы знаете, что я взял все на свою личную ответственность и, несмотря на это, я, как вы видели, был доволен, счастлив и находился в самой абсолютной гармонии. Что же происходит теперь, чем объясняется то, что я чувствую себя связанным, стесненным присутствием моих сестер, да, моих сестер, так как я убедился, что именно они навевают на меня чувство стеснения? Знаете ли вы, что я начинаю всерьез сомневаться в возможности дружбы между мною и ими, той дружбы, какую я по-

нимаю, и той, какую я могу чувствовать? Вспомните о тех высоких минутах, которые мы провели вместе в ваших небольших комнатках, на жалкой маленькой улице и в крохотном уединенном домике. Разве мы вместе не вкушали небо, не чувствовали, что оно снизошло в наши души, не чувствовали, что мы слились в одно бытие, в одну душу? Во мне не было уже нескольких различных лиц, я чувствовал свое существование утроенным, умноженным во сто крат вашими. Мы составляли такой гармонический, такой полный хор. И эта общая душа, столь интимно связывавшая нас, была столь полна божественного огня, абсолютной любви *.

О, милые, тысячу раз милые друзья! Воспоминание о вас, воспоминание о тех блаженных часах, которые я провел вместе с вами, еще и сейчас делает меня счастливым. Любящие, пылкие души, ваша любовь доставляет и вечно будет доставлять мне счастье. Ваша дружба истинна, это — та дружба, которой я так долго жаждал и которую я в конце концов вкусил в действительности **.

Здесь происходит нечто совершенно иное. Я никогда не подозревал, чтобы мы могли так далеко разойтись со всеми моими сестрами. Это странно, до ужаса странно. У них такие пылкие души, столь богатые любовью, столь жадные к возвышенным наслаждениям и к истине, столь способные понимать все прекрасное и великое в жизни. Я также, по моему, обладаю не холодным сердцем, я не считаю себя неспособным понимать и любить и однако, несмотря на наружно очень сильную и очень интимную дружбу, я отделен от них непроходимою пропастью больше, чем когда-либо. Повторяю, я чувствую себя стесненным, я становлюсь глуп подле них, моя душа становится ледяною, невозможно извлечь из нее хотя бы один правдивый и гармоничный звук, так что моментами я начинаю думать, что именно я неспособен их понять и подняться до них, что мой жар, являясь лишь искусственным, исчезает при истинном пламени, горящем в их душах. И тогда я возвращаюсь в свою комнату. Оставшись наедине со своими книгами, я снова прихожу в себя, я думаю о вас, о вашей любви ко мне и снова считаю себя живым, способным к бесконечной любви, способным на все.

Вот три дня, как мы здесь (сегодня четверг; несмотря на

* Дальше в оригинале по-немецки.
** Дальше в оригинале снова по-французски.

все мое желание, я не мог послать человека в Торжок раньше завтрашнего дня), и я не перестаю себя анализировать. Вы понимаете, насколько подобное занятие для меня тягостно, а ведь при вас оно мне не нужно было. Так вот я старался открыть, не существует ли еще какой-нибудь тайной и глубоко скрытой причины во мне самом, препятствующей мне наслаждаться близостью сестер, которых я однако люблю. Я старался выяснить, не играет ли здесь роль остаток эгоизма, ревности или какого-либо другого дурного чувства. Так нет же. Я нашел свою душу столь чистою от всей этой грязи, столь пламенеющею истинною любовью, что не мог обвинять себя. Может быть, это — рок, но это весьма странная штука. То, что мы называем иногда роком, всегда имеет скрытую и неизвестную причину. Почему я не испытываю этого чувства стеснения в присутствии своих родителей, которым я однако так мало симпатизирую? Напротив, при них я могу сохранять всю свою гармонию. Мы живем в столь различных мирах, что они не могут меня стеснять. Но с моими сестрами дело обстоит иначе. Я так горячо их люблю, я хотел бы быть для них чем-нибудь; мысль о том, чтобы быть действительно их ангелом-хранителем, как они некогда меня называли, ангелом-хранителем, оберегающим их от всякого злого духа, освобождающим их от последних цепей рабства, еще тяготеющих над ними, и ведущим их к блаженству, — эта мысль была столь священною, столь чистою, столь возвышенною, она делала меня столь счастливым. А теперь я прекрасно вижу, что и эта идея не осуществима, что и это счастье не для меня. Правда, я с этим примирился, но тем не менее это меня опечалило и до сих пор еще глубоко меня печалит. Однако я не могу примириться с тем, чтобы ничего не делать для них. Я буду тем, чем смогу и чем они позволят мне быть, я дам им все, в чем они будут нуждаться,— боже мой, разве сокровища моей общей жизни не принадлежат людям, которых я люблю? — я постараюсь окружить их гармониею, окружить их людьми, которые дадут им все то, чего я не мог им дать.

Но во мне говорят еще сомнения, как я смогу это сделать для них. Я настолько еще не привык отделять обиход своей общей жизни от своей индивидуальной жизни, вся моя общая жизнь настолько еще тесно связана с моим личным существованием, что я не могу отдавать одного, не отдавая другого. Да и как же я мог бы это сделать, если я утратил привычку го-

ворить с ними, делать себя понятным для них, если я позабыл язык, прямо доходивший до их сердца? О, знаете ли, друзья, я стал для них совершенно чужим *. Между нами уже не осталось и тени прошлого, существовавшего прежде внутреннего взаимопроникновения. Когда я разговариваю с одною из моих сестер, то я уже не беседую со вторым я, родным и составляющим со мною одно, нет, я говорю с совершенно чужою женщиною, имеющею собственную, мне совершенно чуждую и неизвестную жизнь **. Эта нелепость доходит до того, что когда я с ними разговариваю, я сам слышу, что произношу фразы ***. Все слова, исходившие из моих уст, когда я с ними говорил, превращаются в бессмысленные звуки, когда я повторяю их сестрам ****. Я чувствую какую-то сухость *****, какое-то стеснение, когда принужден говорить с ними о чем-нибудь близком моему сердцу, как-будто бы я говорю в огромном, но пустом здании, где звуки раздаются, не встречая отклика. Но знаете ли, что если бы в прошедшем году было то же самое, я был бы этим... (Дальше идет неразборчивое слово).

Возвращаюсь к самоанализу. Иногда мне кажется, что все это происходит от расстроенного воображения, от внутренней пустоты, от нереальности моей жизни, старающейся пополнить себя фантазиями и интересными положениями. Как, говорю я себе, сестры твои — такие возвышенные и такие совершенные женщины, они тебя любят, ты должен этому верить, так как они это тебе заявляют, а они никогда не лгут. Чего же тебе еще нужно? Что означает эта неспособность наслаждаться реальным? Но что делать, если, несмотря на эту дружбу, я ее не чувствую, не чувствую ее наличия в моей душе? Но разве и это не является какою-то неосновательною и неосуществимою претензиею? Нет, решительно нет. Я не прошу у них ничего особенного. Вспомните, как однажды я вам сказал, что дружба моих сестер ко мне была истинною, но не имела никакой реальности. А, как вы знаете, то, что нереально, является жалкою истиною. То, что теперь меня угнетает, это — мое несколько ложное положение по отношению к ним. Они видят, что я как-то сосредоточен в себе самом,

* Дальше в оригинале по-немецки.
** Дальше в оригинале снова по-французски.
*** Дальше в оригинале снова по-немецки.
**** Дальше в оригинале снова по-французски.
***** Здесь в оригинале неразборчивое слово, которое можно прочитать и как aridité (сухость) и как vide (пустота).

что я большую часть времени работаю в своей комнате, и каждый раз, когда я остаюсь в своей комнате слишком долго, они считают себя обязанными усугублять нежность обращения со мною. Иногда мне приходит в голову мысль, что я до крайности нелеп, так как, будучи истинно и полностью убежден в их дружбе ко мне, я все-таки ею недоволен. Чего же мне нужно? Любви ли? О, ничего подобного, мои дорогие друзья. Дружба, как я ее понимаю и как вы хорошо это знаете, есть нечто совершенно другое. У нее совершенно другая сфера, другой мир существования. Но не есть ли это экзальтация? Возможно ли осуществить в действительности мою мечту об общине божией? Но что же делать, если я не могу жить, не могу чувствовать себя самим собою в другом мире кроме этого? И разве мы не жили в нем вместе, разве мы не шествовали в нем быстро, разве мы не составляли в нем единое человеческое существо, которое все более и более освобождалось от всей грязи пошлого рассудка, здравого смысла, для того чтобы жить в эфире божественного разума? *. Да, милые мои, печальные явления, так часто нас окружающие, не должны приводить нас в отчаяние. Царство божие существует, и имеющий очи да видит, а имеющий уши да слышит: оно существует для того, кто отрекся от своей индивидуальности и чья воля совпадает с волею божией; оно существует для тех, кто связал себя теснейшими узами во имя божие. Это царствие есть истинная жизнь, а жизнь есть блаженство. Разве мы этого не чувствовали? Разве мы не провели вместе много блаженных часов? **.

Я уже заполнил три с половиной страницы рассуждениями о себе самом и о моих интересах. Я не говорю вам ни о чем другом, так как знаю, что эта тема интересует вас больше всего. А теперь буду говорить о других вещах. Поль и Лангер *** превзошли здесь сами себя, особенно Лангер. Слушать их доставляет моим сестрам величайшее удовольствие. Бедняжки, они так глубоко чувствуют музыку и почти никогда не слыхали хорошей. Соната Лангера, Мендельсона ****, большая соната Бетховена перенесли их в рай. Варинька на время позабыла обо всем. Она сказала мне, что моменты, подобные тем, которые доставила ей эта музыка, дают ей запас счастья и сил на всю

* Дальше в оригинале по-немецки.
** Дальше в оригинале снова по-французски.
*** Московские музыканты, привезенные Бакуниным в Прямухино.
**** Мендельсон-Бартольди, Феликс — немецкий музыкант.

жизнь. Да, правда, что такие моменты на время открывают людям все небо, но когда по прошествии этих минут человек не находится в истинной религии (а что бы ни говорили мои сестры, у них истинной религии еще нет), тогда длительный период несчастья дает себя чувствовать с еще большею силою.

Николай * вчера приехал сюда. Вы не можете себе представить, какое впечатление его приезд произвел на меня. Он вошел шумно, с самым скотским выражением лица, начал подставлять щеку всему почтенному обществу (дело было во время обеда), а затем взял Вариньку за руку и увел ее. И бедная Варинька пошла за ним с таким ангельским и покорным выражением лица! Да, я освобожу ее. Вы знаете, дорогие друзья, насколько эта мысль занимала меня в течение всего последнего времени, какое я с вами проводил. Вы видели, что я решился употребить последнее время, какое мне остается еще провести в России, на полное освобождение Вариньки, на возвращение ей того счастья, которого она так достойна и к которому она так способна. А нужно стоять намного выше нашего дольнего и низменного мира, чтобы быть способным к истинному и вечному счастью. Ах, мои дорогие друзья, если бы я мог только дать ей сотую часть вашей веры и вашей любви ко мне, тогда бы я очень скоро спас ее. Вы не знаете, насколько ваша непоколебимая вера в меня придала мне силы, для того чтобы вести вас к истинной пристани. Она сделала меня почти всемогущим. Но мне гораздо труднее сделать что-либо для нее. Она питает ко мне очень дружеское чувство, но нужно же сказать это раз навсегда: дружбы между нами не существует. С нею у меня нет той мощи, которою я обладал прежде. Я не могу действовать внутренне, все мои действия только внешние, а придется преодолевать много трудностей. Однако вы знаете, что я никогда не отступаю. И теперь я тоже не отступлю и так или иначе добьюсь своей цели.

В настоящее время, дорогие друзья, моя внешняя цель сводится к устройству судьбы моего семейства. Я так хотел бы видеть их всех счастливыми. Таничка (Наталия, удвойте внимание), что бы она ни говорила, не сможет найти всего счастья, которого она достойна, на избранном ею пути самоотречения. Я знаю, что она любит Вариньку превыше всего, но, дорогие друзья, я знаю также, что ей нужно и другое. Ей нужно то осу-

* Н. Дьяков, муж Варвары Бакуниной.

ществление любви, которое она так хорошо понимает. А кто же из всех ваших знакомых был бы достоин и способен доставить ей это счастье? Ни [В. Г.] Белинский, ни [И. П.] Клюшников *, ни даже [Н. В.] Станкевич. Знаете ли, я думаю, что если бы она встретилась с [В. П.] Боткиным, они полюбили бы друг друга. Признаюсь вам, что когда я хотел привезти его в Прямухино, то имел в виду именно это намерение (не смейтесь же, Наталия, и не делайте ручкой, друг мой Сашенька) **. Но это — глупости, так как человеку не надлежит брать на себя роль провидения, вы очень хорошо знаете это, мои друзья. Все, что я могу делать, так это — несколько помогать провидению, но я никогда ничего не решу и не ускорю по собственной воле. Что касается моей сестры Александры, то я повторю вам то, что сказал в Москве, а именно, что из всех сестер она любит меня сильнее всего и что она больше всех остальных нуждается в действительной дружбе. Я думаю, что раньше или позже мы с нею столкуемся. У нее такая пылкая, любящая душа. Я припоминаю, что одно время вы ставили ее ниже других. Я, хотя и не в такой степени, разделял одно время ту же мысль. Но с тех пор я изменил свое мнение и теперь я лучше ее узнал. В душе ее — целая сокровищница любви, и я постараюсь с ней сблизиться. Сделаю еще один опыт.

Вы не можете себе представить, как много пользы мои сестры принесли братьям. Правда, я нашел в них больше просвещения, чем просветления ***. Они рассуждают обо всем вкривь и вкось, а вы знаете, как я не люблю анархии ума у людей, воображающих, что их личность может все разрешить. Но они еще так юны и в них так много любви к добру, а по временам столько гармонии в душе, что от них можно ждать много хорошего. Мне остается прожить в России еще года полтора или самое большее два. Кроме моей личной жизни, которая всегда будет для вас открыта, дорогие и истинные друзья мои, мне приходится устроить свое семейство, поставить на ноги своих братьев, ибо они являются естественными покровителями моих сестер и будут для них необходимы в случае, когда меня не будет здесь. Затем я уеду за границу, и, быть может, для того, чтобы никогда не вернуться обратно [1]. У меня много планов насчет моей нынешней

* Слово «Клюшников» в оригинале по-русски. Речь идет об Иване Петровиче Клюшникове.

** Слова «и не делайте ручкой, друг мой Сашенька» в оригинале по-русски.

*** Последние три слова в оригинале по-немецки.

работы, но я надеюсь побывать в Шашкине, и тогда я вам о них расскажу.

Теперь поговорим о вас, дорогие друзья. Это письмо застанет вас в Шашкине. Вы будете довольны мною, и это меня радует. Да, мне нужно ваше одобрение, мне нужны люди, действительно меня понимающие. Иногда так приятно, а подчас так необходимо полностью излить свою душу в душу другого человека, быть им совершенно понятым до малейших оттенков. Будьте же счастливы, друзья мои, если моя дружба может дать вам счастье; она очень истинна и горяча. Составьте между собою особый маленький мирок и живите в нем; я всегда буду среди вас. Вскоре я пришлю вам мой перевод «Беттины», который я уже начал, с введением о женщинах вообще и о женщинах в России в частности [2]. Будьте тверды и ласковы со своею матушкою. Не поддавайтесь унынию, кроме моментов дисгармонии; помните, что эти моменты необходимы для установления вполне абсолютной гармонии. Не теряйте никогда из виду солнца истины, и вы будете счастливы при всех обстоятельствах. Анна Константиновна [Ржевская] * отныне также будет необходимою составною частью вашей личной жизни, не правда ли? Пишите мне поскорее и Констан[тин]... **.

(Нижний край листка срезан и последняя строчка письма пропала.)

Прощайте.

Ваш друг
М. Бакунин.

Пятница, 25 июня 1837 года. Прямухино.

Перевод с французского.

№ 210. — Письмо сестрам Беер.

30 июня 1837 года.
Прямухино.

Дорогие, милые друзья!

Федор *** уехал, но так как зашалившая лошадь и ловкость моего брата Ильи заставили его вернуться обратно, то мы, т. е. я и мои сестры, узнали причину, вследствие которой он так торопился уехать. Он видел, что мои сестры совершенно счастливы нашим присутствием, и, как ему казалось, заметил, что они вре-

* Слова «Анна Константиновна» в оригинале по-русски.
** Беер.
*** Ржевский.

менами стараются его занимать: это его огорчило, и он решил убраться. Мы, основательно побранив его, заставили остаться до сегодняшнего вечера и отправляем его в Торжок с нашими лошадьми для того, чтобы он мог завтра вернуться в Прямухино.

Сегодня в первый раз за все время моего пребывания здесь мне удалось поговорить с ним серьезно. Это — чрезвычайно добрый, превосходный молодой человек. Поистине, мой друг Сашенька *, Вы должны быть счастливы тем, что Вам удалось обсеять поле, столь запущенное до Вас. Федор представляет почву жесткую и девственную, но не бесплодную. Напротив, в нем много элементов, он способен к истинному, человеческому благородству души. Я постараюсь еще больше сблизиться с ним. Его привязанность к Вам, дорогой друг, столь глубока, и при этом он говорит так мало, он так молча любит, он так прост, что его нельзя не любить и не уважать. Продолжайте же, дорогой друг, Вашу работу, направляйте его неустанно к истине. Вы одна можете делать это с успехом, так как нельзя ничего сделать для тех, кто вас не любит и вам не верит, и можно все сделать для тех, в ком есть любовь и вера.

Дорогие друзья, разве я не мог все сделать для вас, и мог ли бы я делать это, если бы не пользовался вашею неограниченною верою и любовью? О, сколько ни говорить о вере и любви, это никогда не будет лишним, ибо слова эти выражают бесконечные идеи, единственные идеи, способные руководить человеком, вырвать его из круга лжи и ввести его в круг истины. О, дорогие друзья, истина только в любви, одна любовь живет, все прочее имеет лишь плохую видимость жизни. Продолжайте меня любить, мои нежные друзья **, не бойтесь выражать свои чувства; все, что исходит из любящей души, — чисто и свято. Любовь есть божественное откровение, она составляет основу жизни Христа, любовь есть община святого духа, а эта община есть единственная действительно истинная жизнь. О да, мои дорогие, жизнь есть действительно блаженство, ибо жить значит любить, а где любовь, там нет места дисгармонии. Разве любовь не есть действительное освобождение от всякого рабства, разве она не есть действительное разрешение всех противоречий, мощное устранение всякой ограниченности, и разве тот, кто живет в любви, не является в полном смысле слова святым и свободным? Да, одна

* Слова «мой друг Сашенька» в оригинале по-русски.
** Отсюда в оригинале по-немецки.

любовь освобождает, она одна составляет действительное осуществление воли божией в человеке, она есть очеловечение бога, воплощение святого духа. Откажитесь совершенно от своей индивидуальности, от всех индивидуальных причуд, от всех собственных ограниченностей, от своей мелкой индивидуальной воли, предайтесь всецело могучей воле божией, — и тогда вы обретете свою истинную личность. О, мои милые, в истинной жизни не существует никаких страданий, никаких горестей. Истинная жизнь есть бесконечное, непрестанно растущее счастье. И как может быть несчастен тот, кто силою любви пробился к источнику жизни? Для него отныне нет смерти, нет никакой узости. Он повсюду видит бесконечность, вечную жизнь божества, и для него повсюду существует откровение. Милые, вы уже очень близки к этому блаженному состоянию, но иногда вы еще находитесь в дисгармонии *.

Дорогие друзья, вы должны освободиться от остатков лжи, тяготеющей над вами, а для этого требуется, чтобы вы всегда, искренно и не обманывая сами себя, старались сознать причину вашей дисгармонии. Сознать ложь, притаившуюся в глубине души, значит освободиться от ее зловредного влияния, значит стать ее господином. Но когда вы находитесь в гармонии, не ищите тогда дурной стороны вашего существа; наслаждайтесь бесконечным созерцанием того, что у вас перед глазами. Быть счастливым значит быть совершенным. Человек, который совершенно счастлив, является совершенно истинным. Преклонитесь, дорогие друзья, перед этою бесконечною мудростью бога, который связал совершенство человека с его счастьем.

Дорогие друзья, дайте мне ваши руки, позвольте мне пожать их сильно, очень сильно. О, если бы вы знали, как я счастлив вашею любовью, насколько уверенность в вашей любви и в вашей вере способствует прекрасной гармонии, которой я наслаждаюсь все эти дни. Да, я знаю, что вы меня любите, я знаю, что эта любовь есть не мелкая страсть, а что она благословлена богом и что она — в боге. Чем больше мы будем входить в царство божие, тем больше мы будем друг друга любить. О, как я счастлив, что могу читать в ваших сердцах. Да, я ощущаю в себе чувство святой гордости при мысли, что эти прекрасные и столь богатые любовью души, эти души, некогда столь страдавшие, от меня

* Дальше в оригинале по-французски.

получили истину и счастье, и что наша любовь и наша священная и вечная связь основаны на вашем освобождении и на вашем вечном блаженстве. Как я сгораю желанием с вами свидеться и поговорить. Не правда ли, вы теперь счастливы, дорогие друзья, вы не станете больше поддаваться гнету внешних обстоятельств? Создайте между собою тот особый мир, в котором вы так нуждаетесь. Не забывайте, что я являюсь и навсегда останусь его невидимым членом, благословляющим ваше счастье. Пусть же искусство, религия, а иногда и наука и в особенности природа, столь прекрасная, столь пророческая, столь бесконечная для тех, кто не ослеплен, откроют вам бесконечные источники блаженства.

Я и мои сестры постепенно начинаем понимать друг друга. Надеюсь, что дальше дело все больше пойдет на лад. Но наши отношения пока еще довольно далеки от тех, какие существуют между вами и мною. Их дружба далека еще от реальности вашей. Что касается моей дружбы, то она заключается в том, что я делаю все возможное для тех, кого люблю. Чем больше они дадут мне делать для себя, тем больше я буду их любить *.

Друг Константин, извини, что не пишу. Ты знаешь, что я тебя искренно люблю, и верно никогда в этом сомневаться не будешь. Будь тверд, охраняй со-вне сестер своих. Материя должна повиноваться духу,— вот общий необходимый закон внешней деятельности, и мы, как люди, как исполнители святой воли божией, должны приводить его в действительность **. Твои сестры должны быть свободны внутренне, но также и внешне. Они не должны зависеть от твоей матери и ее произвола. Всё должно быть введено в свои естественные границы, всё должно притти к сознанию своего места и своих прав. Только тогда может наступить внешняя гармония. И это необходимо для внутреннего спокойствия твоих сестер ***. Прощай друг, пиши о себе и об сестрах больше и как можно подробнее: все это меня так интересует ****.

А Вы, дорогая Анна Конст[антиновна] *****, Вы также позволите мне обратиться к Вам с несколькими словами. Серьезно, мне кажется, что мы друг друга также любим. Разве мы не были вместе в те божественные минуты, когда люди выходят из

---

* Дальше в оригинале по-русски.
** Дальше в оригинале по-немецки.
*** Дальше в оригинале по-русски.
**** Дальше до конца в оригинале по-французски.
***** Ржевская. — Слова «Анна Константиновна» по-русски в оригинале.

своего ограниченного круга, чтобы жить в бесконечности божьего творения? А те, кто раз таким образом встретился, не могут уже разойтись, не правда ли?

Дорогие друзья, любите друг друга все трое, пусть ваша любовь растет беспрестанно, как моя любовь к вам. Прощайте, до свидания. Оставляю моим сестрам повествовательную сторону нашего прямухинского житья-бытья.

Ваш друг
М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 211. — Письмо сестрам Беер.

2 июля 1837 года.
Прямухино.

Мои милые, восхитительные друзья! Всего два дня тому назад я отослал вам мое второе письмо и снова испытываю такую сильную потребность написать вам, что не могу удержаться от ее удовлетворения. Знаете ли вы, вы, столь сомневавшиеся в моей дружбе к вам, что она со дня на день, с минуты на минуту становится более живою, более сильною, более повелительною? Все, что у меня на душе, все возникающие в ней новые чувства, их малейшие оттенки — все это я испытываю потребность рассказать вам. И только с вами я говорю о себе самом с наслаждением и все растущим удовольствием. Последнее время, проведенное нами в Москве, освятило наши отношения; их благословил тот бог, господство которого мы так живо чувствуем в наших душах. Друзья, вы отдали мне ваши души целиком, и, верьте мне, я чувствую всю глубину счастья, каким наслаждаюсь. Сохраните мне только ту гармонию, которая царила до нашего расхождения, расширьте ее границы, и, верьте мне, ваше счастье, сфера вашего существования также расширятся до бесконечности.

Дорогие друзья, нет истинного несчастья. Несчастье истинно лишь относительно. Оно истинно лишь для того, кто не видит солнца сквозь тучи; оно — ложь, иллюзия для того, чей взор не ограничен. Одно счастье истинно. О, все — благо, все идет к лучшему. «Alle Creatur seufzt nach der Offenbarung Gottes» («всякая тварь алчет откровения божия»),— говорит Марбах [1], и это —

глубокая истина. Да, нет застоя, все движется *, все стремится, и это стремление — не слепое, не зависимое от случайности, нет, оно имеет основанием закон глубокий, бесконечный; все стремится к просветлению, и все будет просветлено. Друзья мои, нам нечего бояться, ничто не должно и не может привести нас в отчаянье. Все сущее и делающееся необходимо, и это [не] та необходимость, мертвая и бездушная, которой покоряются люди, убитые судьбой, люди, потерявшие искру божию и позабывшие свою святую отчизну,— нет, необходимость, пред [которою] я преклоняюсь, свята, она есть необходимость провидения бесконечно-благого, необходимость святой воли всевышнего. Все, что не в истине, должно чувствовать, что оно не в истине, должно мучиться, страдать, рваться к лучшему состоянию. Счастье — в одной только истине, и истина — только в действительном счастье. Да, тот блажен, кто — в истине, и он никогда и ни от чего не потеряет своего блаженства. Счастлив тот, кто, не быв в истине, страдает: он достигает истины, а вместе с нею ** и блаженства вечного, бесконечного блаженства.

Друзья мои, скиньте с себя всю конечную оболочку, войдите в истинный, чистый элемент жизни, проникнитесь живее это[ю] всеобъемлющею, абсолютною любовью и посмотрите, как жизнь бесконечна, как она бесконечно хороша, как она прекрасна. Все живет, все шевелится, все стремится, и если в этом стремленьи вы увидите еще тщетные усилия, неудачи, бесцельность, то скажите себе, что вы еще — несовсем в истине, что кругозор ваш еще ограничен, что вы переносите его конечность на бесконечную божию жизнь. Нет, нету ничего тщетного, всякое стремление будет удовлетворено, всякое порывание к истине будет вознаграждено ею. Но что я говорю «будет»! Нет, не будет, а есть; да, есть. Взойдите в самих себя и скажите теперь, в эту минуту, когда истина говорит вам через меня, когда она открывает вам свои глубокие тайны, разве вы не счастливы, разве вы не совершенно блаженны? Разве вы не чувствуете себя совершенно освобожденными от этой душной и ложной сферы конечного мира, разве вы не живете теперь в просветленном эфире всеобщей жизни? Итак посмотрите теперь на этот мир божий, посмотрите: везде играние жизни, везде стремление и удовлетворение. Углубитесь в него еще более, и вы увидите, что жизнь эта в самом деле бесконечна, и если

* Дальше в оригинале по-русски.
** В оригинале: «с ним».

минутные явления исчезают в глазах ваших, не беспокойтесь, не жалейте о них: что есть, то никогда не уничтожится; уничтожится одно только ложное, истина же непреходяща. Эти явления (в других формах, в других мирах) продолжают жизнь свою. Жизнь есть беспрестанное, повсеместное освобождение, освобождение от призрачности, от ограниченности и беспрерывное вхождение в сферу истины и свободы. Жизнь есть вечная победа истины над ложью, а истина есть свет, а свет этот — любовь бесконечная. Да, друзья мои, жизнь есть любовь, а любовь есть блаженство, жизнь есть блаженство. Тот не живет, кто не говорит и не может сказать этого. Да, каждая минута истинной жизни есть просветление. Итак, сожмемте крепче, крепче друг другу руки, составим эту общину св. духа, будем больше и больше соединяться и связываться, будем жить во имя его! Природа, искусство, религия, наука будут ступенями, по которым мы взойдем в этот чудный алтарь вечной истины; будем вместе молиться ей, преклоним пред нею колени свои и бросим к ногам ее все частное, все индивидуальное, всю грязь, которая еще тяготит нас и мешает нам совершенно соединиться с нею.

Но я вечно увлекусь своими рассуждениями и всегда позабываю повествовательную сторону нашей жизни. Я было предоставил ее сестрам, но они, как кажется, также несколько ею пренебрегают, и потому я, хотя и неискусный сказочник, постараюсь вам описать наше житье-бытье в Прямухине. Вот уже полторы недели, как мы в Прямухине, и не видим, как проходит время, как обыкновенно водится, когда живешь вместе с людьми, которых горячо любишь. Сестры говорят мне, что всякий раз, как я приеду, они получают новую, усиленную жизнь. На этот раз я не принимаю этого единственно только на свой счет: этому очень много способствует чудная музыка, которую мы слушаем очень часто, и знакомство с Полем и Лангером, а особливо с Лангером. Они от него в восторге. И в самом деле, чем больше знаешь его, тем больше любишь его; в нем такая чудная, глубокая душа и вместе столько простоты. Да, истинная глубина необходимо проста. В нем что-то такое бесконечно доброе, и это доброе вместе такое умное; у него ум такой проницательный, такой любознательный. Но вот я теперь увлекся Лангером, а это противно законам описательного жанра, в котором увлеченья и заезды в сторону позволительны, но не слишком долгие. Справедливость однако требует, чтобы, поговорив о Лангере, я вам сказал несколь-

ко слов и о Поле. Он, хотя и далек от Лангера (потому что Лангер — редкое явление), гораздо лучше однако, чем я с начала моего знакомства с ним воображал себе. Уже в последнем музыкальном вечере у [В. П.] Боткина я был удивлен его сильною, вдохновенною игрою, теперь же заметил, что в нем даже нет этой чопорности, в которой я его несколько подозревал. Напротив, он — предобродушный и вместе очень умный человек; так горячо любит свое искусство и так хорошо понимает его.

Ну, о людях довольно, теперь о нашем препровождении времени. У нас царствует совершенная гармония; поутру встаем кто рано, кто поздно, и всякий у себя сидит дома и работает; впрочем сестры, которым никогда не сидится дома (пика), гуляют в саду. Собираются обыкновенно к чаю, тут болтают, делают предположения на целый день, которые однако не всегда исполняются, по премудрой пословице: «человек предполагает, а бог располагает» (приметьте, какая необыкновенная легкость слога и какое остроумие). До обеда опять у себя, а после обеда... Впрочем я пишу про себя, а другие живут иначе. Пора посылать письмо.

Прощайте, мои милые друзья. До свиданья *.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 212. — Письмо сестрам Беер.

8 июля 1837 года.
Прямухино.

Дорогие друзья, вот уже вторая или даже третья неделя моего пребывания в Прямухине. Лангер и Поль уезжают сегодня в Москву, а я остаюсь на несколько времени, может быть на неделю, может быть на две, а может быть и на месяц. Но больше месяца я здесь не останусь. Это будет зависеть от разных обстоятельств, а главным образом от моей собственной драгоценнейшей воли, которую мне удалось склонить перед абсолютом, но которая не хочет склониться и никогда не склонится перед каким-либо другим соображением. Моя первая забота сводится к тому, чтобы быть во всех отношениях совершенно свободным. Это для меня необходимо, чтобы быть на что-либо годным, ибо, как только я

* Эта фраза и подпись по-французски в оригинале.

чувствую себя хоть несколько связанным и как только я бываю связанным, прощай, божественное спокойствие, и здравствуйте, бури и перевороты! Не бойтесь однако, чтобы кто-либо покушался на мою свободу и пытался лишить меня абсолютного спокойствия, которым я пользуюсь. Я устроил все как следует, и никто не дерзнет и не посмеет на меня покуситься.

Знаете ли вы, что ваше молчание начинает меня беспокоить? Как вам известно, я умею смиряться и по отношению к людям, которые мне дороги, замыкаться в себе самом. Но вы испытываете мое смирение до крайности. Что же действительно у вас там происходит, дорогие друзья? Быть может, вам запрещают мне писать, а вы имеете слабость этому требованию подчиняться? Но вы этого не сделаете. Вы хорошо поняли характер отношений, которые вы должны установить к своей матери, вы хорошо почувствовали, насколько необходимо для вашего достоинства, для действительности вашего существования сохранить за собою полную свободу,— не одну только внутреннюю свободу души, как вы старались когда-то мне доказать, нет, а свободу внешних поступков, которая является единственною действительною свободою, которая составляет необходимое условие личной жизни. Да, дорогие друзья, верьте мне, эта личная, полная, неограниченная свобода, сообразная с царством божиим, которое должно быть вашим уделом, составляет единственную действительность человека. Без нее человек не может быть действительным, не может выполнить своего предназначения. Подчиняя ее внешним обязанностям, этому жалкому продукту здравого смысла и неверия, вы лишились бы звания человека, вы потеряли бы право и возможность жить в ц а р с т в е б о ж и е м. А затем, дорогие друзья, запрещать вам поддерживать со мною отношения значит запрещать вам дышать воздухом. Эта фраза может показаться выражением большого самолюбия тем, которые не знают ни вас, ни меня. Не знаю, не покажется ли она таковою также некоторым из моих сестер. Но вы, дорогие друзья, вы не скажете, что эти слова подсказаны самолюбием. Вы скажете, вы чувствуете, что это — правда. Вы довольно близко подошли к истине во время вашего последнего пребывания в Москве; но вы еще, думаю, способны иногда снова впадать в апатию, из которой я вас извлек. Вы нуждаетесь во мне для своей поддержки *.

Да, я чувствую, что моя постоянная, действительная дружба

* Дальше в оригинале по-немецки.

для вас необходима и навсегда останется необходимою. Я чувствую это, и это делает меня счастливым. Да, мои милые, вы не можете себе представить, как часто я о вас думаю и как я счастлив при мысли, что наша дружба стала живою, что она становится все более широкою и все более горячею. Нет, мы не вправе пожертвовать этими священными узами: они представляют высшую ступень нашей внешней действительности. Все остальное должно перед нею отступить, ибо она представляет предчувствие священного царства, которое будет основано между нами. Это — наша действительность, а действительность никогда не может склониться перед призрачностью. Милые мои, нас соединила странная судьба. Наш союз был заключен на развалинах, на совершенном разрушении законов мира сего. Его начало было началом нашей истинной жизни, началом нашей святой религии. В нем совершилось наше становление, в нем все противоречия, все несогласия разрешились в полную божественную гармонию. Его развитие, его стремление к истине шло вместе с нашим собственным развитием. А с началом нашей истинной жизни началась также ее действительность. Все сомнения и все проявления отчаяния теперь уже не могут вернуться, они разрешены навеки. Истинная же, нетленная гармония всегда будет существовать для нас *.

Не знаю, когда я поеду в Шашкино, но я наверное там побываю. Думаю, что это случится в середине августа. Что касается моей судьбы, все еще так неопределенно, что я поистине сам не знаю, что со мною будет. Главное то, что я буду делать только то, что мне заблагорассудится. Вы можете быть поэтому уверены, что все пойдет к лучшему.

Я хотел написать вашей матушке, но чувствую какую-то усталость, которая должна была отчасти сказаться в моем письме. Пишите мне поскорее. Я, как видите, не ленюсь. Прощайте, дорогие друзья, крепко жму ваши руки. Прошу поклониться от меня Анне Конст[антиновне] **.

Константина *** целую в переносицу ****.

М. Бакунин.

---

* Дальше в оригинале снова по-французски.
** Ржевской.
*** Беера.
**** Слова от «Анне Константиновне» до «переносицу» по-русски в оригинале.

№ 213. — Письмо сестрам Беер.

11 июля 1837 года.
Прямухино *.

Дорогие, добрые друзья! Сейчас получил ваши письма. Они меня вполне успокоили, хотя я заметил в них возобновление какого-то беспокойного состояния, которое еще мешает вам видеть жизнь во всей ее полноте, во всей ее абсолютной гармонии. Но это меня не пугает. Положительное и полное возвращение старой апатии невозможно. В вас осталась еще только маленькая холерина после ужасной холеры, столь долго опустошавшей ваши души. Итак, вас снова перевели на верхний этаж — с радостью, разумеется. Это много обещает на будущее. Вы обязаны, дорогие друзья, поддерживать эту внешнюю гармонию, поддерживать ее почтительною твердостью, всегда однако основанною на чувстве собственного достоинства, на чувстве вашего превосходства над вашею матушкою. Ваша продолжительная разлука не могла остаться без хороших последствий. Она должна была произвести полный переворот в мыслях вашей матушки насчет ваших отношений к ней и насчет прав, которые большинство матерей приписывают себе над своими детьми. Поэтому вы должны теперь урегулировать свои отношения к ней по законам разума, обосновать их на признании ваших прав и вашей свободы, чтобы впредь больше об этом не думать. Я вполне полагаюсь на Константина, который сумеет удержать вас от некоторых ложных шагов, от некоторых уступок, которые позже могли бы втянуть вас в прежнюю дисгармонию и в прежние конфликты.

Дорогие друзья, вы должны быть тверды, вы должны наконец освободиться от всей внешней суеты для того, чтобы перенести все ваше внимание, все ваши силы, все ваше существование в другую сферу вашей жизни, а она-то и есть истинная ее сторона. Дорогие друзья, вы уже теперь более счастливы и, верьте мне, вы будете еще более счастливы, и ваше счастье всегда будет прогрессивно расти. В этой именно сфере мы являемся друзьями, родными, мы составляем одно существо для вечности. Да, доро-

* Дата по-русски в оригинале.

гие друзья, чем больше я овладеваю этою истинною жизнью, чем больше я освобождаюсь от всего, что еще осталось во мне старого и тёмного, тем сильнее я чувствую, что я вас люблю, и тем сильнее я чувствую все счастье, которое вы доставляете мне своею дружбою. У меня не было такой минуты гармонии и счастья, которую ваше присутствие, сознание вашей горячей любви ко мне не сделали бы еще более великою, более полною. Воспоминания о вас сопровождают все порывы моего духа в бесконечную сферу движения и любви.

Что вы толкуете мне о невозможности любить двух сразу? Я вам уже говорил, что больше не чувствую себя способным гоняться за второю половиною своей души; я чувствую свою душу полною, целостною, и именно в полноте моей души я вас люблю обеих в виде одного существа, любовью пылкою и живою. Моя любовь к вам основана на том религиозном чувстве, которое все больше и больше мною овладевает. Оно основано на моем поклонении богу, оно основано на истине и реальности моей жизни. Дорогие друзья, ради бога поймите себя поскорее, отбросьте обе всё, что вас разделяет, всё, что мешает вам столковаться для скорейшего образования того союза, которого я так желаю. Покончим же поскорее со всеми этими мелочами, со всеми этими душевными немощами. Будем действительно жить в истинной жизни.

Не беспокойтесь слишком о деньгах и пришлите их мне, когда будете в состоянии. Правда, я сам еще хорошенько не знаю, как кончатся все мои внешние обстоятельства, но я знаю, что все должно пойти хорошо, так как я этого хочу. У меня широкие планы, которыми я с вами поделюсь в Шашкине в августе.

Теперь прощайте. Перевод Бетины подвигается хорошо. Часть его взяла Варинька, часть — Танюша [1]. Прощайте, крепко жму ваши руки. Скоро я вам напишу. Это письмо — пятое, которое я посылаю вам из Прямухина.

Ваш друг

М. Бакунин.

Поклонитесь от меня Анне Константиновне *.

---

* Слова «Анне Константиновне» [Ржевской] по-русски в оригинале.

№ 214. — Письмо сестрам Беер.

13 июля 1837 года.
Прямухино *.

5 часов утра.

Вчера мы получили ваши письма, дорогие, милые друзья. Они доставили мне много счастья, много удовольствия. Итак вы находитесь в состоянии гармонии и можете наконец почерпать в своей внутренней гармонии силы для поддержания внешнего порядка. Мы также все до одного наслаждаемся совершенною гармониею. Внешние обстоятельства довольно печальны. Предстоит еще преодолеть много трудностей, разбить много сердец, но я чувствую в своей душе божественную силу, и ничто не в состоянии отнять у меня спокойствия истины и сознания ее всемогущества. Да, Константин прав: все воли должны склониться перед тою, которая является перед ними истолковательницею бога. Материя должна подчиниться интеллекту.

Чтобы в нескольких словах описать вам мое положение, я скажу вам, что до сих пор я еще не получил письма от [Н. В.] Станкевича [1]; дальше идут дела Вариньки, средства к ее внешнему освобождению (внутренне она уже освобождена) **, а затем мои собственные дела: Шмидт ***, которого я должен представить графу **** для печатания, но не в состоянии это сделать, так как я не могу оставить Прямухина, да кроме того для меня невозможно поехать в Москву, потому что у меня нет ни гроша. Вот темная сторона моих внешних обстоятельств. Что касается светлой стороны, то скажу вам, что я все больше и больше схожусь с моими сестрами. Но главное заключается в том, что мною овладела полная, целостная, бесконечная гармония. Я чувствую себя столь спокойным, столь сильным внутренне, я так хорошо вижу все окружающее и так верно его понимаю, что мне не приходится бояться чего бы то ни было. Я чувствую в себе глубокое убеждение, которое делает несомненным осуществление всех моих планов, всех моих мероприятий. Все должно пойти к луч-

---

* Дата по-русски в оригинале.

** Слова в скобках по-немецки в оригинале.

*** Не упоминайте об этом ни слова в ваших письмах, так как мои сестры не знают и не должны ничего об этом знать. [В. П.] Боткин явится к Строганову под предлогом моей болезни [2]. *(Примечание М. А. Бакунина).*

**** Графу Строганову, попечителю Московского учебного округа.

шему, а лучшее заключается в том, чего я хочу; значит то, чего я хочу, должно непременно осуществиться.

4 часа утра, 16 июля.

Дорогие друзья, вот я снова с вами. Последние два дня несколько меня утомили. Сестры Танюша, Саша и Любаша написали вам, в чем дело. Вспомните, моя милая Наталия, свои сомнения относительно силы воли Вариньки или, точнее, Вашей веры в слишком большую силу ее воли, только плохо понятую. Вы сомневались в том, чтобы я мог оказать на нее какое-либо влияние. Однако мне это удалось, и я этим не хвалюсь. Восхвалять нужно только истину, всемогущую истину, которой ничто не в силах противостоять. Рано или поздно всё склонится перед нею, все признают ее как абсолютную любовь, как бесконечное блаженство, как единственный долг, освященный и предуказанный богом. Ах, мои друзья, разве не счастливы мы, мы, уже познавшие ее, мы, склонившие перед нею всё, что в нас есть личного?

Папенька и Александра * уезжают сейчас и просят, чтобы я отдал им это письмо. Через несколько дней я снова вам напишу. Прощайте, дорогие друзья, да пребудет с вами милость божия. Крепко жму ваши руки. Скоро мы увидимся. Устройте, елико возможно, мой приезд к вам, ибо что касается меня, то я непременно приеду и не стану обращать внимания на холодность, с которою меня, быть может, встретят. Я уже к этому привык.

Целую Константина **, которому напишу и много расскажу в ближайшем письме. Поклонитесь от меня Аннете ***.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 215. — Письмо Александре, Наталье и Константину Беер.

19 июля 1837 года.
Прямухино.

Много времени прошло с тех пор, мои дорогие друзья, как я написал вам первое письмо: это, я думаю, уже седьмое или

* Сестра Бакунина.
** Беер.
*** Ржевской.

восьмое, и до сих пор я от вас не получаю ответа ни на одно из них. Последнее письмо, которое мы получили от вас, было полно жалоб на недостаток нашей искренности и дружбы к вам. Не понимаю, что могло случиться с теми письмами, затерялись ли они или же не были отправлены. Но это прямо невозможно: Почтмейстер не позволит себе таких проделок, способных навлечь на него большие неприятности.

Итак, дорогие, милые друзья, я думаю, что вы теперь получили все эти письма, и пишу вам еще одно. Что сказать вам на сей раз? Внутренне мы все спокойны, внешне всё также утихомирилось. Александр Станкевич пишет мне, что его брат * пошлет мне наконец письмо своего отца с ближайшею почтою; но от Николая никаких новостей нет: он хранит полное молчание. Ни слова ни мне, ни Любаше, а бедная девочка все еще верит и надеется. По временам она бывает очень печальна, мы стараемся рассеять ее горе, и иногда нам это удается.Варинька уехала на неделю в Ивановское ** с мужем. Я очень этим доволен. Несмотря на то, что мне удалось убедить ее в том, что составляло ее истинный долг, она временами колебалась. Надежда в таком случае есть вещь хорошая; она даст ей в созерцании то, что я дал ей в идее, а такое созерцание всегда сильно действует на женщину. Мы задумали на эту осень большие дела. Бог весть, удадутся ли они, и сумеем ли мы добиться решительных результатов ранее весны. Александра уехала в Тверь с папенькою, который останется там пожалуй больше двух недель по своим делам. Бедная сестрица оставила нас, когда хорошая погода начала оставлять Прямухино, чтобы уехать в Тверь, а разлука на такой долгий срок довольно печальна. Но что поделаешь, это — одно из тех обстоятельств, когда внутренняя жизнь должна заполнить пустоту, образованную внешнею жизнью. Когда тверское общество слишком ей наскучит, она найдет убежище в нашем особом мире, который мы создали и над которым трудились давно, но который осуществился только в самое последнее время.

Танюша, Любаша, маменька, мои братья, маленькая Варинька *** (по-прежнему такая же наглая и противная, как всегда), некая Елизавета Павловна Безобра[зо]ва **** (существо крайне

---

* Н. В. Станкевич.
** По-русски в оригинале.
*** Варинька Имбер, воспитанница Бакуниных.
**** Эти слова по-русски в оригинале.

нелепое, вышедшее из московского института и лишенное не только всякого эстетического чувства, но и вообще всяких женских черт), маленький Александр * и я — вот все наше общество. Танюша, я и братья составляем отдельное общество, которое иногда собирается для чтения Марбаха и каждый вечер совершает прогулки. Вот и вся наша внешняя жизнь в данный момент. Что же касается внутренней жизни, дорогие друзья, то она остается все тою же и с каждым днем становится все более широкою. Я попрежнему сохраняю спокойствие и не могу его утерять, так как оно основано на любви и на вере, которая неразрушима. Я вошел в истинный элемент жизни, я завоевал его путем многих внутренних и внешних переворотов и овладел им наконец навеки. В этом-то элементе, дорогие друзья, вы и мои сестры должны жить, в нем только мы можем почувствовать и понять, насколько велика, крепка и свята объединяющая нас любовь; в нем только можем мы освободиться от сомнений в ее вечной продолжительности.

Дорогие друзья, бог знает, какие внешние обстоятельства могут стать между нами, бог знает, где наша деятельность будет необходима. Но ни расстояние, ни время никогда не в силах будут нас разлучить, разрушить этот прекрасный, столь истинный и столь реальный мир, в котором мы все живем, в котором мы так хорошо и так полно друг друга познаем и понимаем.

А пока прощайте, мои дорогие друзья. Я буду писать вам часто и много.

Ваш друг
М. Бакунин.

Поклонитесь от меня Анне Константиновне **.

(Дальше идет приписка Татьяны Бакуниной, после которой идет следующее письмо М. А. Бакунина Константину Бееру по-русски:)

Любезный друг Костя!

Благодарю тебя за письмо твое. Все подробности об вашей шашкинской жизни очень меня обрадовали. Внешняя гармония, до сих пор между вами всеми царствующая, свидетельствует

* Сын Н. Дьякова и В. А. Бакуниной.
** Ржевской.

о внутренней. Я убежден в том, что эта внутреняя гармония должна будет удержаться; она происходит от уничтожения призрачности. Призрак, один раз сознанный за призрак, навсегда уничтожен и возвратиться не может; гармония может быть разрушена только новым призраком. Но сестры твои, кажется, прошли через всю сферу призраков и сознали ложность этой сферы — гармония в них должна теперь установиться. Гармония эта — истина, а кто раз видел в глаза истину, тот никогда не потеряет ее. Пребывание в истине есть блаженство вечное, неограниченное.

Да, Костя, все в жизни есть благо, жизнь есть блаженство, любовь, в ней нет зла, она одна всегда себе верна; зло существует только для конечного глаза, для глаза, не видящего единства и живущего в распаденьи. Истина и благо, и блаженство — только в единстве, только в единой жизни, в единстве духа; в жизни нет распаденья; распаденье только в созерцании конечного человека, а человек не всегда был конечным. Было время или, лучше сказать, тогда не было времени, когда он жил в непосредственном созерцании этого единства; тогда он не различал себя от бога, потому что различие есть категория рассудка, а в первобытном его созерцании не было места для рассудка. Непосредственность эта должна была уничтожиться, человек должен сознавать свое неразрывное единство с богом, а для этого он должен был притти к чувству своей самостоятельности, он должен был сказать *я*, а, сказав это, он различил себя от бога, он потерял созерцание своего с ним абсолютного единства, он перенес себя в сферу рассудка и пал. Но зато он сознал свою свободу, потому что в первобытном состоянии он был менее чем раб, он не был д л я с е б я, а следовательно был ничто. Правда, что свобода, им приобретенная, была негативная, пустая свобода — простая форма, ничем не пополненная; но он должен был сознать эту форму, для того чтоб наполнить ее потом истинным содержанием. Содержание это есть бог и ничего кроме бога; чем более он сознавал бога, тем полнее, тем положительнее была его свобода. Абсолютное сознание абсолюта есть совершенная, конкретная, абсолютная свобода, возвращение конечного, падшего духа к бесконечному созерцанию, к созерцанию бесконечного, но к созерцанию уже не непосредственному, нет, в этом новом созерцании непосредственность примирена с посредством, и все суще-

ство человека обрело себя в боге свободным, самостоятельным и вместе бесконечно блаженным, абсолютно истинным. Пути, по которым конечный человек возвращается к потерянному единству,—искусство, религия и наконец философия. Философия есть последняя и самая трудная степень для конечного человека, она есть интерес и потребность нашего времени; в ней лежит вся судьба будущего, она оснует то царство святого духа, ту общину божию, которая есть результат философии Гегеля.

Итак работай, друг, освобождайся и ты от этих призраков, от этих туманов, мешающих тебе видеть истину в настоящем ее свете, в ее полном, гармоническом единстве; выходи скорее из состоянии Schönseeligkeit *.

Я получил недавно письмо от [В. Г.] Белинского [1]. Он всем кланяется; говорит, что здоровье его поправляется, но душа его, судя по письму, еще очень больна; он все еще борется или, лучше сказать, барахтается с каким-то злом, с какими-то призрачными врагами; кажется, что он еще находится на знаменитой степени: qu'est-ce l'amour, qu'est-ce l'amitié? ** Авось, и он встанет.

Брат твой Алексей был недавно в Попове; мы вчера ходили туда с Танюшей, думая, что он нас встретит; но сегодня узнали, что он дня два или три тому назад из Попова выехал. Жаль, встреча была бы очень интересная.

В августе, в середине или в конце, непременно у вас буду, устрой так, чтоб мне сделали приличное угощенье ***.

Если бы твоя мать могла прислать мне денег, это было бы очень кстати. Через два дня я должен послать Клюшникову **** 450 р. асс[игнациями], а у меня нет ни гроша. Кроме того мне нужно иметь еще несколько сот рублей на другое дело.

Прощайте, мои милые друзья, пишите мне почаще и не пропускайте ни одного относящегося к вам обстоятельства: я хочу все знать *****.

Друг мой Сашенька ****** кутит! Если б мне не предстояло написать четыре деловых, очень нужных письма, я с нею побра-

---

* Прекраснодушия.

** Что такое любовь, что такое дружба?

*** Дальше в оригинале по-французски.

**** Слово «Клюшникову» в оригинале по-русски.

***** Отсюда до конца по-русски в оригинале.

****** Александра Беер.

нился бы, но это до будущего раза. Я вам докажу, милый друг Сашенька, что я еще славно бранюсь, — спросите у сестриц...

Ваш М. Бакунин.

(На полях письма приписка Татьяны Бакуниной.)

Перевод с французского.

№ 216. — Письмо Александре Беер.

20—21 июля 1837 года.
[Прямухино.]

(Сначала идет письмо Татьяны, а затем письмо Мишеля.)

Мы получили твое письмо, милый друг. Да, твое положение крайне тяжелое. Но верь мне, милый друг, нет такого положения, которое могло бы устоять против преобразующей силы истины. Я говорю «преобразующей», потому что мы должны все себя пересоздать для того, чтобы вступить в тот новый мир, который является нашею истинною родиною *.

Да, нужно очиститься для того, чтобы подготовить свою душу для храма божия. Обстоятельства чрезвычайно тяжелы, тучи и бури еще не прошли, но не страшится и не отчаивается тот, кто обладает настоящею верою. Бесконечное созерцание вечности делает его способным к истинной любви, придает ему бесконечную силу и истинную мудрость. Отчаяние это—чувство конечности, из которой не видно выхода, а кто обладает действительным созерцанием истины, не может впадать в отчаяние, ибо его созерцание бесконечно, в нем нет ограниченности. Мой добрый, милый друг, мы должны жить в этом свободном элементе, и тогда мы будем истинно блаженны. Мы должны лишь быть сильными, а эта сила должна родиться в нас вследствие убеждения, что воля божия непременно осуществится. Если наше убеждение, если наша жизнь истинны и действительны, то нам нечего страшиться. Мы всегда будем иметь достаточно силы и мудрости, чтобы быть счастливыми, а в этом вся задача жизни.

Твой друг и брат

М. Б[акунин].

* Дальше до конца в оригинале по-немецки.

№ 217.— Письмо сестрам и брату Беер.

22 июля 1837 [года].
Прямухино.

Дорогие, добрые друзья, вы жалуетесь на наше молчание, а ведь это — восьмое письмо, которое я вам пишу. Здесь какое-то плутовство или со стороны наших, или со стороны вашей матушки. Если эти штуки проделываются у нас, то я их раскрою и положу им конец; если это делается у вас, то разоблачить это надлежит Константину и вам. Нужно действовать твердо, не давать себя запирать в клетку, нужно быть свободным в своих действиях и в своих отношениях. Долой рабство и долой жертвы! Ваша истинная жизнь заключается в моей дружбе и в дружбе моих сестер; порывать эти отношения значит убивать действительность вашей жизни, и никто не вправе этого делать, а кто пытается или попытается это сделать, должен искупить свою низость. Никакой пощады тому, кто ее не заслуживает! Но будьте спокойны, мои милые друзья, все уладится, все пойдет к лучшему. Ничто против нас не устоит, мы переделаем все по своей воле. Только верьте, не теряйте из виду той абсолютной истины, которая должна быть истинным элементом вашей жизни, * той абсолютной любви, которая должна ее осветить, должна возвысить ее до вечной истины, до вечного блаженства. Освободитесь от всего, что в вас осталось еще немощного, убогого. Верьте, любите, и для вас наступит счастье и вечное блаженство.

Хочет ли того ваша матушка или нет, но я приеду в Шашкино, если не в средине, то в конце августа. Я хочу вас повидать, с вами поговорить, рассказать вам все, что я перечувствовал и передумал со времени нашей разлуки. Я этого хочу и я это сделаю.

Константин, ты должен повернуть дела так, как мы этого хотим. Материя должна подчиняться разуму, интеллекту. Больше веры, больше любви, и вы обретете силу, безмерную силу. Мы будем счастливы, дорогие друзья, мы уже счастливы. Когда человек действует, сознавая в себе наличие божественной воли, он уверен в успехе. Мои дорогие друзья, будьте же тверды, укре-

* Дальше до конца абзаца по-немецки.

питесь в чувстве собственного достоинства. Не бойтесь за меня. Мое спокойствие, которое Вы... *, меня не оставляет. Я повседневно чувствую свое преображение, и я верю в жизнь, я верю в осуществление воли божией, сознание которой нам присуще.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 218. — Письмо сестрам Беер.

Вторник, 27 июля 1837 года.
[Прямухино.]

Дорогие друзья, прошло уже больше недели, как я вам не писал: я был исключительно занят внешними интересами и мероприятиями. Любаша и [Н. В.] Станкевич, Варинька и Николай [Дьяков], странная судьба написанных мною вам писем — все это совершенно поглотило мое внимание. Теперь, когда я снова пришел в себя, я вернулся также к вам, дорогие и милые друзья, ибо вы неотделимы от моего самосознания, вы составляете органическую и необходимую часть моего существования.

Никогда не забуду я времени, проведенного нами в последний раз в Москве. Достаточно мне о нем вспомнить, для того чтобы сразу выйти из полнейшего безразличия. Это время было эпохою обновления и освящения не только для вас одних, нет, оно меня также обновило и освятило, оно решило мою участь, оно привело меня к ясному и полному сознанию моего предназначения, моей миссии в этом мире, настолько переполненном иллюзиями и ложью, что он не видит истины, содержащейся в нем и выражающейся через него. Дорогие друзья, обновление нашей дружбы было освящено обновлением наших существований, нашим вступлением в истину и блаженство. Вот почему эта [дружба] будет навеки нерушимою, вот почему она должна расшириться с расширением сферы нашей жизни. Она будет вечным выражением степени нашего пребывания в истине. Для

* Здесь одно слово неразборчиво: или это enviez, или avez (в последнем случае какое-то слово пропущено). Но, может быть, надо читать savez: тогда это будет означать: «вам известное».

разрушения ее требуется, чтобы мы перестали признавать истину и утратили ее; а это невозможно, ибо кто раз ее познал, никогда ее не утратит.

Теперь мы разлучены. Через некоторое время мы, быть может, расстанемся надолго, но даже в этой разлуке мы будем вместе. Каждый из нас будет иметь другого в центре своего существования, в мысли, в чувствах, во всех поступках и всех обстоятельствах жизни. И вот истинная дружба, вот святая община, которую Христос пришел установить среди людей. Эта община божия и составляет истинность и действительность личных существований. Бог есть истина людей, люди суть действительность бога. Таким образом единственный истинный и вместе с тем действительный мир это — взаимная любовь людей в абсолютной любви к богу и пребывание бога во взаимной любви людей. Все, что было связано во имя истины перед богом, все, что было сделано с чувством присутствия бога, то истинно и действительно, вечно и неразрушимо. То, что не было связано и сделано таким образом, не может даже разрушиться, так как никогда не существовало *.

Милые, положение «жизнь есть блаженство» не есть пустая и бессмысленная фраза. Это — абсолютнейшая, священнейшая истина. Блаженство это есть наслаждение истиною в действительности, а действительность никогда не оставляет истину, постоянно пребывающую в ее недрах. Было время, когда человек жил в истине, он непосредственно, бессознательно созерцал бога. Но эта истина была недействительна, так как человек был погружен в нее бессознательно, безвольно. Человек должен был сделаться самим собою, он должен был отделиться от бога, дабы познать бессодержательность, недостаточность, убогость и ложность своей индивидуальной жизни. Это отделение было необходимо ради этого познания, а это познание также было необходимо, ибо человек должен вернуться к богу как самосознательное, самостоятельное существо. Он должен был из своей собственной бесконечной свободы познать бога как свою истину, как единственную абсолютную истину, в которой он может получить свою действительность. Первым моментом была истина без действительности, так как самостоятельное самосознание человека составляет форму действительности, а этой самостоятельности не существовало. Вторым моментом была действитель-

* Дальше в оригинале по-немецки.

ность без истины, незаполненная и пустая форма, беспредметная свобода, так как единственною истиною, могущею иметь истинное содержание, является бог, а человек потерял бога. Третьим моментом, моментом разрешения и примирения, является тот, в котором истина получила свою истину в действительности, а действительность получила свою действительность в истине, так как истина и действительность никогда не отделяются друг от друга, ибо их разделение было бы их взаимным уничтожением.*

Наше время принадлежит к третьему моменту в целом; в частностях же встречают более борение двух первых; в иных борение это сильно, в других оно слабо, чуть-чуть заметно. Разделение это живо проявилось в вас, друзья мои; посмотрите, есть ли в вас хотя одна мысль, которой бы не противоречила другая, так же сильно укрепленная в вашем существовании. Это беспрестанное противоречие, это беспрестанное возвышение души к самой полной гармонии и потом падение ее в самую ужасную апатию свидетельствуют о раздвоении, заключающемся в ней.

Блаженство есть наслаждение жизнью, чувство свободного играния этой жизни в себе. Жизнь есть действительная истина. Истина есть одна, а потому и действительная истина и жизнь есть также одна. Итак блаженство есть наслаждение жизнью в ее единстве. Но для того чтоб наслаждаться ее гармоническим, неразрывным единством, должно просветлить себя до нее, должно выйти из всех противоречий, из всякого раздвоения, должно ввести единство в свою индивидуальность **, должно осуществить истину в себе: только под этим условием истина может быть истиною личности.

Дорогие друзья, вы сделали большой шаг, но вам предстоит пройти еще длинный путь. Да, нужно глубоко проникнуться этими высокими религиозными истинами, нужно постоянно созерцать возвышенную фигуру Христа, спасителя человеческого рода. Нужно отбросить в сторону все мелкие и жалкие суждения, нужно освободиться от всех старых предрассудков детства и полностью раствориться в божественных словах, в той истинной и абсолютной религии, которая должна основать среди нас истинное царство божие. Пусть все, что вас окружает, гармония природы, откровения искусства и религии объединятся для того,

---

* Дальше в оригинале по-русски.
** Дальше в оригинале снова по-французски.

чтобы ввести вас в жизнь вечную. Не теряйте ни одного слова из возвышенных уроков, какие дадут вам эти откровения. Природа и искусство суть ступени, ведущие к религии, а религия есть конечный результат человеческого развития *. Человек просветлится, когда он совершенно поймет откровение **. Особенно же имейте неограниченную веру в бога, в то, что все происходящее происходит по его воле, и верьте мне, дорогие друзья, благодать божия снизойдет на вас. Это не значит, что человек должен оставаться, скрестя руки, и ждать у моря погоды ***. Нет, он должен действовать — не для того, чтобы заполнить свою жизнь и быть полезным, как вы этого хотели, милая Александрина, нет, раз человек пребывает в истине, то ему не приходится заполнять никаких пробелов, он не чувствует себя бесполезным. А для того, чтобы действовать, нужно уже быть в истине, дабы действие было выражением и осуществлением истины, а не лжи. Должно действовать на путях истины, должно действовать в любви и для любви, и именно в этом единстве божией благодати и человеческой деятельности заключается полная истина.

Прощайте, дорогие друзья, через несколько дней я снова вам напишу.

Ваш друг

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Татьяны Бакуниной.)

Перевод с французского.

№ 219. — Письмо сестрам Беер.

31 июля 1837 года.
Прямухино.

Наконец, восхитительные друзья, вы получили наши письма. Вы не можете понять, как я был этим доволен. Знаете ли, за последнее время моим первым движением, когда я получал ваши письма, было взглянуть, получили ли вы мои. И когда я видел, что вы их не получили, я не мог решиться тотчас же приступить

---

* Дальше в оригинале по-русски.
** Дальше в оригинале снова по-русски.
*** Слова «и ждать у моря погоды» в оригинале по-русски.

к чтению, так как был уверен, что найду в ваших письмах разные несправедливые предположения. Нет, мои дорогие друзья, вы меня до сих пор хорошо не понимаете, хотя и воображаете, что знаете меня очень глубоко. Вы не поняли меня в тех письмах, какие получили от меня.

Мое первое письмо не содержало ничего способного меня унизить. Я приехал в Прямухино. Я не нашел в своих сестрах, которых люблю, того, что хотел в них найти, и меня это огорчило. Я чувствовал себя стесненным при них. Я видел, что мне приходится взвешивать каждое мое слово, и это повергло меня на время в стесненное состояние, которое я описал вам в моем первом письме. Но это состояние не имело на сей раз ничего общего с тем угнетенным состоянием, в котором я находился в прошлом году. Оно не оказывало никакого действия на мое спокойствие и на мою силу. Я примирился с тем, что буду для них не тем, чем раньше хотел быть, а тем, чем они и обстоятельства позволят мне быть. Мое плохое настроение скоро прошло, и мое второе письмо было выражением всего моего существа. Я слушал музыку Фрейшюца *, она сильно меня потрясла. Я стряхнул с себя последние остатки прекраснодушия ** и снова очутился в истинном элементе моей жизни, в том элементе, где я так свободен, так силен, так счастлив. В таком-то настроении духа я вам написал, а Вы, дорогая Наталия, обвиняете меня в том, что я писал вам только одною стороною моей души, а не другою, стороною жалоб, дурных настроений, неудовольствий, одним словом, всех этих жалких мелочей человеческой жизни! И вы думаете, что в такой возвышенный момент, как тот, в который я хотел с вами говорить, я мог помнить обо всем этом? Нет, дорогие друзья, во мне нет больше двух сторон, я составляю нерасторжимое единство; во мне нет больше противоречий, нет больше борения. Если мне даже случается не ощущать в себе той же гармонии, то я никогда не стараюсь искать причины этого [вне] себя, я сейчас же нахожу ее в себе самом, я нахожу ее в той части моего я, которая до сих пор не была еще просветлена и освещена солнцем истинной жизни, я овладеваю этою частью и заставляю ее жить под этим солнцем и очиститься под его божественными лучами. Нет, для меня теперь не существует

* «Вольный стрелок», опера Вебера.

** Это слово в оригинале по-немецки.

больше темной стороны, я живу для света и в свете. Теперь я чувствую, что живу, и в моменты, подобные тому, в который я вам писал, все мое существо объединяется для преклонения перед божественным источником всякого блага, всего того, что доставляет блаженство, всего того, что дает жизнь и силу. В эти возвышенные моменты я чувствую, что действительно живу, что понимаю жизнь во всей ее бесконечности, во всем ее бесконечном богатстве. А вы говорите, что мое второе письмо вас не удовлетворило. Что же, вы хотели бы, чтобы я еще находился под влиянием всех этих жалких пустяков и зависел от них? Дорогие друзья, дружба, любовь и все остальные стороны всех этих великих чувств представляют нечто жалкое, если не служат выражением вселенской любви, святой любви божией. Они не могут доставлять удовлетворения, они не могут ничего дать тому, кто живет в истинной жизни, если сами не являются выражением этой жизни. Одно время я находился в подавленном состоянии и я объясню вам его причину. Всякое дурное настроение, всякое стеснение вытекает из дурного источника, является продуктом ничтожности. Я вспомнил еще о моем прибытии в Прямухино прошлою весною *; я был тогда спасителем сестер, я им открыл истину и необходимость того мира, в котором они давно жили предчувствием в минуты веры и надежды, в минуты истинной любви. Я сказал им тогда, что минуты эти не должны быть более минутами, а целою жизнью, что жизнь есть блаженство и назначение человека быть блаженным. Это сблизило нас с сестрами, слило меня с ними в одно бытие. Но это единство не было неразрывно, но должно было разорваться, потому что во мне оставались еще стороны непросветленные, не слившиеся с этим единством. Стороны эти, прогнанные на время в темный, неизвестный конец моего *я*, вышли из этого мрака, им нужно было слиться с целым; но непросветленная природа их противоречила святой части моего *я;* отсюда произошла борьба страшная, борьба на жизнь и смерть. Наконец жизнь победила, и я очутился уж на высшей степени бытия, мое существо соединилось в одно неразрывное служение богу живому, богу вечно деятельному и проявляющемуся. Я сознал яснее и глубже свое назначение быть борцом святой истины. Друзья мои, вот почему во мне возродилась вера в нашу дружбу. Я чувствовал в себе голос новой истины, чувствовал в себе движение новой жизни, и

* Дальше в оригинале по-русски до конца.

эта новая жизнь должна была снова соединить нас, связать нас неразрывными узами.

В таком расположении духа я поехал в Прямухино. Я знал, что мы были разделены с сестрами моею прошедшею борьбою, знал, что они знали почти только черную сторону моей жизни, они не были свидетельницами светлых, святых минут, проведенных нами вместе, и мне хотелось перелить в них нашу новую жизнь, хотелось перенесть их в царство истины, в котором мы так живо наслаждались с вами жизнью. Они встретили меня с некоторою недоверчивостью, и я увидел разницу моих отношений с вами и с ними. Я еще не испытал силы истины против недоверчивости, против благоразумной осторожности, против произвольной ограниченной самостоятельности рассудка, и я усумнился в ней. Мне было тяжело говорить с ними, слова, выливавшиеся из глубины души моей, вдохнов[л]енной истиною, когда я говорил с вами, становились бездушными фразами в их присутствии, потому что я говорил без веры, без любви. Это стеснило меня несколько, это было последнее испытание духу истины и любви, во мне обитавшему. Но препона эта была слишком слаба, она не могла связать меня, я вошел в самого себя и нашел в себе снова этот духовный мир всемогущей любви и нашел вас, друзья мои, в этом мире, нашел вас не такими, какими показывают вас последние письма ваши, нет, не такими, — я нашел вас в этом мире верующими и любящими безгранично, понимающими жизнь мою в этом беспредельном мире блаженства. Друзья мои, я тогда еще живее понял дружбу, нас связывающую. Эта дружба есть действительность истины в нас.

Пока перестанем рассуждать о дружбе, о любви, о высоких чувствах и об маленьких причинах, стесняющих их. Оставим бедную сферу эту бедным тесным душам, перебивающимся насущными чувствицами, впечатлениями, будем жить жизнью святого духа, освятим индивидуальности наши в святой сфере абсолютной любви. Только в этой сфере возвышаются они до истины, и то, поверьте мне, в бедной самостоятельности своей они — ложь, об которой и говорить не стоит, они — минутное произведение организации и уничтожаются вместе с организациею. Только то, что вошло в общую жизнь духа, только то действительно. Итак, друзья, ради бога не говорите мне более об индивидуальных потребностях душонки моей, где ей лучше жить с Таничкою и с Варинькою, в каком месте, при каком местоположении. Вы не

понимаете меня, не понимаете моих потребностей, не понимаете моей жизни и моего блаженства. Душа моя хочет жить в истине и жаждет истины, она хочет найти себя целою и просветленною в бесконечном море абсолютной любви, а не составленною из отрывков, из которых один стремится в одну, а другой — в противную сторону.

Друзья мои, пора окрепнуть для того, чтобы быть достойным служителем бога истины, для того, чтобы быть достойным носителем имени человека; пора выйти из этой бедной, жалкой изнеженности чувствиц, из этой отвратительной сферы qu'est-ce l'amour et qu'est-ce l'amitié *, в которой нет ni amour, ni amitié **; пора освободиться от всех этих пошлых определений, от всех этих мелких условиц счастья, пора перестать говорить об внешней и внутренней жизни: нет этого разделения, разделение свидетельствует об отсутствии всякой жизни Жизнь одна; это — жизнь бесконечная, вечная, единая, вечно развивающаяся и вечно дышащая блаженством; в этой жизни не живут чувствительные души, она для них слишком огромна, они потеряются в этой бесконечности и тщетно будут перекликаться: qu'est-ce l'amour, qu'est-ce l'amitié *, — им не перенесть присутствия духа божия, наполняющего жизнь эту. Дух существует только для духа, а душа не поймет, не признает его.

Итак оставим все эти мелкие определения, все эти жалкие выдумки бездейственных, пресмыкающих[ся] во мраке душ, вырвем их из этой ничтожной сферы и дадим им истинную действительность. В душе лежит возможность духа, но нет еще действительного духа, в душе лежит возможность жизни, но нет еще истинной жизни. Субъективные чувствица, субъективные впечатления, радости и страдания — ложь, потому что они не просветлены еще истиною. Они — только готовые формы для принятия истинной жизни, но формы пустые, без содержания, вне присутствия всемогущего бога. Очистим эти формы, сотворим из них храм и наполним храм этот вечным, божественным содержанием.

Друзья мои, все люди живут в боге, но не во всяком человеке живет бог. Все живут в боге, потому что все сущее, все движущееся вытекает из бога и возвращается к богу — в этом отношении и животные, и растения — все в боге, но для человека

---

* Что такое любовь и что такое дружба?
** Ни любви, ни дружбы.

этого пустого бытия мало, человек должен как самостоятельное, свободное, самосознательное существо быть храмом всевышнего и, не выходя из самого себя, жить бесконечною жизнью бога. Для этого в него положены элементы, разнящиеся от элементов животных; в нем есть чувство своей самостоятельности, чувство своей свободы, чувство живых потребностей, в нем есть способность к любви, в нем есть все нужное для того, чтобы построить храм, в котором должно жить божество. Субъективные чувства, желания, цели, стремления — не более как материалы, — материалы, которые в целом, бесконечном храме истины могут просветлиться до вечной красоты, но которые сами по себе не более как грубые материалы. Жить в этих чувствах и этими чувствами значит жить во мраке, в отдалении от бога.

Итак, друзья, отдадим самостоятельность этой грубой материи, сознаем ее назначение, создадим из нее просветленный храм для вечной истины. Неужели мы будем вечно пресмыкаться в преддвериях этого храма и никогда не войдем в центр этого источника необходимого блаженства? Пусть наши субъективности возвысятся до истины, наполнятся святым, непреходящим содержанием, пусть просветлятся они дорогою искусства, религии и живого сознания истины до истины. И тогда, поверьте мне, мы все одногласно скажем: да, жизнь есть бесконечность, абсолютное блаженство, и тот не живет, кто в каждую минуту бытия своего не сознает, что жизнь есть блаженство. Мы скажем так, потому что мы тогда познаем истинную жизнь, мы будем видеть непосредственно истину, мы почувствуем ее в действительности, и тогда у нас не закружится голова от близости бога, нет, мы будем смотреть ему в глаза, мы сделаемся соучастниками его вечной жизни, его вечного блаженства. И тогда восстанет просветленный союз наш, и тогда узнаем мы, как мы друг друга любим, как мы друг другу близки, как мы друг для друга необходимы, и тогда поймем мы вполне всю глубину слов Спасителя: «Любите бога и ближнего, как самих себя; на этом лежит весь закон». И мы поймем, что закон этот есть жизнь, и что в законе этом лежит вся загадка жизни — любовь, любовь, вечно присутствующая в жизни, но редко сознаваемая бедными людьми. Да, блаженство к нам близко, царствие божие недалеко. Итак сделаемся же достойными членами этого святого царства, где нет страданий, нет границ, нет внешностей, в этом царстве все сознают и любят себя в одной и общей абсолютной любви.

Теперь поговорим об настоящих обстоятельствах. Варинька, может быть, с Танюшею, а может быть, и без нее, едет в Карлсбад. Если Николай * даст мне деньги, об которых я его просил, то я поеду за ними, может быть, лет на пять [1]. Пред отъездом непременно хочу с вами видеться. Устройте все и приготовьте к этому Настасью Владимировну **. Я буду у вас в конце августа. Если вам можно будет прислать мне деньги, то это будет очень хорошо.

Прощайте.

Друг ваш

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 220. — Отрывок письма сестрам Беер.

[Лето 1837 года. Прямухино.]

Я сейчас прочел письмо Наталии. Оно доставило мне чувство блаженства. Мы все трое полностью симпатизируем друг другу. Вправе ли мы после этого жаловаться?

О, мой дорогой друг, я теперь счастлив, я не требую больше ничего, я имею все. Такая *дружба* может заполнить все мое существование, а вы знаете, удовлетворяла ли меня дружба по обязанности и из приличия, какую питали ко мне мои сестры. Мы же трое составляет одно целое.

Наталия, я несколько раз перечитал Ваше письмо. Оно не сказало мне ничего нового. Как бы Вы ни старались быть непроницаемы, я видел хорошо все, что происходило в ваших душах, милые мои друзья. Таким образом Ваше письмо не прибавило ничего к тому, что я уже знал. Но оно доставило мне огромнейшее удовольствие с другой стороны. Вы в нем говорили со мною открыто, Вы не старались скрыть от меня свои истинные чувства, а это, Наталия, давно уже было для меня необходимо. Я так долго оставался совершенно одиноким, так долго уста мои не выражали полностью того, что хотели, того, на что способна моя душа. И это молчание было для меня весьма тягостным, а полное

---

* Станкевич.

** Мать Бееров.

одиночество доставляло мне крайне тяжелые минуты. Да, милые друзья, я это понимаю, я чувствую, только вы можете дать мне то, что я хочу иметь, то, без чего я не могу обойтись, несмотря на чисто внутреннюю жизнь, которую я признал своим предназначением. Только вы можете дать мне ту дружбу, без которой я не могу обойтись, которая должна быть отражением моей внутренней жизни, которая должна понимать меня таким, каков я есть, которая должна мне верить, больше во мне не сомневаясь. Моя откровенность, мое полное доверие обеспечены вам не как долг, который я себе предписал, нет, а как неотъемлемое свойство, как настоятельная потребность моей души. Мы должны составить наконец ту святую общину, которая будет оживляться одинаковою жизнью и согреваться одинаковым пламенем.

О, Наталия, я понимаю Вашу потребность в том, чтобы быть любимою и любить; я усматриваю это чувство также в Вас, Александрин, несмотря на то, что Вы не хотите его передо мною обнаружить. Милые друзья мои, любовь в этом мире к вам уже не придет. Если вы любите, не старайтесь погасить священное пламя, горящее в ваших сердцах. Любовь свята, дорогие друзья, и никогда она не может быть нечестивою. Чувство, делающее счастье другого человека основанием вашего собственного счастья, не может быть иллюзиею; это — реальность. Вот почему вы не должны стараться угасить в себе этот священный огонь. Во-первых это невозможно, а во-вторых эта попытка обойдется вам очень дорого. Нельзя безнаказанно погасить божественную искру, составляющую центр жизни. Милые друзья, дурные чувства проистекают не от любви, нет, источником их является эгоизм, и убить нужно этот эгоизм, а убить его невозможно иначе, как слив свою жизнь с жизнью божией. Нужно развивать в себе веру, нужно гармонизировать свое существо выражениями этой абсолютной жизни, этой любви в человеке.

Милые друзья мои, дайте мне ваши сердца такими, как они мне некогда принадлежали. Дайте мне ваши руки. Верьте в меня, и я введу вас в мир гармонии и сделаю вас участницами абсолютной любви, и души ваши очистятся, и души ваши зажгутся огнем, который не угаснет никогда.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 221. — Письмо Наталье Беер.

Для Натали.

Ответы.

[Лето 1837 года. Прямухино.]

1) Ненависть подобно гангрене в одно мгновение разрушает нравственное существование человека. Вы не ненавидите. Месть, как и опьянение, представляет лишь ложный возбудитель, неизбежным следствием которого является упадок духа. Ваше сердце не способно вкусить ужасающей сладости мести. Не внушайте ее другим, не внушайте ее самой себе. Чем больше добродетельный человек верит, что ненавидит кого-нибудь, тем больше он его любит. Есть ли в мире существо, несчастье которого глубоко бы вас не трогало? Сочувствие несчастью сильно. Если вы увидите это существо на краю пропасти, разве вы не броситесь туда, чтобы его оттащить от нее? Измена была лишь слабостью, но рука божия всемогуща, она изменяет течение рек.

2) Чувство есть выражение небесного огня, основное начало природы. Может ли источник его быть дурным? Убивать чувство значит совершать моральное самоубийство. Усилия были бы тщетны. Чувство можно подавить, но никогда нельзя раздавить. Отдайтесь ему, — оно даст вам новые силы и вечную опору.

3) и 4) Страсть это — пожирающий огонь, это — тиран, иго которого стряхнуть невозможно. Может ли разбитое сердце удовлетворить любящего человека, может ли оно погрузить испытание несчастья в реку Лету, чтобы омолодиться? Самоотречение прекрасно, но экзальтация зачастую делает его бесполезным для себя и вредным для других. Вы не выйдете замуж! Приятная и одинокая независимость, питаемая дружбою, горько-сладостными воспоминаниями о прошлом и непоколебимою любовью к прекрасному и высокому, украшенная упованием на лучшее существование, достойная Вашей прекрасной души, — вот ваше будущее. Ваши друзья будут почерпать новые силы в вашем одиночестве. Оно послужит для них убежищем от общественного эгоизма. Ваше сердце будет согревать их сердца и делать их снова способными действовать для д о б р а. Ваше будущее прекрасно, не стремитесь к другому.

М. Бакунин.

№ 222. — Письмо сестрам Беер.

[Август 1837 года. Прямухино.]

Мои превосходные друзья, давно я вам не писал. Причиною этого была поездка моя с отцом в Тверь. Я спокойно проводил там время в чтении и переводе Марбаха, но не знаю, почему не был расположен писать, и никому не писал.

Наш здешний внутренний мир все больше организуется. Мои сестры действительно окрепли, и их внутренняя сила имела уже случай выразиться во-вне. Танюша и Александра, несмотря на желание и почти приказание матушки, остались в Прямухине и не поехали с нею в Тверь, где начались балы, как говорят, в связи с предстоящими там маневрами. Мы живем здесь очень спокойно; мы часто говорим о вас.

Вернувшись из Твери, я прочитал два письма, которые получились здесь в мое отсутствие. В одном из них Вы, дорогая Наталия, говорите, что Вы недовольны моими письмами, не находите в них борений души, столь страстной, как моя. Нет, Наталия, Вы никогда не найдете в них этих борений по той причине, что в самой моей душе нет больше борений. Я спокоен, силен и уравновешен; теперь я — господин, а не раб, я уже не вынужден, как прежде, задыхаться в темном уголке моего *я*. Нет, я наслаждаюсь всею полнотою, законченным познанием своего *я*. И обрел я себя полностью в абсолютном бытии. Да, в нем я теперь живу, в нем я нашел полную истину своего существования, и туда я хочу перенести все, что дорого мне в этом мире. О, приходите туда, добрые, восхитительные друзья: только там дышится свободно, только там чувствуешь себя действительно свободным и преображенным *. Сестрицы мои в отчаянии, что они так глупы, что, как ни бьются, никак не войдут в абсолютную жизнь **. Варинька хочет читать Гегеля. Таничка даже не хочет его читать, так как ей хочется чего-то более серьезного и более трудного. Вы правы, дорогая и милая Александрина, я нахожусь в истинном спокойствии и достиг этого чрез действительное отречение от самого себя ***, чрез уничто-

---

* Дальше в оригинале по-русски.
** Дальше в оригинале снова по-французски.
*** Дальше в оригинале по-русски.

жение всего частного, индивидуального, призрачного, туманного, мешающего видеть солнце и себя в солнце. Уничтожив этот туман, мы уничтожаем преграду, разделяющую нас [с] солнцем, из которого вытекает истинный свет и истинный жар *.

Мои сестры разбили мое писательское настроение, вот почему я спешу закончить это письмо. Завтра или в один из ближайших дней я напишу вам более подробно, а сейчас прощайте и до свидания.

Прошу передать от меня поклон Аннете [Ржевской]. В октябре месяце мы будем видеться в течение целых двух недель.

Ваш друг

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка сестры Татьяны, прерываемая приписками Мишеля.)

Милые, Мишель действительно слишком глуп сегодня вечером и утверждает, что мы глупы **. (Дальше рукою Мишеля). Это значит, что Таничка — дура. (Снова рукою Татьяны). Мы читаем чудесное сочинение под заглавием «Танька-разбойница», (снова рукой Мишеля) ту самую, которую Вы хотели купить, Наталия, в Москве, и Таничка жизнью своею сочиняет продолжение под названием: «Танька дура». (Снова рукою Татьяны). В этой удивительной женщине Миша нашел идеал, к которому стремился всю жизнь свою и достиг до совершенного благополучия. Вы видите это из письма его. (Снова рукою Мишеля). Собака лает, ветер носит. (Снова рукою Татьяны). Вы знаете басенку о медведе и слоне.

Перевод с французского.

№ 223. — Письмо сестрам Беер.

[Август 1837 года. Прямухино.]

Мои добрейшие, дорогие друзья,

Мое молчание должно было вас обеспокоить. Вы, быть может, объяснили его какою-нибудь катастрофою, какою-нибудь но-

---

* Дальше в оригинале снова по-французски.

** Слова Татьяны в оригинале по-немецки.

вою неприятностью, ибо вы наверное не приписали его ни моей лености, ни недостатку моей дружбы к вам. Успокойтесь же, милые друзья, наши дела идут достаточно хорошо, так как мы сильно и глубоко чувствуем свой истинный и единственный долг и волю, необходимую для его исполнения.

Все это время было занято устройством поездки Вариньки и моей в Карлсбад. Нам пришлось выдержать большой бой для того, чтобы оправдать его в общественном мнении, а вы хорошо знаете, что наше общественное мнение состоит из папеньки, маменьки и Николая. Вот верные представители старого мира у нас. Вначале они объявили это намерение Вариньки фантазией; затем, когда оно начало осуществляться, они объявили его безумием, а теперь, когда они видят, что это — нечто весьма серьезное, они начинают смотреть на него с другой точки зрения. Наконец это — дело решенное. Варинька поедет в Карлсбад, но не этою осенью, как мы вначале думали. Мы отложили это путешествие для того, чтобы осуществить его последствия и главную цель с бóльшим успехом. Она уже свободна, так как ум ее освободился от предрассудков, сковывавших его свобóду. Раз внутренняя свобода действительно возникла, внешняя свобода должна явиться в виде ее естественного следствия. Всякая человеческая воля, тождественная с святою и вечною волею божиею, необходимо должна осуществиться, так как она становится сильною и непоколебимою в боге.

Свобода и независимость моих сестер полностью осуществились. Мы отделались наконец от всех мелочей, препятствовавших и мешавших нашей взаимной дружбе. Мы вырвали нашу дружбу из недр иллюзий и прекраснодушия *, в котором она так долго пребывала, и освятили ее в истине и для истины. Да, дорогие друзья, время наших немощей прошло. Наступило наконец время нашей силы, нашей реальной и мощной жизни. Сила вернулась к нам навсегда, и каждый день мы становимся все более и более сильными. Община духа святого действительно основывается среди нас. Не забудем никогда, дорогие друзья, что мы трое — вы вдвоем и я третий — заложили первое ее основание. Чудное время, которое мы вместе провели в Москве, служит для меня как бы звездочкою, освещающею мне неведомые области грядущего. Да, мы наконец достигли истинного элемента бесконечной любви.

* Слово «прекраснодушие» в оригинале по-немецки.

Дорогая Наталия, в Ваших письмах Вы стараетесь оправдать себя тем, что Вы можете жить только в любви и что Вы мертвы вне любви. Это все равно, как если бы Вы сказали, что Вы можете жить только в жизни, а не в смерти. Ибо любовь есть жизнь, истинная и действительная жизнь, бесконечная жизнь. Вне ее всё мертво, всё — иллюзия, всё — ложь. Любовь для человека есть только форма, но эта форма, которая является ложью, если она остается чем-то сторонним, самостоятельным, самодовлеющим, возвышается к истине и становится реальною и истинною, когда содержанием ее является бог и вся бесконечность вечного осуществления. И ведь Вы любите меня именно так, не правда ли, дорогой друг? Не любите ли Вы меня в моей миссии, в наиболее возвышенной области моего существования? Такая любовь благословлена небом, верьте мне, дорогой друг, именно она развила Вас для истины, она дала Вам действительность, она привела Вас к жизни, и она же будет Вас в ней поддерживать и укреплять.

А Вы, дорогая Александрина, Вы просите у меня позволения отдать мне всю Вашу любовь, все Ваше доверие, посвятить мне всю Вашу личную свободу. Вы спрашиваете меня, не будет ли это для меня слишком тяжким бременем, чувствую ли я в себе желание и потребность взвалить это бремя на свои плечи. Что же, дорогой друг, значит, Вы до сих пор меня не поняли. Вы не почувствовали, что именно этого я всегда требовал от Вас, и именно этого Вы до сих пор еще целиком мне не давали? Дорогой друг, пусть между нами царит побольше свободы и поменьше стеснения, не подавляйте движений Вашей души, предоставьте ей полную свободу *. Будем жить вместе в этом чистом небесном эфире бесконечной свободной любви. Вот где наша жизнь, в ней одной только лежит удовлетворение всех наших общих потребностей. Сольемся же наконец в это целое, в эту общину духа и вспомним слова Спасителя: «Что связано на земли, то будет связано на небеси». Итак союз навеки! Что ж до меня касается, то я только тогда и чувствую вашу дружбу или вашу любовь — все равно, когда вижу, что она живет в свободном элементе жизни **. Свобода и любовь — вот два полюса, которые существуют только совместно и которые теряют всякую реальность, когда их разделяют.

---

* Дальше в оригинале по-русски.

** Дальше в оригинале снова по-французски до конца.

Я останусь здесь до начала октября и в средине октября приеду к вам.

Прощайте, мои милые друзья, крепко жму ваши руки.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 224. — Письмо сестрам Беер.

4 сентября 1837 года.
Прямухино.

Милые друзья,

Недавно я вам писал, но тогда мне не очень хотелось писать, и я думаю, что это несколько отразилось на моем письме. Теперь дело другое. Я почувствовал настоятельную потребность снова побывать в вашем небольшом обществе, перенестись туда по крайней мере мысленно, если не могу в данный момент сделать этого реально.

Знаете ли, мои милые друзья, что вы больше не можете и больше не вправе сомневаться в моей дружбе? До весны дело было другое. Наша дружба была истинною, но она еще не осуществилась между нами. Все мы сохраняли еще части нашего *я*, которые не успели еще полностью войти в нашу взаимную жизнь и не составляли еще части прекрасных, связующих нас уз. Этою весною наша дружба совершенно изменила свой характер, она потребовала признания своих нарушенных прав, она потребовала от нас возвращения того, что мы некогда ей дали, а затем отняли, она потребовала восстановления того взаимного доверия, той святой уверенности, которая не знает осторожности, в ней не нуждается и не боится сказать лишнего слова. Мы открыли друг другу свои души, и наши жизни слились в святом доверии, а их слияние восстановило дружбу, которая оставалась дружбою почти только по имени.

Да, мои милые друзья, наша взаимная любовь истинна. Она составляет прекраснейший результат наших личных существований. Нас объединяют интересы не преходящие, конечные, иллюзорные. Нет, наша дружба имеет более священное содержание, она составилась из самых святых частей нашего существования. Мы прошли через много бурь, через много различных испыта-

ний, мы мало-по-малу растеряли все наши иллюзии одну за другою. И это не есть потеря, напротив: это есть выигрыш, это — основа нашей новой жизни, нашего нового и истинного блаженства. Ибо нет другого зла, кроме того, которое проистекает из иллюзии. Истина никогда не может быть злом, не может быть источником несчастья, напротив — она служит источником вечного блага и вечного блаженства *.

Только там может быть блаженство, где есть самопознание духа. Все окружающее человека должно просветлиться для наслаждения духа. Все благо, нет зла, и это не в половинном, не в аллегорическом значении, нет, а в самом истинном значении. Это есть единственная, высшая истина. Дух везде пребывает, дух же есть любовь. Итак, прозревать духа, узнавать его в каком-нибудь явлении значит быть участником этой любви; только один разум, только одна любовь могут сорвать кору чувственной и мертвой непосредственности с этого чудного мира и прозреть в него и узнать в нем свою божественную природу, свою собственную бесконечную жизнь. А такое прозрение, такое ощущение жизни есть блаженство. Где человек видит, там он понимает, там он любит и дышит свободно, там его блаженство; где он слеп, где кончается горизонт его духовного глаза, там кончается его блаженство, там начинается его страдание, там смерть, там железная судьба, подавляющая его. Кто боится истины, тот не понимает ее. Она страшна только для того, кому жалко еще расстаться с своею ничтожною индивидуальностью, кому не хочется кинуть детских побрякушек, для того, кто не понимает святого назначения жизни, священного и глубокого значения человеческого имени. Человек есть сознание, а сознание есть освобождение от всякой чувственной внешности, сознание есть всемогущая сила, вырывающая человека из постыдных оков жалкой чувственности в царство истины и любви, в свободный элемент абсолютной жизни. О, поверьте, жизнь есть блаженство для того, кто живет, а не пресмыкается, для того, кто живет мыслью и чувством, просветленным мыслью, для того, кто совершил великий акт своего примирения с богом и живет в боге и чувствует в себе бога, да, для того жизнь — блаженство, кто не побоялся борьбы с внешностью, с чувственною непосредственностью, кто не боялся проникнуть в черную, непросветленную сторону своего бытия. О, я верю в жизнь, я начинаю глубоко проникать в нее, и всякий

* Дальше по-русски в оригинале.

раз я выношу из нее блаженство невыразимое. Да, жизнь есть блаженство, и не живет тот, кто не сознает этого.

Вы спросите меня, может быть, гда найти эту жизнь? Да она везде, в вас, вокруг вас; посмотрите на все, вас окружающее, все это живет, природа во всех своих постепенностях и люди во всех моментах своего развития. Göthe * говорит про жизнь:

«Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt» **.

Не говорите, чтоб в этих людях не было жизни. Нет, они бессознательно живут тою же общею абсолютною жизнью. Они только не сознают этого, и потому они и покорены страшной необходимости, покорены случаю, от которого они зависят. Для них существует зло, существует несчастье; они то наслаждаются, то страдают. Но мы не должны пугаться их страданиями, мы знаем, что эти страдания необходимы, что они — благо, что они — необходимые следствия их ограниченности. И посмотрите, как блага эта необходимость. Если б не было этих страданий, они наслаждались бы покойно своей конечною, ограниченною, почти скотскою жизнью; они остались бы навсегда в этой скотскости. Но в них лежит то, что делает это невозможным. Природа их, природа сознания, свободы, рано или поздно вырвет их из этой определенности; а страдание пробуждает неразвитого человека. Он позабыл свое небесное отечество, у него нет глаз для абсолютной жизни духа, он не видит бога, который вокруг него, в нем самом совершает свое вечное дело. Он ищет только своего внешнего, конечного благосостояния, но и тут он никогда не достигнет того, что он хочет, он думает найти его в внешнем, конечном наслаждении. Он хочет бессознательно вечно истинного, а его нет в внешней чувственности; кроме этого внешнее благополучие зависит от случая, и ничто не может спасти его от случая. Вот источник и первое начало всех страданий.

Потом есть высшая степень человеческого развития, уже не пребывающего только в одной чувственной внешности: это — состояние Schönseeligkeit **, в котором вы иногда находитесь, мои милые дружки. На этой степени развития человек уже не довольствуется одним только внешним благополучием, он ищет высших, истиннейших наслаждений; он уже до некоторой степени пришел

* Гёте.
** «Каждый переживает ее, но не многим она знакома».
*** Прекраснодушия.

к сознанию своей духовной природы, он ищет духовных наслаждений. Это — момент ужасной борьбы, борьбы добра и зла, хороших и худых побуждений, блаженства и отчаяния, провидения и слепоты, света и тьмы. Это есть сфера чувства. Но и тут человек зависит еще от случая, потому что он не совсем освободился еще от призрачности, а призрачность подлежит всемогуществу случая; опять страдания, опять недовольствие жизнью, а в сильных, благословенных природою организациях это доходит до отчаяния. И эти страдания побуждают неудовлетворенного человека к новым открытиям, побуждают его искать свою истину и свое блаженство в лучшем, в истиннейшем мире. Вот почему Христос сказал: «Блаженны плачущие, яко тии наследят царство небесное». Да, страдания эти — благо, они очищают душу от конечности и заставляют его искать нового мира и переносят его в царство абсолютной любви и абсолютной истины. Итак скажемте вместе, милые друзья, повторим вместе эти абсолютно истинные слова: «Жизнь есть блаженство, и вечно блажен тот, кто чувствует и знает жизнь свою, кто видит истину и бога непосредственно; для того нет более страха, нет страданий, он перенесся в центр, в источник всякой жизни». Все живет, все дышит богом для него, и этот бог есть любовь конечная, блаженство неисчерпаемое. Да, подадим друг другу руки и будем жить и блаженствовать вместе, и святая дружба, нас соединяющая, да будет вечным, чудным храмом для вечно живого и для вечно открывающегося божества...

(Конца нет.)

№ 225. — Письмо братьям.

[Конец сентября — начало октября 1837 года. Прямухино.]

Любезные братья!

Давно не писали мы друг другу. Я — потому, что был занят, сделал несколько поездок с папенькой, а вы, как кажется, для поддержания своего достоинства. Нехорошо, мои милые. Не спорю, что и я мог бы найти время для того, чтоб написать вам, и мое молчание совсем не было следствием равнодушия к вам. Я очень часто вспоминал о вас, очень часто думаю о том, как и вы выйдете в люди и будете деятельными членами общества. Я молчал, потому что мне не писалось, а я не люблю принуждать себя. Странно, если и ваше молчание имело ту же причину. Но

первый шаг сделан и сделан мною; теперь я имею право ожидать от вас письма большого, подробного, подобного течению, долго удержанному плотиною и наконец вдруг прорвавшему ее.

Мы живем здесь в мире и тишине; я читаю с папенькой аккуратно каждый вечер «Символику» Крейцера *, с сестрами — «Фауста», сам же занимаюсь вдруг несколькими предметами. Вообще работа моя идет очень успешно — я успел достигнуть того порядка, который необходим в занятиях.

1-го октября 1837 года.

Сегодня получили ваши письма, любезные братья. Мы в самом деле виноваты перед вами, но что ж делать, прошедшего не возворотишь и сделанного не переделаешь. Вперед будем стараться быть исправнее. Впрочем, как я вам уже сказал, вы не должны заключать из нашего молчания о равнодушии к вам. Мы часто, очень часто говорим о вас. Нет, друзья мои, позабыть вас мы не можем, это не в нашей власти: что раз связано в истине, связано навсегда, и никто и ничто не в силах разорвать нашего святого союза, святого потому, что основание и содержание его святы. Нас соединяет наша общая человечность, наше общее стремление жить в истине и быть живыми членами живой и истинной действительности.

Друзья мои, жизнь прекрасна для того, кто освободился от призраков и кто знает, что остальные призраки, затемняющие горизонт его,— не что иное, как призраки, от которых он может и должен освободиться. Главное—должно быть здоровым, свежим и действительным человеком. Каждая минута его должна быть наполнена общим содержанием его жизни. И вы, друзья мои, должны воспитать в себе эту энергию души, которая переносит все обстоятельства, которая удерживает себя везде и всегда. Это — необходимое условие жизни. Это — главное определение индивидуальности, это — вся сила ее, в этом заключается ее бесконечность. Смерть естественного существа, растения, животного заключается уже в условиях его существования, в том, что оно имеет действительность только как род, а не как индивид. Индивид же заключает в себе бесконечность, бесконечность есть его сущность, бесконечность, которая выносит его из всех бурь жизни и которая рано или поздно должна наполниться истинным содержанием.

* Георг Фридрих [1].

Теперь несколько слов о тебе, друг Паша. Я прочел папеньке твое письмо, разумеется, не все, а сколько можно, и кажется, что желанья наши осуществятся и, может быть, мы этою же зимою будем вместе в Москве. Но ничто не решено, и я надеюсь на вашу скромность и на то, что вы будете тихо и скромно ждать у моря погоды: это покамест должно быть нашим общим правилом. Учитесь, читайте, развивайте свое эстетическое чувство и, главное, не давайте скуке заглядывать в ваши души, и бог не оставит вас.

Друг и брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 226. — Письмо сестрам Беер.

30 октября 1837 года. Прямухино.

Вот уже два месяца, дорогие, милые друзья, как я не сказал вам ни слова и как вы в награду за мое столь примерное поведение мне также не писали. Мои сестры в течение этого времени часто уговаривали меня прервать это странное молчание, но я этого не сделал, ибо все это время находился в совершенно неписательском настроении. Я не писал никому, так что недавно получил кучу писем от всех моих московских друзей, осведомлявшихся о состоянии моего здоровья и о моем душевном настроении. Что касается моего здоровья, то вы очень хорошо знаете от Федора *, прекрасного малого, что все мы чувствуем себя превосходно, и что в нашем внешнем существовании царит совершенная гармония. Что же касается моего настроения, то это — история более длинная и более трудная для изложения.

31 октября, воскресенье.

Вчера мы получили ваши письма, дорогие друзья. Они очень живо меня затронули. Мое молчание вас огорчает: это говорит мне не любовь, а проницательная и горячая дружба, которую я к вам питаю. Я не уверен в том, что ваши сомнения снова не про-

* Ржевского.

будились за тот долгий промежуток времени, в течение которого мы хранили по отношению друг к другу такое полное молчание. Надеюсь во всяком случае, что они пробудились в другой форме. Вы сделали истинный шаг в истину жизни, но еще не вошли в нее целиком. Моя миссия по отношению к вам далеко еще не закончилась и никогда не закончится. Таким образом вы не дали мне отставки да и не имеете права мне ее давать. Конечное обстоятельство, конечное настроение не имеют права на то, что в самом себе является бесконечным. Хотите ли вы, чтобы я вам сказал, как вы поняли мое молчание? «Он видит, что мы теперь успокоились, он видит, что мы нашли в себе больше истинной силы и смирения, чтобы сносить испытания жизни, он уже не считает себя столь необходимым и меньше тревожится на наш счет». Это показало мне ваше молчание и это было для меня печальным опытом. Но так и должно было быть. Вы, говорящие, что так хорошо меня знаете, вы не знаете меня настолько, чтобы понять всю бесконечную широту уз, связующих меня с вами, чтобы понять, что то, что связано во мне, связано на веки, ибо я допускаю лишь те мысли, ибо я позволяю своему сердцу лишь то, что вечно и бесконечно как истина человеческой жизни. Вы этого еще достаточно не понимаете, вы не знаете и не можете знать, что мое самососредоточение означает жизнь в кругу небольшого числа лиц, присутствовавших при моем крещении в истину, присутствовавших при начале моей вечной жизни. Мое молчание объясняется другими причинами, чем те, какие вы ему естественно приписываете. Это также — не апатия, так как она стала для меня невозможною. Тот, кто вкусил от абсолютной жизни, не может больше знать никакой апатии. После длительного напряжения мне необходимо было взойти в самого себя, дабы почерпнуть во внутренних тайниках своего существования новые силы, любовь еще более широкую и более великую, чем та, которая давала мне жизнь до того времени. Я сосредоточился в глубинах моей души для того, чтобы приспособить их и переделать согласно усвоенным мною новым истинам. Когда человек находится в такой интимной беседе с самим собою, когда он занят проверкою своих сил и истины своего существования, он не может много разговаривать с другими. Wenn man in dem Innern so einer Selbstwitterung ist, dann ist es unmöglich mit andern zu sprechen *.

* «Когда переживаешь такую внутреннюю встряску, то невозможно говорить с другими».

6 ноября 1837 года.

Прямухино.

Что думаете вы о моем молчании, дорогие, добрые друзья, чему вы его приписываете? Безразличию ли, охлаждению ли или же другой причине? Скажите мне это откровенно. Не бойтесь огорчить меня вашими сомнениями, они естественны. Вы меня еще не достаточно знаете, чтобы не сомневаться в стойкости моих чувств. Наталия говорит: «О, я знаю, что̀ знаю». А вы, мой дорогой стоик, вы замкнулись в возвышенное молчание, не правда ли? Но я не отчаиваюсь, и если Орфей сумел заставить говорить камни звуками своей небесной музыки, то я надеюсь, что мне удастся заставить заговорить вас звуками голоса, который для вас не является незнакомым и который, полный любви к истине, является точным выражением дружбы, попрежнему сильной, попрежнему горячей, попрежнему столь же святой.

После нашей разлуки прошло много времени и случилось много событий. Запертые в вашем маленьком Шашкинском монастыре, вы имели достаточно времени для размышления над многими вещами, для сосредоточения в самих себе и для нахождения в самих себе неистощимого источника любви, жизни и истины. Но знаете ли вы, что я боюсь одного, а именно того, чтобы ваши размышления не получали по временам ложного направления? Вам, дорогая Наталия, я должен сказать, что Вы поступаете слишком неделикатно с абсолютом: он привык к более вежливому обращению, чем Ваше обращение с ним. Понять его можно не в моменты нетерпения и разочарования. Только тогда, когда находишься в полной гармонии с самим собою и с другими, только тогда, когда видишь его во всём его свободном размахе, только тогда, когда знаешь всю возвышенную гармонию жизни, только тогда, когда чувствуешь себя столь же свободным и столь же блаженным, как обитатель истинного неба, а не того абстрактного и узкого неба, на котором Вы всегда помещаете свои разбитые надежды,— только тогда познаешь абсолют, только тогда находишься в истине. Положите руку на сердце и скажите откровенно, в таком ли настроении Вы пускаетесь в абсолютное. Нет, решительно нет. Абсолют, как Вы его понимаете, узок, он является для Вас последним средством. Вы говорите: раз у меня нет того, что я хочу, стану жить в абсолюте. А это кощунство в полном смысле этого слова. Абсолют, дорогие друзья, есть живое целое, все заключается в нем, а все, что находится вне него, не

имеет жизни в себе. Истинная жизнь есть только та, которая вытекает из чувства абсолюта; все же, что говорится и делается вне этого чувства, является ничтожным и не имеет никакой действительности. Всякое истинно человеческое блаженство, всякое слово жизни и всякое истинно реальное действие вытекают из абсолюта. Абсолют не есть какая-то сторонняя область, куда человек может уединяться и прятаться от житейских превратностей. Абсолют есть сама жизнь, простирающаяся в бесконечности времени и пространства. Все и вся пребывают в абсолюте, и очень мало кто об этом знает.

Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt *.

А тот, кто не сознает своего существования в абсолюте, тот, кто не чувствует в себе абсолютной жизни, тот отделен от бога, отделен от истины своего существования, отделен от истинного и вечного блаженства бунтом конечного рассудка **, тот не является еще христианином, он не имеет удела в спасении, которое принес нам Христос, этот богочеловек по преимуществу. Нет блаженства без полной и бесконечной свободы, и нет свободы вне абсолюта, ибо только в нем исчезают все препоны, все противоречия, только в нем существует вечная и истинная гармония. Тот, кто отделен от абсолюта, не имеет в себе истинной любви, благодати, ибо источник всякой любви, всякой благодати, ибо сама любовь и сама благодать представляют не что иное, как самый абсолют.

Дорогие друзья, здесь в этом абсолюте, в чувстве этого абсолюта мы должны вместе жить ***, — в нем, в этом абсолюте мы должны одухотворить все наши чувства, все наши желания, все надежды и требования счастья.

А вы, милый друг Сашенька, после вопроса, вами сделанного, не будет ли тягостна мне ваша дружба, Вы сосредоточились в глубоком и таинственном молчании. За один Ваш вопрос Вы бы должны были быть наказаны. Вы заставляете меня повторять одну и ту же вещь тысячу раз. Всякое истинное чувство, всякое чувство, просветленное святою истиною,— для меня блаженство. Только то тяжело, что ложно, что привязано к случайной и произвольной индивидуальности непросветленного человека. Все же просветленное, все принадлежащее к одухотворенной личности

---

* «Все его переживают, но не многим оно известно» (Гёте).

** Это слово неразборчиво в оригинале. Повидимому, здесь написано raison.

*** Дальше по-русски в оригинале.

человека, то свято, то сильно, то дает невыразимое блаженство, и вот чего я ищу и чего я всегда искал в Вашей дружбе. И неужели Вы мне никогда этого не дадите?

Ваш истинный друг и брат
М. Бакунин.

Привезу вам «Бетину». Анне Константиновне [Ржевской] мое глубочайшее почтение *.

В конце этого месяца, т.-е. через три недели, я буду в Москве и проведу рождество вместе с вами в Шашкине, вопреки желанию вашей матушки и г. Алексея. Я приеду с Константином **.

№ 227. — «Мои записки».

(4 сентября—9 ноября 1837 г.).

Прямухино.

1837-го года, сентябрь, 4-го. Суббота.

Да, жизнь есть блаженство; жить значит понимать, понимать жизнь; нет зла, все благо; только ограничение есть зло, ограничение духовного глаза. Все сущее есть жизнь духа, все проникнуто духом, нет ничего вне духа. Дух есть абсолютное знание, абсолютная свобода, абсолютная любовь, а следовательно абсолютное блаженство. Естественный человек, как все естественное, есть конечный и ограниченный момент этой абсолютной жизни. Он еще не свободен, но в нем лежит возможность безграничной свободы, безграничного блаженства. Возможность эта лежит в сознании. Человек есть сознательное существо. Сознание есть освобождение, возвращение духа из конечности и ограниченного определения в свою бесконечную сущность. Степень сознания человека есть степень его свободы, степень его человеческости, любви, а следовательно степень его блаженства. Сторона его свободы, его сознания есть благо, блаженство. Ограниченная, бессознательная его сторона — зло, несчастье. Только для конечного, ограниченного сознания существуют зло и несчастия, но в этом же сознании лежит возможность и необходимость освобождения. Итак нет зла, все благо; жизнь есть блаженство.

* Дальше до конца по-французски в оригинале.
** Алексей и Константин Бееры.

Гегель говорит, что одна только мысль отличает человека от животного. Различие это бесконечно, оно делает человека самостоятельным, вечным существом. Естественный индивид, он подлежит той же железной необходимости, тому же рабству, которому подлежит все естественное. Он — смертное существо, он — раб, он даже — ничто как индивид. Он имеет действительность только как род и покорен необходимым законам этого рода. Но сознание освобождает его от этой необходимости, делает его самостоятельным, свободным, вечным существом. Человек по себе всегда свободен и вечен — как сознание, как понятие того духа, который разовьется в его жизни. Но для себя он может быть отчасти рабом, он может быть конечным человеком. Конечный человек тот, который не весь еще проникнут самосознательным духом, в котором есть еще стороны непосредственные, еще не просветленные духом. Эти стороны делают его конечным, ограничивая горизонт его духовного глаза; а всякое ограничение есть зло, несчастье, разделение с богом. Непросветленные стороны человека оковывают его, мешают ему слиться с богом, делают его рабом случайности. Случай есть ложь, призрак; в истинной и действительной жизни нет случая, там всё — святая необходимость, благодать божия. Случай бессилен против истинной действительности; только призраки, только призрачные интересы и желания человека подлежат случаю. Случай оковывает свободу конечного человека; случай есть темная, непросветленная сторона его жизни. Сознание есть освобождение от непосредственности, просветление природы человека духом. Чем менее сознателен человек, тем более подлежит он случаю; чем более он сознателен, тем более он от него независим. Только призрачное погибает от случая, а призрачное должно погибать. Призрак уничтожается призраком — в этом заключается освобождение человека.

Все живет, все оживлено духом. Только для мертвого глаза действительность мертва. Действительность есть вечная жизнь бога. Бессознательный человек также живет в этой действительности, но он не сознает ее, для него все мертво, он везде видит смерть, потому что его сознание не вступило еще в жизнь. Чем живее человек, тем более он проникнут самосознательным духом, тем живее для него действительность, тем ближе она к нему. Что действительно, то разумно. Дух есть абсолютное могущество, источник всякого могущества. Действительность — его жизнь, а следовательно действительность всемогуща

как воля и дело духа. Конечный человек отделен от бога, отделен от действительности призраками, своею непосредственностью; для него действительность и благо не тождественны; для него существует разделение добра и зла. Он может быть нравственным, а не религиозным человеком, а потому он — раб действительности, он боится, он ненавидит ее. Кто ненавидит и не знает действительности, тот ненавидит и не знает бога. Действительность есть воля божия. В поэзии, в религии и наконец в философии совершается великий акт примирения человека с богом. Религиозный человек чувствует, верит, что воля божия есть абсолютное, единственное благо, он говорит: «да будет воля твоя», он говорит это, хотя и не понимает разумом, что воля божия есть в самом деле действительное блаженство, и что только в нем — конечное удовлетворение. Нравственная точка зрения есть разделение добра и зла, отделение человека от бога, а следовательно и от действительности. Для него* зло так же существенно, как и добро. Он боится зла, он непокоен, в нем происходит беспрестанная борьба добра и зла, блаженства и несчастия. Для религиозного человека нет зла: он видит в нем призрак, смерть, ограниченность, побежденную откровением Христа. Религиозный человек чувствует свое индивидуальное бессилие, зная, что все могущество — от бога, и ждет от него просветления, благодати. Благодать очищает человека от призрачности, рассеивает туман, отделявший его от солнца.

Философия, как самостоятельное развитие и очищение мысли, есть человеческая наука, как происходящая прямо от него, и божественная, потому что она содержит в себе могущество благодати: очищение человека от призрака и соединение его с богом. Человек, перешедший через все эти три сферы развития и воспитания, — совершенный, всемогущий человек; действительность для него — абсолютное благо, воля божия — его сознательная воля.

Гений есть живое сознание современной действительности.

2 ноября [1837 года]. Вторник.

Много прошло времени с тех пор, как я вздумал записывать здесь внутреннюю жизнь мою. Много вынесла потрясений душа моя, чуть было я опять не упал. Нет, я еще не довольно просветлен истиною, во мне нет еще довольно любви для того,

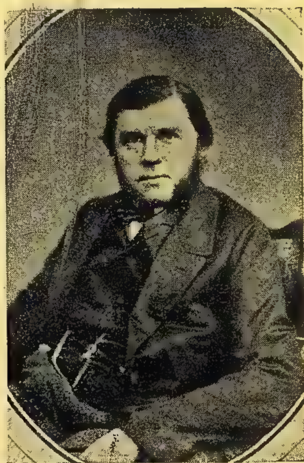
* Надо понимать: «для нравственного человека».

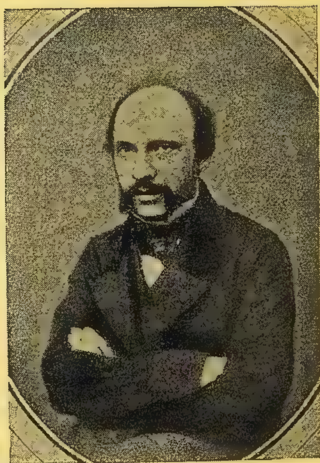
Н. Х. Кетчер

А. А. Краевский
(1857)

Гр. В. А. Соллогуб

В. П. Боткин
(1850)

чтобы мне можно было не наблюдать за собою, предаваться безвыборно всем впечатлениям. Во мне много еще непросветленных сторон, и эти стороны делают еще невозможною для меня беспрерывную гармонию. Во мне есть минуты сухие, холодные, и в эти-то минуты я должен быть тверд; я должен смотреть на них как на болезненные, преходящие минуты, должен изучить средства для уничтожения их.

На будущий [год] я поеду за границу весною. Это необходимо, пора выйти из неопределенности и определиться. Для этого я должен приготовиться: 1) умственно и 2) материально: 1-е — теперь я читаю Ф е н о м е н о л о г и ю.

9 ноября [1837 года]. Вторник.

Природа не проходит, она содержит в себе всю тотальность отрицания, время — в ней, а не вне ее, и потому оно не имеет над ней могущества, но относится как могущество к единичным, к субъективным осуществлениям и действительностям природы, которые односторонни и не содержат в себе понятия тотальности отрицания, — и потому время всемогуще над ними, они происходят и проходят во времени. Человеческая единичность, человеческий субъект как единичное осуществление природы подлежит тому же закону времени, он так же проходит. Но он заключает в себе всю тотальность отрицания, как полное отвлеченное тождество *я* = *я*, и в этом тождестве он — вне времени и время — в нем, и оно проявляет свое могущество над случайными и несоответствующими определениями этого чистого тождества, и в этом отношении время есть отвлеченная основа как внешней жизни природы, так и внутренней жизни Духа. И мне кажется, что единичные осуществления природы точно так же относятся к тотальности природы, как случайные и односторонние качества или определения субъекта — к чистому субъекту.

№ 228. — П и с ь м о Н. Х. К е т ч е р у *.

[Ноябрь 1837 года.]
Прямухино.

Любезный Николай,

Когда мы расставались, то ты не велел мне тратить попустому бумагу, перья, чернила и время на письма к тебе — и

* Сбоку и внизу письма написано: «Николаю Христофоровичу».

вот почему я до сих пор ни слова не написал тебе. Но, получив недавно деньги и вспомнив, что более полугода прошло с тех пор, как я взял у тебя 100 р. ас., деньги, которые вероятно тебе были нужны, я спешу выслать тебе их. Боюсь, чтоб моя неаккуратность не имела разорительных для тебя следствий: я знаю, как сжаты твои семейные обстоятельства, но поверь, любезный Николай, что только одна совершенная невозможность достать деньги была причиною несдержанного мною обещания заплатить тебе в скором времени. Об этом довольно.

Мои семейные обстоятельства идут как нельзя лучше. Все тихо и смирно. Я читаю каждый день вместе с отцом, мы с ним более и более ладим. Собственные мои занятия идут довольно успешно; я более и более углубляюсь в Гегеля и более и более удостоверяюсь в абсолютности содержания и в абсолютной объективности формы его содержания. Гегель есть совершенное примирение с действительностью, и это было для меня так необходимо, во мне было столько пустого, столько призрачного, столько бестолкового. Не говорю, чтоб и теперь я совершенно освободился от Иван-Александровичества[1], но чувствую, что жизнь моя и кругозор моей духовной жизни становятся действительнее, что я более и более приближаюсь к нормальному состоянию. Я верю в жизнь, верю в ее прекрасное назначение и надеюсь, что я буду принимать в ней со временем действительное участие. Занятия мои стали постояннее, я перестаю мало-по-малу жить и действовать урывками, как прежде. Пора образумиться, пора быть действительным человеком.

Что нога твоего брата?

Затем прощайте, нелепейший из всех людей.

Твой М. Бакунин.

Я буду скоро в Москву.

Меня еще очень беспокоит мой долг Левашовым *; когда я вспоминаю все свои зимние пассажи, то мне становится стыдно. Сколько глупых, пустых, бессознательных поступков. Левашовы, разумеется, не сердятся на меня, но я все-таки поступил с ними не совсем честно. Взять и не отдать! Употреблю все усилия, чтоб заплатить все свои долги, и надеюсь, что успею.

---

* Московские знакомые Бакунина, у которых он забрал много денег.

№ 229. — Письмо сестрам.

[Начало декабря 1837 года. Москва.]

Любезные друзья,

Вот я и опять в Москве, опять должен привыкать к своей московской жизни. Да, милые друзья, вы всегда видите, как, находясь в Прямухине, я стараюсь уехать скорее в Москву, но не видите, не можете видеть, как, выехав из Прямухина, я грущу, как мне грустно расставаться с вами. Москва для меня необходима, потому что в ней гораздо более средств к занятиям, а особливо к изучению той науки, которая составляет исключительную цель всей моей жизни! В Москве я могу найти человека два-три, с которыми могу говорить о том, что меня интересует. Наконец в Москве я избавлен от этих бесконечных сплетней, которыми вы окружены, мои бедные сестры. Но зато здесь нет вас, милые друзья, а вы не знаете, как бывает мне нужно иногда ваше общество, вы не знаете, как я люблю вас.

Впрочем мы никто не должны думать о том, как бы нам было лучше жить. Нет, человек не должен искать необходимых условий своего счастья во внешнем, он должен смотреть на внешнее как на данное, в котором он может найти самого себя, и следовательно внешнее превратить в внутреннее. Внутри человека заключается бесконечная возможность силы и блаженства, и он не иначе может осуществить эту возможность, как переведя свою силу через все превратности и противоположности внешней жизни, он должен сотворить свое счастие, уничтожив его отвлеченное и страдательное отношение ко всем случаям жизни и приняв в него все, что могло бы разрушить или потрясти его, оставаясь для него внешним.

Да, жизнь и счастье тождественны, но только тогда, когда и жизнь, и счастье вышли из своей отвлеченности и наполнились живым, действительным содержанием. Переход от отвлеченного к конкретному необходимо сопровожден страданиями, ужасными страданиями. Но, друзья мои, эти страдания не должны пугать нас, это — переход от смерти в жизнь, как говорит Бетина *. Да, отвлеченное счастье Jenseits ** есть бессильный призрак счастья, смерть, и эта смерть должна преобразиться в жизнь.

---

* Бетина фон-Арним.

** Потустороннее.

Друзья, не будем жаловаться на жизнь, это было бы богохульство. Жизнь дана нам для счастья, для наслаждения. Но тот не может быть счастлив, кто не страдал. Истинная гармония есть разрешение дисгармонии борьбы, примирение с самим собою. Кто не страдал, тот не жил, тот не выходил еще из отвлеченности жизни. Конкретная жизнь, конкретное счастье состоят не в однообразном блаженстве, нет, они осуществляются только тогда, когда человек силою бесконечной и божественной любви удерживает и находит себя во всех противоположностях и превратностях внешней судьбы. Внешняя жизнь, это — почва, на которой должна произрастать наша внутренняя возможность жизни.

Прощайте, друзья, пишите чаще, рассказывайте мне все, что у вас делается, но вместе — и это главное — пишите о том, что составляет сущность вашей жизни, о духовном развитии вашей внутренней жизни.

Ваш М. Бакунин.

На-днях напишу папеньке и маменьке.

(Дальше идет приписка Белинского.)

В. Г. Белинский, пользуясь случаем, спешит засвидетельствовать прямухинским жителям свое почтение и просит их, веря во всем, что пишет к ним Мишель, не относить этого к нему: все эти прекрасные мысли он ворует у меня, не говоря уже о буквах *е* и *ять*. С тех пор, как он начинает жить со мной, я чувствую большое оскудение в моих мыслях, а Мишель, напротив, богатеет ими, разумеется, на мой счет.

(Дальше снова рукою Мишеля.)

Виссарион Григорьевич собрал все свои силы для того, чтоб сделать глубокомысленную критику, и что же, весьма ясно доказал, что он глуп.

(Дальше снова рукою Белинского.)

Ей богу лжет: такой лгун, что ему у нас в Москве даже маленькие дети не верят, да и в голове только (неразборчивое слово) * посвистывает, т. е. у Мишеля, а не у меня.

(Дальше снова рукою Мишеля.)

---

* Должно быть: ветер.

Последняя оговорка: «т. е. у Миши, а не у меня», доказывает, что он, зная вашу проницательность, боится, чтоб, несмотря на все его старание, вы не увидели истины.

(Снова рукою Белинского.)

На это не стоит и отвечать: выходка грубая и не приправленная цветами остроумия.

№ 230. — Письмо сестрам Беер.

(7 декабря 1837 года.)

Милые друзья,

Вот я и в Москве, ближе к вам на 250 верст, и стоит мне проехать еще эти 250 верст, чтобы снова очутиться среди вас. Этот год был истинным прогрессом для всех нас. В прошедшем году все мы жили в иллюзии и во лжи. Мы все много, очень много страдали за эти ошибки, необходимые в течение нашей жизни. Выход из призрачности всегда связан с страданием: в нем есть момент ужасный, момент разрушения всех призрачных надежд и верований и отсутствия всякого действительного наполнения жизни, момент совершенной и бесконечной пустоты, отвлечения чистого, отвлеченного пустого *я*, *я*, отпадшего от бога, и это погружение в свое *я*, отделенное от мировой, абсолютной жизни, есть ад. Мы все перешли и должны были перейти через страдания этого ада: они очистили и приготовили нас к истинному раю, к действительному блаженству.

Друзья мои, страдания наши да будут для нас залогом нашего блаженства! Я не стану писать вам много о нашей дружбе, я сознаю ее теперь истинною и действительною, теперь, когда вы повидимому сомневаетесь в ней.

Пишите ко мне чаще на имя швейцара.

На будущей почте напишу более и подробнее.

Ваш
М. Бакунин.

1837 г. 7-го декабря. Москва.

№ 231. — Письмо сестрам.

7 декабря 1837 года. Москва.

Любезные друзья!

Вот уже более недели, как мы разлучены, и я до сих пор еще не могу совершенно опомниться. Я до сих пор не знал, до

какой степени я вас люблю, до какой степени я привязался к вам в нынешнее лето. Да, в этом нет никакого сомнения: оно положило истинное, крепкое основание нашей дружбы, которая вместе с нами перешла в действительный мир. В прошедшем году в нас была сильная потребность любви, но не было возможности любить. По крайней мере во мне было совершенное отсутствие этой возможности; я жил в каком-то призрачном мире и по необходимым законам духа был отрешен от всякой действительности. Любовь же есть высшая действительность и не терпит призрачности. Любовь — только там, где человек чувствует действительное присутствие бога в себе и действительное движение свое в общей мировой жизни. Мы все страдали по степени грехов своих, и так как мои грехи, мое падение были бесконечно более ваших, то и страдания мои были сильнее. Но эти страдания очистили и приготовили нас к истинно блаженной жизни. В нас осталось еще много призрачностей, но мы сделали уже большой шаг, сознав их призрачную сущность и уверившись в том, что все ложное должно разрушиться и уступить место истинному *.

Я совершенно позабыл, что письмо мое сегодня уйти не может, так как по вторникам почта в Тверь не идет. Поэтому я буду продолжать это письмо сегодня вечером, чтобы отослать его завтра. А пока господь с вами.

Я напишу Беерам, так как сегодня отправляются письма в Орел **.

11 декабря 1837 года. Москва.

Неделя прошла с тех пор, как я начал это письмо, и до сих пор оно еще не послано. Вам нечего объяснять это явление, вы знаете мою манеру писать письма; мне не нужно также уверять вас в своей дружбе. В сторону все объяснения, все доказательства о существовании ее между нами; она теперь действительна и не нуждается в доказательствах, все доказательства в ней самой. Милые сестры, мы друг друга сильно любим, в этом нет никакого сомнения; между нами не может быть более недоразумений. Что вы мне говорите о забвении? Оно невозможно, я не мог бы позабыть вас даже и в таком случае, когда бы хотел этого.

Но довольно об этом, сделаю теперь краткое описание моего приезда в Москву, хотя у меня и нет такого описательного слога,

---

* Следующий абзац по-французски в оригинале.
** Отсюда снова по-русски в оригинале.

как например у Вис[сариона] Григор[ьевича] *, с которым я теперь вместе живу и который просит вас не позабывать его.

В субботу вечером я приехал в Тверь к полковнику Шпилевскому, который был мне от души рад. Я всякий раз с ним с удовольствием вижусь; несмотря на многие кривые понятия, в нем сохранилась пылкость юноши, в нем есть чистая, светлая любовь ко всему истинному, благому и прекрасному. На другой день поутру отправился к братьям, которые, разумеется, были также очень обрадованы моим приездом. Они — славные ребята, в них очень, очень много прекрасных начал, и они теперь находятся именно на той степени, на которой по своим летам и по своим элементам должны быть. Мы вместе с ними провели у полковника воскресенье и понедельник; читали Марбаха, Беттину **, говорили обо многом, и полковник, как кажется, их очень полюбил. Они также покороче познакомились с ним и обещали ходить к нему чаще. Воскресенье я был у бабушки ***, которая рассказывала мне, как к ней все это время заезжали знатные родные: Набоков, Мордвинов etc.; старушка от этого в восторге; рассказывала, как в ее присутствии вытягивались Докторов и другие военные чины перед Набоковым. У нее квартира красивая, комнаты меблированы хорошо, стол вкусный, родня знатная, одним словом все условия счастливой жизни; и старушка показалась мне вполне довольною своей судьбою.

Понедельник во втором часу ночи я отправился с дилижансом в Москву вместе с одним французом, прежде отправлявшим должность гувернера и преподавателя всех наук, а теперь поселившимся в Париже и приехавшим **** сюда для окончания своих дел; в другом отделении того же дилижанса ехал его товарищ, также француз; они меня оба потешали; первый после короткого и весьма лаконического с моей стороны разговора рекомендовал меня другому: «Это — многообещающий юноша, в котором много хороших сторон. Жаль только, что он простоват» *****. Тот посмотрел с одобрительною улыбкою и рассказывал мне потом по случаю худого обеда, данного нам в одной станции, что у них в Париже за 3 франка подают 50 кушаний

---

* Белинского.

** Арним.

*** Полторацкой.

**** В оригинале сказано: «поселившегося... и приехавшего».

***** Эти слова в кавычках по-французски в оригинале.

одно лучше другого, а мой товарищ поправил его, сказав, что не 50, а только 25. Настоящие французы.

Во вторник вечером я наконец приехал в Москву к Левашовым, у которых нашел детский бал.

Середу увиделся с [В. П.] Боткиным и Вис[сарионом] Григор[ьевичем]. Вы знаете, что при описании высоких сцен самые красноречивые писатели кладут перо в сторону и отказываются невозможностью продолжать; я сделаю то же самое. Середу, четверг, пятницу, субботу, воскресенье, понедельник и вторник я жил с молодым Левашовым и привыкал к своему новому положению. Мне было грустно, очень грустно без вас. Так хотелось обнять вас, поговорить с вами, и эта тоска по вас была так сильна, что я дня три не мог приняться за дело. Кроме того Левашовы живут так далеко от всех моих друзей, что ни финансы, ни время не позволяли мне часто видеться с ними. Это побудило меня переехать к Виссариону. Но буду продолжать по порядку.

Четверг вечером я был у Боткина и нашел там Лангера *, которому передал твое письмо, дорогая Варинька. Я сказал ему насчет сухости его писем. Он ответил, что боялся, как бы его письма не были прочитаны другими, а это опасение мешало ему выражаться свободно **.

Потом был у Поля, который признавался мне в том, что он завидовал Лангеру: «ich war ganz eifersüchtig» ***, — сказал он мне. Наконец в субботу, в высокоторжественный день именин тетушки Варвары Ивановны, был у нее. Она мне сказала, что для высокоторжественного дня я избавляюсь от брани; я же просил ее, чтобы каждый день был ее именинами.

В комнате (я теперь живу у Виссариона) так жарко, что я спешу окончить письмо; все чувства отупели. Wir können nicht anders fahren als auf einem Dampfboot (пароход), anders wird es zu theur sein und mit vielen Schwierigkeiten verknüpft ****.

Сегодня еду слушать музыку Моцарта Requiem *****.

Бееровых писем вы ко мне не прислали. Пришлите их.

Ваш М. Бакунин.

(До понедельника).

---

* Дальше в оригинале по-немецки.

** Отсюда в оригинале снова по-русски.

*** «Я прямо ревновал».

**** «Мы можем поехать не иначе как на пароходе, иначе поездка обойдется слишком дорого и будет сопряжена со многими тягостями».

***** Реквием.

№ 232. — Письмо сестрам Беер.

[Первая половина декабря 1837 года. Москва.]

Милые друзья,

Давно уже я обстоятельно не говорил вам о себе и о делах моих сестер. Все это время я был снедаем величайшим беспокойством. Любинька была при смерти, а наши родители воспользовались ее болезнью, для того чтобы возобновить все свои жалкие интриги против Вариньки в пользу Николая [Дьякова], против меня и против Танюши и Александрины. Чтобы вы могли составить себе об этом более точное представление, я посылаю вам письмо моих сестер.

Любаша, кажется, поправляется, но опасность еще не миновала. Не обвиняйте ее за перемену по отношению к сестрам. Я очень хорошо ее понимаю. Душа ее есть чистое небо, которое может покрываться облаками только под влиянием внешних причин, а не само по себе. Ее внутренняя гармония никогда не нарушалась самопроизвольно. Если бы внешние обстоятельства ее не потрясли, она всегда оставалась бы спокойною и никогда не знала бы горя. Она подобна Маргарите в «Фаусте», которая никогда не знала бурь и навсегда осталась бы в этом состоянии детски-небесного покоя, если бы Фауст не вырвал ее из этой естественной гармонии и из этого бессознательного себялюбия. Мать всегда ее любила или, лучше сказать, внешне выказывала ей любовь, и Любаша в последнее время страдала, видя неправильные поступки родителей. Впрочем я думаю, что она бы даже не заметила дурного поведения родителей, если бы ее любовь к Станкевичу не отделила ее интересов от интересов родителей. А теперь, веря в близкую смерть, она целиком предалась родителям. Это огорчает моих бедных сестер, но они ее не обвиняют, они так же хорошо ее понимают, как и я.

Бедняжка Варинька, Танюша и Александрина должны много страдать, но они тверды, и я за них не боюсь. Когда они еще полностью не вступили в новую сферу, которую я им указал, когда они еще не освободились окончательно от противобожеских и особенно от противохристианских предрассудков, привязывавших их к жалкой стороне человеческого существования и следовательно не позволявших им еще наслаждаться глубоким и свя-

тым покоем человека, уверенного, что он живет в боге и носит бога в себе, я еще за них боялся. Но теперь, когда они обрели истинную веру и истинную религию, я уже не боюсь ничего. Обстоятельства не зависят от нас; мы можем их изменять, мы можем придавать им божественный характер, живущий в нас. Но часто мы не можем их изменять. Главное это быть готовым ко всему и никогда не поступать противно своим верованиям.

Что касается меня, то я спокоен и уверен в себе. Истина должна победить, каковы бы ни были обстоятельства этой победы. Я пишу своему отцу всю правду без околичностей. Я сообщу вам, дорогие друзья, обо всем, что из этого произойдет. Расскажите же мне о себе. Пишите мне почаще, адресуйте ваши письма на имя Константина *, пока он находится в Москве, если вы не можете адресовать их на мое собственное имя.

Ваш друг

М. Бакунин.

№ 233. — Письмо сестрам.

[14 декабря 1837 года.]
Москва.

Любезные друзья!

Ваши письма наполнены глубокою грустью: бедная Любаша больна. Я понимаю, совершенно понимаю ее теперешнее положение, ей грустно без Николая, она чувствует себя одиноко **. Его молчание пугает ее. Вдохните же в нее ту веру, которою вы сами наполнены, сбросьте с себя это уныние, расслабляющее дух, вспомните, что все — благо, что нет тщетного стремления, нет бесполезного страдания; страдать можно, но между просветленным, одухотворенным страданием и страданием конечного человека — бесконечная разница: последнее слепо, оно тяготит душу именно потому, что оно слепо.

Ты слышишь, тут о радости нет речи.
Я хмелю предаюсь мучительных отрад,
Любезной я вражде и сладкой грусти рад.
Чтоб грудь моя, не алча знаний боле,
Могла затем все горести вместить,
И что всем смертным выпало на долю,
Я сам в себе желаю пережить.

---

* Беер.
** Ее жених Н. Станкевич выехал в августе 1837 года за границу.

Восторг и скорбь, все, чем трепещут люди,
Я накоплю в своей дрожащей груди,
В стремленьи их найду свое стремленье
И потерплю, как и они, крушенье.

Faust, Göthe *.

Вот что говорит Фауст, заключая союз с Мефистофелем. Он говорит это потому, что он еще не совершенно пал; он чувствовал, что беспрерывная цепь наслаждений и радостей не есть полная конкретная жизнь, что гармония имеет смысл только как разрешение, как венец дисгармонии.

Да, милые друзья, достижение истины состоит не в том, чтоб никогда не страдать, но в том, чтоб эти страдания не убивали в нас созерцания истинной, бесконечно прекрасной мировой жизни. Страдания ограниченного человека ужасны, для него из них нет выхода, его мир беден, призрачен, и этот мир, вне которого для него нет спасения, нет жизни, этот мир потрясаем внешнею, слепою случайностью. Для просветленного же человека нет слепого случая, для него все просветлено, частное не существует само по себе, но носит на себе характер общего, есть выражение благой воли живого бога, бога, исполненного любви.

Милая Любаша, твое состояние тяжко, очень тяжко; ты страдала до сих пор если не более, то по крайней мере не менее нас, хотя ты, кажется, и призвана исключительно к счастью, к наслаждению в жизни. Ободрись же, милый друг, посмотри на свои страдания с другой точки зрения, пойми и в них общую жизнь, почувствуй, что и они также выражают святую волю провидения, волю, которая хочет не смерти, но жизни грешников, как говорит Спаситель. Просветляйте, милые друзья, дух свой, не давайте ему заснуть в ограниченной субъективности, пусть осуществит он в действительности то, что он — в возможности, а в возможности человек есть бесконечное блаженство, неограниченная всемогущая любовь, живущая в жизни бога и ощуща[юща]я в себе движение этой жизни. Чем выше назначение человека, тем сильнее должны быть страдания, которые составляют необходимый путь для достижения его цели.

Друзья мои, не спрашивайте меня более, люблю ли я вас, нужна ли мне ваша дружба. У меня нет мерки для того, чтобы

---

* В оригинале выдержка из «Фауста» Гёте приводится по-немецки; мы даем русский текст по переводу Фета (изд. А. Маркса, С.-Петербург, 1899, стр. 66).

сравнить свою любовь к вам с вашею любовью. Но я чувствую, что ваша любовь для меня есть высшее, блаженнейшее осуществление того мира, в котором и для которого я хочу жить. Третьего дня я был в Singverein * и слушал вместе с Боткиным и Лангером Requiem ** Моцарта; человека 80 пели, фортепианы заменяли орган. Здесь я в первый раз услышал Requiem. То, что положено на фортепианы, почти не может быть названо даже скелетом. Это — божественная музыка, в ней выразилось все высокое и все ужасное католицизма, это фантастическое, а вместе и величественное время средних веков, где человечество, пораженное божественным величием веры Христовой, не пожелало ***, чтобы на земле могло осуществиться его учение, и, позабыв землю, стремилось туда, к небу. Католицизм, эта религия царства божия по ту сторону жизни, наложил на земную жизнь какую-то страшную печать порывающегося человека, для которого здесь нет и не может быть наслаждений, для которого наслаждения здесь, в этой жизни, преступны, который там ужасно наказывается за каплю наслаждения, выпитую им из чаши земной жизни. Приметьте, что Моцарт написал и «Requiem» и «Don-Juan» **** — эти два противоположные полюса католицизма.

В нем все перенесено туда, на седьмое небо. Земля же — не что иное, как место испытания, и человек, отказавшийся от всех благ земных, сосредоточивший всю жизнь свою в надежде и в вере в будущее, награждается там царствием божиим. Вот источник этой бесчисленности монашеских орденов, рыцарских обетов, крестовых походов и всех этих сильных проявлений жизни средних веков. И горе тому, кто пресытился и предался земным благам, горе тому, кто искал здесь блаженства: его ожидает там ужасная вечная кара, вечный ад.

> «Что скажу я пред Господом, когда и
> праведник насилу может спастися?»

Вот, что поется в «Requiem», которого я вам пришлю перевод.

Милые друзья, кончаю письмо, надо скорее послать его на почту. Завтра посылаю вам «Роберта-Диавола» *****; я абони-

---

* Певческий кружок.
** Реквием.
*** Это слово в оригинале неразборчиво.
**** «Дон-Жуан».
***** Опера Мейербера [1].

ровался на полгода, вы можете держать его, сколько хотите; а когда разыграете, пришлите назад; тогда я вам пришлю других нот. Писать буду часто.

На будущей неделе пришлю «Фауста» и «Кота Мура» *.

Только будьте покойны, не унывайте, верьте в мою любовь к вам, она бесконечна, она согревает меня, она дает мне минуты высокого, святого блаженства. Все к лучшему, все будет хорошо и не давайте только своему духу заснуть, ищите блаженства в действительности, она просветлит, укрепит вас.

Ради бога, пошлите за Циргом **, если Любаша сколько-нибудь еще слаба, от меня ничего не скрывайте. Это понятно, но ложно. Истина, совершенно открытая истина во всем есть святая обязанность, краеугольный и основной камень истинной дружбы. Не пренебрегайте болезнью Любаши и пошлите за Циргом, если бы она даже и не хотела этого. Грустно без вас, но разлука необходима. Еще увидимся и не раз. Придет время, будем жить вместе.

Мы неразлучны, наши жизни составляют одну жизнь. Бог с вами.

Брат и друг

М. Бакунин

От Николая *** давно писем нет, но он кажется здоровее и бодрствует. На-днях надеюсь прислать к тебе письмо от него, милая Любаша.

Перевод с французского.

№ 234.—Письмо сестре Варваре.

[Декабрь 1837 года. Москва.]

Варинька, ободрись, я требую этого от тебя во имя божие. Довольно колебаний, довольно сомнений! ****. Время просветления наступило, солнце истины взошло, взгляни на него. Оставь все свои старые, односторонние, языческие мысли, долой сомнения, долой оцепенение! Предайся всецело бесконечной божествен-

* Роман Гофмана [2].

** Врач.

*** Станкевича [3].

**** Дальше до конца абзаца по-немецки в оригинале.

ной любви: эта любовь обладает бесконечною, неограниченною силою. Она тебя обновит, она даст тебе новую жизнь, бесконечную жизнь любви, силы и блаженства. Да, тот, кто не обладает полным блаженством, не живет еще в истине, в откровении, ибо истина, откровение есть законченное разрешение всех противоречий, всякой дисгармонии в совершенной, невыразимой гармонии *.

Варинька, до сих пор ты слишком мало верила в меня, что бы ты ни говорила, наша дружба всегда была истинною в возможности и никогда в действительности. Варинька, возымей ко мне полную веру, пойми меня не в одних моих слабостях (эту сторону вы подвергали достаточно обстоятельному анализу), но со стороны моей силы, моей любви, моей могущественной веры. Да, Варинька, я чувствую, что я много сделаю для тебя, я чувствую, что мне предстоит освободить тебя целиком. Верь только в мою любовь, в мою полную, безграничную любовь.

Твой друг

М. Бакунин.

Вскоре мы увидимся.

№ 235. — Письмо сестрам.

[13 декабря 1837 года. Москва.]

Милые друзья!

Ваши предчувствия сбылись. Как только я уехал, на меня снова поднялось гонение. Вчера я получил письмо от папеньки, написанное маменькою, в котором он упрекает меня в том, что я разъединил вас с ним, в том, что я развратил ваши души, напитав их преступными софизмами st.-simonisme **, скрытыми под личиною христианства; в том, что я убил в Вариньке любовь к мужу, начинавшую разгорать[ся] сильным огнем прежде моего приезда, весною нынешнего года; в том, что вы с ними не откровенны, в том, что вы им более не верите, в том, что братья бежали из гимназии, и им насилу удалось образумить их. Все это кончается увещанием сделаться наконец истинно христианским сыном или прекратить свои философические посещения в Прямý-

* Дальше снова по-французски в оригинале.

** Сен-симонизма, т. е. учения французского утописта Сен-Симона и особенно его последователей, проповедывавших эмансипацию женщины.

хино. Батюшка повторяет, что он без мужа решительно не отпустит тебя, милая Вариньканька, в Карлсбад, что ты самовольно и без всякого принуждения вышла замуж и что ты поступаешь подло и святотатствуешь, оставляя своего мужа, что все это — плоды советов наших приятельниц Бееровых и моего учения, что мне хочется непременно съездить за границу, на чей бы счет то ни было, etc., etc., etc.

Итак все, что мы строили с такою любовью, с такой святою надеждою найти истинного отца в папеньке, все это разрушилось. Не унывайте только, милые друзья; будьте тверды. Вы знаете очень хорошо, что не гнусными правилами st.-simonisme'а я возвратил силу и спокойствие духа. Это — новая попытка взбунтоваться *. Варинька, по зрелом размышлении ты должна решить, едешь ты в Казицыно или нет. Будьте спокойны, все пойдет хорошо, мы непременно победим. Пишите мне почаще. Что поделывает Любаша? Пишите мне обо всем.

Я буду отвечать папеньке, буду отвечать откровенно, напишу все, как знаю и чувствую.

Ваш М. Бакунин **.

Теперь нам нужно ждать новой [не]аккуратности *** в нашей переписке. По крайней мере для меня ничего нового в этом не будет, я лично этого не боюсь. Раз я решился высказать им всю правду, то для меня безразлично, прочтут ли они ее в моих письмах к вам или в тех, которые я направлю прямо им. Я не в состоянии определить вам то чувство, которое возбудило во мне письмо отца, настолько оно фальшиво и недобросовестно. По тону его видно, что отец собирается прибегнуть к энергическим мерам. Я решился резать правду-матку, и мое письмо также будет решительным. Не пугайтесь этого, дорогие друзья, правда не может быть злом. Раз высказав ее, я буду более свободен, я вольнее вздохну, я буду в своей истинной сфере. Не поддавайтесь только унынию, будьте уверены, что всё, что делается, хорошо, что правда никогда не будет побеждена, и что все зло и

---

* Дальше до конца абзаца по-немецки в оригинале.

** Дальше приписка до конца письма по-французски в оригинале.

*** Явная описка: вместо «неаккуратности» в подлиннике сказано «аккуратности» (если только слово «аккуратности» не употреблено здесь в ироническом смысле).

все страдания представляют на самом деле благо, так как приводят к истине.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 236. — Письмо сестрам Беер.

[Середина декабря 1837 года. Москва.]

Милые друзья,

Берусь за перо только для того, чтобы сказать вам несколько слов, так как я должен сейчас же посылать на почту. Ваши письма доставили мне большое удовольствие. Мне нужно было знать, что вы живете уже не в призраках, а в действительности, которая составляет истинный источник всякого сильного и мощного существования, всякого истинного блаженства, и которое является первым условием человеческого достоинства и силы.

Я получил письмо от папеньки, который под влиянием маменьки (!) снова объявляет мне войну. Я отвечу ему совершенно откровенно. Вам я напишу во вторник.

Прощайте.

М. Бакунин.

№ 237. — Письмо сестрам.

18 декабря 1837 года. Москва.

Милые друзья!

Не знаю, сумею ли я передать вам впечатление, произведенное на меня вашим последним письмом. Мне грустно было узнать об охлаждении Любаши к вам, грустно было увидеть совершенную перемену батюшки; мне стало их жалко, но зато мне весело за вас, меня порадовала ваша твердость. Да, друзья, подобные обстоятельства служат меркою для сознания действительности сил своих. Не унывайте, друзья, мелкие интриги, бездушное коварство не в силах задавить истины; она сильна сама собою и не нуждается в внешней опоре и не боится внешних препятствий.

Все мои усилия нынешнего лета и нынешней осени клонились к тому, чтобы сблизиться с отцом. Нам всем казалось, что

эти усилия не тщетны, что он начал понимать нас лучше, чем прежде, что он начинал чувствовать ту сильную любовь, которую мы к нему питаем, и которая не исчезает, несмотря на все его несправедливости, несмотря на все его неблагородные поступки. Он нас не может оскорбить, источник нашей жизни слишком свят, слишком чист для того, чтобы кто-нибудь мог возмутить его; но нам горько за него самого, нам горько видеть, что в своей старости, в которой для него необходимы и гармония, и спокойствие, и мир с самим собою, он отдаляется от нас, которые его истинно любим, которые понимаем и любим его человеческую сторону, и отдается тем, которые радуются его непросветленным сторонам, которые играют им, которые могут только возмутить его душу, загрязнив ее своим гнусным обаянием, но которые не утешат и не согреют его, потому что в них нет любви.

Друзья, вспомните слова Спасителя: «Не думайте, чтоб я пришел принесть мир на землю. Я пришел не мир принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку с свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Любящий отца или мать более, нежели меня, и любящий сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня. И кто не возьмет креста своего и не последует за мною, тот недостоин меня» (Матф., X, 34—38). Да, друзья, это прямо к нам относится. На нас нападают не за пороки, не за преступления, не за привязанность к земным, непросветленным благам, нет, на нас нападают именно за то, что мы отвергли от себя все непросветленное духом истины и любви, за то, что мы не играем жизнью, а понимаем святость ее и не отдаем ее на поруганье мелкой, ничтожной толпе. Чего же нам бояться? Мы ничего не потеряли, мы никогда ничего не ожидали от этой бедной толпы. Наше счастье и наша жизнь — не от мира сего; источник их — в вечном духе, в вечной разумной любви. Он нам скажет, что делать и что говорить.

Будем же тверды, будем покойны, будем же счастливы в наших горьких обстоятельствах. Друзья мои, обстоятельства эти должны еще крепче связать нас; наш союз свят и велик, он основан не на мелкой суетности, нет: святая истина, вечная любовь — вот его незыблемое основание. Я напишу папеньке, напишу ему всю правду. Не бойтесь моей горячности: я никогда не был так покоен и тверд, как теперь. Слова мои к отцу будут истинны, но не будут оскорбительны; они выразят мою любовь

к нему, потому что, еще раз повторяю вам, любовь моя к нему ничем, никакою несправедливостью его не может быть разрушена.

Пишите чаще. Будущий вторник пришлю вам «Кота Мурра», «Фауста» и музыку «Роберта-Диавола».

Брат и друг ваш

М. Бакунин.

[В. Г.] Белинский вам кланяется.

№ 238. — Письмо сестрам.

22 декабря 1837 года.

Москва.

Любезные друзья!

Итак папенька, несмотря на неоднократное повторение того, что он [Н.] Дьякову советов давать не будет, что он не напомнит ему о праве его на сына, решился сочинить для Дьякова письмо для того, чтобы испугать тебя, милая Варинька, а может быть, и для того, чтобы насильственно заставить тебя жить с Дьяковым. Не он ли говорил мне у себя в кабинете на третий день после своих именин *: «Разве Варинька не знает, что она рискует потерять своего сына? Я сказал ей, что отец имеет право отнять его у нее, как только мальчику исполнится четыре года. Но я сказал это только для того, чтобы напугать Вариньку, потому что в законе нет такого условия. Я конечно не стану давать Дьякову советов против моей дочери, но ручаться за него нельзя, так как он — не ангел, а затем он может встретить злонамеренных людей, которые подадут ему такой совет»? А роль этих злонамеренных людей берет на себя мой отец, именно он дает Дьякову советы, пагубные для его дочери.

Не папенька ли мне сказал: «Варинька думает, что я еду восстановить Анну Михайловну ** против нее; как бы я ни был ею недоволен, я не стану восстанавливать кого бы то ни было против дочери»? И этот самый нежный отец не боится передать свое невыгодное мнение о дочери, свою досаду на нее, кому же? Александре Ивановне Лошаковой, этой мерзкой сплетнице, везде презираемой за свои подлые происки; женщине, которая чутьем слышит, когда в семействе дисгармония, и поставляет себе

---

* Дальше до конца абзаца по-французски в оригинале.

** Сестра отца Бакунина, проживавшая в Казицыне.

за обязанность клеветать на одного перед другим и разрывать все самые святые связи!

Знаете, сестры, что мне становится за папеньку страшно? Я понимаю, что человек, выведенный из себя недоразумением, может быть несправедливым, может увлечься до насильственного, даже до бесчеловечного поступка, но до такой степени быть фальшивым и до такой степени обманывать! Неужели папенька в самом деле фальшив, неужели он до такой степени умеет обманывать? Страшно, сестры, страшно. Нет, покуда во мне останется хоть искра надежды для того, чтобы узнать противное, я употреблю ее. Как! папенька, человек, покрытый сединами, человек, святость души и любовь которого мы никогда не подвергали сомнению, человек, который всегда так уважал правдивость и прямодушье, неужели он обманывает? Нет, сестры, я не могу и не хочу этому верить; завтра я пошлю письмо к нему, в котором я высказываю все, что у меня на душе. Совершенная, полная откровенность — последнее средство. Неужели ему не нужны более любовь и привязанность детей? Может быть, письмо это совершенно разрушит его любовь к нам, может быть, оно мне докажет, что не недоразумение, а действительность, ужасная действительность нас разделяет. Но да будет воля божия! Что будет, то будет, должно быть ко всему готовым и с твердостью переносить все удары судьбы. Бог нас не оставит, потому что наше дело право, и наши сердца чисты и исполнены любви. Будем благословлять и тех, которые нам делают зло.

Но любовь не есть слабость. Любить не значит быть слабым, и потому, Варинька, я, до сих пор удерживавшийся от всякого решительного совета и предоставлявший действия твои решениям твоей собственной воли, я отдаюсь тебе совершенно. Варинька, все силы, все средства, всю жизнь мою, все отдаю я тебе. Варинька, я буду теперь давать тебе советы, и советы решительные, потому что нам медлить нельзя. Против нас все от малого до великого, за нас — только одна правость дела, и поверьте, милые сестры, что мы имеем огромное преимущество перед ними: наша совесть покойна, души наши согреты любовью, в то время как им страшно должно быть или будет заглянуть в свои души, потому что в них живет ложь и ненависть.

Варинька, отвечай [Н.] Дьякову, что ты за границу теперь не поедешь, потому что у тебя нет для этого ни средств, ни позволения; а без средств и без позволения твоя поездка в Мариен-

бад невозможна. Скажи ему решительно, что ты с ним ехать и жить не хочешь, что если он может отнять у тебя сына, то пусть делает он это законами, через суд. Ты чрез это ничего не потеряешь, тебя по милости их уж без того все бранят и ругают, так пусть же они и сами себя обесславят. Непременно сделай это, Варинька, я требую этого: поверь мне, хуже быть не может. Будь тверда, обопрись на правость твоего дела, а будущее предоставь воле божией, которая устроит все к лучшему.

Да, милые сестры, настало время, где мы не должны более молчать, где мы не должны уступать ни одного шагу, что бы там потом ни было.

Ваш истинный друг и брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 239. — Письмо сестрам.

24 декабря 1837 года.

Москва *.

Мои дорогие друзья, я полагал, что сегодня сумею послать письмо папеньке. Но я должен столько ему сказать, что хотя я исписал уже десять больших листов, я не знаю, как и когда оно будет закончено. Надеюсь, что мне удастся отослать его завтра или в крайнем случае послезавтра. Я думаю, что это письмо окажет то действие, которого я ожидаю. Папенька всегда упрекал меня в недостатке доверия к нему. Он был прав. Но это недоверие с моей стороны не было лишено основания. Я не мог и не должен был говорить ему об этом открыто, ибо моя откровенность не могла быть половинчатою, а полная откровенность могла разрушить гармонию, которою мы начинали наслаждаться, и могла растравить старые раны, в то время как имелось столько новых.

Теперь наступило время откровенности. Я говорю отцу все. Я признаюсь ему во всем, рассказываю о недовольстве, которое мы питали и питаем к родителям, и об упреках, которые мы можем сделать себе за наше поведение по отношению к ним. Папенька и маменька будут читать в наших сердцах, и если истинная друж-

* Дата в оригинале по-русски.

ба еще возможна между нами, то полная откровенность с моей стороны должна облегчить ее осуществление. Если же нет, то да свершится воля божия. Мы по крайней мере узнаем всю правду, отношения выяснятся, и это уже будет большим достижением. В противном случае, дорогая Варинька, ты должна быть тверда. Я навел здесь справки и могу сообщить тебе вполне удовлетворительные сведения. Муж может подать прошение губернатору, который должен переслать его губернскому предводителю дворянства. Последний должен попытаться помирить спорящие стороны. Жена может ответить, что она не может жить с мужем по причинам, о которых она не может говорить *, по одной ей известным причинам. С тебя могут наконец взять подписку, что ты будешь с мужем, ты дашь эту подписку и все-таки жить с ним не будешь. Могут взять с тебя еще несколько подобных подписок, наконец могут опубликовать тебя в газетах, но принудить тебя насильно, т. е. силою, жить с мужем и отнять у тебя сына никто не может.

М. Бакунин.

№ 240. — Письмо сестрам.

24-го декабря 1837 года. Москва.

Сестрам.

Боюсь, чтобы то письмо ** не было перехвачено, и потому это пишу через [Ф.] Ржевского. Будьте тверды, ничего не бойтесь и надейтесь на бога, на свою правоту и на меня.

Ты, Варинька, должна отвечать [Н.] Дьякову, что ты в Мариенбад не поедешь, потому что для этого тебе необходимы и деньги, и позволение, но что ты с ним жить решительно не будешь, особливо после его грозного письма, что если он хочет заставить тебя жить с ним вместе или отнять у тебя сына твоего, то пусть прибегнет он для этого к суду. Они будут стараться испугать тебя, может быть, покажут тебе статью в своде законов, где сказано, чо жена должна находиться в неограниченном повиновении у мужа, что она везде за ним должна следовать. Но не бойся, друг мой Варинька, все это — вздор, я узнал об этом подробно, и вот результат моих разысканий. Муж может подать

* Дальше до конца абзаца по-русски в оригинале.
** Повидимому предыдущее (№ 239).

просьбу к губернатору, губернатор передает ее дворянскому предводителю; дворянский предводитель может и должен стараться примирить спорящихся и несогласных супругов. Жена может ответить, что она не может жить с мужем по причинам, ей одной известным.

И мужу дадут по секрету совет, чтобы он постарался заслужить любовь жены другими средствами. Наконец с жены могут взять несколько подписок, что она будет жить с мужем, но отнять сына у матери никто не может. Самое большое, что могут сделать, это — опубликовать тебя в газетах. Но что тебе до этого? Уж и без того все обществ[енное] мнение против тебя. Пусть они бесславятся, если хотят бесславиться. Боюсь одного, чтоб папенька не застращал тебя,— ты знаешь, какой он на это мастер; не верь ничему, чем бы тебя ни вздумали пугать. Отдайся совершенно на мое распоряжение. Это — необходимое и единственное условие для того, чтобы я мог для тебя что-нибудь сделать, и я сделаю для тебя все. Постараюсь устроить так, чтобы в случае нужды ты могла уехать куда-нибудь из Прямухина. Отвечай мне через Федора *.

Твой М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 241. — Письмо сестрам.

(25 декабря 1837 года. Москва.)

Дорогие друзья, во имя неба побольше мужества и твердости. Теперь в особенности мне нужна ваша неограниченная вера во все, что я говорю, и неограниченное повиновение во всем, что я вам укажу делать. Только при этих условиях я могу действовать для вас. Но раз я буду уверен в вас, я сделаю все. Варинька, у тебя не могут отнять сына. Не бойся их угроз и всего, что они придумают для того, чтобы тебя напугать. Они действуют для сохранения декорума, для спасения своей репутации. У тебя не могут отнять сына силою и произвольно. Они должны будут обратиться к закону, а ты знаешь, как трудно им будет это сделать, ибо они должны будут распроститься тогда со всяким декорумом, они принуждены будут сами начать скандальную историю. Делая это, они покроют себя срамом, а это вовсе не входит в их расчеты.

* Ржевского.

И если даже они решатся обратиться к силе закона, это ничего им не даст. Ты сможешь ответить правительству, что не можешь жить со своим мужем по ряду причин, которые известны тебе одной и о которых ты не можешь гласно заявить. В худшем случае тебя заставят дать подписку (обяжут подпискою жить с мужем) *. Ты не изменишь своего поведения, не станешь жить с мужем и сохранишь сына, которого никто не может отнять у матери. Хотя некоторые старые законы против тебя, ты не должна ничего бояться, ибо наше правительство слишком истинно-отеческое, слишком гуманное и слишком просвещенное для того, чтобы не брать сторону слабого и справедливого. Варинька, ты хорошо понимаешь, что я говорю тебе это на основании собранных мною точных справок. Я уверен в том, что говорю, и ты хорошо понимаешь, что я не захотел бы подвергать опасности твое счастье. Поэтому, дорогой друг, я требую от тебя неограниченной веры и повиновения. Ты должна это выполнить по отношению ко мне, дорогой друг, так как в противном случае ты подвергнешь риску мою собственную безопасность. Я спокоен только потому, что уверен в вас. Но раз эта уверенность пошатнется, ничто не в силах будет удержать меня от употребления единственных средств, которые останутся в моем распоряжении. Отвечай своему мужу, что ты не хочешь ехать в Ивановское **, что он не может отнять у тебя сына силою: во-первых это невозможно, так как ты, находясь всегда подле своего сына, не позволишь сделать это без сопротивления, а во-вторых всякое насильственное действие составляет преступление и посягательство на права правительства. Таким образом, если он хочет отобрать у тебя сына, скажи ему, пусть обратится к защите законов. Я знаю, дорогой друг, что тебе тяжело оставаться в Прямухине, но мы с тетушкою Тат[ьяною] Мих[айловною] постараемся доставить тебе убежище в Красном или в Москве ***.

Крепитесь, дорогие друзья, наступило время результатов. Наше дело справедливо и свято. Бог нас вдохновит, не будем кощунствовать против него слабыми делами, которые докажут наше неверие в него и отсутствие в нас любви к нему.

М. Бакунин.

25 декабря 1837 года. Москва.

---

* Слова от «подписку» до «мужем» по-русски в оригинале.

** Это слово по-русски в оригинале.

*** Слова «Тат[ьяною] Мих[айловною]» и «Красное» по-русски в оригинале.

№ 242. — Письмо отцу.

15-го декабря 1837-го года. Москва.

Любезный батюшка!

Вот уже третий день, как я получил Ваше письмо, и непривычка говорить с Вами откровенно во мне так сильна, что я долго не брался за перо, боясь предаться свободному движению своих чувств и тем усилить недоразумения, которые по несчастью и без того уже весьма сильны между нами. Я знаю, что Вы упрекаете меня в неоткровенности, это даже — один из главных пунктов обвинения, изложенных в Вашем последнем письме, и я с радостью признаю это обвинение справедливым. Да, любезный батюшка, с радостью, потому что я чувствую, знаю, что откровенность, откровенность полная, неограниченная есть первое условие всякой истинной и действительной любви, что недостаток откровенности был одною из главных причин наших недоразумений, что недостаток откровенности был главною преградою к осуществлению истинных отношений между нами. Да, батюшка, я очень часто сам упрекал себя в нем, несколько раз решался открыть Вам всю душу, передать Вам все свои мысли, все свои чувства, все свои сомнения, но для этого должно бы было перебрать все прошедшее, и я боялся растравить едва зажившие раны, боялся, чтобы воспоминания не дали повода к новым недоразумениям, чтобы они не возмутили едва установившееся спокойствие и не возобновили бы старых сцен; я знал лишь эти сцены, тягостные для всего семейства, видел на опыте, что разговоры вместо того, чтобы уничтожать его дисгармонию, усиливали ее, а спокойствие и гармония были для него необходимы.

Вот причины, побудившие меня к молчанию; и неужели вы думаете, что это молчание было для меня легко в то время, как я знал, что оно — непреодолимая преграда к нашему взаимному пониманию? Неужели вы думаете, что мне легко было сказать себе: у меня нет отца, и что во мне не было сильной потребности с Вами сблизиться, уничтожив прошедшее в настоящем? Неужели Вы не приметили, любезный батюшка, что в продолжение целого лета и всей осени я старался осуществить это желание? Да, были даже минуты, где мне казалось, что оно осуществляется, что недоразумения, разделяющие нас, исчезают, что мне скоро можно будет говорить с Вами совершенно откровенно, без всякой боязни произвести новые недоразумения. Нет, батюшка, я не почитаю

себя ни гением, ни святым; я очень хорошо вижу все свои слабости, знаю, что во мне их очень много, я не ослеплен насчет своей личности; я знаю, батюшка, что личность человека, сама по себе взятая, отдельно от общего,—ничто, что существенность ее зависит от степени общей истины, наполняющей ее; я знаю, что я очень далек от того, чтобы быть наполненным истинным содержанием, но во мне есть любовь к истине и к источнику всякого просветления и всякого величия, и эта существенная сторона моей жизни составляет все ее значение, она поддерживает меня и дает мне силы к перенесению всего, что я навлек на себя своими собственными ошибками. Во мне нет ни самодовольствия, ни самоудивления, я чувствую себя еще очень далеким от того, чем я хочу быть, и мне необходимы любовь и советы отца, а особливо такого отца, как Вы. Поверьте, любезный батюшка, что, несмотря на наше взаимное отдаление, я умею ценить Вас, я понимаю, чем Вы могли бы быть для меня; понимаю, что найти в Вас истинного отца и истинного друга было бы для меня истинным счастьем, я бы с радостью вылил бы перед Вами всю свою душу, показал бы Вам все ее раны и все ее непросветленные стороны, а их еще очень много.

Да, батюшка, я дорого заплатил бы за приобретение Вашей любви, но для этого я должен бы был высказать все, что в душе моей происходит, все свои мысли, чувства и сомнения, должен бы был возобновить не только свое прошедшее, но и прошедшее сестер, потому что жизнь моя непосредственно связана с их жизнью, и еще раз повторяю, любезный батюшка, я боялся начать совершенно откровенный разговор, а половинная, неполная откровенность — то же самое, что совершенное отсутствие откровенности. Я узнал это на опыте. В продолжение лета и осени я старался быть по возможности откровеннее, надеялся, что мое сближение с Вами действительно, и что же? Последнее письмо Ваше показало мне, что все мои надежды — не что иное, как призраки, и что мы так же далеки друг от друга, как и прежде. Не скрою, батюшка, что письмо Ваше сильно потрясло меня, разрушив все мои ожидания, оно заставило меня сильно сомневаться в возможности осуществления одной из моих сильнейших потребностей — быть Вами понятым, доказать Вам, что моя любовь к Вам истинна, и вознаградить Вас полною любовью и полною доверенностью за все то, что Вы для нас сделали и за нас перенесли.

Ваше письмо предоставляет мне теперь два выхода: или навсегда отказаться от Вашей любви и от всех отношений с Вами, или прибегнуть для сближения с Вами к последнему средству, к совершенной, неограниченной откровенности. Первого средства я сам не выберу и не могу его выбрать: отказаться от всякой надежды на Вашу любовь выше сил моих; Вы можете сами меня к этому принудить. Вы вправе решительно оттолкнуть меня от себя, но покамест во мне останется хоть призрак надежды восстановить то, что уже так давно не существует, до тех пор буду употреблять все от меня зависящие средства для того, чтобы осуществить ее, и я выбираю теперь последнее: совершенную, неограниченную откровенность.

Да, батюшка, я расскажу Вам все, что у меня на душе, я не скрою от Вас ничего и прошу Вас только об одном: поймите смысл этого письма и не придавайте ему другого, ему чуждого значения. Я буду говорить в нем о главнейших обстоятельствах моей жизни и жизни нашего семейства, буду говорить о тех обстоятельствах, в которых мне кажется, что Вы были в отношении к нам неправы. Не думайте, чтобы я хотел делать Вам упреки; я знаю, что это — не дело сына, и вследствие этого я всегда избегал до сих пор разговора, касающегося нашего семейства. Но теперь я должен напомнить Вам об этих несчастных обстоятельствах, потому что они имели сильное влияние на наши настоящие отношения. Настоящее может объясниться только прошедшим. Я мог бы сказать Вам, что я во всем кругом виноват, согласиться с Вами во всем, и это, повидимому, должно бы было положить конец всем недоразумениям и совершенно соединить нас, но было ли бы действительно это соединение? Могли ли бы Вы удовлетвориться этим внешним, кажущимся согласием и может ли быть единство со-вне, когда внутри разъединение? Кроме этого это было бы с моей стороны недобросовестно, неблагородно, противно моему человеческому достоинству, которым я не хочу и не могу жертвовать ни для каких благ. Только благородные средства могут довести до благородной цели; только истина может иметь следствием истину. И потому я должен теперь или молчать, или говорить истину так, как я ее понимаю и чувствую. И так как я молчать не могу, то я и решаюсь высказать Вам себя без всякой утайки. Может быть, Вы поймете слова мои иначе, может быть, Вы захотите придать им другое значение, но я, не видя перед собою никаких других способов к выходу из моего тяжкого поло-

жения, выбираю единственный предстоящий мне способ и решаюсь сказать Вам всю правду.

Я знаю, любезный батюшка, что Вы не только подвергаете сомнению, но даже совершенно отрицаете истину моей любви к Вам. Это для меня не ново, эта мысль давно уже меня тревожила, и я до сих пор, несмотря на тщетность многих усилий доказать Вам противное, не могу привыкнуть к ней, не могу помириться с мыслью, что Вы никогда не узнаете и не почувствуете сильное чувство любви, которое я к Вам питаю. Я знаю, Вы мне на это скажете: «Любовь состоит в делах, а не в словах; она доказывается делом, а не словом, а ты мне ничем не доказал любви своей; напротив все твои действия почти всегда противоречили моим желаньям; ты до сих пор еще ничем не заплатил мне за мою любовь, за мои попечения об тебе, ты в короткое время твоего поприща наделал много глупостей, а мне — горя, ты до сих пор еще не был со мною откровенен. Где же любовь твоя?»

Вот один из главных упреков, повторяемых Вами мне неоднократно. Но в самом ли деле любовь состоит в деле, отдельно, самом по себе взятом? Если это так, то одни и те же действия должны быть во всякое время и во всех обстоятельствах постоянным выражением любви. Но бывает ли это так на опыте, в жизни? Нет, одно и то же действие может в различных обстоятельствах вытекать из различных источников, и то, что один раз может быть выражением любви, может в другой раз быть следствием корыстолюбия, самолюбия, тщеславия и других нехороших побуждений, совершенно чуждых любви. Не явно ли отсюда следует, что дело не есть еще любовь, что нельзя сказать, что такие-то и такие-то дела суть безусловные доказательства любви? Любовь необходимо действует и выражается в действиях своих, и, основываясь на этом, апостол Иаков сказал: «Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва». Но так как дело само по себе, отдельно взятое, не имеет никакого значения и так как оно получает свое значение только от любви, то апостол Павел и сказал: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то сие ни к чему не послужит мне». Да вот Вам живой пример, любезный батюшка: Вы оставили службу, которую Вы любили, в которой Вы были полезным и действительным членом общества, Вы оставили ее из самопожертвования для исполнения воли и желания своих родителей; от меня же Вы требовали, чтобы я из того же самого побуждения вступил в службу.

Оставить службу и вступить в службу — действия совершенно противные, и, несмотря на свою противоположность, они должны были быть следствиями одного и того же побуждения, следствиями сыновней любви.

Итак теперь ясно, что любовь — не в деле, и так как все различные роды любви — не что иное, как различные проявления одной и той же общей любви, то следовательно и сыновняя любовь состоит также не в деле. А если не в деле, так в чем же? В повиновении воле родительской и в исполнении их желаний? Но повиновение воле родительской вытекает ли всегда из любви, и не может ли оно также иметь источником своекорыстных видов и побуждений? Кроме этого разве нет множества случаев, где христианство, это чистое и совершенное осуществление любви, запрещает повиноваться воле родительской и исполнять желания родителей? И наконец слепое повиновение детей может ли удовлетворить любящих родителей, не нужно ли им что-нибудь другое? Не нужна ли им откровенность детей, откровенность свободная, свободно вытекающая из самостоятельной потребности детей слить жизнь свою с жизнью родителей? Это свободное излияние душ детей перед родителями не есть ли главное и необходимое проявление их любви к ним, и может ли она быть там, где слепое повиновение поставлено им долгом как единственное проявление любви? Где повиновение есть исключительная и единственная форма любви, там не может быть самостоятельной и свободной жизни детей, а где нет свободной и самостоятельной жизни, там не может быть откровенности, не может быть любви, а могут быть только рабские отношения. Но только свободный человек может любить свободного человека, только сын может любить отца, а раб господина своего любить не может. Отсюда явно следует, что и повиновение также не есть любовь, что сообразование с желаниями родителей может быть следствием любви, но что взятое само по себе, отдельно от всего другого, оно может быть совершенно чуждо любви.

Если же детская любовь — не в деле и не в повиновении, отдельно взятых, в чем же она заключается? В естественном, природном чувстве. Если в самом деле детская любовь ограничивается естественным чувством бессознательной и безотчетной привязанности к родителям, то слепое повиновение их воле, безусловное сообразование с их желаниями должны быть не только необходимыми, но даже, можно сказать, единственными проявле-

ниями ее. Естественное чувство неопределенно, потому что оно бессознательно, в нем только одно определение: делать приятное тому, кого любишь, каким бы то образом ни было, и здесь дела нет до средств, всякое средство позволено для этой высшей цели. Все другое ниже естественной любви, потому что она не вытекает из другого, высшего, а основана сама на себе. И сын, любящий отца чувством естественной любви, не только может, но даже должен, повинуясь ему, что сообразуясь с его желаниями и делая ему приятное, жертвовать всем остальным, потому что все остальное ниже этого непосредственного, ближайшего к нему чувства.

Но в самом ли деле детская любовь ограничивается этим естественным, бессознательным и безотчетным чувством привязанности к родителям? Нет, естественная, инстинктивная любовь точно так же, как и естественный человек, истинна, но только в возможности, а не в действительности. Назначение человека выше назначения животного, назначение его духовно, и вся жизнь его, все малейшие частности его жизни должны условливаться и определяться духовностью его назначения. Он по преимуществу есть существо духовное, и вне своей духовности он теряет всякое значение как человек и ничем не отличается от животного. Христианство, это откровение божественной и вечной истины, переданное нам Иисусом Христом, единородным сыном бога живого, есть решительное торжество духовного элемента над естественным началом. Содержание христианства есть любовь, святая благодать всеблагого бога, сшедшая к нам для того, чтобы просветить нас, для того, чтобы нас совершенно проникнуть своим божественным светом, и для того, чтобы возвысить нас до высокого звания сынов божиих. Всякое человеческое чувство, всякая человеческая мысль, всякое человеческое действие, вытекшие из этой общей всеобъемлющей любви, признаются христианством за святую вечную истину. Все же, не проникнутое этой благодатью, все чуждое ей, ничтожно, призрачно, жертва греха и смерти. Человек сам по себе—ничто, всякое действие его и все побуждения его ничтожны, если они находятся вне присутствия божества, если в нем нет этой любви, заповеданной нам Христом; началом христианства поставлена любовь, в этом не может быть никакого сомнения. Недаром говорит апостол Павел, что если в нем не было бы любви, то, что бы он ни сделал, какое бы мучение он ни перенес, это ни к чему не послужило бы. И в этой любви нет, «не

может быть разделения». «Двум господам служить не можно»,— сказал Спаситель.

Итак все другие чувства, все другие привязанности должны быть пожертвованы этой едино-святой любви или должны быть проникнуты ею, ибо они преступны, пока они не проникнуты ею, преступны, как разделяющие человека на две половины, как делающие его слугою двух господинов. Итак все чувства человека, чувство любви к родителям, чувство любви к мужу или жене, чувство любви к отечеству, к другу, к науке, к искусству только тогда истинны, только тогда могут быть названы человеческими в христианском смысле этого слова, когда они вытекают из общей и главной любви человека к богу; вне этой любви все призрачно и все ничтожно. Все назначение человека есть не что иное, как стремление соединиться с богом, соединиться с ним силою христианского откровения, силою благодати духа святого, и вся жизнь его и все малейшие частности его жизни должны быть проявлением этого стремления. В соединении с богом лежит все назначение, все блаженство человека. Бог хочет не смерти, но жизни грешника, он хочет его блаженства; и жизнь есть блаженство в настоящем смысле этого слова. Человек сотворен для блаженства, а не для страдания; страдание есть только переходное состояние, оно также благо, потому что оно пробуждает человека от усыпления и от опошления духа, оно напоминает ему, что он находится во лжи, что он не там ищет удовлетворения своим потребностям, что удовлетворение это — в другой сфере, которая не от мира сего и которая недоступна для людей, привязанных к жалким и тленным благам мира сего:

19. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут.
20. Но собирайте себе сокровища на небеси, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.
21. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше.

(Глава VI, Матф.).

Да, человек должен отвергнуться всего, что не просветлено этою любовью, от всякого наследства, не соединяющего человека с богом; все чисто земное дано ему как средство, а не как цель, и горе ему, если он превратит средство в цель. Он самовольно отделяет себя от бога и покрывает душу свою корою непроницаемою и недоступною для любви. О, я понимаю великое и святое

таинство любви, но считаю благословение церкви только тогда действительным, когда оно утверждает собою союз, уже заключенный взаимною и внутреннею любовью, иначе оно так же недействительно, как и причастие недействительно для того, кто подходит к нему без веры и без любви. Я понимаю святые отношения родителей и детей, но они имеют для меня смысл только тогда, когда они вытекают из христианского назначения человека; когда отец и мать воспитывают детей своих для жизни в боге, когда они разжигают искру божию, положенную в их души, когда они приготовляют их к великому назначению человека и не требуют от них, чтобы вне этого единственного пути, для достижения истинного счастья они искали бы его на других, совершенно ему противоположных путях, когда они не требуют от них, чтобы они делали то, что совершенно противно их человеческому достоинству. И сюда принадлежат слова Спасителя:

34. Не думайте что я пришел мир принесть на землю. Я пришел не мир принести, но меч.

35. Ибо я пришел разделить сына с отцом его и дочь с матерью ее и невестку с свекровью ее.

36. И враги человеку — домашние его.

37. Любящий отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; и любящий сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня.

(Глава X, Матфей).

Да, когда родители требуют от детей своих того, что противно их убеждениям, что противно их понятиям о добре, то дети не только имеют право, но даже должны не повиноваться им (разумеется, что я говорю здесь о взрослых и совершеннолетних детях). Если бы даже они и заблуждались, то родители могут и должны стараться вывести их из заблуждения, но только путем убеждения, а не насильством, потому что, так как заблуждение — внутри человека, то и средства для уничтожения его должны быть внутренние; насильственные же средства ни к чему не ведут, потому что любовь вытекает не из насильства, а из любви. Родители, действительно любящие детей своих, хотят не рабского их повиновения, а любви их; любовь же и рабство друг другу совершенно противоположны. Вся цель христианского воспитания заключается в том, чтобы дать человеку второе рождение от духа, по словам Спасителя, чтобы развить в нем самостоятельную и свободную жизнь, чтобы приготовить его к трудному поприщу жизни, к перенесению всех горестей и страданий, необходимо

встречающихся в жизни, а не к тому, чтобы сделать из него раба без всякой самостоятельности и слепого угодника слепых произволов родителей. Любовь может быть только там, где есть свобода, не та пошлая вольность и не тот глупый либерализм, которые несовместны ни с каким законным порядком, но та свобода, вследствие которой человек любит добро и свободно пребывает в нем сознательно, как в единственной сфере, где могут удовлетвориться его самые святые потребности и где может осуществиться то вечное блаженство, к которому всякий человек назначен от рождения. И это воспитание, основанное на христианской любви, а не на посторонних целях, есть основа любви детей к родителям. И дети, получивши таким образом два раза рождение от родителей, не могут не любить их, не могут не иметь потребностей в полной, неограниченной откровенности родителей и в неограниченной возможности открывать им самих себя и требовать от них советов в различных обстоятельствах жизни.

Вот, любезный батюшка, как я понимаю отношения христианских детей с христианами-родителями.

Теперь я приступлю к описанию главных обстоятельств моей жизни и жизни нашего семейства и еще раз повторяю Вам, что только крайность моего положения и решительное отсутствие всех других средств для восстановления истинной и действительной гармонии между нами принуждают меня к этому тяжкому возобновлению прошедшего. Не знаю, какие будет иметь следствия моя первая решительная попытка быть с Вами откровенным (а, может быть, и последняя). Может быть, она вместо того, чтобы уничтожить недоразумения, усилит их еще более, но я предоставляю все воле божией и хватаюсь за последнюю соломинку для спасения истинных моих отношений с Вами.

Самым счастливым временем нашей прямухинской жизни были для нас наши детские годы; во мне остались еще живы все впечатления моего детства; что посеяно в детстве, то может быть потрясено, но ничем, никакими силами искоренено и разрушено быть не может. А любовь моя к Вам, любезный батюшка, любовь полная, неограниченная началась с моим детством. Вы были для нас всех чем-то великим, выходящим из ряда обыкновенных людей. Мы не понимали и не могли понимать Вас, но чувствовали Вас. Слово Ваше было для нас долго, очень долго безусловным доказательством истины; Вы были для нас безусловным и неограниченным авторитетом во всех отношениях;

Вы слились с самыми лучшими воспоминаниями нашего детства. Вы редко бранили и, кажется, ни разу не наказывали нас, но мысль, что Вы узнаете о каком-нибудь нашем проступке, мысль, что Вы рассердитесь на нас, приводила нас в ужас. Я помню еще, с какою любовью, с какою снисходительностью и с каким горячим вниманием Вы слушали нашу детскую болтовню; я помню, как мы были счастливы, когда мы приносили к Вам пойманную нами бабочку или найденный и до тех пор не виденный нами цветок; я никогда не забуду этих вечерних прогулок на пильный завод или в Костюшино, где Вы нам рассказывали какой-нибудь исторический анекдот или сказку, где Вы заставляли нас отыскивать редкое у нас растение, и как горд, как счастлив был тот, кому удавалось отыскать его. Помню еще один лунный вечер; небо было чисто и усеяно звездами, мы шли в Мытницкую рощу, и Вы вместе с сестрою Варинькою рассказывали нам историю солнца, месяца, туч, грома, молнии и т. д. Помню один летний день, в котором я хорошо учился, и Вы были довольны мною, и Вы помогли мне устроить мост к нашему маленькому острову. Помню, как один раз, гоняясь за бабочками в отсутствие маменьки, мы позабыли, что наступило время обеда и что Вы ждете нас; как мы испугались, когда мы об этом вспомнили и нашли Вас в зале, сидящего за столом и уже обедавшего; Вы не сказали нам ни слова, встали прежде нас, и мы были этим так испуганы, мы не знали, что делать; после же обеда, отдохнувши, Вы позвали нас гулять и говорили с нами, как-будто бы ни в чем ни бывало, и мы были так изумлены тогда Вашею добротою, так счастливы и так веселы. Наконец я помню эти зимние вечера, в которые мы всегда читали Robinson Suisse *, и это было для нас таким великим, таким неограниченным наслаждением! Потом наступал великий пост, и мы вместе с Вами говели, и страстная неделя имела для нас что-то неизъяснимое, торжественное. Эта святая торжественность, нарисованная на Вашем лице, эти черные ризы, эта мрачная и грустная служба, поздние всенощные; после всенощной мы приходили в гостиную, которая не была еще освещена, Варинька садилась за фортепиано и брала аккорды, Вы говорили нам о страданиях, о божественной святости Спасителя, потом, когда подавали свет, мы вместе читали Евангелие. Наступала среда, и мы вместе исповедывались и после исповеди соби-

* «Швейцарский Робинзон», известный роман для детей, весьма ханжеского характера.

рались вечером к ужину, и все было так тихо, так свято, так торжественно. Мы не понимали тогда, но чувствовали, что совершается что-то великое. Вы, маменька, сестры, все мы были в одной комнате, тут не было никого постороннего, никто не разрушал своим неуместным присутствием этой святой гармонии. Потом в четверг мы приобщались, потом мытье образов, 12 евангелий, страстная пятница и плащаница, крашение и делание мраморных яиц, субботняя заутреня, где мы все вместе ходили за плащаницей, потом заутреня светлого воскресения, ожидание восхода солнца, возвращение весны, — о, все это слилось, неразрывно слилось с нашею жизнью. Эти происшествия кажутся ничтожными, но они глубоко вникли в душу, они оставили в нас неизгладимое впечатление. Да, батюшка, воспоминение о Вас и любовь к Вам, прямухинский дом, сад и окружности, любовь к природе и наслаждение природою и детство наше — все это слилось в одно, все это составляет наше неотъемлемое сокровище и чуть ли не лучшую эпоху жизни нашего семейства.

Мне было 14 лет, когда я поехал в Петербург. Из родного прямухинского мира я вдруг попал в новый, совершенно мне чуждый мир. Когда было решено, что я поеду в Петербург с К. М. Полторацким, я был рад, потому что я был ребенок, а ребенок обыкновенно радуется всякой новизне. Расставаясь с Вами, с маменькою, с сестрами, я даже не был огорчен или был весьма мало огорчен, потому что я наслаждался бессознательно чудною прямухинскою жизнью, наслаждался бессознательно любовью окружающих меня; я не понимал смысла разлуки, я не испытал еще разницы родного и чужого круга. Но когда прелесть новости кончилась, когда я привык к своему новому положению, когда все пошло обыкновенным порядком, тогда только почувствовал я, что я уже — не в Прямухине. Да, батюшка, бывали минуты (и эти минуты были очень часты), когда мне становилось холодно, видя себя окруженным людьми, мне совершенно чуждыми, когда я не находил возле себя ни одного из тех родных и милых образов людей, которых я любил, сам не зная, что я их любил. Прямухино сделалось для меня с тех пор Меккою, к которой стремились все мои желания, все мои движения, все мои помышления в лучшие минуты моей петербургской жизни. И теперь еще, когда я вспоминаю святые и теплые годы моего детства, и теперь еще я чувствую, что я люблю сильнее и более и Вас, и маменьку, с которою мы уже так давно и так сильно разде-

лены, и сестер, с которыми я связан узами истинной и горячей дружбы. Да, мысль о Прямухине освящала меня, письма Ваши и сестер согревали меня, и я уже чувствовал, что я вас всех сильно люблю, что вы для меня дороже всего в жизни.

Потом я попал к Цылову, бывал у Петра Андреевича Нилова *, у Львовых **; Петр Андреевич заставлял меня читать Четьи-Минеи и приказывал верить всем чудесам ее, и наконец попал я в Артиллерийское училище. Здесь начинается новая эпоха моей жизни. До сих пор душа и воображение мои были чисты и девственны, они еще ничем не были замараны; в Артиллерийском же училище я вдруг узнал всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни, и если я даже не впал в пороки, которых я был частый свидетель, то по крайней мере привык к ним до такой степени, что они не только не приводили меня в омерзение, но даже не удивляли меня. Сам же я привык лгать, потому что искусная ложь в нашем юнкерском обществе не только не считалась пороком, но единогласно одобрялась. Во мне не было прежде сознательного религиозного чувства, но было религиозное чувство, тесно связанное с прямухинской жизнью; Петр Андреевич совершенно безвольно подкопал его, обременив его сказками из Четьи-Минеи, а в Артиллерийском училище оно совершенно во мне исчезло, потому что в мое время во всех моих товарищах было самое холодное равнодушие ко всему святому, великому и благородному. Во мне совершенно заснула всякая духовность, я лгал, выпрашивал у Княжевича *** денег под благовидными, выдуманными мною предлогами. В это время один из юнкеров заставил меня сделать два векселя, я сам сделал несколько долгов. В продолжение трех лет моего юнкерства я почти ничего не делал и работал только в последний месяц года, для того чтобы выдержать экзамен.

Наконец я был выпущен в офицеры 18-ти лет. Тут начинается другая эпоха моей жизни. Из стесненного строгою военною дисциплиною состояния, из совершенного отчуждения от света я вдруг получил личную свободу и вдруг очутился в свете. Я не берусь вам описать чувство, которое меня волновало при этой резкой перемене; скажу вам только, что я стал дышать свободнее.

* Ниловы — родственники Бакунина (см. т. I, комм. к № 5).

** Львовы — соседи Бакунина, музыкальная семья в Петербурге (см. т. I, комм. к № 3 и 12).

*** Дмитрия Максимовича.

что я тут же почувствовал себя благороднее, что во мне в первый раз после столь долгого времени совершенного падения отозвалось опять движение духовной жизни. Сначала я увлекся новым для меня миром, я радовался, как дитя, тому, что я мог итти во всякое время, куда я хочу. Кроме классов я почти не видался со своими товарищами, я разорвал с ними почти все отношения: присутствие их напоминало мне всю пошлость и подлость моего прежнего состояния.

В это время я вообразил себя влюбленным в Марию Алексеевну Воейкову *. Это чувство, хотя и призрачное, хотя и совершенно детское, было первым решительным пробуждением моей духовности, оно возобновило меня, очистив душу мою от ржавчины, покрывшей ее во время моего пребывания в Артиллерийском училище. Жизнь, сильная, благородная жизнь заиграла во мне; я, до тех пор ленившийся, до тех пор не заботившийся о своей будущности, я решил работать над собою, переделать себя. Дарья Алексеевна Державина **, заметив, что я везде преследую М. А. Воейкову, сказала Прасковье Михайловне ***, что это неприлично; Прасковья Михайловна передала это мне, требуя, чтобы я не выходил из дому без ее позволения; это меня оскорбило и, разумеется, должно было оскорбить. Я любил тетеньку Прасковью Михайловну, но мне показалось ее требование деспотическим. Только-что приобретши внешнюю самостоятельность и свободу, я не мог понять, чтобы я должен был пожертвовать ею на каких бы то ни было условиях, и вот с чего начались наши ссоры с Прасковьей Михайловной. Разумеется, что в моих поступках было много ребяческого, детского. Но разве эта потребность свободы не была во мне естественна? Я же чувствовал себя в это время лучше, благороднее; я в первый раз сознательно полюбил жизнь и понял, хотя и темно, святость человеческого назначения; я, потерявший даже всякое значение религии, привыкнувший уже видеть в ней пустую и людьми выдуманную форму, я стал ходить в церковь, стал молиться с верою и любовью, но тетушка Прасковья Михайловна, не примечая прежде моего ужасного падения, не могла понять и моего восстания, не могла понять, что то, что ей казалось необузданными и

---

* См. т. I, письмо № 36.
** См. т. I, комм. к № 9.
*** Нилова, у которой жил Бакунин.

неприличными порывами юности, было возрождением жизни в молодом человеке, в котором прежде иссякла всякая жизнь.

Мария Алексеевна Воейкова потом уехала, я пробежал за каретой по всему Петербургу до самой заставы и остался один с самим собою. Во мне была потребность знания, но я сам не понимал ее, я не знал, что могло удовлетворить меня. И так как я был еще формою без всякого содержания, то счастливое состояние моего духа не могло долго продолжаться, особливо потеряв то внешнее возбуждение, которое его поддерживало. Я стал более и более чувствовать внутреннюю пустоту, и она наконец дошла до такого тяжкого положения, что я не знал, что делать, что начать. Разумеется, что в подобном состоянии я не был способен ни к какому труду и беспрестанно уходил из дому, для того чтобы уйти от самого себя. Я помню, что мне хотелось иногда, чтобы случилось или наводнение, или какое-нибудь другое внешнее обстоятельство, — так меня мучило это совершенное отсутствие всякого внутреннего и внешнего интереса. Тетушка, видя мое бездействие, нападала на меня, бранила меня. Разумеется, что она желала мне добра, но она не понимала моей болезни, а потому и употребляла фальшивые средства. В это время она узнала о сделанном мною векселе; она бранила меня, я помню, что я не смел показаться к ней наглаза. Она любила меня, в этом нет никакого сомнения, но не понимала тогдашнего состояния моей души, наши недоразумения все возрастали и возрастали; наконец она упрекнула меня в том, что я украл у нее какую-то книгу для того, чтобы отомстить ей за ее выговоры. Это обвинение меня так поразило, оскорбило меня в такой степени, что я решился выехать из дому и прекратить с нею все сношения.

Это было в июне месяце, и я поехал в лагери под Красное. Я никогда не забуду одной ночи, проведенной мною в лагерях. Все вокруг меня спало, все было тихо, луна освещала все дальнее пространство, покрытое лагерем; я с одним из товарищей своих, с которым мы занимали одну палатку, стал читать стихи покойного Веневитинова и письма его к какой-то графине [1]; эта чудная ночь, это небо, покрытое звездами, трепетный и таинственный блеск луны и стихи этого высокого, благородного поэта потрясли меня совершенно; все это наполнило меня каким-то грустным, каким-то томительным блаженством. О, я был чист и свят в ту минуту, я был весь проникнут чувством бесконечности и любовью

пламенною, могущественною любовью ко всему прекрасному, божьему миру, ко всем людям, а особливо к Вам, любезный батюшка, к маменьке, к сестрам. Душа моя порывалась к вам, она жаждала видеть вас, говорить с вами, открыто вам показать все светлые и черные стороны свои, перелить в вас все те верования, все те надежды, которыми она вдруг ожила. О, батюшка, я был бесконечно блажен тогда, я чувствовал в себе всемогущие силы для того, чтобы жить, для того, чтобы достойно носить великое звание человека. В первый раз после моего вступления в училище я почувствовал сильную потребность открыться Вам и написать Вам письмо, в котором я Вам признался во всех прошедших винах своих, во всех пороках, которыми я был загрязнен [2].

Мысль о Прямухине опять воскресла во мне, она представилась мне живее, чем когда-нибудь. Побывать в Прямухине, увидеть Вас, маменьку, сестер казалось мне высшим блаженством; желание это сбылось, я получил отпуск и после почти пятилетней разлуки, 19-ти лет, я снова очутился в Прямухине. Я не знаю, что со мною делалось, когда я стал подъезжать к Мытницам, когда я увидел прямухинский дом, когда я вошел в залу и увидел всех вас, сидящих за обедом; когда я обнял маменьку и сестер, когда я подошел к Вам, и Вы обняли меня, и стали разглядывать меня, и стали говорить со мною дрожащим голосом, — о, подобные ощущения чувствуются, а не описываются. В первые дни после моего приезда блаженство мое походило на сумасшествие, потом мы переговорили с Вами и с маменькою о прошедшем. Вы были так добры, так снисходительны, Вы с такой любовью говорили мне о том, что Вы всю жизнь свою посвятили детям, что в нас все счастье Ваше, маменька плакала и обнимала меня, о, тогда я был совершенно счастлив, на душе было так легко, так весело! Но это счастье недолго продолжалось. Любинька была невестою Ренне *.

Любезный батюшка, я уже Вам выше сказал, что моя жизнь и моя судьба тесно и неразрывно связаны с жизнью и судьбою сестер, и потому я теперь прерву рассказ, касающийся собственно до меня, для того чтобы поговорить с Вами о них. Между нами нет ничего скрытого, и потому немудрено, что я хорошо знаю все главные эпохи, все главное содержание их жизни.

---

* Об истории со сватовством Ренне см. т. I, письма №№ 46, 47, 50, 51 и комментарий к № 45.

Я знаю их прошедшую жизнь только по рассказам, потому и не могу Вам представить ее столь же живо, как мою собственную; я обращу однако большое внимание на жизнь несчастной Вариньки, на которой сосредоточилась большая часть из Ваших нападок на сестер.

Детство сестры Вариньки — в самом деле замечательное. Глубокое религиозное чувство началось в ней с самого младенчества; она несколько раз говаривала мне, что, бывши еще совершенным ребенком, она уже любила бога и любила его пламенным, беспредельным чувством бессознательной любви. Недаром бабушка Любовь Петровна сказала про нее, что она — ангел божий. И в самом деле, не странное ли это явление и не доказательство ли это богато одаренной природы, что она, бывши ребенком, была беспрестанно в присутствии бога, везде видела его? Играя в куклы, ей казалось, что он смотрит на нее с любовью, что он видит сердце ее и радуется, видя сердце ее чистым и исполненным любви к нему. Не было ли это особенною благодатью божиею, что она блаженствовала этою мыслью, что она видела во сне Спасителя, который, подошедши к ней, сказал ей: «Если ты все так же будешь любить меня, то я не оставлю тебя»? И можно ли назвать это экзальтациею? Откуда же взялась эта экзальтация? Она может быть в молодой пламенной девушке, но в ребенке ее решительно быть не может.

Я не стану Вам говорить о безграничной любви и доверенности сестер к Вам и маменьке. Говоря о своем детстве, я уже упомянул о них. Вышед из детства, Варинька стала мало-по-малу терять эту небесную гармонию. Ее вместе со мною и с сестрами стали учить катехизису. Иван Алексеевич * — добрый человек, но он, разумеется, не мог внушить нам религиозного чувства, не мог внушить нам любви, без которой в жизни нет никакого смысла. Он рассказывал нам чудесные и фантастические истории из Четьи-Минеи. Это забавляло нас, но нисколько не было полезно. Но Варинькина душа была слишком пламенна, имела слишком сильную потребность в любви для того, чтобы удовлетвориться религиозною внешностью без всякого содержания. Ее стали мучить сомнения. Откуда же взялись эти сомнения? Никто не пробуждал их в ней, они родились в ней самой непосредственно, были необходимым следствием неудовлетворенной потребности любви. Она несколько раз приходила к Вам, любезный

* Прямухинский священник.

батюшка, хотела говорить с Вами, просить о разрешении мучивших ее сомнений, но Вы всегда отвечали ей, что должно верить, а рассуждать не надо. Как-будто она хотела рассуждать! Она хотела верить и любить и сама не знала, чему верить и что любить; она удивлялась, видя, что вокруг нее все покойно, тогда как она мучилась. Она не могла понять общего равнодушия к религиозным предметам, почти совершенно ограниченным формою и лишенным всякого содержания. Ей попались в руки сочинения St.-Francois de Salle *, и она ухватилась за них как за последнюю соломинку, она увидела в нем нераздельную и пламенную любовь к богу и совершенно предалась ему, но с другой стороны она испугалась многих требований римско-католического учения, выполнение которых требовало совершенного отвержения от всего того, что составляет блаженство этой жизни. И в ней началась ужасная борьба между ее чистыми наклонностями и между тем, что она полагала христианским долгом; она полагала себя обязанною оставить всех тех, кого она любила, оставить музыку, которую она всегда так страстно любила, для того, чтобы совершенно отдаться богу. Борьба эта мучила ее, она стала поститься выше сил своих. Танюша и Саша разделяли все ее подвиги. Наконец мученья ее усилились до такой степени, что она чуть-чуть не зарезалась, и вместе с тем боялась открыться Вам, потому что Вы отталкивали ее всякий раз, как она приходила к Вам с подобными вопросами. Julie Nindel ** и уроки музыки Фейгерля *** несколько успокаивали ее и мирили ее с жизнью. Вы стали нападать на St.-Francois de Salle, и я помню еще, как Вы одобрили меня, когда я сказал, что сочинения его — пустые книги.

Но, несмотря на это, вера в Вас и в маменьку была в сестрах неограниченна, и это было причиною, почему сестра Любаша, узнавши Вашу волю и услышавши, что несогласие ее может убить Вас, решилась выйти замуж за барона Ренне. Я сначала не приметил, что Любаша не любила Ренне, и стал примечать это во время общих поездок наших в Казицыно, в Никольское, Веломяги и Поховкино. Тут я в первый раз был свидетелем некоторых сцен, но все еще я не догадывался об их источникам; я думал, что это — сцены ревности между двумя друг друга

---

* Франциск Сальский, женевский епископ, католический святой.
** Юлия Ниндель—прямухинская гувернантка.
*** Учитель музыки в доме Бакуниных.

любящими; сестры мне ничего об этом не говорили, и Вы еще менее. Я даже сначала принимал сторону Ренне, видя его отчаяние, и никак не предполагал, чтобы Любаша вместо любви начала уже чувствовать к нему отвращение и чуть ли не ненависть. И каким образом могла бы мне войти в голову эта мысль? Мог ли я вообразить себе, чтобы Любаша, дочь родителей, которые живут единственно для детей своих, счастье которых неразрывно связано с счастьем их детей, мог ли я подумать, чтобы она выходила замуж из повиновения, чтобы она была принуждена к этому Вашею волею? Наконец сцены становились все чаще и чаще, и я узнал наконец всю истину, сестры были принуждены открыть мне ее. Это меня ужасно поразило, я долго ничего не мог понять. Как! родители, такие нежные, как вы, заставляют дочь свою насильно выходить замуж за человека, ей ненавистного, видят ее страдания, видят, что она целые ночи проводит без сна, в слезах и уже в физических страданиях, и вместо того чтобы принять участие в ее горестном тяжелом положении, вместо того чтобы сочувствовать ей, они ее же упрекают, в то время как она как ангел покорилась своей тяжкой судьбе, она ни на кого не жаловалась, ни на кого не роптала, она делала все, что могла, для того чтобы скрыть свои внутренние мучения, для того чтобы быть нежною ex officio* с человеком, которого она ненавидела, с человеком развратным, с картежником, который принял на себя подлую личину благонравия, который терзал ее, а потом оклеветывал ее перед Вами, и Вы и все бранили ее! Скажите, батюшка, не должно ли было это произвести на нас страшное впечатление? Не должно ли было это потрясти в основании безусловность нашей веры в Вас? Я помню, как Вы и маменька стали тогда нападать на сестер, и за что же? За то, что они не могли равнодушно смотреть на страдания Любаши, за то, что они видели, что Любаша с каждым днем таяла, и что Ренне сценами своими все более и более приближал ее ко гробу, за то, что они говорили Вам об этом и не могли понять, когда Вы им ответили: «Пусть она умрет, но исполняет долг свой!». Нет, батюшка, не я, а вот что положило основание Вашему разъединению с сестрами.

Да, батюшка, перелом в прямухинской жизни совершился во время Ренне и должен был тогда совершиться; противоположность прошедшего и настоящего была тогда слишком резка,

* По обязанности.

для того чтобы сестры и я не почувствовали ее. Вы и маменька, которые были до тех пор постоянными предметами их обожания, да, обожания, потому что кроме религии они ничего не видели выше Вас, Вы, которые до тех пор только тогда и были веселы и довольны, когда они были веселы и довольны, Вы, положившие свое счастье в их счастье, Вы, сливавшие до тех пор свою жизнь с их жизнью, Вы вдруг отделились от них, Вы вдруг разрушили эту чудную гармонию, которой удивлялись, молились, можно сказать, все, знакомые с Прямухиным. Да, Прямухино не для одних нас, но для всех покрылось вдруг трауром. И отчего же это? От того, что Вы вдруг потребовали от одной из дочерей своих жертвы ужасной, которая чуть было не убила ее, которая, может быть, навсегда убила ее здоровье. Скажите, батюшка, не должно ли было это потрясти нас, не должно ли было это переворотить все наши отношения с Вами? Мы, которые видели в Вас до тех пор олицетворение любви к детям, мы не понимали, не могли понять и до сих пор не понимаем причины, побудившей Вас мучить Любашу. Вы нам говорили, что это необходимо для благоустройства семейства, что это было необходимо для Вашего собственного спокойствия как залог будущего счастья всего семейства. Как! девушка, воспитанная в девственной, в святой стыдливости, девушка, проникнутая ею и гармониею, которою дышит все существо ее; душа святая, чистая, которой до тех пор никакое нечистое обаяние коснуться не смело, должна вдруг скинуть с себя этот святой покров стыдливости и чистоты, и для чего же? Для того чтобы ex officio и по мнимому долгу предаться ласкам человека, ей ненавистного, гадкого!

Батюшка, ведь это страшно, ведь об этом подумать страшно; и если это так надо, если это постановлено общественным мнением (я не говорю церковью, потому что это было бы святотатство: христианская церковь основана на любви и благословляет только то, что связано любовью), если этого требует общественное мнение, так зачем же обманывать ее до замужества, зачем облекать ее в это платье девической скромности? Не лучше бы было, если бы воспитание приготовило ее к ее будущей отвратительной судьбе, не лучше ли [бы] было, если[бы] оно в ней воспитало гадкую чувственность? По крайней мере она бы нашла тогда удовольствие в скотских наслаждениях плоти, она не испугалась бы перемены своего состояния, а обрадовалась бы

ему. Но воспитать ее в святости и чистоте, отводить от нее всякое чувственное и гнусное обаяние порока, развить в ней светлые мечты о блаженстве жизни, облечь ее душу в одеяние небесной красоты, разжечь в ней искру божию любви, сделать ее, одним словом, чистым, гармоническим, небесным созданием, дышащим любовью и живущим для любви — и для чего же? Для того, чтобы отдать ее в объятия мужчины развратного, бездушного, который с адским сладострастием будет снимать с нее один за другим покрывала святой стыдливости, который понемногу и постепенно будет истощать и грязнить своим гадким дыханием этот небесный цветок, это чудное, святое божие создание! Для того, чтобы ввергнуть ее в пропасть отчаяния, для того, чтобы приготовить ее к той страшной, отвратительной минуте, где должно разрушиться все ее счастье, все ее мечты, все ее надежды, все верования, где она должна увидеть гнусную действительность во всей ее отвратительности, где она должна проститься с любовью и наперекор всему святому, всему прекрасному, одушевляющему ее, покориться какому-то страшному, адскому долгу и сознать, что жизнь дана не для блаженства, а для вечных воплей и для вечного отчаяния! Батюшка, неужели это — постановление христианской церкви? О, это ужасно, ужасно, лучше никогда не родиться, чем родиться для такого ужасного назначения!

И если это — в самом деле учение христианской церкви, то я понимаю остервенение философизма XVIII века против него В таком случае он уже не философизм, а истинная, святая философия, потому что если христианство таково, то оно не есть учение любви, а учение ненависти и разврата, учение, подавляющее собою все человеческое и все святое, учение, убивающее человеческое достоинство, такое учение одним словом, разрушение которого есть величайшее право на уважение и на звание человека! Но нет, христианское учение не таково, оно есть ученье спасителя всего человеческого рода, ученье сына бога живого, бога любви, учение христианское есть учение любви, учение безграничной и бесконечной благодати святого духа. Спаситель пришел в мир и страдал за нас не для того, чтобы наложить на нас тяжкое, невыносимое бремя, не для того, чтобы попрать наше человеческое достоинство, и не для того, чтобы потушить в нас искру любви, вложенную в нас самим богом, нет, а для того, чтобы вырвать души наши из развращения

и погибели, для того, чтобы облить их любовью, для того, чтобы воскресить их силою любви, силою благодатной любви святого духа, для того, чтобы просветлять сердца наши, зачерствленные и покрытые корою бесчувственности и равнодушия ко всему святому, высокому, благородному и прекрасному, для того, чтобы возвратить нам вечное блаженство, блаженство любви, неразрывно связывающей нас с богом:

28. Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я упокою вы.
29. Возьмите иго мое на себя и научитеся от меня, яко кроток есмь и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим.
30. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко.

(Матф. глава XI-ая).

11. Ибо сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

(Матф., глава XVIII-ая).

3. Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится снова, тот не может увидеть царствия божия.

5. Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и духа, тот не может войти в царствие божие.

6. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух.
14. И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесену быть сыну человеческому.

15. Дабы всякий верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную.
16. Ибо так возлюбил бог мир, что отдал сына своего единородного, дабы всяк, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную.
17. Ибо не для того бог послал в мир сына своего, чтобы он судил мир, но чтобы мир спасен был через него.

(Иоанн, глава III-ья).

13. Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять.
14. А кто испиет воды, которую я дам ему, тот не возжаждет вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

23. Настанет время и настало уже, что истинные поклонники будут поклоняться отцу в духе и истине, ибо таких отец ищет поклонников себе.
24. Бог есть дух: и поклоняющиеся ему должны поклоняться ему в духе и истине.

(Глава IV-ая).

24. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово мое и верующий пославшему меня имеет жизнь вечную; и суду не подлежит, а перешел уже от смерти в жизнь.

25. Истинно, истинно говорю; наступает время, и настало уже, что мертвые услышат глас сына божия и, услышав, оживут.

(Глава V-ая).

35. Я есмь хлеб жизни: приходящий ко мне не будет алкать и верующий в меня не будет жаждать никогда.

47. Истинно, истинно говорю вам: верующий в меня имеет жизнь вечную.

48. Я есмь хлеб жизни.

(Глава VI-ая).

12. Я свет миру; кто последует мне, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.

31. Ежели пребудете в слове моем, то вы—истинно мои ученики.

32. И познаете истину, и истина освободит вас.

(Глава VIII-ая).

1. Смотрите, какую любовь дал нам отец, чтобы нам называться и быть детьми божиими. Посему мир не знает нас, поелику не познал его.

2. Возлюбленные, мы уже—дети божии, но еще не открылось, что мы будем. Знаем только, когда откроется, будем подобны ему: ибо узрим его, как он есть.

3. И всякий, имеющий сию надежду на него, очищает себя, так как он чист.

21. Возлюбленные, если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем свободный доступ к богу.

(Первое послание Иоанна, глава III-ья).

7. Возлюбленные, станем любить друг друга; ибо любовь от бога, и всякий, кто любит, рожден от бога и знает бога.

8. Кто не любит, тот не познал бога, потому что бог есть любовь.

12. Бога не видал никто никогда. Если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает, и любовь его совершилась в нас.

18. Страха нет в любви, но совершенная любовь изгоняет страх, ибо в страхе есть мученье. Боящийся несовершенен в любви.

(Глава IV-ая).

И неужели эта религия, приисполненная любви, неужели христианство заповедало несчастным людям такие страшные, неисполнимые обязанности, как мнимые обязанности брака, не просветленного любовью? Нет, решительно нет. Брак есть великое дело, святое таинство, как соединение двух свободных людей, освященное церковью; но в христианстве соединены только те, которые соединены любовью; христианство благословляет только любовь и ничто кроме любви. Я говорю здесь не об этой почти чисто чувственной привязанности, которую обыкновенно называют страстью, нет, а о любви духовной, о любви двух душ, проникнутых общехристианской любовью; эта любовь для действительности брака необходима. И в самом деле, что может побудить двух людей к заключению брака? Воля родительская? Нет, воля родительская не признается в браке; христианская церковь спрашивает у девушки, по воле ли она идет замуж или нет, и если она скажет «нет», то церковь не благословит брака, и если иногда

родители и заставляют детей своих солгать перед алтарем и сказать «да», когда душа говорит «нет», то это — святотатство и злоупотребление незаконной власти сильного над слабым. Житейские условия и удобства? Нет, христианская церковь — не от мира сего, она не запрещает человеку печься о средствах к жизни, но также и не признает их за святые и за таинство; и если брак есть не что иное, как результат торговой сделки, то в нем нет ни на каплю святости. Чувственная потребность? Но она совершенно противна христианству, которое исключительно основано на духовном элементе человека, и потому назвать ее таинством было бы совершенно противно духу христианского учения. Какая же побудительная причина христианского брака? Разумеется, взаимная духовная любовь двух людей, имеющих потребность друг в друге, любящих друг друга во Христе, чувствующих взаимную потребность слить души свои в одну душу и вследствие этого и тела свои в одно тело, чувствующих непреодолимую потребность жить одною жизнью, быть друг другу всем на земле, переносить вместе и радость и горе и итти вместе к великой цели и вместе исполнять великое назначение человека и вместе приближаться к тому высокому, святому блаженству, которое есть ранний или поздний удел всякого человека. Да, батюшка, я с Вами согласен, подобный брак есть великое, святое таинство.

Я знаю, батюшка, что Вы отвергаете эту любовь, что Вы видите в ней преступное чувство, по крайней мере Вы мне сказали это в прошедшем году несколько дней после чтения статьи Белинского. Батюшка, неужели Вы в самом деле не верите возможности святой любви между мужчиною и женщиною? Ведь Вы верите возможности истинной и действительной дружбы между двумя мужчинами; ведь Вы верите, что дружба есть один из тех благодатных даров, которым благое провидение торжественно проявило духовное преимущество человека над животным, которым оно проявило его святое, великое назначение; ведь Вы отвергаете истину дружбы, связывающей нас с Виссарионом Григорьевичем потому, что Вы полагаете, что он учит меня не доброму, а худому. Следовательно Вы полагаете добро и любовь к добру необходимым, единственным условием всякой истинной дружбы. Ведь Вы называете дружбою только то чувство, которое бесконечно и существенно в своем основании; ведь Вы не удостаиваете именем дружбы всякое чувство, которое может пройти, которое основано на конечном взаимном интересе и которое с основанием этого

интереса само может пройти; ведь Вы подобных друзей, так часто встречающихся в жизни, называете приятелями, а не друзьями. Следовательно Вы придаете глубокое, святое значение дружбе. На чем же основана дружба? На взаимной пользе, на взаимной корысти? Но польза и корысть в житейском смысле этих слов — самые конечные интересы, и потому по вышесказанному они не могут быть основанием истинной дружбы. На случае? Но случай может быть причиною только встречи двух людей; случай может только свести двух людей, но связать их не может. Это так часто повторяется на опыте, в жизни: люди беспрестанно встречаются, а истинных друзей так мало. Привычка? Но привычка ведь — совершенно безразличное определение; я могу привыкнуть ко всему — и к комнате, и к столу, и к собаке, и к добру, и к злу, и к чистоте, и к разврату, и к дружбе, и к ненависти. Привычка следовательно совершенно безразлична; она может укрепить в нравственном и духовном мире то, что уже существует внутри человека, но произвести духовного, святого чувства не может. Какое же основание истинной дружбы? Внутренний мир, бесконечный и святой интерес человека, общая любовь, оживляющая его, характеризующая его и составляющая смысл и сущность всей жизни человека. Дружба только тогда свята, когда она основана на этой вечной любви, вследствие которой человек есть сын божий, сонаследник Христа, член того вечного царства благодати и блаженства, которое есть неотъемлемая собственность, неотъемлемое сокровище всякого человека. Вот истинная дружба, вот на каком основании она есть святое чувство.

Но, несмотря на неоспоримую святость дружбы, церковь не признает ее за таинство, а признает брак за таинство. Следовательно брак еще выше дружбы; следовательно духовный союз людей, связывающихся браком, должен быть еще глубже дружбы. «И двое составят одну плоть; тайна сия велика»,— в отношении ко Христу и к церкви говорит апостол Павел. Следовательно естественный брак не есть тайна, потому что естественный брак есть соединение двух в одно тело вследствие чувственной потребности; естественное же соединение не есть духовное и потому и не христианское соединение. Духовное соединение двух душ в одну душу необходимо для того, чтобы освятить соединение двух тел в одно тело. Только тот брак, в котором неразрывно связаны духовное и телесное единство двух людей, только тот брак есть христианский брак, а следовательно и таинство. Но в

чем же состоит духовное соединение? Разумеется, в любви; только любовь может заставить девушку оставить отца и мать свою, оставить и семейство, и родину, в которых она провела всю молодость свою, с которыми слилась вся прошедшая жизнь ее; только одна любовь может заставить ее оставить всех и все, проститься навсегда со всем прошедшим для того, чтобы прилепиться к мужу и духом и телом; не страсть, в которой господствует по преимуществу чувственный элемент и которая поэтому проходяща, а потому и не может быть основою семейственной жизни, нет, а любовь, любовь, основанная на сознательном духовном единстве мужчины и женщины, любовь, которая подобно дружбе вытекает из общей христианской и мировой любви человека к богу и к ближнему и которая выше дружбы, потому что она по естественному и духовному закону жизни дополняет и дает полноту и целость как существу мужчины, так и существу женщины. Только любовь может просветлить и одухотворить для женщины естественное соединение, которое без любви должно быть гадко, отвратительно, невыносимо для всякой женщины, в которой есть хоть капля того святого, девственного чувства стыдливости, которым должно быть наполнено все существо женщины, и без которого она — не женщина, а урод, чудовище, произведение человеческой испорченности. Только в браке, основанном на любви, может быть муж действительным посредником между Христом и женою своею так, как Христос есть посредник между богом и людьми, по словам апостола Павла. Женщина — так же человек, как и мужчина, а потому нет такой стороны жизни, нет такого сокровища в жизни, которые бы были для нее недоступны. Все истинное, все благое и все прекрасное точно так же принадлежит женщине, как и мужчине, и составляет точно так же сущность ее жизни и ее назначения, как жизни и назначения мужчины. Женщина имеет над животным бесконечное преимущество духа над слепым инстинктом точно так же, как и мужчина, и потому назначение ее столь же духовно, как и назначение мужчины. Женщина — сама себе цель и свободна. Это-то и составляет существенную разницу между христианскою и магометанскою женщиною, и только вследствие этого может она быть верною и лучшею подругою мужчины, потому что любить и быть любимым может только тот, кто свободен, кто живет для свободной и самостоятельной цели. Назначение женщины есть также соединение с богом и жизнь в боге.

Какая же разница между мужчиною и женщиною? Та разница, что мужчина может по естеству своему и по законам своей духовности жить самостоятельно и опираясь на самого себя в чувственном мире и непосредственно жить во Христе и через него в духовном мире, в то время как для женщины необходим покровитель в естественном мире и посредник в духовном, посредник между Христом и ею. Естественные ее покровители — отец, братья, другие близкие родственники и наконец муж. Но для того, чтобы это покровительство было действительно, они должны любить ее, иначе ей, может быть, придется искать другого покровительства от этого покровительства. В духовном мире отец также есть первый посредник между Христом и дочерью и передает посредничество мужу. Но какое главное условие этого посредничества? Разумеется, любовь. Только одна любовь может быть посредницей между женщиною и христианством, этим совершенным учением совершенной и безграничной любви. Для того, чтобы успешно действовать на жену свою, для того, чтобы быть действительным посредником между [н]ею и истиною, для того, одним словом, чтобы возвысить ее до себя, муж должен быть сам весь проникнут этою истиною, он должен любить жену свою и должен быть ею любимым, потому что тот, кто говорит об истине, не веря в нее, не любя ее и не полагая в ней всего блаженства и не видя в ней единственного назначения всей своей жизни, тот не потрясет души другого человека, тот не заставит другого человека полюбить истину, потому что для того, чтобы заставить любить истину и жить в ней, должно самому любить ее и жить ею. Кто хочет возвысить до истины другого человека, не любимого им и не любящего его,—а одно с другим неразрывно и необходимо связано,—тот не успеет в своем намерении, потому что только взаимная любовь есть тот единственный проводник от души одного к душе другого, посредством которого один человек может возвысить другого человека до истины. Только одна любовь живит зерно, брошенное в душу другого человека. Если муж любит жену свою, и жена любит своего мужа в настоящем, а не в натянутом смысле этого слова, то тогда муж может быть действительною главою жены по словам апостола Павла:

22. Жены, повинуйтесь своим мужьям как господу.
23. Потому что муж есть глава жены, как и Христос — глава церкви и вместе спаситель тела.
24. Но как церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

25. Мужья, любите жен своих, как и Христос возлюбил церковь и самого себя предал за нее,

26. Чтобы освятить ее, очистив водною банею посредством слова,

27. Чтобы представить ее себе славною церковью, не имеющею пятна или порока или чего-либо такого, но дабы она была свята и беспорочна.

(Послание ап. Павла к евреям, гл. V-ая).

Да, тогда повиновение мужу и исполнение великих обязанностей к мужу не только будут возможны и легки для жены, но превратятся в ее собственную живую потребность, потому что вся жизнь ее сосредоточится на муже силою любви, которая сольет жену и мужа в одну душу и в одно тело, по словам апостола Павла:

11. Ни муж без жены, ни жена без мужа в господе.

12. Ибо как жена от мужа, так и муж от жены, все же от бога.

(К коринф., глава XI).

Тогда муж, как действительная глава жены, может возвысить ее до себя, а вместе и до бога; в противном же случае он скорее унизится до нее, скорей сам опошлится, чем вырвет ее из пошлого состояния, в которое ее ввергли и воспитание и брак без любви. Да, в христианском браке первенство мужа не может быть подвержено никакому сомнению как результат естественной и духовной необходимости, и вследствие этого христианская одухотворенная женщина не может любить человека, который ниже ее. И потому та женщина святотатствует, которая соединяется с человеком вследствие чувственной потребности; та женщина святотатствует, которая соединяется с человеком ниже ее для того, чтобы потом распоряжаться им по произволу, потому что истинная женщина по законам своей природы и своего духа должна искать в муже покровителя и друга, а не игрушку; другом же и покровителем может быть ей только тот, кто выше ее. Та женщина святотатствует, которая выходит замуж без любви, вследствие своих или родительских расчетов, потому что брак есть таинство, а всякое таинство основано на любви; святотатствует потому, что обязанности и условия брака велики и святы, а исполнение их возможно только при любви; святотатствует потому, что христианская церковь спрашивает ее перед крестом и Евангелием, любит ли она того, с кем соединяется браком, и она отвечает «да», в то время как в ней нет любви; святотатствует потому, что она лжет перед алтарем, обещаясь любить своего мужа, в то время как она его не любит и знает, что любить его не будет, потому

что любовь рождается сама из себя, а не из привычки. И только одно незнание извиняет женщину, преступающую таким образом самые святые уставы христианской церкви.

Мы тогда не понимали всего этого, мы не понимали всей важности брака, но мы видели, что Любаша страдала, мы видели ее отвращение к барону Ренне, видели, как он ее мучил, и знали, что брак даст ему еще большие права на нее. Мы знали, что он, мучивший ее до такой степени, будучи еще женихом, уморит ее после свадьбы, и не смели говорить Вам об этом, потому что Вы сердились на нас. Вы отвечали нам: «пусть она умрет, да исполняет долг свой; если Ренне уедет, то и я с ним уеду». Какой же долг? Ведь она не была еще замужем, ведь она по христианскому долгу не должна была выходить за него замуж, не любя его и потому не имея сил для выполнения обязанностей брака; следовательно долг повиновения родителям, а не другой долг. Но зачем родители этого хотели, мы не знали, и еще раз повторяю, любезный батюшка, и теперь еще не знаем. Вы говорили потом, что Вы этого требовали для избавления Любаши от истинной ли или ложной, не знаю, любви Алексея Павловича *. Но разве Любаша любила его, разве она хотела итти за него замуж? И если бы она даже любила его, то не довольно ли было бы тогда Вашего слова для того, чтобы заставить ее скрыть эту несчастную любовь в самой себе? Но мы знали все, и Вы также знали это, что она кроме самого невинного и простого чувства дружбы никакого другого чувства к нему не питала, и потому Любаша не подвергалась никакой опасности с этой стороны.

Да, батюшка, нас удивляла Ваша тогдашняя холодность. Ваше кажущееся равнодушие к страданиям Любаши ужасало нас; мы думали тогда, что Вы требовали этой жертвы для себя, в вознаграждение Вашей любви к нам, Ваших попечений о нас. Другой причины мы не могли придумать. Мы не понимали и до сих пор не понимаем, чтоб это было необходимо для устройства всего семейства, чтоб это могло быть для Вас залогом его будущего счастья. Как! разве счастье нашего семейства могло быть основано на несчастьи, на страданиях одного из ее членов? Неужели Вы думали, что сестры и мы могли бы быть счастливы несчастьем, а, может быть, и смертью Любаши? Если Вы это делали для нас, то неужели Вы думали, что мы, которые все готовы сто раз подвергнуть жизнь свою для ее спасения, неужели Вы дума-

* Полторацкого.

ли, что мы примем от нее какую-нибудь жертву, а особливо такую страшную, такую ужасную жертву!? Нет, батюшка, Вы не думали этого. Вы не могли так думать, и если и думали, если Вы имели о нас такое худое, презрительное мнение, то стоили ли мы Ваших попечений, что Вам было о нас заботиться, и как же Вы решились жертвовать одною прекрасною, любящею душою, как же Вы решились жертвовать этим ангелом для устроения счастья негодяев, эгоистов, дьяволов, можно сказать? Нет, батюшка, Вы не для нас это делали, у Вас была верно другая причина, которой мы не знаем, но Вы не для нас это делали.

Еще раз повторяю, любезный батюшка, мы не понимали необходимости этого брака, но слышали Вашу волю, и потому не только сестры, но даже я советовал сначала Любаше пожертвовать собою для Вашего спокойствия. Я помню эту ужасную сцену за обедом, за день моего отъезда, когда маменьке сделалось дурно и Вам также сделалось дурно. Тут кончились все наши сомнения, мы покорились страшному долгу. Любаша решилась итти за Ренне. О, это решение было для нас всех ужасно, оно было для нас смертным приговором, но мы полагали это необходимым для Вашего спокойствия и покорились этой необходимости. Мысль, что для Вашего спокойствия необходимо, чтобы одна из сестер была замужем, утвердилась еще более, когда после совершенного отъезда Ренне Вы потребовали от Любаши, чтобы она вышла замуж за Загряцкого; неделя еще не прошла с тех пор, как бедная Любаша вздохнула свободно, избавившись от бремени, давившего ее; она не успела еще поправиться от физического и нравственного истощения, причиненного полугодовыми непрерывными неописанными муками,—и вдруг она получила письмо от Вас, в котором Вы требуете от нее в другой раз той же самой жертвы, в котором Вы опять повторяете ей, что если она не согласится на Ваше требование, то это убьет Вас. И это письмо ввергло ее и должно было ввергнуть ее в ту же самую и еще в ужаснейшую пропасть отчаяния. Любаша почти не видела Загряцкого, следовательно не могла любить его и следовательно она должна была испугаться, ужаснуться этого нового, настоятельного требования отца, которого она так любит, которого она любила до такой степени, что во второй раз готова была принесть себя в жертву для его спокойствия.

Батюшка, еще раз спрашиваю, не должно ли это было потрясти нас, не должно ли это было переворотить все наши души?

Если бы Вы были жестоки, то Ваши действия были бы для нас понятны; мы видели бы в них желание мучить других для своего собственного наслаждения. Но мы знали Вас, любезный батюшка, мы знали, что Вы любите детей своих, что Вы хотите их счастья. Мы не могли поэтому думать, чтобы Вы действовали вследствие жестокости: но мы не могли также понять и другой причины Ваших действий, и мы остановились и должны были остановиться на мысли, что для Вас, для Вашего счастья необходима была эта жертва. И вследствие этого, а не вследствие экзальтации, как Вы сказали мне недавно, Варинька оставила свою давнишнюю мысль никогда не выходить замуж и просила Вас, чтобы Вы выдали ее за Быкова; она не любила Быкова, но хотела за него выйти, думая этим избавить других сестер от принужденных браков. Она думала так же, как мы все, что для Вас необходима жертва, и решилась быть этою жертвою для спасения сестер. Я тогда же ей писал, что это—нелепость, вздор. Но не естественно ли было это движение? Перед ее глазами совершилось разрушение прямухинской гармонии; она видела Ваши страдания, произведенные тем, что Любаша не любила того, за кого Вы выдавали ее замуж; видела страдания Любаши, произведенные тем, что Вы заставляли ее отдаться тому, кого она не любила, и решилась, пожертвовав собою, установить опять всеобщую гармонию; она решилась на это, потому что не имела понятия о браке, потому что не понимала святого и высокого таинства брака, потому что по незнанию смотрела на брак как на средство, а не как на цель; потому что не знала, что истинный христианский брак связывается и освящается только любовью, и что та святотатствует, которая выходит замуж по другому побуждению. Она не знала этого, и потому мысль ее принести себя в жертву воле родительской и для счастья всего семейства не была ли естественна и не была ли доказательством пламенной, прекрасной, благородной души?

Да, батюшка, отношения сестер с Вами переменились, но не я, а эти обстоятельства, как результаты Вашей воли, переменили их. Да, Вы сами переменили их, и сестры поневоле перестали быть откровенными с Вами, потому что откровенность детей состоит не в том, чтобы говорить то, что родителям хочется, чтобы они говорили, а в том, чтобы говорить то, что думаешь и чувствуешь, а они не смели. Вы не позволяли им говорить то, что они чувствовали и думали. Вы хотели, батюшка, чтобы они думали, что

Любаша будет счастлива с Ренне и с Загряцким, Вы хотели, чтобы они чувствовали, что она счастлива, Вы хотели, чтобы они не видели и не чувствовали ее страданий и чтобы они верили Вам, когда Вы совершенно противоречили тому, что Вы сами прежде говорили, а это было им невозможно, потому что для того, кто не играет мыслями и чувствами, для того невозможно думать и чувствовать иначе, как так, как думается и чувствуется; это было для них невозможно, потому что они любят Любашу, а потому и не могли не видеть и не чувствовать ее страданий и не могли видеть и чувствовать ее мнимого счастья. Батюшка, они никогда не переставали любить Вас, но к этой любви примешалась боязнь, они стали бояться Вас; а где есть боязнь, там любовь не может быть совершенна. Они имели, как и прежде, потребность говорить с Вами, но не смели говорить о главном, не смели говорить с Вами о том, что их более всего занимало, о Любаше; не смели потому, что не хотели брать на себя личины спокойствия и согласия с Вами и вместе не хотели говорить Вам о своих настоящих чувствах и мыслях, о том, что они видели и слышали, зная уже по опыту, что это не может иметь других следствий, кроме Вашего раздражения. Да, батюшка, вот истинное начало нашего отдаления от Вас и всех недоразумений, разделяющих нас. После отъезда Ренне Вы призвали к себе сестер и сказали им, чтобы они обращались к Вам во всех случаях и без всякой боязни, чтобы они не боялись говорить с Вами откровенно. Они обрадовались этому позволению, они думали, что возвращается прошедшее, но радость их недолго продолжалась: Вы стали требовать, чтобы Любаша вышла замуж за Загряцкого, и они увидели, что к несчастью прошедшее для них невозвратимо.

Я не знал еще тогда об истории Загряцкого, не знал даже всех подробностей истории Ренне; кроме этого, проведя почти пять лет в отдалении от вас, не имел и не мог иметь в Вас той глубокой веры, какую имели сестры, и потому все эти происшествия не могли меня так же сильно потрясти, как они потрясли сестер. Но и меня они глубоко взволновали, и во мне они родили также сильные сомнения насчет Вашей любви к нам; я унимал, давил в себе эти сомнения, колебавшие силу Вашего авторитета во мне, давил их в себе как преступные, узнав на опыте, что если сомнения уже раз вкрались в душу, то они останутся в ней независимо от воли человека до тех пор, пока они не разрушатся

сами собою. Я уехал из Прямухина еще прежде отъезда Ренне и потому с полной уверенностью, что Вы настоите на том, чтобы Любаша вышла за него замуж. Страдания ее, которых я был живой свидетель, эти бессонные ночи, проводимые ею в физических страданиях и в слезах, не давали мне покоя; во сне и наяву мне беспрестанно виделся этот ангельский страдальческий образ, покорно преклонивший голову под тяготеющим на нем роком; я сам сделался мучеником; мне приходила несколько раз в голову мысль заставить Ренне, которого я от души ненавидел и презирал, отказаться от Любаши какими бы то средствами ни было; но во мне мелькнула и другая мысль, мысль, что Вы не знали и не видели ее страданий, и что одно только это незнание — причина Вашей настойчивости. Настоящее слишком резко противоречило прошедшему, для того чтобы я мог помирить их в себе. Вы раздвоились для меня на два образа, друг другу совершенно противоположные; с одной стороны я видел в Вас отца, нежного, бесконечно любящего детей своих, отца, живущего и дышащего только их радостями, только их счастьем и готового всем пожертвовать для их счастья, а с другой стороны — отца грозного, жестокого, отказавшегося от всех прав своих и оставившего себе только одно право, холодное право приказывать им и требовать от них исполнения повелений, клонящихся уже не к их счастью, а только к выполнению его собственных целей. Я не мог помирить этого ощутительного противоречия и решился объяснить его для себя, написав Вам письмо, в котором я рассказал Вам все, что видел и слышал в Прямухине, с приложением писем Любаши, в которых так трогательно выразилась и бесконечность ее страданий, и бесконечность ее любви к Вам и ее ангельской покорности Вашей воле, убивавшей ее; написал другое письмо к Любаше, в котором по совету Прасковьи Михайловны * сказал ей, что она еще не связана, что она не должна и не имеет права брать на себя обязанностей, тяжких, невыносимых без любви. Эти письма пришли к Вам уже тогда, когда Вы решились расстаться с бароном ** и неделю после этого задумали о другой свадьбе, столь же тяжкой для Любаши, как и первая. Но я узнал об этом после. Теперь, любезный батюшка, я обращусь опять к самому себе.

Внутренняя пустота, мучившая меня до поездки моей в Прямухино и смягченная, как я Вам уже это выше писал, мыслью

---

* Ниловой.

** Ренне.

побывать в Прямухине, увидеться там со всеми вами, совершенно уничтожилась на время, когда я сделался свидетелем страданий Любаши.

(Продолжения нет).

№ 243. — Письмо сестрам.

[Конец декабря 1837 года. Москва.]

Милые друзья!

Что-то делается с вами, что Любаша? Я уж почти неделю не получаю от вас писем, и меня это беспокоит *. Тверда ли ты, Варинька? Надеюсь, что теперь тебя уже не запугаешь, что ты исполнишь свой истинный и священный долг назло всем гадостям, в которых тебя хотят утопить.

Быть ко всему готовым—вот главное, говорит Гамлет. И в самом деле, многие обстоятельства зависят не от нас, но они не должны пугать нас, мы должны принимать их с верою и любовью. В жизни нет случайности, все необходимо, и все необходимо для собственного блага человека:

Das ist der Weisheit letzter Schluss:
Nur der verdient die Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss **.

Вот что говорит Фауст, когда он, потерявши физическое зрение и приобретши снова духовное, стал выходить из долгого заблуждения и увидел наконец небесный свет вечной жизни. Человек может быть слаб, только когда он разъединен с общею жизнью, когда он себя не чувствует принятым и живущим в царстве благодати. И потому, любезные друзья, не унывайте, не отделяйтесь самовольно от того мира, который один только может дать вам необходимые для вас силы. Что тебе, милая Варинька, до гадких гримас и до всего отвратительного существа Александры Ивановны ***? Мне жаль, что папенька увлекается ею, что он вдается в их мир жалкой и немощной пошлости. Мы выше этого, наш круг теперь ограничился нами, и мы будем сильны силою и любовью общей жизни.

---

* Отсюда до конца абзаца по-немецки в оригинале.

** «Последнее слово мудрости таково: лишь тот заслуживает свободы и жизни, кто каждодневно должен брать их с бою».

*** Лошакова, родственница Бакуниных.

Посылаю вам «Фауста», «Кота Мурра» и «Роберта-Диавола» — и вам достанет их надолго для чтения и для разыгрывания на фортепьянах.

Прощайте, друзья, пишите чаще, как можно чаще.

А что, у нас снова установили просмотр писем? *

Ваш М. Бакун[ин].

Вот уже почти неделя с тех пор, как я не получаю от вас писем; не поручено ли Александре Ивановне [перехватывать] их? **

Перевод с французского.

№ 244. — Письмо сестрам.

[31 декабря 1837 года. Торжок.]

Мои дорогие друзья, вот я и в Торжке. Через три часа я буду в Казицине ***. Будьте сильны и непоколебимы, как я, ибо с нами всемогущая десница божия. Будьте спокойны, как я, ибо смущение и беспокойство не должны иметь доступа в души, преобразившиеся в святилища божества. Полного доверия и повиновения — вот чего от вас я требую. Не бойтесь нисколько ни за меня, ни за [Н.] Дьякова, ибо он стоит слишком ниже меня, а я слишком выше его, для того чтобы я вздумал с ним драться. Варинька, вернуться в этот момент жизни к твоим старым слабостям было бы слишком большою слабостью, ныне, когда ты должна проявить неодолимую силу и твердость, ибо дело идет об осуществлении всего того, что для всех нас является самым святым и самым священным в жизни. У тебя не могут отобрать сына. Ты должна ехать не в Ивановское ****, а в Казицино, — вот результат моих разговоров с тетушкой Татьяной Михайловной, которая является ангелом доброты и которая всецело стоит на нашей стороне. Я еду в Казицино изменить мысли тетушки Анны

---

* Эта фраза по-немецки в оригинале.

** Поля письма, на которых написана эта фраза, повреждены, и одно слово неразборчиво.

*** Слово «Казицино» во всем письме в оригинале по-русски.

**** Слово «Ивановское» в оригинале по-русски.

Михайловны *. Оттуда я напишу отцу письмо, полное мольбы и любви. Я заранее знаю его ответ. Тогда я пошлю ему большое письмо, где выскажу ему всю правду в подобающей форме. Когда мне удастся изменить мысли тетушки А[нны] Мих[айловны], я тебе напишу, и тогда ты письмом попросишь ее прислать за тобою лошадей. И ты приедешь в Казицино с Танюшей. Я вас буду там ждать. Не бойтесь ничего: бог и законы — за нас.

Господь со всеми вами, мои друзья. Посылаю вам письмо тетушки и [Н.] Станкевича к Вариньке [1].

(Без подписи.)

Перевод с французского.

№ 245.— Письмо сестрам.

(2 января 1838 года.)

Мои дорогие друзья, сейчас написал письмо родителям, в котором прошу их вернуть нам их любовь, помочь нам создать между нами новое согласие, спасти Вариньку [1]. Бог весть, быть может, они поймут нас лучше, чем прежде. Дорогие друзья, сделайте последнее усилие. Поговорите с ними так же чистосердечно. Невозможно, чтобы это их не тронуло. Бог добр, он нам поможет. Варинька, тетушка ** велит тебе передать, что в Казицине ты будешь желанною гостьею. Будь спокойна и полна веры в провидение. Напиши мне о результатах моего письма. Я спешу. Господь с тобою. Если дела пойдут так же плохо, как до сих пор, тогда, дорогая Варинька, попроси у родителей лошадей и приезжай с сыном и Танюшею в Казицино. Будьте покойны и тверды. Тетушка написала папеньке, что рада повидать тебя у себя. Ни о каком Ивановском сейчас не должно быть и речи. Надеюсь, что все пойдет хорошо.

Ваш брат и друг
М. Бакунин.

Пришлите мне последнее письмо [Н.] Станкевича и письма Бееров. М. Василь. вас целует ***.

1838-го года. 2-го января.
Казицино.

---

* Слова «Анна Михайловна» [Бакунина] и «Татьяна Михайловна» [Полторацкая] здесь и ниже в оригинале по-русски.

** Анна Михайловна Бакунина.

*** Слова «М. Василь. вас целует» по-русски в оригинале.

Перевод с французского.

№ 246.— Записка сестре Варваре.

[Начало января 1838 года. Казицыно.]

Я не мог сегодня утром притти к тебе. Поезжай одна. Я надеялся сегодня повидать тебя у Полторацких, но не могу сказать ничего определенного *.

Скажи Полторацким и Бакуниным все, что ты сочтешь нужным им сказать. Что касается меня, не беспокойся нисколько за мое душевное спокойствие. Я спокоен, несмотря на ужасный и яростный гнев.

Твой М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 247.— Письмо сестрам.

[Январь 1838 года. Москва.]

Милые друзья,

Давно уже я вам не писал, не было настроения, да и теперь не чувствую никакой охоты писать вам длинное письмо. Я здоров, но нахожусь в одном из тех переходных душевных состояний, когда я весьма необщителен. Как только это настроение пройдет, я напишу вам более длинно и более обстоятельно. Теперь же скажу вам только самое необходимое.

Боткин ** до сих пор не приехал, и я не мог пока принять нужных мер и раздобыть деньги для Николая ***. Он приедет сюда дня через два-три, и тогда я надеюсь легко уладить все дела, собрать все необходимые справки и продать вещи, так как покупатели есть, но я до приезда Боткина не могу продать их из опасения ошибки.

Как здоровье Любиньки? Ей нужно вести себя очень осторожно, ибо говорят, что месяцы февраль, март и апрель могут оказаться для нее гибельными: в эти месяцы она не должна совершать никаких прогулок. Как поживает Саша, что поделывает Николай? ***. Пишите мне почаще.

Поскорее пришлите мне книги. Что касается портрета Гёте, то можете оставить его у себя: Ефремов **** вам его дарит.

---

* В оригинале этот абзац по-немецки, а следующий — по-французски.
** Василий Петрович.
*** Дьяков.
**** Александр Павлович.

Варинька, Владимир Константинович * просит тебя прислать ему несколько итальянских книг, которые ты у него взяла.

За сим до свидания.

М. Бакунин.

(Дальше рукою Бакунина по-русски.)

Висс[арион] Григорь[евич Белинский] в большой тревоге. Он говорит, что вы поступаете нехорошо, пиша по-немецки (в то время как вы), несмотря на то, [что] знаете, что он ненавидит немецкий язык, которого никогда не будет знать по недостатку любви и по глупости. Не правда ли, что он очень наивен?

(Далее следует приписка Белинского.)

Да, в самом деле, вы поступаете нехорошо, но совсем не потому, чтобы это меня огорчало как личность на меня, но потому, что в этом виден недостаток патриотизма. В самом деле все по-французски да по-немецки и еще без грамматических ошибок, а по-русски почти не пишете... Что же касается до причин моего огорчения в этом отношении, изложенных вашим глупым братцем, то он лжет, ей богу лжет: не только люблю, я обожаю немецкий язык, и только мое глубочайшее к нему уважение мешает мне приняться за него покруче. Мишель же нападает на меня за то, что не умеет ни говорить, ни писать по-русски: как-будто я виноват в этом. Но я за это хочу окритиковать его в моей литературе. Хоть М. А. и друг мне, но правда дороже всего.

(Затем вновь рукою Бакунина.)

Виссарион Григорьевич жалуется, что общественные законы помешали ему сострить над вами так же остро, как надо мною, а к остроте он неспособен.

(В конце под этим какой-то неразборчивый росчерк, состоящий из пары букв; похоже, что этот росчерк не принадлежит ни Белинскому, ни Бакунину, а сделан кем-то другим позже и другими чернилами.)

Перевод с французского.

№ 248. — Письмо сестрам.

[Начало февраля 1838 года. Москва.]

Мои дорогие друзья!

Вы удивитесь, узнав, что через два часа я уезжаю в Шашкино на 3 или 4 дня, так что вся эта поездка продлится только

---

* Ржевский.

неделю. Я написал весьма политичное письмо г-же Беер, прося у нее разрешения приехать к ней на несколько дней. Мое обращение увенчалось успехом, так как сейчас я получил от нее весьма любезное приглашение. Я очень доволен, что смогу провести несколько дней с моими друзьями, раньше чем расстаться с ними на столь долгое время, ибо мы должны весною выехать за границу, мы этого хотим и хотим не по капризу, а по сознанию глубокой правды нашего желания, и эта поездка должна нам удаться. Серебро уже продано, вещи также будут проданы через несколько дней. Общая сумма составит около 1200 или 1300 рублей ассигнациями.

Что касается денег, которые хочет занять Николай [Дьяков], то здесь я натолкнулся на множество затруднений. Я пущу в ход еще одно средство, которое вероятно увенчается успехом, но ничуть не помешает, чтобы и Николай сам поискал этих денег, ибо не все мои попытки могут удаться.

Варинька, тебе нужно съездить в Казицино *, если здоровье Любаши и маленького Александра это позволяет и если Танюша может тебя сопровождать, ибо поехать тебе одной невозможно.

Будьте тверды, дорогие друзья, я не сплю, а бодрствую; я тружусь изо всех сил. Эта поездка должна осуществиться, и она осуществится.

Будь сильна, дорогая Варинька. Если ласки Н. [Дьякова] для тебя невыносимы, ты можешь от них избавиться, без ссор, без сцен и не компрометируя себя. Но ни в коем случае нельзя компрометировать его достоинство. Ну, господь с вами, пишите мне почаще. Что поделывают родители?

Ваш друг

М. Б[акунин].

(Над письмом следующая надпись рукою Бакунина по-русски:)

В. Г.** и рад богу молиться, да не знает как: ни одной молитвы наизусть не знает.

№ 249. — Письмо госпоже Беер.

(18 февраля 1838 года.)

Милостивая государыня, Настасья Владимировна!

Не знаю, до какой степени присутствие мое у вас было для Вас неприятно; но я чувствовал, что оно тяготило Вас, и тем

* Это слово написано по-русски в оригинале

** В. Г. Белинский.

более обязан я Вам благодарностью за Ваше снисхождение, за Ваше позволение. Тяжело было мне расставаться с Вами, может быть, навсегда и знать, что Вы не возвратили мне той старой дружбы, той старой доверенности, которыми я сперва пользовался. Несколько раз порывался я говорить с Вами; просить Вас о совершенном забвении всех прошедших неприятностей, всего того, что разделило нас с Вами. Я хотел просить Вас быть нашею посредницею между мною и Алексеем *, неприязнь которого давно тяготит меня, но я не смел этого делать, не смел не соблюсти тех условий, с которыми Вы мне позволили приехать в Шашкино. Мне больно было видеть, что Алексей совершенно разъединен от всех, от своего и от моего семейства. Мы оба друг против друга виноваты, и потому я решаюсь писать к нему и прошу Вас, если это только для Вас не невозможно, послать мое письмо с Вашим письмом и присоединить Ваши просьбы к моим просьбам. Я это делаю потому, что я уж пытался один раз писать к нему, и он отослал письмо мое нераспечатанное, потому что я надеюсь, что Ваши слова будут действительнее моих. Впрочем я предоставляю все Вашему собственному решению и прошу Вас только не отсылать к нему моего письма, если Вы не можете присоединить к нему своего письма.

Прощайте, милостивая государыня Настасья Владимировна, дай бог, чтобы мир никогда не прекращался в Вашем семействе, и чтобы воспоминание обо мне не было связано в Вас с неприятными воспоминаниями.

Ваш покорный слуга

М. Бакунин.

Мценск. 18 $\frac{18}{II}$ 38.

№ 250. — Письмо Алексею Бееру.

(18 февраля 1838 года.)

Алексей!

Тебе покажется странным, что после многих тщетных попыток примириться с тобою я решаюсь еще на одну, последнюю попытку. Смутные обстоятельства твоего семейства произвели между нами недоразумения и вовлекли нас обоих далее, чем мы оба ожидали. Мы оба позабыли единственное средство для истин-

* Беер.

ного разрешения всякого недоразумения, оба были к друг другу несправедливы, оба, позабыв свое взаимное достоинство и достоинство дружбы, нас связывавшей, осыпали друг друга бранью. И я от всего сердца признаю себя неправым и прошу тебя простить мне все, что было несправедливого, неистинного, худого и неуместного в моем обхождении с тобою, так же, как и я прощаю все твои несправедливости в отношении ко мне. Послушай, Алексей, в нашей старинной дружбе было слишком много святого для того, чтобы она могла разрушиться от мелких и призрачных случайностей; вечное не должно подлежать и покоряться конечному. Прошу тебя, позабудь прошедшее, или, лучше сказать, позабудем все, что было в нем ложного, мелочного, и будем помнить только о том, что было в нем святого и истинного. Итак подадим снова друг другу руки, для того чтоб уж более не разжимать их. В мае месяце я еду за границу, и мне грустно будет оставлять Россию, не помирившись с тобою. И если в тебе осталась хоть искра старого чувства, связывавшего нас, то позволь ей разгореться новым пламенем, и мы вместе будем стараться, чтобы оно более никогда не потухало.

Во всяком случае, Алексей, если ты не захочешь узнать в моем письме голоса того старого чувства, которое во мне было некоторое время подавлено, но которое никогда во мне не угасало, и если ты не захочешь отвечать мне, то будь по крайней мере уверен, что я от всей души желаю тебе счастья и успеха во всем том, что может способствовать ему.

Сестры, бывши в Торжке, надеялись там видеть тебя, но услышали, что ты остался в Твери по болезни.

Если ты захочешь отвечать, то вот мой адрес: в Москву, на Пречистенке, в Савельевском переулке, в приходе Воскресенья, в доме полковницы Ефремовой.

Твой М. Бакунин.

Мценск. 18 18/II 38.

№ 251. — Письмо сестрам Беер.

[18 февраля 1838 года. Мценск.]

Вот мы и в Мценске. После различных смешных и бедственных приключений въехали мы в этот пресловутый город в девять часов вечера и остановились прямо против дома мценской красавицы M-me Korneff. Но, увы, судьба, никогда не позволяющая

человеку узнать всю истину, на этот раз выдержала роль свою, я узнал всех шашкинских соседей, весь шашкинский мир, исключая только M-me Korneff, а она, не знаю почему, не хотела видеть нас. Костя * был у них, застал там большое общество барышень, штатских франтов, одного арт[иллерийского] офицера, увидел и возвратился к Степану Николаевичу без всякого приглашения. Срезались, одним словом. Ну, да бог с ним. Другое обстоятельство, гораздо важнейшее, чем это, привело нас в несколько мучительное недоразумение: нам объявили, что мост на Зуше сломало, что река еще не очистилась, и потому нет никакого переезда, что, может быть, завтра найдут средство перевезти нас, и то очень сомнительно. Первая мысль, родившаяся в нас обоих, была ехать назад в Шашкино и там ожидать удобной переправы. Мысль, что сама необходимость заставляет нас пробыть еще неделю с вами, улыбнулась нам, и мы оба были готовы и приняли это внешнее препятствие за голос повелевающей судьбы, которой не повиноваться есть великий грех. Мы с радостью покорились бы нашей тайной мысли, нашему тайному желанию, скрывшимся под призраком необходимости, возвратиться к вам, прожить еще несколько дней с вами, друзья, ведь это было бы для нас блаженство, но меня призывает святое дело в Москву — освобождение сестры моей, не терпящее отсрочки, и я не мог бы быть покойным, не мог бы спокойно наслаждаться счастием своим с вами.

Нет, надо ехать, надо итти по своему пути. Итак прощайте, друзья, я всегда останусь с вами, и вы никогда не перестанете жить в душе моей: «Люди пребывают вместе не только тогда, когда они живут совместно, но и находящийся далеко бывает неразлучен с тем, от кого он отделен пространством» **. Да, друзья, мы — неразлучны с вами. В нашей связи есть нечто бесконечно великое, источник и отечество ее есть истина, жизнь, святая, таинственная жизнь, в которой каждый шаг есть откровение, блаженство, да, для меня собственными руками сооружаемое счастье свое; должно перелить жизнь свою в общую, в недра вечной непреходящей жизни ***. Нужно жить не только в своей собственной жизни, а нужно также держаться в созерцании ее. Мы никогда не должны терять той нити, которая связывает нас с вечностью ****. Индивидуальная жизнь освящается и просветляется

* Беер.

** Фраза, заключенная в кавычки, написана по-немецки в оригинале.

*** Отсюда по-немецки в оригинале.

**** Дальше снова по-русски в оригинале.

только своею неразрывною связью с вечным, с общим. И мое назначение было показать вам эту связь, вне которой все частное, все индивидуальное есть ложь и призрак. Не спрашивайте более, друзья, почему я вас люблю, и почему мне нужна любовь ваша; посмотрите вокруг себя, сравните ваше настоящее с вашим прошедшим, и тогда вы всё почувствуете и поймете, тогда всякое сомнение покажется вам самим мелким, ничтожным, недостойным вас и меня. Верьте своему чувству, предайтесь ему вполне, безгранично, безусловно и старайтесь понять его. Мыслите, но не рассуждайте; мысль питает, просветляет душу; рассуждения убивают ее. Мысль понимает чувство и потому укрепляет его; рассудок неспособен понять святой гармонии чувства и потому давит его. Развивайте свой разум как святое сознание святого и покоряйте ему свой рассудок как индивидуальное, конечное общему и вечному. Вот самая верная мерка для того, чтобы знать истину мысли: если мысль не давит вас, если она не ограничивает кругозор вашего внутреннего глаза, если она, напротив, расширяет его и заставляет вас говорить: «все прекрасно, жизнь есть блаженство, жизнь есть святой праздник, где дух, погруженный в блаженное и бесконечное созерцание самого себя, торжествует свою божественную свободу и везде находит себя, — и не находит в мире ничего чуждого, ничего враждебного ему и везде узнает свое собственное, свободное движение», — такая мысль истинна, упивайтесь, живите подобною мыслью, и она вознесет вас на крыльях своих в царство бессмертного, вечного блаженства, и в этом царстве мы узнаем друг друга и будем наслаждаться, блаженствовать друг другом.

Всякая же мысль, не производящая такого действия, есть ложь, а потому и грех. потому что только ложь есть грех, а грех— рабство.

«И познаете истину, и истина освободит вас».

Если же рассудок, если непросветленная индивидуальность пересилит в вас истину, обратитесь к истине, возымейте только твердую волю, освободитесь от лжи, от греха, от рабства—ищите потерянного откровения в музыке, в поэзии, в Евангелии, ищите его внутри себя, в воспоминании тех минут, которые мы пережили вместе с вами, в блаженном созерцании святой гармонии действительного и истинного мира, и благодать святого духа, вызванная

вами из глубины души вашей, из недр царствия божьего, осенит вас и победит ложь и перенесет вас снова в истину.

Друзья, не забывайте меня и любите меня, так как я вас никогда не забуду и люблю и буду любить вас. Мир и благодать святого духа да будут всегда с вами.

Друг ваш

М. Бакунин.

Пишите чаще. Сейчас едем, прощайте, прощайте, друзья. Письма будут ходить два раза в Москву.

Перевод с французского.

№ 252. — Письмо сестрам.

Москва. 18 $\frac{22}{II}$ 38.

Милые друзья!

Вот я и в Москве; приехал сюда третьего дня, а вчера нашел у себя неожиданно [Н.] Дьякова. Он в миру с Валерьяном *, который дает ему 4 000 руб. на путешествие. Варинькины вещи проданы за 1 500 руб. ассигнациями — все идет хорошо **. Варинька, напиши мне, в каких ты отношениях с родителями. Пришлите мне подробное описание внутренней жизни нашей семьи. Пишите мне обо всем, обо всем, мне необходимо знать все, что у вас происходит. Пишите мне почаще, милые друзья ***.

Вера в бога и твердость в своих решениях — вот наши девизы ****.

Поездка состоится.

Посылаю письмо [Н.]Станкевича [1].

Любаша, напиши мне хоть несколько слов. Ты совершенно меня забыла *****. Право грешно; а я ведь тебя очень люблю ******.

Ваш М. Бакунин.

---

* Брат Н. Дьякова.

** Отсюда по-французски в оригинале.

*** Отсюда по-русски в оригинале.

**** Отсюда по-французски в оригинале.

***** Отсюда по-русски в оригинале.

****** Отсюда по-французски в оригинале.

Николай говорит, что не хочет тебе писать, дорогая Варинька. Напиши мне, что ты думаешь об осуществлении своего проекта. Ты иногда делаешь много глупостей. но это простительно. От вас, мои дорогие друзья, ничего хорошего ждать нельзя *. Хорош помышляет **. — К Беером, т. е. в Мценск, почта идет два раза в неделю.

Пишите, что у вас и в вас делается.

М. Б.

Перевод с французского.

№ 253. — Письмо сестрам.

(23 февраля 1838 года.)

(Сначала идет письмо Лангера, а затем приписка Мишеля).

18 $\frac{23}{II}$ 38. Москва.

Дорогие друзья, посылаю Вам письмо [Н. В.] Станкевича, а затем письмо Лангера, которое он прислал вместе с нотами и которое, не знаю почему, до вас не дошло. Николай *** пробудет здесь с неделю, а затем уедет в Тулу со своим братом Валерьяном, с которым он повидимому в очень хороших отношениях. Мы с ним тоже в очень хороших отношениях. Послезавтра мы вместе отправляемся к Боткиным слушать музыку ****.

Я работаю, бог не оставит нас. Мужество, любовь и вера — вот что главное...

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 254. — Письмо сестрам Беер.

[Конец февраля 1838 года. Москва.]

Милые друзья!

Мы в Москве, как я и предсказывал. Мы прибыли сюда в воскресенье, в 5 часов вечера. Никаких неприятностей у Кон-

* Отсюда до конца по-русски в оригинале.

** Так в оригинале.

*** Дьяков.

**** Дальше в оригинале по-немецки

стантина * не было. Наши дела идут хорошо. Вещи Вариньки проданы за 1 500 рублей ассигнациями. [Н.] Дьяков здесь в Москве. Он в очень хороших отношениях со своим братом Валерьяном, который дает ему на поездку 4 000 рублей. Мы уедем наверное. Через несколько дней к вам приедет Алексей **, чтобы провести в Шашкине 28 дней. Побольше достоинства и твердости. Пишите мне почаще подробные описания внутренней жизни вашего семейства и ваших душ. Мне нужны (неразборчивое слово) для моей политики и (неразборчивое слово) для моей души. Сообщайте мне все, даже незначительнейшие слова вашей матушки и вашего брата, когда он будет жить у вас.

Прощайте.

Ваш друг

М. Бакунин.

У меня куча дел. Я тружусь и тружусь, а там будь что будет.

№ 255. — Письмо сестрам.

[Конец февраля 1838 года. Москва.]

Милые друзья!

Вчера получил письма ваши. Ты глупа, милая Варинька. Как можешь ты думать, чтобы я тебя упрекал в слабости? О, я понимаю твое положение, понимаю всю отвратительность, всю невыносимость его и потому всеми силами работаю и стараюсь об осуществлении единственного средства для твоего спасения — и будь уверена, друг мой, оно осуществится, я вырву тебя из этого состояния, в котором ты поневоле должна спать и в котором ты не можешь жить и бодрствовать. Единственно возможное для тебя путешествие, это — путешествие на пароходе, и ты поедешь на пароходе. Пошлите скорее в Ригу все, что нужно для того, чтобы достать бумаги Елизаветы Ивановны [1]: до мая осталось два месяца, и в два месяца успеть можно.

Нет, Варинька, ты сильна, ты крепка, я глубоко уважаю тебя, и бог, который горит в тебе чистым, небесным пламенем, вынесет тебя из всех бед и осуществит для тебя то, что нужно для

* Беер.
** Беер.

твоего человеческого счастья. Николай * еще в деревне, когда приедет, мы уломаем его.

Я написал два письма родителям, папеньке особенно и маменьке особенно [2]; ответа до сих пор не получил. Письмо батюшки было не что иное, как хитрое, политическое послание, которое, разумеется, не могло разжечь меня, и на которое я отвечал так, как того требовали обстоятельства. В письме же маменьки, кажется, было истинное, неподдельное чувство, разумеется, загроможденное развалинами прошедшего; я говорю «кажется», потому что после всего испытанного и пережитого мною с ними я сделался так недоверчив, что я лучше соглашусь не понять ее, чем обольститься ложною нежностью. Мое письмо было нежно столько, сколько ответ на требование слепого повиновения мог быть нежен. Они молчат, подожду еще, а там еще раз напишу. Бог с нами, и потому нам нечего бояться.

Вы спрашиваете у меня про мое пребывание у Беєровых. Оно началось очень странно, Наталия и Александра не поняли или не хотели понять меня. Особливо Александрина очень путала, гораздо более, чем Наталья [3]. Потом чтение Марбаха, Беттины. записок Лютера, некоторых стихотворений Гёте, а особливо чтение его «Эгмонта» разрушили все эти призраки рассудка, и мы соединились опять. Они, может быть, будут еще сомневаться, мучить себя своими собственными фантазиями. Но что связано на небеси, то не развяжется на земле, и потому мы все неразрывно связаны. Пишите к ним проще, не бойтесь недоразумений, осторожность увеличивает, а не уменьшает их. Вы их любите, я это знаю, и они также вас любят, я это видел собственными глазами своими.

Что ж скажу вам о себе? Со времени моего приезда в Москву в начале зимы в жизни моей пробудилось множество новых элементов, и я стал жить тройною, четверною жизнью. Я сознаю в себе множество самых разнородных потребностей, я лучше чувствую, вижу и понимаю многое. Это хорошо, я этому радуюсь. Но эти новые элементы и потребности, как недавно вступившие в жизнь мою, еще не подчинились моему субъективному единству, еще не пришли друг с другом в гармонию, и необходимое следствие этого — внутреннее страдание, внутренняя борьба посещают меня чаще, чем когда-нибудь. Но я не боюсь этих страда-

* Дьяков.

ний. Чем более страдание жизни, перенесенное человеком, тем * должно быть выше его примирение в благодати. Страдание есть признак движения вперед, а движение есть признак живого источника жизни, а где есть жизнь, там и любовь, там и блаженство и все прекрасное и истинное. Теперь я стремлюсь к самообладанию, не к холодному и призрачному покорению себя со-вне, призрачною силою рассудительного долга, нет, а к субъективному и живому единству того, что гармонически и едино в моей субстанции и что еще разнородно и дисгармонически в моем субъективном определении. Поверьте мне, жизнь — прекрасная вещь, глядите только вперед и не оглядывайтесь назад или оглядывайтесь назад только тогда, когда, находясь в истине, а следовательно и в гармонии, вы делаетесь способными смотреть на прошедшее бессмертными, т. е. разумными глазами, и тогда вы делаетесь способными понять прошедшее как необходимый путь, приведший вас к настоящему. Вы слишком много рассуждаете о себе и браните себя; это нехорошо, это — признак прекраснодушия.

Помните, что в вас живут два я, одно бессознательно истинное, бесконечное — это ваша субстанция, и другое ваше сознательное, конечное я — это ваше субъективное определение. Вся жизнь состоит в том, чтобы сделать субъективным то, что в вас субстанционально, т. е. возвысить свою субъективность до своей субстанциональности и сделать ее бесконечною. Вы — славные девочки, в вас лежит бесконечность, потому не бойтесь за себя, а верьте, любите, мыслите и идите смело вперед.

Что скажу вам еще про себя? Я познакомился с Александром Николаевичем **; чудный человек, в нем также лежит бесконечность. Он меня очень полюбил, и я его еще более, в другой раз напишу об нем больше. У него есть дочь София Александровна, прекрасная девушка, и — смотрите, только не смейтесь — во мне что-то расшевелилось и расшевелилось не в шутку. Что, удивились? Ничего, ничего, молчание — и об этом напишу больше, когда сам все пойму яснее. Только смотрите: ни слова Бееровым, а то замутят.

Виссарион [Белинский] и Василий Боткин вам приседают. Виссарион мой ожил [5], чудный человек, огромная душа, и Боткин также хорош.

Ваш М. Бакунин.

---

* В оригинале явная описка: «чем».

** Муравьевым [4].

Перевод с французского.

№ 256. — Письмо сестрам.

[Конец февраля 1838 года. Москва.]

Дорогие друзья! Что означает ваше молчание? Я не привык так долго оставаться без весточек от вас. Является ли причиною вашего молчания распутица, или приготовление к поездке в Москву, или же леность? Вы никогда не были лентяйками, поэтому последняя причина вряд-ли серьезна. А я жду ваших писем с нетерпением. Я хотел бы поскорее узнать, что поделывает брат Николай, как он был встречен, сумели ли его поддеть на удочку, или же внутреннее чувство правды и истины заставило его перейти на нашу сторону [1]. Во-вторых я хотел бы знать, что говорят наши родители о твоих приготовлениях к поездке за границу, дорогая Варинька, что они предпринимают, молчат ли они, говорят ли. Николай * должен был выехать отсюда вчера. Вчера утром он был у меня. Он все тот же, все так же колеблется и одинаково склонен как к добру, так и ко злу. Позавчера вечером он до того мне надоел, что я отделался от него, несколько наговорив на себя. Я придумал целую историю, которую он наверное тебе расскажет. Дорогая Варинька, предупреждаю тебя о том, чтобы ты не вообразила, будто я действительно пал. Нет, дорогой друг, я остаюсь все тем же. Будь покойна на мой счет.

Дорогая Варинька, наши дела идут несовсем хорошо. Однако не пугайся, ибо я с тобою и отвращу от тебя все бури. [Н.] Станкевич говорит, что он не может дать мне денег на мою поездку, и скажу тебе откровенно, что я с крайне неприятным чувством снова написал ему письмо с денежною просьбою. Я получу ответ в средине мая. Я сделал это, дорогая Варинька, единственно для того, чтобы поехать с тобою, зная, что мое присутствие будет тебе за границею необходимо. Если бы дело шло обо мне одном, я предпочел бы умереть с голоду, чем просить у него денег. Но, несмотря на все меры предосторожности, принятые мною для получения денег, весьма вероятно, что у него нехватит их для того, чтобы ссудить меня. А в таком случае я не в состоянии буду последовать за тобою в Карлсбад, так как у меня нет ни гроша. А что ты будешь делать без меня, дорогая Варинька, за границею одна, с двумя тысячами рублей или же с твоим мужем, что еще хуже? Одна дорога в Карлсбад обойдется тебе в

---

* Дьяков.

1 300 руб. ассигнациями. Это минимум. Мы сегодня делали расчет с [В. П.] Боткиным и старались сократить расходы елико возможно. Мы наметили для тебя каюту второго класса на пароходе, потому что третий класс, стоящий сто рублей за место, представляет общую комнату, в которой обыкновенно находятся все слуги, и где спят вместе со слугами, при чем каждому отводится койка. Ты хорошо понимаешь, что третий * класс для тебя и для Елиз[аветы] Ив[ановны] ** с твоим сыном невозможен: тяжелый воздух, который там наверно стоит, грубые выражения, неприличия и т. д.—все это делает его для жилья непригодным. Второй класс, который мы для тебя выбрали, тоже представляет общее помещение для мужчин и для женщин, и хотя это чрезвычайно неприятно, но при твоих обстоятельствах еще выносимо. Таким образом у тебя останется 700 руб. ассигнациями, и тебе придется обратиться к Николаю ***. Что из этого произойдет, и не должна ли ты будешь вернуться из-за отсутствия средств к существованию? Хорошо еще, если бы [Н. В.] Станкевич расщедрился, и я был бы вместе с тобою, но одна без денег...

Подумай, что дело идет о решенном освобождении, и что мы должны остерегаться ложных шагов. Не говори о моем письме Николаю ***, ничто еще не решено, не делай и не говори ничего, не предупредив меня. Речь идет о твоем освобождении, Варинька, а ты должна быть освобождена и ты будешь свободною, ручаюсь тебе в этом. Веди себя твердо с Николаем, не давай ему забирать власть над тобою. Ты должна вернуть себе чувства собственного достоинства, ибо это — единственный источник всякой силы. Не предпринимай ничего без меня, наступило время, когда все должно решиться и кончиться, как мы того желаем. Побольше достоинства, поменьше ребячества. Дело идет о самом священном для тебя. Не делай ни одного хотя бы самого незначительного шага без меня. Я должен делать все, а главное — больше веры и любви, тогда у тебя будет достаточно и силы. Я сказал Николаю, что удержал триста рублей ассигнациями, которые я тебе верну перед твоим отъездом. Отвечай мне поскорее.

Твой брат
М. Бакунин.

---

* У Бакунина здесь описка: сказано «первый».

** Эти слова в оригинале по-русски.

*** Дьякову.

№ 257. — Письмо сестрам.

[Конец февраля 1838 года. Москва.]

Милые, добрые друзья! Ваша дружба составляет счастие мое. она имеет какую-то особенную власть вырывать меня из всякого состояния и переносить в родную, светлую сферу истины и любви. Да, друзья, я горячо, пламенно люблю вас; я в вас люблю то, что составляет сущность моей жизни, я в вас люблю самого себя, святого, просветленного, вырвавшегося из всякой темной посредственности.

Танюша, ты — глупая девочка, как ты могла подумать, чтоб ваши горести, ваши страдания тяготили меня? Страдания только тогда тягостны, когда погруженный в конечный мир призраков смотрит на них мертвыми глазами и не видит в них источника святой воды, текущей в жизнь вечную. Не унывайте только, друзья, удерживайте в себе мысль, что всякое страдание и все ужасы конечного расположения духа суть не что иное, как призраки, как призрачные порождения больного духа. Освобождение от лжи, переход от смерти в жизнь сопряжены [с] страданиями. Итак благословляйте свои страдания, умейте читать в них благовест святого утра воскресения. Да, друзья, жизнь есть великое, святое таинство; а жизнь в откровении есть блаженство. Вот три абсолютные истины, которые составляют сущность и все значение моей жизни, и с тех пор, как они пришли во мне к ясному сознанию, жизнь моя преобразилась, — я беспрестанно ношу в себе более или менее ясное предчувствие этого святого и блаженного таинства. Я беспрестанно чувствую, что в моей жизни совершается что-то великое.

А ты еще глупее, милая Варинька; как ты могла вообразить себе, чтоб я, увлекшись страстною минутою, мог отказаться от того, что составляет существенное моей жизни — твое освобождение? Да знаешь ли, что оно такое для меня? Твое освобождение — мое освобождение, ваша свобода — моя свобода, милые друзья, ваше счастье — мое счастье. И неужели ты думаешь, что любовь может сохранить для меня какое-нибудь значение, когда я оторвусь для нее от того, что соединяет меня с вечностью, с истиною? О, нет, я могу любить только по той степени, по какой я живу в истине и в откровении. И неужели любовь моя может состоять в том, чтоб подобно Ефремову сидеть с любезным предметом своим и беспрестанно смотреть на него? Нет, моя любовь

должна быть просветлена истиною, и если это правда, что я люблю Софью Алекс[андровну] Муравьеву, то я могу ее любить только в истине, живя в истине и двигаясь к истине. Разлука грустна, но разве есть счастие без грусти, и разве оно может быть без страдания? Нет, страдание необходимо для счастия и для истины частной любви, как освобождение от темной и призрачной непосредственности и как просветление и увековечение этой любви в истине.

Нет, друзья, вы меня мало и худо знаете: вперед и беспрестанно вперед! — вот необходимое условие моей жизни.

И потому, друзья, не бойтесь ничего, все к лучшему, случайные обстоятельства не должны пугать вас.

Варинька, я вышлю в понедельник тебе деньги, из которых удержу 300 р. ассиг. для всякого случая — я возвращу тебе их в Карлсбаде, там [Н.] Станкевич мне даст денег.

Об Елизавете Ивановне напишу также в понедельник: [В. П.] Боткин узнает обо всем.

Ваш М. Бакунин.

Бееровы — чудные женщины.

№ 258. — Письмо сестрам Беер.

(1 марта 1838 г.)

Милые, добрые друзья мои! Вы мне описали ощущение, произведенное на вас моим письмом, но вы верно не поймете тех минут высокого, чистого блаженства, которыми подарили меня ваши письма. Они были бы еще полнее, если бы вы более верили в необходимость для меня, да, в необходимость получать ваши письма; если бы вы еще лучше понимали, что такое моя любовь к вам, как она свята и как она меня самого освящает. Но вы и это поймете со временем, как поняли многое, чего прежде никак не умели понять. Почему мы так хорошо понимаем и чувствуем теперь друг друга, знаете ли вы это? Потому, что мы живем теперь в сфере, где все объясняется, где все понятно, потому что взаимная любовь наша живет не в тесной и ограниченной сфере ежедневной жизни. Но довольно об этом, расскажу вам лучше наше мирное житье-бытье.

Приехав в Москву, я не мог вдруг приняться за свои занятия, а должен был посвятить несколько времени на скучное

устроение некоторых частных обстоятельств. Кроме этого присутствие Николая Дьякова не позволяло мне войти хорошенько в мой обыкновенный образ жизни, я должен был хлопотать, возиться с ним. Наконец я отправил его вместе с братом его, философом Валерианом, в Тулу, где он пробудет целый месяц и, может быть, заедет к вам. Мы с ним друзья, он в самом деле — добрый, очень добрый человек, но слабый и потому способен к скорым переменам. Дела идут хорошо. Варинька непременно с ним поедет, и я также поеду в мае месяце. Прощайте, друзья, мы долго не увидимся. Какие вы странные: уверены и не сомневаетесь даже в том, что я не буду вам писать из-за границы! Оттуда чаще, чем когда-нибудь. Смотрите, не испортите меня и не сделайте меня красивым вашими похвалами, ведь беда будет, когда вы увеличите мое самолюбие, оно уж и так велико. Моя ревнивая жена кланяется вам, Alexandrine; она велела вам сказать, что вы немножко дерзки, позабывая, что она только одна имеет право на мою любовь [1], — ах, вы смешные, смешные!

Посылаю вам два портрета Гегеля с приличными надписями [2] — боюсь, что лицо его вам не понравится, что оно покажется вам слишком прозаическим. Вникните в него хорошенько, поймите эту просветленность, это святое и всемогущее спокойствие в его чертах. А впрочем я позволяю Наталье передразнить его. Посылаю вам также портрет Шеллинга для того, чтоб вы срисовали его для себя, а пожалуй и для умных сестриц моих, а потом прислали бы ко мне обратно. Это совсем другое лицо, также прекрасное, но более страстное, чем лицо Гегеля; и в нем также видно, что вечный дух выбрал его своим органом для проявления своей вечной воли и своей вечной истины. Посылаю вам кроме этого «Adélaïde» von Beethowen * и еще музыку Онслова [3]. «Adélaïde» пусть у вас останется, а Onslow ** поиграйте, поиграйте, да и пришлите назад.

Да, друзья, вы во многом, в очень многом переменились. Помните, друзья, как вы боялись мысли, как вы боялись, чтоб она не задавила в вас чувства? Тогда вы не понимали, что такое мысль, вы не понимали, что только она одна может отворить врата царствия божия. Я пишу об этом теперь очень умную статью. Читайте Гёте, перечитывайте каждое стихотворение его по несколь-

---

* Бетховена.

** Онслова.

ку раз, для того чтоб проникнуть в него совершенно, для того чтоб сродниться с ним. Грусть, страдания позволяются вам, но только просветленные мыслью, а не тупые, не апатические; просветленное страдание есть залог высшего блаженства.

Не у вас ли Алексей? * Устройте непременно, чтоб ему отдали мое письмо **.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

Анне Константиновне *** мое почтение.

Пришлите мне поскорее мое письмо к отцу ****.

18 $\frac{1}{III}$ 38. Москва.

Перевод с французского.

№ 259. — Письмо сестрам.

[2 марта 1838 года]. Москва.

Мои дорогие друзья! Меня удивляет, что вы до сих пор не получили моих писем, а я со времени моего приезда от Бееров написал вам уже два. Очевидно, что вы долго не посылали [нарочного] в город, иначе вы бы уже узнали, а, может быть, вы уже узнали, что Николай ***** в хороших отношениях со своим отцом и в большой дружбе со мною, что он раздобыл деньги для поездки и что он на целый месяц уехал с Валерьяном [Дьяковым] в Тулу. Когда он вернется, мы вместе примем последние меры и последние решения. Итак вы видите, что наружно все идет хорошо. Что поделывают или что поговаривают у вас? Не вырываются ли те или иные фразы, не имели ли вы разговоров? Ради бога пишите мне обо всем, что касается ваших внешних отношений, да, внешних, так как внутренними их назвать нельзя. Что говорят обо мне? Теперь я должен все знать ******.

Да, милая Варинька, время течет, и мы недалеки от нашей цели. Ты будешь, ты должна быть свободной, я не оставлю тебя

---

* Беер.

** См. выше № 250.

*** Ржевская.

**** Повидимому, недошедшее до нас письмо от 2 января 1838 г.

***** Дьяков.

****** Дальше по-немецки в оригинале.

раньше, чем окончательно не буду убежден в этом. Добиться этого ты можешь только за границею, а не здесь. На пути к полному выполнению наших планов мы встретимся еще со многими препятствиями, за границей у нас будет еще много забот, но не бойся ничего. Забота не должна тебя печалить. Все пойдет так, как нужно. Будь только тверда, решительна и полна веры *.

Через неделю пошлю вам, милые друзья, «Briefwechsel Göthe's mit einem Kinde» **. Читайте да меня вспоминайте, а покамест прощайте.

Ваш друг и брат
М. Бакунин.

Милые друзья, пишите чаще. Вы не знаете, что́ ваши письма для меня! Мы здесь живем смирно, тихо. Душа растет, развивается; иногда страдания ужасные, тяжелые, но это хорошо, это— освобождение духа от непосредственности. Да, жизнь есть великое таинство. Пишите чаще.

Ваш М. Бакунин.

№ 260. — Письмо сестрам.

[Начало марта 1838 года. Москва.]

Милые друзья!

Я давно не писал вам, но это не от того, что я позабыл вас. О, нет, не проходит дня, чтобы я не думал о вас, чтобы я не воображал себя между вами, добрые, милые сестры. Вы не знаете, как я вас люблю, и какое счастье дает мне ваша дружба. Отношения наши все стесняются и стесняются; чем ближе мы к действительности, тем ближе мы к истине, и тем истиннее, тем пламеннее взаимная любовь наша. Да, друзья, жизнь есть великое таинство, беспрерывное откровение; я беспрестанно повторяю это себе и здешним друзьям моим, и эта мысль радует меня. Все святое, все великое лежит в этом таинстве, и если мы при малой степени нашего просветления были уже так блаженны, что-ж будет, когда истина сделается нашею действительною собственностью?

Друзья мои, будем говорить друг другу все, что происходит

* Дальше по-русски до конца в оригинале.

** «Переписка Гёте с ребенком», т. е. с Бетиной фон-Арним [1].

в нас, все движения, все новые явления нашей жизни. Любить значит понимать, любить человека значит понимать его, не рассуждать о нем, не вникать в него умерщвляющим взглядом мертвого рассудка, нет, а проникать в него просветленным, разумным глазом духа. Понять человека значит разрушить силою разумного понимания естественную преграду, отделяющую одного от другого, и в этом светлом понимании слиться с ним в одно и составить одно, третье благодатное и блаженное существо, в котором нет и не может быть греха, потому что где любовь, там все свято и истинно, и в котором не может быть страдания, потому что в любви нет страха: боящийся не совершенен в любви. Мы все вышли из области одного и того же рассудка — только в различных формах, и потому наша общая жизнь есть стремление к таинству, и в этом таинстве, друзья мои, найдем мы все, чего искали, чего жаждала душа, и это таинство лежит не вне действительности мира, но в нем самом, потому что действительность есть жизнь бога, и отдаляющийся от действительности отдаляется от бога.

Понять и полюбить действительность — вот все назначение человека. Я говорю здесь не об том, что обыкновенно понимают под словом действительность: стул, стол, собака, Варвара Дмитриевна, Александра Ивановна * — все это мертвая, призрачная, а не живая и не истинная действительность. И в нас также есть призрачная действительность. Это — рассудок, когда, выйдя из своей законной сферы, из сферы познавания конечных предметов, он заходит в сферу бесконечного. Мы все воспитаны в этом призраке, в рассудке, и потому должны все освобождаться от него. Освобождение от рассудка есть мысль, основанная на откровении — не рассуждения, всегда основанные на призрачном и конечном созерцании рассудка, нет, мысль, основанная на откровении. В нас всех теперь живут и борются два противоположные элемента: откровение и рассудок. Есть минуты, часы, иногда целые дни откровений, где все так ясно, так светло, так понятно, где чувствуешь в себе бесконечную любовь; есть также и другие минуты, минуты рассудка, — и к сожалению эти минуты бывают иногда очень долги, — где все темно, все гадко, бессмысленно, и душу тяготит какое-те сухое равнодушие ко всему. Посредница между этими двумя противоположными элементами нашей жизни есть м ы с л ь, которая вырывает ум наш из конечного определе-

* Прямухинские приживалки.

ния рассудка и преображает его в разум, для которого нет противоречий и для которого все благо и все прекрасно. И потому, друзья мои, мыслите, а не рассуждайте.

Я познакомился с Александром Николаевичем Муравьевым, который сказал мне, что он меня очень полюбил, потому что я — живой, а не мертвый человек.

Напиши мне, Варинька, все твои предположения и все, что у нас делается.

М. Бакунин.

Виссарион * вам кланяется, у него теперь есть дело, и он совершенно ожил, и лицо его сияет как майское солнце [1].

№ 261. — Письмо Н. В. Станкевичу.

Москва. 18 $\frac{8}{III}$ 38.

Друг Николай!

Вчера мы прочли вместе с Виссарионом ** твое письмо к Любаше и рассуждали уже не о том, была ли в тебе любовь или нет, исчезла ли она в тебе или только стеснена ложностью, неопределенностью и прекраснодушием твоего настоящего состояния духа. Об этом мы также иногда рассуждаем, и все рассуждения наши кончаются как-то неопределенно. В старину, судя по некоторым из твоих писем, мы непременно решили бы, что ты любишь и сам не знаешь этого; но теперь мы стали осторожнее в определениях и решениях. Опыт, показавший нам, что мы легко можем ошибиться в своих исчислениях вероятностей, но еще более сознание своего недостатка разумного знания сердца человеческого останавливают нас от опрометчивых суждений. Нет, мы говорили о болезненности твоего духа и о твоем прекраснодушии вообще. В письме твоем к сестре кроются какая-то тоска, какая-то безнадежность на выход, на совершенное примирение с собою. Кроме этого ты, который так ясно и глубоко сознал вред вникания в самого себя, ты беспрестанно вникаешь в себя, говоришь о призрачности своего хорошего расположения.

(Письмо осталось незаконченным.)

---

* Белинский

** Белинским.

№ 262. — Письмо сестрам.

[Первая половина марта 1838 года. Москва.]

Милые друзья!

Последнее письмо мое удивило вас, если вы только поняли его; но в этом я нисколько не сомневаюсь. Ведь вы—девочки умные, понятливые. Я с нетерпением жду вашего ответа на это письмо; мне хотелось бы знать, какое впечатление оно произвело на вас. После него я вам долго не писал, потому что во мне была такая каша, такое множество различных и совершенно противоположных элементов жило и двигалось во мне, что я сам перестал понимать себя и потому ничего не мог сказать вам положительного. Да кроме этого, что значит говорить положительно? У нас положительный язык еще так конечно-положителен, что бесконечное теряется в его определении, а до истинного, бесконечно-положительного слова мы еще не развились.

Впрочем я сказал вздор, в душе неопределенно, и потому словесное определение было бы ложно, несоответственно внутреннему содержанию. И потому, милые мои, подождите того времени, когда я сам хорошенько пойму себя; тогда я вам скажу что-нибудь решительное, определенное. А теперь скажу только одно: мне кажется, что я люблю *. Все это впрочем довольно определенно и потому с вас довольно. Кого? Вы знаете. Как, в каких формах и при каких обстоятельствах,— об этом в другой раз.

Не бойтесь однакож, милые друзья, чтоб я подобно Геркулесу позабыл общее своей жизни для прекрасного частного. Целая цепь всех частностей жизни человека, непосредственно связанная с его общим и непосредственно вытекающая из его общего, составляет конкретность, жизненность его жизни. Но одно частное не должно приковывать к себе человека; частное необходимо для конкретности жизни человека, общее без частного вообще мертво, безжизненно, призрачно точно так же, как частное без общего есть непросветленная, грубая материя. Но для конкретности целого необходимо не какое-нибудь это, определенное и известное частное, но бесконечный ряд частных, друг из друга вытекающих и друг друга уничтожающих. Такая постепенность есть разумный опыт жизни, лестница, по которой человек приближается к просветленной истине. Впрочем при удобных об-

---

* Софью Александровну Муравьеву.

стоятельствах, зависящих от случая, частное может там слиться с общим и проникнуться им так, что оно само превращается в общее и завоевывает таким образом право на вечность. Такова истинная постоянная любовь, такова наша светлая, святая дружба, милые друзья.

Итак, не бойтесь, я не оставлю палицы, как Геркулес, и стремление к высокому, как [А. П.] Ефремов, и не сяду за пяльцы, как Геркулес и Ефремов,— нет, для меня всякое счастье возможно только при общем счастье, при главном стремлении моем понять истину, жить в ней и действовать и говорить из нее. Но об этом довольно.

Я подружился с Александром Николаевичем Муравьевым в настоящем и в полном смысле этого слова: мы с ним сошлись в том, что составляет сущность наших двух жизней; разница лет исчезла перед вечной юностью духа. Он сказал мне, что он меня не только любит, но глубоко уважает, что если он имел бы такого сына, как я, ему осталось бы только благодарить за это провидение. Я ему читал свое последнее большое письмо к папеньке, прочел некоторые из ваших писем, и он велел сказать вам, что, хотя он и не видел вас, он вас очень, очень любит. Он принял живое участие в судьбе бедной Вариньки и говорит, что она непременно должна разойтись с Н. *. Он знает обо всем, жалел, что он должен ехать и что потому не может помочь нам. Просил меня писать к нему чаще и сказал, что отвечать мне будет для него истинное наслаждение. Я ему сказал, что вы ему также будете писать; он ждет ваших писем с нетерпением и хочет непременно отвечать; письма я буду пересылать. Итак напишите ему, милые друзья. Он — редкий, замечательный и высокий человек. Особливо ты, Варинька, напиши письмо к дяде [неразборчивое слово], пиши к нему откровенно и ради бога без своих глупых уверений, что Николай — добрый человек, он это уже знает. Но твои письма так глупы, что, прочитав некоторые из них, он меня долго уверял, что ты Николая любишь, и что я насильно разлучаю тебя с ним. Ты никогда не умеешь жить в истине своего положения — всегда выбьешься в какую-нибудь отвлеченную сторону его.

Посылаю вам письма друзей наших. Скажите, неужели вы не получили большого письма из Шашкина, где было также и мое письмо?

Ваш М. Бакунин.

* С ее мужем, Н. Дьяковым.

Время освобождения близко, Варинька. Твердость, вера и любовь необходимы теперь более, чем когда-нибудь Не мешает запастись и терпением.

№ 263. — Письмо сестрам Беер.

(13 марта 1838 года.) [Москва.]

Добрые друзья, я вам не писал прошедший вторник. У меня теперь так много различных хлопот и забот, хлопоты о поездке за границу, хлопоты о Бетине [1], не говоря уже о моих главных задушевных занятиях, и кроме этого хлопоты о «Наблюдателе» [2]. Это вас удивляет, не правда ли? «Наблюдатель» и мы, странно! Шевырев из него изгнан нашими соединенными силами, и мы вступаем во владение его. Он слишком много врал, пора было замолчать — теперь-то запоют соловьи. Виссарион написал уже длинную и красноречивую песнь и я также. Моя статья будет первая и под нею написано «Михаил Бакунин» [3]. Мое имя будет в первый раз напечатано [4]. Это — мое первое вступление на литературное поприще. Пора заговорить, и я сделал хорошее начало *.

Мы вам пришлем «Наблюдателя»; он будет в зеленой обертке, в надежде на будущие блага.

Wenn du nicht verlässest Genius,
Nicht der Regen, nicht der Sturm
Haucht ihm Schauer über's Herz.
Wenn du nicht verlässest Genius,
Wird dem Regengewölk,
Wird dem Schlossensturm
Entgegen singen
Wie die Lerche
Da da droben *.

Вот моя теперешняя девиза, пусть же будет она также и вашей девизой. С бессмертным гением везде и всегда хорошо. Повторяйте только беспрестанно, что жизнь есть святое, великое таинство, и что в этом таинстве лежит все прекрасное, все великое и все блаженное, и что поэтому весь смысл жизни заключается

---

* Последняя фраза по-немецки в оригинале.

* «Если ты не оставишь его, гений, то дождь и буря не повергнут в ужас его сердца; если ты не оставишь его, гений, то он подобно жаворонку в небе будет петь навстречу дождевым тучам и градовой грозе».

в откровении. Повторяйте это не только словами, но запечатлейте это в душах ваших, и эта мысль преобразит души ваши, облачит вас в одеяние вечной красоты и вечной непреходящей святости. Помните, что нет жизни конца, что перед нами целая, неизмеримая вечность, и что только то стареет и разрушается, что должно стареть и разрушаться. Дух же вечно юн, и чем более он живет, чем более он перенес страданий и испытаний, тем светлее, тем просвещеннее его вечная юность.

Что вам до того, что Алексей * займет наши комнаты? Не обращайте такого внимания на непосредственности жизни и просветляйте в себе всякую непосредственность. Друзья, пишите ко мне чаще и все, что происходит вне и внутри вас, а особливо внутри вас. Я сделан провидением вашим духовным врачом, посредником между вами и истиною, и я вас люблю, очень люблю. Будьте ровного поведения с Алексеем: не теряйте никогда чувства своего достоинства и своего бесконечного преимущества перед ним и перед вас окружающим миром.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

$18\frac{13}{III}38$.

№ 264. — Письмо сестрам Беер.

(22 марта 1838 года.)

Благодарить вас, милые друзья, за все бесчисленные признания любви, которыми вы меня осыпаете, я не стану. Скажу вам только, что я вас все более и более люблю, и это потому, что мы теперь друг к другу ближе, чем когда-нибудь, мы живем теперь в самом деле одною общею жизнью. Да, друзья, жизнь есть великое таинство, и умение жить есть великая наука. Я говорю здесь не про то светское умение, которое состоит в глубоком знании мелких внешностей, нет, я говорю про духовное, внутреннее умение, про это внутреннее самообладание, которое спасает человека от одностороннего увлечения и удерживает во всеобщности жизни, в которой все различные и друг другу противоположные элементы приходят в согласие и составляют нечто целое, живое. Всякая отвлеченная односторонность, всякое увлечение, уничтожающие другие стороны жизни, мертвы в своей сущности

* Беер.

и только имеют призрак жизни. Посмотрите, сколько в нас различных, разнородных и противоположных потребностей — бесчисленное множество; и всякое из этих стремлений хочет развиться на счет всех других. Вы знаете это расположение духа, в котором человек сосредоточивает всю силу своего порывания и своего стремления на какую-нибудь одну из потребностей души своей и позабывает другие и отвлекает от других; и это отвлечение делает и эту потребность материальною, темною, так что она превращает[ся] к какую-то idée fixe *, из которой нет выхода в другие сферы жизни; но только то просветленно, то истинно, что носит уже в себе возможность и необходимость перехода в другое.

Посмотрите, два человека соединяются только тогда, когда непосредственности, внешности их существований просветляются всеобщею сущностью их жизни, истиною. Для истинной дружбы еще мало общих интересов, общих стремлений; нет, необходимо, чтобы эти интересы и стремления, чтоб это внутреннее проникло и просветлило внешнее и преобразило его в красоту. Мы любим в человеке не только его отвлеченное всеобщее содержание, но его манеры, его жесты, одним словом, непосредственность его индивидуальности. Но разберемся, почему нравится нам эта непосредственность и по какой степени может она нам нравиться. Только по той степени, по какой она проникнута общим содержанием его жизни, его внутренним. И потому мы любим в человеке не его материальную индивидуальность, нет, а индивидуальность его, проникнутую и преображенную истиною, составляющею его внутреннюю жизнь — мы любим в внешнем выражение внутреннего. И пока в двух людях внешнее не проникнуто внутренним, пока индивидуальности их не превратились в личности, до тех пор они могут симпатизировать друг другу, но не могут еще любить друг друга, потому что их будут разделять их темные, непросветленные непосредственности, их будут оскорблять и манеры, и жесты, и привычки, и все внешнее существование друг друга, потому что в этом внешнем они не найдут того внутреннего, которое они любят, а что-то чуждое, враждебное, отталкивающее. Согласие между всеми противоположными элементами человеческой жизни [об]условливается тем же самым. Покамест непосредственность всякого из этих элементов существует сама по себе и не проникнута в с е о б щ и м, до тех пор они враждуют друг с другом, и человек делается жертвою этой необходимой и мучительной борь-

* Навязчивая мысль.

бы. Но просветлите все эти непосредственности силою вечно светлого духа, — и борьба кончится, и все элементы, оставшись различными, сольются в одну общую, светлую, богатую жизнь. И эта жизнь есть пребывание человека в истине.

Вы, милые друзья, поняли, что в односторонних элементах жизни жить нельзя, но вы перешли в другую односторонность, особливо Alexandrine. Как только вы замечаете в себе какую-нибудь потребность и видите невозможность удовлетворения этой потребности, и это мучает вас и лишает вас гармонии, тогда вы воображаете, что для восстановления гармонии и истины в вас вы должны убить в себе эту потребность, и таким образом впадаете в другую односторонность, в мертвую, безжизненную общность. Истинная гармония — не отвлеченная гармония, не гармония, основанная на отвлечении от чего-нибудь и на уничтожении чего-нибудь, а гармония, принявшая в себе все эти элементы, все потребности, уже истинные, просветленные, святые. Всякая потребность истинна в своем источнике, но делается ложною и темною только тогда, когда, отделившись от общего согласия, от общего аккорда всех потребностей, входит в непосредственность, в непросветленную, самостоятельную индивидуальность и производит болезнь и страдания в духе. И тогда должно вырвать этот разъединившийся член из его мертвой непосредственности, не уничтожая его, но просветлив его общим и приведя его в гармонию с общим.

Теперь прощайте, друзья. Благодать и гармония да будет с вами.

Я вас очень, очень люблю, и вы это знаете и чувствуете, не правда ли?

Пишите чаще. Письма ваши я послал. Костя * — славный малый, он будет человеком.

Ваш М. Бакунин.

18 $\frac{III}{22}$ 38. Москва.

Перевод с французского.

№ 265. — Письмо сестрам Беер.

(30 марта 1838 года.)

Милые друзья, берусь за перо только для того, чтобы сказать вам несколько слов, а именно, что Вы — дурочка, дорогая

* Беер.

Наталия. Что вы толкуете о пиках? Я так глубоко сознаю истинность вашей любви ко мне и глубокую святость наших отношений, что если я даже говорил о пиках, чего я впрочем не помню, то это был лишь пустой разговор. Нет, милые друзья, между нами никаких пик быть уже не может *. Наши отношения зиждутся на столь священной почве, что все мелкое, недостойное и пошлое не может найти там места **. И цветы ваши, — о друзья, вы еще худо меня знаете, — они навевают на меня такою святою гармониею, и я прежде чем читать ваши письма, всегда вынимал их и прятал их, а букет ваш, он и теперь еще стоит у меня в воде, и листья посвежели, и я только-что хотел просить вас, чтоб вы прислали мне все увядшие цветы вашей жизни, для того чтоб оживить их благодатною силою истины, а вы вдруг пишете ко мне такое глупое письмо. Глупые девочки, поймите меня лучше, поймите, как всё, что от вас ко мне приходит, для меня священно, прекрасно, необходимо.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

18 $\frac{III}{30}$ 38. Москва.

Перевод с французского и немецкого.

№ 266. — Письмо сестрам.

(2 апреля 1838 года.)

Милые друзья!

Время разрешения всех обстоятельств приближается, а потому вооружитесь всею вашею твердостью, а главное вооружитесь любовью и верою, потому что только они суть источники всякой истинной твердости, и вне их всякая индивидуальная сила призрачна и бессильна в своей сущности. Все будет хорошо, я в этом уверен. Истина не может и не должна погибнуть перед ложью, а что с нашей стороны истина, в этом мы более чем уверены. Напишите мне пожалуйста поскорее, как смотрят родители на варинькины приготовления, что говорят они. Ведь не может быть, чтоб они все молчали, а мне это необходимо знать. Напишите пожалуйста, что такое брат Николай. Впрочем я не

---

* До сих пор по-французски в оригинале; следующая фраза по-немецки в оригинале.

** Отсюда до конца по-русски в оригинале.

думаю, чтоб вы были в состоянии отвечать мне на этот вопрос, ведь вы не одарены способностью узнавать людей *. Я представляю себе все средства, употребляемые родителями для того, чтобы перетянуть его на свою сторону. В первый раз я предоставлю им действовать без помехи, ибо не следует мешать естественному ходу развития. Дайте ему говорить побольше, а сами говорите поменьше. Доверяйте ему не все: во-первых он может повредить, а во-вторых это будет естественно, ибо настоящее доверие основывается не на одних братских отношениях и должно иметь более глубокие основания, общность внутренней жизни и мыслей. А если мысли различны, то и чувства не могут быть едиными. Вы же недостаточно разумны, чтобы в короткое время изменить мысли Николая. Я нарочито написал ему глупое письмо, для того чтобы узнать его **.

Вы удивитесь моей холодности, но объясняется она тем, что для меня источник истинной теплоты заключается в мысли, ибо мысль есть истина чувства. Вне мысли чувство есть не более, как слепой инстинкт, не более, как возможность, а между возможностью и действительностью расстояние еще очень велико. Смело сообщайте мне все, что вы заметите в нем и в отношении родителей к нему. Это для меня необходимо во-первых в его собственных интересах, чтобы знать, что он собою представляет, а затем для моих внешних планов и проектов. Жду вашего и его ответа с нетерпением, так как для меня чрезвычайно важно знать, что мне следует думать на его счет ***.

Я не еду к вам не оттого, чтоб меня удерживали какие-нибудь экстраординарные чувства, а потому, что мне необходимо собраться в внутреннем и внешнем смысле ****. Я жду сильной бури и хочу к ней подготовиться.

А вы, добрые братья, не сердитесь на меня за мое молчание. Вы знаете и должны знать, как, за что и что я в вас люблю.

Теперь прощайте.

Ваш М. Бакунин.

18 $\frac{IV}{2}$ 38. Москва.

---

* Дальше до конца абзаца по-немецки в оригинале.

** Дальше до конца абзаца по-французски в оригинале. — Упомянутое здесь письмо до нас не дошло.

*** Дальше до конца по-русски в оригинале.

**** Следующая фраза по-немецки в оригинале.

Перевод с французского.

№ 267. — Письмо сестрам Беер.

[Весна 1838 года. Москва]

Дорогие друзья!

Я хочу написать вам несколько слов, чтобы доказать вам, что все ваши утверждения относительно моих сердечных дел неверны. Я намерен повторить вам то, что я, кажется, сказал вам в предыдущем письме: познайте меня всего целиком или вовсе не познавайте. Познанный целиком, я коечего стою, но познанный наполовину, я не стою ничего, ибо я тогда холоден, глуп, непостоянен, груб * и все, что угодно! Не отнимайте у меня вашей дружбы, дорогие друзья. У меня нехватает красноречия, чтобы выразить вам, насколько я ею дорожу. Скажу только одно, а именно, что я считал ее достоянием, которое никто не вправе у меня отнять. Я буду жестоко задет в моих самых дорогих надеждах, если ваша дружба испарится подобно тому, как испарилось все, что должно было составить мое счастье.

Ваш друг
М. Бак[унин].

№ 268. — Письмо сестрам.

(4 апреля 1838 года. Москва).

18 IV/2 38.

Милые друзья!

Давно не беседовал я с вами. Впрочем вы не заключайте из этого молчания и из краткости моих последних писем, чтоб я был в апатии или в худом расположении. Нет, не в худом расположении, а в состоянии духа, совершенно противоположном тому, в котором я писал о новом чувстве, проснувшемся во мне.

Во мне теперь два сознания или, лучше сказать, одно главное сознание, из которого вытекает другое, а именно, что жизнь есть таинство, вечный источник любви и блаженства; из этого непосредственно вытекает другое сознание, сознание того, как мало

* Это слово написано неразборчиво. Его можно прочитать и как «brute» (груб) и как «lâche» (низок).

всякая любовь еще не истинна, всякая любовь есть нечто отвлеченное, одностороннее, вступающее в борьбу с другими элементами жизни; и в этой-то борьбе ее и должно умерять и взнуздывать. Ничто не должно выходить из границы умеренности и здравого смысла, не правда ли, милые сестрицы? Впрочем приезжайте сами и тогда все увидите своими собственными очами, а теперь об этом довольно.

Приезжайте поскорее, мои милые, мне так хочется вас видеть и говорить с вами. Мы будем вас потчевать музыкою, театром; я познакомлю вас с своим другом [В. П.] Боткиным, с которым я теперь живу, потому что [В. Г.] Белинский переменил квартиру, и, кстати, вы знаете, что он опять взял в руки журнал *. Первый номер выйдет на-днях, и я пришлю вам его тотчас же. Там будет моя статья, под которой я преважно подписал «Михаил Бакунин», хорошая статья. В третьем номере будет другая моя статья «О том, как у нас понимают философию», а в четвертом еще статья о Гегеле да другая статья о Гёте — и потом прощайте, уеду далеко, далеко. Теперь сочиняю предисловие к Бетине, которое будет так хорошо, что вы будете все плакать, сестры и братья [2].

Братья, послушайте, изучайте хорошенько древние языки, без них нет спасения; не думайте, чтобы они были необходимы только для внешней жизни; нет, изучение древних языков и древности необходимо для действительности внутреннего образования, а потому и для действительности внутренней жизни, потому что вне знания нет жизни [3]. Разумеется, что это относится к Павлу, Александру и Алексею, потому что Илья пошел своею геройскою дорогою [4], а Николая я слишком мало знаю или, лучше сказать, совсем не знаю для того, чтобы давать ему советы. Я не знаю, каков его образ мыслей, к чему он себя назначает и до какой степени он принадлежит к нашему святому союзу. Вы мне об этом напишите, милые друзья. Только приезжайте поскорее.

Развязка нашей драмы близка; смелее только вперед; бог с нами, кто же против нас? Баев и Герта? Да ведь мы их не боимся, они не имеют власти над нами.

Любаша, посылаю тебе письмо Николая **. Я надеюсь скоро увидеть его и осенью пришлю его к тебе, моя милая Калипсо.

Ваш М. Бакунин.

---

* «Московский Наблюдатель».

** Станкевича [5].

Паспорт Елизаветы Ивановны может быть весьма легко устроен в Петербурге в один день, и пото[му] тебе нечего хлопотать из[-за] него.

№ 269. — Письмо сестрам Беер.

18 $\frac{IV}{6}$ 38. Москва.

Милые друзья!

Давно не было во мне такого сильного желания поговорить с вами, как теперь. Зима проходит, и весна наконец взяла свое; все оживает, все движется, везде воскресение, и вместе с этим общим оживлением жизнь моя утроивается. Я всякий день хожу по прудам, подле которых я живу (у Боткина), и во мне живо пробудилось воспоминание о прошедшей весне, где мы все вместе ожили и так прекрасно, так очаровательно начали новую, просветленную жизнь. Да, друзья, я вас люблю, горячо, пламенно люблю; воспоминание о вас, ваши образы связаны с самыми святыми мгновениями моей жизни. Друзья, верьте в жизнь, верьте в то, что чем более страданий, чем сильнее борьба, тем глубже, тем светлее и тем блаженнее гармония примирения. Друзья, мы неразлучны, нас связывает не конечная, не земная любовь; нет, наша взаимная любовь проникнута святою, вечною любовью, всемогущею истиною, которая ведет всех пребывающих в ней к просветлению, к святому блаженству в любви. Друзья, вы сами не знаете себя, потому что знать себя можно только тогда, когда видишь действительный мир истины. Сущность каждого человека, первообраз каждого индивида лежит в вечном царстве истины, и для того, чтоб узнать свою личную истину, человек должен возвыситься до абсолютной истины. Ищите себя не в темных сторонах своего бытия, не в минутах апатической дисгармонии, нет, а в светлых минутах видения бесконечного мира, когда все для вас — благо, все для вас — блаженство. Истинное достоинство человека лежит в его счастии.

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше», — говорит Спаситель, и все сокровища ваши не от мира сего и вне условий мира сего. Не заключайте из этого, чтоб они были там, за седьмым небом, нет, они здесь, они беспрестанно окружают нас, мы бессознательно живем в них и ими; но сознание, сначала всегда конечное, призрачное, рассудок и плоды его рассу-

я еще действителен, как мало во мне истинного содержания, и как необходимо для меня действительное наполнение. Не думайте, чтоб это было то призрачное и отвлеченное вникание в самого себя, которое всегда бесплодно, потому что в нем нет живого движения мыслей, и которое имеет всегда результатом неподвижное и мертвое созерцание своей призрачности и своей пустоты, созерцание, из которого нет выхода и за которым всегда следует апатия. Такое созерцание происходит только от конечного, ограниченного вникания в себя, когда теряешь чувство бесконечного и не помнишь, что есть всемогущая и благодатная сила любви, имеющая безграничную власть над всякою борьбою и над всяким распадением. Теперешнее мое вникание в себя сопряжено с созерцанием вечного и действительного, и потому оно не призрачно и не отвлеченно и не может произвести апатии, но приносит напротив прекрасные плоды. Я чувствую в себе много сил и элементов; я знаю, я сделаю что-нибудь, но мне предлежит еще долгий и тяжелый путь до достижения моей действительности. и я не боюсь этого: чем более отрицаний, чем сильнее борьба, тем глубже гармония и примирение.

Вы спрашиваете меня, милые друзья, о развитии моего чувства. Его пробуждение было только доказательством, что во мне есть сильная возможность и потребность любви, но для меня еще не наступила пора любви и долго еще не наступит. Нет, мне еще нужно глубже сосредоточиться в самом себе, мне нужно переделать, преобразить себя, мне должно стать новым, просветленным человеком, наполнить себя истиною и проникнуть жизнь свою этою истиною, и тогда, если судьба захочет свести меня с барышней, тогда, пожалуй, отчего ж нет? А теперь еще долго, долго мне до действительной любви. Не думайте однакоже, чтоб во мне совершенно исчезло это чувство; о, нет, оно бывает иногда содержанием очень милых фантазий, но во-первых я не даю слишком много воли своей фантазии, потому что она не должна преобладать в жизни человека, а во-вторых я смотрю на нее как на невинную забаву, потому что для развития любви необходимы удобные и благоприятные обстоятельства, а мои теперешние внешние и внутренние обстоятельства нисколько не благоприятны. Нет, у меня есть интересы важнее всех других, частных интересов, и прежде удовлетворения главных потребностей моего духа для меня невозможно удовлетворение других, второстепенных потребностей. Что ж касается до описаний, то вы

знаете, что я до них — не охотник, а потому и не мастер; впрочем я расскажу вам одно обстоятельство.

Я приехал проститься с Александром Николаевичем *, которому я послал ваши письма вместе со своим, весьма красноречивым и разумным; итак я приехал проститься с ним. Он был чем-то занят, к нему приехали гости, и княжна Шаховская (сестра его жены, занимающаяся воспитанием его детей, очень умная и добрая женщина, разделяющая совершенно образ мыслей Александра Николаевича и потому так же полюбившая меня, как и он) вышла в залу для того, чтобы принять их, а вместе с нею вышла и Софья Александровна (приметьте, что я всегда называю ее по имени, для того чтобы избегнуть опошленное слово о н а), которая сперва не приметила меня, но потом, увидевши меня, поклонилась с ангельскою улыбкою (справьтесь, нет ли точно такого же выражения в моем письме о Марье Алексеевне **, которое мы сочиняли вместе с братом Николаем[1], и в продолжение разговора с гостями (я сидел далеко от нее в углу) глаза наши встретились раза два как-то случайно, и я почувствовал в груди своей «чудный рай блаженства и целый ад наслаждений». Впрочем послушайте, сестрицы, вы несовсем верьте тому, что я написал в начале этого письма, ведь человек — странное и неуловимое существо, и себя знать очень трудно. Иногда кажется, что я люблю, а в другой раз, что нет. Мы еще слишком мало знакомы, наши жизни не слились еще в одном из тех мгновений, в которые люди чувствуют и сознают, что они — друг другу родные, что их жизни составляют одну жизнь.

На-днях я буду читать им Гоголя «Тарас[а] Бульбу». Посмотрим, что-то будет. Впрочем я не прочь и от любви; только чтоб она не мешала главному и заняла свое законное место, а если она захочет овладеть всем существом моим, так ее в сторону. Я знаю, что вы мне на это скажете: «Истинная любовь не может мешать развитию человека, а напротив должна способствовать ему, возвышая его на седьмое небо и показывая ему такие вещи, которых бы он без нее никогда не увидел». Так, милые сестрицы, я с вами совершенно согласен, но вы говорите про истинную любовь, которая уже осуществилась в двух людях, как действительное взаимное пребывание и движение в истине. Но в начале своем

---

* Муравьевым.

** Воейкова (см. т. I, письмо № 36).

фом, кто не говорит теперь с утвердительностью о том, что такое истина и в чем заключается истина? Всякий хочет иметь свою собственную, партикулярную систему; кто не думает по-своему, по своему личному произволу, тот не имеет самостоятельного духа, тот — бесцветный человек; кто не выдумал своей собственной идейки, тот — не гений, в том нет глубокомыслия, а нынче куда вы ни обернетесь, везде встречаете гениев. И что же выдумали эти гении-самозванцы, какой плод их глубокомысленных идеек и взглядов, что двинули они вперед, что сделали они действительного?

«Шумим, братец, шумим», — отвечает за них Репетилов в комедии Грибоедова. Да, шум, пустая болтовня — вот единственный результат этой ужасной, бессмысленной анархии умов, которая составляет главную болезнь нашего нового поколения, отвлеченного, призрачного, чуждого всякой действительности; и весь этот шум, и вся эта болтовня — все это происходит во имя философии. И мудрено ли, что умный, действительный русский народ не позволяет ослеплять себя этим фейерверочным огнем слов без содержания и мыслей без смысла; мудрено ли, что он не доверяет философии, представленной ему с такой невыгодной, призрачной стороны? До сих пор философия и отвлеченность, призрачность и отсутствие всякой действительности были тождественны; кто занимается философиею, тот необходимо простился с действительностью и бродит в этом болезненном отчуждении от всякой естественной и духовной действительности, в каких-то фантастических, произвольных, небывалых мирах или вооружается против действительного мира и мнит, что своими призрачными силами он может разрушить его мощное существование, мнит, что в осуществлении конечных положений его конечного рассудка и конечных целей его конечного произвола заключается все благо человечества; и не знает, бедный, что действительный мир выше его жалкой и бессильной индивидуальности, не знает, что болезнь и зло заключаются не в действительности, а в нем самом, в его собственной отвлеченности; у него нет глаз для гармонии чудного божьего мира; он не способен понять истины и блаженства действительной жизни; конечный рассудок мешает ему видеть, что в жизни все прекрасно, все благо, и что самые страдания в ней необходимы как очищение духа, как переход его от тьмы к свету, к просветлению. Да, призрачный человек не может сказать вместе с поэтом:

О, друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои,
Ты жизнь презирать научился!

С сим гибельным чувством ужасен и свет!
Дай руку: близ верного друга;
С природой и жизнью опять примирись!
О, верь мне, прекрасна вселенна!

Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни — к великому средство:
И горесть и радость — все к цели одной:
Хвала жизнодавцу Зевесу! [1]

Он не может этого сказать, потому что жизнь его есть ряд беспрестанных мучений, беспрестанных разочарований, борьба без выхода и без конца — и это внутреннее распадение, эта внутренняя разорванность есть необходимое следствие отвлеченности и призрачности конечного рассудка, для которого нет ничего конкретного и который превращает всякую жизнь в смерть. И еще раз повторяю: общая недоверчивость к философии весьма основательна, потому что то, что нам выдавали до сих пор за философию, разрушает человека вместо того, чтобы оживлять его, вместо того, чтобы образовать из него полезного и действительно полезного члена общества.

Начало этого зла скрывается в реформации. Когда назначение папизма — заменить недостаток внутреннего центра внешним центром — кончилось, когда он потерял ту внутреннюю, чисто-духовную силу, которою он сосредоточивал в себе столько разнородных элементов европейской жизни, — тогда разрушилось это великолепное здание его безграничного могущества, и последняя мера его — индульгенции — была уже явным признаком разрушения. Реформация потрясла его авторитет, но вместе потрясла и всякий другой авторитет и дала повод к бесконечным исследованиям во всех сферах жизни. Сюда принадлежит возрождение эмпирических наук и философии. Эмпирические науки, ограниченные созерцанием конечного мира, мира, доступного конечности чувственного, внешнего и внутреннего, созерцания, быстро продвигались вперед и в короткое время ознаменовались блистательным успехом; но вне конечного мира лежала еще другая сфера, недоступная чувственному созерцанию, сфера духа, абсолютного, безусловного,— и эта сфера сделалась предметом философии. Пробужденный ум, освободившись от пеленок авторитета, не хотел

ждения закрывают от нас эту единственную действительность, окружая нас бесчисленным множеством призраков, страшных, ледяных, бессмысленных призраков, которые мы принимаем за действительность и которые гнетут бедные и слабые души наши. Не думайте однакоже, что для освобождения из этого призрачного состояния нам должно бы было отвлечь[ся] от рассудка, убить в себе рассудок и возвратиться к первой бессознательной гармонии. Нет, мы должны не уничтожать рассудок, а возвысить его до разума, т. е. вырвать сознание наше из конечной формы рассудка и просветлить его до разума, помирить это ужасное противоречие бессознательности или чувства и конечного сознания или рассудка в высшем элементе жизни, в разуме, в котором заключаются оба элемента: и чувство и рассудок,— но уже не борющиеся, а примирившиеся и проникнувшие друг друга.

Разум есть второй аккорд, вытекший из диссонанса. Первый аккорд есть чувство. Он прекрасен, бесконечен, но вместе и ограничен и бессилен в красоте своей; он может быть разрушен, потому что он есть отвлеченный аккорд и не заключает в себе всех других элементов, и эти внешние элементы вступают с ним в борьбу. Рассудок борется с чувством; происходит диссонанс, страдание, отчаяние, но этим не кончается хорошая музыка. Из борьбы этой, из этого страдания вытекает второй аккорд, могучий, светлый, торжественный, и этот аккорд звучит в чувстве своей победы, в чувстве своей бесконечной силы. Он ничего не боится, потому что у него нет более внешних врагов; он все принял в себя и все разрешил в себе. Он не есть простое и отвлеченное возвращение к первому аккорду, к чувству, он не есть также и отвлеченная победа новых тонов, произведших диссонанс, он не есть победа рассудка, нет, в нем заключаются оба элемента, просветленные, примиренные друг с другом. Чувство в борьбе своей с рассудком вышло из своей отвлеченной, бессильной формы и, проникнувшись рассудком, облачилось в самостоятельную, крепкую, личную форму; рассудок же, проникнувшись чувством, отбросил свое пустое содержание и наполнился бесконечным абсолютным содержанием, истиною, любовью. И этот второй торжественный, просветленный аккорд, заключивший в себе все элементы жизни, есть разум, вечная жизнь и любовь бога, в котором человек сознает себя, как бессмертно-блаженную и святую личность. Этот аккорд совершается в области искусства, религии и разумной мысли.

Итак, друзья, вы видите, жизнь прекрасна, она есть вечный неиссякаемый источник любви и блаженства в любви. И если в нас и есть еще призраки, мешающие нам видеть ее во всем ее свете, то не будем позабывать тех редких и святых минут, где мы освобождались от этих призраков и созерцали играние жизни во всей ее роскошной полноте и были бесконечно блаженны в этом созерцании. Пусть будут для нас эти мгновения то же самое, что звезды для мореплавателей, которые плывут з д е с ь по воде и смотрят т у д а на звезды, для того чтоб понять смысл своего здешнего плавания. Будем очищать себя от этих призраков, и для этого нам даны бесконечные средства; нам даны целые, бесконечные миры, дышащие благодатью; это — миры искусства, великие создания вдохновенных художников: это — Евангелие, в котором везде выговорено святое и непреходящее с л о в о, это — сама просветленная, прекрасная личность Христа, в котором все дышит любовью и откровением; это — святое могущество разумной мысли, которая схватывает то, что нам дается в святые минуты бесконечного созерцания, и, облекая истину в свою личную форму, укрепляет ее за нами и делает ее нашею неутратимою собственностью; наконец это — наша взаимная дружба, святая, вечная в своей сущности, беспрестанно напоминающая нам, что жизнь есть великая тайна и что жизнь в откровении этой тайны есть бесконечное блаженство. Да, друзья, скажемте вместе: «жизнь прекрасна, и человек счастлив, потому что он создан для наслаждения этою жизнью».

Вы верно знаете, что маменька и сестры Танюша и Саша приедут скоро в Москву; знаете также, что брат Николай приехал в Прямухино. Теперь приближается развязка нашей драмы; все будет хорошо, я в этом уверен. «Наблюдатель» скоро к вам пришлется. Рукописи Марбаха и Бетина также, а также и два портрета мои

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

№ 270. — Г и м н а з и ч е с к и е р е ч и Г е г е л я.

[11 апреля 1838 года.]

Предисловие переводчика.

Философия! Сколько различных ощущений и мыслей возбуждает одно это слово; кто не воображает себя нынче филосо-

Гегель
с портрета, писанного пером М. А. Бакуниным и подаренного им сестре А. А. Бакуниной.

(Из собрания П. Щеголева)

ние всякой любви, а следовательно и всякой жизни и всякой возможности блаженства, потому что любовь — только там, где два друг другу внешние предмета соединяются в одно силою понимания, не переставая быть различными, а не там, где один отвлекает[ся] от другого и погружается в самосозерцание. Такое самосозерцание есть источник адских мук, нестерпимых страданий, потому что где нет любви, там—страдание. Но германский народ слишком силен, слишком действителен для того, чтобы сделаться жертвою пустого призрака; подобная философия есть разрушение религии и искусства, а религиозное и эстетическое чувство были в нем слишком глубоки и спасли его от этого отвлеченного и безграничного уровня, который потряс и чуть было не уничтожил Франции кровавыми и неистовыми сценами революции. Из этого страшного состояния безразличной и пустой субъктивности было два выхода: или отказаться от мышления и броситься в другое, еще худшее отвлечение — в непосредственность своего субъективного чувства, или разрешить это ужасное противоречие в области самого мышления: первое сделал Якоби, а второе — Шиллер. Результатом системы Якоби было то, что Гегель называет прекраснодушием (Shönseeligkeit) и что бы можно было также назвать самоосклаблением. Это — прекрасная, но бедная, бессильная душа, погруженная в созерцание своих прекрасных и вместе бесплодных качеств и говорящая фразы не потому, чтоб она хотела говорить фразы, а потому, что живое слово есть выражение живой действительности, и выражение пустоты необходимо должно быть также пусто и мертво. Шиллер, как ученик Канта и Фихте, вышел также из субъективности, которая явно выразилась в двух прекраснодушных драмах его «Разбойники» и «Коварство и любовь», где он восстает против общественного порядка. Но богатая субстанция Шиллера вынесла его из отвлеченности, из этого мира пустых призраков, и каждый новый год его жизни был шагом к примирению с действительностью. В своем сочинении об эстетическом воспитании он положил первое основание разумного философского начала как конкретного единства субъекта и объекта. Шеллинг возвел это единство до абсолютного начала, и, наконец система Гегеля [у]венчала это долгое стремление ума к действительности:

Что действительно, то разумно,

и

Что разумно, то действительно.

Вот основа философии Гегеля, основа, которая нашла еще много противников между призрачными современниками великого берлинского философа, а особливо возбудила негодование в рядах этой смешной ю н о й Германии, которая хотела переделать свое умное отечество по своим детским фантазиям.

Обратимся теперь к Франции и посмотрим, каким образом проявилось в ней это разъединение я с действительностью. Французы, исключая Декарта и Малебранша [3], никогда не возвышались до спекулятивного мышления, до умозрения; так называемая философия XVIII века была непосредственным результатом эмпирических исследований; рассуждения французов никогда не выходили из конечных категорий рассудка, только с тою разницею, что немцы, этот по преимуществу умозрительный народ, возвысились над эмпиризмом в отвлеченный элемент чистого рассудка и потому скоро сознали конечность и неспособность его охватить безусловное, абсолютное, и это сознание конечности рассудка было знаком возвышения в высший элемент мышления, в разум, который разрешает в себе противоречия. Французы же никогда не выходили из области эмпирических, произвольных рассуждений, и все святое, великое и благородное в жизни упало под ударами слепого, мертвого рассудка. Результатом французского философизма был материализм, торжество неодухотворенной плоти. Во французском народе исчезла последняя искра откровения. Христианство, это вечное и непроходящее доказательство любви Творца к творению, сделалось предметом общих насмешек, общего презрения, и бедный рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и святое таинство жизни, отвергнул все, что только было ему недоступно; а ему недоступно все истинное и все действительное. Он требовал ясности, но какой ясности! не той, которая лежит в глубине предмета, нет, а на поверхности его; он вздумал объяснить религию — и религия, недоступная для конечных усилий его, исчезла и унесла с собою и счастие и спокойствие Франции; он вздумал превратить святилище науки в общенародное знание — и таинственный смысл истинного знания скрылся, и остались только одни пошлые, бесплодные, призрачные рассуждения; и Жан-Жак Руссо объявил, что просвещенный человек есть развращенное животное, и во Франции произошло и должно было необходимо произойти в практической сфере то, что в Германии произошло в теоретической: революция была необходимым последствием этого духовного развращения. Где нет

более ничего принимать на веру и, отделившись от действительного мира и погрузившись в самого себя, захотел вывесть все из самого себя, найти начало и основу знания в самом себе.

«Я мыслю, следовательно я есмь».

Вот чем начала новая философия в лице Декарта. Сомнение во всем сущем, опровержение всего, что до сих пор было известно и достоверно не путем философского познавания,—вот чем должен был начать всякий, кто только посвящал себя философии; и это вместе с главным началом опытного знания, эмпиризма, которое заключается в том, что всякое знание необходимо условливается непосредственностью присутствия познающего, составило главный характер ума, освобожденного реформацией от папского авторитета, характер, который преимущественно выразился в XVIII веке в двух различных, друг другу противоположных и друг с другом неразрывно связанных сферах, в теоретической и практической, в философии Канта, Фихте, Якоби — в Германии и в эмпирических философствованиях и рассуждениях Вольтера, Руссо, Дидерота, д'Аламберта и других французских писателей, облекших себя в громкое и незаслуженное название философов [2]. Но ум человеческий, только что пробудившийся от долгого сна, не мог вдруг познать истину: действительный мир истины был не по силам ему, он еще не дорос до него и должен был необходимо пройти через долгий путь испытаний, борьбы и страданий, прежде чем достиг своей возмужалости. Истина не дается даром, нет, она есть плод тяжких страданий, долгого мучительного стремления. Да, страдание есть благо: оно есть то очистительное пламя, которое преображает и дает крепость духу; страдание есть воспитание, разумный опыт духа, и дух, не получивший этого воспитания, не очищенный и не освященный страданием, есть не более как дитя, которое еще не жило и которому предстоит еще жизнь со всеми ее горестями и радостями. Кто не страдал, тот не знает и не может знать блаженства исцеления и просветления силою благодатной любви, которая есть источник жизни и вне которой нет жизни.

XVIII век был век второго падения человека в области мысли. Он потерял созерцание бесконечного и, погруженный в конечное созерцание конечного мира, не нашел и не мог найти другой опоры для своего мышления, кроме своего *я*, отвлеченного, призрачного, когда оно находится во вражде с действительностью. Канту пришла в голову странная мысль — п[р]оверить способ-

ность познавания прежде приступления к самому познаванию. Эта п[р]оверка составляет содержание его «Критики чистого разума». Но спрашивается, какое же другое орудие употребил он для п[р]оверки познавательной способности, как не эту же самую познавательную способность? Началом всякого познавания он признает первоначальное тождество *я* в мышлении. Представления, данные в чувстве и созерцании, многоразличны по своему содержанию, но по формам своим, по пространству и времени принадлежат к чистому чувственному созерцанию чистого *я;* соединение этого многоразличного в сознании чистого *я* производится также посредством чистых форм рассудка, посредством категорий; но категории эти приложимы только к явлениям, данным в чувственном созерцании, и следовательно рассудок может познавать только явления конечного мира, потому что абсолютное и безусловное, не подлежащие условиям пространства и времени, недоступны для чувственного созерцания. Прилагая свои категории к безусловному и решая все вопросы, принадлежащие к этой сфере по закону необходимости, чистый рассудок впадает в антиномии, в противоречие, в утверждение двух совершенно противоположных положений. Итак мир чистого рассудка есть мир конечных явлений, и что познает он в этих явлениях? Пространство и время, необходимо [об]условливающие всякое явление, принадлежат не к познаваемому предмету и суть не что иное, как чистые формы чувственного созерцания, формы, принадлежащие к познающему *я.* Различия между предметами принадлежат также не предметам, а суть не что иное, как чистые формы рассудка. Что ж остается в познаваемом предмете? Отвлеченность, вещь сама по себе! Фихте, система которого есть логическое и необходимое продолжение критической системы Канта, уничтожил и этот последний призрак внешнего существования, доказав, что вещь сама по себе есть также произведение, проявление чистого *я,* и весь внешний мир, вся природа была объявлена призраком: действительно только *я,* все же остальное — призрак. Всякое определение, всякое содержание должны были уничтожиться перед этим отвлеченным, пустым и, по мнению Фихте, абсолютным тождеством: *я* = *я.*

Итак результатом философии рассудка, результатом субъективных систем Канта и Фихте было разрушение всякой объективности, всякой действительности и погружение отвлеченного, пустого *я* в самолюбивое, эгоистическое самосозерцание, разруше-

Байрон был поэтическим выразителем этого сознания, этого мучительного перехода от XVIII века к XIX, от болезни к выздоровлению. Его поэзия есть вопль отчаяния, раздирающий вопль страдающей души, погруженной в созерцание своей пустоты и своего равнодушия ко всему, что есть святого и прекрасного в жизни, это есть глубокая потребность любви, делающая его неспособным привязаться к конечным благам мира сего, и неспособность возвыситься над конечностью и над призрачностью ледяного мира всеумерщвляющего рассудка. И выход, единственно для него возможный, есть стоицизм, окаменение и насильственное равнодушие пустого *я;* жалкий, бедный выход в сравнении с тем, который нам предлагает наша божественная религия, в сравнении с выходом в просветлении посредством и силою благодатной любви, исцеляющей все раны стремящегося и жаждущего человека.

Эта болезнь распространилась к несчастью и у нас. Несмотря на благородные усилия [В. А.] Жуковского[4] и некоторых других писателей познакомить нас с германским миром, мы почти все воспитаны на французский манер, на французском языке и французскими мыслями. Нападки на французских гувернеров будут не новостью: какому-нибудь портному или сапожнику, выгнанному из Франции голодом, потому что он свое ремесло худо знает, поверялось воспитание детей.

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так просвещеньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

И эта односторонность, эта пустота нашего домашнего воспитания есть главная причина призрачности нашего нового поколения. Вместо того, чтобы разжигать в молодом сердце искру божию, положенную в него самим провидением; вместо того, чтобы пробуждать в нем глубокое религиозное чувство, без которого жизнь не имеет и не может иметь никакого значения и превращается в бессмысленное прозябание; вместо того, чтобы образовать в нем глубокое эстетическое чувство, которое спасает человека от всех грязных, непросветленных сторон жизни,— вместо всего этого его наполняют пустыми, бессмысленными французскими фразами, которые убивают душу в ее зародыше и вытесняют из нее все, что в ней есть святого, прекрасного. Вместо того, чтобы приучать молодой ум к действительному труду; вместо то-

то, чтобы разжигать в нем любовь к знанию и внушать ему, что знание есть само себе цель, есть источник великих неистощимых наслаждений, и что употребление его как средства для блистания в обществе есть святотатство, его приучают к пренебрежению трудом, к легковерности, к пустой блестящей болтовне обо всем. И мудрено ли, что подобное воспитание образует не крепкого и действительного русского человека, преданного царю и отечеству, а что-то такое среднее, бесцветное и бесхарактерное? И еще раз повторяю: вот источник нашей общей болезни, нашей призрачности. Разверните какое вам угодно собрание русских стихотворений и посмотрите, что составляет, а особливо составляло пищу для ежедневного вдохновения наших самозванцев-поэтов: бессильное и слабое прекраснодушие. Один объявляет, что он не верит в жизнь, что он разочарован, другой, что он не верит дружбе, третий, что он не верит любви, четвертый, что он хотел бы сделать счастие своих собратий-людей, но что они его не слушают, и что он оттого очень несчастлив. Но оставим этих призрачных поэтов призрачного самоосклабления и обратим свое внимание на великого [А. С.] Пушкина, на этого чисто русского гения, рассмотрим главные моменты его жизни, и мы увидим в его развитии удивительную логическую последовательность. Он также получил ложное, призрачное воспитание и был некоторое время в том состоянии, которое он так ясно, так могущественно описал в своем «Онегине»; он также начал прекраснодушною борьбою с действительностью и прошел через долгие и мучительные испытания. Борьба и примирение с действительностью дорого стоили ему: борьба с действительностью должна была повергнуть его в отчаяние, потому что действительность всегда побеждает, и человеку остается или помириться с нею и сознать себя в ней и полюбить ее, или самому разрушиться — и посмотрите, как было глубоко отчаяние Пушкина:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем оковал?

Цели нет передо мною,
Сердце пусто, праздеи ум.

религии, там не может быть государства, и революция была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленной толпой. Наполеон остановил революцию и восстановил общественный порядок, но он не мог излечить главной болезни Франции: он не возвратил ей религиозного чувства, а религия есть субстанция, сущность жизни всякого государства. И этот недостаток религии есть главная, внутренняя причина призрачности ее теперешнего состояния.

Я знаю, что не должно произносить решительных суждений о каком-нибудь народе. Если можно ошибиться, осуждая человека, то тем возможнее эта ошибка, когда дело идет о целом народе, которого субстанция глубже и таинственнее, чем субстанция одного частного человека. Но если мы станем судить по фактам, то должны будем заключить, что у французского народа нет эстетического чувства. Посмотрите на оба момента французской поэзии, на классицизм и на романтизм, и вы увидите, что в этих двух противоположностях есть одно общее отсутствие истинной поэзии. Французский классицизм не есть тот греческий классицизм, по преимуществу прекрасный, пластический, спокойный и ясный, как верное отражение прекрасного и светлого мира греков; нет, это есть бедное и жалкое подражание древним, это есть перенесение живого и вечно-юного не в эстетическую субстанцию целого народа, а во вкус маленького, развращенного, гнилого кружка, лишенного того чувства бесконечного, которое составляет необходимое условие всякой поэзии, и вот почему простой мир греков преобразился во Франции в чопорное жеманство, в пошлую, холодную чувствительность и в отсутствие всякой простоты и естественности. Революция переворотила Францию, и она перешла из одной непросветленной односторонности в другую, противоположную ей и точно так же непросветленную односторонность: в романтизме ее точно такое же отсутствие поэзии, как и в классицизме. Классицизм был гнилым проявлением маленького исключительного кружка, романтизм же есть проявление целой непросветленной и неодухотворенной толпы. И вот почему новая литература Франции наполнена кровавыми и соблазнительными сценами, и вот почему она также наполнена фразами, с тою только разницею, что фразы ее классицизма были чопорны и жеманны, а фразы ее романтизма—неистовы: где нет созерцания бесконечного, там необходимо должны быть фразы, а где нет живой рели-

гии, там не может быть созерцания бесконечного. Французы из жеманства впали в естественность, но не в одухотворенную, не в просветленную естественность, а в отвратительную естественность мяса. И мудрено ли, что при таком отсутствии религиозного и эстетического чувства, которые составляют живую сущность народа, мудрено ли, что Франция впала в такое болезненное, в такое мучительное состояние? Вся жизнь Франции есть не что иное, как сознание своей пустоты и мучительное стремление наполнить ее чем бы то ни было, и все средства, употребляемые ею для наполнения себя, призрачны и бесплодны, потому что истинные бесконечные средства лежат в религии, в святом откровении божьем — в христианстве, а они не знают и не хотят знать христианства; им нужно н о в о е, по словам их безбожного патриарха Вольтера, который говорил:

Il nous faut du nouveau n'en fût-il plus au monde *.

Находясь вне христианства, они чувствуют потребность религии и стараются выдумать свою религию, не зная, что религия — не от рук человеческих, а есть откровение божие, и что вне христианства нет и не может быть истинной религии: вот источник смешного сенсимонизма и других религиозных сект, если их можно только назвать религиозными. Французы бросаются в философию, заимствуют у англичан, у немцев и по тому же самому недостатку бесконечной субстанции превращают философию и всякую истину в пустые, бессмысленные фразы, в произвольность и анархию мышления и в стряпание новых идеек. Нового, нового, старое нам надоело—вот общий девиз юной Франции, и это беспрестанное стремление от пустого старого к пустому новому есть источник м о д ы, одной постоянной богини французов, и они приносят ей в жертву все, что только есть святого, истинно великого в жизни. И много, много еще пройдет времени до тех пор, пока Франция не сделается тою великою нациею, какою она себя воображает.

Но болезнь Франции не ограничилась Франциею; это отсутствие религии, эта внутренняя пустота, эта philosophie du bon sens ** распространились далеко за границу ее и составили общую болезнь XVIII века. Болезнь страшная, мучительная, выход из которой есть сознание своей бесконечной пустоты, и великий

---

* «Нам нужно новое, хотя бы его и не было больше на свете». (Неточная передача стиха Лафонтена).

** Философия здравого смысла.

И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Но Пушкин не мог долго оставаться в этой призрачности: его гениальная субстанция вырвала его из этой бесконечной пустоты духа и насильно вела его к примирению с действительностью. За этим отчаянием, за этой сухостью духа последовала тихая, благотворная грусть, как светлый луч неба, как вестница очищения и просветления, и он выразил свое преображение в этих прекрасных стихах:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но как вино, печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю: мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья.
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Да, грусть есть начало просветления духа: она освежает душу, она есть начало веры, начало любви; грусть есть начало выздоровления, и Пушкин скоро выздоровел. В то самое время, как все думали, что его поэтический гений угас, потух под тяжестью светских забот, он совершал свое великое примирение с действительностью, и его последние произведения, напечатанные в «Современнике», торжественно доказывают это.

Да, счастие — не в призраке, не в отвлеченном сне, а в живой действительности. Восставать против действительности и убивать в себе всякий живой источник жизни — одно и то же. Примирение с действительностью во всех отношениях и во всех сферах жизни есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гёте — главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь. Будем надеяться, что наше новое поколение также выйдет из призрачности, что оно оставит пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознает, что истинное знание и анархия умов и произвольность в мнениях совершенно противоположны, что в знании царствует строгая дисциплина, и что без этой дисциплины нет зна-

ния. Будем надеяться, что новое поколение сроднится наконец с нашею прекрасною русскою действительностью, и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит наконец в себе законную потребность быть действительными русскими людьми.

Гегель восстает против самолюбивой и смешной уверенности нашего времени, что можно быть философами и учеными без всякого труда и усилия; говорит, что эта глупая уверенность, завлекая слабых людей, отрывает их от всякого другого поприща, на котором они могли бы быть действительными и полезными людьми. Для доказательства этого мы перевели три речи из говоренных им на публичных актах Нюренбергской * гимназии, из которых одна по распоряжению редакции помещается здесь, а другая предназначается для следующей книжки «Наблюдателя».

Михаил Бакунин.

№ 271. — Письмо брату Николаю.

(15 апреля 1838 года). [Москва.]

18 $\frac{15}{IV}$ 38.

Любезный брат Николай!

Я ждал с нетерпением писем от сестер, для того чтобы узнать от них, что ты такое, и неизвестность, в которой я находился на этот счет, побудила меня написать тебе то глупое письмо, которое ты, вероятно, получил и в котором, верно, ничего не понял. Вчера я получил наконец письма от сестер, и не можешь себе вообразить, любезный Николай, как я был обрадован, узнавши, что по духу твоему ты н а ш. Теперь я в этом уверен. Потому, друг Николай, прошу тебя помочь мне установить между нами истинно братские и дружеские отношения и постоянную переписку. Ты был в Прямухине и потому своими собственными руками осязал все раны нашего семейства, а их к несчастию много, очень много, и наше дело с тобою, как действительных членов семейства, по возможности излечить эти раны. Их много, Николай, но зато и много прекрасного, святого; любовь сестер вполне вознаграждает все, что тяжкое положение может произвесть мучительного. Да, Николай, нам надо вооружиться большою твердостью. Надеюсь скоро увидеться с тобою, и тогда я сдам в руки твои все семейные

* В оригинале «Нирембергской».

дела, расскажу тебе все и поставлю тебя на ту точку зрения, с которой все покажется тебе в настоящем свете. Ты сам болел, любезный брат, болел болезнию довольно общею в наше время: сомнением, безверием в жизнь, ранним разочарованием. Я понимаю состояние твоего духа более, чем кто-нибудь другой, потому что я сам перешел через него, пережил, перечувствовал его; я выпил до последней капли все, что в нем есть горького. Не унывай, друг, вспомни, что ты еще не жил, что ты не созерцал еще истинных предметов веры, и что твое сомнение не есть поэтому сомнение в истине, а сомнение в лжи, которую тебе выдавали за истину, и что твое безверие, твое разочарование не есть разочарование в истинной жизни, а в ложной, призрачной жизни. Ты не веришь в истину христианства, потому что ты еще не знаешь христианства, ты не веришь в могущество разумной мысли, в способность науки охватить и понять истину, потому что ты еще не приступил к истинной жизни.

В одном письме нельзя изложить всего; увидимся, так переговорим обо многом. Теперь же скажу только одно: содержание истинной жизни, истинной религии и истинной философии, этой науки наук, есть любовь, и твоя пылкая душа верно поверит и поймет это. А вот тебе совет на первый раз: читай поэтические создание Гёте, Шиллера, Гофмана; читай Пушкина, Гоголя, развивай в себе эстетическое чувство.

Варинька писала тебе, чтобы ты взял для нее место на пароходе; подожди немного, она слишком спешит. Завтра я еду в Прямухино для того, чтобы все объяснить, пиши мне туда, а оттуда я сам напишу. Варинькина поспешность может иметь очень худые следствия. Не бери мест на пароходе до моего письма. Когда напишу, чтобы ты взял, тогда и возьми. Прощай.

Твой брат

М. Бакунин.

№ 272. — Письмо Александре Беер.

[Апрель 1838 года. Москва.]

Милая, добрая Alexandrine, Вы не знаете, какое глубокое, благодатное впечатление произвели на меня Ваши письма ко мне и к Вариньке. Да, Alexandrine, Вы имеете в Вариньке сильного, глубокого, плаx(y)енного друга. Вы не имеете права, Вы не должны жаловаться на судьбу, она дала Вам глубокую потребность жить

духовною, вечною жизнью, она дала Вам душу, исполненную любви и истинного самоотрицания. Я говорю «истинного», потому что, если б оно не находилось в беспрестанной борьбе с потребностью своего собственного, личного счастья, то оно было бы безжизненно, мертво. Жизнь дала Вам перечувствовать и пережить то, что не дается другим, и наконец она дала Вам людей, которые умеют чувствовать и понимать Вас и которые счастливы в этой близости с Вами. Поверьте, Alexandrine, я принадлежу к малому числу этих людей. Верьте в мою любовь к Вам, верьте в святость и нерушимую крепость уз, связывающих нас. Посмотрите, сколько противоречий, сколько ужасных отрицаний переживали наши отношения, но они не разрушались. Нет, они вышли победоносные и светлые из этой борьбы на жизнь и смерть. И они будут становиться все светлее и глубже, они будут углубляться и усиляться углублением и усилением душ наших.

Вспомните, Alexandrine, в минуты самого сильного охлаждения, где мы, повидимому, совершенно теряли друг друга из созерцания, в эти минуты я беспрестанно говорил Вам, что мы не должны, что мы не можем расходиться. И это не был глупый каприз, пустое упорство, но глубокое предчувствие, что наша связь не должна и не может разрушаться, что она завязана в небесной области нашей духовной жизни и что из нее должен развиться для нас всех прекрасный, бесконечный, блаженный мир истины. Да, друзья, я всею полнотою души чувствую это: ничто не может разлучить нас. Варинькино письмо к вам дало мне много, много блаженства; вот истинная широкая жизнь, не путающаяся в мелких рефлексиях, но действительная в своей глубокой идеальности. Вот истинная любовь, не утрачивающая и не позабывающая прошедшего, но свято хранящая его в душе своей. Над такою любовью время не имеет власти, потому что время властно только над конечным и преходящим. Любовь же и жизнь духа вечны и неизменяемы.

(Конца нет.)

Перевод с французского.

№ 273. — Письмо сестрам Беер.

[Начало мая 1838 года. Прямухино.]

Дорогие друзья, вот я и снова в Прямухине. Я обещал вам дать правдивый анализ чувств, посетивших мою душу. Доро-

гие друзья, верьте мне, я уже вышел из периода иллюзий. Этот период для меня прошел. Для меня нет теперь другой жизни, кроме как в абсолюте и в дружбе тех, кто меня понимает таким, каков я есть и каким хочу быть понятым. Подъезжая к Прямухину, я испытал некоторое волнение. Можно даже сказать, что мною овладело какое-то ожидание, не знаю, чего, ожидание совершенно неопределенного характера. Но оно продолжалось недолго, и я вырвал его с корнем. Я вернулся в свою стихию, в свою сферу. Сестры мои очень обрадовались свиданию со мною, но я понял в конце концов действительный характер наших отношений и отстранил всякие притязания на расширение их сферы.

Прощайте, мои дорогие друзья. Сохраните мне вашу дружбу и вашу веру. Я очень в них нуждаюсь. Через несколько дней мы увидимся.

Ваш друг и брат
М. Бакунин.

№ 274. — Письмо сестре Татьяне.

(5 мая 1838 года).

(Сначала идет письмо Ильи Бакунина к матери, а затем приписка Мишеля).

О, милая Таничка! Как прекрасна, как очаровательна мать-природа! Сердце мое билось от полноты душевного восторга. Хорошо, очень хорошо.

Твой верный друг и вечный брат
М. Бакунин.

1838 года. 5 мая.

Четверг, в 10-м часу утра, на столе Танички, на котором пишется так много глупостей.

Прямухино.

№ 275. — Письмо сестрам Беер.

[Май 1838 года. Прямухино.]

Мои добрые, очаровательные друзья, как отблагодарить вас за такую любовь? *. О, поверьте мне, любовь ваша имеет беско-

* Первая фраза по-французски в оригинале.

нечную власть надо мною, она наполняет меня чудною гармониею всякий раз, как пахнет на меня. Нет, милые друзья, вы не знаете, что вы для меня. Помните ли вы, как оскорбляла меня всегда мысль, что какие-нибудь обстоятельства, внутренние ли или внешние — все равно, могут разделить меня с вами? И понимаете ли вы, почему это меня так глубоко оскорбляло? Теперь внутренний мир мой принадлежит мне, я не могу его потерять более; теперь призвание, путь мой сделались для меня яснее, теперь я более господин самого себя, любовь победила во мне всякий страх, и я покойнее, и всегдашний идеал мой — спокойствие в буре — уже несколько осуществился во мне. Но было время, когда жизнь моя была раздвоена на два совершенно противоположные элемента, на две друг друга уничтожающие стороны, на светлое, гармоническое предчувствие святой истины, в недрах которой все прекрасно и все блаженно, и на темную, бесконечно тяжелую сферу конечности. Я всегда знал, я никогда не позабывал, что любовь моя к вам, что наша взаимная дружба основаны на этой святой стороне, на этом синем, безоблачном небе моей жизни; я знал, что уничтожение их не иначе возможно, как с совершенным уничтожением всего, что меня делает человеком, и потому в самые жестокие минуты апатии, окаменения я всегда смотрел на них как на залог освобождения. И наконец я освободился, я вошел в свободную сферу вечного духа, для того чтобы никогда не оставлять ее, и это освобождение ознаменовалось возрождением нашей дружбы, окрестившейся в святой купели общей, бесконечной любви. Да, друзья, поймите хоть раз совершенно, что такое ваша дружба, ваша любовь для меня, и тогда вы никогда уж не будете сомневаться в моей любви к вам.

Милая Alexandrine, у меня все это время была такая потребность читать псалмы, и я так рад, что Вы отгадали ее; пришлите мне поскорее Вашу книжку, она никогда не оставит меня. Я пробуду здесь в Прямухине еще несколько месяцев, до самого моего отъезда за границу, может быть, нам еще удастся и увидеться, но я не хочу еще обольщать себя этою надеждою. Прощайте, друзья.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Татьяны.)

№ 276. — Письмо сестре Варваре.

[Май 1938 года. Прямухино.]

Нам было грустно, очень грустно после твоего отъезда, друг Варинька. Бедные сестры плакали, зевали, смеялись — истерически, разумеется; но потом, возвращаясь в Прямухино, мы както проникнули в истинную сферу общей жизни и поняли в ней необходимость и всего прошедшего, и твоего теперешнего отъезда и почувствовали, что все благо, все прекрасно, все ступень к счастию, и нам сделалось легко *.

Мужайся, Варинька, мысли, веруй, люби и будь всегда правдива и постоянна.

Твой брат и друг

М. Бак[унин].

Сашу поцелуй, Лиз[авете] Иван[овне] поклон **.

№ 277. — Письмо сестре Варваре.

[Май 1838 года. Прямухино].

Милая Варинька, отъезд твой напомнил мне «Immergrün der Gefühle» *** Жан-Поль Рихтера. До сих пор я сам не знал, как я тебя люблю, и узнал это только после твоего отъезда, возвратившись в Прямухино. Подъезжая к нему, я ощутил в себе какое-то странное чувство. Все мое существо превратилось в какой-то темный странный вопрос, зачем я туда еду, а тут мне сделалось ясно, что ты, Танюша и Саша составляете мой истинный прямухинский мир, заключенный в самом себе и заключающий в себе бесконечность. Если б сестер не было в Прямухине, то мне было бы невозможно жить в нем. Или жизнь в совершенном одиночестве, или жизнь с сестрами. И вот наш прекрасный прямухинский мир разорвался на некоторое время, судьба вырвала из него тебя и твоего сына, и в нем нет уже той бесконечной полноты; мы все ощущаем какую-то пустоту в душах наших; пространство, прежде наполненное непосредственностью твоего присутствия, а теперь пустое, и эта пустота подавляет нас всех, и в нас всех есть сильное стремление наполнить его.

---

* Дальше по-немецки в оригинале.

** Приписка после подписи по-русски в оригинале.

*** «Вечная свежесть чувства».

Но чем же наполним мы его? О, мыслью, воспоминанием о тебе. Для того, чтобы охватить всю целую полноту какой-нибудь картины, должно отойти от нее и посмотреть на нее издали; для того, чтоб понять целого человека, должно разлучиться с ним. Непосредственность присутствия приковывает внимание к частному, и за частным теряется целое. Отсутствие же человека собирает все эти частности и приводит их к гармоническому живому единству, и тогда только понимание человека и любовь к нему возвышаются до истины. Да, Варинька, только теперь начинаю я узнавать, что ты для меня, и это радует меня. Я чувствую, что, расставшись с тобою, я не расстался с тобою. Твой образ, твой светлый, мощный дух не оставляют меня; нет, они все яснее и яснее присутствуют во мне и более и более наполняют пустоту, произведенную твоим отъездом.

Все благо, Варинька; самые тяжкие обстоятельства ведут человека к высшему счастью. И мы перенесем все и заслужим это небесное счастие сознательно жить в боге и любить друг друга в боге. В нас еще много темного, непросветленного, мы еще не доросли до самих себя, и нам предстоит еще много борьбы и много страданий. Не будем же позабывать, что в жизни нет ничего бессмысленного и что во всем заключается глубокий, святой, таинственный смысл, разрешение которого лежит беспрестанно на пути каждого. Итак вперед смелее, с верою и любовью. Всё — благо.

Варинька, я буду писать тебе часто и много. Отвечай мне так же.

Твой М. Бакунин.

Сашу поцелуй за меня. Лиз[авете] Ив[ановне] поклон.

(Дальше идет приписка сестры Александры.)

Перевод с немецкого.

№ 278. — Письмо сестре Варваре.

[Май 1838 года. Прямухино.]

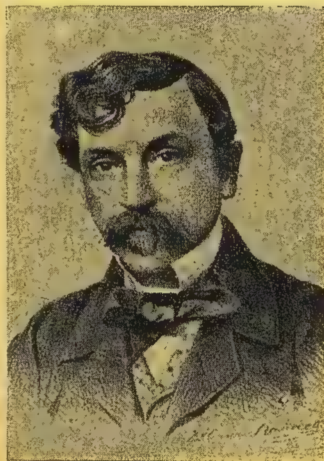
Папенька и маменька уехали в Торжок, и я думал, что не успею написать тебе, милая Варинька, но, узнав, что мужички бывают сегодня в городе, спешу поговорить с тобой,

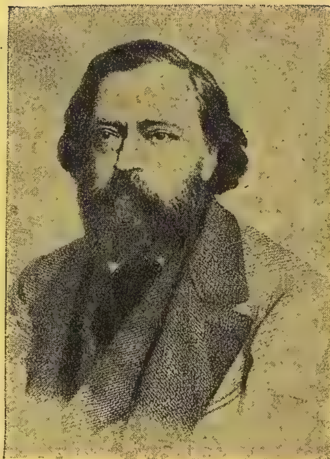
А. П. Ефремов
(1850)

Я. М. Неверов
(1860)

И. И. Панаев
(1850-е годы)

Н. П. Огарев
(1857)

Пароход «Николай I-й» сгорел. Как же ты поедешь и когда поедешь? Мы здесь еще ничего не знаем. Напиши нам поскорее, неопределенность хуже всего *. Я хочу, чтобы ты поскорее уехала и поскорее освободилась от сопровождающей тебя мертвой фигуры **. Будь тверда и не давай себя запутать и разжалобить пустячками и штучками. Тебе предстоит еще много вынести, приготовься ко многим горестям, будь крепка и не забывай никогда, что ты борешься за свою свободу, за свое достоинство. Свобода и достоинство составляют необходимые условия человечности, а без человечности нет никакой жизни. Жизнь же, Варинька, прекрасна. Жизнь есть блаженство, но человек должен возвыситься до этого блаженства путем горестей и страданий, путем всяческих отрицаний. Мы все родились во лжи, а еще больше воспитались во лжи. Ложь мира сего омрачила наше детское небо. В истине, в познании истины лежит наше спасение.

Мыслить, мыслить и мыслить — это несомненно главное. Те, кто утверждает, что мысль противоположна религии, сами не ведают, что говорят, ибо сама религия есть не что иное, как особая форма мышления, а человек является человеком и отличается от остальных животных и обладает религиею только потому, что мыслит. Само собою разумеется, что я говорю здесь об истинном, бесконечном и просветленном мышлении разума, а не о конечном и просвещенном рассудке. Рассудок имеет свое место и может утверждать свои права только в конечной сфере дурной ограниченной действительности, а не в вечной, божественной действительности, с которою у него нет ничего общего, так как он никогда ее не поймет. Вот почему разумный человек всегда рассудителен, но рассудительный не всегда разумен. Французы говорят: «la pensée tue le sentiment» ***. Они правы, потому что могут понять мысль не иначе, как в форме рассудка. А рассудок прямо противоположен чувству истины, эстетическому и религиозному чувству. Отсюда следует, что французы еще не дошли до истинной поэзии и истинной религии. В жизни немцев также был момент рассудочного просвещения, но германский дух слишком величествен, чтобы долго коснеть во лжи. Протестантизм, ныне являющийся наиболее истинною и совершенною

* До сих пор по-русски в оригинале, отсюда по-немецки.

** От мужа, Н. Дьякова.

*** «Мысль убивает чувство».

формою христианской религии, снова обратился к разумному и божественному содержанию, к христианским догмам. Царство разума, святого духа завершило круг истины. Рассудок сам по себе есть ложь, чувство само по себе серо и немощно. Только органическое объединение обоих в разуме, только разумное мышление составляет сферу истинного познания и истинной жизни, скажу — жизни во всеобщем, ибо дело, деятельность есть не что иное, как реализация мысли; искусство, религия и мысль суть лучи вечного солнца, божества *.

Ты едешь теперь в обетованную землю, друг Варинька. Природу, искусство, науку, религию — принимай все в себя, расширяй дух свой. И не позабывай нас и люби нас попрежнему. Любовь же наша везде за тобою последует. Целую Сашу **. У тетеньки Прасковьи Михайловны *** поцелуй за меня ручки. Я так рад, что ты с нею познакомишься. Я так люблю и уважаю ее. Дяденьку **** за меня поцелуй.

Поклонись от меня графине Делагарди *****, которая когда-то была очень добра ко мне ******. Екатерине Ивановне Бреверн присядь ******* за меня.

А ты, друг Николай [1], верно был рад несчастью, случившемуся с пароходом. Ты долее пробудешь с Варинькою. Я надеялся также увидеть тебя в Петербурге, но увы, обстоятельства. Пиши к нам чаще. Достань, пожалуйста, «Наблюдателя» [2] с зеленой, а не с желтой оберткой 1838 года, I-ую книжку за март месяц. Там есть моя статья; прочти ее и напиши, что ты об ней думаешь. Пиши ко мне чаще.

Брат и друг ваш
М. Бакунин.

№ 279. — Письмо сестрам Беер.

[Май 1838 года. Прямухино].

(Сначала идет письмо сестры Александры Бакуниной, а затем письмо Мишеля.)

---

* Дальше в оригинале по-русски.
** А. Н. Дьякова, сына Вариньки.
*** Ниловой.
**** Нилова, П. А.
***** Дочь Ниловых.
****** Эта фраза по-французски в оригинале; дальше снова по-русски.
******* Т. е. поклонись.

Милые друзья, Саша описала вам наши внешние обстоятельства, она сказала вам, что я остаюсь еще в России. Да, я принужден отложить свое путешествие еще на два или на три месяца; Варинька же едет 4-го июня. В середине или в конце лета я также буду за границей, а теперь обстоятельства требуют, чтоб я остался еще некоторое время здесь. Может быть, мы еще раз увидимся до моего отъезда, может быть, но я не хочу обманывать себя может быть призрачною надеждою. По крайней мере я сделаю все, что от меня занвисит, для того чтобы осуществить ее, а вы знаете, что иногда от меня очень много зависит и очень многое заключается в моей власти.

Друзья, вы еще боитесь за меня, боитесь, чтобы внешние обстоятельства не убили, не задушили меня. Знаете ли, что с тех пор, как я признал существенность обстоятельств, они потеряли всякую власть надо мною и превратились в совершенный призрак? Все внешнее, все чуждое заключает в себе какую-то черную, непроницаемую, страшную сторону. И покамест я отвлекал[ся] от обстоятельств и п р е з и р а л их, до тех пор я не был их полным господином и часто бывал бессознательным рабом их. Но теперь я сроднился с ними, я обратил и обращаю на них внимание, я смотрю им прямо в глаза, и все, что в них было противоречащего, враждебного течению моей жизни, все это исчезло, все это обратилось в призрак. Теперь я хочу назваться властителем всех внешних обстоятельств. Они должны принять ту форму, то направление, которые я им даю. Человек не должен быть отвлечением от чего-нибудь, он должен быть гармоническим единством всех элементов и всех условий, составляющих его истинно-действительную, его внутренне-внешнюю жизнь. В этом гармоническом, сознательном и живом единстве свобода и могущество и блаженство его бесконечны и непроходящи.

Милая Наталия, Вы жалуетесь мне на меня, Вы говорите мне, что письма мои кажутся Вам иногда холодны, как холодные философские рассуждения. Нет, друзья, во мне горит живое, горячее, чистое пламя любви всякий раз, как я думаю о вас, как я пишу к вам. Эти философские рассуждения — не пустые слова, употребляемые мною для наполнения писем. Нет, передавая вам мысли свои, я передаю вам жизнь свою, потому что мысль и жизнь во мне тесно и неразрывно связаны, и оторвать их друг от друга значит убить и ту и другую. В мысли заключается все спасение, вся будущность, все блаженство мое.

Прощайте, друзья, читайте Апокалипсис, только не мучайте себя недоразумениями, а главное помните, что для благодати бога живого нет границы, нет препятствий и нет невозможностей, и что все дышащее стремится, хотя и разными путями, к одной и той же цели, и что все достигнет этой цели, и что мы все достигаем ее почти ежедневно и всё с возрастающими полнотою и блаженством.

Ваш друг

М. Бакунин.

№ 280. — Письмо А. П. Ефремову.

[Средина июня 1838 года. Прямухино.]

Я обещал писать тебе, видишь ли, и держу обещание, а ты, гордый человек, боялся унизиться, начав первый переписку. Ну да бог с тобой!

Маменька и две младшие сестры в Москве, ты верно у них будешь: от Лангера * или от Боткина ** можешь узнать о[б] их местопребывании [1]. Непременно поезжай к ним. Сестры, не знаю за что, очень к тебе благоволят, они полюбили тебя. А маменька, как только услышит твое имя или подумает о тебе, сейчас же так улыбается, что по ее улыбке можно угадать, что она думает о маленьком (не духом, а телом), толстеньком человечке. Без шуток, приезжай к нам. Сестра Любаша, твоя прежняя Любовь [2], велела сказать тебе, что если ты не приедешь, то она собственноручно — не бойся, не поколотит тебя, а напишет тебе приглашение. Я знаю, что ты для этого одного готов упрямиться, но не слишком глупи, друг. А то я приеду в Москву, и тебе будет худо. Непременно приезжай и не смей отговариваться службою. Служба — вздор; вот хозяйство — другое дело: это — дело важное, серьезное [3]. Расспроси пожалуйста у сестер о моем путешествии в лес, к медведям — я и тебя туда же сведу. Непременно приезжай, Сашенька, мы с тобой вместе и почитаем и попишем.

Право приезжай, друг, непременно приезжай. Да к тому же есть и случай. Я зову к себе П. П. Клюшникова ***, о чем мо-

* Федор Федорович.
** Василий Петрович.
*** Петр Петрович, врач.

жешь узнать у Ивана Петровича *. Приезжай с ним вместе. Топить тебя и мазать сажею ей-богу не буду. Да отвечай мне скорее, а не то напишу к другу Виссариону Тряпичкину **: он тебя раскритикует.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

Если же П. П. К[люшник]ов не приедет, то приезжай один, непременно.

№ 281.—Письмо матери.

(16 июня 1838 года.)

Милая маменька!

У нас все слава богу благополучно. Любашино здоровье ни хуже, ни лучше, с тою только разницею, что она спит гораздо более и покойнее. Братья приехали и опять оживили Прямухино, несколько опустевшее после вашего отъезда. После двух дней, проведенных в восторге, они уже принялись за свои обыкновенные занятия. Алеша беспрестанно играет на фортепианах. Славные мальчики. Паша безвыходно сидит у меня. Все занимаемся и по очереди читаем папеньке, который разделяет свое время между хозяйством, Любашею и чтением.

Приезжайте скорее, милая маменька: основываясь на Вашем приказании и видя, что Любаша не спит ночи, мы с Хионой Николаевной ***, которая ни на минуту ни днем, ни ночью не оставляет ее, решились послать за Цирхом **** секретно от папеньки и от Любаши. Он дал ей порошки и траву для питья, и со времени его приезда к нам она спит гораздо покойнее и встает свежее. Что до меня касается, милая маменька, то я понемногу, очень понемногу вхожу в таинства сельского хозяйства. Фабрика идет, но еще не совсем хорошо, потому что воды очень мало; дождя еще не было; два молота бьют, и сегодня вечером будет 100 пуд. битой бумаги. Завтра пойдет третий молот.

Вот Вам, милая маменька, полный отчет о нашей прямухинской жизни. Каково-то поживаете Вы в Москве, видели ли Лан-

* Иван Петрович, поэт, брат предыдущего.
** В. Г. Белинский.
*** Безобразова.
**** Цирх (или Цирг) — врач, лечивший Любашу.

гера, слышали ли музыку? Писем из Москвы мы уже от Вас более не ждем, а ждем Вас самих.

О Клюшникове * я уже писал к сестрам. Я писал ему самому обо всем по почте, письмо мое он уже давно получил и вероятно сам явится к Вам; но для большей верности пригласите его, милая маменька, через Егора, который его лично знает и знает его квартиру, приехать к Вам. Кроме того что, по свидетельству всех и самого Дядьковского **, он славный доктор, он еще славный, благородный и простой человек. А это в докторе очень важно.

Прощайте, милая маменька, поцелуйте сестер и поклонитесь пожалуйста от меня тем из наших общих знакомых, которых Вы увидите.

Любящий Вас сын

М. Бакунин.

1838 год, 16 июня. [Прямухино.]

(Дальше идут приписки Любаши и отца.)

№ 282.—Письмо сестрам Беер.

(16 июня 1838 года.)

Вот мой портрет, дорогие, добрые друзья. Говорят, что он на меня похож. Что я нахожу в нем наиболее сходного со мной, так это некоторая присущая ему расплывчатость и неопределенность: он не закончен, как и я сам еще не докончен. Итак примите его таким, как он есть: он нарисован в одну из самых великих эпох моей жизни, в эпоху обновления, внутреннего возрождения ***.

Знаете ли, я смотрю на свое прошедшее, как на бурное приготовление к жизни в истине, как на завоевание человеческости прав своих, как на торжественное вступление в истину. Теперь для меня настало время тишины, вдохновенного, тихого, спокойного размышления. Я стою уже на крепкой, на плодоносной почве, на почве вечного духа. Обстоятельства не позволяют мне сейчас же ехать за границу, я должен был отложить свое путешествие

* Петр Петрович, врач.

** Иустин Евдокимович, профессор-врач.

*** Весь первый абзац по-французски в оригинале.

на некоторое (неопределенное) время, но вы не можете себе вообразить, с какою радостью я простился с Москвою и удалился от всякой литературной суеты и производительности и уединился в Прямухине, где все теперь спокойно и мирно и где гармония восстановляется не призрачно, а действительно, гармония, основанная не на произволе, а на разумной свободе каждого члена семейства.

Я работаю теперь много, очень много, я наконец устроился так, что ничто не будет вырывать меня из спокойной и тихой сферы, которая для меня так необходима, в бурную область борьбы, споров, войн и т. д. Все это, вся эта суета мне надоела. Мне нужно жить в самом себе и с теми, с которыми я могу быть, не выходя из себя. О, мне предстоит много, много дела, я чувствую, что нет более для меня непреодолимых трудностей. Вера в жизнь, в свое призвание, в высокое достоинство и призвание человека есть такое оружие, владея которым нельзя бояться неудачи.

Сестры уехали в Москву, я один остался с Любашей и папенькой. Любаша ни то, ни се — что будет вперед, только один бог знает. Я ходил недавно в Попово и уже не так неудачно, как в первый раз. Видно, дом ваш не хотел принять сестер, а как я пришел один, то он и отворился. Я пересмотрел все эти комнатки, с которыми связано так много чудных, глубоких воспоминаний; остановился в ваших комнатах и стал рыться во всех шкапах в надежде найти какую-нибудь старую бумажку — рылся, рылся и наконец нашел в комоде Александрины старую записку Вертеля к Федору, взял ее и спрятал; она у меня сохраняется как принадлежащая к самому бурному времени нашей дружбы. Да, друзья, мы много вместе пережили, вместе передумали, перечувствовали, и все эти страдания, вся эта ужасная борьба, все эти быстрые, иногда насильственные переходы из одного элемента в другой, из одной области жизни в другую — все это было не даром, нет, из этого периода брожения должно вытечь для всех нас и в одно время нечто высокое, чудесное, торжественное.

Alexandrine, Alexandrine, и Вы сомневаетесь, и глаза Ваши не открылись еще для вечного и благодатного света истины, и Вы верите еще в фатализм! О, я не даром боролся с этим страшным привидением, я знаю, как глубоки раны, наносимые верою в этот страшный призрак. Вера в фатализм есть отрица-

ние духа, свободы духа, отрицание всякой религии, потому что религия есть откровение свободы. Alexandrine, милая Alexandrine, вы позабыли мерку, которую я вам дал для поверки истины какой-нибудь мысли. Я вам сказал тогда, что только та мысль истинна, которая основана на откровении божественной, вечной истины, только та мысль истинна, которая вытекает из сознания бесконечной свободы духа. Я знаю, что с Вами происходит: Вы смотрите на жизнь природы и созерцаете в ней ту безграничную, благодатную, таинственную гармонию, которая пребывает в ней, и тут же бросаете взгляд на себя и видите в себе разорванность, безвыходную борьбу, страдания без цели, везде мрак, везде странная, подавляющая неопределенность и вместо присутствия полной, всеобъемлющей жизни только потребность такой жизни, не правда ли? Это двойное созерцание приводит Вас к мысли, что есть жизнь, полная глубокого, святого значения, есть жизнь, полная безграничного, гармонического колыхания * красоты, но что эта жизнь не для Вас, что Вы — существо, отверженное и природою, и духом, существо, назначенное для безвыходной борьбы и для бесконечного страдания, — не правда ли?

Alexandrine, Alexandrine, так Вы не поняли глубочайшего, внутреннейшего смысла всего, сказанного мною Вам! Без диссонансов нет полной гармонии: чем сильнее страдания, тем глубже, тем светлее разрешение. Потребность свободы есть уже начало свободы, и потребность знания есть уже начало знания. Нет потребности без удовлетворения. Но вы конечное делаете меркою для бесконечного и спрашиваете, почему ваши потребности не сейчас же удовлетворяются, почему они не удовлетворяются такого-то числа, в таком-то часу, в такой-то минуте и секунде. Нет, Alexandrine, бросьте все эти ложные, неблагодатные рассуждения; посмотрите на бесконечную, светлую жизнь природы, но уж не для того, чтоб еще раз завидовать ей и унижать себя перед нею, а для того, чтобы сознать, что Ваша внутренняя борьба, что движение Вашего духа оторвало Вас от этой естественной гармонии для того, чтоб воссоздать в Вас мир гармонии духовной, свободной, просветленной. Верьте, верьте, милая Сашенька, и мыслите на основании веры и любви, а не отрицая их: мышление, отвлекающее от них, есть рассуждение, резонерство.

А Вы, моя милая Наталья, Вы, мой друг, Вы верите, боритесь

---

* Возможно, что надо читать: «полыхания». У Бакунина буквы: п, и, к часто пишутся почти одинаково.

же с ужасными заблуждениями нашего общего друга и сестры *.

Нет, я вырву вас, друзья, из этих последних остатков лжи. Прощайте.

Пишите чаще и пишите обо всем. Непременно увидимся.

$18\frac{VI}{16}38$. Прямухино.

Ваш М. Бакунин.

№ 283.—Письмо А. П. Ефремову.

(24-го июня 1838 года.)

Ефремову, прошу доставить поскорее.

Друг Alexandre, напишу тебе только несколько слов. Любаша очень, очень больна, и ты должен употребить все, что от тебя зависит, употреби все свои силы и привези как можно скорее Петра Петровича Клюшникова. Ожидаю тебя на-днях. Ради бога спеши.

Твой М. Бакунин.

24-го июня 1838 (года). [Прямухино.]

Привези с собой Гизо и Раумера, если можешь.

Приезжай, друг, да недели на 4 или на 5.

Петр Полторацкий и супруга его Мария Федоровна кланяются тебе.

Приезжай поскорее.

№ 284.—Письмо А. П. Ефремову.

(9 июля 1838 года.)

Друг Alexandre!

Сестре все хуже и хуже, и наши торжковские доктора почти признаются, что они не понимают ее болезни. П. П. Клюшников более чем когда-нибудь необходим нам теперь. Виссарион, который был у него в Веневе, сказал мне, что он непременно должен быть с тобою к нам 7-го или 8-го июля. Со вчерашнего дня я вас жду в Торжке, в трактире Вараксина, и вот уже сегодня 9-ое,

---

* Последняя фраза по-французски в оригинале.

а вас все нет. Каждая минута более чем драгоценна. И потому я решился написать к тебе, для того чтобы узнать, не случилось [ли] какого-нибудь особенного обстоятельства, помешавшего вашему приезду. Отвечай мне сейчас же по получении этого письма и как можно подробнее, для того чтобы я мог принять свои меры. Я буду ждать или тебя или твоего ответа в Торжке. Если что-нибудь от тебя зависит, то мне не нужно просить тебя, чтобы ты употребил все зависящие от тебя средства для скорейшего доставления Петра Петровича к нам. Мы все ожидаем его как спасителя.

Ради бога спеши вывесть меня из неопределенности, которая тяжелее всего. Если нужно, я сам поеду в Москву.

Ради бога отвечай скорее.

Твой М. Бакунин.

1838 года — 9-го июля. Торжок.

№ 285 — Письмо сестрам Беер.

[Вторая половина июля 1838 года. Прямухино.]

Милые, добрые друзья, наконец-то я дорвался до вас. Не думайте, чтобы только одни внешние обстоятельства были причиною моего долгого молчания. Правда, что и они несколько участвовали в нем, но главная причина заключалась во мне. Знаете ли вы то состояние духа, в котором душа так полна, в котором она живет переполненною, бесконечною жизнью, в котором она жаждет выражения в слове как откровения и осуществления любви, волнующей и переполняющей ее, и в котором вместе все еще так таинственно, все подернуто каким-то толстым, почти непроницаемым покрывалом, на все наложена печать неразгаданной и невыговариваемой тайны, так что вместе с потребностью к выражению, к выговариванию себя в душе есть и другая потребность, потребность молчать? Если вам известно это состояние, то вы поймете всё, что во мне происходило в продолжение всего этого времени.

Да, друзья, для меня настал новый период уничтожения всякой внешности и углубления в себя. Прошло время внешних войн, внешних подвигов. Было время, когда, вдохнов[л]енный истиною, только-что мною узнанною, только-что осветившею меня, я спешил осуществить ее и для себя, и для всех окружавших

меня. Это было время беспрестанного восторга. Чем более было препятствий, тем более силы, тем более веры, бесконечной веры в успех нашего общего, святого дела. Это было святое время. Много было в нем детского, много страстного, непросветленного, но сущность его была чиста и истинна. В это время мы узнали, мы полюбили друг друга, полюбили в истине, в общей любви к истине. Много, много нитей завязалось тогда, нитей, казавшихся тогда святыми, неразрывными, и много разорвалось. Но все необходимо, все — благо, не будем говорить о том, что разорвалось, а будем говорить о том, что было и осталось истинным, о том, что выдержало все отрицания и закалилось в бурях и непогодах.

Да, друзья, наша взаимная дружба свята, потому что мы связаны таинственною, неразрывною нитью. Я знаю, что я для вас буду всегда необходимым, и эта уверенность есть для меня залог непреходимости нашей взаимной любви. Да, детское, но вместе и прекрасное было прошедшее; благословим его, друзья, и пойдем смело вперед, с верою и любовью, и врата ада не одолеют нас. Да, теперь настало другое время, новый момент жизни; вся жизнь моя должна сосредоточиться и перенесть вовнутрь меня все, что до сих пор было вне меня, и знаете ли, друзья, мне кажется, что переворот в моей жизни должен быть необходимо переворотом в вашей жизни, что мое новое направление будет и вашим направлением. Ведь это — не самолюбие, не правда ли? Ведь эта безграничная вера в безграничность вашей любви ко мне не есть самолюбивый и пустой призрак? Ведь вы не рассердитесь, и я не ошибусь, когда я назову вас двух *своими*? Ведь вы — мои в полном смысле этого слова, вы — *моя собственность*. О, вы не знаете и не можете знать, как дорого я ценю эту собственность.

Да, настоящий переворот моей жизни есть для меня мерка всех моих внешних отношений, огонь, в котором горит и должно сгореть все ложное и очиститься и просветлиться все истинное. Много сгорело, много сгорит еще, все, что было только внешним, уничтожится, и сохранится только то, что было внешним и внутренним в одно и то же время. Не все внешнее может быть перенесено в внутренний мир мой. Тогда общие внешние интересы, общая потребность внешнего освобождения, потребность, которой я был в некотором отношении первым выразителем и осуществителем, заменяли внутреннюю связь, которая лежит

глубже, бесконечно глубже в душе человека. Теперь внешняя жизнь наша кончилась, внешние потребности наши осуществились, и мои отношения со многими, с очень многими превратились в отрадное сознание, что мы были друг другу полезны, что мы обязаны друг другу вечною благодарностью и что мы будем друг об друге вечно помнить.

Итак да будет вечная память всему прошедшему, отдадим ему всю должную справедливость как школе, в которой мы все вместе воспитались и в которой все были попеременно учителями и учениками. Детский период нашего возрождения в истине кончился, настал период мужества, период внутренней деятельности. Оставляя школу, все товарищи расходятся по различным путям жизни, иные разлетаются навсегда, другие иногда встречаются и с удовольствием вспоминают о прошедшем товариществе; не расходятся только те, в души которых запала общая искра и соединила их общим пожаром любви, те, которых бессознательно связала таинственная нить, проходящая через глубочайшую глубь существования каждого.

22 июля. Пятница.

Вот я и опять хочу вступить в разговор с вами, милые друзья мои. Начало этого письма было написано в несколько элегическом расположении духа. Я говорил о том, что прошло; но что прошло, того в сущности и не было. А много, много осталось еще для меня, так что я счастлив так, как малым дается быть счастливым. Вы и сестры составляете мой собственный прекрасный внешний мир, мир, в котором я дышу и живу свободно, мир, в котором я не теряю, а нахожу себя. Да, Natalie, Вы правы, я взял труд не по силам, я неспособен быть хозяином, неспособен потому, что меня нисколько не интересует хозяйство; но, с другой стороны, оно мне интересно как изучение русского человека, русского практического духа. Теперь я все более и более сознаю свое призвание: во мне преобладает религиозное стремление, истина в религиозной форме и философия как служительница религиозной истины. Итак не бойтесь, я не собьюсь с своего пути, он слишком глубоко врезан в душе моей, для того чтоб я мог позабыть его.

Да, друзья, наш союз прекрасен, но в нем должна произойти теперь перемена. Было время, когда безграничное повиновение ваше было для меня необходимо, потому что вы сами понимали, что для вас лучше и хуже; но теперь это время прошло, и наша

дружба должна облачиться в форму более достойную, более тождественную с ее содержанием. Друзья, мне всегда обидно, когда вы боитесь сказать мне мысль вашу. Разве страх, какого бы он рода ни был, может быть допускаем в любви? Но я знаю, что до тех пор, пока я сам не уничтожу этой старой формы, до тех пор она никогда не уничтожится, и потому я начну первый. Я буду вам говорить о себе более, чем прежде, я стану вам более открывать душу свою, и это поневоле разобьет последнюю ложь, еще разделяющую нас.

Вы хотите оставить Шашкино, друзья, для того, чтоб осуществить ваш старый план. Ну что ж, если жизнь в Шашкине невозможна, а я теперь ясно вижу, что она для вас невозможна, постарайтесь сыскать себе место, но ради бога постарайтесь сделать это тише, как можно тише. Шум и треск только тогда хороши, когда они необходимы как единственное остающееся средство. В противном же случае должно делать так, чтоб даже не примечали, что вы делаете.

Пишите ко мне чаще, говорите мне все, друзья, я хочу знать, для меня необходимость знать все ваше внутреннее и внешнее. Петр Клюшников * у нас. Любаша о п а с н о, о ч е н ь о п а с н о больна; но кажется, я верю, что он вылечит ее. Будет то, что будет. Скажите Константину **, что я буду отвечать ему по первой почте.

Прощайте, друзья.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 286.—Письмо сестрам Беер.

(29 июля 1838 года.)

Дорогие друзья!

Сейчас мы узнали от вашего брата Алексея, а затем от Ржевского, что вы хотите приехать в Попово, а Вы, дорогая Наталья, говорите в вашем последнем письме, что если Любинька скажет хоть одно слово, то вы поспешите приехать. Она поручила мне сказать Вам, что если это только возможно, она просит В[illegible]ать. Для нее свидеться с Вами, с человеком, которого

---

* Петр Петрович врач.

** Беер.

она так любит, будет большим утешением *. Она уже мечтает, что не встанет со своего одра болезни. Приезжайте, милая, дорогая. Я пишу несколько формальное письмо, так как боюсь, что оно не застанет вас в Шашкине. Вы неправильно понимаете. Милая, приезжайте. Все мы, и я в особенности, так страстно хотим с Вами увидеться. Я уже подозреваю, что это удастся осуществить не иначе, как путем войны. Но, что делать, добрая ссора всегда лучше худого мира: таково всегда было мое убеждение. Я не пишу Константину **, так как не уверен, что мое письмо его застанет ***.

Любаше то лучше, то хуже. Вчера ночью мы боялись за ее жизнь. Будь, что будет. Я только уверен, что если ее можно вылечить, то ее вылечит только один Петр Петр[ович] Клюшников, который теперь не отходит от нее. Будь то, что бог даст.

Ваш М. Бакунин.

29 июля 1838 [года]. Прямухино.

№ 287.—Отрывок письма В. Г. Белинскому.

[Вторая половина августа 1838 года. Прямухино.]

Любезный Виссарион, сейчас получил твое письмо. Поверь мне, оно меня не оскорбило: я принял его как письмо человека, любящего меня и не имеющего от меня никаких тайн. Ответ мой будет доказательством истины моих слов... Письмо твое требует длинного, отчетливого ответа — и я буду отвечать тебе, буду говорить с тобою, как с самим собою. Выскажу все, что сумею высказать. Между нами явился новый предмет для полемики, — да, для полемики, — будем называть вещи их именами.

Перевод с французского и немецкого.

№ 288.—Письмо сестре Варваре.

24 августа 1838 г[ода]. Прямухино.

Варинька! Много пережили мы в это время: твое отсутствие, смерть Любаши. Я не стану тебе описывать подробно ее послед-

---

* Дальше по-немецки в оригинале.

** Беер.

*** Дальше до конца по-русски в оригинале.

них минут и всего случившегося после ее кончины. Ты знаешь, я никогда не умел рассказывать, а во-вторых это — дело сестер, я же еще не в состоянии говорить много. Главное то, что ее теперь между нами нет. Любинька умерла. Вот уже более двух недель прошло после ее смерти, и до сих пор я не могу еще привыкнуть к тому, что она умерла, мне странно это. Знаешь ли, Варинька, для того, чтобы почувствовать всю любовь к ней, мы должны были потерять ее. Между собою мы были всегда более или менее сознательно связаны, но связь наша с нею была чисто бессознательная; сознания, намерения наши всегда разделяли нас с нею, и, несмотря на это, мы ее сильно любили, и только теперь можем мы совершенно измерить всю бесконечность нашей любви к ней.

Мы долго рассуждали, писать ли тебе о ее смерти или нет, и наконец решились написать. Ты, которая так много перенесла, ты, которая перенесла отрицание своей свободы, своего женского достоинства, одним словом все, что для женщины может быть ужасного и отвратительного в жизни, и не упала под ударами судьбы, а возвратила себе свою свободу и восстановила свою первобытную чистоту и святость, — ты перенесешь и это известие с верою, любовью и твердостью. Она не оставила нас, нет, она живет в нас, святая, просветленная и отрешенная от всего случайного и земного; смерть ее была покойна, и она тихо перенеслась от земного к небесному существованию.

Бедный Станкевич! Я не пишу к нему во-первых потому, что не знаю, куда ему писать, а во-вторых потому, что еще не знаю, что̀ и как ему писать. Он должен быть еще в Эмсе на Рейне; может быть, ты увидишь его, я желал бы, чтобы вы увиделись *.

Ты теперь в Швейцарии. Ты скорее осуществила наш план, чем мы смогли этого ожидать. Теперь ты совершенно свободна; он ** ничего с тобою поделать не может. Бедняга уже находится здесь. Он приехал совершенно неожиданно, через 4 или 5 дней после ее смерти. Он ничуть не изменился, попрежнему глуп и добр. Много рассказывает о поездке, но не может сообщить нам ничего интересного. То, что может нас заинтересовать, для него составляет потустороннее.

Папенька велит тебе передать, что ты не должна отсылать

*До сих пор по-русски; дальше по-немецки в оригинале.

** Муж Варвары, Н. Н. Дьяков.

ему две тысячи. Его дела идут хорошо, и он их выплатит здесь *. Он велит тебе передать, что эти деньги тебе понадобятся, что ты или твой сын можете захворать, и тогда деньги будут тебе нужны. Посылка денег по почте стоит дорого, и лучше уплатить их здесь. Одним словом папенька требует, чтобы ты оставила деньги у себя, и ты должна исполнить его волю. Снова повторяю тебе, дела идут очень хорошо. А затем наш бедный отец стал такой добрый, такой добрый. Бедный старик много плакал. Он так свято смирился. Мы прочли ему твое письмо, в котором ты пишешь, что не вернешься. Итак, он знает все. Дьяков хочет поехать в январе в Швейцарию к тебе и просит осведомиться у тебя, будет ли тебе приятен его приезд. Напиши ему ласковое письмо, но постарайся убедить его не ехать и проси его остаться здесь. Я думаю, что ты сумеешь это сделать. Мы с своей стороны постараемся удержать его здесь. С августа месяца папенька хочет устроиться в Москве. Тогда я буду свободен и смогу наконец осуществить мою первую поездку. Я приеду к тебе и надеюсь, что мне удастся привезти тебе Таню. До тех пор пиши нам почаще. Мое письмо покажется тебе несколько сухим. Это оттого, что я не могу еще отделаться от какого-то подавленного чувства, преследующего меня с некоторого времени. Не обращай на это внимание, это — мимолетная болезнь.

Прощай, дорогой друг.

Напиши мне подробно, каковы твои намерения **.

Прощай, друг, бог с тобою.

Твой М. Бакунин.

№ 289. — Письмо А. П. Ефремову.

(28 августа 1838 года.)

Милый Сашенька!

Обещание без исполнения есть прекрасное древо без плодов! Это — такая премудрая пословица, которая может быть применена к тебе не только в одном, но даже и в двух отношениях. Во-первых потому, что ты обещал мне писать мне, как только приедешь в Москву, и вот уже более недели прошло после вашего отъезда, почти две недели, а ты все молчишь; а во-вторых... но

* Дальше в оригинале по-французски.
** Дальше в оригинале по-русски.

умолчим лучше о втором!!! В самом деле, Сашенька, что значит твое молчание? Здоров ли ты? Не умер ли на дороге? Не взяли ли тебя пьяного в часть? Ломаю, ломаю себе голову и никак не могу придумать, какая бы была причина твоего незаконного молчания.

Напиши пожалуйста, что с тобою или что с вами, хорошо ли вы доехали, или уж не Атаманское ли вас доехало. А братья писали мне, что вы и их напоили пьяными, да и сами-то выехали пьяные. Я прочел письмо братьев папеньке и маменьке, и папенька сказал с глубоким вздохом: «Вот истинная-то пословица: век живи и век учись. Как давно я знаю Ефремова, и только теперь узнал, что он — пьяница и мерзавец». Ты легко поймешь, что я не старался его разуверить.

Нет, шутки в сторону, Ефремов, почему ты не пишешь? Исполнил ли ты все мои поручения? Ты знаешь ведь, с каким нетерпением [я] ожидаю книг, и как они мне необходимы.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

Пиши пожалуйста.

28-го августа 1838 [года]. Прям[ухино].

Вот сейчас приехали из города, а от тебя письма нет. Ах ты, мерзавец! Пиши же скорей, а то я папеньке пожалуюсь.

Петру Петровичу *, подобному же мерзавцу, на-днях я напишу.

№ 290.—Письмо сестре Варваре.

[Сентябрь 1838 года. Прямухино.]

Милая Варинька, наконец-то мы получили письмо от тебя. Ты знаешь о кончине Любаши, и это тебя не убило, не повергло в отчаяние. Ты веришь, любишь, ты сильна. Дай бог, чтобы эта сила никогда не исчезала, чтобы она, напротив, расширялась с каждым новым днем, с каждым новым препятствием. А в твоей теперешней жизни должно быть много тяжелого. Ты столкнулась наконец с такою стороною жизни, которой ты до сих пор не знала и от которой ты постоянно отвлекал[ась]. Теперь же

* Клюшникову.

ты должна смотреть в глаза на прозу, на мелочную, часто скучную сторону жизни. Но это необходимо, истинная сила мерится числом и обширностью тех отрицаний, которые она должна победить.

Отвлеченный идеализм, отвлеченная любовь, не имеющая в себе силы осуществления, боится опуститься в эту прозу жизни. Она боится потому, что чувствует, что она потеряется в ней, что она утратит в ней свою отвлеченную энергию. Огромные утраты, широкие несчастья легче переносятся, чем эти, повидимому, мелочные условия жизни, беспрестанно окружающие нас. Но дух, принявший и победивший и этот необходимый элемент жизни, оказывает истинную силу. Кто не испугался прозы жизни, кто не побоялся посмотреть на нее прямо лицо к лицу и кто не упал в этой встрече, не утратил в ней ни любви, ни веры, ни силы, их постоянной спутницы, для того нет и не может быть более страха. Каждое из маленьких и мелких обстоятельств, принадлежащих к внешности жизни, взятое само по себе, ничтожно, не стоит внимания. Но совокупность всех этих обстоятельств, составляющая всю полноту внешности, бесконечно важна, и дух, еще не знающий ее, не попробовавший на ней силы своей, есть не более как отвлеченный, идеальный дух, еще не знающий ни жизни, ни самого себя; он не знает жизни, потому что внешность, взятая в ее целости, есть целая половина, целая сторона жизни, необходима[я] для полноты, для наполненной бесконечности ее. Не знает самого себя, потому что узнать себя можно только в осуществлении, в действительности. Без внешности же, в отвлечении от нее нет и не может быть осуществления и действительности.

И я, Варинька, рад за тебя, что ты познакомилась с тем, что мы еще недавно называли прозою, мелочною стороною жизни, что ты должна хлопотать теперь о мелочах, что ты узнала заботу. Ты не потеряешься в этом внешнем мире. Я знаю, в груди твоей горит вечное, бесконечно сильное пламя, которое никогда и ни от чего не потухнет и которое все проникнет, все победит и превратит прозу в поэзию и пережжет черное в белое. Да, Варинька, теперь-то началась твоя истинная, твоя действительная жизнь. Теперь-то ты знаешь, какое бесконечное сокровище жизни и любви скрывается в глубине твоего духа. Теперь-то можешь ты сказать законно, без фразы, что жизнь есть блаженство. Ты узнала все, что в ней есть самого

тяжелого, и это не испугало тебя, и ты чувствуешь себя свободною во внешности, которая стольких задавила, задушила под своею мелочною тяжестью и которая не имела могущества над тобою и способствовала только к полнейшему развитию твоей жизни. Да, Варинька, все благо, все прекрасно в жизни, я в этом более и более удостоверяюсь, и каждая новая потеря, каждое новое лишение укрепляют мою веру.

Все небо нам дало, мой друг, с бытием,
Все в жизни к великому средство.
И горесть, и радость — все к цели одной,
Хвала жизнодавцу Зевесу! [1].

Пиши нам чаще, друг. Твои письма для нас — праздники. Мы же живем здесь тихо, мирно, у каждого есть свое дело, и каждый занимается своим делом.

У меня одно постоянное дело: это — знание, я все глубже и глубже понимаю слова Спасителя:

«И познаете истину, и истина освободит вас».

Мы скоро увидимся. Обстоятельства устроятся или так, что тебе можно будет скоро к нам возвратиться, — папенька хочет об этом хлопотать, если же эти хлопоты будут тщетны, то я сам скоро к тебе приеду и привезу тебе Татьяну. Все будет хорошо, я этому верю. Мы было испугались за тебя, боялись, чтобы не возгорелась война между Францией и Швейцарией, но, слава богу, Людвиг Бонапарте уехал, и тебя оставят в покое [2]. А то ты увидела бы войну.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

Сестры посылают тебе музыкальную фантазию Алеши * — чудный мальчик. Все братья — чудные мальчики. И Илья встал и стал молодцом. Он скоро будет офицером.

(Дальше идет приписка сестры Александры.)

№ 291.—Отрывки из письма В. Г. Белинскому.

[Сентябрь 1838 года. Москва.]

...Живая, существующая женщина — не трагедия Шиллера, которая, окруженная магическою сферою искусства, остается веч-

* Брат (Алексей Александрович Бакунин).

но-прекрасною, несмотря на всевозможные нападки не понимающего ее вникания...

...Я не стану доказывать ложности его * и твоего мнения насчет сестры и на *мой собственный счет*. Ты, может быть, скажешь, что это был бы лишний труд, и что трудно и невозможно было бы разуверить тебя в мысли, *основанной на стольких данных и на мнении толпы, глупый голос которой*, по твоей теперешней философии, *есть святой голос истины*. Почему знать? Может быть, я нашел бы в своем запасе *трансцендентальностей* и *логических* штук такие доказательства, которые могли бы потрясти даже твою страшную действительность с ее стальными зубами и когтями... **.

...Но добрый малый никогда не должен позабывать, что *терпимость, добродушие и уважение к чужим непосредственностям* должны быть его главными свойствами; в противном случае он из *доброго* превращается в *несносного* малого...

...Добрый малый никак не должен позабывать, что его непосредственность — не более как его *собственная*, частная, ограниченная непосредственность, и потому она не может быть *меркою, законом* для других непосредственностей, которые имеют точно такое же право на свободу и самостоятельность, как и она...

...Добрый малый не должен забывать, что, отказавшись от всякого *идеализма*, т. е. от всякой претензии узнать истину и от всякой самостоятельной и свободной мысли, он выходит из характера доброго малого и делается *несносным и смешным*; когда он позволяет себе изрекать анафему и посылать ватиканские громы на других людей во имя своей бедной, ограниченной непосредственности...

№ 292.—Письмо сестре Варваре.

[16 сентября 1838 года. Прямухино.]

(Сначала идет письмо сестры Александры от 6 сентября 1838 г.; затем пишет Мишель.)

Друг, я написал тебе тогда нехорошее, сухое письмо. Я был

---

* Доктора П. П. Клюшникова.

** Имеется в виду фраза Белинского из письма от 10 сентября 1838 года: «Действительность есть чудовище, вооруженное железными когтями и железными челюстями: кто охотно не отдается ей, того она насильно схватывает и пожирает» («Письма», т. I, стр. 231).

в разорванном состоянии духа. Да, Варинька, у меня так же, как и у вас, бывают свои сомнения, своя слабость, своя слепота духа.

Ich schei[ne] noch, ich bin noch nicht *.

19 сентября ** 1838 [года]. С[ело] Прямух[ино].

Хотел было писать тебе, милая Варинька, дня три тому назад, но увидев, что письмо началось в минорном тоне, перестал писать, потому что тебе надобен теперь не минорный, а мажорный тон. Да, друг, тебе надо много, много сил для того, чтобы выдержать все, что судьба выслала на нас всех и особливо на тебя. Теперь начинается твоя действительная жизнь, вторая эпоха твоего соприкосновения с действительностью, столь же важная и чуть ли не важнее, чем первая. Твое первое столкновение с действительностью было долгою, мучительною внутреннею и внешнею борьбою.

2-ое октября.

Ты видишь, милая Варинька, как давно начато это письмо и до сих пор еще не кончено. Не думай, чтоб это было от равнодушия к тебе; нет, ты знаешь, что я тебя люблю, горячо люблю, так, как только я могу любить. В это время особенно я много думал о тебе. Как то ты приняла грустную весть о смерти Любаши, в каком расположении нашло тебя наше письмо? Было ли тогда в тебе довольно веры и любви, для того чтобы перенесть и эту потерю? Если у тебя была благодать в душе, то я не сомневаюсь в том, что ты перенесла и это ужасное отрицание, и оно не закрыло от тебя светлого бесконечного неба, в котором разрешаются все глубокие тайны жизни, в котором ответ на все вопросы, исцеление для всех ран и удовлетворение всех потребностей, всех стремлений иногда глубоко разорванной, потрясенной души.

Да, Варинька, ты много перенесла, ты дорогою ценою купила право на счастье. Горе тому, у кого страдания, отрицания жизни отняли веру в жизнь и любовь к жизни; тот еще мало страдал, тот еще не испил всей чаши, на дне которой лежит вера и любовь, и тому предстоят еще ужаснейшие испытания. Кто раз утратил простую, детскую веру, тот не иначе может достигнуть ее, как путем сильных испытаний и мучений, которые, дойдя до своей

---

* «Я еще кажусь, я еще не есмь».

** Зачеркнуто «августа».

крайности, должны наконец возвратить его в светлую область бесконечной любви, обогащенной всеми бесконечными отрицаниями жизни, в область, в которой нет страха, по словам апостола Иоанна, потому что она все приняла в себя и все в себе победила. Когда, находясь в гармонии, в мире со всем нас окружающим, мы говорим, что жизнь прекрасна, тут нет ничего мудреного. Мы не видим зла, мы окружены благодатью и наполнены ею. Но если, погруженные в самую ужасную борьбу с бурею, с самыми сильными диссонансами в душе, мы говорим, что жизнь прекрасна, и слова наши — не пустая, не машинально сказанная фраза, а живой голос души, сохранившей веру в искупление и в просветление, несмотря на всевозможные бури, о, тогда это великий, гигантский шаг в жизни. Вера есть светлая, утренняя заря, святая предвестница вечного солнца любви, разгоняющего мрак и бури и водворяющего вечный праздник и вечный мир в области, освещаемой им. Я не могу не переписать тебе стихотворения Ивана Петровича Клюшникова, напечатанного в «Наблюдателе».

ПОЛОВОДЬЕ.

Я люблю с простонародьем
Позевать на божий мир;
Я — плебей, и половодье —
Для меня богатый пир

Прихожу: река сверкает,
Подступая к берегам,
Распахнулась и гуляет
На раздольи по полям.

И шумит волной сердито,
И поет, и говорит,
А над ней, огнем облито,
Небо светлое стоит.

Чуть заметной синевою
Даль сливает их края.
Не уйти ли мне? Тоскою
Грудь стеснилася моя.

Что за глупость! В вихре света
Не встречался ль я с тобой?
Не смущала ль ты поэта
Гармонический покой?

Помню, знаю... Так гуляем
Мы бывало в старину,

Так привольно мы встречаем
Нашу красную весну.

Разливалась наша младость
Как весенняя вода,
С шумом, с пеной нам на радость
Мчались светлые года.

И промчались... И отрада
С берегов на них глядеть.
Юность! радость!... вижу: надо
Вам элегию пропеть.

«Юность! сладкие обманы
И воздушные мечты,
Как весенние туманы,
За собой уносишь ты!»

Не махнуть ли, как бывало?
Не поплыть ли мне за ней?
Не сорвать ли покрывало
С беглой радости моей?..

И сорвал... и смело в очи
Ей гляжу с моей тоской
И стою до поздней ночи
Над разлившейся рекой!

Все здесь благо! Час волненья,
Час раздумья, — и в тиши
Сладострастные виденья
Успокоенной души.

24 сентября 1838 г. *. С. Красное.

Я начинаю уже третье письмо к тебе, милая Варинька, и все не удается дописать и послать. Надеюсь, что это дойдет к тебе. Много, много пережили мы в это время. Любаши нет; знаешь ли, я не могу еще привыкнуть к этой мысли. Мне все кажется, что она уехала далеко от нас. Вера в бессмертие индивидуального духа еще более усилилась во мне. Нет смерти, все рождено для жизни и все исполнит великое назначение жизни.

25 сентября.

Я прочел сейчас «Marie Stuart» ** Шиллера. Что за чудное произведение! Знаешь ли, Белинский, который был в старину

* Такой странный порядок в оригинале (2-ое октября предшествует 24-му сентября).

** «Мария Стюарт», трагедия Шиллера.

отчаянный шиллерист, ругает теперь Шиллера напропалую, так что гадко слушать его. Вообще он нынче не жалует женщин и, думая защищать их, ограничивает их жизнь бедною, темною и беспокойною сферою чувства. Чувствовать, чувствовать должна женщина; мысль не для нее, — кричит он. По его мнению, мысль есть погибель для женщины, уничтожение ее врожденной гармонии [1].

Да, Варинька, жизнь вместе и прекрасна, и ужасна. Но прекрасное должно победить ужасное и стать еще прекраснее. Вот что говорит Гегель: «Проделать этот процесс противоположности, противоречия и разрешения противоречия — таково высочайшее преимущество живых натур. То, что с самого начала бывает и остается утвердительным, бывает и остается безжизненным. Жизнь идет к отрицанию и страданию и является утвердительной для себя самой лишь в результате устранения противоположности и противоречия. Если она задерживается на голом противоречии, не разрешая его, то она и терпит крушение на противоречии.

«Даже вечные боги политеизма не живут в постоянном мире, а раскалываются и борются, обуреваемые противоположными страстями и интересами, и должны покоряться судьбе. Даже христианский бог не избавлен от уничижения страдания и от позора смерти и не свободен от душевной муки, заставляющей его восклицать: «боже мой, боже мой, почто ты меня оставил?». Мать испытывает аналогичное страдание, а жизнь человеческая вообще есть жизнь борьбы, спора и страданий, ибо величие и сила действительно познаются лишь по величию и силе противоположности, из которой дух пробивается к сосредоточению в самом себе. Интенсивность и глубина субъективности проявляются тем сильнее, чем бесконечнее и чрезвычайнее разошлись обстоятельства, и чем раздирательнее противоречия, под властью которых она должна прочно оставаться. Только в этом развитии сохраняется мощь идеала и идеального, ибо мощь заключается лишь в том, чтобы сохраняться в самоотрицании» *.

Да, друг, страдания, лишения и всевозможные отрицания жизни могут только тогда задавить, привести в отчаяние, когда позабываешь, что они — не действия слепого случая, а осуществление необходимого, святого закона жизни, когда позабываешь, что Христос пришел не к здоровым, а к больным, и что в его святом, вечном откровении, в его святой благодати заклю-

* Вся цитата из Гегеля в оригинале по-немецки.

чается разрешение всех этих диссонансов. Да, Вариныка, жизнь прекрасна, она есть совершение великого, божественного. Будем же достойными, зрящими, а не слепыми членами этого вечного, Вариныка, этого вечного праздника жизни, где тень необходима для того, чтобы быть побежденною светом. Нет смерти, все — жизнь, бесконечная, блаженная жизнь.

Я непременно буду у тебя в Швейцарии. Ни за что в мире не расставайся с Елизаветой Ивановной. Это огорчит и оскорбит папеньку, а он — святой старик. Скоро пришлю тебе адрес [Н.] Станкевича. Для меня он — святой человек, я его более чем люблю; он меня разлюбил, но я его все более и более люблю.

Твой М. Бакунин.

№ 293. — Письмо А. П. Ефремову.

[Первая половина октября 1838 года. Прямухино.]

Любезный Alexandre!

Вот уже полторы недели прошло с тех пор, как я послал тебе письмо с припискою сестер, письмо, которое должно было доказать тебе, что все твои сомнения — ложь, что замеченные тобою в них холодность и презрение к тебе есть не что иное, как плод твоего больного воображения, что они любят и действительно уважают и никогда не переставали любить и уважать тебя. Ты должен был уже давно получить это письмо, и до сих пор на него не было никакого ответа! Это меня удивляет. Если после этих писем ты не убедился совершенно в ложности своих сомнений, то после этого я не буду более разуверять тебя. Я до сих пор думал, что твоя болезнь не распространяется до того, чтобы подозревать сестер моих в притворстве и чтобы не услышать и не понять чистого и простого голоса истины. Или ты так осрамлен своею ошибкою, что не знаешь, как и чем отвечать? Но не хочу делать предположений, которые могут быть ошибочны. Дай только руку, друг, верь более самому себе, тогда и другим будешь более верить. Остальное до твоего ответа.

Теперь о книгах. Ты писал мне, что Северин должен был получить их через 1½ или две недели, а остальные через три недели. Но вот уже почти месяц прошел с тех пор, а все книг нет. А они мне очень нужны. Если Северин еще не получил и долго еще не получит [их], то выпиши их пожалуйста из Петербурга.

Да не забудь переплесть «Rolando furioso» и прислать мне его, он мне очень нужен. Маменька просит тебя купить ей итальянскую грамматику и, если можно, с разговорами.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

№ 294.— Письмо А. П. Ефремову.

[Середина октября 1838 года. Прямухино.]

Любезный Alexandre!

Напиши мне пожалуйста хоть слово, почему ты мне не отвечаешь: 1. Или ты уж так болен, что не в состоянии писать? 2. Или ленишься? и 3. Или наконец сердишься на меня (за что именно, не знаю) и решился по примеру других прервать со мной все сношения?

Если это последнее предположение справедливо, то мне грустно, будет расстаться с человеком, которого я от души люблю и уважаю, против которого я ни душою, ни телом не виноват, в отношении которого я совершенно чист и дружбу которого я всегда умел ценить. Но несмотря на все это, я не стану оправдываться и стараться уничтожить недоразумения. Потому, во первых, что я убедился в бесполезности долгих объяснений: когда нет внутреннего, немого свидетельства друг о друге, тогда никакие доказательства и объяснения не помогут. А, во-вторых, потому, что объяснения мне надоели и кажутся мне унизительными.

Желаю, чтобы последнее предположение мое было неосновательно, потому что мне грустно, очень грустно будет с тобою расстаться. Но прошу тебя убедительно в том или другом случае написать мне хоть одно слово для того, чтобы вывести меня из тяжелой неопределенности.

Твой М. Бакунин.

№ 295.— Письмо братьям.

[10—11 октября 1838 года. Прямухино.]

(Приписка Мишеля на письме сестры Татьяны к братьям в Тверь).

Все, сказанное Татьяною насчет Натальи *, совершенно истинно; взобравшись наверх ** с грехом пополам, она не знала,

* Беер.
** По лестнице на высокое строение подле новой фабрики в Прямухине.

как сойти, и думала: «вот уж мой мертвый час пришел» и говорила «Michel, je mourrai, ведь cela n'est rien, que je mourrai» *, а потом кричит: «Ах, господи Иисусе Христе, боже наш, прими мою окаянную душу». Но... могущественная десница Василия Прохоровича спасла ее и она хочет выйти за него замуж. Теперешнюю же жену его они вместе обираются отравить. Вот до каких преступлений доводят сильные страсти при помощи благоприятных обстоятельств.

М. Бакунин.

№ 296. — Письмо А. П. Ефремову.

11 октября 1838 [года]. С. Прямухино.

Милый Сашенька!

Ты не можешь вообразить себе, как письмо твое порадовало меня. Ошибка твоя понятна, естественна. Твое собственное мнение о себе так ниже того, что ты в самом деле есть, сомнение в самом себе так вкоренилось в тебе, и кроме этого весь занятый вниканием в себя, в свою физическую и духовную болезнь, ты не можешь теперь смотреть на внешнее с тем равным духом, который необходим для верного понимания других, и потому ты легко мог ошибаться. Но мне грустно бы было, если бы, увлекшись мнениями, ложными и пристрастными построениями других, ты остался бы при этой ошибке, несмотря на сестрины и мои письма. Это возбудило бы во мне неприятное чувство против тебя, а я так люблю тебя, что мне тяжело иметь против тебя неприятное чувство. Но ты поверил нам, и я рад, я от души благодарю тебя за это, друг [1].

Мы заметили однако, что твое письмо к сестре Александрине несколько холоднее письма к Танюше. Александрина хотела было письменно изъявить тебе свой гнев и написать тебе выговор за маленький остаток сомнения, промелькивающий в твоем письме к ней, но я остановил ее, потому что неприлично молодой девушке писать письма и перемигиваться с молодым человеком.

Ты пишешь, что твои домашние обстоятельства плохи. Я знаю главные из них, понимаю, как тяжело твое положение, и могу дать

* «Мишель, я умру, ведь это ничего, что я умру».

тебе только один совет. Оставь всякую претензию на исправление своих родителей: это — пустая потеря времени. Старайся понять то, что есть, и, сознав то, что есть, употреби *действительные* средства для достижения своих целей. Пиши ко мне обо всем. Передавая другому то, что тебя мучает, ты облегчишь свое положение, а ты знаешь, что я тебя люблю и что я принимаю искреннее участие во всем, что до тебя касается. Кроме этого, несмотря на то, что Виссарион отвергнул во мне всякую действительность и оставил меня совершенным призраком, я чувствую, что я — опытный человек в семейных делах, опытный именно потому, что я делал много ошибок.

Не обманывает ли тебя Северин *? Постарайся удостовериться хорошенько ,точно ли он надеется получить в скором времени книги. В противном случае прибегни к Петербургу. Посылаю тебе еще 15 руб[лей] ассигнациями для того, чтобы ты мне купил *Древнюю историю* Лео. Если на прежде означенные мною книги недостанет у тебя суммы, не превышающей 35 руб[лей], то прибавь пожалуйста своих—я сейчас же тебе их вышлю. Да узнай пожалуйста, что стоит греческая «Илиада» да хороший греческий лексикон. Скажи пожалуйста от меня Петру Петровичу **, что, несмотря на происшедшую между нами маленькую неприятность и несмотря на то, что я нахожу его поступок *неделикатным и неуместным,* я его все так же люблю и уважаю и надеюсь, что он также не совсем выключил меня из числа своих друзей [2].

Прощай.

Твой М. Бакунин.

№ 297. — Письмо братьям.

11 октября 1838 года,
г. Тверь.

Милые братцы, вы не думайте, чтоб мое молчание было выражением моего равнодушия к вам. Нет, оно имело много посторонних причин: во-первых мои занятия, которые становятся все сложнее, и во-вторых 3-ья жестокая война с Виссарионом Григорьевичем ***, который, собрав все свои силы, напал не только

* Книгопродавец.
** Клюшников, доктор.
*** Белинским.

на меня, но даже и на наших милых и прекрасных сестриц. Меня обвиняет в том, что во мне нет ни жизни ни горячей крови, этого необходимого условия всякой жизни; говорит, что я — не более как сухая, холодная, логическая отвлеченность, и что моя мысль, замораживающая всякое чувство, распространила свое пагубное влияние и на сестер, которые, оставивши гармоническую сферу женщины, кинулись в чуждую им область мысли и сделались вследствие этого гордыми, холодными, человеконенавистными. Вы лично поймете, любезные братцы, что я не мог оставить такой обиды без строгого наказания и я написал Виссариону Григорьевичу ответ в 21 листочках, где я так поколотил его по спине и по прочему, что он долго еще будет почесывать свои шаровары [1].

«Итак, любезные братцы, мое молчание не есть доказательство равнодушия к вам. Напротив, я с жадностью читаю ваши письма и чувствую, как вы становитесь все ближе и ближе к моему сердцу и к моему духу. Между нами уже не простая братская связь. Одних только писем Александра я не читал, и то только потому, что он не пишет; а то ей богу прочел бы, так-таки и прочел бы. Вот эдаких людей сечь да приговаривать: писать, писать, писать! В самом деле, Alexandre, почему ты строчки не напишешь? Я не стану делать предположений в ожидании, что ты сам разрешишь этот вопрос.

Твоя прошедшая болезнь, милый Паша, — мне знакомая болезнь; она необходимый момент всякого истинного развития и во всяком проявляется в особенной форме. Но, несмотря на свою необходимую сторону, она может иметь пагубное влияние на того, кто довольно человек для того, чтобы сделаться больным, и не довольно для того, чтобы скоро и сильно выздороветь, для того, чтобы могущественно победить в себе все противоречия и свободно и гордо снова пуститься на разгульное и святое море жизни. Кто не испытал этой болезни, тому известна только одна в н е ш н я я сторона жизни, где сладкая дремота и убаюкивающая песнь окружающих его предметов не позволяет ему сознать свои бесконечные права на жизнь и на живое, блаженное созерцание бога лицом к лицу. Но кто остается в этой болезни и не имеет сил освободиться от нее, тот был бы счастливее, если бы никогда не испытывал ее, потому что в своем первом состоянии он был, хотя б е с с о з н а т е л ь н о, действительным человеком; в дисгармонии же он — с о з н а т е л ь н ы й призрак. Но ты Паша, не

принадлежишь к категории слабых людей, я тебя знаю, знаю лучше, чем ты сам. В тебе скрываются огромные силы, и ты возьмешь свое. Поверь мне, ты будешь человеком в истинном смысле этого слова, и потому я хочу прописать тебе лекарство от твоей болезни на всякий случай, потому что я уверен, что она возвратится к тебе в другой форме. Кто раз вступил на эту колею, тому остается или победить, или умереть; середины нет и не * может быть; а препятствия и искушения сильны. В области духовного развития чорт кутит напропалую и старается всеми силами смутить и погубить человека, потому что он знает, что кто счастливо пожил на трудном и тяжелом поприще освобождения посредством и силою знания, тот уж навсегда победил его и будет иметь право плевать ему в рожу и бить его, сколько ему угодно и когда ему угодно. Лекарство же мое верно: во-первых, не должно позволять бездействию овладевать собою. Должно делать, работать, несмотря на все расположения духа, и помнить, что:

«Nur der verdient die Liebe und das Leben,
Der täglich sie erobern muss» **.

А, во-вторых, должно знать, чувствовать и понимать, что все рассуждения и определения, приходящие в голову в худые минуты, ложны, потому что их вдыхает чорт, конечный дух а не бог, не вечный дух, которого человек, погруженный в дисгармонии и в противоречия, не знает и знать не может. И, в-третьих, не должно позволять ложным мыслям превращаться в idées fixes *** которые, потеряв всякую подвижность, мучают человека — и человек вертится вокруг них, не имея силы итти ни вперед, ни назад. Должно, основываясь на вере, что эти мысли — ложь, разрушить их силою мысли и таким образом вдохновения чорта будут изгоняемы, во-первых, живою деятельностью; во-вторых, если они и несовсем изгонятся, то уверенность, что они — ложь, лишит их всякого пагубного влияния; и, в-третьих, сила мысли, основанная на этой уверенности совершенно разрушит их.

Теперь вам тесно, братцы, авось будет и просторно. После 18-го мы с маменькою поедем в Тверь.

---

* Здесь интерполирована вставка за подписью Александра Бакунина, после чего письмо М. Бакунина продолжается.

** «Лишь тот достоин любви (собственно: свободы) и жизни, кто ежедневно должен брать их с бою» (Гете).

*** Навязчивые мысли.

Скажи полковнику *, что я его очень, очень люблю, и что я рад этой надежде скоро увидеть его.

Прощай же **.

М. Бакунин.

№ 298. — Письмо сестрам и брату Беер.

[Середина октября 1838 года. Прямухино.]

Милые друзья!

Хотел было поручить сестрам написать нечто о высоком, но они глупы и ничего хорошего не умеют сказать. Все луна да звуки, да гармония, да фантазии, — все такие глупости, что плевать нужно. Вы приметьте, что я начал письмо вроде Константина ***. А что, друг, ведь срезался, хотел написать умное, а вышло глупое, такое глупое, что из рук вон. А все рабский дух подражания. Ну, теперь в этом духе довольно...

Вот вы теперь и в Москве; сошлись две сестрицы и передают друг другу свои могучие впечатления, а Костя *** слушает да поучается. Вот Наталия сидит на возвышении, пожалуй, хоть на столе, и поет: «Я — несчастный (неразборчивое слово)»; Alexandrine же молчит и все знает про себя; Костя заливается слезами и говорит: «Ох, боже мой, боже мой, бог все знает».

Был ли у вас Виссарион? **** Петр Петрович ***** вместе с ним не задавал ли вам уже запросных пунктов? [1] У вас ли Алексей ******, что ваша маменька, и все эти внешности не уничтожают ли той внутренней, спокойной гармонии, которая необходима для всех, а для женщин более, чем для кого-нибудь?

Пишите больше, подробнее. Мы с нетерпением ждем ваших писем.

Константин, [В. П]. Боткин в Харькове и потому распечатай мое письмо к нему, запечатай его в другой пакет и, написав на нем следующий адрес: «М. Г. Вас[илию] Петр[овичу] Боткину, в

---

* Шпилевскому.

** Это — обращение к брату Павлу.

*** Беер.

**** Белинский.

***** Клюшников.

****** Беер.

Харькове, в доме купчихи Горяиновой», пошли его по адресу. Пожалуйста, пошли. Да о книгах похлопочи. Напомни Ефремову, я написал ему на следующей почте, да еще Бушман [2] и Якобс [3] (по-немецки).

А впрочем прощайте, друзья.

Ваш М. Бакунин.

№ 299. — Посвящение и предисловие к переводу Бетины.

Вариньке, Танюше и Саше в память Варинькиного освобождения.

1838 [года], 18-го октября. Прямухино.

М. Бакунин.

Появление записок Бетины наделало много шума в Германии. Германия отозвалась на этот сладкий, проникнутый любовью голос женщины; но отзывы были различны. Одни, сами проникнутые тою благодатною, всеобъемлещею любовью, которая переносит человека в созерцание бесконечного и составляет торжественное разрешение столь долгого стремления человека к истине, к истинной свободе и к истинному искуплению от презренного рабства и мелкой конечности мира сего, сами просветленные этим божественным светом любви, излечающей все раны и разрешающей все страдания, все мучения стремящегося человека в бесконечное блаженство, приняли эту книгу с восторгом, узнали в ней печать вечной истины, голос вечно юного духа. Другие, закованные в жалкие цепи конечного рассудка, рассудка, не способного прозреть в великое и святое таинство жизни, не способное понять истинной действительности, слепого для святой гармонии мира, рассудка, погруженного в призрачность и отвлеченность и вместе с тем почитающего за призрак все, что выходит из конечного созерцания пяти материальных чувств, не поняли и не могли понять этой глубокой женской души, посвященной величайшим человеком нового мира * в святые таинства жизни.

* Гёте.

№ 300. — Посвящение на «Записках» Бетины.

В память 1837-го года.

Любаше

Вариньке

Танюше

Саше

в память того бурного и вместе прекрасного года, в котором мы вместе ее переводили.

М. Бакунин.

1838. — 18 октября.
С[ело] Прямухино.

«И познаете истину, и истина [о]свободит вас».

«Кто не родится снова, тот не может увидеть царствия божьего».

«Станем любить друг друга, ибо любовь — от бога, и всякий, кто любит, рожден от бога и знает бога, ибо бог есть любовь».

(На обороте первой страницы:)

«Nur der verdient die Liebe und die Freiheit,
Der täglich sie erobern muss».

Faust.

№ 301. — Письмо братьям.

18$\frac{XI}{10}$38. Прямухино. (10 ноября 1838 года).

Милый Алеша! Скажи братьям, что они — подлые мальчишки, да и себе скажи то же самое. Слышишь? Так-таки и скажи: «Алешенька, Миша велел тебе сказать, что ты — подлый мальчишка». Если же Алешенька вздумает отвечать, грубить, то ты его по щекам, так-таки возьми да и поколоти, чтоб он знал субординацию. В самом деле, милый мой Веньяминчик, что значит ваше молчание? А мы вам написали такие ученые письма, где так много посмеялись над Наталиею. О, когда приеду, тогда еще не такое расскажу. За нею много грешков, а вы все молчите. Нехорошо, ей богу нехорошо. Вы, может быть, меня ожидаете, а сестры-то? Вы скажете вероятно, что сестры вам нипочем, что они — глупые девчонки: оно — правда, а потому и жаль, что правда. А все-таки надо было написать.

Папенька не отпускает нас до сих пор, потому что ждет деловое, очень важное письмо из Петербурга. Впрочем мы скоро будем. Покамест же прощайте. Пишите же скорее.

Поклонитесь от меня полковнику * да Будревичу.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка—вероятно сестры Татьяны).

№ 302.—Письмо Александре Беер.

10-го ноября 1838 года.
[Прямухино.]

Милая Alexandrine, последнее письмо Ваше, где Вы говорите о намерении ехать к отцу Леониду и в котором выразилось какое-то внутреннее беспокойство, волнение, напугало Наталию. Она боится, чтобы Вы не увлеклись, может быть, фантастическими, односторонними увещаниями монаха и не решились на какое-нибудь крайнее средство для спасения Вашей, по вашему мнению, грешной души. Меня это письмо не испугало. Я знаю Вас и в последнее время, с разлуки Вашей с Наталией, узнал еще более; и еще раз повторяю: я не боюсь за Вас. В глубине Вашего духа кроется бесконечное сокровище жизни, и Вы не можете найти удовлетворение в мертвом формализме искаженного христианства. Только одна благодать может спасти вас, Alexandrine, я имею право говорить с Вами откровенно, я редко пользовался им, потому что я имею свои понятия об откровенности — святое не должно быть профанировано ежедневною болтовней, не должно принимать участие в тщеславии суеты мирской — и потому я не люблю говорить часто о том, что для меня свято, о том, что составляет беспрерывный предмет моих мыслей, моих занятий, моей любви. Теперь же я воспользуюсь своим правом, основанным на моей любви к Вам и на Вашей доверенности ко мне. И Вы верно поймете источник слов моих.

Я знаю, Вас мучает мысль о Вашем падении, сознание преступления. Это сознание отрывает Вас от всего живого мира, от всего, что Вы любите, и повергает Вас в вечное одиночество, в вечное созерцание своей нечистоты. Не правда ли? Вы хотите освободиться от этой тяжкой ноши, которая мешает Вам соединиться с богом и с миром, и не находите в себе средств, сил для освобождения. Бог оставил Вас—не правда ли?—

---

* Шпилевскому.

и Вы осуждены на вечный ад конечного и грешного вникания в себя, и д е ж е п л а ч и с к р е ж е т з у б о в.

Alexandrine, не бог оставил Вас, а Вы оставили его. Раскаяние, сознание своего падения есть необходимый элемент христианской жизни. Должно чувствовать и сознавать грех, для того чтобы чувствовать и сознавать необходимость освобождения от греха. Но раскаяние есть только одна сторона христианства, и если оно из одностороннего захочет сделаться полнотою жизни и оторвать себя от всего другого, сделаться независимым и самостоятельным, тогда оно само становится грехом. Вечное, беспрерывное раскаяние есть отчаяние в спасении; отчаяние же в спасении есть с о м н е н и е в безграничности и всемогуществе б л а г о д а т н о й л ю б в и вечного бога; сомнение же в благодати есть отрицание благодати; отрицание благодати есть грех против святого духа. «Н о в с я к и й г р е х п р о с т и т с я к р о м е г р е х а п р о т и в с в я т о г о д у х а». Это есть смертный грех, и д о к о л е человек в нем пребывает, д о т е х п о р нет для него спасения, потому что спасение—в благодати, а он отвергает благодать.

«Неверие есть единственный грех против духа истинной религии, сердце которой — на небе, как небо — в ее сердце. Не в службах, жертвах и обетах, требуемых богом от человека, заключается тайна божественного благочестия, а скорее в о б е т о в а н и я х, и с п о л н е н и я х и м и л о с т я х, к о т о р ы е г о с п о д ь д л я б л а г а л ю д с к о г о с о в е р ш и л и д а р о в а л; не в в а ж н е й ш е й и в ы с о ч а й ш е й з а п о в е д и, которую он в м е н и л в о б я з а н н о с т ь, а в в ы с о ч а й ш е м б л а г е, к о т о р о е о н н и с п о с л а л; не в з а к о н е, а в б о ж ь е й м и л о с т и» *.

Да, Alexandrine, Ваш грех и источник Вашего страдания не есть то, что Вы называете своим грехом. Напротив, грех есть необходимое условие христианства. Христос воплотился не для праведных, а для грешных. Кто не грешил, тот не может быть в единстве с богом, потому что для того нет благодати, благодать же есть единство человека с богом, пребывание человека в боге. Ваш грех заключается в форме Вашего раскаяния; Ваше раскаяние есть грех против св. духа, отрицание благодати, отсутствие веры, не той неопределенной веры, которая не находит слов для выражения и которая поэтому есть не более как чисто субъективное чувство и не имеет никакого содержания. Такая вера есть

* Этот абзац по-немецки в оригинале.

только стремление, а не удовлетворение, не совершение. Я же говорю Вам теперь о христинской вере, которая есть стремление, но вместе и совершение, в которой совершалось и вечно совершается великое таинство воплощения бога живых, а не мертвых, в которой присутствие бога не мнимо, но действительно. Я Вам говорю о той вере, которая есть знание; знание же бога есть присутствие бога в человеке; и только эта вера может спасти и освободить человека.

«И познаете истину, и истина освободит вас».

Кто не знает бога, тот никогда не очистится и не освободится, потому что человек, не знающий бога,— вне бога, и начало смерти и греха всемогуще в нем. Только один Христос мог победить это начало, и человек должен принять в себя Христа. Не одно только страдание Христа, которое есть только один момент его — это делают католики, и потому их религия есть вечное стремление без удовлетворения, — нет, должно принять страдание его, увенчанное его воскресением. Христос воскрес, а не остался в гробу, и смерть, и грех, ведущий к ней, и страдание, их необходимая спутница, побеждены воскресением Спасителя. Он — Спаситель, потому что он спас нас от всемогущества греха, страдания и смерти. Где нет греха, там нет благодати. Кто не страдает, тому не нужен Христос. Но кто нуждается в освобождении, тот должен принять его в себя силою веры, которая есть знание.

«И познаете истину, и истина освободит вас».

Да, Alexandrine, тайна жизни глубока, не ищите ее разрешения в утешениях какого-нибудь монаха, который может быть прекрасный, умный человек, но которой не знает лекарства, необходимого Вам. Обратитесь к самой себе, дайте свободное развитие бесконечной полноте Вашего духа, не стесняйте его в тесных рамках беспрестанного и бесплодного вникания в себя, дайте ему распуститься в святой сфере божьей благодати, божьего дыхания, скажите себе один раз навсегда: «я не только что не отделена от бога тем, что я грешна, но этот грех именно соединяет меня с ним, и без греха я никогда не узнала бы его», уверьтесь только в этом, и эта вера разорвет все Ваши цепи, и Вы вздохнете свободно и почувствуете в себе тайное присутствие бога любви, бога живых, а не мертвых.

Послушайте, Alexandrine, я не боюсь, что Вы не поняли ме-

ня, и потому я не боюсь предложить Вам еще другое. Напишите мне одно совершенно откровенное письмо, откройте мне все, что лежит на Вашей душе. Мне не нужно говорить о том, что письмо Ваше будет читаться только одним мною и никем решительно другим. Я требую этого от Вас потому, что я сознаю, как глубоко мое уважение и любовь моя к Вам. Эта откровенность освободит Вас.

Прощайте. Ваш М. Бакунин.

№ 303. — Письмо Александре Беер.

[Вторая половина ноября 1838 года. Прямухино.]

И я также, милая Alexandrine, хочу прибавить свое маленькое и скромное словцо к этим истинным и красноречивым опровержениям той ужасной лжи, которая в Вас теперь царствует и в темной и холодной области которой Вы ищите теперь убежища от богатого и роскошного разнообразия жизни. Это бесконечное разнобразие есть источник блаженства для того, кто понимает и чувствует тайную, святую нить, связывающую разнороднейшие и повидимому друг другу противоречащие явления. Я говорю «повидимому», потому что в этом противоречии царствует вечное и всемогущее единство, тот дух любви, который наполняет блаженством человека, понимающего его. И только один бедный рассудок расторгает *для себя* то, что крепко связано в жизни, только *для себя*, потому что рассудок имеет временную власть только над гармониею своего собственного мира, а не над вечною гармониею всеобщей жизни, все в себя принимающей и все в себе побеждающей. Он создает эти противоречия или, лучше сказать, непримиримость этих противоречий и сам падает перед чудовищностью своего произведения, и тогда для него два выхода: или вырваться из душной сферы своей и разрушить ее силою божественной веры, божественной благодати, и знания, основанного на благодати, или сосредоточиться в своей мертвой отвлеченности и распространить смерть свою по всему божьему миру (опять только для себя) и постараться уверить себя, что все *преходяще*, что жизнь есть переход от смерти к смерти, что всякое движение есть веяние смерти, и всякая любовь, всякое новое соединение — не что иное, как новая будущая жертва совершенного разъединения, и что потому любовь, блаженство,

жизнь, дух—все это пустые слова, фразы, выдуманные для того, чтобы прикрыть чудовищную наготу всеразрушающей и повсюду царствующей смерти. В таком случае рассудок должен помириться (разумеется, что это только кажущееся, мнимое примерение) с тлением, с смертью, и тогда, возгордившись своею стоическою премудростью, он может повторить с Соломоном: «суета сует и все суета».

Вы выбрали последнее, Alexandrine.

Вы упрекаете меня в том, что я не сдержал своего обещания и не прислал вам продолжения своего письма. Оправдание мое будет коротко. Оно было принято Вами не в том духе, в котором я его писал, и я жду, чтоб в Вас снова показалась хоть искра того огня, который связывает нас электрическою цепью любви.

Скажу Вам только одно в добавление писем Натальи и сестер: Вам следовало бы упрекнуть в ужасном эгоизме Христа, который сказал: «оставьте мертвых хоронить своих мертвых». Но он это сказал потому, что он принес откровение вечного духа, в котором все — жизнь и в котором смерть есть смерть конечного и воскресение бесконечного.

Прощайте, Alexandrine.

Ваш М. Бакунин.

Милая, прекрасная Alexandrine, сейчас только-что прочел Ваше последнее письмо и нашел в нем не только искру, но даже целый пожар родного мне огня. Но на этот пожар накинуто еще темное покрывало прошедшей жизни, прошедших мучений. О, я не говорю, чтобы Вы не страдали, но я хочу, чтобы Вы поняли только цель и значение страданий и тогда Вы будете иметь полное право благословлять их как очистительное пламя, как перерождение для новой жизни на новой земле и под новым небом.

Прощ[айте], друг и сестра.

№ 304.—Письмо Александре Беер.

[Конец ноября 1838 года. Прямухино.]

Милая Александрина! Давно сбирался я много, много поговорить с Вами, но все это время я был в неразговорном духе, а я не люблю говорить с теми, кого я люблю, без особенной потребности говорить с ними. Может быть, по Вашему прекрасному и к о н е ч н о м у образу перетолковывать вещи, Вы и мое молчание перетолковали иначе. Может быть,— и я почти в этом уве-

рен — Вы убедились в это последнее время, что ничего не связывает меня с Вами, что Ваша жизнь чужда моей жизни, и Ваши страдания и Ваши радости не находят живого отголоска в душе моей. Не отпирайтесь, милый друг, Вы думали так, и теперь еще Вы читаете письмо мое с ироническою улыбкою, которая говорит, что Вы знаете наперед все, что я Вам скажу, и что Вы не верите словам моим; но Вы не долго будете улыбаться. Вспомните, что между нами бывали такие минуты, когда и Ваши улыбки, и Ваши маленькие и недостойные и меня и Вас сомнения исчезали перед поражающею истиною моих слов.

Да, Alexandrine, и теперь также я пишу Вам не в умоляющем состоянии духа. Нет, я не стану просить Вас, чтоб Вы верили моей дружбе, я не стану клясться землею и небом и всеми святыми в том, что я люблю Вас. Но я требую, я хочу, чтобы Вы вырвались из темной сферы конечности, я хочу, чтоб Вы прозрели, чтоб Ваши глаза отверзлись для бесконечного мира истины. Я знаю, я в этом убежден, письмо мое освободит [Вас] от удушливого мира призраков, собравшихся над Вами непроницаемою, черною тучею и мешающих Вам видеть солнце, смотреть на бога лицом к лицу. Alexandrine, я не прошу Вас, но я п р и к а з ы в а ю Вам. Умолять может только тот, кто сомневается; во мне же нет сомнений, я знаю всю глубину, всю бесконечную святость нити, связывающей нас, я знаю, что наша взаимная любовь записана в вечной книге божией, как вытекающая из бога и как стремящаяся к нему. Итак, я Вам говорю во имя бога и во имя любви, основанной на нем и одушевленной им; и слова мои — не просьбы человека, говорящего во имя свое, а приказания, заповедь человека, говорящего истину во имя истины.

Сфера, в которой Вы теперь живете, дышите, — ложная, грешная сфера, ложная потому, что в ней нет истины, потому, что она не допускает в себя светлых лучей вечного солнца; грешная же потому что только одна истина свята, ложь же есть грех и источник греха. Мир Вашей настоящей мысли не есть мир христианской, всемогущей мысли, которая должна все проникнуть собою для того, чтоб все освободить и все возвратить в недра вечной любви и вечного блаженства; Ваша мысль прямо противоположна христианской мысли, потому что она не соединяет Вас с богом, но отделяет от него. Вы — не христианка, Вы позабыли мир, соединивший и соединяющий нас; Вы позабыли, но не утратили его, потому что мир истины не теряется; проникнувши раз в человека,

истина не оставляет его более. Она может на время и повидимому скрыться, но для того, чтобы светлее и могучее снова вступить в права свои.

Вы ищите истины, Alexandrine, и не находите ее, а она недалека от Вас, она в Вас самих. Вы страдаете, Alexandrine, потому что вы не находите в с е б е того, что Вы любите в н е с е б я, потому что Вы не находите в себе того бесконечно-гармонического мира, который Вы любите созерцать вне себя, в великих картинах природы, искусства, религиозного откровения. Но ведь Вы любите этот внешний мир, Вы молитесь ему, Вы счастливы, когда, позабыв себя, Вы способны купаться в этих бесконечных волнах бытия, в которых каждая капля есть сама в себе заключенная и гармоническая бесконечность. Вы любите этот внешний мир и не знаете, что он есть В а ш с о б с т в е н н ы й, Ваш в н у т р е н н и й мир, не знаете, что, созерцая бесконечность вне себя, Вы созерцаете свою собственную бесконечность; не знаете, что, теряя свое *я*, вы теряете свое смертное, пустое, ограниченное *я* и находите в бесконечности божьего мира свое истинное, бессмертное *я*, блаженное во всеобщем его блаженстве, любящее во всеобщей любви, свободное во всеобщей свободе и всемогущее в своем святом, неразрывном единстве с святою волею бога истины и любви.

Прочь все страдания, прочь все маленькие сомнения, они должны исчезнуть перед великим созерцанием таинства любви, свободы и блаженства в любви. Радуйтесь, Alexandrine, Вы — причастница царствия божия, Вы — живой и вечный член вечного бога, в Вас горит его огонь, Вас соединяет с ним его любовь. Зло побеждено, и рабство и мучения — все исчезнет перед лицом вочеловечившейся истины. Вы знаете такие минуты, Вы чувствуете в себе присутствие божества, но это было мгновенное присутствие, и Вы платили и платите за минуту свободы, блаженства и пророческого провидения тысячами минут слепого пресмыкания, страдания, рабства, не правда ли? Все это — вне Вас, а не в Вас, и вот источник Ваших страданий. Вы мучаетесь от того, что Ваш собственный бесконечный мир не есть вместе Ваш мир, бесконечное созерцание Вашего чувства не подходит под тесную мерку Вашей мысли, Вашего конечного *я*. Вот источник Ваших страданий.

Наталия говорит, что пора посылать письма. Это только маленькое начало длинного разговора. Прощайте покамест.

Бросьте Гердера, он—не христианин и не понимает христианства. Верьте мне, я говорю и буду говорить Вам истину, и эта истина спасет Вас. Дайте руку, Alexandrine, и не отнимайте ее более у меня.

До первого письма.

Ваш

М. Бакунин.

№ 305. — Записка сестре Татьяне.

[Декабрь 1838 года. Москва.]

Милая девочка!

Приезжай как можно скорее, а то опоздаешь. Я бы сам за тобою приехал, да нельзя: сейчас еду за билетом. Немедленно приезжай.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 306. — Письмо сестрам Беер.

[Середина декабря 1838 года. Москва.]

Милые друзья!

Пожалуйста, пришлите за Танюшей. Что касается меня, то я должен сегодня остаться дома. Если она решится выехать послезавтра, то завтра я заеду за нею и привезу ее к вам. Во всяком случае мы увидимся завтра утром, а вечером мы вместе будем слушать музыку в зале [В. П.] Боткина.

Преданный вам

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Татьяны Бакуниной.)

Перевод с французского.

№ 307. — Письмо сестрам Беер.

[Середина декабря 1838 года. Москва.]

Милые девочки!

Посылаю вам песнь примирения. Пойте ее и миритесь с жизнью и убедитесь наконец живо и действительно в том, что все дано с нею, но только для того, кто совершенно отрицает

и уничтожает себя перед нею. Кто входит в нее с требованиями для своего я, тот ничего в ней не найдет, кто же убил свое я и провел его через все отрицания страстной недели, тот найдет и жизнь, и свое собственное личное я, проникнутое, исполненное и одухотворенное истинною и блаженною жизнью.

«Возьми крест свой и иди за мною».

«Оставь отца и мать и иди за мною».

«Веруяй в меня не умрет во веки, но перешел уж от смерти в жизнь».

Потребность, не готовая вынесть тяжелого креста полного, безусловного отрицания, никогда не удовлетворится, и блаженство, не купленное кровавым потом самоотрицания, не есть истина, а призрак, который уничтожится при первом столкновении с жизнью. Возвышение до истины и до счастья в истине тяжело, но чем оно тяжелее, тем и полнее. В этом заключается все божественное таинство жизни.

Лангер просит, чтобы вы возвратили ему эти ноты сегодня вечером в часов семь. Он хочет их переписать для того, чтоб напечатать. Завтра вечером он, Боткин и Белибин приедут к вам, и вы пропоете их хором. Приготовься ж, милая Танюша, а ноты непременно возвратите сегодня вечером.

Милый друг Сашенька *, я позабыл вчера взять у вас мое письмо к Белинскому, пришлите мне его скорее. Я возвращу вам его сегодня вечером.

Ваш М. Бакунин.

№ 308.— Письмо матери.

13 генваря 1839 года.
[Прямухино.]

(Сначала идут письма отца и сестер Татьяны и Александры, а затем приписка Мишеля.)

Милая маменька! Все у нас слава богу здоровы; все тихо, смирно и идет обыкновенным порядком. Что-то Вы поделываете, хорошо ли доехали до Твери, поместили ли братьев? Мы ждем Вас с нетерпением; когда Вы уехали, все было так пусто в доме.

---

* Александра Беер.

Целую ручку у бабушки * и тетушки Анны Павловны **. Не позабудьте, милая маменька, привезть мне часы, которые Вы мне подарили.

Целую Ваши ручки.

От всей души преданный Вам
сын Ваш
М. Бакунин.

№ 309.—Письмо сестре Варваре.

[Середина января 1839 года. Прямухино.]

Милый друг, давно нет от тебя писем, а последнее было такое грустное, в нем проглядывало какое-то уныние. О, Варинька, берегись от уныния. Уныние есть смерть души, в нем исчезают все жизненные силы. В жизни много поводов к унынию, много внутренних и внешних причин к этой тяжелой сухости души, но вера дана нам как безусловное и неограниченное средство от этой болезни души, вера как живое созерцание бесконечного за конечным и в конечном, как свободное созерцание безграничного, светлого неба над глупыми серенькими тучками. Храни, развивай в себе это чувство бесконечности, это чувство благодати, и уныние не будет иметь власти над тобою. Все будет хорошо, друг, скоро должен придти конец бурь и тяжелой разлуки.

Папенька скоро поедет в Тверь и там поговорит с архиереем. Но при случае ты должна навести справки о швейцарских законах и должна мне обстоятельно написать о законах, касающихся твоего нынешнего положения. Это может оказаться для меня полезным.

Кроме этого напиши нам, есть ли у тебя деньги, это очень беспокоит папеньку. Если твои финансы уже приходят к концу, то скорей напиши для того, чтобы мы здесь могли принять нужные меры. Ради бога напиши нам скорее хоть одно слово. Таничка уже видит глупые сны и уверяет, что они имеют или будут иметь какое-нибудь действительное значение. Уж я с ней спорил, спорил с глупой девчонкой,—не верит, вот так-таки и не верит. Что ты делаешь, как ты живешь, чем именно занимаешься, не познакомилась ли с кем-нибудь, какой твой круг, нашла ли ты человека по душе? Что Саша ***, помнит ли он нас, до какой сте-

* Полторацкая, Варвара Михайловна.
** Полторацкая.
*** Сын Варвары.

пени развил свои понятия, что его и твое здоровье; какие у тебя намерения для будущности? Все это такие вопросы, которые живо интересуют нас, а ты, глупая девочка, и не вздумаешь написать нам об этом. У меня есть твой портрет, Варинька,—брат Саша срисовал с того портрета, который давно, давно был с тебя срисован Натальей, и дополнил его. В нем есть много несхожего, но он гораздо более похож на тебя, чем портрет Натальи. Ты видишь, как брат Alexandre сохранил тебя в душе своей: он схватил это серьезное, святое выражение твоего лица, которое я так люблю, которое так много, много говорит. И сегодня я слушал из своей комнаты (в бывшем папенькином кабинете — как она прекрасно устроена!), как Саша играл Allmacht, и смотрел на твое лицо. Все несходство исчезло, и я смотрел на тебя, видел тебя и в чертах и в звуках, и это была прекрасная, блаженная минута. О, потапушечка, как я тебя люблю; я обещаю дать тебе покурить при первом свидании, а ты, чай, давно не курила? Милая, святая Варинька, мы скоро увидимся, я употреблю все свои силы, чтобы скорее соединить тебя с сестрами. Да, Варинька, мы можем благословить провидение; оно нам дало много такого, чего не дало другим. Прощай, друг, крепко, крепко жму тебе руку.

Твой друг и брат М. Бакунин.

№ 310.— Письмо сестрам.

[Вторая половина января 1839 года. Тверь.]

Вот я сижу в Алешиной комнате. Папенька — у Алексея Марковича, братья — в гимназии, а мне вздумалось писать вам. Мне грустно было въезжать в Тверь, откуда выехали Ушаковы *, и какая странная судьба: уехали в Прямухино в то самое время, как я из него выехал. Не шутя, мне право очень жалко, что я не увижусь с ними так долго. Я их так полюбил, в них так много прекрасной, благородной, святой жизни. Впрочем я рад, что они у вас были во время нашего отсутствия; вам не так было скучно. Мы приехали третьего дня в Тверь, и я до сих пор не мог еще сделать чего-нибудь дельного. Нашел здесь письма Бетины, и мне хочется воспользоваться этим временем и перевесть ее письма о музыке с маленьким рассуждением о ж е н щ и н е вообще для «Наблюдателя». Нужно защитить вас бедных против обид

* Соседи Бакуниных [1].

Вис[сариона] Григор[ьевича] *. Не знаю впрочем, удастся ли. Постараюсь, авось и сделаю что-нибудь.

Милые сестрицы, я всегда рад расставаться с вами, потому что всякий раз, как я оставляю вас, я чувствую, как любовь моя к вам возрастает и принимает действительнейший характер. Здесь такая суета, что голова закружится. Вчера целый день разъезжал с папенькой по визитам.

Не бойтесь, я не забываю главной цели **.

Прощайте, друзья.

Ваш М. Бакунин.

№ 311.—Письмо сестрам.

[Вторая половина января 1839 года. Тверь.]

Милые девочки, что ж это в самом деле Таничка вообразила себе, что она только одна может писать? Сидит да и пишет всякий вздор. Да еще выдумала вычернить чернилами буквы, написанные карандашом: «а то ведь все мои написания могут стереться». Претензия на вечность. Смотрите пожалуйста: в таком маленьком существе скрываются такие огромные претензии. На сей раз довольно.

(Дальше слева внизу нарисована растрепанная лохматая фигура молодого человека во фраке, держащая в вытянутой правой руке кружку. Над головою фигуры написано «пожар»; справа на уровне физиономии написано: «не правда ли, что Таничка на меня очень похожа?»; а еще ниже против кружки написано: «дайте на погорелых!». Повидимому фигура изображает самого Мишеля.)

№ 312.—Письмо братьям.

[Конец января 1839 года. Прямухино.]

Милые друзья, не странно ли? Вчера я собственноручно таскал вас за волосы, а теперь должен писать к вам, право странно, как думаешь ты об этом, Алеша? Вот сижу теперь за столиком своим и долблю греческую премудрость и императоров се-

---

* Белинского [2].
** Эта фраза по-немецки в оригинале [3].

годня съем. Сестры такие милые и умные. Танюша поедет со мной в Москву для зубов. Только, смотрите, это еще тайна, и потому об этом никому ни-гугу.

Прощайте, милые братцы.

М. Бакунин.

Скажите Коссовичу, чтобы он поспешил выписать мне грамматику К ю н е р а, а 3 руб. вы ему отдадите.

№ 313.— Письмо брату Павлу.

Понедельник, кажется, 12-го февраля 1839 г. Прямухино.

Милый Пашенька, позанявшись немного греческим языком, я лег на диван для того, чтобы подумать о том, о сем, а больше ни о чем, как вдруг вошла ко мне Настасья Константиновна и принесла мне разные бумажки, оставленные вами. Между ними я нашел твои записки и начал машинально читать их, потом стал мало-по-малу вчитываться в них и вдруг совершенно очутился в тебе, в твоих вопросах, мучениях, сомнениях. Нет, друг, я до сих пор не знал тебя и только-что с тобою познакомился. Я не думал, чтобы твои вникания в себя могли принять такой важный, разумный характер. Это уж — не ребячество; в твоих записках выговорена глубокая потребность жизни и глубокое страдание неудовлетворенной потребности. И знаешь ли, Паша, ты с первого раза попал на то, в чем заключается разрешение всех вопросов и всех сомнений. Ты требуешь *веры* и *любви* и не находишь их в себе. Друг, мы родились в черное время, где внешний мир не только что не может дать нам того, что нам надобно, но напротив рождает сомнение, делает смешным законность самого вопроса.

Друг, я не могу еще дать тебе совершенно того, что тебе надобно, но я много, много пережил, перестрадал. Я также жажду любви и веры; в них и в надежде на них — вся жизнь моя. Дай же руку, мы поймем друг друга, когда мы будем вместе, когда ты не скажешь: «*я — один*». Любовь между двумя человеками есть уже присутствие бога в них, и эта любовь будет предтечею всеобщей любви в нас. Друг, будь откровенен со мною. Во мне много болезней, много тени и мало свету, но во мне сильна вера в воскресение, и я передам тебе эту веру вместе с моею жизнью. Будем же любить друг друга, перестанем быть друг для друга

внешними и будем искать рука-об-руку того, что составляет сущность жизни и без чего нет жизни. Веры и любви просим мы — она дастся нам, это верно, это несомненно, Паша. Итак дай мне руку, брат и друг, на истинную дружбу, а истинная дружба не терпит никакой внешности.

Я написал тебе, потому что говорить труднее. Ты отвечай мне в Москву.

Твой М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 314.— Письмо сестрам Беер.

[15 марта 1839 года.]

Дорогие друзья, завтра в пять часов я приду за Танюшей. Вы дадите мне ваш экипаж, чтобы привезти ее к вам. Вы спрашиваете, как я провел время. Да так, ни то ни се, не очень хорошо, но и не очень плохо *.

Написал бы вам что-нибудь мокрое, да сухость берет верх, а потому лучше ничего не говорить.

Прощайте до завтрашнего дня.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет датированная 15 марта 1839 года приписка сестер Беер о том, что поездка состояться не может.)

№ 315.— Письмо сестре Варваре.

[Конец марта 1839 года. Прямухино.]

Варинька, предайся вполне нашей любви к тебе, она тебя никогда не обманет. Мы все богаты любовью, и эта любовь сосредоточена между нами, а в любви, Варинька, — и жизнь и премудрость. Наша взаимная любовь есть наше общее убежище, наша общая сила, а сила, вытекающая из любви, безгранична. Любовь все в себе заключает, и если ты хочешь знать истину, то

---

* До сих пор по-французски в оригинале.

посмотри внутрь себя, когда ты наполнена любовью, и ты увидишь и узнаешь всю истину, потому что любовь есть живое, действительное прикосновение, присутствие Христа в человеке. Не бойся книги Штрауса [1]; это — последнее и самое могущественное проявление скептицизма, и это — благо. Мефистофель должен проявиться во всей полноте своей силы для того, чтобы быть вполне побежденным. Гегелисты не только что не молчат, но распались даже на две партии, из которых одна приняла сторону Штрауса, а другая могущественно и торжественно противостала ему — и они победят, в этом нет никакого сомнения.

Варинька, достань себе сочинения Гёшеля [2] (Göschel) — «Aphorismen über Nicht-wissen und Absolutes Wissen», «Denkmähler über Göthe» и все, что можешь достать.

Прощай, друг, до будущего письма.

Твой М. Бакунин.

(Дальше идут приписки брата Николая и сестры Татьяны.)

№ 316. — Письмо А. П. Ефремову.

[Конец марта 1839 года. Прямухино.]

Милый Alexandre!

Отдай пожалуйста прилагаемое при сем письмо в собственные руки Alexandrine Beer * так, чтобы никто другой не видел. Что твои дела? Напиши мне пожалуйста подробно обо всем: ты знаешь, как интересует меня все касающееся до тебя. Что наши переводные планы? Удадутся ли? Виделся ли ты с Межевичем? [1] Что Катков? **. Скажи ему, что я напишу ему, как только будет свободное время. А у меня самого теперь много, очень много как внутреннего, так и внешнего дела. Что Клюшников? ***. Он, говорят, болен. Бог не оставит его, потому что он не оставляет людей, жаждущих истины и спасения в истине.

Прощай, друг, пиши мне много, и я буду много писать тебе, когда будет время.

---

* Александра Андреевна Беер; письмо см. под № 317.

** Михаил Никифорович.

*** Иван Петрович [2].

№ 317.— Письмо Александре Беер.

(30 марта 1839 г.).

Милая Alexandrine! Две недели уже почти прошло с тех пор, как мы расстались, и я до сих пор не мог еще исполнить своего обещания, не мог писать Вам. Я не могу говорить с другим, когда я не собран, не совершенно сосредоточен в себе. Да, я все глубже и глубже сознаю, что человек (по крайней мере я) должен уметь всем быть и все находить в себе для того, чтобы быть вполне для другого.

Мое пребывание в Москве было для меня важною эпохою; с него начинается новая жизнь. В чем она будет состоять, какое будет главное содержание ее и какую она примет форму,— я этого не знаю да и не хочу знать. Будет то и так, как будет. В Москве случилось для меня много важного. Во-первых я яснее сознал самого себя, как цветы, так и крапиву своей жизни, лучше сознал то, что мне нужно внутри и со-вне. В Москве я встретился с Вами, Alexandrine, и с каждым днем все глубже и глубже чувствую, как важна для меня эта встреча. Знаете ли, Alexandrine, я часто был и много говорил с Вами все это время. Оставив Прямухино на месяц, я, кажется, оторвал от него навсегда внутреннейшую сторону моей жизни.

Никогда Прямухино не было для меня так внешне (не в худом смысле этого слова), и никогда не был я в нем так свободен, как теперь. В моих отношениях с ним я уже не могу перескочить за границу разумной действительности, потому что я хорошо, крепко сознаю и совершенно прозрачно понимаю эту границу. Сливаясь с сестрами, никогда не был я так один, так погружен и сосредоточен в себе, как теперь.

О, каков бы ни был мой мир, я не хочу расставаться с ним, он мне дорог, свят, в нем — таинственный источник моей жизни, в нем — вся жизнь моя. Остальное почти не касается его — мой внутренний мир не нашел еще себе проявления, он требовал исхода, отголоска, и мне кажется, что я нашел его в Вас, Alexandrine. Постарайтесь приехать в Попово весною. Есть такие обстоятельства, которые могут надолго разлучить нас. На внешнем горизонте моей жизни появились новые темненькие тучки, которые могут разрешиться в сильную грозу, и мне хотелось бы поговорить с Вами, посмотреть на Вас прежде этой грозы. Alexandrine, я чувствую себя свободным, потому что я обо всем могу говорить с Вами; но для осуществления этой свободы не-

обходимо, чтоб и Вы с Вашей стороны разбили крепкую, непроницаемую кору сердца Вашего и вылили бы его в мое сердце. Да, без этого я не могу быть свободен. Прощайте покамест.

Милая Alexandrine, сегодня я читал Ваше письмо к сестрам (я нс принимаю его на свой счет, потому что я ожидаю непосредственно и особенно ко мне написанного) и перенесся в Москву, вспомнил все наши разговоры с Вами. Да, Alexandrine, мы теперь можем быть друзьями. Ничто внешнее не имеет меня; до сих пор я оставался в себе, погруженный в глубокое одиночество, и мне нужно принять Вас и построить Вам маленькую избушку в своей одинокой пустыне. До сих пор я был один, и только теперь я понял это, теперь, когда мое последнее пребывание с Вами открыло мне таинство истинной дружбы. Дружба — великая, святая, важная вещь в жизни. Счастлив, кто имеет друга. Вы первая, Alexandrine, отдали мне меня самого, в Вас я нахожу себя, и потому мне так легко, весело говорить с Вами.

Вы вероятно увидите маленькое волнение в этом письме: это потому, что уже близко то время, когда произойдет решительный переворот в моей внутренней и внешней жизни. Много важного узнал и сознал я, выехав из Москвы. Мои внешние обстоятельства (не денежные) запутались. Много новых врагов и препятствий ожидают меня, и я радуюсь этому. Значит, что пришло время им распутываться. Приезжайте, Alexandrine, мне нужно много, много говорить с Вами.

Теперь я занят важным делом: брат Николай приехал, и его приезд возбудил в темной силе нашей прямухинской жизни новую надежду на победу. Я открыл глаза Николая, и завтра начинается новая и последняя война, в которой всё проявится и разрешится, и определится то, что до сих пор оставалось неопределенным. Брат Николай — славный человек, он все понял, все почувствовал. Он будет сильною внешнею и внутреннею опорою сестрам. Я ему сдаю понемногу свою должность, и он вполне заменит меня. Теперь осталось кончить дело Вариньки, и тогда прощай, Прямухино, надолго прощай! Я предамся свободному течению жизни своей, предамся своей судьбе. Николай — славный человек; он не заражен нашей общею русскою ленью и бездейственностью, а с другой стороны, не заражен также пошлым французским романтизмом и либерализмом. Он весь предан царю и отечеству, он — истинный русский и верно пойдет далеко; в нем верный и крепкий практический ум.

Приезжайте, Alexandrine, и пишите мне чаще через [А. П.] Ефремова. Ваши письма только одни имеют силу разрывать мое одиночество, а мне иногда бывает тяжело в нем. Вы играете на фортепьянах, я рад этому. Давайте себе волю, ищите везде, в религии, веществе, природе осуществление души Вашей; ищите везде бога, и Вы везде найдете его, ищите и обрящете. Но ищите его также и в нашей дружбе, и Вы найдете его в ней более, чем где-нибудь. Идеже дух господен, ту свободен. Будьте свободны в отношениях Ваших ко мне, потому что в них пребывает дух божий.

Прощайте покамест.

Скоро опять буду писать к Вам.

1839 года, 30-го марта. С[ело] Прямухино.

№ 318.— Записка (при списке книг).

Рецепт для того, чтобы в скорое время погубить и отравить душу прекрасного молодого человека.

M. Bacounin (М. Бакунин).

1839-го года, 7-го апреля.
С[ело] Прямухино.

Detur. Signetur *.

(На обороте написан следующий список книг:)

[1] Hegel — Philosophie der Geschichte (Гегель—«Философия истории»).

1. K. F. Göschel (К. Ф. Гешель) — a. Hegel und seine Zeit («Гегель и его время»). b. Über die Unsterblichkeit der Seele («О бессмертии души»). c. Aphorismen über Nicht-wissen und absolutes Wissen («Афоризмы о незнании и абсолютном знании»). d. Über Göthe («О Гете»).

2. Marheineke — Geschichte des Luterthums (Маргейнеке — «История лютеранства»).

3. Raumer (Раумер) — a. Geschichte der Hohenstaufen

* «Отпустить, отметить на сигнатурке» (надпись врачей на рецептах).

(«История Гогенштауфенов»). b. Geschichte der Reformation («История реформации»).

4. L e o — Geschichte der italienischen Republiken (Лео — «История итальянских республик»).

д л я М и ш и

Постарайся достать мне:

1. Von Doctor Strauss (Strauß) (Доктора Штрауса) запрещ[енное] г л а в н о е: a. — Das Leben Jesu («Жизнь Христа»). b. — Streitschriften («Полемические сочинения»).

Узнай, нет ли сочинений:

Hegelisten (гегелианцы):

1. B a u [e] r (Бау[э]р).
2. R o s e n k r a n z (Розенкранц).
3. S c h u l z — Grundriss der Physiologie (Шульц — «Основы физиологии»).
4. B a a d e r (Баадер).
5. D a u b (Дауб).
6. Rötscher (Ретшер).
7. Erdmann (Эрдман) *.

№ 319. — П и с ь м о А л е к с а н д р е Б е е р.

(7 апреля 1839 г.)

Прочитав Ваше письмо, я еще более убедился в том, что дружба наша действительна. Да, Alexandrine, мне необходимо слышать свободный, неподкупный голос друга, но только друга, потому что только друг, не останавливающийся на внешностях, но проникающий во внутреннюю глубину жизни моей, может и имеет право говорить мне все, что он обо мне думает.

В этом письме я почувствовал Вашу живую любовь ко мне, мне было легко, читая его. Но на этот раз Вы ошиблись; Вы не поняли главного в моем письме и не поймете прежде Вашего приезда в Прямухино. А Вы непременно должны приехать к нам. Мы тихо, мирно проживем лето в ожидании будущего, в котором, я знаю, много туч сбираются против меня и много бурь угрожают мне. Но я не боюсь их; дух мой силен, я чувствую в себе беско-

---

* Русский перевод в скобках дан редакцией.

нечные силы, я верю в высокое назначение своей жизни, вижу его и не изменю ему. Я не оставлю своего семейства прежде, чем не водворится и не осуществится в нем совершенно дух любви и истины, и силы, и могущества, всегда сопряженных с нами. Мне необходимо это для того, чтобы прямухинский мир был моим, а не чужим для меня миром. Приезжайте, Alexandrine, мы будем жить прекрасною жизнью, полною духа *; наше взаимное присутствие усилит нас всех. Вы не может вообразить себе, как я рад, что Вы решились наконец жить также и для себя и поняли, что только тот может быть для другого, кто для себя, и что только тот может быть для себя, кто не для себя. Дайте руку, милый друг, я люблю Вас и Вы меня любите; Ваша любовь, Ваша жизнь— мой, Alexandrine, я это знаю и с чувством беззаботного, небесного блаженства поверяю себя этой любви, покоюсь на ней. Приезжайте в Попово, мы будем много, много говорить, много читать, много созерцать и много любить.

А там, Alexandrine, предадимся свободному, широкому раздолью жизни. Будем твердо переносить все внешние и внутренние удары судьбы, как необходимые для нашего перерождения, и с благодарностью принимать благодатные дары духа святого, духа любви и, живя таким образом, никогда не утратим цели, назначения нашей жизни и своего внутреннего я, в котором заключается вся судьба наша.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

1839-го года. 7-го апреля. Прямухино.

№ 320.— Письмо А. П. Ефремову.

[Апрель 1839 года. Прямухино.]

Милый Сашенька! Я не стану писать тебе много, потому что надеюсь скоро увидеть твою собственную глупую личность (философский оборот). Приезжай скорее и напиши, когда выедешь, чтоб я мог встретить тебя с приличными и достойными сана и фамилии твоей почестями. Папенька, маменька и сестры заняты приготовлениями для твоего торжественного въезда в

* В оригинале написано: «духою», так что нельзя понять, хотел ли автор сказать «душою» или «духом».

Прямухино. Маменька велела сказать тебе, что ты — дурак и скотина во-первых потому, что так долго не присылал конфект, а во-вторых потому, что ты сам обещал нанять квартиру подле университета [1]. Впрочем она просит теперь не нанимать квартиры, потому... но слишком долго будет рассказывать почему, и потому перейдем к другим важнейшим материям.

Скоро настанет и май месяц, а следовательно книги, если не прибыли к Северину, то должны скоро прибыть. Нельзя ли тебе будет самому купить их и привезть с собою в Прямухино? Так как я боюсь, что денег не станет на все мною выписанные книги, то прошу тебя взять у него во-первых: 1. все, что я выписал из сочинений Гегеля; во-вторых: Гёшеля, Шаллера и Дауба и Гинрихса объяснение Фауста. А если есть какое-либо сочинение Гегелиста, относящееся до Логики, то ради бога купи его. Впрочем переговори с Боткиным, и сообразитесь вместе.

Да кстати я, кажется, выписал также и Богословие Розенкранца: эта книга мне также очень нужна. История философии Эрдмана также очень нужна...

Что касается до твоих книг, то мы с Боткиным * не подеремся [2]. Только возьми у Ржевского две части Раумера да у Клюшникова Лео «Итал[ьянские] республики» и Раумера «Neue Geschichte» от Реформации, и сам привези ко мне.

Посылаю тебе записочку от сестер. Ты не верь им: это — все неблагородные уловки, для того чтобы выпросить у тебя семян. Привези разных хороших, спроси у кого хочешь, что называется хорошими цветами, да и привези. А я тебе сам приготовлю одно растение, называемое крапивою, и буду лечить тебя ею. Прощай, друг.

Твой М. Бакунин.

Уговори пожалуйста Боткина ехать к нам с тобою.

(Дальше рукою Александры Бакуниной написано:)

«Привезите семян душистого табаку — не того, что курят и нюхают (в скобках рукою М. Бакунина: «Сашенька сейчас сказала, что ты — дурак») (дальше в других скобках рукою

---

* Василий Петрович.

А. Бакуниной: «Вы, я думаю, сейчас узнаете, чьи это слова и сочинение»), но тот, что растет на земле и подымается к небу — туда — огромным душистым белым цветком». А. Б.

Цветок большой и не очень большой, а потому и не огромный.

№ 321.—Письмо Н. Станкевичу.

1839-го года. 13-го мая.
С[ело] Прямухино.

Милый Николай! Ты не отвечал на письмо мое, и я совершенно понимаю причину твоего молчания и не упрекал тебя за него; не брани же и ты меня, что, несмотря на неполучение ответа на первое письмо, я решаюсь написать тебе другое. Я делаю это без всякой особенной цели, потому только, что мне хочется, необходимо сказать тебе несколько слов, сказать тебе, что я не позабыл тебя, что я столько же люблю тебя, как и прежде.

[А. П.] Ефремов едет за границу. Грустно расставаться с ним, он — прекрасный, благородный человек, но бог с ним, ему надо было вырваться из грязной жизни своего семейства, оторваться от старых привычек, от старой бессмысленной хандры, от пустого и бесполезного вникания в себя и предаться свободному течению жизни, и я уверен, что пребывание за границей переродит его. И несмотря на все это, мне грустно расставаться с ним; в последнее время я еще более сблизился с ним; он — благородный человек в полном смысле этого слова; отъезд его еще более стеснит кружок наш: [В. П.] Боткин, [И. П.] Клюшников, [М. Н.] Катков и я — вот все, что осталось от многочисленного кружка, когда-то собравшегося вокруг тебя.

[В. Г.] Белинский совсем оторвался от нас; я, Боткин и Катков сделались предметами его ненависти, и если верить его словам, то он даже презирает меня и Боткина. Я первый подпал его гневу, он упрекает меня во услышание всем в ужасных преступлениях, в макиавелизме, в подлости и т. д. Между нами долго продолжалась полемическая переписка, вследствие которой я долго и внимательно рассматривал себя и с радостью увидел, что во мне никогда не было злого намерения в отношении к Виссариону, что напротив я всегда и от всей души желал ему добра и готов был для него сделать все, что от меня зависело. Если ограниченность

средств моих не позволила мне что-нибудь для него сделать, то это — не моя вина. Кроме этого, я мог быть против него бессознательно виноват, и хотя я решительно не знал и до сих пор не знаю, в чем состоит вина моя, я от всей души просил его простить мне ее. Вот все, что я мог сделать.

В последнем письме своем он объяснил мне, что он потерял даже способность презирать меня и, несмотря на это, предлагал дружбу свою на условиях sine qua non; это предложение было так смешно и так нелепо, и кроме этого, условия, предлагаемые им, были так невозможны, что я не мог не заметить во всем письме его желания в последний раз оскорбить меня, и должен был расстаться с ним. Вся эта ссора, все эти мелкие и недостойные ни его, ни меня сплетни и наконец совершенный разрыв с ним легли мне на душу тяжелым камнем. Теперь он разорвал отношения свои и с Боткиным, называя его так же, как и меня, подлецом.

Грустно расставаться с человеком, которого любил, которому привык поверять все, что тяготило и радовало душу, любовь и доверенность которого сделались уже необходимостью, ежедневною привычкою. Но еще грустнее расставаться с ним таким грязным образом. А Виссарион забросал и до сих пор еще забрасывает нас грязью везде и где только может. Я слышал, что он недавно ездил к Бееровым для того, чтобы объявить им нашу подлость. Слышал также, что он и тебе писал, милый Николай, может быть, он взвел на нас бог знает какие нелепицы. Это не удивило бы меня, потому что он, бог знает, что говорит про нас, и я мог бы, рассказав тебе все дело, совершенно оправдаться; но я не сделаю этого: во-первых для того, чтобы не возмутить мира души твоей мелкими и грязными сплетнями, и во-вторых потому, что я уверен что без всяких доказательств ты поверишь, что ни я, ни Боткин — не подлецы.

Я давно не видал Виссариона, но судя по тому, что об нем рассказывают, судя по проявлениям его ненависти (действительной ли или мнимой, не знаю) к нам, он должен быть в ужасно тяжелом состоянии духа. Он, кажется, совершенно отдался движениям и побуждениям своей грубой естественности, в которой он видит ту святую действительность, о которой говорит Гегель. Он дошел до того, что всякий пошлый, действительный человек стал для него идеалом, и в одном письме ко мне пресерьезно завидовал и советовал мне завидовать действительности какого-то Мосо-

В. Белинский

(в 40-е годы)

лова [1], который любит лошадей и который выучился английскому языку, потому что на нем написано много сочинений о лошадиных свойствах и достоинствах; он ругает (или по крайней мере ругал,— теперь не знаю как) Шиллера дураком за то будто бы, что он принес ему большой вред своим идеальным направлением. Главным источником всех наших недоразумений было то, что сначала я, а потом и Боткин стали уверять его, что без знания и без познаний нельзя быть дельным редактором дельного журнала; что выводить из себя историю, искусство, религию и т. д. смешно и нелепо, и что, ограничиваясь своими непосредственными ощущениями, не стараясь возвысить их до достоверности понятой мысли, он может сказать несколько верных замечаний, но не более, и что журнал, не заключающий в себе ничего, кроме нескольких верных замечаний, не может иметь большого достоинства. Он очень рассердился на нас, говоря, что мы, «п и г м е и», осмелились поднять руку на его субстанцию, которую даже ты глубоко уважал [2]. Виссарион в тяжелом состоянии: с одной стороны он на деле беспрестанно должен чувствовать справедливость наших слов; с другой стороны в нем нет сил приняться за какое бы то ни было серьезное занятие. Как-то раз он принялся за изучение немецкого языка и через несколько дней кинул его, говоря, что должно все делать по внушению благодати и что учиться немецкому языку «без внушения благодати, а по конечному произволу есть буйство перед господом, разрушающий конечный рассудок, а не благодать созидающая». Дух его по природе обширен, а потому и потребности его обширны, и до сих пор ни одна из этих потребностей не нашла удовлетворения. У нас был еще давнишний спор о любви женщины; он говорил мне, что любовь женщины есть необходимое условие его счастия, единственная, абсолютная цель его стремлений, и что вне достижения этой цели жизнь не имеет для него никакого смысла. Я всегда говорил ему, что любовь, о которой он говорит, заслуживает и может найти только тот, кто имеет всеобщий интерес, который составлял бы сущность его жизни, что любовь есть награда за объективную деятельность мужчины, и что только наполнение каким бы то ни было объективным содержанием и объективная деятельность делают человека действительным человеком и достойным любви женщины, и что любовь человека, живущего вне всеобщих интересов, необходимо должна быть или порывом грубой чувственности, или призрачным и болезненным чувством призрачного человека. Я пророчил ему, что, отор-

вавшись от всякого объективного интереса и сделав любовь женщины условием sine qua non * своего счастия и своей жизни, он никогда не найдет того, чего он ищет, и, измученный, утомленный тяжелою борьбою неудовлетворенной страсти, станет искать удовлетворения в первом попавшемся ему призраке. К несчастью мое пророчество сбылось: в предпрошедшую зиму я видел, как он гонялся за какою-то гризеткою, и как неудача приводила его в самое страшное отчаяние. Недавно и в моем отсутствии случилось с ним еще худшее осуществление моего пророчества.

Его денежные обстоятельства все в том же несчастном положении, и ко всему этому в нем видимо иссякает вера в жизнь и в будущность. Он знает, что ему тридцать лет, и это мучает его. Одним словом положение его ужасно. Он весь предался своему страстному элементу, и дай бог, чтоб это было только переходное состояние, а то он совсем погибнет. Грустно за него. В нем так много благородного, так много святых элементов, его душа — широкая душа. Знаешь ли, Николай, страшно смотреть на него. Да, я живо чувствую, что, несмотря на все его несправедливости ко мне, несмотря на грязное проявление этих несправедливостей, я не перестал любить его, не перестал принимать в нем самое живое участие; я знаю, что теперь мне невозможно сойтиться с ним, но я дорого дал бы, если бы мог восстановить с ним старые отношения. Иван Петрович ** написал стихотворение, которое может быть применено к нему:

Мне уж скоро тридцать лет,
А меня никто не любит;
Без любви мне скучен свет,
Жажда счастья счастье губит,
и т. д.

Иван Петрович также в тяжелом состоянии, но совсем в другом роде. Старинная мысль его, *что всякий человек должен быть полезен обществу, и что он не приносит ему никакой пользы*, достигла в нем полного развития и превратилась в idée fixe ***. Нынешнею зимою ему как-то удалось вырваться из этого вечного вникания в себя; он стал весел, написал множество прекрасных стихотворений, где ясно выразился его переход к здоровью; он начал уже мечтать о пу-

---

* Непременным.

** Клюшников.

*** Навязчивая мысль.

тешествии за границу, оставил службу в Институте, оставил пустую претензию быть полезным другим, не сделавшись еще для самого себя полезным, и стал более прислушиваться к внутреннему голосу души своей, стал верить и себе, и другим — и опять впал в старую болезнь. Покамест он преподавал историю в Институте, до тех пор у него было постоянное дело, не зависевшее от минутного состояния его духа; это дело служило ему балластом, и он отдыхал, наслаждаясь жизнью в свободные минуты. В первый раз в жизни он решился сделать свободный шаг и оставил Институт только потому, что Институт был ему не по сердцу, противоречил его внутренней потребности,— и этот первый шаг дорого стоил ему. Лишившись постоянной обязанности и не имея ни постоянной определенной цели, ни постоянных занятий, он скоро стал приходить в недоумение, не зная, чем наполнить свой день, и в днях его стали оказываться все большие и большие пробелы. Месяц тому назад я был свидетелем возобновления его болезни, а теперь, по словам [А. П.] Ефремова, она усилилась до такой степени, что мысль о самоубийстве сделалась в нем постоянной мыслью. Тяжело смотреть на него в эти минуты; он становится слаб, как ребенок, упрекает себя в каждой мелочи, беспрестанно погружается в гадкую и пустую сторону своей жизни и не видит за ними своей прекрасной, святой, человеческой стороны. Это беспрестанное созерцание своей гадости лишает его последних сил; в нем нет тогда ни на каплю самостоятельности и воли. И если бы мужик (только старый, потому что он в подобные минуты верит только опытности стариков), если бы мужик сказал ему, что для счастья своего он должен всю жизнь пахать землю, мне кажется, что он поверил бы и послушался его. Боткин, Катков и я беспрестанно возимся с ним и стараемся пробудить его от апатического бессилия, пробудить в нем веру и волю, которые не зависели бы от минутного состояния, от минутной болезни духа. Сегодня я еду по делам в Москву, пробуду там неделю и постараюсь вырвать его из этого состояния. Он живет с Оглоблиным [3] и братом своим Петром *, которые — такие же ипохондрики, как и он,— а особливо Оглоблин. И это общество делает ему самый большой вред; лишь только он немного повеселеет, они рассуждениями о своей и его болезни, о невозможности освободиться от нее и т. д. снова втискивают его в этот болезненный мир. Они не могут жить вместе,

* П. П. Клюшников, врач.

ему нужно теперь женское участие, нужно, чтобы его окружали люди, которые бы понимали его без слов; а они так погружены в себя и в свою собственную болезнь, так мало способны понимать его, что беспрестанно оскорбляют его и оскорбляются его словами, и все их теперешние отношения суть не что иное, как длинная, бесконечная вереница недоразумений, упреков и объяснений. Им нужно непременно на некоторое время расстаться, и я постараюсь сделать это, постараюсь вырвать его из Москвы и, если можно, уговорить его ехать за границу; если ж не за границу, то по крайней мере куда-нибудь в деревню или к матери в Малороссию, или к нам в Прямухино.

Главная болезнь его есть недостаток религии; впрочем это — наша общая болезнь. Мы — не христиане и не язычники, а бог знает что такое; такое, что только поплевать да и бросить. Другая сторона общей болезни нашей состоит в том, что мы совершенно оторвались от русской действительности, не имеем с нею ни одной точки соприкосновения, не узнаем себя в ней и не построили еще того внутреннего, идеального мира, который мог бы служить нам прибежищем от ударов чуждой и беспрестанно окружающей нас действительности; этим идеальным миром должны быть, по крайней мере для меня, религия и философия как единственно удовлетворяющие формы познания истины, а я крепко верю словам Спасителя:

«И познаете истину, и истина освободит вас».

Да, я чувствую живую потребность вырваться из тесной области своей индивидуальности, прийти в живое соотношение со всеобщею жизнью и знаю, что только одно наполнение всеобщею жизнью может дать мне то счастье, к которому я стремлюсь. А всякий человек не имеет другой цели кроме своего счастья; всякий понимает его почти своим особенным образом и сообразно с своим особенным понятием стремится к нему. Кто любит лошадей и находит удовлетворение в познании лошадиных свойств, тот прав, тот верен своему назначению, а назначение всякого лежит в нем самом; в природе и в внешних обстоятельствах воспитания каждого лежит будущая судьба его, и стоит только следовать своему внутреннему голосу для того, чтобы итти по прямой стезе. Правда, что иногда можно ошибиться и принять за внутренний голос постороннее внешнее внушение; но что ж делать?

Es irrt der Mensch, so lang er strebt *.

Ошибок избегнуть нельзя, но они не могут вечно продолжаться; они необходимы в целом развитии жизни и рано или поздно должны принесть и хороший плод свой.

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges woll bewusst **.

Лучше ошибиться, подвигаясь вперед, чем не ошибаться, оставаясь в бездействии. Что ж до меня касается, то мне кажется, что я не ошибаюсь, ища удовлетворения в вере и знании; да, я чувствую, что без них я пропаду, что в них — вся жизнь моя, и что если во мне есть теперь какая-нибудь сила, какая-нибудь жизнь, то это оттого, что я верю в возможность удовлетворения, в возможность достижения своей цели. Ты спросишь меня, может быть, что ж сделал я в отсутствии твоем для приближения к ней? На этот вопрос трудно ответить, я не могу сказать, чтоб я ничего не сделал, но не могу также сказать, чтоб и много сделал. Главное приобретение мое состоит в том, что я живее, чем когда-нибудь, сознаю в себе потребность знания, что я лучше понял, что̀ такое истинное знание, и что я узнал наконец, что я почти ничего не знаю. Это — большой шаг. Должно очиститься от всего старого для того, чтобы наполниться новым. Но знаешь ли, Николай, мне иногда тяжело, очень тяжело становилось в эти два года твоего отсутствия. Много перемен случилось в семействе моем: смерть Любаши, бурное освобождение сестры Вариньки от грязного прикосновения доброго животного и наконец отъезд ее в Швейцарию, глубокая горесть отца, болезненное, расстроенное состояние духа и здоровья сестер Танюши и Александрины, потрясенных этими происшествиями, письма Белинского, наполненные пошлыми и даже грязными, да, грязными замечаниями, рассуждениями и советами касательно сестер, беспрестанная внутренняя, семейная борьба, необходимая для того, чтоб освободить сестер от невыносимых претензий маменьки, увеличившихся со времени кончины нашей святой Любаши,— все это как черная свинцовая туча налегло на меня. Прибавь ко всему этому сомнение в себе, мысль, что внешние обстоятельства, семейная обязанность принудят меня

* «Блуждает человек, пока живет» («Фауст»).

** «Добрый человек в своем стремленьи темном
Найти сумеет настоящий путь» («Фауст»).

остаться в деревне, и что я, оторвавшись от единственной святой цели своей жизни, оторвавшись от того, в чем заключается и жизнь и спасение и вся человечность моя — от знания и от жизни в знании, мысль, что, отказавшись навсегда от знания, я неприметно и мало-по-малу погружусь в пошлый мир пошлой действительности,—все это, Николай, жестоко мучило меня, и только непобедимая вера в жизнь, в себя и в будущность помогли мне вырваться из этого состояния. Да, я дышу теперь свободнее, сестры мои становятся крепче и духом, и телом; родители согласны на развод сестры Вариньки с Дьяковым, и я надеюсь, что с помощью их мне удастся устроить это дело. Пробыв неделю в Москве, я пробуду не более недели в Прямухине, а там отправлюсь в Петербург для того, чтобы хлопотать о разводе. А там, удастся ли или не удастся, будущею весною, а может быть, и нынешнею зимою я отправлюсь в Берлин. Ты скажешь, может быть, что я не имею права оставлять свое семейство в таком неопределенном состоянии, оставлять отца, которому, может быть, недолго осталось жить на свете. Я сам делал себе это возражение и после долгого и мучительного размышления решил, что в о-п е р в ы х брату Николаю уже 21 год, он уж — офицер, другие же братья нынешний год будут студентами, а следовательно скоро могут заменить меня сестрам и отцу, а в о-в т о р ы х я чувствую (и это—не обманчивое чувство), что если я откажусь от своего намерения, т. е. если я откажусь от знания, то я потеряю все силы свои, потеряю возможность быть для кого бы то ни было полезным. Я имею право жертвовать своею физическою жизнью и с радостью пожертвую ею для сестер и для отца, но не имею права жертвовать своею духовною жизнью, своим спасением. И потому, Николай, жди меня, если ты еще будешь в Берлине.

Еще может предстоять одно препятствие, это — недостаток финансов, но и это не остановит меня. Доходы моего семейства в это время умножились устроением бумажной фабрики в Прямухине, и отец мой, если захочет, может дать мне без всякой трудности 2000 рублей (я теперь сошелся с ним, и наши отношения именно такие, каких я желал). Кроме этого, в Петербурге дорого платят за переводные и оригинальные статьи, так что можно выработать в год до 2000 рублей. Будучи в Петербурге, я постараюсь достать себе работы. Наконец, если отец мой ничего не даст мне и если у меня не будет более 500 руб. годового дохода, то и это не остановит меня. Я поеду с пятьюстами рублями и буду есть

хлеб да воду, жить на чердаке и ходить в старом сюртуке с тем только, чтобы учиться в Берлине. Я должен это сделать, потому что в успехе для меня заключается разрешение вопроса о жизни и смерти. Итак, Николай, может быть,—или зачем может быть?— наверное мы увидимся с тобою. О, Николай, ты не знаешь, как радует меня мысль эта, как жажду я свидания с тобой.

А покамест прощай.

Твой

М. Бакунин.

Если ты вздумаешь отвечать мне, то адресуй письмо свое к Боткину в Москву, на Маросейке, в собственном доме.

№ 322.—Письмо А. П. Ефремову.

[Май 1839 года, Прямухино.]

Милый Павлович!

Папенька и маменька велели тебе сказать, чтобы ты непременно заезжал к нам, для того чтобы пробыть у нас подольше. Маменька поносит тебя самым срамным образом за то, что ты не исполнил обещания и не прислал конфект. Папенька велел тебе напомнить, что ты обещал ему нанять квартиру для братьев недалеко от университета, хорошую, удобную и дешевую; и так как месяца через два братья явятся в Москву, то папенька и просит тебя нанять таковую квартиру перед твоим отъездом и дать в задаток деньги и взять расписку с хозяина дома. За месяца два будет заплачено даром, да это ничего, лишь бы квартира была совсем готова к их приезду. Ты привезешь расписку с адресом дома, а тебе отдадутся деньги, которые ты дашь в задаток.

Приезжай же скорее, Сашенька, я тебя благословлю и отправлю в чужую сторонушку, чтобы ты там умылся, причесался, всем наукам и разным заморским художествам научился и приехал к нам прекрасным молодым человеком в полном смысле этого слова. Я же покамест буду ждать у моря погоды. Впрочем недолго. Загорелось во мне сердце молоденкое, и лишь только все дома устроится, полечу и я за сине море.

Проезжая через Торжок, не оставь своим посещением брата Илью, который крепко уважает тебя, несмотря на все мои доводы и доказательства твоей глупости.

Главное, исполни свое книжное обещание и оставь у меня все свои книги. Я их буду хранить, как глаз свой. Составлю особенный реестр, и если куда отлучусь, передам их сестрам или Боткину, и при возвращении твоем все возвратится тебе в сохранности.

Прощай.

Твой

М. Бакунин.

Отдай это письмо Alexandrine Beer точно так же, как и первое.

(Дальше идет приписка Александры Бакуниной:)

«Пожалуйста привезите семян (grains) из Москвы разных— хороших, чтобы цветы из них вышли отличные, а я вам за них присяду, и горошку душистого и клеверу душистого, привезите и подсолнечников».

К этой приписке следует два примечания М. Бакунина:

К слову «семян»:

«Семян. Эка нечеткая рука у сестрицы: ведь ничего не поймешь, точно кошка нацарапала. То ли дело моя рука».

К слову «подсолнечников»:

«Александрин просит у тебя подсолношник, для того чтоб он ей тебя напомнил. Эка клевета: ведь ты—боб, а не подсолношник».

№ 323. — Письмо Наталье Беер.

[Май 1839 года. Москва.]

Милая Наталия!

Вы оставили меня вчера в тяжелом расположении духа. Продолжительный разговор с [И. П.] Клюшниковым погрузил меня в это состояние. Клюшников стал бедным человеком, он утратил на время — дай бог, чтоб только на время — все свое духовное богатство, всю любовь свою; в нем осталось только холодное, адское презрение к себе и к нам и безусловное, идиотское, можно

сказать, уважение к сапожникам и ремесленникам. Он развернул передо мною картину всех наших внешних отношений; правда, что в эти два года какой-то фатум налег на нас всех, и фатум тем более страшный, что он был не что иное, как безобразный хаос грязных сплетней, мелочей, пошлостей. Он развил передо мною всю внешнюю жизнь нашу [с] такою адскою логикою, в такой адской последовательности, что у меня волосы стали дыбом. Впрочем он оказал мне и [В. П.] Боткину великую услугу. Мы в последний раз посмотрели на это гадкое прошедшее и, сознав, что за всем этим между нами осталось много святого, оттолкнули от себя все прошедшее, гадкое с тем, чтоб никогда более не смотреть на него и не упоминать о нем. Этот опыт был для нас важным опытом жизни. Видите ли, как сильно потрясло меня все это, что я вместо того, чтобы говорить вам о вас, начал эту записку самим собой.

Теперь перейду к вам. Ваши взаимные отношения также расстроили, встревожили меня. Ваша болезнь, болезнь Александрины * и наконец болезнь Константина ** поставили вас в такие странные взаимные отношения, вам так тяжело дышать вместе — и неужели ложь, мелочность должны везде брать верх? Нет, друзья, стряхните с себя и навсегда эту пыль, эту убийственную, ядовитую пыль, которая неприметно проникает во все поры нашего духовного существования и лишает и блеска и благоухания этот прекрасный цветок жизни, родившийся в любви и цветущий только в любви. Да, друзья, молиться, молиться нужно нам, молиться о том, чтоб благодать сошла на нас и очистила нас от ежедневности, от пошлости, от мелкого самолюбия, от всякого мелочного чувства и направила души наши к святому, вечному и осуществилась в нас любовью, верою и силою духа. Пора воскреснуть, друзья, пора сознать свою человеческость и жить и дышать и действовать только в этой человеческости. Друзья, я всех трех люблю вас, быть для вас чем-нибудь для меня необходимость, подадим же в самом деле и без хитрости и без arrière-pensée *** друг другу руки. Вспомним же, что мы живем для святого и что только в святом заключается и наше счастие и совершение нашей жизни. О, мы все грешны, очень грешны, но грех не должен пугать нас, мы не должны гибнуть в слабости и

* Беер.
** Беера.
*** Задняя мысль.

в растлении от грязного созерцания грязных грехов своих. Если б мы не были грешны, то благодать была бы не нужна. Благодать же дается не в меру добрых дел, но в меру грехов, из которых вытекает сознание своей индивидуальной ничтожности и потребность, стремление к очищению силою благодати и любви.

Будем верить, друзья, потому что в вере и достоинство и спасение человека, устремим души наши к тому, в чем единственно лежит общее спасение наше, к богу, к истине. Только в этой всеобщей области жизни можем мы любить и знать друг друга. Вне любви человека к богу нет любви человека к человеку.

Итак, друзья, я вас прошу во имя всего святого, я готов просить вас на коленях: бросьте все эти пошлые недоразумения, все эти пошлые пикировки, обоймите друг друга, задавите все, что разделяет вас, и дайте любви, действительно существующей между вами, поселиться в вас и связать вас так, чтоб вам сделалось уже невозможным развязаться.

Константин, я прошу тебя, не сердись на меня; не думай, чтоб я хотел овладеть и уничтожить права твои на любовь и на доверенность твоих сестер; во мне никогда не было этой черной мысли; нет, Константин, напротив я желаю, жажду вашего крепкого соединения. Поговорите друг с другом откровенно и, если можно, устройте так, чтоб Александрина на месяц приехала в Прямухино; это будет действительное благодеяние и для нее, и для сестер моих. У меня есть для вас 50 руб. асс., подумайте хорошенько, разберите все подробно и добросовестно свободным сердцем, а не сердцем, сдавленным недоразумениями и неудовольствиями, отвечайте мне запискою.

Боткин скажет вам, куда адресовать письмо ваше.

Ваш М. Б[акунин].

№ 324. — Реестр книг, посланных с Егором.

[Май 1839 года.]

1. Немецкие лексиконы 2
2. Lois de Manou. 1
3. Religions de l'antiquité, trad[uction] fran[çaise] 2
4. Hegel: Einleit[ung], 1, 3, 4, 5, 8, 11, 12, 13, 14, 16 (у П. Я. — 17-я, а у меня: Энциклоп[едия] — 2, 10) . . 11

5. Fichte 3
6. Heeren 7
7. Herder 2
8. Salwador 4
9. Roland le Furieux 6
10. Пров. Бредни * 2
11. Sederholm 1
12. Rotteck ** 1
13. Luden 3
14. Kant. Kritik d[er] rein[en] Vernunft. 1
15. Kant. Kritik d[er] practischen Vernunft 1
16. Kiesewetter. Logik 1
17. Krug *** 3
18. Kreuzer 3
19. Повести 6
20. Reinhold 1
21. Oken 1
22. Schelling 2
23. J. Paul 1
24. Евангелие 1
25. Библия 1

Из папенькиных книг:

26. Locke 4
27. De l'esprit 2
28. Philos[ophie] du bon sens. 3
29. Connais[sance] analytique de l'homme 1
30. Алкоран 2
31. Calcul differ[entiel] Lacroix 1
32. Эккартсгаузен 2
33. Des erreurs et de la vérité 2
34. Grammaire anglaise 1

---

* Корнилов читает первое слово по-русски «Прав», а второе почему-то по-французски «Spedan» — несуществующее слово, тогда как ясно, что речь идет о «Провинциальных Бреднях» Дормидонта Прутикова. Вообще при чтении этого списка А. Корнилов не оказался на высоте.

** У Корнилова напечатано: «Notteck».

*** У Корнилова: «Kury».

№ 325. — Письмо сестре Варваре.

[Июнь 1839 года. Прямухино.]

Милый друг! Будь тверда, не позабывай бога, ищи в нем разрешений всех противоречий, всех трудностей твоей жизни, твоей судьбы, и он никогда не оставит тебя, наполнит тебя духом своим, тем духом, который становит человека выше всех бурь, всех непогод жизни. Мы не позабываем тебя, ты навсегда запечатлена в душах наших. Наша любовь вся, без раздела и без границ принадлежит тебе. Да, друг, если любовь наша — необходимое условие твоего счастья, то ты должна быть счастлива, несмотря на все свои несчастия, потому что любовь наша к тебе неограниченна. Мы скоро увидимся, да, я верю нашему скорому свиданию, соединению. Мы работаем, Варинька, сильно работаем. И ты скоро к нам приедешь.

Прощай, друг.

Поцелуй Сашу.

Твой М. Бакунин.

Таничка и Саша дуры — не верь тому, что они вследствие этого напишут.

№ 326. — Письмо сестре Варваре.

[Июнь 1839 года. Прямухино.]

Милая Варинька, я давно не писал тебе, но ведь ты ничего не заключаешь из моего молчания, ты знаешь, что и как я люблю тебя. Все это время я был полон мыслью о тебе. Недели через четыре поеду в Петербург для того, чтобы хлопотать о тебе; приведу в движение всю свою теоретическую и практическую деятельность для того, чтобы успеть, и я верю, Варинька, что я успею, что ты скоро приедешь к нам свободная, сильная, счастливая, да, Варинька, счастливая, потому что счастие не есть отвлеченное состояние беспрерывных радостей, но живое, проникнутое благодатью сознание жизни, принимающее в себя все — и радость, и горе, и наслаждения, и страдания, — и все переделывающее в

себе, все превращающее в существо свое. Другого счастья я не желаю; я говорю, как Faust *:

И что всем смертным выпало на долю,
Я сам в себе желаю пережить.
Восторги, скорбь, все, чем трепещут люди,
Я накоплю в своей дрожащей груди.

Но не для того, чтобы вместе с человечеством потерпеть крушенье, как хотел Фауст, ибо оно само крушенья не потерпит, а пойдет навстречу вечному и все глубже воспринимаемому откровению **.

Варинька, ты верно также не желаешь другого счастья; ты сама испытала, как необходимы для счастья всевозможные отрицания, без которых жизнь превращается в пустое, мертвое прозябание. А источник и достижение этого единственного счастья лежит в глубине каждого человека. Танюша, кажется, уже постаралась вывесть тебя из сладкого заблуждения насчет наших семейных обстоятельств; все то же, только в других формах и с более ограниченными претензиями. Нет, Варинька, в мехи старые нельзя налить вина нового. Здесь не частные недоразумения, но всеобщая несообразность и противоположность мыслей, чувств, намерений, желаний. Даже и в твоем деле они уступают по необходимости, не свободно, не из убеждения, не оттого, что любовь открыла им глаза. Любовь их — слепая любовь, в ней нет мысли, нет откровения; все, что составляет ее, можно пересчитать по пальцам. Это — странное смешение обязанности, страсти, приличий и естественной привязанности. Ты напиши им письмо, где б они совершенно ясно увидели, что ты не приедешь иначе как совершенно свободная; но сделай это поумнее и понежнее, чтобы они не догадались, что ты пишешь под влиянием наших писем; покажи им, что ты уверена в том, что они уже давно хлопочут о твоем деле, и что ты потому надеешься скоро увидеться с ними, и т. д.

Получила ли ты деньги от Мордвинова, которому папенька поручил переслать их тебе?

Напиши обо всем, о своих предположениях. [А. П.] Ефремов едет за границу, он непременно с тобой увидится. Поцелуй Сашу.

Твой М. Бакунин.

---

* Отсюда по-немецки в оригинале.

** Дальше снова по-русски в оригинале.

№ 327. — Письмо сестрам Татьяне и Александре.

[Июнь 1839 года. Прямухино.]

Милые Танюша и Саша! Спешу писать к вам, потому что сейчас едут в город. К Клюшникову * я написал, и потому скажите маменьке, чтоб она послала только к нему Егора **, который знает его квартиру, и попросила бы через Егора приехать к ней; он это вероятно и без приглашения сделает, но с приглашением все вернее. У нас все благополучно, все по-старому, братья приехали. Напишите мне хоть одно письмо из Москвы, что вы и как вы, да на возвратном пути привезите с собой Анну Петровну ***.

Поцелуйте у маменьки ручку, а также и у тетеньки Татьяны Михайловны ****, о Прасковье Михайловне ***** ничего не знаем. Которая из кузин больна и лучше ли ей? Возьмите у них «Aus meinem Leben» Göthe ****** да попросите у Лангера, чтоб он взял у [В. П.] Боткина 6 частей «Wilhelm Meister» *******.

Прощайте, сестрицы, будьте умны.

Ваш друг и брат

М. Бакунин.

№ 328. — Письмо Наталье Беер.

[Первая половина июля 1839 года. Прямухино.]

Дорогой друг, не знаю, как я умудрился схватить проклятый флюс, который почти совершенно вывел меня из строя. В продолжение целой недели я принужден был сохранять полнейшее бездействие. Теперь я начинаю мало-по-малу воскресать и возобновлять свои занятия, столь необходимые для моего морального и даже физического здоровья. Скоро я выеду в Петербург: моли-

---

* Петр Петрович, врач.

** Крепостной человек Бакуниных.

*** Ушакову.

**** Полторацкая.

***** Нилова.

****** «Из моей жизни» Гёте.

******* «Вильгельм Мейстер», роман Гёте.

тесь за меня и особенно за успех моего дела *. Вы переживаете важную эпоху Вашей жизни, милая Наталия, эпоху, в которой для Вас становятся действительными те глубокие истины, которые Вы часто выговаривали, но не довольно чувствовали и любили, для того, чтобы осуществить их в себе. Ваши письма дышат такою тихою, кроткою любовью, такою горячею покорностью воле провидения. Да, Наталия, отрицания беспрестанно встречаются в жизни,— всякое положительное благо покупается ценою отрицаний. Человек только тогда может вполне сознать и осуществить в себе величие человека, когда он испытал на себе всю тяжесть и всю безграничность человеческого; только тогда знает он действительное счастие, когда счастие его уже выпило всю горькую чашу несчастия; и вечность дастся ему ценою самого ужасного отрицания, ценою смерти. По силе отрицания, переносимого человеком, узнается его собственная сила и сила его призвания и его прав на жизнь и счастие. Вы не одни в своей пустыне, Natalie, с Вами те, которых Вы любите и которые Вас любят. Они окружают Вас, не обремененные своими индивидуальными призраками, но облеченные светом своей истинной жизни.

До свидания, Natalie.

М. Бакунин.

№ 329. — Письмо сестре Варваре.

[Первая половина июля 1839 года. Прямухино].

МилаяВаринька!

Через неделю я еду в Петербург хлопотать о твоем деле; употреблю все свои внутренние и внешние средства для того, чтоб освободить тебя, а там, друг, и я полечу туда, где найду осуществление моей до сих пор недействительной жизни.

Со времени твоего отъезда до сих пор много переменилось в нас и вне нас. Для меня это было тяжелое время, время испытания, борьбы, из которой я, слава богу, выплыл здоров, силен и весел; я чувствую, что во мне осуществилось премудрое изречение Фауста, которое я повторял так часто в прошедшем году:

Nur der verdient die Freiheit, wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss **.

* До сих пор по-французски в оригинале. Отсюда по-русски.
** «Что тот свободы с жизнью лишь достоин,
Кто ежедневно должен их стяжать».

Пора, пора мне ехать, мне тяжело бы было еще оставаться здесь; мне надо знания, в нем — единственное совершение моей жизни, всех моих стремлений, потребностей. В нем — мое крещение от воды и духа. Варинька, много пережил я в это короткое время, я лучше узнал себя — и худого и хорошего. Я знаю, чем я болен, и знаю, чем мне надо лечиться. Мы скоро увидимся с тобою, и если я буду только в состоянии говорить о себе, то я тебе много расскажу, и ты вместе со мной порадуешься, что я так счастливо выплыл на чистую воду. Не смейся над моим таинственным и трагическим тоном; я думаю, что это — действие флюса, который сел без спроса на мою правую щеку и в продолжение трех дней не дает мне заняться ничем дельным, так что голова пуста.

Ради неба дай понять родителям самым нежным и самым почтительным образом, что ты не вернешься до тех пор, пока не станешь совершенно свободна. Рассчитывай на меня, дорогой друг, я сделаю все возможное для того, чтобы увидеть тебя свободною *.

Но главное верь, верь и молись, друг; старайся привязать душу свою к тому, что не проходит. Только в вечном — истинная опора и истинное счастие человека. Все же остальное проходит, изменяется, и горе тому, кто живет в преходящем.

Прощай, друг.

Твой М. Бакунин.

№ 330. — Письмо сестрам.

1839 [год]. 21-го июля, середа, вечер. Ск.-Петербург.

Вот я и в Петербурге, милые друзья! Вы не можете вообразить себе, какое тяжелое впечатление он произвел на меня. Я долго не мог отыскать в нем самого себя. Наконец это тяжелое чувство преобразилось в глубокую грусть, и в грусти этой отозвалась радость о том, что я — человек и что как человек я ношу в груди своей весь тот бесконечный мир, в осуществлении которого в себе и вне себя я ищу своего счастия, полного осуществления своей жизни. Да, друзья, пять дней пребывания в Петербурге удостоверили меня более, чем что-нибудь другое, что религиозное

* Этот абзац по-французски в оригинале.

стремление и знание как венец его заключают в себе весь мой внутренний мир, что внешний мир ограничивается моими *святыми* отношениями с вами и что эти два мира неразлучны. Когда я *действительно* пребываю между вас, тогда я и в себе, и когда я действительно в себе, тогда я и с вами.

22-го июля, утро.

Не правда ли, я говорю, что вечер погружает всегда в чувствительно-фантастическое расположение духа? Если б я не прервал своей иеремиады вчера вечером, то письмо мое верно привело бы вас в восторг. Не так-то было. Лишь только я заметил, что чувствительность овладевает мною, я и перестал писать, а теперь, когда рассудок взял верх, могу дать полную свободу перу своему. Я правду говорил, что в Петербурге во мне возобновится способность и охота писать письма; да, милые девочки, Танюша, Ксандра * и Александра **, мне непременно должно быть вдали от вас для того, чтобы вполне ощущать, как я люблю вас и как мне необходимы любовь и участие ваши. Месячное пребывание в Петербурге будет для меня во многих отношениях очень полезно. Нигде нельзя так хорошо узнать себя и различие себя от другого, как здесь.

Не думайте однакоже, чтоб я провел все эти пять дней в чувствительных рефлексиях в себя. Нет, они приходили сами собой, я же, несмотря на довольно запутанное состояние духа, занимался действительными интересами, притащившими меня в Петербург. Во-первых я остановился у Сергея Муравьева ***, которого встретил случайно в самый день моего прибытия, и у Сергея виделся уже с Катенькой Менгдель **** и с Варинькой Муравьевой. Александру Федоровну увижу сегодня в Царском Селе, куда поеду на (зачеркнуто: железной машине) паровозе. Потом виделся с братом Николаем, который стоит под Петергофом в лагерях с учебными заведениями и который недели через две возвратится в Петербург.

Потом познакомился через Катеньку с Леонтием Васильевичем *Дупельтом* *****, который очень радушно приглашал

* Сестра Бакунина — Александра.

** Александра Беер.

*** Сергей Николаевич Муравьев.

**** Так в оригинале вместо Менгден.

***** Так в оригинале. Речь идет о Л. В. Дубельте [1].

меня к себе; вчера познакомился с Краевским *, у которого буду обедать послезавтра, т. е. понедельник, и с которым наши литературные дела повидимому сладятся; отыскал Савельева, Ефимовича ** etc., был у Александра Николаевича Мордвинова ***, который не унывает и принял меня очень радушно. Был также у Николая Назаровича Муравьева ****, принявшего меня с открытыми объятиями и пригласившего меня ездить к нему чаще, но, увы, кузины мои все разъехались, он — один, и потому я у него более не буду. У Львовых *****, у Михаила и Андрея Николаевича Муравьевых ****** буду на будущей неделе. Хорошее начало обещает хорошее окончание, и потому я сильно надеюсь.

Вот вам, милые друзья, краткое описание моей петербургской жизни. Что же вы поделываете в Москве, что делается с тобой, милая Ксандра? Ради бога, не увлекайтесь фантазиею. Поверь мне, друг, счастие и достоинство человека — в реальной духовности, в духовности, имеющей в себе свое определенно-бесконечное содержание и сознающей это содержание. Неопределенная бесконечность есть стремление, порывание, а не достижение; неопределенная бесконечность есть несовершившаяся духовность, дух ищущий, но не находящий самого себя, стремление к любви, а не любовь. Кто любит, тот имеет в любви своей незыблемую основу. Alexandrine, ты счастлива, если ты действительно любишь, потому что любовь есть все — и начало и венец жизни; нет глубины глубже и нет высоты выше любви; в любви — разрешение всякой тайны, всякого противоречия, любовь есть откровение таинства жизни, совершение религиозного стремления для того, кто любит; любовь есть преображение человека, возрождение его для нового неба и для новой земли. Alexandrine, ты понимаешь, что̀ такое любовь, и потому ради бога не обманывай саму себя и других, если ты еще не так любишь, как ты можешь любить. Если в любви твоей сосредоточилось все бытие твое, все интересы, все стремления твоей жизни

---

* Андрей Александрович [2].

** Товарищи М. Бакунина по Артиллерийскому училищу.

*** См. т. I (именной указатель).

**** Тоже.

***** Тоже.

****** Тоже.—М. Н. Муравьев (будущий виленский и вешатель) был тогда тов. министра уделов.

и если все это нашло полное осуществление разрешения в твоей любви к богу, то тогда с богом ступай под венец; потому что брак, действительный, безусловный, а не фантастический и не произвольный брак есть действительное осуществление любви. Но вспомни, друг, что чем святее таинство любви, тем преступнее произвольное, фантастическое обхождение с ним [3].

Пишите мне скорее, друзья, пишите обо всем более, подробнее.

Вот мой новый адрес: у Харламова моста в доме Ерса. Сергею Николаевичу Муравьеву, pour remettre à M-r M. Bacounine.

Что поделываете вы, милые братцы, что ваши экзамены? А я, Паша, уже два дня занимался по-гречески [4]. Скажите папеньке и маменьке, что я на-днях буду писать им. Скажите маменьке, что доверенность необходима для того, чтобы я мог исполнить ее поручение.

Ваш М. Бакунин.

№ 331. — Письмо сестрам.

[Середина сентября 1839 года. С.-Петербург.]

Спасибо, дорогие друзья, тысячу раз спасибо за ваши письма: они доставили мне много радости *. Не бойтесь, девочки, я никогда не оставлю вас; для меня это невозможно: жизнь моя не богата внешними происшествиями, и ваша дружба, минуты, пережитые с вами, всегда будут составлять мою драгоценнейшую собственность, с которой я никогда не расстанусь. Вы уж почти прощаетесь со мной, а я сбираюсь провести с вами почти целую зиму.

Письмо папеньки поставило меня снова в несколько затруднительное, тяжелое положение, тем более что, противореча его воле, его желаниям, я уже не думаю, как прежде, что он — худой отец, что он не любит детей своих, и что он жертвует ими для внешней пользы. Нет, я глубоко уважаю и люблю его; папенька — святой человек, и мне грустно, очень грустно, что он решительно не понимает меня. Не понимает, что мое духовное

* Эта фраза по-французски в оригинале.

стремление — не призрак, не суета, но самая святая существенная сторона моей жизни. Мне грустно, что он не хочет благословить моего стремления, и вместе с тем мне невозможно повиноваться желаниям его: отказавшись от единственной цели своей жизни, я бы сделал святотатство, я бы оторвался от своего человеческого достоинства, от того, что составляет единственное значение моей жизни. Я никогда не изменю внутреннему голосу души своей и знаю, что если люди не дают мне благословения своего, то божие благословение — надо мною. Да, милые друзья, этот внутренний голос все громче и громче говорит во мне, и в повиновении ему состоит все счастие и вся слава моя. Я не хочу другого счастия и другой жизни. Ваша дружба и беспрерывное осуществление моей внутренней жизни — вот все, что мне надобно, и потому я ничего не боюсь. Бог и вы не оставите меня, а до остального мне и дела нет.

Впрочем, чем раньше, тем лучше. Ведь вы знаете, что я предвидел это препятствие; я буду нежен, почтителен и тверд вместе; еще раз повторяю, я глубоко люблю и уважаю папеньку, но мы различно понимаем жизнь, и я не могу жертвовать святою сущностью жизни своей его понятиям. Не бойтесь, девочки, мы еще поживем и поболтаем вместе, и Беровых я также увижу. Напишите им это. Впрочем я думаю, что я им сам напишу. Хотелось бы мне поспеть в Прямухино, но не знаю, можно ли будет; жалко мне будет расставаться с своей милой комнаткой, а нечего делать: надо уметь покоряться необходимости. Если вы поедете в Тверь прежде моего приезда, то возьмите все мои книги, картинки, мальчика на веревке, уложите их хорошенько и возьмите с собою в Тверь. Что касается интересующего всех нас дела, будьте покойны и верьте в силу и божественную любовь, которая устроит все к лучшему *; больше я ничего не могу сказать вам.

Не думайте, милые друзья, чтобы я советовал вам оторваться и бросить святую внутренность вашей жизни. Я не мог бы дать такого совета, потому что для меня жизнь имеет смысл лишь постольку, поскольку она освящена серьезным и постоянным стремлением к богу **. Вне этого стремления и вне этой жизни в боге и для бога человеческая жизнь становится такою дрянью, о которой и хлопотать нечего. Нет, милые друзья, ни-

---

* Эта фраза по-французски в оригинале.
** Тоже.

когда не изменяйте себе, не расставайтесь никогда с тем, что составляет сущность, действительность вашей жизни. Но вместе с тем поймите хорошенько, что ваша жизнь должна быть женственною жизнью.

(Продолжения нет.)

№ 332. — Письмо сестрам.

[Середина сентября 1839 года.]
Петербург.

Милые друзья, скоро возвращусь я к вам; вы не знаете, как эта мысль радует меня. Вот уже два месяца, как мы не видались, не говорили друг с другом; давно не разлучались мы на такое продолжительное время, и я думаю, что ни одна из прошедших разлук наших не имела столь решительного влияния на нашу взаимную жизнь, как эта.

В этот год многое должно решиться для нас. Ты, милая Alexandrine, ты готовишься к важному, к важнейшему шагу в жизни женщины; ты видишь, я молчал все это время, молчал для того, чтобы не стеснять твоего свободного решения, которое в таком великом, святом деле должно вытекать изо всей полноты духа, которое должно быть здоровым, сильным решением, основанным на нераздельном, сильном убеждении. Если твоя любовь к [В. П.] Боткину действительна, если ты нашла в ней осуществление всей своей внутренней жизни, совершение всех твоих стремлений, надежд, верований, всей святой сущности твоей жизни, если любовь эта открыла тебе всю важность и святость обязанности жены и матери и если она сказала тебе, что для счастия твоего необходимо быть именно женою Боткина и матерью детей его, если все это стало в тебе здоровым, сильным убеждением, решайся без всякой боязни. Боткин тебя действительно любит, в этом нет никакого сомнения. Душа его — глубокая, святая душа, жаждущая любви и способная к любви. Дай бог, чтобы вы были счастливы, — вот все, что мне остается сказать. Если ты любишь, Alexandrine, то любовь твоя должна была освободить тебя от твоей прежней болезненной рефлексии. О, милые друзья, бойтесь рефлексии, не давайте воли этим сухим, бездейственным рассуждениям о себе; они бывают губительны для мужчины, для женщины же они — яд, разрушающий весь

духовный организм и лишающий его той прекрасной, вечно юной жизни, которая составляет его истинное, действительное проявление. Действие, die That — вот единственое осуществление жизни.

Было время, когда я отвергал всякую обязанность, и я был прав с одной стороны: в обязанности, не имеющей другого основания кроме холодного долга, нет истины, потому что такая обязанность есть принуждение рабства, отрицание бесконечной внутренности духа; любовь есть сущность, начало и конец жизни. Но любовь, остающаяся при одной внутренности духа, при одной возможности без всякой действительности, такая любовь есть прекраснодушная любовь; в ней также нет истины, потому что истина есть вместе и действительность. И потому с другой стороны я был совершенно неправ, я грешил против истины, отвергая обязанности. Эта ошибка была необходима в нашем семейном развитии, но не менее того она была ошибкою. Женщине доступна вся полнота истины точно так же, как и мужчине. Она точно так же, как и мужчина, не имеет другой цели кроме абсолютной истины, в которой — единственное достоинство и блаженство человека. Но мужчина кроме семейной жизни имеет еще и другую область осуществления своей внутренней жизни в истине: гражданственность, государство. Женщина же в практической жизни своей ограничена только одним семейством, и потому, оторвавшись от семейства, она лишается единственной области для осуществления своей внутренней жизни и обрекает себя страданиям прекраснодушного и грешного вникания в себя.

Да, друзья, назначение женщины быть гением-хранителем семейной жизни есть великое, святое назначение, не уступающее в величии, в бесконечности содержания ни[ка]ким деятельностям мужского пола. Удел мужчины есть сила и отвлеченная мысль, женщине же предоставлена красота и полное конкретное чувство. Из этого не следует, чтобы чувство было недоступно для мужчины или чтобы мысль была недоступна для женщины. Нет, мысль существует для женщины точно так же, как и для мужчины, но не отвлеченная, не холодная мысль, но мысль, проникнутая всею бесконечностью, всею роскошною полнотою нераздельного единого чувства. Отвлечение есть во всяком случае ложь, потому что истина — не в отвлечении, но оно необходимо в развитии мужчины, отвлечение от всего сущего, отвлечение, доведенное до совершенной крайности, необходимо для полноты его развития; и потому в самой отвлеченной, сухой

борьбе, в самом грешном отпадении от святых, нравственных законов жизни мужчина может сохранить свое человеческое сознание, свою формальную (хотя и пустую) самостоятельность. Для женщины также возможна борьба, она даже необходима в ее развитии, но этой борьбе есть предел, граница: женственность, перейдя за которую женщина перестает быть женщиной. Правда, есть примеры глубокого падения женщины, и к несчастью эти примеры у нас очень, очень часты. Правда и то, что нет такого падения, для которого не было бы восстания, которое бы делало невозможным совершенное восстановление первобытной, утраченной чистоты. Христианство есть религия для грешников, оно есть великое таинство искупления от греха и смерти, и Мария Магдалина есть залог спасения для всякой падшей женщины. Но это спасение не иначе возможно, как через сознание своего падения и через возвращение к святым законам действительной женственности.

14-го сентября, вечером.

Милые девочки, я так давно не говорил ни слова с вами, а я вас так горячо люблю, милые девочки, ваша любовь так необходима для моего счастия, что мне тяжело, очень тяжело было молчать; несколько раз хотел я прервать это молчание, но какая-то сила мешала мне говорить, мне нужно было высказать что-то, и вместе с этим мысли мои были в таком странном хаосе, что я никак не мог выразить их. Теперь слава богу я вырвался из этого мучительного хаоса, для меня начался новый решительный период деятельной жизни, и я опять могу говорить с вами. Да, милые девочки, любовь моя к вам никогда не умрет, она всегда будет живою любовью, и до тех пор, пока вы будете иметь в ней потребность, до тех пор вы всегда будете находить в ней всего меня, со всем, что я могу сделать для вашего счастия. Да, друзья, вы и Наталия и Alexandrine *, вы теперь — мои единственные друзья; у меня нет других; в вас одних нашел я все, чего только искал; все же остальное было призрак, обман; но об этом довольно; продолжая, я мог бы попасть в старые иеремиады, а они мне надоели, я навсегда распростился с ними; не жаловаться, а действовать и жить надобно.

* Сестры Н. и А. Беер.

Любовь есть таинство, и женщина есть жрица этого таинства, жрица, открывающая его как дочь, как сестра, как жена и как мать. Вот святое назначение женщины: она есть весталка-хранительница священного огня семейной жизни.

16-го сентября, рано утром.

Не знаю, милые девочки, удастся ли мне выразить вам то, что мне давно хотелось вам сказать насчет ложной стороны вашей жизни, ложной стороны, развитию которой я много, очень много способствовал.

Прочтите стихотворение Шиллера «Würde der Frauen», и вы найдете в нем полное определение женщины. Женщина имеет в душе своей полное откровение истины, откровение в конкретном, нравственном чувстве (sittliches Gefühl), которое можно назвать ее духовным инстинктом, и которое должно быть руководителем ее в ее дальнейшем развитии. Это конкретное откровение заменяет в ней отвлеченный путь логического убеждения, которое есть исключительное достояние мужчины и которое невозможно для женщины. Сущность мужского сознания есть отвлеченность: для того, чтобы достигнуть полного развития, полного знания, он должен сначала все утратить в отвлеченной мысли; он не может руководствоваться своим внутренним чувством, гармоническое царство которого должно разрушиться под нивелиром отвлеченности, которой он не должен бояться, потому что в ней же самой заключается зародыш восстановления, возвращения всего утраченного силою логической мысли. Женщина же, презирающая голос своего внутреннего чувства, лишается единственной мерки, единственного средства для познания истины; отбросив свое нравственное чувство, женщина теряет гораздо более, чем мужчина, она теряет все, потому что нравственное чувство женщины гораздо полнее, богаче, чем чувство мужчины. Нравственное чувство женщины есть любовь, воплотившаяся в ее светлой, прекрасной личности, и, расставшись с ним, женщина утрачивает бесконечный и врожденный ей источник любви и истины. Женщина точно так же, как и мужчина, способна к бесконечному развитию, с тою только разницей, что руководителем развития мужчины есть отвлеченная мысль, логический закон, сам на себе основанный и в себе оправдывающийся, руководителем же женщины может быть только врожденная ей сокровищница внутреннего нравственного чувства, принимающего мысль только тог-

да, когда она соответствует его внутреннему содержанию, когда она не более как выговоренное сознание его внутренней, таинственной жизни. Одним словом, разница между мужчиною и женщиною состоит в том, что первый для полного развития своего должен откинуть мерку своего внутреннего чувства; женщина же, напротив, обогащаясь мыслью, познаниями, опытом жизни, никогда не должна удаляться от своего нравственного чувства, которое должно служить ей звездою-путеводительницей в жизни.

Вот что говорит один гегелианец:

«Во всяком случае уделом женщины должно стать более высокое, идеальное образование в области поэзии и религиозного чувства, но в рамках женственности, а этим много сказано и все спасено. Девушка не станет кокетничать перед песнями Гёте и правдивыми образами Шекспира; но покраснеть от стыда она всегда может от одного, как и от другого. Истинная женственность встречает оскорбляющее ее в жизни, равно как в поэзии, она в таком случае замыкается в себе самой, и это неприятие грубой, а также фривольной области и составляет ее подлинную женскую святыню, крепкий оплот нравственности и священное обиталище чистой и исполненной божества жизни. Блажен, кто исходит из нее, блажен, кто со священным чувством смеет приблизиться к ней» *.

Впрочем, если я буду продолжать, то моему письму не будет конца, и я буду должен отложить его до понедельника. А вы уж верно сердитесь на меня за мое молчание. И потому прощайте. Продолжение впредь.

Ваш М. Бакунин.

Напишите мне скорее. Вот мой адрес: Его Благ. Артемию Димитриевичу Раевскому. В Ск.-Петерб. в Шестилавочной, в доме Шаблыкина, pour remettre à M-r Bacounine.

Прощайте, милые девочки.

№ 333. — Письмо сестрам.

[Начало октября 1839 года. Петербург.]

(Сначала идет письмо Николая Бакунина, а затем приписка Мишеля.)

* Вся цитата по-немецки в оригинале.

Милые сестры! Я вам было написал письмо, да и потерял его. Когда найду, тогда и пошлю. Давно не видались мы с вами, милые девочки. Никогда не разлучались мы при таких обстоятельствах и таким образом, как теперь. Я благословляю судьбу, пославшую меня в Петербург, — здешний воздух был для меня лекарством от многих болезней.

А покамест прощайте.

Ваш М. Бакунин.

№ 334. — Письмо брату Павлу.

(11 октября 1839 года.)

Милый Паша! Ты смотри — не брани меня за долгое молчание и не приписывай его лени. Нет, оно так нужно: когда младший брат пишет к старшему, то старший не должен спешить ответом: он должен сперва подождать немного, а потом уж и отвечать; вот я и хочу теперь отвечать тебе. Впрочем это желание также пробудилось во мне совершенно случайно. Брат Николай, который возвратился несколько дней тому назад из Петрозаводска, сидит теперь у меня и перечитывает все письма, полученные мною в Петербурге. Прочел он и твое письмо и расхохотался и назвал тебя глупым; я с ним давай спорить, горячились, горячились и пошли вместе в кондитерскую есть пирожки; ели да и приговаривали: «Пашенька верно таких пирожков в Москве не ест, умен [В. П.] Боткин, правда, а не выдумать ему таких пирожков». Вот мы и возвратились, и я теперь пишу тебе и пишу твоим слогом, что мог заметить из частого употребления слова «вот».

Вот ты теперь и в Москве, милый Пашенька. Слава богу, братья, период вашей тверской жизни кончился. Не браните его, в нем было много пошлого, скучного, неприятного, но вместе с тем в нем было и много прекрасного; в последствии времени вы часто будете вспоминать о нем. Ваша первая юность была гораздо счастливее и полнее моей; вы учились, думали, чувствовали, вы неприметно развивались под благодатным, женственным влиянием наших прекрасных, святых сестер; а я, я провел первые годы своей юности в апатическом сне, я без запаса, без содержания кинут был в пошлое общество; мое пробуждение дорого стоило мне, мне тяжело было очиститься от пошлости, от гадких

привычек, которые и до сих пор иногда посещают меня и разрушают мир души моей.

В продолжение каких-нибудь трех лет жил и боролся я один, без всякого участия, без всякого откровения. Тяжело мне было, братья, но я не жалуюсь на свою судьбу; слава богу, этот период пошлости и борьбы с пошлостью, веры и безверия, мгновенных восторгов и продолжительной апатии кончился для меня. Знаю, во мне есть много худого, мелкого, но во мне есть также и истинная сторона моего существования, полная силы, проникнутая верою, и эта истинная сторона удовлетворит все мои стремления, даст мне ту действительность, которой я жажду, — другой же я не хочу.

Ты не можешь вообразить себе, милый Павлинька, какую огромную пользу принесло мне пребывание в Петербурге; я стал здесь так ровен, во мне пробудилась вся сила старой веры, я крепок, и мне весело, хорошо жить на свете; я не ошибся в своем призвании, и путь, избранный мною, не изменит мне, он обещает мне так много блаженства. Я тысячу раз повторяю свой любимый refrain *: «И познаете истину, и истина освободит вас».

Вот вы теперь и в Москве, милые братцы, и ваша жизнь стала полнее, свободнее. Пусть каждый из вас идет по пути своему, — все пути ведут к одной цели, всякий путь, осуществляющий в себе бесконечное, святое и единственное призвание человека, благословляется небом и ведет к действительному блаженству. А блаженство — цель жизни человека, не минутное, не преходящее, но такое, которое обнимает всю полноту жизни, с ее страданиями, ошибками, падениями и возрождениями. Развивайте волю свою, без воли благодать не действительна; приучайте себя к самообладанию, потому что без самообладания осуществление истины в человеке невозможно; а впрочем старайтесь проникнуть в тайное святилище душ своих и следуйте влечению своего внутреннего *я*, оно вас не обманет. . . . .

Однако, милый Павлинька, я было совсем выбился из твоего слога; вот я и возвратился к нему. Недавно я получил письма от сестер; Танюша, кажется, не верит любви Alexandrine к [В. П.] Боткину; но я не разделяю ее мнения. Правда, что Ксандра — фантастическая девочка, но она слишком глубока для того, чтобы фантазировать там, где для человека начинается осуществление, действительность всего, что есть истинного и свя-

* Припев.

того в жизни; впрочем я в это дело не вмешиваюсь, пусть будет так, как будет. Николинька-офицер * толкает меня в затылок и хочет писать тебе, а я только-что хотел начать описание моей петербургской жизни. Она очень хороша: обращение галантерейное и пирожки хорошие.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

11 октября 1839 г[ода]. Ск.-Петербург.

(Дальше идет приписка брата Николая.)

(Затем приписка Мишеля.)

Зимою приеду к вам, — смотрите, чтоб комната была большая, постель мягкая и угощение хорошее.

Перевод с французского.

№ 335. — Письмо сестрам.

[Конец октября 1839 года. Петербург.]

Дорогие друзья,

Я знаю все, я сейчас получил письмо из Москвы. Будьте тверды, ласковы, почтительны и не бойтесь ничего. Во имя неба не компрометируйте себя и будьте осторожны. А кроме того, милые друзья, бросьте бесплодные рефлексии. Через несколько дней я буду в Прямухине. Я уничтожу это животное-дядю **.

Господь с вами. До свиданья.

М. Бакунин.

Ради бога не допускайте никакой лжи: правда составляет силу мужчины и особенно женщины. Если обстоятельства таковы, что нужно говорить все, говорите все. Нам незачем лгать, предоставим это убогое и жалкое средство спасения тем, чьи дела боятся дневного света. Будьте правдивы, будьте тверды, главное — будьте женщинами.

Через несколько дней я буду у вас. Прощайте, да пребудет с вами милость божия.

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка брата Николая.)

---

* Николай Бакунин, незадолго до этого произведенный в офицеры.

** Полторацкий, Александр Павлович.

№ 336. — Письмо сестре Александре.

[Начало ноября 1839 года. Петербург.]

Милая бука Саша, вчера я сказал Нику * насчет твоего молчания и вчера же вечером получил от тебя умное, милое письмо. Пай-девочка, тебя надо погладить по головке; только вот что нехорошо: Танюша жалуется, что, несмотря на запрещение доктора, ты все-таки себе поешь; и еще бы был голос хороший, как у меня например, а то ведь нет, голос очень нехороший. Тяжело вам, милые девочки, в Твери, да что ж делать? Уйдите поглубже в свой светлый, внутренний мир, огородите его крепкою, монастырскою оградою и не глядите за эту ограду; там гадко, пошло, — а у вас хорошо, светло; только смотрите, оставьте в ней маленькую норку, а то ведь братья приедут, будут долго искать вас, искать, искать, искать и долго будут не находить; наконец Алеша вдруг заметит норку и полезет в нее, за ним Саша и Паша; только вот какая беда случится: у Паши голова так потолстела от философии, что он в норке-то и завязнет, и вам всем придется помогать ему; вот (употребляю любимое и характеристическое выражение Паши) они к вам и придут, и сядут, и станут сказки рассказывать; а я, бедный, останусь здесь один; смотрите же, девочки, не позабывайте меня уж совсем. Немножко можно, уж что ж делать, а совсем не надо. Паше дам я строгую инструкцию, чтоб он крепко смотрел за твоим поведением, чтоб не давал тебе петь, милая бука, во-первых потому, что это вредно твоему здоровью, а во-вторых потому, что это вредно для твоего самолюбия: голос-то у тебя ведь отличнейший. Милая девочка, лечись хорошенько, исполняй точно все приказания доктора, и ты будешь умница и будешь здоровая и милая девочка.

Прощайте, девочки, — все пустое пространство дописано ** другим человеком ***, который посылает вам вееры самой последней пекинской моды, с тем, чтобы вы ездили с ними на балы, в собрание и в разные увеселительные общества,

---

* Брату Николаю.

** Вся приписка заключается в одном слове: «лечитесь».

*** В. П. Боткиным («пекинская мода» — намек на торговлю Боткиных китайским чаем).

но он написал так, что без духовного микроскопа ничего не прочтете.

Прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

(Приписка В. П. Боткина:)

Лечитесь.

№ 337. — Письмо сестрам.

Москва. 18|7| 39.

Милые девочки! Третьего дня вечером получил ваше письмо; хотел было еще вчера отвечать, да был пьян по случаю высокоторжественного праздника *. Знаешь ли, Танюша, письмо твое отзывается волнением после бури; хорошо, что у нас все так тихо кончилось, что вы опять успели найти в папеньке любовь и святое попечение о вас; что ж до меня касается, то я с некоторого времени потерял всякую веру в любовь и святость чувств и намерений отца. Что ж делать, милые девочки, вы знаете, ведь нелегко досталось мне это сознание, вы помните, как долго и мучительно я боролся с предчувствием, предшествовавшим ему. Последняя неделя, проведенная мною в Прямухине, была для меня последнею, тяжелою борьбою. Я видел недобросовестность, неблагородные уловки, штучки, обвинения, выходы и вообще действия отца, слышал, как в обвинениях и оправданиях его за одною ложью следовала другая, нелепейшая и гнуснейшая; да, милые девочки, я еще до сих пор не могу совершенно опомниться от тяжелого впечатления, произведенного на меня всею этою отвратительною комедиею. Нет, сестры, нет истины в отце, — истина, на какой бы степени развития она ни была, проста, свята, тепла и не прибегает к ничтожным уловкам, в нем же нет ни теоретической, ни практической любви. Чем глубже я понимаю и чувствую, что такое истинный отец, на какой бы то степени развития ни было, чем священнее для меня это имя, тем глубже сознаю я, что резонерство, коварство и недостойные хитрости бедного резонерского, сухого и эгоистического рассудка не могут быть моим отцом и не заслуживают имени моего отца.

У меня нет отца, сестры. Мое семейство заключается в вас и в братьях; это семейство потеряло центр свой; Прямухино огади-

* 6 декабря — тезоименитство императора Николая I.

лось и опошлилось тем отсутствием всякой человечности, всего святого, всякой любви, которое составляет начало и конец нашей гнилой патриархальной жизни. Девочки, не дивитесь, что вам до сих пор было душно жить, что вы, рожденные для крепкой и здоровой жизни, больны духом и телом и болезненно стремитесь и рветесь в неопределенное и бесцветное Jenseits *. Человек может свободно дышать только в человеческой сфере; человеческая же атмосфера чиста, свободна, проникнута идеею святого и вечного и благотворно действует своим непосредственным соприкосновением. Милые девочки, вы знаете только одну сторону жизни, только сторону ее идеальности, но не знаете стороны ее действительности, ее непосредственного пребывания, а эта сторона необходима, без нее и первая превращается в болезненный призрак; вас же, бедных девочек моих, издавна давила гадкая, неблагородная, пошлая непосредственность, в которой нет искры человечности.

Да, милые девочки, Прямухино останется для нас всегда священным, но для того, чтобы снова завоевать его, для того, чтобы очистить его от греха и гнилости, нам должно собраться вокруг другого центра, и этим другим центром должен быть дом [В. П.] Боткина и Александрины. Да, милая Саша, я жажду твоего соединения с Боткиным не только потому, что я теперь совершенно удостоверился, что вы рождены друг для друга, но и потому еще, что оно возвратит нам всем, братьям и сестрам, теплую, задушевную родину, семейство, человеческое семейство, проникнутое человеческим достоинством, вечными и святыми интересами духа, одним словом такое семейство, которое будет для нас всех новою землею и новым небом. Я жажду твоего соединения еще и собственно для самого себя, потому что прежде его восстановление моих отношений с отцом — хоть внешних отношений — будет для меня невозможно; и моя поездка в Берлин прежде твоего соединения с Боткиным осуществиться не может.

Девочки, любовь к истине и к вам составляют жизнь мою; жизнь в ней и в вас — вот мое неизменяемое стремление, мое высокое, человеческое назначение; ее осуществление на земле и ваше счастие — вот моя единственная потребность, в удовлетворении которой заключается все мое счастие. Друзья мои, жизнь прекрасна, назначение и продолжение ее бесконечны. Верьте,

* Потусторонний мир.

верьте, любите, все будет хорошо, потому что все должно быть хорошо. Пишите мне обо всем, малейшая утайка с вашей стороны будет для меня глубоким оскорблением. И ты, милая Саша, неужели ты меня навсегда исключила из области твоей собственной, внутренней жизни, неужели ты не скажешь мне ни слова? Пишите мне решительно обо всем, мне все нужно знать. Не бойтесь растравить мои чувства к родителям, я выше этих впечатлений.

Прощайте, милые девочки.

Ваш М. Бакунин.

Когда и как пришлете вы мне мои книги? Пожалуйста так, чтоб они не потерялись. Да пришлите мне мои два письма к отцу, старое и новое, на котором адрес Филиповича.

Саша, милая девочка, напиши мне, в каком положении твое здоровье, лечишься ли ты, и кто и как тебя лечит. Будь умная девочка, пиши мне чаще, рассказывай сказочки, а я буду читать и подсмеиваться над тобой.

Прощай, глупая девочка.

Милая Annette *, благодарю Вас за Вашу приписку, только вперед прошу больше писать, да исполните все мои просьбы.

№ 338. — Письмо сестрам.

14-го декабря [1839 года].
[Москва.]

(Сначала идет письмо Павла Бакунина, а затем приписка Михаила.)

Вы видите, что у Пашеньки ум за разум зашел, и это оттого, что слишком рано попал в философский мир; ведь вы помните, с какою важностью он вам писал против личного бессмертия и уверял, что это убеждение вошло в его Gedankenweise **. Какой тут Gedankenweise! Ему просто хотелось показать, что и он понимает кой-что; а впрочем мальчик очень хороший и добрый; вы его пожалуйста хорошенько поучите уму-разуму.

Прощайте, девочки.

(Подписи нет.)

* Анна Константиновна Ржевская.
** Образ мыслей.

№ 339. — Письмо сестрам.

[Декабрь 1839 года. Москва.]

Милые девочки!

Посылаем вам доктора медицины и хирургии, Петра Петровича Клюшникова. Он прийдет к тебе, Alexandrine, посмотрит и скажет, что такое твоя болезнь. Примите его, девочки, прилично и сделайте так, чтоб и родители приняли его также благосклонно. Прощайте.

(Без подписи.)

(Дальше идет приписка Павла Бакунина.)

№ 340. — Письмо сестрам.

18 $\frac{XII}{16}$ 39. Москва

Милые девочки, вот вам и музыка, положенная для фортепьян по моей и В. П. * просьбе Ив. Ив. Белибиным. Музыка очень хорошая, только, так как она следует в квинтете за ужасным шумом всех пяти инструментов, то Ив. Ив. просит вас, чтоб вы сначала пошумели на фортепьянах, а потом уже и сыграли ее с надлежащею важностью. В самом деле музыка чудесная, настоящая молитва, и нам непременно хотелось, чтобы вы ее также послушали. Вот видите ли, милые девочки, когда гадкая тверская внешность уж слишком наляжет на вас, и вам станет на душе тяжело, то сыграйте ее, и все смутное оставит вас, и вам станет опять легко.

Братья могут быть отпущены будущий вторник, т.-е. 19 сего месяца, и ждут только денег; расположена ли маменька наделить их оными?

Милые девочки, пишите чаще и подробнее обо всем, внутри и вне вас происходящем. Вы видите, как я сам победил свою леность; мне так нужно знать обо всем, что с вами делается, а вы, глупые, загордились и молчите. Бог вам судья, девочки.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

(Приписка В. П. Боткина:)

А. А. **, лечитесь и берегите себя.

---

* Василий Петрович Боткин.

** Александра Александровна (Бакунина).

№ 341. — Письмо сестрам.

[Декабрь 1839 года. Москва.]

Милые девочки, спасибо вам за присылку книг, которые я получил в исправности вчера после обеда. А сегодня получил ваше письмо от Петра Петровича *, который забежал к нам вчера, но не застал нас дома. Он приедет к нам обедать и будет нам рассказывать о вашем житье-бытье. Милые девочки, вам теперь должно быть хорошо, очень хорошо; пишите же мне чаще. Вы не знаете, какая отрада для меня ваши письма. Мне часто бывает здесь очень тяжело — я только с вами и в вас совершенно дома. Для меня и для моей внешней судьбы настал теперь кризис. Папенька должен дать мне средства быть в Берлине, а мне немного нужно. Ехать за границу стало для меня более, чем когда-нибудь, внутреннею и внешнею необходимостью. Для достижения этой цели я готов в будущем отказаться от всякого вспомоществования со стороны отца. Там мое внешнее существование будет уже моим делом. Покамест же буду ждать у моря погоды.

Прощайте же, девочки.

Ваш М. Бакунин.

Паша, не позабудь, что ты обещал мне написать много, много. Скажи что-нибудь о Шпилевском, о Будревиче; расскажи мне все, что говорит папенька. Rechts-Philosoph[ie] ** пошлю тебе во вторник.

М. Б[акунин].

№ 342. — Письмо сестрам.

[Декабрь 1839 года. Москва.]

Милые девочки, хорошие вы письма пишете, говоря слогом Паши, — их очень весело читать и поучительно вместе; я заключаю последнее из того, что В. П. *** никогда не довольствуется одним чтением, но перечитывает их по несколько раз.

---

* Клюшникова.

** «Философию права».

*** Василий Петрович Боткин.

И рад бы дать тебе какую-нибудь работу, милая Таничка, да не знаю, какую именно. Белье стирать? Нельзя, боюсь, что простудишься. Итак, милая девочка, оставайся лучше без работы, а если ты непременно хочешь вознаградить меня за мои великие подвиги, то дай мне только почувствовать, что я не перестал быть для тебя необходимым, и с меня будет довольно; большего вознаграждения мне не нужно.

Вы ничего мне не пишете о папеньке и маменьке, глупые девочки, а мне нужно было бы знать, как и что они говорят про меня. Вы, может быть, боитесь, чтоб я еще больше не отдалился от них; но это невозможно, потому что я дошел до nec plus ultra * отдаления и отчуждения; теперь для меня возможно только сближение, но и то не иначе как при двух условиях: во-первых они должны скорее согласиться на соединение Alex[andrine] с Б. **, а во-вторых должны дать мне денег для поездки в Берлин; любви же и участия я не требую, потому что не считаю их способными ни к тому, ни к другому. Презрение — вот мое единственное чувство к ним; всякое другое вырвано ими самими с корнем вон. Жду с нетерпением братьев, потому что присутствие их, и особенно Паши, — для меня великая отрада, а во-вторых и для того, чтобы начать переписку с отцом.

4-го генваря мы отправляемся вместе с [В. П.] Б[откиным] в путь. В Мценске мы расстанемся, я поеду в Шашкино, он же в Харьков. Что вам сказать про него? Он — человек хороший, добрый, умный, но иногда дает слишком много воли своему чувству, которое городит ему в наказание, бог знает, какой вздор. Ты, Саша, умная, перстала быть фантастическою девочкою и можешь держать экзамен на доктора философии, и потому вся надежда на тебя, ты соединишь свою сильную и светлую мысль с его бесконечным и глупым чувством, и из этого соединения выйдет нечто хорошее.

Милые девочки, читайте Страуса, любите его, но не совсем верьте ему; сколько я могу судить, то мне кажется, что он находится в моменте Werden *** и что в нем все преобладает еще отрицательная деятельность рассудка, за которою положитель-

* До крайней степени.

** Предполагавшийся брак Александры Бакуниной с В. П. Боткиным.

*** Формирования, выработки (речь идет о Штраусе).

ный, разумный результат виднеется как заря будущего солнца.

Благодарю Вас, милая Annette *, за совет Ваш. Гадать, о чем гадать? Я уж все наперед знаю. Берлин — вот моя суженая, а вы знаете, что суженую и конем не объедешь.

Посылаю тебе, милый Паша, Philosophie des Rechts **, виноват, что не послал во вторник. Кстати, между моими книгами вы прислали мне один том Hist. de Gibbon ***; я было хотел отослать вам его обратно, но потом отложил и хочу просить вас, чтоб вы прислали мне с братьями всего Гибона; право можно, девочки, ведь Мих[аил] Павлович **** не будет читать его, а мне он нужен.

Мы встретим новый год у В. П. [Боткина] квинтетом. 1840-й год должен начать для всех нас новую, прекрасную и деятельную жизнь.

Прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

№ 343. — Письмо сестрам.

[Декабрь 1839 года. Москва.]

Милые девочки! Вчера я был не в очень хорошем расположении духа и потому написал довольно глупое письмо; и так как во мне самолюбие ужасное и мне не хотелось бы, чтобы вы меня считали за глупого мальчика, то я и решился написать сегодня другое, назначение которого будет состоять в опровержении глупого содержания вчерашнего письма.

С чего же я начну? Вас верно испугало слово презрение, употребленное мною в отношении к родителям; но вы не верьте этому презрению, милые девочки, это — не презренье, а просто какая-то мучительная, хроническая болезнь, которую я сильно чувствую всякий раз, как я подумаю о родителях, а особливо о папеньке. Мне больно, тяжело, невыносимо видеть, как этот старик, призванный природою своею, искрою божиею, пребывающею в нем, к добру, к истинной, святой жизни, мне грустно ви-

---

* Ржевская.

** «Философия права» (Гегеля).

*** «История упадка и разрушения римской империи» Эдуарда Гиббона (на английском языке; есть и русский перевод).

**** Полторацкий.

деть, как он беспрестанно изменяет своему назначению, священному характеру отца семейства и человека вообще. Эти беспрестанные обманы, хитрости, в которых он теперь так сильно погряз, лишают его и спокойствия и счастия, высшего человеческого счастия. Я не могу задавить, искоренить из себя, если не любви и уважения к нему, то по крайней мере сильной потребности любить и уважать его; а он отнимает у меня всякую возможность осуществить эту глубокую потребность. Но во мне вера сильна, она никогда не потухает во мне, и я верю, и я убежден, что согласие на соединение Alex[andrine] с Боткиным будет его спасеньем, будет тем решительным шагом, который, оторвав его от всех этих гадких мелочей, от всех мелких интересов, подавляющих в нем теперь истинного человека, перенесет его в область святой, действительно человеческой жизни. Я верю, что оно возвратит ему и чувство его человеческого достоинства, и бесконечное блаженство бесконечной, действительной любви, и веру в жизнь, которую он теперь совершенно утратил. Да, друзья, будем ожидать этого чуда, оно необходимо для спасения нашего бедного старика, будем верить, что после долгой, мучительной борьбы, до тла разрушившей гармонию нашей семейной жизни, мы опять завоюем ее и увидим наконец осуществление того, чего мы так долго ждали; мое предчувствие не обманывает меня, это время близко, я снова увижу вас счастливыми и тогда уеду в Берлин, оставив с вами Вариньку и Сашу *.

Прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка В. П. Боткина).

№ 344. — Письмо сестрам.

[Двадцатые числа декабря 1839 года. Москва.]

Милые девочки, благодарю вас за ваши хорошие и умные письма; теперь вам будет хорошо в Твери, — братья приедут к вам сегодня в часа два или три утра, и ваша маленькая колония расширится; смотрите ж, девочки, не позабывайте меня и пишите чаще.

Не получали ли вы нового письма от Вариньки? Я все сбираюсь писать ей, но не знаю, как и куда; пришлите мне ее адрес.

---

* Сын Варвары.

Книг я еще не получил, но надеюсь, что получу в исправности.

Прощайте, милые девочки, сегодня что-то не хочется писать.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка В. П. Боткина:

Когда на душе светло, всякая встреча для нас добрый гость, не правда ли? И я могу надеяться, что Вы ласково примете несколько слов от меня, добрая Татьяна Александровна, теперь, когда братья наконец с вами. Книги и ноты посланы Вам были, а А[лександра] А[лександровна] стала такая важная, что все принимает к себе. Я Вас так ясно вижу теперь перед собою, только Вы все что-то недоверчиво смотрите на меня. Зачем так?)

(Отсюда снова рукой Мишеля).

Вот какую важную штуку выкинул. Ему досадно, что он хитрит, и что ты как умная девочка не поддаешься на его хитрости; вообрази себе, что несколько дней тому назад он меня самым бессовестным образом уверял, что ему обидно, что ты не хочешь принять посланные книги и ноты также и на свой счет. Мое дело — сторона, но я не могу не радоваться, что ты — умная рыбка и не попадаешься на крючок; кроме этого он стал больно болтлив, иногда так разболтается, что уши вянут; особливо любит говорить о своем глубоком знаньи сердца человеческого вообще и одного всем нам знакомого сердца в особенности; а впрочем он—добрый малый, остроты и проницательности бог не дал ему, но зато д а л с е р д ц е д о б р о е, в о т ч е м о н л ю д я м м и л.

Прощайте, девочки, и не давайтесь в обман, особливо когда он сшит белыми нитками. Паша, я поручаю тебе изобличить В[асилия] П[етровича] [Боткина] в коварстве и глупости, это будет тебе очень легко, потому что фактов тьма.

Пишите скорее.

(Дальше снова приписка В. П. Боткина:

Я очень рад, что дал Мишелю повод сказать еще Вам несколько слов. К словам из «Горе от ума», которые я подчеркнул, следовало бы еще прибавить на свой счет следующий стих: «соврут — простят». Но я уже прибавляю за него.)

(Отсюда снова рукою Мишеля).

По крайней мере в нем есть признание. Когда он прочел мое описание его подвигов, то в первом жару схватил перо для того, чтобы уверить вас, что все это ложь, гнусная клевета и совсем неправдоподобно; но не сумел и теперь бьет себя в лысую голову

и рвет последние немногочисленные волосы; бедный, жалкий человек!

(Дальше снова приписка В. П. Боткина:

Признаюсь, после таких со стороны Михайла Александровича поступков я ничего не нахожу сказать кроме одного: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.)

(Последние слова от «кроме одного» Мишелем заключены в скобки, а после них его рукою приписано: «кроме одного: ах, я лошадь!!»).

345. — Письмо брату Павлу.

[24 декабря 1839 года. Москва.]
8, воскресенье, вечера.

(Сначала идет на двух страницах письмо Алексея Бакунина к брату Павлу с советом закончить начатый им конспект лекций проф. Редкина; дальше идет письмо М. Бакунина.)

Мой ученый друг, г-н Бакунин 6-й (барышень не считают) *, так прекрасно изложил тебе необходимость продолжения твоего конспекта, что мне ничего не остается прибавить. В самом деле, Паша, ты должен это сделать, несмотря на все трудности и неприятности, сопряженные с таким огромным занятием.

Но слава дорого достается, — объявил знаменитый друг мой Петр Григорьевич Чедаев **, когда его подобно Тассу объявили сумасшедшим. А потому и ты заслужи ее, употребив часа по 2 или по 3 в день на продолжение конспекта. Редькин *** поручает тебе обратить особенное внимание на римское право. Так что ты хорошо сделаешь, начав с него. Лучше бы было, если бы ты успел сделать все. Право, милый Паша, ты должен это сделать, ты сам бы убедился в этом, если бы слышал лестные отзывы Редькина о тебе, которые, как мед, протекали по душе моей, и его убедительные просьбы.

Я обещал за тебя, и ты верно не захочешь компрометировать меня. Что ж касается до Вашей ни на чем не основанной претензии на четкую и понятную рукопись, то позвольте Вам

* Алексей был шестым сыном в семье Бакуниных.

** Так в оригинале (вместо Чаадаев). — О Чаадаеве см. том I.

*** Петр Григорьевич Редкин [1].

заметить, милостивый Государь, что Вы сильно самообольщаетесь (приметь, какая сила и новость выражения). Редькин произнес насчет ее много поносительного; хотя впрочем и это отрицание служило только к возвышению Вашей славы, «ибо — говорит он, — я читал с глубочайшим наслаждением конспект его, несмотря на то, что она пакостно написана, что скучно читать старые лекции». Взяв меня за руку, он благодарил меня, разумеется, для того, чтоб я передал Вам эту благодарность. Тебе, Паша, как пресвитеру, половина оной принадлежит по закону, а Алексею и Александру, как причту, остальную половину пополам. Без шуток, Паша, я тебя прошу и убеждаю всею силою моего красноречия и всею непреодолимою властью моей железной диалектики, как говорят почтенные друзья мои Вис[сарион] Григ[орьевич] Бел[инский] и Вас[илий] Пет[рович] Боткин, исполнить просьбу Редькина.

Мы живем здесь тихо, я по возможности покоряюсь судьбе и спокойно жду у моря погоды; чем бы и как бы ни решилось мое дело, а только чтоб оно решилось решительно и ясно. И потому я с нетерпением жду твоих писем.

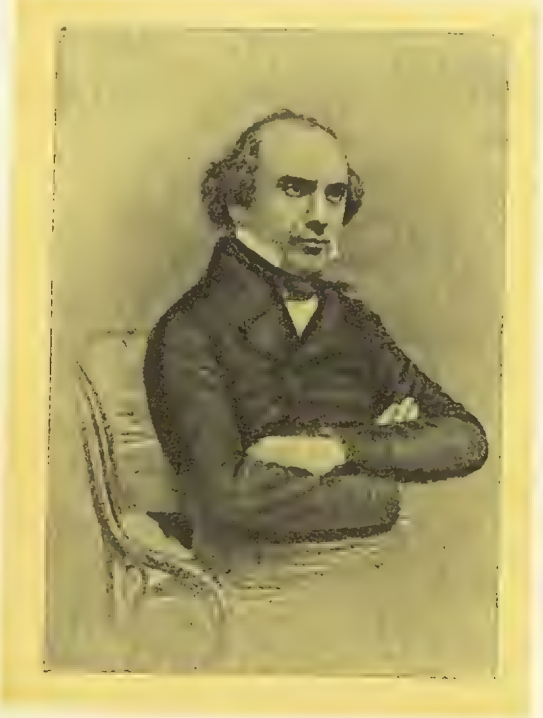
М. Бакунин.

№ 346. — Письмо сестрам.

1840. 2-го генваря. Москва.

Поздравляю вас с новым годом, милые девочки. Прошедший год был для нас всех важным годом; он научил нас уму-разуму, так что с 1840-го года для нас всех начнется без всякого сомнения, новая, прекрасная человеческая жизнь. Хорошо ли вы встретили его? А мы так прекрасно, у Вас[илия] Петровича.

От 6 часов до 10-ти слушали квинтеты Гебеля [1], которые настроили нас всех к чему-то торжественному; сам Гебель приехал инкогнито и удивлялся, что при таком количестве молодых людей во время музыки царствовала совершенная тишина. Боткин оставил его ужинать. За ужином пили за его здоровье, и старичок был, как кажется, очень доволен. Иоханнис и Калист этот раз превзошли самих себя, и Гебель был ими совершенно доволен. Но я вижу в глазах твоих нетерпение, милый Паша, ты ждешь описания ужина; ужин был отличнейший: сперва майонез — хороший майонез, потом стерлядка — деликатное кущанье,

Т. Н. Грановский

П. Я. Чаадаев

потом рябчики с огурцами — очень хорошо, и наконец пирожное от Люке; но главное, Паша, главное было шампанское. Вообрази себе, я выпил 9 бокалов, ей богу так. Что, завидно? Небось вы запивали старый год горским, а шампанского и не понюхали; шампанское — вино хорошее.

Новый год встретили мы и смешно и торжественно вместе. С [Т. Н.] Грановским [2] стали (т. е. я и [В. П.] Бotk[ин]) друг другу говорить ты, [Н. Х.] Кетчер хохотал, [М. Н.] Катков сказал стихи, Иоханнис раскупоривал бутылки и разливал вино, Гебель посматривал на всех с умилительной улыбкой и потом, приехав в собрание (в часа 2½ ночи), рассказывал всякому встречному-поперечному, что он только-что с музыкального вечера, что Боткин человек очень умный: «Botkin ist ein kluger Kopf, — und was für junge Leute. — So ein Abend lass ich mich zu gefallen, — er ist ganz nach meinem Sinn» *. Он еще помнит, Танюша, как ты его благодарила за double-quintet, только ему показалось, что ты и Наталия смеялись над его длинными волосами. Лангер уверил его, что это — неправда. Лангер был также в хорошем расположении духа и вообще несколько гуманизировался. После ужина воспоследовали гимнастические испытания, где я, разумеется, играл самую блестящую роль. Вчера же вечером, по случаю именин В[асилия] П[етровича], я даже танцовал и, как утверждает Боткин, весьма грациозно.

Милый Паша, я сблизился хорошо с Редькиным **, который — прекрасный, более чем прекрасный человек, и которого я просил позволенья привесть тебя к нему.

(Следует приписка В. П. Боткина.)

№ 347. — Письмо сестрам.

4 января [1840 года]. 9 часов вечера.
Москва.

Несколько минут осталось до отъезда. Ночь светлая и теплая. Прощайте, дай бог вам здоровья. А мне грустно; когда-нибудь будет веселее. Больше ничего не могу писать, а на душе лежит много. Жму вашу руку. Бедный В[асилий] П[етрович

* «Боткин — умная голова, и что за молодежь! Такой вечер доставляет мне огромное удовольствие, он вполне в моем вкусе».

** Петр Григорьевич Редкин.

Боткин] и голову понурил. Все это время он был в грустном расположении духа. Только твое письмо, милая Танюша, несколько развеселило его, убедив его, что ты не только что не враждебно расположена к нему, но напротив хочешь с ним заключить и для тебя и для него выгодный союз, с почтеннейшим то есть. Ах боже мой, придет такое время, когда и ее высокоблагородие * станет почтеннейшею! [1] Скоро, скоро будет это время, в этом я вам ручаюсь. А какой мы тогда хороший чай будем пить! [2]

Милые девочки, прощайте, сейчас отправляемся. Через день буду у Беерових, мне так весело об этом думать. Прощайте, девочки. Милая Танюша, мне так весело думать о тебе. Ты теперь такая светлая, сильная. Ты права: счастие и достоинство в человеке неразрывно связаны.

Вчера слушали мы квинтеты Гебеля и два квартета Бетховена. Бетховен — единый: его музыка — истинное торжество духа; слушая его, понимаешь, в чем состоит истинная жизнь.

Прощайте, девочки. Братья, мы скоро увидимся. Я приеду прямо к вам. Сильно и умно будем работать, Паша.

Прощайте, милые.

Ваш М. Бакунин.

4-го генваря. 1840-й год. Москва.

№ 348. — Письмо сестрам Беер.

$18\frac{I}{18}40$. Москва.

Вот мы и в Москве, милые девочки, приехали вчера в часов 12 утра и — странное обстоятельство — въехав в ворота, увидели повозку только-что въехавших братьев; одним словом мы приехали вместе с братьями **. Путешествие наше было самое счастливое. На дороге случилось несколько занимательных, траги-комических происшествий, описание которых предоставляю Константину *** потому, что у него и слог отличнейший, и зуб без свиста. Скажу только, что мы проехали мимо одной прекрасной рощи недалеко от Москвы и решили вместе, что искать в ней грибы с предметом любви своей — первый сорт. На дороге

* Александра Бакунина.

** Братья Бакунины вернулись с каникул в Москву.

*** Бееру.

несколько раз говорили, а еще более думали о вас. Поездка эта к вам была важным происшествием в моих прекрасных отношениях с вами; она мне доказала, что связь наша не случайна и не пустой призрак, но заключает в себе глубокую истину, истину действительной любви. Да, друзья, вы сами не знаете, как много вы для меня сделали в это время и как сильно во мне чувство любви к вам и благодарности за любовь вашу.

Пишите же чаще и истиннее. Только в истине — спасение, все же остальное — призрак. Я уж успел поговорить с Пашей, и разговор с ним не только что не изменил расположения и намерения мои в отношении к Саше * и [В. П.] Бот[кину], но еще более утвердил в них. Я исполню свою обязанность, выскажу все, что думаю и чувствую, а там пусть будет все, как богу угодно. Об этом после поговорим побольше. Теперь же пора отправлять письмо на почту. Мы славно и умно заживем.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Павла.)

№ 349. — Письмо сестрам Беер.

1840 [года]. 18 генваря.
[Москва.]

(Сначала идет письмо Павла Бакунина, затем приписка Мишеля.)

Я было не хотел более писать, да увидел ироническую и лукавую улыбку на лице пишущего Костеньки** и взялся за перо, чтоб сказать не знаю что. Вы не верьте ему, его и за барина никто не хотел признать, и когда я говорил ямщикам, трактирщикам etc. etc.: «вот барин, обращайтесь к нему», мне никто не верил; все говорили: «какой он барин, он на барина не похож, он — наш брат-чиновник!». Костенька очень обижался, а я очень смеялся.

— Ах, Monsieur Picard [неразборчивое слово], или ах тюх, тюх, тюх!

---

* Александре Бакуниной.
** Беер.

Костя лжет; я хотел непременно писать, проснулся в 6 часов утра с мыслью к вам писать, а он стал говорить, что некогда.

(Без подписи).

№ 350. — Письмо сестре Татьяне.

[Середина января 1840 года. Москва.]

Милая Танюша! Я вчера прочел письмо твое и несовсем хорошо понял его; по крайней мере не мог сообразить написанного тобою с словами папеньки, переданными мне братьями. Не он ли сам советовал вам написать Вариньке, чтоб она не приезжала сюда прежде, чем дело ее не разрешится совершенно? Итак, милая девочка, ты возьми на себя труд написать мне все, что ты знаешь о теперешнем состоянии дел, т. е. расположение и действия папеньки, так же как расположение и действия [Н.] Дьякова со всевозможными подробностями.

По моему мнению Варинька ни под каким видом не должна приезжать сюда прежде совершенного окончания ее дела. Во всяком же случае [Н.] Дьяков не должен быть проводником ее, во-первых потому, что это может подать ему новый повод к интересничанью и к преследованию Вариньки, и потому, что это было бы очень тяжело для самой Вариньки, а во-вторых потому, что, расставшись с ним, Варинька не должна более принимать от него услуг и одолжений.

А потому напиши ей, чтоб она отвечала папеньке, что со всем нетерпеливым желанием возвратиться в семейство она только тогда решится оставить чужие края, когда будет совершенно безопасна в России; и во-вторых, что она никак не может принять услуг Дьякова, потому что не хочет быть ему в чем бы то ни было в тягость и, приняв от него одолжение, дать ему и свету повод к новым порицаниям. В случае же нужды она может возвратиться одна. Да пришли мне скорее ее адрес, а то я не знаю, куда и как писать ей.

Да вот еще одна просьба: адресуйте пожалуйста все письма, собственно относящиеся ко мне, не на имя Боткина [1], но на имя братьев.

Прощай, девочка.

Твой М. Бакунин.

(Дальше идет длинная приписка Павла.)

№ 351. — Письмо Наталье Беер.

[Вторая половина января 1840 года. Москва.]

Милая, умная Наталия! Вот и маленькую записочку написала, где все было правдишная правда, и вы не знаете, какое глубокое наслаждение она мне принесла. Я с нетерпением жду вашей гарусницы и напрягу все свое внимание для того, чтобы разобрать все на ней вышитые аллегории. Вот вышитые аллегории я очень люблю, но терпеть не могу писанных.

Не знаю, милая Наталия, как вы смотрите на наши теперешние отношения, а я так думаю, что они должны были вырасти и укрепиться вместе с нами. Нисколько не утратив своей прежней энергии и своего прежнего огня, они должны быть прозрачнее, светлее, сознательнее. Аллегории хороши там, где дух еще не сознал себя как духа, но мы уже вышли из этой темной, неопределенной и бессознательной степени нашей жизни. Итак будем же истинны снаружи так же, как мы истинны внутри нас. Вот вам маленькое поучение, милая Наталия, которое Вы должны принять, сложивши ваши маленькие ручки крестом и с маленьким наклонением головы, можете даже несколько присесть, если вам это покажется нужным. Дайте руку, милая Наталия, и дадим себе взаимное слово быть истинными и избегать всяких облачных и аллегорических образов.

Посылаю вам разные сплетни, т. е. мое письмо к Alexandrine * и мое второе письмо к папеньке вместе с его ответом на первое, которого у меня нет. На второе же ответа еще не получал. Все будет хорошо, я в этом уверен. Меня радует, что во мне начинает возрождаться вера в самого себя и в необходимый успех всех моих действий. А знаете ли отчего, милая Наталия? Оттого, что я очистился самоотрицанием, силою которого я снова и действительно возвратился в родную сторону своей сокровенной (не для вас) внутренней жизни, в которой бесконечный источник сил и жизни.

Я посылаю вам эти письма, потому что вы, бедные девочки, живете в одиночестве, удалены от всемирных переворотов и происшествий нашего семейства. Вы так давно не слыхали никаких сплетней, а, признайтесь, ведь и сплетни иногда

---

* Александре Бакуниной.

хороши. Прочитайте же мои сплетни и удержите их даже у себя, если они вам только понравятся. Может быть,— и это очень вероятно,— мне удастся уехать нынешним летом за границу, а может быть, и можно будет прежде Берлина отправиться в Италию к Вариньке, для того чтобы осенью приехать в Берлин. Вы легко поймете, как я теперь фантазирую.

Спасибо вам за городки и за мудреную задачу (так называю я другую, одинокую игру). Городки продержали нас до двух часов ночи, а за мудреною задачею Паша долго сидел, хотел вывесть a priori, т. е. с конца, как я накануне отъезда из Спасского, да и не вывел еще.

Прощайте, милая Наталия.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Павла Бакунина, после которой снова рукою Мишеля.)

Вот врет-то Пашенька: я его совершенно обыграл, так что ни одной игры не дал ему выиграть.

Его надо смолоду повесить, а то будет ужасный мошенник.

№ 352. — Письмо сестре Татьяне.

[Вторая половина января 1840 года. Москва.]

Милая девочка Танюша! Вот и приехали мы с мохнатой и общипанной кысинькой из Шашкина, и я успел уж написать длинное письмо к Ксандрушке *, которая вероятно припишет его влиянию Alexandrine и Натальи **. Правда, что они много способствовали к развитию моего сомнения в любви ее к [В. П.] Боткину, но это сомнение иногда в сознательной, а другой раз в бессознательной форме никогда не оставляло меня. Письмо же я написал по собственному побуждению. Я уверен, что Alexandrine *** будет отвечать мне на него так же прямо и откровенно, как я ее спрашивал, и если она мне скажет теперь, что она любит Боткина и хочет выйти за него замуж для своего собственного счастия, то никто уж более не разуверит меня в действительности ее любви к Боткину. Отвечать обманом было бы с ее стороны так

* Сестре Александре Бакуниной.
** Сестер А. и Н. Беер.
*** Александра Бакунина.

неженственно и нехорошо, что я решительно не могу предполагать возможности обмана. Одно меня беспокоит, это — болезнь ее; [П. П.] Клюшников уверил нас, что в ней нет ничего опасного, что она продолжительна, но нисколько не опасна. Скажи мне, девочка, откровенно, не нужно ли мое присутствие в Твери и буду ли я в состоянии как и в чем-нибудь облегчить духовные или физические страдания ее. Мне так жаль ее.

Пишите мне пожалуйста чаще и подробнее обо всем, что у вас делается. Что дело Вариньки? Вы ни слова не сказали мне об нем. Дупельт * еще не отвечал папеньке. Теперь повидимому все идет так, что Вариньке можно будет возвратиться скоро совершенно безопасно; я хочу ей писать, напишите мне ее адрес; письмо же ее я пришлю вам застрахованное для того, чтоб оно не могло потеряться.

Покамест прощайте.

Твой М. Бакунин.

№ 353. — Письмо сестрам

[Вторая половина января 1840 года. Москва.]

Милые девочки или, справедливее, милая девочка, потому что бука Саша все молчит, третьего дня получил ваше письмо и увидел из него, что вы слава богу — умные девочки, ведете себя хорошо, лечитесь и несколько примирились с необходимостью тверской жизни. Знаете ли, девочки, я вам еще раз повторяю свою старую песенку: если в душе хорошо, свято и спокойно, то она сумеет подчинить самую неприятную внешность своей кроткой, тихой гармонии, по крайней мере до такой степени, что внешность не будет уже в состоянии совершенно разрушить внутреннюю гармонию. А впрочем, милые девочки, никто так не понимает всей несносной и гадкой тяжести нашей семейной жизни, как я, никто (исключая одного) так не сочувствует вам, как я. Терпите, девочки, атаманами будете; будет и на нашей улице праздник. Живя здесь у [В. П.] Боткина в своей маленькой комнате, в которой Танюша была у меня раз в гостях, погруженный в своих ги-

* Жандармский генерал Л. В. Дубельт.

жих и любимых занятиях, видясь и задушевно разговаривая почти каждый день с Боткиным, а иногда и с другими весьма хорошими молодыми людьми и главное пользуясь в препровождении своего времени полною, разумною, человеческою свободою, я предвкушаю то тихое и вместе бесконечно богатое счастие, которое с соединением Alexandrine с Боткиным наступит для нашего счастия.

Знаете ли, чего недоставало в нашей прямухинской жизни? Гуманитатности, человеческой внешности и непосредственности. В душах наших жили все зародыши глубокой, благородной, гуманитатной жизни; эти зародыши развились даже до религиозного сознания, но так как внешность не соответствовала им, так как она мешала свободному проявлению их, то они приняли в нас болезненное направление к пустому Jenseits *, — говорю пустому, потому что Jenseits только тогда полно, когда полно Diesseits **. Для меня было тяжело, почти нестерпимо видеть себя окруженным всем этим грязным, пошлым и низким миром; непосредственное прикосновение его давило меня. Каково же вам, бедным девочкам, в которых чувство и потребность деликатного и эстетического в тысячу раз сильнее, чем во мне?

Но я верю, я уверен в этом, перерождение нашей семейной жизни скоро настанет, она скоро выйдет из своей отвлеченной внутренности и осуществится в прекрасной, в прозрачной внешности, в тысяче мелочей, которые [сами] по себе ничтожны, но которые становятся бесконечно важными, когда они проникнуты светлым и благородным счастьем человека.

И ты, бедная Танюша, ты также оживешь, ты узнаешь, что такое действительное, непосредственное счастье. Кроме этого я верю, что сам старый отец наш, убедившись наконец в суетности всех внешних призраков, за которыми он гнался почти в продолжение целой жизни своей, что и он также сознает, что счастье — не во внешностях, но в осуществлении истинно человеческой жизни. Итак, милые девочки, храните покамест пламя ваших прекрасных жизней внутри себя неприкосновенным для тех, которые теперь окружают вас. Скоро настанет время, где ему будет позволено выйти во внешность и осветить для вас и для нас, всех вас любящих и вами любимых, новую прекрасную, счастливую жизнь.

---

* Потусторонний мир.

** Посюсторонний мир.

Пришлите же мне хоть адрес Филиповича, что на моем письме к отцу.

Ваш М. Бакунин.

№ 354. — Письмо сестре Александре.

27-го генваря 1840. Москва.

Милая Саша! Благодарю тебя за твое откровенное, хорошее и крепкое письмо. Теперь сомнение в любви твоей к [В. П.] Б[отки]ну для меня уж невозможно, а где любовь, там и жизнь и счастие, и потому ты будешь счастлива, милый друг, я в этом не сомневаюсь. Вчера получил от Боткина письмо, который сердится на Пашу за то, что он напугал тебя на его счет; ты увидишь из этого письма, что он слава богу здоров и не подвергался никакой опасности. Он возвратится сюда в начале февраля.

Что поделываете, как и чем живете, милые девочки? Танюша, отвечай мне скорее о Вариньке, да подробнее, смотри. Покамест дело не приняло решительного переворота, и ее сторона не взяла решительного перевеса, до тех пор ей возвращаться сюда невозможно. Должно быть осторожным для того, чтобы не испортить того, что было приобретено такими долгими трудами и такими мучительными страданиями. Впрочем теперь уже недолго, все скоро должно кончиться самым счастливым образом. А покамест прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Константина Беера.)

№ 355. — Письмо сестрам Беер.

[27 января 1840 года. Москва.]

Милые друзья!

Сейчас получил ответ Alexandrine * на мое длинное письмо, где я ей с полною откровенностью изложил все свои сомнения насчет [В. П.] Боткина и ее любви к нему. Ответ этот уничтожил во мне всякую возможность сомнения, потому что непосредствен-

* Сестры Александры Бакуниной.

ная форма его дышит здоровьем и истиною. Вот вам отрывок из него:

«Мишель, я люблю Боткина и не боюсь соединиться с ним. Мишель, все, что ты говоришь мне, не ново,— я его знаю, может быть, лучше, чем вы все его знаете. Миша, милый, как ты мог подумать, что письмо твое меня рассердит? Ты не мог говорить иначе, ты должен был мне сказать все, что ты думаешь. Твое письмо не будет приятно Боткину, я это знаю. Миша, если он любит меня и любить не перестанет, он и с вами соединится, все, что разделяет вас теперь, забудется. Третьего дня я писала Боткину, отдайте ему письмо, если ж он долго не приедет, отошлите в Харьков. Милые, хорошие мои братья, если бы вы знали, как я люблю вас, как мне весело думать, что и Боткин любить вас будет. Смотри, Миша, как мирно, светло внутри меня, я не могу много писать, любите меня, братья, Боткин знает, что любовь ваша необходима мне. Вы столько дали мне, друзья, ваша жизнь так тесно связана с моею» *.

Другой отрывок:

«Constantin ** и вы, слушайте меня: я п е р е н е с л а б ы р а з л у к у с в а м и, н о н е у т р а т у любви вашей. В Боткине, в вас, друзья,— все, чем я живу, все, что свято мне в жизни. Тот, кто захочет отнять вас у меня, положит гробовой покров на всю остальную жизнь мою; разлука с вами была бы жертва, а кто любит, не требует жертвы. Я знаю Боткина, братья, знаю его лучше всех вас; сомнения в любви моей могут сделать его несчастливым, но не несправедливым против вас. Друзья, жизнь полная, прекрасная настанет для нас всех; все сомнения, все недоразумения должны кончиться; все наружное, все тяжелое должно просветлиться внутренним светом; братья, верьте этому миру, этой гармонии, которые в душе моей, и все вместе с любовью благословите на новый, светлый путь. Я молилась, я так горячо молилась».

Вот видите ли, милые девочки, какое хорошее письмо! После него всякое сомнение было бы глупо и оскорбительно для Саши. И потому отложите также и вы всякие сомнения и верьте ее чувству к Боткину так же, как и я верю. По приезде своем Боткин найдет у себя на столе пакет, в котором будут заключаться мое письмо к Саше и ее ответ. В письме своем я изложил все, что я в

* Последняя фраза по-немецки в оригинале.

** Константин Беер.

отношении к нему чувствовал и думал, так что наши новые отношения будут теперь решительно зависеть от него. Быть со всеми и без исключения со-вне так, как я внутри себя, вот отныне мое главное правило жизни. Родителям также написал хорошее письмо, и когда получу ответ, также сделаю из оного экстракт для ваших милостей. Все проясняется и быстро стремится к цели.

А мы с Костенькой * живем на новой квартире [1]. У меня прекрасная комнатка. Впрочем брат Alexandre ** обещал мне нарисовать Костенькины и мою комнату, и я вам этот рисунок пришлю, чтоб вы знали, как мы хорошо живем. Мой старый, задушевный мир все быстрее и быстрее восстановляется, и я вам этим обязан, добрые друзья; я — ваш лекарь, а вы — мои лекарки. Вы не понимаете и никогда не поймете, как много вы дали мне в последнее пребывание мое в Шашкине. Мой внутренний мир восстановляется во мне, обогащенный всем долгим и мучительным странствием моего духа вне себя; теперь он возвратился, и я построил славные хоромы, с крепкими воротами и замками так, что уж ничто чуждое ему не проникнет в его заповедный храм.

Иногда я буду писать вам каждой порознь, а иногда обеим вместе, и тогда одно письмо будет принадлежать Наталье, а другое Alexandrine по очереди. Смотрите же, не подеритесь.

Ваш М. Бакунин.

№ 356. — Письмо сестрам.

[Конец января 1840 года. Москва.]

Милые девочки! Спасибо вам за ваши хлопоты обо мне. Уезжая из Петербурга, я поручил брату Николаю отдать барону Менгдену деньги, которые он должен был получить от [И. И.] Панаева; должно быть, что он или еще не получил их, или, находясь в дурных обстоятельствах, задержал их у себя. Завтра же я напишу ему и барону Менгдену; если ж у него уж более нет денег, то я буду очень благодарен брату Илье, если он даст мне 100 рублей; у меня же самого теперь нет ни копейки.

---

* Беер.

** Александр.

Милая Саша! Паша написал глупое письмо, а я прочел и промолчал; будь только счастлива, а в любви нашей не сомневайся; любовь нельзя давать и отнимать произвольно, и если б мы могли отнять у тебя любовь свою, то это значило бы, что мы никогда не любили тебя. Имя тебе — царица Александра и прозвище п р е к р а с н а я. Без шуток, девочки, не ломайте себе головы над тем, чего нет, и без того уже бывает иногда худо. Вариньке сбираюсь написать х о р о ш е е п и с ь м о; Беерovым писал два раза, от них же ни слуху ни духу.

Оставляю место для мохнатой кысиньки *, которая, впрочем, очень умна.

(Дальше идет приписка Константина Беера).

№ 357. — П и с ь м о с е с т р а м Б е е р.

1840 г. Москва [1] февр[аля].

Милые друзья! Что это вы не пишете? А мы написали вам уж два, с этим же три [письма]. Здоровы ли вы? Получили ли вы наши письма, и ваши были ли точно отданы на почту? Танюша пишет, что уж с месяц не получает от вас в е с т о ч к и (хорошее слово). Куда ж делось то большое письмо, которое мы вместе с вами писали к ней, милая Alexandrine? А, может быть, вы и разленились и, видя, что мы пишем вам всякую неделю аккуратно, предпочли спокойное молчание хлопотам переписки? Если это только так, то я, находящийся у Саваофа на особенных правах и получивший от него право никогда не писать, воспользуюсь им.

Вот вам множество вопросов; прошу отвечать на каждый из них. Мы живем здесь тихо, хорошо, работаем много; вчера только потеряли целый день; во-первых провели поутру около 5 часов на разбирании глупой книги, а после обеда играли в шахматы — и как бы вы думали? — до двух часов ночи. Ведь это безбожно. Костя часто пишет сестрам под псевдонимом: м о х н а т а я к ы с и н ь к а; сестры же, как кажется, сильны и покойны. Саша хлопочет все о том, что, выйдя замуж за [В. П.] Боткина, она потеряет любовь нашу, а я ее разуверяю в этой ложной мысли.

Боткин еще не возвратился, мы ждем его на-днях; приехав в Москву, он найдет на столе своем письмо мое к Саше, ответ

---

* Кличка Константина Беера в бакунинском кружке.

ее и маленькую записку от меня, относящуюся непосредственно к нему. Не знаю, как он примет все это, — я сделал свое дело, остальное предоставляю его суду и его решению (т. е. в отношении к нашим с ним отношениям) и намерен беспрекословно сообразоваться с ним.

Родители еще не отвечали мне; политика умная, поставляющая меня в затруднительную необходимость писать им во второй раз, не получив ответа на первое письмо. Впрочем не бойтесь, я не ударю лицом в грязь и не срежусь; подожду еще немного, а там напишу другое, хорошее письмо, которое несколькими смягчениями нисколько не изменит духу первого.

Посылаю вам для препровождения времени и для упражнения в хорошем слоге письма сестер, пришедшие в одном пакете с тем, из которого я сделал вам выписку.

Что, превратились ли вы из неверующих в верующие?

Прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

$18\frac{II}{I}40$. Москва.

(Дальше идет приписка Павла.)

№ 358. — Письмо сестре Александре.

[Начало февраля 1840 года. Москва.]

Милая Саша!

[В. П.] Боткин приехал, и я должен был убедиться, что ты в самом деле его лучше знаешь, чем я. Посылаю тебе его записку, из которой ты увидишь, что он не только что не рассердился на мое письмо к тебе, но еще был мне благодарен за него. Вчера мы почти целый день были вместе; говорили откровенно, так что письмо мое нисколько не повредило моим отношениям с ним, но напротив, отстранив все старые недоразумения, дало нам обоим возможность быть в прямых и крепких отношениях. Итак, милая девочка, будь и с этой стороны покойна; дай бог, чтоб все другие недоразумения и препятствия так же скоро разрешились, как и это.

Покамест прощайте, милые девочки.

Ваш брат
М. Бакунин.

NB. Если Илье можно будет послать Менгдену 100 руб[лей], то я ему буду очень благодарен, потому что у меня нет ни копейки.

Пошлите деньги брату Николаю и попросите его, чтоб он немедленно отдал их барону.

№ 359. — Письмо сестрам.

[Первая половина февраля 1840 года. Москва.]

Милые сестры! Вы написали нам много хороших писем, а я до сих пор не написал вам ни одного порядочного. Не браните меня за это; я не перестал любить вас и люблю вас так же горячо, как и прежде, но во мне исчезает приметно способность говорить с другими. Все это время было для меня временем сосредоточения, строгого разговора с собою; в продолжение каких-нибудь трех лет разные обстоятельства не позволяли мне собраться до сих пор во внутренности своего духа и жить единственно только своей жизнью, — и вот теперь я свободен и грустно смотрю на прошедшее и вижу, что мало осталось от него: оно в развалинах, так что и следов его не отыщешь. Мало сделал я во все это время, и только несколько бедных обломков осталось от него. Я свято храню их, но сознаю вместе, что из обломков не может построиться храм; в развалинах жить нельзя, и потому должно думать о построении нового храма. И я с верою смотрю на будущее, но с грустною верою, потому что прошедшее показало мне, что не все ожидания осуществляются. Мне нужно теперь одиночество, мне нужна широкая, вольная сфера жизни и истины для того, чтоб распрямить согнутую силу моего духа, согнутую призраками и мелочною жизнью.

Видите ли, сестры, я хорошо делаю, что не пишу вам, потому что могу нагнать на вас такую хандру, которая камнем ляжет на души ваши. Я остался тот же, я не изменил царству живого, вечного духа, в котором — начало и конец моей жизни; я не утратил любви своей к истине и веры в спасение человека через истину и единственно только силою истины. Но еще раз повторяю: мне нужно быть одному, я могу справиться с жизнью своею и победоносно выйти из предстоящей мне мучительной, продолжительной борьбы, но только при одном условии, чтобы жизнь моя осталась единственно только моею жизнью. Я не гожусь

более в проповедники другим, мне нужно проповедывать самому себе; в то время как я проповедывал другим, в душу мою вкралось много злых врагов, которых я должен изгнать из нее. Иначе же они подточат существенную основу моей жизни.

Милые сестры, вы теперь довольно сильны для того, чтобы опираться на самих себя; в вас так много святой любви, веры, так много крепкого, нравственного, высокого женского достоинства, что вы можете найти в себе ответ на все вопросы и крепкую, незыблемую подпору во всех обстоятельствах жизни. Если ж нет, то вы окружены крепкими, светлыми людьми, которые могут поддержать вас в опасности и осветить вам темные проходы вашей жизни.

Вчера Грановский получил письмо от [Н. В.] Станкевича, где он упоминает несколько и обо мне; вы не можете вообразить, как это меня порадовало. Я не верю в возможность восстановления наших старых отношений с ним, новых же я не хочу; но он для меня останется всегда святым человеком, и я никогда не перестану горячо, бесконечно любить его. Милая Танюша, Станкевич спрашивает меня, может ли он написать тебе несколько слов в ответ на твою записочку, переданную ему [А. П.] Ефремовым; напиши ему несколько слов, он вас всех любит; письмо его проникнуто любовью к вам; пришли мне записочку к нему, а я отошлю ее Станкевичу через [Т. Н.] Грановского. Он непременно увидится с Варинькой, я так этому радуюсь, зная, что для них обоих это свидание будет великим счастием.

Сегодня я написал к родителям; начал политическое письмо, а кончил чувствительно *; я вообще все эти дни погружен в чувствительную меланхолию, которая, может быть, происходит оттого, что я подобно Коту Муру все это время кушал с большим аппетитом. Вчера вечером мы были с Павлом, с которым мы теперь неразлучны и с которым и говорим, и читаем, и деремся даже (только я его бью, а не он меня), в русском театре; очень смеялись, а оттуда пошли во французский лучший трактир, поужинали и выпили полбутылки крепкой мадеры. Вообще очень хорошо. Паша подает большие надежды и будет со временем хорошим, изрядным помещиком.

Но не в этом дело: я написал хорошее письмо к родителям; не знаю, что станут они отвечать на него. Мне и самому бы

---

* Письмо до нас не дошло.

очень хотелось повидаться с вами, милые девочки, но это будет невозможно прежде, чем родители не дадут мне согласие и средства на отъезд за границу.

Ну, прощайте ж, милые кысиньки, ведите себя умно, будьте здоровы и пишите нам чаще.

Ваш брат
М. Бакунин.

№ 360. — Письмо Н. Станкевичу.

(11 февраля 1840 года.)

Милый Станкевич! Как мог ты подумать, что я сердился на тебя за твое молчание? Поверь мне, я глубоко понимаю причину его и никогда не упрекал тебя в нем; кроме этого, если б даже я и имел право сердиться на тебя, то я не мог бы сердиться, потому что ссориться с тобою для меня то же, что ссориться с лучшею стороною моей жизни, которой ты был главным источником и с которой ты неразрывно связан. Память о тебе всегда будет связана во мне с памятью лучших и священнейших минут моей жизни.

С тех пор, как мы расстались, много воды утекло. Богатая натура твоя и обстоятельства позволили тебе остаться верным самому себе и осуществить обширную внутренность свою. А я — вся моя жизнь и все мое достоинство состояли в какой-то абстрактной силе духа, да и та разбилась о грязные мелочи моей семейной ежедневности и пустых семейных и дружеских междоусобий, а, может быть, и о свое собственное ничтожество. Во мне осталась по-старому сильная, над всем другим преобладающая потребность живого знания, но жажда, ничем не удовлетворенная, несмотря на все бедные и тяжкие усилия мои. Все мое знание ограничивается тем, что я ничего не знаю; сознание необходимое, как переход, как начало истинного знания, но вместе и весьма бедное и неутешительное для того, кому суждено на нем остановиться. До сих пор я безусловно верю словам Спасителя: «И познаете истину, и истина освободит вас», но начинаю сомневаться в своей способности знать.

Теперь делаю последнее усилие для того, чтобы как-нибудь попасть в Берлин, от которого я ожидаю перерождения, крещения от воды и духа, но не знаю, удастся ли мне; если ж не удастся, то я не стану много хлопотать о своей внешней будущ-

ности, я к ней совершенно равнодушен: окончить жизнь свою прапорщиком артиллерии или дейст[вительным] статским советником для меня решительно все равно: не я первый и не я последний, срезавшийся в своем идеальном стремлении, которое очень часто бывает не более, как движением волнующейся юной крови. Я остался тем же добрым и нелепым малым, каким ты меня знал, с тою только разницею, что во мне было тогда более веры в жизнь, чем теперь, и что тогда мне было 23 года, а теперь 26.

Итак ты видишь, милый Станкевич, что ни внешняя, ни внутренняя жизнь моя не стоют большого внимания, и потому перейдем к предмету более интересному. Напиши несколько слов Танюше, письмо твое принесет ей глубокое наслаждение. Сестры мои любят тебя, Станкевич, так же, как и я люблю тебя, и ты никогда не перестанешь быть им родным существом. Ты не можешь себе представить, как я рад, что ты увидишься с Варинькой. Приезд твой в Неаполь будет для нее такою радостью, какой она, бедная, давно не ощущала. Это — глубокая, святая женщина, Станкевич; она много перенесла, много перестрадала, но ее нельзя назвать несчастливою, потому что кто соблюл чистоту и святость души своей в таких отрицаниях, тот не несчастлив. Я давно не писал ей не по отсутствию любви,— она знает, как я люблю ее,— но потому, что с некоторого времени я разучился писать письма.

Прощай, милый Станкевич, будь здоров и счастлив по возможности и не позабывай совсем горячо тебя любящего

М. Бакунина.

Москва. 1840 года. 11-го февраля.

(На верху первой страницы письма написано:)

Пришли свое письмо к Танюше Грановскому, а я перешлю его ей.

(На верху четвертой страницы письма написано:)

Состри от меня над Ефремовым и пожми ему руку.

№ 361. — Письмо Наталье Беер.

[Середина февраля 1840 года. Москва.]

Милая Наталия! Какую Вы мне прекрасную тарусницу прислали! Мы с Пашей * и с Костей ** разбирали все аллегории и

---

* Павел Бакунин.

** Константин Беер.

отдали Вам полную справедливость. Я положил ее на стол под портрет Гёте и Шиллера, нарисованный Alexandrin'ою.

Милая Наталия, прекрасное, милое письмо Ваше порадовало меня еще более гарусницы. Не браните себя. Правда, что человек бывает иногда хуже, чем он воображает; но зато он бывает часто и лучше того, как он думает. Es ist Ihr Fall *. Будьте только самими собою, верьте, любите, называйте свое худое худым, смотрите ему в глаза и не бойтесь его. Оно трусливо, оно храбрится только тогда, когда видит, что его боятся, и не может выдержать свободного и крепкого взгляда духа, потому что дух имеет в себе наследственную врожденную силу, изгоняет и уничтожает все ему чуждое и заменяет его самим собою.

Дайте же в самом деле руку, милая Наталия. Скажу Вам в последний раз, что Ваша любовь мне необходима точно так же, как Вам необходима моя любовь. Я говорю это в последний раз, потому что нам давно бы пора перестать говорить о своих отношениях: пустые рассуждения мешают жизни, а нам надо жить нашими отношениями.

Скушно вам, бедненьким, жить в вашей пустыне. Все окружающее вас так глупо, пошло, и вам необходим огромный запас внутренней жизни для того, чтобы сносить вашу деревенскую жизнь. Правда, что и мы живем здесь по-деревенски. Поутру Костя идет в университет и приходит в часа 2, а иногда и раньше домой, я же все сижу в своей комнате. Потом приходит Паша, занимается с Костей по-гречески или читает что-нибудь у меня, сидя в вольтеровских креслах. Иногда приходят и другие братья, мы вместе болтаем, читаем, рассуждаем, а потом ложимся спать. Костя и Паша острятся друг над другом, иногда подерутся, при чем я играю немаловажную роль. Я давно уже стремился к упрощению своей жизни, к освобождению ее от всех внешних блесток, от всего, что собственно не принадлежит к ней, и теперь мне удалось это. Наша жизнь со-вне бедна, однообразна, но внутри богата, жива. Теперь я жду у моря погоды. Летом непременно буду в Берлине, там начнется моя настоящая жизнь. Наталия, знаете ли, какое наслаждение заключается в разрушении всех призраков, а когда их нет, в душе так спокойно, так много силы, потому что живешь и хочешь жить тем, что есть, а не тем, чего нет и чего не может быть. Должно искать бесконечного в точке,

---

* Это именно с Вами и случилось.

а не в пустоте беспредельного пространства; когда ж найдешь его в точке, тогда и беспредельное пространство наполнится и перестанет быть пустым.

Ведь жизнь великая загадка, и кто захочет все вдруг и произвольно решить, тот ничего в ней не поймет.

А вы, бедные, и концертов слышать не будете. А мы поедем во вторник в дворян[ское] собрание, где будут играть всю «Героическую Симфонию», и много, много другого хорошего будем мы слушать в продолжение поста. Видите, какой я злой мальчик, дразню вас, бедненьких; впрочем утешьтесь, весною приеду к вам и все слышанное пропою.

Как я люблю пост, этот заунывный звон как-будто призывает всех людей из внешней суеты во внутренность духовного мира, мира покаяния для тех, которые долго оставались вне его, и мира любви и тихого, сильного блаженства для тех, которые знают его и живут в нем. Наталия, мы столько пережили, что не можем больше верить во внешние чудеса и желать внешних чудес, но для нас только-что настала пора духовных чудес, никогда не обманывающих и никогда не кончающихся.

Прощайте, милая Наталия, будьте умница, говорите правду, потому что за обманы бог наказывает, и я пришлю вам конфетку.

Ваш М. Бакунин.

№ 362.—Письмо Наталье Беер.

[Середина февраля 1840 года.]
Москва.

Милая Наталия! Вы не рассердились на последнее письмо мое? Я написал его, потому что мне грустно видеть, как Вы всегда строите между Вами и мною огромную и высокую стену аллегорий, за которыми мы друг друга никогда не узнаем. И нам нужно начать новое знакомство, Наталия; если нужно, то я сделаю первый шаг; для того, чтобы не ударить лицом в грязь, я надену фрак, куплю шляпу, желтые перчатки и таким образом явлюсь к Вам. Как-то Вы меня примете; может быть, подымете насмех и обольете ядом насмешки?

Впрочем полно шутить, дайте руку, Наталия, победите все свои худые чувства и завяжите снова прерванную нить нашей святой, духовной связи.

Больше до Вашего ответа об этом писать не стану.

Скажите мне, Вы также подобно Вашей упрямой сестрице * не верите чувству Alex. ** к [В. П.] Боткину? Что до меня касается, то я не могу сказать, чтоб я не верил, потому что не имею на это никакого основания, но не могу также сказать, чтоб и верил, потому что для истинной веры мало внешних доказательств, необходимо внутреннее живое созерцание того, чему верить. Но не только любовь Alex[andrine], но и обе сестрицы вышли из моего внутреннего созерцания и стали для меня чем-то чуждым, внешним, так что я не могу быть судьею в этом деле и потому отвлекаю[сь] от него и предоставляю все судьбе или случаю. Я теперь только и хлопочу о том, чтоб мне попасть в Берлин. Мне необходимо надо выйти из всех мелочей семейной и приятельской жизни и погрузиться совершенно в всеобщую жизнь. Вот, милая Наталия, если Вы молитесь за меня, то напоминайте богу и о Берлине; а то он на старости лет стал несколько глух и забывчив.

Костеньку я и Паша заставили подписаться в музык[альном] магазине, и он нам играет часто разные чувствительные музыки и все по ноте.

Станкевич пишет, что он скоро увидится с Варинькой, и, знаете ли, во мне родился призрак надежды также с нею увидеться.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

№ 363.—Письмо сестрам.

18 $\frac{II}{21}$ 40. (21 февраля 1840 года.)
[Москва].

Милые, хорошие девочки! Что ж вы позабыли нас и так долго не пишете нам? Уж не рассердились ли на мое последнее письмо к вам, не извлекли ли из него ложного заключения? Не придавайте ему такого важного значения; оно было написано в ипохондрическом расположении духа, которое посетило меня на мгновение и потом исчезло, потому что душа моя — худое жилище для него. Оно произошло от долгого неудовлетворения главной

* Александре Беер.
** Александры Бакуниной

потребности моей — быть в Берлине, но оно долго продолжаться не могло, потому что оно царюет только там, где есть бездействие, слабосилие, а я — хороший, крепкий, деятельный мальчик.

Посмотрели бы вы, как мы теперь трудимся, работаем; я всеми силами стараюсь развить в себе волю, т. е. самообладание и самоотрицание, как необходимые условия действительного, крепкого идеализма. Всякий человек, не хотящий потерять самого себя в бесконечном многоразличии внешней жизни, должен сознать главный внутреннейший источник своей жизни и окружить его крепкою, высокою стеною, неприступною для изменяющейся внешности, так чтоб он мог уйти за эту стену всякий раз, как ему плохо будет во внешнем мире. Не хорошо говорить метафорами,—я хотел сказать умное, да не вытанцовывалось, и вышло что-то очень глупое.

Я рад, милые девочки, что вы берете уроки у Морески *, во-первых потому, что это даст вам более свободы в искусстве, которое вы так любите, и которое часто так спасительно действует на человека, и во-вторых потому, что это облегчит вам пребывание в Твери, которое имеет много тяжелых сторон. Верьте, милые девочки, все будет хорошо, потерпите только немного.

Я, Саша, исполнил твое приказание, провел с [В. П.] Боткиным несколько дней с величайшим наслаждением и сознал, что чем более будем жить, тем ближе будем сходиться. К родителям я писал, вы читали письмо мое, отчего не послали вы мне его обратно? Пожалуйста не хлопочите обо мне и не разговаривайте с ними о моих намерениях, о моем положении etc. — главное, ни слова о Берлине. Это могло бы все испортить. Они мне не отвечают еще. Напишите мне все, что знаете о их расположении ко мне, и говорите мне все смело и не бойтесь огорчить меня: я теперь выше всякого огорчения. Когда можно будет брату Илье послать деньги барону Менгдену через Николая? Что ж не посылаете вы нам книги: мою «Rechts-Philosophie» **, посланную мною Павлу, и франц[узские] романы Боткина?

Прощайте, девочки.

Ваш М. Бакунин.

---

* Учитель музыки.

** «Философия права» Гегеля.

№ 364.—Письмо Александре Беер.

$18\frac{22}{II}40.$ (22 февраля 1840 года).
[Москва].

Милая Alexandrine, не благодарю за Ваше доброе, хорошее письмо: Вы не хотите благодарности, и в самом деле благодарность между нами неуместна. Благодарить можно только за одолжение, между же нами нет одолжений.

Вы спрашиваете меня о моей жизни. Она вся сосредоточилась теперь в мысли и стремлении к Берлину. Мне надоели всеобщие и пустые рассуждения о высоком, прекрасном и о вечном духе вообще, мне нужно теперь положительное, определенное знание. Кроме этого в продолжение некоторого времени во мне жило меланхолическое, чувствительное расположение, грустное воспоминание о прошедшем, с сознанием, что в нем было много невозвратимого, прекрасного. Я передал это меланхолическое чувство Паше, который также был в продолжение некоторого времени в чувствительном расположении духа. Но не думайте, чтоб оно продолжалось в нас слишком долго; дойдя до возможной в нас крайности, оно само исчезло и уступило место свежему и крепкому чувству жизни.

Не бойтесь, милая Alexandrine, мы — мальчики крепкие, умные, мы в самом деле построили между собою тот новый, свежий и широкий мир, о котором я говорил у вас. Братья, Константин и я — вот его единственные члены; мы читаем, учимся вместе. Вы знаете, Alexandrine, когда я говорю о всеобщем, то это — не пустая и не пышная фраза. Вы знаете, что стремление ко всеобщему составляет основную, характеристическую черту всей моей индивидуальной жизни, и что ей подчинены все другие движения моего духа. Это никогда не изменится и не может измениться во мне, потому что индивидуальное, все бесконечное разнообразие духовной жизни имеют для меня смысл и существенны для меня только по той степени, как они освещены лучами всеобщего, абсолютного духа. Моя потребность знания и моя религия неразрывно связаны. В знании видел, вижу и всегда буду видеть я высшее осуществление великого таинства любви, и потому оно никогда не будет во мне холодным, никогда не будет стеснять жизнь, но всегда будет расширять ее и вырывать ее из тесных границ индивидуальности, не проникнутой любовью и духом. Любовь же и дух — одно и то же. Теперь же я стараюсь быть по

возможности спокойным, равным самому себе и не хочу тратить жизни по-пустому.

Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что золотой период моей жизни еще впереди, и что все прошедшее и настоящее — не более как приготовление к нему. Этот золотой период настанет тогда, когда я вырвусь наконец из тесных пределов нашей действительности и весь без раздела погружусь в живую атмосферу европейской жизни, где все дышит божественной мыслью: наука, религия, искусство, природа, люди. О, я жду крещения, преображения, я буду тогда один, у меня будут знакомые, но между ними я буду совершенно один. Вы не можете вообразить, милая Alexandrine, как я жажду этого живого одиночества, в котором, поверьте, Вы никогда не оставите меня, я всегда буду чувствовать присутствие Вашего духа, Вашей любви во мне.

Знаете ли, мое субъективно любимое стихотворение Пушкина — это:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

О, дайте мне только вырваться из этой тяжелой атмосферы туманных глупостей и мелостей * на вольный воздух широкой, бесконечной жизни духа, и тогда я буду снова совершенно свой и совершенно Ваш.

А покамест терпите меня, как я есть, иногда умный, а иногда очень, очень глупый.

Ваш М. Бакунин.

№ 365. — Письмо сестрам.

[Февраль 1840 года. Москва.]

Милые, добрые девочки, что это вы совсем умолкли? Здоровы ли вы? Напишите ради бога поскорее, вы не знаете, как молчание ваше беспокоит нас. А, может быть, вы заняты теперь музыкою и на некоторое время позабыли все? Если это так, то я совершенно понимаю вас. Я понимаю, какая отрада для вас найти теплый и светлый уголок в этой отвратительной Твери,

* Повидимому, описка вместо «мелочей» или «мелкостей».

уголок, исполненный таинственною сферою светлых звуков. Да, девочки, учитесь прилежно; во-первых это придаст вам более силы, вы найдете в вашем занятии опору contre toutes les misères de la vie humaine, qui vous entourent maintenant plus que jamais *, а во-вторых, усовершенствовавшись в музыке и сделавшись свободными членами царства звуков посредством побеждения всех материальных трудностей, вы приобретаете магическое, всемогущее средство против мелочей и неприятных подробностей вашей семейной жизни.

Милые девочки, вы счастливее многих, потому что я называю счастливым того, кто вырвался из среды внешних пошлосетей и построил внутри себя человеческий, незыблемый храм для бога, для всего святого, истинного и прекрасного, — вечный храм, касающийся неба и независимый от внешних и ничтожных обстоятельств жизни. Но с другой стороны вы не наслаждаетесь всем счастием, которого вы заслуживаете. Ваша жизнь не была тихим и спокойным осуществлением всех прекрасных надежд и всех глубоких верований ваших. Вам суждено было борьбою достигать признания вашего нравственного достоинства и независимости вашего прекрасного, женственного внутреннего мира. Вам тяжело доставалось то, чего другие и без борьбы не хотят. Что ж делать, может быть, теперь изменится все. Я до сих пор уверен, что с замужеством Alexandrine все семейство наше освободится, не знаю почему, но я уверен, что весною все должно кончиться. Итак будем ждать весны.

Нынешнее лето я непременно должен быть в Берлине и буду там. Если не будет средств, то буду есть хлеб да воду и буду учиться. О, вы не можете себе вообразить, какое нетерпение мною овладело. Я не могу здесь более оставаться ни на минуту. Я могу и должен знать, потому что в святом, божественном знании — вся жизнь, все счастие и вся сила моя. Итак во всяком случае летом увидимся, летом перед отъездом в Берлин; если родители дадут денег, — хорошо, если нет, то и без них обойдусь. На мое письмо они еще не отвечали, вероятно им не понравилось рассуждение об отношениях детей с родителями. Что ж делать, я только в своей сфере могу помириться с ними, и какие бы внешние выгоды ни обещало мне примирение с ними, я ни за что не выйду из своей сферы, которая есть сфера истины и любви,

* Против всех бедствий человеческой жизни, ныне обрушившихся на вас сильнее, чем когда-либо.

в то время как их сфера наполнена ложью, суетой, пошлостью и коварством. Нет, я теперь навсегда отказался от пошлых, половинных примирений: для того чтобы быть действительно, должно всегда быть самим собою.

Пишите же скорее, девочки, и выведите нас из тяжелой неизвестности. Будьте здоровы, спокойны и счастливы по возможности.

Ваш М. Бакунин.

Если барышни Ушаковы не изгнали меня окончательно из своей памяти, то скажите им, что я претендую на сохранение там местечка *.

Знакомство и сближение с истинною женщиною — для меня всегда важное происшествие, а особливо у нас в России, где истинных женщин, женщин с святою, женственною душою, так мало.

Пишите же скорее, девочки.

№ 366.—Письмо Александре Беер.

[Конец февраля — начало марта 1840 года. Москва.]

Милая Alexandrine! Зачем же это Вы всё больны? Зная, какие рефлексии в Вас рождаются во время болезни, меня вдвое беспокоит болезнь Ваша, кроме того, что она и сама по себе — несносная вещь. Если в самом деле нет никаких домашних средств для изгнания ее, в чем я почти уверен, то неужели нельзя послать за доктором в Орел? Но я знаю, Вы станете великодушничать, Вы не захотите быть предметом хлопот и издержек, и в этом-то и является вся ложная сторона Вашего стоического самоотвержения. Христианский стоицизм не может быть основан, подобно древнему языческому стоицизму, на отвлечении от всего, он не может и не должен быть абстрактным, натянутым и пустым пребыванием в себе. Он необходимо условливается внутренним, душевным миром, внутреннею благодатью, свободным и ничем не ограниченным движением душевных сил; а такое состояние духа почти невозможно при Вашей болезни, которая напала именно на

* Эта фраза по-французски в оригинале.

самую духовную часть Вашего организма, на Вашу победную головушку и вытесняет из нее все, что она знала про себя (не примите этого за аллегорию, это просто bon-mot*—Вы знаете, что я терпеть не могу писанных аллегорий и люблю только вышитые).

Итак, если это только не решительно невозможно, решение чего я предоставляю Вашей совести, то, разумеется, остается только терпеть и пользоваться светлыми минутами для того, чтобы дарить их истине и друзьям. Знаете ли, что я читал все это время? Жизнь Фихте [1]. Вот истинный герой нового времени, я всегда глубоко любил его и завидовал его изумительной силе, его способности отвлекать[ся] и от всех посторонних и внешних обстоятельств и от общественного мнения для того, чтобы прямо и неутомимо идти к предположенной им цели, к цели, просветленной самосознательною истиною и благословенной богом. У меня у самого есть нечто в этом роде, но мне нужно еще образовать свою силу, способность спокойно опираться на себя и действовать независимо и наперекор всему внешнему. Да, я чувствую, с глубокой радостью чувствую это, во мне возрождается старое, крепкое, вдохновленное состояние духа, я возвращаюсь к своему живому источнику, я снова становлюсь самим собою. Постойте, милая Alexandrine, из меня выйдет хороший человек, дайте мне только немножко поработать над собою.

Но возвратимся к Фихте. Я непременно пришлю Вам эту книгу и знаю, что она произведет на Вас глубокое впечатление. Одно выражение сильно поразило меня, тем сильнее, что я другими словами на-днях написал то же самое [В. Г.] Белинскому, который все еще хлопочет о счастии; я ему написал, что не всякий человек должен быть счастливым, но всякий должен быть человеком. Фихте же выразился в одном письме к своей любезной гораздо лучше: «Glückseligkeit ist nicht der Zweck unseres Daseins, sondern nur Glückswürdigkeit» **. Впрочем Glückswürdigkeit — высшее счастие, и потому счастие есть все-таки цель человеческой жизни, только не в смысле Белин[ского], для счастия которого необходимо счастливое столкновение внешних обстоятельств. Вся жизнь Фихте есть жизнь духовного, внутреннего героя, и я еще более люблю Рахель [2] за то,

---

* Острота.

** «Целью нашей жизни является не наслаждение счастьем, а достойность счастья».

что она его так любила. Я непременно пришлю Вам эту книгу. Если она произведет на Вас хоть половину того впечатления, которое она произвела на меня, то она Вам даст много прекрасных минут и прибавит Вам много веры в жизнь и силы для жизни.

Знаете ли, милая Alexandrine, я также был в продолжение этих двух недель болен от беспрестанного сидения и писания. Не то что болен, а очень unwohl *, что, по моему мнению, хуже болезни; кроме этого мне грозит теперь флюс, но я надеюсь, что я с ним слажу с помощью камфары и гарлемских капель. Я радуюсь тому, что мне удалось покорить свое Unwohl **, в продолжение которого я работал и работаю столько же, сколько и прежде его.

Вообще я всеми силами старался сделать себя независимым от внешних и внутренних состояний духа, и мне удается это. В некотором отношении жизнь есть беспрестанная борьба, беспрестанное приношение в жертву худого себя хорошему себе. Никогда не позабывайте этого. Dein Verstand ist mir wie ein Licht, dein Wille wie ein Strahl; ich vergesse nicht was du mir sagst ***.

Я знаю, что в сущности мы не разошлись с Танюшей, знаю, что если бы мне можно было съездить в Тверь, то между нами восстановилось бы все прекрасное прошедшее. В письмах же это невозможно, потому что письма будет читать и Alexandrine. Ехать же в Тверь мне невозможно: политика не позволяет.

Прощайте, милая Alexandrine, будьте здоровы.

Ваш М. Бакунин.

Пришлите мне пожалуйста письмо Танюши, на которое она просит Вас не отвечать,—я отошлю Вам его назад.

№ 367.—Письмо Александре Беер.

[Начало марта 1840 года. Москва.]

Милая Alexandrine, пожалуйста не хлопочите обо мне; мне нужно быть в Берлине, и я буду в нем. Если мне нужна будет когда-нибудь духовная помощь, духовная опора, то я прибегну

* Испытывающий недомогание.

** Плохое самочувствие.

*** «Твой разум служит для меня светочем, твоя воля — лучом; я не забываю того, что ты мне говоришь».

к Вам первой с полным сознанием, что я всегда найду в Вас то, чего я ищу, но внешней помощи я ни у кого искать не буду; это необходимо для моего собственного спокойствия. В судьбе моей начинается теперь кризис, и я радуюсь этому; мне давно пора стряхнуть с себя все, что не соответствует моему внутреннему я, все, что без права и без призвания налегло на мея. Все кончится хорошо, я в этом уверен.

Лечитесь, милая Alexandrine, и будьте здоровы; здоровье необходимо.

Ваш истинный друг

М. Бакунин.

Вчера я получил от [В. П.] Боткина письмо; нужно Вам сказать, что он прочел письмо Alexandrine (№ 1) *, которое я также Вам посылаю. Вот его письмо:

«„Боткин будет стараться отдалить тебя от братьев"»,—писал ты в письме своем к А. А. **. Когда я прочел их, они не поразили меня, потому что я чувствовал ложь их; и А. А. не поверила им сначала. Но я ошибся, подобные слова не проходят мимо; они, как камень, должны были пасть на сердце А. А. и постепенно давить его. Злой человек, за что ж ты меня оклеветал? Слышишь ли, поймешь ли, что я тебе говорю? Ты меня оклеветал перед сестрой своей. Ты, как змея, отыскал самое больное место в моих отношениях к ней и уязвил в него.

«Бог да благословит тебя!

«К А[лександре] А[лександровне] я писать не стану, и если ее собственное чувство не разуверяет ее, и я разуверять ее не буду. Это — мое последнее слово и к тебе и к ней».

На это я отвечал письмом (№ 2), а он мне письмом № 3, на которое я также отвечал достойным образом, но не успел переписать ответа и потому и не посылаю Вам его. Дополните своим собственным воображением.

Прощайте.

М. Бакунин.

---

* Александра Александровна Бакунина, сестра М. А. Бакунина.

** То же.

№ 368.—Письмо сестрам Беер.

7-го марта [1840 года]. Четверг.
Москва.

Милые друзья! Вот наконец и Алексей божий человек пустился в путь: это значит, что ваш братец Ал[ексей] Андр[еевич] Беер изволил сюда приехать сегодня ночью в обществе Анны Константиновны * и... Николая Николаевича Дьякова. Анна Константиновна, как вам вероятно уже известно, остается здесь в Москве; я думаю, что вы не будете слишком огорчены этою переменою в ее планах, потому что вам самим было бы тяжело смотреть на ее скуку и на рефлексии и на идеальность, происходящие от скуки.

Правда, что приятно было бы послушать рассказы о тверской жизни, рассказы, которые никогда не могут быть заменены письмами, но что ж делать, бедные девочки, вам не в первый раз покоряться жестоким ударам судьбы.

Что ж касается до Анны Константиновны, то она здесь будет в тысячу раз ближе к той высокой цели, к которой она так красноречиво призывает Софию Констант[иновну] **. Что ж касается до Алек[сея] Андр[еевича], то Константин *** еще не виделся с ним, и потому мы еще не знаем, в каком расположении духа и с какой философской системой он к вам едет; вам иногда будет скучно с ним, бедные девочки, но я знаю, вы теперь умные и будете уметь установить с ним самые простые отношения, в которых вам будет можно соблюсти свою свободу и свое время. Наконец касательно Дьякова я также еще ничего не знаю; остается ли он в Москве или поедет в Тулу, не знаю. Если останется, то я ему посоветую завести пансион как средство, соединяющее в себе и денежную выгоду и общественное благо вместе. От родителей ответа еще нет. Саша **** также молчит. Я до сих пор писал Танюше и Саше вместе, теперь же буду писать одной Танюше. От Вариньки есть письмо, которое мы вам пришлем. Третьего дня слышали мы Symphonie héroique *****, а сегодня будем слушать знаменитого виолончелиста Серва ******

* Ржевская.
** Сестра предыдущей.
*** Беер, брат Алексея.
**** Сестра (Александра Бакунина).
***** «Героическая симфония» Бетховена.
****** Серве.

и Andante из 7-й симфонии. Я очень часто вспоминаю о вас и от души жалею, что вы лишены этого глубокого наслаждения. Что ж делать; когда будем вместе за границей, хоть на Сен-Готарде, тогда будем слушать хорошую музыку. А теперь прощайте.

Ваш М. Бакунин.

Alexandrine, что Ваша голова и приняли ли Вы какие-нибудь меры для излечения ее? Пишите скорее, девочки.

(Дальше идет приписка брата Павла.)

№ 369.—Письмо сестрам Александре и Татьяне.

13-го марта 1840 г[ода].
Москва.

Милая Саша, не обвиняй нас в удалении от тебя; я тебе уж сказал один раз, что кто любит, тот не властен над своею любовью и потому не может ни уничтожить, ни уменьшить ее. Если ты когда-нибудь чувствовала в себе присутствие любви нашей, то я не понимаю, как можешь ты сомневаться в ней теперь; если ж ты никогда ее не чувствовала и никогда не верила ей, то ты хлопочешь из призрака, который ничего не может дать тебе.

Но пусть всякий говорит за себя. Я знаю, Alexandrine, что я всегда горячо любил тебя и что поэтому во мне была всегда сильна потребность близости с тобою. Любовь требует осуществления, осуществление любви заключается в действительной близости людей между собою, действительная же близость состоит в живой и беспрерывной текучести передаваний и принима, ний между ими; где это живое течение, это таинственное слияние двух внутренних индивидуальных миров прерывается, там индивидуальности становятся друг для друга внешними, там перестает любовь быть действительною и из действительной превращается в неосуществленную возможность и потребность любви.

Я всегда глубоко чувствовал и понимал эту истину и долго старался положить и устроить незыблемое основание наших взаимных отношений. Так как в стремлении своем я часто, очень часто бывал один, то очень естественно, что руководимый только своею внутреннею потребностью и не освещенный такою же потребностью с вашей стороны, я очень часто впадал в ошибки, в

ошибки, которые были часто и совершенно несправедливо приписаны деспотическому направлению моего характера и моему чудовищному самолюбию. Я заслужил эти обвинения потому, что старался о невозможном; они были мне полезны, открыв мне, что индивидуальность каждого человека есть неприступная тайна, не открывающаяся без его любви, без его воли и без его собственной, внутренней, задушевной потребности открыться. Откровенность не может быть обязанностью, но должна быть живою потребностью, от силы которой зависит ее осуществление. Вследствие этого я стеснил, задавил в себе прозелитическое направление своего характера и, наученный тщетностью моих усилий и несправедливостью не понимавших их цели, решился оставить все эти старания, хлопоты и, предоставив каждого самому себе, уйти в самого себя так же, как и вы беспрестанно уходили в себя. Я не вправе требовать, чтобы другие переменили для меня свои мысли, мнения, чувства — каждый живет своею жизнью, но другие также не вправе требовать, чтоб я отказался для них от того, что составляет всю сущность моей жизни.

Личности людей должны быть абсолютно самостоятельны и свободны. Если в этих самостоятельностях водворяется всепроникающее и нераздельное единство общего направления, общей жизни, то они ощущают его, и это ощущение называется любовью. Если же между ними этого живительного единства нет, то они остаются друг для друга внешними и чуждыми; при чем действительность любви невозможна, потому что действительная любовь уничтожает всякую внешность и чуждость. При таких отношениях они могут уважать и любить или, лучше сказать, чувствовать потребность любить друг друга, потому что любовь и чуждость несовместны; и если эта потребность действительна, то она необходимо осуществляется, если же она не осуществляется, то это знак, что она — не более как ложный призрак.

Вот тебе мое вероисповедание, милая Саша, оно может служить тебе ключом к истинному пониманию наших настоящих отношений и моей настоящей жизни вообще.

Впрочем ты, может быть, не поймешь меня и придашь моим словам чуждое им значение. Всякий человек находит то, что ему нужно. Если он ищет истины, то он находит истину, если же он ищет лжи, то истина превращается для него в ложь. Впрочем я скажу еще несколько слов для пополнения моего вероисповедания. Всякий человек должен жить благодатною, истинною,

внутреннейшею любовью своей жизни. Кроме всеобщей религии, кроме всеобщего единства человека с богом, каждый имеет в глубочайшем тайнике своей внутренней жизни непосредственное, личное, исключительно ему принадлежащее отношение к богу — отношение, которое составляет истинное я, внутреннего гения человека. Истинное я никогда не может противоречить содержанию всеобщей, христианской религии, потому что как последняя есть воплощение бога в конечном духе, в человеке вообще, так и оно есть воплощение бога в индивидуальной особенности каждого отдельного лица. Истинное я есть личность человека, личность, которая никогда не может быть грешною и ложною, потому что она есть непосредственное единство индивидуального человека с богом. И потому вся жизнь человека, все его стремление должны состоять в том, чтоб его индивидуальность, исполненная греха и лжи, исчезла в осуществлении его живой и вечной личности. Вся жизнь его есть не что иное, как искание самого себя, своего личного человеческого достоинства и блаженства; личность каждого человека глубоко похор[он]ена в нем, и так как она разнится от его индивидуальности именно тем, что она есть первоначальное воплощение бога в индивидуальности каждого, то он и не может найти ее своими собственными индивидуальными средствами и силами и нуждается в божией помощи, которая дается всякому в откровенной всеобщей истине — в христианской религии. Неразрывное единство с божественною истиною христианства и с божественною личностью воплощенного бога — Христа есть необходимое условие единства с самим собою и действительного осуществления внутренней личности. И потому человек, ищущий счастья вне христианской истины, обманывает и себя и других, своевольно отрывается от бога и от самого себя и попирает ногами и святость души своей, и свое человеческое достоинство, и великое назначение своего бессмертного духа.

Кому нужна истина, тот скоро найдет и поймет ее. Несмотря на бесконечную глубину или, лучше сказать, именно вследствие бесконечной глубины своей истина проста. Кто хочет устроить свое или чужое счастие или достигнуть какой бы то ни было хорошей или худой цели средствами, противными простым и совершенно ясным законам истины и любви — потому что истина есть единственно действительная любовь, все же другое, в какое бы платье оно ни наряжалось, есть преступная ложь и

самообольщение, — кто, обманывая других и себя, ищет спасения и удовлетворения в своем индивидуальном произволе, в своих индивидуальных мнениях, в том не может быть ни человеческого достоинства, ни чувства своей нравственной, внутренней чистоты, тот сам обрекает себя на страдание. Кто говорит, что он любит, и в это же самое время чувствует в себе сухость и способен к грешным и односторонним рефлексиям и болезненно и эгоистически уходит в себя, тот произносит хулу на святую любовь, потому что она расширяет душу человека, смягчает его жесткое сердце, вырывает его из эгоистического и тесного сосредоточения в себя и наполняет душу его истиною, бесконечным содержанием жизни, превращает ее в настроенную сферу, отзывающуюся на каждый живой, светлый звук, прикасающийся к ней, и растворяет ее для всякого, приближающегося к ней с любовью. Кто любит, тот бесконечно глубок и прост в душе своей, того мысли светлы и чувства прозрачны, тот неспособен к черной и грешной мысли. Вот почему я никогда не верил Alexandrine Beer *, когда, говоря о своей любви, о своей религии и о своем спокойствии, она говорила вместе о самоубийстве: самоубийство есть хула на святого духа, потому что оно есть абсолютное отрицание любви, истины и жизни; кто убил самого себя, тот заслуживал бы уничтожиться навсегда, если б бессмертный дух человека мог только уничтожиться.

Кто говорит про себя, что он религиозен, и в спокойные минуты своей жизни прекрасно рассуждает о религии, для того чтобы в темные минуты, в трудных обстоятельствах и противоречиях жизни позабыть ее и искать утешения, руководства и разрешения не в святом содержании ее, но в своем произволе и в своих бедных индивидуальных мнениях, тот богохульствует, потому что религия только тогда действительна, когда она является в сильных противоречиях и отрицаниях. Кто в трудных обстоятельствах жизни боится быть истинным, боится истиною причинить много зла и для избежания его прибегает к своим индивидуальным, а следовательно и ложным средствам, тот богохульствует даже и тогда, когда он жертвует самим собою, богохульствует потому, что он верит в свою премудрость и в свои силы более, чем во всемогущество и в премудрость божественной истины; в том нет любви, в том нет достоинства и святости, по-

---

* Александре Беер.

тому что любовь есть безграничное признание истины, а достоинство и святость человека состоят в свободном и бесстрашном служении ей.

«Настоящий атеизм, — говорит Фихте, — неверие и безбожие в собственном смысле состоит в том, что человек у м н и ч а е т над последствиями своих поступков, готов подчиниться голосу своей совести не прежде, чем усмотрит хороший их результат, таким образом ставит свое собственное суждение выше божия совета и самого себя возводит в боги.

«Кто хочет делать зло, дабы таким путем достигнуть добра, тот есть безбожник. В моральном мироправлении из зла никогда не может проистечь добра, и если ты веришь в первое, то не можешь думать последнего.

«Ты не должен лгать, хотя бы весь мир должен был из-за того распасться на куски. Но это лишь способ выражения. Если бы ты серьезно мог верить, что он распадется, то по крайней мере твое существование было бы просто противоречивым и самоуничтожающим. Но этому ты не веришь, и ты не можешь и не вправе этому верить; т ы з н а е ш ь, ч т о в п л а н е е г о с о х р а н е н и я р а с ч е т н а в е р н о о с н о в а н н е н а л ж и» *.

Наконец, кто утверждает, что в нем есть религия и что он хочет быть в единстве с богом и быть его живым сосудом, но вместе не хочет покориться ему неограниченно и безусловно, не хочет отказаться от своего произвола и от своих индивидуальных мнений, тот богохульствует, потому что с богом условий делать нельзя. Он всякого предоставляет его собственной воле, но поселяется только в том, кто от всей души зовет и жаждет его.

Видишь, милая Саша, как во мне сильна привычка болтать и проповедывать ни к селу ни к городу. Я не мог удержаться от того, чтобы не пересказать тебе моего образа мыслей. Впрочем, ты должна простить меня, потому что эти мысли — жизнь моя, и я хотел восстановить свободное, уж очень давно прервавшееся течение между нами. Удастся ли мне это или нет, ты сама лучше знаешь.

Теперь обратимся к собственному предмету этого письма, к нашим отношениям. Что мы любим друг друга, ты верно в этом не сомневаешься; но между нами нет теперь действительной бли-

* Цитата из Фихте приведена по-немецки в оригинале.

зости. Кто ж в этом виноват, Alexandrine? Я смело утверждаю, что не я, потому что в продолжение долгого, очень долгого времени я старался и хлопотал об этой близости. Вас я также не обвиняю потому уже, что здесь слово вина не у места; вина может быть только там, где что-нибудь зависит от воли: любовь же, откровенность и доверенность, как потребности, рождающиеся и исчезающие независимо от воли человека, исключают всякую вину.

Я нисколько не изменился, Alexandrine, я — тот же самый, каким ты меня всегда знала, с тою только разницею, что прежде я насильно врывался во внутренность индивидуального мира человека; теперь же, сознав ложность и незаконность такого насильства, происходившего впрочем не из эгоистического деспотизма и не из самолюбия, как многие думали, но из отвлеченного взгляда на жизнь, теперь я оставил все эти усилия и подобно вам заключился в самого себя, заключился впрочем не совсем, но так, что всякий, имеющий во мне действительную потребность и взявший на себя труд подойти ко мне, найдет во мне всю полноту моей любви и моей жизни. Собственно для себя я остался тем же отвлеченным человеком, каким я и прежде был, — для других только стал я конкретнее; вот почему вы заметили теперь наше взаимное удаление, которое впрочем уже очень давно между нами существовало.

Я всегда говорил, что нужно жить тем, что есть, а не тем, чего желаешь и чего нет; но теперь только вполне осуществил для себя и в себе это правило. Милая Саша, советую и тебе сделать то же, и если в тебе нет того, что я называю действительною потребностью сближения, то не принуждай себя: из такого принуждения, которое не более как ложь, ничего доброго не выйдет. Посмотри смело и добросовестно внутрь себя, и тогда ты увидишь, что тебе в самом деле нужно, увидишь свои действительные потребности. Истина открывается только перед смелым и свободным взглядом.

Man muss mit sich und mit allem ins Reine sein, — und in dieser Reinheit und Kraft dieser Reinheit leben *.

Вот абсолютное правило для жизни, следуя которому вы всегда будете чисты, счастливы и спокойны, милые девочки.

* Нужно начисто выяснить истинное положение по отношению к себе и ко всему и жить в этой чистоте и в силе этой чистоты.

Танюша, узнай пожалуйста, отослана ли моя «Философия права», и если отослана, то на чье именно имя.

Прощайте.

Брат ваш
М. Бакунин.

14-го марта 1840 [года].

Милые девочки! Сейчас перечитал письмо мое к вам, написанное еще вчера, и во мне пробудились рефлексии: посылать ли его или нет? Я знаю, что оно покажется вам холодно, морозно, а, может быть, и недобросовестно и произведет на вас неприятное впечатление; но знаю также, что я писал его не в холодном расположении духа, а напротив с любовью в душе, с любовью к вам, милые девочки. Как же разрешить это противоречие? Я поставил себя на ваше место и спросил себя: что было бы для меня лучше: получить откровенное, какое бы оно ни было, письмо или равнодушное, деланное, ничего не высказывающее? Я чувствую, что выбрал бы первое, а потому и решился и вам послать его.

Милые девочки, никогда не сомневайтесь в любви моей; привычка любить вас слишком глубоко вкоренилась в меня и срослась с существеннейшею стороною моей жизни, для того чтоб я мог оторвать ее от себя; да если б и мог, то и тогда бы я ни за что не захотел этого сделать.

Вы сами не знаете, как много прибавила мне силы и жизни моя любовь к вам, каким драгоценным сокровищем была для меня всегда любовь ваша ко мне; я могу покориться судьбе и отказаться в настоящем от того, что я прежде считал моею святою и вечною собственностью. Но ни за что в мире и никому не отдам [я] святого прошедшего, которое, как неотъемлемое и драгоценное сокровище, всегда будет жить в душе моей. Саша, ты ошибаешься, если думаешь, что нас разлучает твоя любовь к [В. П.] Б[откину]; твое счастие было бы моим, если бы я мог видеть, ощущать его; но ты скрылась с ним в самой себе, ты сама разорвала нить, связывающую нас, между нами нет того живого течения любви, о котором я тебе говорю и без которого я не умею ни чувствовать, ни понимать ее.

Счастие и любовь расширяют душу, а твоя душа, по крайней мере для меня, теперь сузилась. Не думай впрочем, что я этим хотел заставить тебя насильно выйти из своей сосредоточенности; нет, Alexandrine, я никого не хочу заставлять и принуждать

к чему бы то ни было. Будем все свободны, пусть каждый из нас идет своею отдельною и одинокою дорогою, и если между нами теперь невозможно то живое и животворное единство, в которое мы прежде так сильно, так безусловно верили, то каждый из нас сохранит наверное память о святом прошедшем, память, которая будет нашим руководителем в жизни.

Прощайте, девочки.

Ваш брат
М. Бакунин.

Alex. B. * поручила мне, Танюша, переслать тебе письмо Вариньки к ней — чудное письмо!

№ 370.—О философии.

Статья первая.

Нигде так сильно не является разноголосица, составляющая существенный характер нашей современной литературы, как в вопросе о философии: одни утверждают, что философия есть действительная, высшая наука, разливающая свет на все отрасли знания и требующая положительного изучения; другие же напротив уверяют, что она не более как сброд фантазий, пустая игра воображения, мешающая развитию других положительных наук. Одни говорят, что человек, занимающийся ею,— погибший человек, потому что она отрывает его от всякой действительности, убивает в нем всякое верование, поселяет в нем сомнения и из здорового, крепкого, для себя и для общества полезного человека превращает его в болезненное, фантастическое и решительно бесполезное существо; другие же напротив утверждают, что философия есть единственное средство к уничтожению всякого сомнения, всякой духовной болезни, единственное средство к примирению человека, уже подпавшего раз пагубному влиянию скептицизма, с действительностью, с небом и землею.

Откуда же это противоречие и есть ли возможность разрешить его? Разрешение же его должно интересовать всякого благомыслящего человека, всякого друга просвещения, потому что польза, обещаемая с одной стороны, и вред, представляющийся

* Александра Беер.

с другой, так сильны и резки, что не могут не обратить на себя внимания. Этот вопрос — один из важнейших вопросов нашего времени, и потому всякий, принимающий участие в нашем родном, русском просвещении, должен по мере сил своих способствовать к его разрешению.

Одна из главных причин недоразумения есть большей частью неопределенность понятий и выражений, и потому мы постараемся прежде всего определить, что такое философия, для того чтобы потом, основываясь на определенном понятии ее, быть в состоянии разрешить два другие вопроса: полезна ли философия и возможна ли она?

Что такое философия, и в чем состоит предмет ее? — вот первый вопрос, представляющийся нашему исследованию. Философия в переводном смысле этого слова значит «любомудрие», — выражение, которое и до сих пор еще употребляется некоторыми из наших писателей; но оно слишком неопределенно: любить мудрость может всякий, не будучи философом и не занимаясь философиею как наукою. Весьма жалко было бы, если бы мудрость и любовь к ней были исключительным достоянием только малого числа людей, занимающихся философией, и оставались недоступными для прочих. Эти прочие составляют большинство человеческого рода, а человеческий род, на какой бы степени развития ни был, жаждет мудрости и не может существовать без нее. Есть практическая мудрость, вытекающая из религиозного образования человека и составляющая одну из существенных основ государственного благосостояния: это — мудрость семьянина, мудрость члена гражданского общества, государственного человека, приобретаемая религиозным воспитанием, познаниями и опытом жизни. Петр Великий не был философом, но никто не станет отрицать в нем мудрости и любви к мудрости. Явно, что слово «любомудрие» образовалось в Греции, когда наука не приобрела еще самостоятельности и когда под именем философии разумели политическую мудрость и житейское благоразумие вообще. Слово «философия» и «философ» употребляются у нас еще и в другом значении; чиновник, не получивший ожидаемого им награждения, говорит: «я — философ и с твердостью переношу свое несчастье!». Нисколько не думая отрицать твердости и высокой добродетели, необходимых для такого геройского поступка, мы все-таки не можем принять этого совершенно особого значения слова «философия» в круг нашего исследования.

С некоторого времени у нас ввелось обыкновение, — и это обыкновение перешло к нам от французов, — называть всякое резонёрство философиею; в этом смысле и Фамусов, рассуждая о худых последствиях невоздержности, говорит:

Куда как чудно создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится!
То бережешься, то обед;
Ешь три часа, а в три дня не сварится!

Во Франции беспрестанно выходят романы под названием «Roman philosophique»; некоторые из них полны глубокого интереса, проникнуты важнейшими вопросами настоящего времени, но не менее того * они не имеют права на имя философских: можно быть весьма образованным человеком, принимать сильное и счастливое участие в вопросах времени и не быть философом. Философия есть положительная, сама в себе заключенная и последовательная наука; резонерство же и обыкновенные рассуждения не имеют и не могут иметь притязания на наукообразную последовательность. Это обыкновение, образовавшееся в школе так называемых французских философов XVIII века, имело самые вредные последствия для философии: пустое резонерство, поверхностные и легкомысленные рассуждения произвели много зла на земле и погубили многих молодых людей, оторвав их от существенных и важных интересов жизни и предав их пагубному владычеству необдуманного и бессмысленного произвола. А так как они облекались в громкое имя философии, то вследствие этого и произошло общее мнение, что философия, безбожие и либерализм, опасные для благосостояния общества, — одно и то же. Но это мнение совершенно ложно: человек, истинно мыслящий и действительно занимающийся философией, не может быть легкомысленным и никогда не будет безбожником и пустозвонным либералом; первый действительный шаг в области истинной философии есть уже отрицание всякого легкомыслия; в постепенном развитии своем философия может впадать в односторонность, в отвлечение, но ее стремление всегда важно, всегда проникнуто глубокою любовью к истине: такая философия никогда не будет безбожною и анархическою, потому что сущность ее жизни и ее движения состоит в искании бога и вечного, разумного порядка.

Что же такое философия? Некоторые германские писатели XVIII века стали называть ее «светскою, мирскою мудростью»

* Т. е. тем не менее.

(Weltweisheit) в противоположность религиозному знанию *. Но это выражение также неопределенно и не обнимает всей сущности философии: практический опыт жизни, знание света и частных обстоятельств, составляющих современное состояние его, могут быть также названы мирскою мудростью, несмотря на то, что они не принадлежат к философии и возможны вне ее. Вероятно ей дали это название потому, что она не ограничивается только одним отвлеченным бесконечным, но обнимает и конечную сторону жизни — природу и человеческий дух; но ведь она не ограничивается также и конечным, обращается к нему не для того, чтоб остановиться на нем, но для того, чтобы понять связь, единство его с бесконечным. Предмет философии не есть отвлеченное конечное, точно так же как и неотвлеченное-бесконечное, но конкретное, неразрывное единство того и другого: действительная истина и истинная действительность.

Итак философия есть познание истины. Гегель, увенчавший системою своею величественное здание новой германской философии, говорит, что теперь настало время, когда философия из любви к мудрости, к истине должна превратиться в действительное знание истины. Но и это определение для нас еще не довольно определенно. Что подразумевается здесь под словами знание и истина? Когда я знаю например, что в моей комнате стоит стол, то ведь это также — знание истины, потому что стол в самом деле стоит в моей комнате; по крайней мере многие из наших врагов философии не посовестятся назвать такое знание истинным; а если и посовестятся, то не иначе, как изменив своему тайному началу, состоящему в отрицании всякой другой истины кроме бесконечного многоразличия случайностей, наполняющих мир. Что стол стоит в моей комнате, может быть совершенно справедливо, но это не более как случайность, не заключающая в себе никакого интереса и не имеющая права на название истины, ибо одно из главных определений истины есть необходимость.

В наше время многие отрицают пребывание «необходимости» в истории, а следовательно видят в ней не более как пустую игру случайностей и, несмотря на это, утверждают в пользу истории и называют ее наукою. Но в этом заключается явное противоречие: если всемирная история в самом деле — не более как бес-

* Сюда принадлежат братья Шлегели[1] и их школа. *(Примечание автора).*

смысленный ряд случайностей, то она не может интересовать человека, не может быть предметом его знания и не в состоянии быть ему полезною. Случайным называем мы то, что не имеет в самом себе необходимой причины своего пребывания, что есть не по внутренней необходимости, но по внешнему, а следовательно и случайному столкновению других случайностей. Случайно то, что могло бы быть и иначе. Интересовать же человека и быть ему полезным может только то, что имеет в себе какой-нибудь смысл, какую-нибудь связь; а если эта связь случайна, то все человеческое знание низложится до мертвой работы памяти, обязанность которой будет заключаться единственно только в сохранении случайного пребывания случайных, единичных фактов друг подле друга и друг за другом. Но сущность всякого познавания состоит именно в самодеятельности духа, отыскивающего внутреннюю, необходимую связь в фактах, разрозненных во внешности; дух приступает к познаванию с верою в необходимость, и первый шаг познавания есть уже отрицание случайности и положение необходимости. И потому, говоря об истине, мы будем уже разуметь под этим словом не что-нибудь случайное, но необходимую истину.

Кроме этого слово «истина» употребляется еще и во множественном числе; обыкновенно говорят о математической, исторической и других истинах, и каждая из них имеет свою собственную внутреннюю связь, свою собственную необходимость. Но соединены ли эти особенные истины какою-нибудь высшею связью? есть ли в них всеобщее единство? Было время, когда каждая из таких особенностей становилась исключительным и почти единственным предметом изучения, так что ученый, занимавшийся одною из них, не хотел и не считал себя обязанным знать о других; это раздробление единой и нераздельной истины на особенные, друг для друга внешние и друг к другу равнодушные участки было непосредственным результатом эмпиризма, основанного в конце XVI века английским лордом Бэконом, бароном Веруламским; оно было необходимо для полной и точной разработки обширного поля действительности естественного и духовного мира, бесконечное многоразличие его должно было раздробиться на особенные и ограниченные части для того, чтобы сделаться доступным подробному исследованию, и в XVII веке образовалось множество особенных, друг от друга совершенно независимых ученых направлений: одни, ограничи-

ваясь исследованием природы, не вмешивались в область духовной жизни, другие же напротив, избрав область духа, не имели понятия о природе; мало того, как-будто не доверяя силам своим, ученые XVII и большой половины XVIII века старались по возможности раздробить и эти две огромные половины действительного мира: иной предавался исключительному изучению римского права, не подозревая того, что право какого бы то ни было народа понятно только из его истории и что история особенного народа получает жизнь и смысл только в связи своей с историей целого человечества. Таким образом раздробление доходило до невероятной крайности. С одной стороны оно было весьма полезно, но с другой — оно совершенно разрушило живую связь, соединяющую знание с жизнью, и породило множество странных, ограниченных, педантических и мертвых ученых, чуждых всему прекрасному и высокому в жизни, недоступных для всеобщих и бесконечных интересов духа, слепых и глухих в отношении к потребностям и к движению настоящего времени, влюбленных в мертвую букву, в безжизненные подробности своей специальной науки. И до сих пор еще встречаем математиков, зарытых в своих формулах и не подозревающих, что за этими формулами кипит прекрасная, полная глубокого, бесконечного содержания жизнь *; и теперь еще встречаем медиков, которые не имеют понятия о том, что есть жизнь и развитие духа, независимые от законов органической жизни. Но в наше время такие явления—анахронизмы. Наше время в противоположность прошедшему веку стремится ко всеобщему, живому знанию; оно слава богу поняло, что только живое знание истинно и действительно, что жизнь есть тот необъятный, вечно бьющий родник, который дает ему бесконечное, единственно-достойное его содержание; оно поняло наконец, что буква мертвит и что только единый дух живит, и сознало вместе, что этого живого и животворящего духа должно искать не в мелких и разрозненных частностях, но во всеобщем, осуществляющемся в них, и что все различные отрасли знания составляют одно величественное и органическое целое, оживленное всеобщим единством, точно так же, как все различные области действительного мира суть не более как различные гармонически устроенные проявления еди-

* Гёте говорит, что всякий имеющий календарь никогда не позабудет великих заслуг математиков, но что математики в свою очередь не должны также позабывать, что они все имеют кроме двух вещей: любви и духа.

ной всеобщей и вечной истины. Всеобщее было всегда единственным предметом философии, и это — одно из высоких преимуществ и заслуг ее; она всегда искала мысли, значения действительного мира; мысль же по существу своему есть всеобщее; стараться понять какое-нибудь явление и искать в нем всеобщего — одно и то же. Но до появления так называемой эмпирической философии это стремление было отвлеченно; оно ограничивалось только отвлеченным понятием, отвлеченным всеобщим, отвлекало[сь] от его действительности, а потому и не обнимало всей конкретной и целостной истины, которая состоит в их неразрывном единстве. Всеобщее имеет реальное осуществление: оно осуществляется как действительный естественный и духовный мир; это — существенный и необходимый момент его вечной жизни, и великая заслуга эмпиризма состоит в том, что он обратил внимание мыслящего духа на действительность всеобщего, на конечный момент бесконечного, на разнообразие естественной и духовной жизни. Он впал и по существенному характеру своему должен был необходимо впасть в другую крайность: за разнообразием конечного многоразличия действительного мира он потерял из вида единство бесконечного... Но никакая ложь не может удержаться во всемогущей диалектике исторического развития духа, и потому это заблуждение исчезло, и нашему веку было предоставлено понять неразрывное и разумное единство всеобщего и особенного, бесконечного и конечного, единого и многоразличного. Вследствие этого под словом «истина» мы будем уже разуметь абсолютную, т. е. единую, необходимую, всеобщую и бесконечную истину, осуществляющуюся в многоразличии и в конечности действительного мира.

Итак, философия есть знание абсолютной истины. Нам известно уже значение слова «истина», но неизвестно еще значение философского знания: в чем состоит оно и какая разница между ним и обыкновенным знанием? Вот вопрос, от разрешения которого зависит теперь разрешение нашего главного вопроса, вопроса о сущности философии. Понятие абсолютной истины, определенное нами перед сим, должно руководить нас в предстоящем исследовании; абсолютная истина есть единственный предмет философии, и потому только знание, обнимающее ее, может быть названо философским. Вследствие этого знание случайностей, какого бы рода они ни были, уже само собою исклю-

чается из области философского ведения, главный предмет которого есть *всеобщее и необходимое*. Однако ж и *эмпирические науки* также не имеют другого предмета: они также не останавливаются на явлении, на особенных фактах, но отыскивают в них *всеобщие и необходимые законы и причины* их существования. Какая же разница между ними и философиею?

Для пояснения этого вопроса рассмотрим сперва сущность *эмпиризма*. Какое главное основание его? Опыт! *Только то достоверно, что входит в область опытного созерцания человека*, — вот его основное положение. Но что же входит в область опыта? То, что дается нам нашим внешним или внутренним созерцанием, — внешние и внутренние впечатления; это — первое. Но непосредственное созерцание не ограничивается впечатлениями; оно группирует их вокруг единичных центров и дает нам множество отдельных предметов, имеющих многоразличные качества и расположенных друг подле друга в пространстве и друг за другом во времени; впечатления, данные нам прежде всего чувственным созерцанием, не остаются разрозненными, но собираются вокруг нескольких центров и составляют различные качества различных предметов. Например я вижу перед собою несколько домов, дорогу, небо и т. д.; если я стану разбирать это созерцание, то увижу, что в нем заключаются две вещи: во-первых впечатления: желтое, красное, синее и другие, и во-вторых собрание всех этих впечатлений вокруг нескольких центров, составляющих друг от друга отдельные и друг для друга внешние предметы: дома, небо, улицы и так далее, качества которых явились мне сначала в форме различных впечатлений. Вследствие этого мы должны различать в чувственном, внешнем созерцании две различные деятельности: 1) *восприемлемость*, дающую нам многоразличие впечатлений в пространстве и во времени, и 2) *самодеятельность* мысли, приводящей многоразличное к единству, принимающей различные впечатления как качества единичных, друг от друга отдельных предметов и сознающей взаимное отношение этих предметов. Одним словом в самом чувственном созерцании, как в созерцании человека, уже является *бессознательная* деятельность мысли (т. е. всеобщего), бессознательная, потому что чувственное созерцание само не сознает ее: обе деятельности в нем одновременны и неразрывно связаны. То же самое происходит и во

внутреннем, духовном созерцании человека, в котором весь духовный мир его является ему непосредственно. Внутреннее созерцание дает нам также разнообразие внутренних ощущений: гнева, радости, страдания, влечения и т. д. и приведение этого многоразличия к единству. Таким образом знание наше, основанное на непосредственном созерцании, есть сначала представление отдельных и друг от друга различных предметов чувственного и духовного мира; это знание есть необходимая степень в феноменологическом развитии человека и принадлежит равно как обыкновенному сознанию, так и эмпиризму; но эмпиризм точно так же, как и обыкновенное сознание, не останавливаются на нем: они не останавливаются на равнодушном пребывании предметов друг подле друга и друг за другом, — оба стараются найти деятельное отношение предметов между собою, найти всеобщее и необходимое в их многоразличии; оба получают содержание и достоверность своего содержания от непосредственного созерцания, от внутреннего или внешнего чувства, и оба стремятся проникнуть его всеобщим, мыслию. Какая же существенная разница между ними? Ее трудно определить, потому что между ними нет характеристической границы, потому что они более или менее друг с другом сливаются и потому что открытия, делаемые эмпиризмом, рано или поздно переходят в область обыкновенного, образованного сознания; оба принадлежат к опытному знанию; деятельности их совершенно одинаковы, и между ними только та разница, что обыкновенное сознание рассуждает без всякой системы, не имеет претензии на наукообразную последовательность и перескакивает от одного рода предметов к другому, в то время как эмпиризм облекает себя в громкое имя науки, старается дать открытиям своим хоть наружный вид необходимой последовательности и подвести их под внешнюю систему *.

Мы сказали, что деятельность обыкновенного сознания и деятельность эмпиризма совершенно одинаковы: постараемся

---

* Для того, чтобы убедиться в этом, довольно просмотреть «Физику» Щеглова или «Антропологию» Шульца или хоть «Опыт истории философии по Рейнгольду», составленный Ф. Надеж[д]иным (Санктпетербург, 1837 г.) [2]. Г. Надеж[д]ин — очень ученый человек, знает множество фактов; но обогатившись множеством познаний, он, по нашему мнению, позабыл приобресть одно — истинное знание; вследствие этого он резонерствует там, где следовало бы понимать и мыслить, и его «Очерк истории философии» есть не что иное, как сухая компиляция. — *Соч[инитель]*.

объяснить и доказать это, для того чтобы предупредить и уничтожить всякое недоразумение. Разрешение этого вопроса у нас в России тем важнее, что мы почти не следовали за развитием философской мысли в новейшее время. Если бы мы знали например, что непосредственным и необходимым результатом эмпиризма были материализм и натурализм XVIII века, то верно не стояли бы так крепко и так упорно за непреложность эмпиризма, но постарались бы проникнуть в его слабую сторону и освободиться от постыдных сетей, которыми он опутывает свободный и бессмертный дух человека.

Как образуется обыкновенное сознание? Человеку представляется бесконечное многоразличие чувственного и духовного мира; он проникает в это многоразличие, хочет понять его, сродниться с ним; его окружает бесконечное множество преходящих и случайных единичных предметов, и он ищет в них постоянного, неизменяемого; он хочет знать всеобщую и необходимую причину их пребывания, неизменяемый закон их жизни, их изменяемости и развития. Разумный и единый по своей сущности дух человека ищет разумности и единства в многоразличии окружающего его мира. Что же делает он для удовлетворения этой потребности? Он не останавливается на единичности явлений, но сравнивает их между собою и отвлекает[ся] от их способностей для того, чтобы найти в них всеобщее и необходимое. Например для того, чтобы понять причину и сущность дождя, грозы, ветра и так далее, человек наблюдает сперва эти единичные явления, но потом отвлекает[ся] от этого дождя, от этой грозы, от тех случайных и внешних обстоятельств, при которых они именно теперь явились и которыми они теперь [об]условлены, для того, чтобы, основываясь на многих подобных наблюдениях, возвыситься до всеобщего и необходимого закона образования туч, до сущности электричества и так далее. Кроме того человек не ограничивается исследованием какого-нибудь одного рода явлений; он ищет первоначального и высшего закона естественной и духовной жизни, а этот закон должен обнимать все явления, все различные области действительного мира. Каким же образом узнать его? Для этого должно наблюдать за проявлениями его во всех областях действительности без исключения; должно изучать все естественные, исторические и другие факты; мало того, должно понять живую связь между природою и духом, их взаимное отношение. Одним словом человек, отправляясь от внешнего и

случайного многоразличия, которое окружает его, должен возвыситься до единого, всеобщего и необходимого начала, должен понять необходимое обособление (Besonderung) первоначального закона в множестве других частных законов и осуществление его в действительном мире. Обыкновенное сознание стремится к этой цели посредством наблюдения, сравнения, отвлечения и аналогии; но достаточны ли эти средства и могут ли они довести до цели?

Всякий человек образуется под непосредственным влиянием того общества, в котором он родился. Но каждая нация, каждое государство имеет свою особенную нравственную сферу, свои поверья, свои предрассудки, свою особенную ограниченность, зависящие отчасти от его индивидуального характера, от его исторического развития и от отношения его к истории целого человечества. Каждое государство и каждое время имеют свои особенные понятия и свое особенное воззрение на жизнь; мало того, всякое государство распадается на несколько различных общественных слоев, и каждый из них имеет в свою очередь свою индивидуальную черту, свою собственную особенность, так что обыкновенное сознание развивается под самым многоразличным влиянием. С воспитанием ума всасывает оно в себя готовые понятия, готовую нравственную и духовную сферу, и деятельность его, по сущности своей всегда одинаковая, видоизменяется физическими и духовными обстоятельствами, окружающими его. Вследствие этого развитие его всегда бывает ограниченно и односторонне, и оно не может быть способно к обнятию абсолютной истины.

Обыкновенное сознание приступает к действительному, естественному и духовному миру с бессознательною верою, что во внешнем многоразличии этого мира пребывает абсолютная истина. Вера эта является в том, что она не останавливается на равнодушном и случайном многоразличии единичных предметов, но отыскивает в нем единство, всеобщность и необходимость; она * не удовлетворяется каким-нибудь частным законом или многими относительно-всеобщими законами; но старается привесть их ко всеобщему, абсолютному единству. Бессознательна же эта вера потому, что она не имеет ясного сознания о единственной и главной цели своего стремления, об абсолютной истине.

Сообразно с сущностью своею обыкновенное сознание может находить абсолютную истину только в ее многоразличном прояв-

* В оригинале опечатка: сказано «оно».

лении, и для этого оно должно бы было обнять все бесконечное разнообразие действительного мира; но оно бывает всегда односторонне и ограниченно и обнимает только весьма малую часть этого разнообразия, часть, нуждающуюся в дополнении другими частями, а потому оно и не может обнять абсолютной истины. Чем же помочь этому злу и каким образом уничтожить ограниченность естественного сознания? В этом заключается главная задача эмпиризма как науки, — и мы разберем его как можно подробнее, для того чтобы узнать, точно ли достигает он своей цели.

Эмпиризм как наука освобождает естественное сознание от его индивидуальной ограниченности, от его предрассудков и вырывает его из оков определенного пространства и определенного времени, обогащая опытность его опытами, сделанными на других пространствах и в другие времена. Он по возможности расширяет духовную сферу обыкновенного сознания. Но для того, чтобы достичь своей цели, он должен уничтожить всякую ограниченность, всякую односторонность, должен обнять все бесчисленные прошедшие, настоящие и будущие явления действительного мира Может ли он это сделать? Нет, и следовательно эмпиризм также неспособен к познанию абсолютной истины. Он сильно способствует к расширению кругозора обыкновенного сознания; он не ограничивается опытами одного народа или одного определенного времени и старается обогатиться опытами всех народов и всех времен; но и это стремление имеет свою границу, и до тех пор, пока граница эта существует, познание абсолютной истины невозможно. Как же уничтожить ее? и есть ли средство для совершенного освобождения эмпиризма, опытного знания, от конечных условий пространства и времени? Решительно нет.

Кроме того мы сказали выше, что одно из существенных различий между обыкновенным сознанием и эмпиризмом состоит в том, что обыкновенное сознание познает без всякой наукообразной последовательности; эмпиризм же старается облечь познания свои в наукообразную форму. В чем же состоит эта наукообразность? В совершенно внешнем и более или менее произвольном подразделении. Для того чтобы убедиться в этом, стоит только просмотреть любой курс физики, химии или даже логики, потому что и логика в том виде, в каком она у нас обыкновенно преподается, принадлежит также к разряду чисто эмпирических наук. В физике например рассматриваются сперва «общие свойства

тел и их различные состояния», потом «общие понятия о равновесии и движении», потом переходят к статике, к динамике, а потом говорят о твердых телах в особенности, о их фигуре, скважности, непроницаемости и пр., а потом о капельно-жидких телах, о воздухообразной жидкости и так далее; и не должно думать, чтобы все эти статьи имели между собою необходимую связь, чтобы последовательность их была [об]условлена необходимым развитием самого познаваемого предмета, одним словом, чтобы они составляли органическое, живое целое, проникнутое одной всеобщею мыслью. Нет, это не более как сброд частных сведений, не более как совершенно произвольная и внешняя классификация, способствующая только к возможной полноте и точности фактов и частных законов, проявляющихся в них. Но такое знание, такая наукообразность не могут удовлетворить человека: он стремится к полному разумению окружающей его действительности, стремится к уничтожению чуждой ему внешности, а единственное средство для достижения этой цели есть полное разумение. Знание же многоразличных фактов или хоть многоразличных частных законов не есть еще истинное знание: истинное знание ищет всеобщего единства, пребывания единой всеобщей мысли в предстоящем ему многоразличии, и пока животворящая мысль эта не найдена, пока многоразличие не проникнуто ею и не стало прозрачным для познающего духа, до тех пор еще истинное знание не осуществилось, и дух человека, познающий как эмпиризм, как опытное знание, не останавливается на внешнем и непонятном для него многоразличии, но стремится уничтожить бессмысленную кору, мешающую ему проникнуть в него: эмпиризм становится теориею.

Между чистыми эмпириками и теоретиками существует давнишний, для них еще и до сих пор нерешенный спор: теоретики говорят, что эмпиризм, ограничиваясь только одними фактами, погружается в букву, не находит в ней духа и не удовлетворяет главной потребности знания, требующего мысли, а не сухих фактов; эмпирики же утверждают, напротив, что теории ни к чему не служат и что они не более как фантастические блестки, ни на чем не основанные и ничем не доказанные. Как те, так и другие правы. Мы заметили выше, что одни факты, не проникнутые единою и всеобщею мыслью, не могут удовлетворить познающего духа, и потому мы не можем не согласиться с упреками, делаемыми сухим собирателям фактов; и нам остается

только исследовать сущность и образование теории, для того чтобы убедиться, что и сухие эмпирики, восстающие против теории, в свою очередь правы.

Как образуются теории и что служит им исходным пунктом? Опытное наблюдение, многоразличие фактов и частных законов, подмеченных эмпиризмом. Но многоразличием не удовлетворяется знание: знание требует единства в многоразличии. Что же делают теоретики для того, чтобы найти его? Они прибегают к гипотезам, к предположениям: теоретик принимает какую-нибудь мысль, какое-нибудь общее определение за начало и старается объяснить и вывесть из него все факты, все частные законы, входящие в состав занимающей его науки. Но чем же может быть доказана истина, необходимость такой мысли? Она не более как предположение: с одной стороны она основывается на том более или менее обширном опытном наблюдении, из которого она извлечена, с другой же стороны она оправдывается тем, что большая часть фактов в самом деле под нее подходит. Другое доказательство для нее невозможно. Если бы теоретик захотел доказать истину и необходимость своего главного начала, не прибегая к наблюдениям и не поверяя его опытом, если бы он решился отвлечь[ся] от эмпирической достоверности, тогда бы [он] лишился последнего основания, последней точки опоры, потому что доказать мысль можно только двояким образом: или a priori, в чистой области мысли — и такое доказательство предполагает философию, или a posteriori, указанием в опытном мире фактов, соответствующих мысли. Но теоретики точно так же, как и сухие эмпирики, не только что мало знакомы с философиею, но большею частью пренебрегают ею, и потому им остается только доказательство a posteriori, поверка мыслей, начал своих посредством опытного наблюдения. Но наблюдение, служащее основанием, источником для всеобщего начала теоретика, более или менее ограниченно, односторонне, и потому начало это не может иметь притязания на абсолютную всеобщность и действительно только для той части действительного мира, из которой оно произошло и получило свое значение, так что если бы даже все доныне известные явления подходили под какое-нибудь начало, то никогда нельзя быть уверенным, чтобы впоследствии не явились такие факты, которые не опровергли бы его совершенно. Кроме того понять какое-нибудь явление или какой-нибудь частный закон значит понять необходимое происхождение и развитие

его из единого и всеобщего начала, но для этого необходимо познание всеобщего как чистой, самой из себя развивающейся мысли; а это опять входит в область философии и невозможно без философии, и потому теоретики обыкновенно подчиняют только особенное отвлеченному, всеобщему, так что особенности остаются равнодушными друг к другу и к своему всеобщему.

Наконец ни одна теория не удовлетворила еще и не могла удовлетворить главного требования познающего духа: ни одна не проникла еще до того единого и всеобщего начала, на котором была бы основана и из которого могла бы быть развита вся бесконечность действительного как естественного, так и духовного мира. До сих пор были особенные теории электричества, света, магнетизма и так далее, с грехом пополам были также теории, обнимающие целые науки, как-то: теория физики, терапии, права, искусства и проч., но не было ни одной, которая бы обняла всю полноту действительного мира. Откуда же эта ограниченность? Причина сего недостатка заключается в том, что все теории без исключения не только что выходят из области эмпиризма, но суть необходимые продолжения его: всякий теоретик есть вместе и эмпирик. Эмпиризм, опытный мир есть начало и конец всякой теории; теоретик отправляется от многоразличия действительного мира, открывает в уме своем мысль, которая по его мнению должна объяснить и обнять этот мир, и возвращается к тому же многоразличию, чтобы найти в нем оправдание и доказательство своей мысли. Теория есть необходимый результат и, если так можно выразиться, цветок эмпиризма, так что нет теоретика, который бы не был эмпириком, точно так же, как нет эмпирика, который бы не был теоретиком; и борьба между эмпириками и теоретиками есть не что иное, как внутренняя борьба, внутреннее противоречие эмпиризма в самом себе, — борьба, в которой * он сознает свою собственную ограниченность, свою собственную недостаточность и указывает за себя — на высшую область знания, на умозрение. В этой борьбе с самим собою эмпиризм бывает часто к самому себе несправедлив, но отвлеченность и крайность есть неизбежная участь всякой борьбы, а потому и эта несправедливость понятна. Таким образом, упрекая совершенно справедливо сухих собирателей фактов в том, что, оставаясь при мертвом и равнодушном многоразличии, они не удовлетворяют главной потребности познающего духа, теоретики по-

* В оригинале опечатка: сказано «в котором».

забывают часто, что и такие работники необходимы, что без них точное и полное знание фактов было бы невозможно: такие ученые суть труженики, поденщики, собирающие материалы для великого храма истинной науки; они не понимают и не могут понять ни целости плана, ни величественной красоты того здания, к воздвижению которого так сильно способствуют, и были бы достойны всякого сожаления, если бы судьба, обрекшая их на черную работу, не наделила их вместе какою-то странною любовью, привязанностью к мертвой букве, привязанностью, которая заставляет их рыться в пыли и в поте лица своего искать внешних выражений духа, не заботясь о их внутреннем значении.

Wie anders tragen uns die Geistesfreuden,
Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt!
Da werden Winternächte hold und schön,
Ein selig Leben wärmet alle Glieder,
Und ach! entroll'st du gar ein würdig Pergament,
So steigt der ganze Himmel zu dir nieder *.

Сухие собиратели фактов в свою очередь совершенно справедливо укоряют теоретиков в неосновательности и в неудовлетворительности их теорий, но они позабывают или, лучше сказать, не понимают, что в этом стремлении проникнуть равнодушное многоразличие всеобщею, единою, животворящею мыслью высказывается все достоинство, вся разумность человеческого духа; они не понимают, что знание фактов без мысли и без всякого единства не есть истинное знание, но мертвая груда мертвых материалов, ожидающих животворного прикосновения мысли для того, чтобы стать живою, прозрачною и разумною действительностью, не понимают, что сущность духа состоит именно в проникновении и нахождении самого себя в предстоящем ему действительном мире и что пока не найдена мысль, пребывающая в действительности, до тех пор осуществление этого высшего назначения человеческого духа невозможно. Кроме этого господа собиратели фактов, восставая так жестоко на теоретиков, доказывают тем

---

* «То ль дело, как помчит духовная отрада
От книги к книге и с листа на лист!
Тут ночи зимние становятся светлы,
Отрадный жар по членам разбежится,
И ах! как развернешь пергамент дорогой,
Тебе все небо в душу тут глядится».

свою неблагодарность: они позабывают, что ничто так много не способствовало открытию новых фактов, ничто так не оживляло опытного знания, как теории. Наконец, хотя теоретик и не в состоянии доказать необходимость предположенного им начала, хотя он и не в состоянии развить из своей главной мысли все многоразличие фактов и частных законов действительного мира, но в его догадках, предположениях может быть много верного и глубокого, много такого, что впоследствии оправдается и фактами и пред высшим судом спекулятивного мышления — пред судом философии: это зависит от личности теоретика и от степени развития того народа и того времени, к которым он принадлежит. Гёте, Кювье, Гердер и многие другие, руководимые своею гениальностью, разрушили внешнюю кору, покрывавшую разбираемые ими предметы, и не остановились на их поверхности, но проникли в самую глубь их. «Идеи о философии истории» Гердера принадлежат к области теории, но, несмотря на это, они заключают в себе много глубокого, истинного *. Одним словом сухие собиратели фактов приготовляют материалы для теоретиков; теоретики обрабатывают их во всех направлениях, возвышают их до относительно-всеобщих мыслей и передают великое дело человеческого знания философии, которая венчает его, создавая из всех этих дробностей единое, органическое и совершенно-прозрачное целое.

Итак теперь ясно, что эмпиризм (разумея под этим словом как безжизненное собрание фактов, так и теории) не может удов-

---

* К области теории принадлежат большая часть сочинений, вышедших и до сих пор выходящих во Франции под названием философских, например: «Esprit des lois» Монтескье[3], «Палингенезия» Балланша[4] и многих других. Большая часть из них принадлежит к замечательнейшим явлениям прошедшего и настоящего века; они проникнуты современными интересами, современною жизнью; в них можно найти много глубоких и верных мыслей, переплетенных с громкими и звучными фразами, — необходимая дань французскому характеру; но они—не более как теории и совершенно несправедливо называются философскими. Ни в одном из них нет наукообразной формы, нет следов истинно-философского образования; мысли перемешаны в них с непроникнутым ими эмпирическим содержанием. Кроме того в них часто владычествует совершенный произвол, и это — необходимый результат настоящего положения Франции, чувствующей сильную потребность религии, но вместе с тем лишенной почти всякого религиозного верования. После Декарта и Мальбранша у французов не было философии в собственном значении этого слова; впоследствии мы постараемся доказать это.

(Примечание автора).

летворить познающего духа. Его нельзя назвать действительным знанием истины, потому что он не в состоянии обнять ее; он не в состоянии возвыситься до истинно-всеобщего и единого начала и не в состоянии указать необходимость развития и осуществления этого начала в многоразличии действительного мира; вследствие этого он не может даже доказать необходимости тех общих законов, тех относительных всеобщностей, которые ему доступны; и если бы кроме него не было другого средства познания, то человек должен бы был решительно отказаться от знания истины.

Это последнее и высшее средство есть спекулятивное мышление — философия. Мы поговорим потом о возможности философского познавания, теперь же ограничимся только определением его понятия.

Из всего сказанного следует, что философским знанием может быть названо только то, которое во-первых обнимает всю нераздельную полноту абсолютной истины и которое во-вторых способно доказать необходимость своего содержания. Мы видели, что главный недостаток эмпиризма состоит в дробности его познавания, — недостаток, вследствие которого он неспособен возвыситься до всеобщей и единой истины; он не может обнять все бесконечное многоразличие действительного мира. Кроме этого, возвысившись до множества относительно-всеобщих законов, принадлежащих к различным областям действительности, он не в силах понять их необходимого, разумного единства и должен ограничиться их внешнею классификациею, потому что не может вывесть их из необходимого развития и обособления единого, абсолютного начала. Такой вывод не может быть основан на фактах, потому что факты дают частному закону только то значение, которое он имеет в отношении к ним, так что вне этого отношения к фактам закон теряет для них всякое значение; происшедши из опытного наблюдения, он для нас еще не имеет значения независимой, в самой себе определенной и понятной мысли. Правда, всякий закон, к какой бы области действительного мира ни принадлежал, есть определенная мысль, категория *.

---

* Слово категория было в первый раз употреблено Аристотелем для означения простых сущностей, всеобщих определений, определенных мыслей, выговариваемых о сущем вообще. После Аристотеля Кант, сделавший законы и условия нашего познавания предметом своего критического исследования, первый возобновил это выражение; и так как сообразно с его кри-

Мы видели выше, что даже в чувственном созерцании и принимании (Wahrnehmung) предметов уже присутствует бессознательная деятельность мысли и употребляются категории к а ч е-

---

тическою философиею мышление противоположно бытию и [есть] не более как формальная деятельность, не имеющая в себе никакого содержания и приводящая только многоразличие чувственного содержания, данного ему со-вне, к единству,— то вследствие этого и категории, как чистые определенные мысли или как чистые определенные, но вместе и пустые (то есть не имеющие в себе никакого содержания) формы этой деятельности, имеют только с у б ъ е к т и в н о е значение и лишены всякого о б ъ е к т и в н о г о достоинства. Такое ограничение значения категорий было необходимым результатом самого основания его критического исследования. А именно, желая избегнуть всякого недоказанного предположения, как несообразного с сущностью и целью философского знания и как ведущего к догматизму, он однакоже п р е д п о л о ж и л абсолютную противоположность мышления и бытия, формы и содержания, с у б ъ е к т и в н о г о познавания и о б ъ е к т и в н о й истины. «Прежде, чем приступать к действительному познаванию,— говорит он в своей «Критике чистого разума»,— мы должны исследовать свою познавательную способность, для того чтобы узнать, может ли она познать истину». Задав себе этот вопрос, он невольно разъединил субъективное познавание и объективную истину и стал рассматривать первое не так, как оно находится в единстве с истиною, но так, как оно вне ее. Вследствие этого он необходимо должен был предположить, что истина дается нам со-вне, через посредство нашей познавательной способности, так что познаваемая истина распалась на т р и друг для друга внешние члена: 1) н а п о з н а ю щ е г о с у б ъ е к т а; 2) н а с у б ъ е к т и в н у ю ф о р м у е г о п о з н а в а н и я и 3) н а о б ъ е к т и в н у ю, п о з н а в а е м у ю и с т и н у. Необходимым результатом этого насильственного и ничем не доказанного расторжения было то, что мы познаем истину не так, как она есть с а м а п о с е б е (an sich) но так, как она нам я в л я е т с я через посредство нашей познавательной способности, что мы познаем только я в л е н и е (Erscheinung), а не в е щ ь с а м у п о с е б е (Ding an sich).

Таким образом различив в нашей познавательной способности три главные момента: 1) ч у в с т в е н н о е с о з е р ц а н и е, 2) р а с с у д о к и 3) р а з у м, определив чувственное созерцание как способность принимать многоразличие внешних и внутренних впечатлений и доказав, что пространство и время суть не что иное как ч и с т ы е с у б ъ е к т и в н ы е ф о р м ы и a priori нашего чувственного содержания, Кант заключил, что ни одно явление невозможно без них, потому что всякое явление [об]условливается нашим познаванием; пространство же и время суть необходимые формы нашего созерцающего познавания. Но из этого нельзя заключить, чтобы в е щ ь с а м а п о с е б е, вещь так, как она находится вне нашего познавания, условливалась ими; как необходимые условия нашего созерцания они ограничиваются только нашею субъективностью и ничего не имеют общего с объективною истиною, с вещью самою по себе.

Итак чувственное созерцание дает нам многоразличие в пространстве и во времени, но в этом многоразличии нет единства, и р а с с у д о к есть ф о р-

ства, количества, отношения и проч., категории, составляющие сущность созерцаемых и принимаемых предметов; точно так же и всякий закон есть относительно-всеобщая мысль, определенное отношение известных категорий; например в законе падения тел «пространства возрастают как квадраты времен» соединены мысли или категории пространства, возращения, отношения, квадрата и тела, так же как в законе прогрессивного исторического развития «последующая степень развития есть результат всех предыдущих» заключены категории развития, степени и пр. Одним словом определенные мысли суть плоды эмпирического исследования и составляют существенное содержание всякого эмпирического знания; ни одна эмпирическая наука не ограничивается знанием фактов, но всякая стремится к познанию законов, так что факты не составляют и не могут составить ее содержания, но служат исходным пунктом для отыскания мыслей, категорий, пребывающих в них. Но эти категории не имеют самостоятельного значения в эмпиризме,

---

мальная деятельность чистого субъективного я, приводящая многоразличие к единству; определенные же формы этой деятельности суть категории, — чистые, определенные понятия или мысли.

Теперь ясно, что категории, определенные таким образом, имеют только субъективное значение и не могут быть употреблены для познавания объективной истины.

Таблица Канта состоит из 12 главных категорий:

1.

Количество.

a) Единство.
b) Множество.
c) Совокупность всех предметов без исключения (Allheit).

2.

Качество.

a) Реальность.
b) Отрицание.
c) Ограничение (Limitation).

3.

Отношение.

a) Субстанция и акциденция.
b) Причина и действие.
c) Взаимное действие.

они не познаются в нем как чистые, независимые мысли, имеющие самостоятельное, конкретное содержание; они происходят через отвлечение от определенного круга опытного наблюдения, и вследствие этого они не более как отвлеченности, получающие конкретное содержание от эмпирического источника своего, от фактов и значительные единственно только в отношении к этим фактам; а потому они и не могут совокупиться в одно разумное, независимое и само из себя развивающееся единство и не составляют органических и необходимых членов одной высшей, самой из себя развивающейся мысли, но пребывают друг подле друга равнодушно, не во внутреннем, но совершенно внешнем, собирательном единстве и связаны только общим источником своим — действительным миром. Мы знаем, что они все пребывают в одном действительном мире, но не видим и не понимаем их внутренней связи. Вследствие этого эмпирическое сознание ограничивается только их внешнею классификациею, так что закон электричества находится в нем подле закона света, подле закона исторического развития, подле закона логиче-

---

4.

Модальность.

a) Возможность — невозможность.
b) Пребывание (Daseyn) — небытие (Nichtseyn).
c) Необходимость — случайность.

Ни Аристотель, ни Кант не вывели своих категорий и не доказали, что кроме приведенных ими нет и не может быть других; они сознавали, напротив, недостаточность и неполноту своих таблиц и старались дополнить их другими, второстепенными категориями. Фихте пытался вывести их из чистой самодеятельности мышления, но не успел по причине односторонней субъективности своей системы. Гегель первый совершил это великое дело в своей «Логике» и возвратил категориям их объективное достоинство, так что они снова получили значение объективных определений, определений объективной истины. Здесь не место распространяться об этом предмете, которому мы намерены посвятить особенную статью. Теперь же ограничимся приведением слов Байргофера [5], одного из замечательнейших последователей Гегеля. Разбирая некоторые категории, он говорит: «если они не более как отвлечения (Abstractionen), то не должно позабывать, что в них заключается движение и жизнь мира; на эти всеобщности (Allgemeinheiten) не должно смотреть с презрением, потому что мир управляется всеобщностью мысли; бытие, мышление, субстанциональность, субъективность, свобода, необходимость и т. д. суть не более как простые категории, отвлеченные всеобщности; но эти всеобщности все двигают и животворят».

(Примечание автора).

ского познавания и так далее. Поэтому оно никогда не может быть уверено в том, что оно обнимает все законы действительного мира без исключения. Такая уверенность возможна только тогда, когда все законы поняты как чистые мысли, необходимо развивающиеся из одной единой и всеобщей мысли, так что число и отношение их определилось бы необходимостью самого развития.

Но эти законы с одной стороны суть объективные мысли, объективные потому, что они — не произвольное произведение познающего человека, но мысли, действительно пребывающие в действительном мире; они не выдуманы человеком, но найдены им в действительно-существующих фактах; с другой же стороны они — субъективные мысли, потому что в противном случае человек, познающий субъективный дух, не мог бы понимать и усваивать их. Понять предмет значит найти в нем самого себя, определение своего собственного духа, и если б закон, найденный мною в действительности, был только объективною, но не субъективною мыслью, тогда бы остался он недоступным для моего разумения. Поэтому единичный факт, оставаясь только единичным, не может быть предметом моего познавания, не может быть проникнут мною; как единичный он всегда останется чуждым и внешним для меня предметом, и если я хочу уничтожить эту внешность, если я хочу найти себя в нем и понять его, то я должен отыскать в нем всеобщее, мысль, которая была бы с одной стороны объективною мыслию, мыслию, действительно пребывающею в нем, с другой же стороны субъективною мыслию, определением моего собственного духа. Вследствие этого эмпиризм никогда не останавливается на единичных фактах, но отыскивает в них всеобщие мысли, законы, — и не единичные факты, но законы, проявляющиеся в них, составляют существенное содержание всякой эмпирической науки. Единичный факт неуловим и преходящ, и только законы, как постоянные и неизменяемые, могут быть удержаны эмпиризмом. И в этом нет никакой потери: все преходящее должно проходить как конечное, как не имеющее в самом себе причины своего пребывания. Случайности не имеют права на участие человека, и только истинная действительность, только действительное осуществление мысли может интересовать его; что само преходяще, то не может возвыситься над преходящим и уничтожается вместе с ним; но человек, с одной стороны конечный, с другой стороны бесконечен, и вся

премудрость его и все назначение его жизни состоит в том, чтобы в последовательности своего развития он отрывался от всякой случайности и внешности и, возвысившись над конечностью мира сего так же, как над своею собственною конечностью, привязался к тому, чего «ни моль ни ржа не истребляют». И потому недостаток эмпиризма состоит не в том, что, отвлекая[сь] от единичных и преходящих фактов, он оставляет их как ничтожные и несущественные и возвышается над ними до всеобщих и неизменяемых законов, — напротив, в этом заключается его достоинство, — но в том, что он не в состоянии понять единство законов между собою, в том, что он не обнимает всей их полноты, и наконец в том, что получая их через отвлечение от фактов, он не понимает, каким образом они выходят из своей отвлеченности и осуществляются в действительном мире. Недостаток же этот происходит оттого, что он познает их не как чистые мысли, но из опытного наблюдения.

Итак, если возможно знание, познающее законы не из опыта, но a priori, как систему чистых мыслей, имеющих свое необходимое развитие независимо от опыта, то такое знание вполне удовлетворит всем требованиям познающего духа. Во-первых оно будет иметь характер н е о б х о д и м о с т и, недостающий эмпиризму, так что развитие мысли как необходимое будет вместе и доказательством ее. Во-вторых оно будет действительно в с е о б щ и м знанием, потому что не будет восходить подобно эмпиризму от единичного и особенного к отвлеченному и непонятному всеобщему, но будет понимать особенное и единичное из собственного имманентного (присущего) развития всеобщего, так что ни одна особенность не вырвется из необходимости этого развития. Наконец, если действительный мир в самом деле — не что иное как осуществленная, реализованная мысль, — а мы видели, что вера в пребывание мысли в действительности составляет сущность как обыкновенного сознания, так и эмпиризма, — то оно будет в состоянии объяснить тайну этой р е а л и з а ц и и, тайну, недоступную для эмпиризма. Такое знание есть ф и л о с о ф и я.

Таким образом из анализа эмпирического знания для нас произошло представление о истинном назначении философии и о тех условиях, без строгого соблюдения которых знание не может быть истинно-философским. Теперь остается решить, возможно ли исполнение их, и если возможно, то каким образом и какими

именно средствами. Во второй половине нашей статьи, которая будет помещена в следующей книжке, мы постараемся показать, как этот вопрос разрешается самостоятельным и необходимым развитием самого сознания.

М. Бакунин.

№ 371. — О философии.

Статья вторая

(неопубликованная).

В первой половине нашей статьи мы задали себе вопрос о сущности и возможности философского знания. Для разрешения его мы разобрали сначала значение слова «философия» и увидели, что философия есть наука, требующая абсолютного знания, такого знания, которое бы обнимало всю полноту * бесконечного, осуществляющегося в конечном, всю полноту как физического, так и духовного мира, которое бы поняло органическое и необходимое единство его и было бы вместе и доказательством своего абсолютного содержания. Потом, дабы узнать различие философского знания от эмпиризма, мы подвергли последнее подробному анализу, рассмотрели сущность его и убедились, что эмпиризм, как не обнимающий собою всего абсолютного содержания и как не понимающий его, неспособен к удовлетворению требований мыслящего духа ** и не может быть назван философией. Наконец сознав, что всякое знание, начиная от обыкновенного сознания и до самого эмпиризма, не останавливается на единичностях, отвлекает[ся] от них ***, как от ничтожных **** и неистинных, и возвышается к всеобщим и необходимым законам, проявляющимся в них, как к единственно истинным и существенным *****, — мы кончили заключением, что если нет другого знания кроме эмпирического, и что если невозможно такое знание a priori, которое бы чистым, имманентным развитием своим обнимало все законы как физического, так и

* Далее зачеркнуто: «как физического».

** Далее зачеркнуто: «а потому».

*** Было прежде написано «от него», но зачеркнуто и исправлено: «от них».

**** Ранее было написано: «ничтожного и неистинного», но зачеркнуто и исправлено, как приводится в тексте.

***** Далее зачеркнуто: «заключили».

духовного мира, то философское абсолютное знание невозможно, и предоставили разрешение этого последнего вопроса, вопроса о возможности философии, самостоятельному и необходимому развитию самого сознания. Итак обратимся теперь к последнему.

Сознание есть отношение духа к другому, к сознаваемому предмету. Но отношение к другому предполагает различие от другого; сознающее *я* различает себя от внешнего, предметного ему мира; но различение себя от другого предполагает различение себя от себя, и сознание предполагает самосознание. Чистое *, сознающее себя *я* сознает предметный ему мир; оно знает о себе и сознает вместе и другое, — и это другое есть для него истина. Если мое знание о предмете не будет соответствовать ему, если субъект (сознающее *я*) не будет соответствовать объекту (сознаваемому предмету), то мое знание будет ложно; и потому не предмет должен сообразоваться с моим *я* **, но обратно — последнее, как неистинное, должно сообразоваться с первым, как с истинным.

Первая степень сознания есть чувственная достоверность (sinnliche Gewissheit), непосредственное сознание чувственных единичных предметов: этого стола, этого дома, этого дерева *** и т. д. Для чувственной достоверности истина заключается в многоразличии чувственных предметов, пребывающих во внешности. Я, этот единичный субъект, вижу этот стол, и он есть для меня несомненная истина. Что эта безграничная вера в истину чувственного единичного бытия и действительно составляет неотъемлемую принадлежность сознания, может быть доказано тем, что большая часть людей скорее **** готова сомневаться в истине и действительности мысли, чем подвергнуть сомнению истину конечного, чувственного мира; сомнение в действительности чувственных предметов покажется нелепостью и сумасшествием тем, которые в то же самое время нисколько не удивятся выводу и объяснению мысли из чувственного бытия. Материализм XVIII-го века доказывает возможность этого странного явления.

Но для того, чтоб поверить истину чего бы то ни было, должно иметь всеобщую мерку истины, и верно никто не станет

* Далее зачеркнуто: «я».

** Ранее было написано: «ответствовать моему».

*** Ранее второй раз было написано: «дома», но зачеркнуто и написано, как в тексте.

**** Слово «скорее» вписано над строкою между слов.

противоречить нам, если мы скажем, что истина должна быть: 1. всеобщею (что истинно только для меня, а не для всех, то не имеет права на название истины); 2. неизменяемою и непреходящею. Все же, не соответствующее этим трем условиям истины, есть ложь и призрак. Теперь обратимся к чувственной достоверности. Она имеет предметом бесконечное многоразличие чувственных единичностей; но мы видели, что непосредственное созерцание, как ограниченное пространством и временем, не в состоянии охватить всего бесконечного многоразличия чувственного мира; кроме этого оно не может выговорить своего единичного предмета и не в состоянии удержать его; не может выговорить его, потому что какое бы выражение оно ни употребило для определения предстоящего ему единичного предмета, выражение это выговорит только всеобщее, принадлежащее не единственно только ему, но множеству других подобных предметов, а потому и не выразит его индивидуальной особенности. Слово, как непосредственное выражение единого, всеобщего, а не единичного духа, выговаривает только существенное и переносит все непосредственно единичное в область всеобщего; оно есть всеобщее достояние, всеобщая среда, в которой все единичные, друг от друга различные индивиды понимают друг друга, и * перестало бы ею быть, если б вместо всеобщих определений, доступных всем единичным ** индивидам и принадлежащих равно всем единичным предметам, оно стало бы выговаривать единичные созерцания единичных индивидов или единичные определения, исключительно принадлежащие единичным предметам. Тогда б языков было бы столько же, сколько единичных индивидов или *** созерцаний: вавилонское столпотворение, в котором понимать друг друга было бы невозможно и в котором разрушилось бы великое царство разумного, всеобщего духа, составляющего существо человека и различающего его от бессловесного животного. Слово разумно именно потому, что оно выговаривает только всеобщее, все же невыговариваемое — неразумно, ничтожно ****, а потому и не более как призрак, и

---

* Далее зачеркнуто: «собираются».

** Далее зачеркнуто: «предметам».

*** Далее зачеркнуто: «единичных».

**** В низу листа, под текстом сделана следующая, потом зачеркнутая выноска:

«Здесь могут заметить, что чувство также невыговариваемо, и что, несмотря на это, оно не только что не ничтожно, но составляет существенный

попытка выговорить созерцаемый мною единичный предмет всегда будет тщетною. Например, как выговорю я дерево, стоящее теперь и здесь передо мною? Это — дуб; но кроме его множество других дерев носит то же самое название. Высокий, ветвистый и т. д.; но все эти определения суть всеобщие выражения, равно применяемые и к другим предметам. Так что чувственному созерцанию остается только одно средство: указание своего предмета: этот стол, это дерево. Но и это средство недостаточно для удержания предмета. То, что было здесь, теперь уже не здесь, а там, а наконец уже и не там, но совсем исчезло и заменилось другим. Мало того, одно сознающее *я* говорит: здесь дерево, и в то же самое время другое *я* утверждает, что здесь дом; и оба равно правы, потому что оба указывают, основываясь на своем не[по]средственном созерцании. Наконец одно и то же *я* в различные моменты времени утверждает различные, друг другу противоречащие истины: здесь дерево, теперь ночь, а потом: здесь дом, теперь утро; так что одна истина отрицается и уничтожается другой и заместо мнимых единичных предметов чувственная достоверность должна ограничиться указанием всеобщего здесь, которое один раз дом, а другой раз дерево, и всеобщего теперь *, которое может быть и днем и ночью и т. д. Но чувственной достоверности остается еще одно средство для удержания своего единичного предмета; а именно созерцающее *я*, отвлекая[сь] от созерцаний других и от своих собственных прошедших или будущих созерцаний, утверждает например, что теперь ночь и здесь дом, и не хочет знать о том, что утверждают другие *я*, не заботится о том, что оно само говорило прежде или скажет впоследствии, и не сравнивает даже своего настоящего теперь с своим настоящим здесь. Для того, чтоб удостовериться в этой истине, мы должны вступить в созерцание этого единичного *я*, ограничившегося этим единичным теперь и этим единичным здесь. Пусть

момент человеческой жизни; многие даже отдают ему преимущество перед сознательно мыслящей деятельностью человеческого духа, перед рассудком и разумом, и утверждают, что содержание его бесконечно богаче их содержания и что бесконечное может быть обнято только чувством и недоступно для мыслящего познавания».

* Ранее было написано «здесь», но зачеркнуто и надписано, как в тексте.

оно укажет нам их. Оно указывает нам единичное теперь; это теперь; но оно уже исчезло во время самого указания, и оно уже не сущее, но прошедшее, заменившееся другим теперь, которое точно так же исчезает и дает место другому. Но что прошло, того уже нет, а нам указывается сущее теперь, и мы возвращаемся к первому теперь, но уже не как к единичному, но как к всеобщему, заключающему в себе бесконечное множество * единичных теперь. Таким образом указание есть диалектическая опытность (Erfahrung) самой чувственной достоверности, узнающей в ней, что указываемое ею теперь не есть то единичное и непосредственное, которое оно мнило (meinte), но всеобщее, простое, в себе рефлектированное теперь, заключающее в себе множество других теперь, или Время вообще.

То же самое движение повторяется и в указании единичного здесь. Это здесь имеет свой верх, свой низ, свою правую и левую стороны, которые в свою очередь имеют свой верх, низ и т. д., так что указываемое здесь оказывается не как единичное и непосредственное, но как пространство вообще, как простая и всеобщая среда, заключающая в себе множество других здесь.

Мы не можем не повторить здесь слов Гегеля (Phänomenologie des Geistes, 81—84 Seite), которые объяснят лучше всего результат всего нашего исследования:

«Ясно, что диалектика чувственной достоверности есть не что иное, как простая история ее движения или ее опытности, и эта сама чувственная достоверность не более как эта история. Вследствие этого обыкновенное сознание доходит также до этого результата и беспрестанно испытывает то, что в чувственной достоверности есть истинного; но потом снова позабывает его и всегда начинает движение сначала. И потому странно, что в противоположность этой опытности утверждают обыкновенно, основываясь на всеобщей опытности, как философское положение и как результат скептицизма, что реальность или бытие внешних предметов как этих имеет для сознания абсолютную истину. Такое уверение само не знает, что оно говорит, не знает, что оно выговаривает именно противоположное тому, что оно хочет сказать. Оно доказывает истину чувственного, единичного Бытия

* Далее зачеркнуто «других».

(этого), основываясь на всеобщей опытности; но всеобщая опытность доказывает скорее противное: всякое сознание самоуничтожает (hebt auf — снимает) такую истину, как т е п е р ь у т р о или з д е с ь д е р е в о, и выговаривает противное ей: здесь н е дерево, н о дом, для того чтобы точно так же уничтожить потом в этом новом отрицающем утверждении то, что в нем есть утверждение единичного, чувственного бытия: здесь д о м; и чувственная достоверность беспрестанно испытывает, что мнимое, непосредственное единичное э т о — не более как в с е о б щ е е э т о, совершенно противоположное тому, что обыкновенно приписывают всеобщей опытности. При этом ссылании на всеобщую опытность да будет нам позволено обратиться к практическому миру: утверждающие истину и реальность чувственных предметов должны бы были быть отосланы в низшую школу премудрости, а именно к элевзинским таинствам Цереры и Вакха, для того чтоб познать там тайну потребления хлеба и вина; потому что посвященный в эти таинства не только что доходил до сомнения в бытии чувственных предметов, но до полного отчаяния в их реальности и отчасти сам осуществлял ничтожество их, отчасти же созерцал его осуществление. И даже животные не исключены из этой премудрости, но оказывают себя в высшей степени в нее посвященными, потому что они не останавливаются перед чувственными предметами как для-себя-сущими, но, отчаиваясь в их реальности и в полной достоверности их ничтожества, бросаются на них и пожирают их; и вся природа торжествует эти открытые таинства разрушения, показывающие нам, что такое истина чувственных предметов».

«Утверждающие реальность чувственного единичного Бытия высказывают непосредственно противоположное тому, что они хотят высказать; явление, которое, может быть, более, чем всякое другое, должно привесть к сознанию сущности чувственной достоверности. Они говорят о существовании в н е ш н и х предметов, которые могут быть определены еще точнее как д е й с т в и т е л ь н ы е, абсолютно е д и н и ч н ы е, совершенно л и ч н ы е, и н д и в и д у а л ь н ы е предметы; существование их, утверждают они, заключает в себе абсолютную достоверность и истину. Они хотели бы высказать э т о т кусок бумаги, на котором я теперь пишу, но не могут его высказать, потому что мнимое чувственное это н е д о с т и ж и м о для слова, выговаривающего только всеобщее; и действительная попытка выговорить его была

бы самым лучшим доказательством его невыговариваемости; прибегнув к описанию, они никогда бы не окончили его и должны бы были предоставить его другим, которые должны бы были наконец сознаться, что они говорят о предмете, которого нет. Они мнят (sie meinen) именно этот кусок бумаги, а не тот, что лежит выше; но выговаривают только всеобщее; и то, что обыкновенно называется невыговариваемым, есть не что иное как неистинное, неразумное, только мнимое. Если для определения единичного чувственного предмета говорят, что он—действительный, внешний предмет, то это не более как самые всеобщие определения, показывающие только его равенство с другими предметами и нисколько не обозначающие его различие от других. Определяя его как единичный предмет, я выговариваю совершенно всеобщее, потому что все предметы суть единичные предметы, точно так же как и определение этот принадлежит равно всем предметам. Определив его точнее как этот кусок бумаги, я ничего не выигрываю, потому что это определение может быть отнесено ко всякому и каждому куску бумаги. Если ж для дополнения слова, божественное свойство которого состоит именно * в том, что оно превращает всякое мнение и не допускает мнимого до выражения **, если для дополнения его я прибегну к указанию, то я узнаю на опыте, в чем состоит истина чувственной достоверности, я укажу его как здесь, которое заключает в себе множество других здесь, или которое есть простое соединение множества здесь, то есть я укажу его как всеобщее и приму его так, как оно есть в истине, и мое знание из непосредственного знания непосредственного чувственного предмета превращается в принимание его истины (Wahrnehmung)».

Вывод этот может показаться с первого раза софистическим; непосредственное чувственное существование есть необходимое условие, необходимый момент всякой истинной действительности, но не более как момент, получающий свое значение от другого, высшего, и не имеющий самостоятельного значения, существенности, вне этого отношения к другому; ошибка или, лучше сказать, ограниченность чувственной достоверности состоит в том, что, не развившись до всеобщего и до действительно существен-

* Слово «именно» выписано под строкой между слов.

** Ранее было написано «до слова», но затем зачеркнуто и сверху надписано, как в тексте.

ного, она приписывает существенность и истину единичным чувственным предметам, хотя по вышедоказанному и беспрестанно сознает ничтожество их. Род животных например был бы не более как отвлеченное понятие, если б не осуществлялся в непосредственно пребывающем множестве единичных этих животных; но никто не станет утверждать, чтоб действительность его зависела от существования именно этих, нами созерцаемых животных; напротив они умирают как призраки, не имеющие в себе истины, и возвращаются в недра субстанции своей, — идеи, которая, как имеющая в себе силу самоосуществления в непосредственном чувственном пребывании (Daseyn), всегда действительна и никогда не умирает. Употребление пищи есть необходимое условие органической жизни и было бы невозможно, если б пища не пребывала в виде единичных чувственных предметов, но оно независимо от каждого из этих предметов в особенности; для возможности его необходимо пребывание единичного чувственного бытия вообще, но не именно этого чувственного предмета. Напротив единичные эти беспрерывно исчезают в процессе пищеварения, но пребывание единичных чувственных предметов вообще всегда остается как необходимое условие органической жизни. Наконец право собственности занимает важное место в общественной жизни и точно так же [об]условливается необходимо пребыванием единичного чувственного бытия: земли, домов, вещей и т. д., но так же, как и органическая жизнь, нисколько не зависит от пребывания именно этих единичных предметов, от пребывания именно этого дома, этих вещей, которые беспрерывно разрушаются или клонятся к разрушению, оставляя право собственности неприкосновенным. Здесь могут возразить *, что человек не бывает и не может быть до такой степени равнодушным к чувственным предметам, окружающим его, и что особенная привязанность к этому дому, к этому месту и к этим вещам есть самое обыкновенное и самое человеческое явление, так что человека, не имеющего такой привязанности, обыкновенно упрекают в холодности, в недостатке любви. Но это возражение нисколько не смутит нас: такая привязанность к чувственным предметам не относится непосредственно к ним, но к высшему духовному миру, освятившему их своим при-

* Ранее написано было «заметить», но потом зачеркнуто и надписано, как в тексте.

сутствием. Этот дом, это место существенны и важны для меня не сами по себе, но потому, что они освящены памятью моих родителей, родных, друзей, воспоминаниями моего детства или моей юности, так что в самой привязанности к ним уже заключается отрицание их, осуществление их ничтожества; человек не останавливается на них, но, возбужденный их созерцанием, оставляет их для того, чтоб перенестись в высший, духовный мир, находившийся с ними в соприкосновении, так что они не имеют значения в себе, но получают его от любви и воспоминаний человека. Наконец нам могут заметить, что человек не может быть равнодушным к разрушению его дома, к покраже его вещей; но во-первых мы сами выше сказали, что собственность есть необходимое условие общественной жизни и что она невозможна без пребывания единичных чувственных предметов; во-вторых же мы позволим себе повторить слова Евангелия *:

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут.

«Но собирайте себе сокровища на небеси, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

«Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше».

Христианское откровение вырывает человека из призраков чувственного бытия и переносит его в вечное Царство Духа, где истинная отчизна и единственное блаженство его.

Есть религия, принадлежащая к низшей степени развития человеческого духа, — фетишизм, состоящий в обоготворении единичных чувственных предметов: тряпок, кусков дерева и т. д. Его не должно смешивать с другими религиями, в которых повидимому также ** поклоняются чувственным предметам — статуям, изваяниям, сделанным из дерева, из гранита или из мрамора, как например в Индии, в древнем Египте и в древней Греции. Эти религии несравненно выше фетишизма, потому что в них не чувственный предмет сам по себе составляет предмет поклонения, не этот кусок дерева или камня, но изображение, изваянное на нем, так что единичный чувственный предмет служит только средством для изображения духовного содержания. Во всех этих религиях, начиная от индийской, где Дух еще бо-

* Первоначально было написано «Спасителя», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

** Слово «также» вписано над строкой.

рется с грубой и безобразной массивностью * чувственного бытия, духовное содержание постепенно освобождается от чувственности, стремится к покорению ее и наконец достигает своего полного освобождения в образе Юпитера олимпийского, изваянного Фидиасом и составляющего переход в свободную и бесконечную область прекрасного, где чувственность уже не имеет и призрака самостоятельного существования, но совершенно покорена духовному содержанию. В фетишизме же напротив поклоняются просто единичным чувственным предметам, этому камню, этой тряпке, без всякого отношения к высшему духовному содержанию. Человек, находящийся на такой степени развития, не имеет почти самосознания и никаких других потребностей, кроме чувственных и инстинктивных потребностей животного. Но человеческий дух не может долго оставаться на этой низкой ограниченной степени своего развития. По себе (an sich), в возможности он есть бесконечная истина, а потому и противоречие своей возможности с своею ограниченною действительностью. Это противоречие не позволяет ему долго пребывать в ограниченности, но беспрестанно гонит его вперед к осуществлению внутренней возможной истины и возвышает его беспрестанно над его внешней моментальной ограниченностью. Рассказывают, что у калмыков каждый имеет своего божка, идола, которому он поклоняется и которому в знак особенного почитания намазывает рот сметаною; но если этот божок не исполняет его молитвы, то он бьет его, а наконец и совсем разбивает и заменяет другим. В этом противоречии уже проглядывает ирония над обоготворяемым единичным чувственным бытием и просвечивает сознание его ничтожества.

В чувственной достоверности естественное сознание хотело назвать и указать этот единичный предмет как истину; мы видели, что ни то, ни другое не удалось, потому что мнимая истина единичного предмета оказалась ложью. В чувственной достоверности Дух познает не как всеобщий; предметом всеобщего может быть только всеобщее, он же ** хочет обнять единичное, а вследствие этого и сам относится к нему как единичный; непосредственная чувственная единичность не может быть предметом

* Слово «массивностью» написано вместо зачеркнутого «естественностью».

** Первоначально было написано: «а он», но потом исправлено, как в тексте.

всеобщего сознания духа, но доступна только для чувственной достоверности; чувственная же достоверность не существует как всеобщая, как чувственная достоверность вообще, но как множество непосредственно единичных чувственных достоверностей, как множество непосредственных, единичных индивидов, непосредственно созерцающих единичные невыговариваемые предметы. Но всеобщность и непреходимость составляют два главные и необходимые условия истины; что истинно только для меня и по существу своему не может быть предметом сознания других, то не имеет права на название истины; а мы видели, что единичный предмет чувственной достоверности невыговариваем и не может перейти из сознания одного в сознание другого; кроме этого, созерцаемый мною единичный предмет и для меня самого не остается постоянною истиною, — он исчезает и заменяется другим, а потому и с этой стороны не может быть назван истиною; и естественное сознание возвышается над ним к действительно истинному, т. е. ко всеобщему и непреходящему* предмету. Оно не останавливается на этом единичном предмете, но возвышается над ним к его всеобщему, — роду, определяющемуся и отличающемуся от других также всеобщих предметов многими существенными качествами; оно не выдает уже эту единичную березу за истину, но, возвысившись над нею к ее роду, отличает общий род берез от рода дубов, собак и т. д.**, отличает его посредством существенных качеств, неразрывное единство которых составляет его сущность.

Таким образом переходит оно из единичного и невыговариваемого мира чувственной достоверности во всеобщий мир опытного наблюдения. Рассмотрим теперь сию новую сферу и отношение естественного сознания к новому предмету.

Во-первых должно заметить, что с изменением предмета изменилось и само естественное сознание; в чувственной достоверности предметом было единичное это, а потому и сознающим субъектом было это единичное *я;* в опытном же наблюдении предмет уже не единичный, но всеобщий, а вследствие

---

* Ранее было написано «непреходимому», но затем исправлено, как в тексте.

** Мы употребляем здесь слово род в смысле всеобщего и в отношении к единичному, не обращая внимания на то, что род берез например есть вид в отношении к общему роду деревьев. *(Примечание Бакунина).*

этого и познающий его субъект — также в с е о б щ и й. Истина опытного наблюдения не зависит более от созерцания э т о г о единичного индивида, но напротив [об]условливается возвышением над всякой индивидуальностью и должна быть истиною для всех индивидов без исключения; знание э т о й березы, стоящей теперь передо мною, [об]условливается моим индивидуальным созерцанием и существует только для меня как индивидуального, а следовательно и не-истинного; знание же березы в о о б щ е, рода или вида берез, как [об]условленное знанием постоянных, существенных и равно для всех существующих качеств этого рода, независимо от индивидуального созерцания, и составляет достояние в с е о б щ е г о ч е л о в е ч е с к о г о с о з н а н и я, в с е о б щ е г о с у б ъ е к т а. Разумеется, что наблюдающий субъект есть то же индивидуальное *я*, которое было познающим субъектом и в чувственной достоверности, с тою только разницею, что в чувственной достоверности оно относится к предмету как непосредственное, единичное и выдает * за истину свое непосредственное, невыговариваемое созерцание: э т у березу, э т о т дом и проч. Теперь же оно не перестало быть чувственной достоверностью и как ** чувственная достоверность продолжает созерцать единичные, невыговариваемые предметы: если б оно не имело непосредственного, единичного созерцания, то оно не имело бы и предмета для наблюдения; если б оно не созерцало например э т и х *** единичных берез, то оно и не могло бы возвыситься над ними к сознанию березы вообще. Но н а б л ю д а ю щ е е *я* разнится от непосредственно **** созерцающего тем, что оно не останавливается на созерцаемых им единичностях и не выдает их за истину, но возвышается над ними к их Всеобщему, роду (наприм. к березе вообще), уже не подлежащему его непосредственному созерцанию, так что, возвышаясь над непосредственностью единичных предметов, оно возвышается и над непосредственностью своего собственного созерцания и сознает уже не как э т о т единичный индивид, но как всеобщее сознание.

В о-в т о р ы х всеобщее наблюдающее сознание относится к наблюдаемому им всеобщему предмету как н е с у щ е с т в е н н о е

* Ранее было написано «выдавало», но исправлено, как в тексте.

** Далее следовали слова: «такое созерцает единичные», зачеркнуто и написано, как в тексте.

*** Слово «этих» вставлено над строкой.

**** Исправлено из ранее написанного: «непосредственного».

к существенному так же, как и в чувственной достоверности: всеобщий наблюдаемый предмет есть для всеобщего я истина, в которой оно ничего не должно изменять и которую должно брать так, как она есть, и так, как она была бы и без его наблюдения.

Теперь обратимся к самому предмету. Мы видели, что он уже — не единичный этот, как предмет чувственной достоверности, но всеобщий: не эта береза, но береза вообще. Береза же вообще не есть нечто созерцаемое, чувственное. Как всеобщее, она недоступна для чувственного созерцания и есть не более как непреходящее отвлечение от множества преходящих и невыговариваемых, а следовательно и неистинных единичностей; но с другой стороны всеобщее отвлечение это различается от подобных ему всеобщих отвлечений своими чувственными постоянными определенностями, своими существенными качествами, а потому, с одной стороны отвлеченное и сверхчувственное, оно с другой стороны чувственно: чувственное Всеобщее. Береза вообще например не имеет чувственного непосредственного пребывания и, как отвлечение от множества единичных, непосредственно пребывающих берез, есть всеобщее, но, как отличающаяся от других всеобщих предметов цветом, формой своих листьев, своей коры, своими чувственными свойствами или качествами вообще, она есть чувственное Всеобщее.

Наблюдение есть сфера * обыкновенного ежедневного сознания и эмпирических наук вообще **. Наблюдающее сознание является с одной стороны как чувственная достоверность, потому что предыдущие степени развития сохраняются в последующих как моменты, но с другой стороны возвышается над нею и ищет своей истины не в единичном предмете, но в его роде; род же по вышесказанному есть чувственное всеобщее, т. е. простое Всеобщее, имеющее свою реальность в чувственных определенностях, качествах. Вследствие этого опытное наблюдение составляет переход от чувственной достоверности, истина которого есть чувственное единичное это, к царству отвлекающе[го] и вникающего (reflectierenden) рассудка, имеющего истину свою в не-

* Первоначально было написано: «мир», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

** Далее после точки следовало: «Ежедневное сознание хотя и явля:..», но затем зачеркнуто и написано, как в тексте.

зримом внутреннем мире сил и законов, являющихся во внешности. Предмет опытного наблюдения с одной стороны есть уже отвлечение, мысль, как предмет, не имеющий существования, как всеобщий, но существующий только во множестве соответствующих ему ничтожных и преходящих единичных, от которых он есть отвлечение; с другой же стороны это отвлечение не есть чистое отвлечение, потому что оно имеет в себе момент чувственного многоразличия, его сущность заключается во множестве чувственных качеств.

Но предмет наблюдения не удерживается, точно так же как не удерживается и предмет чувственной достоверности, и, как последний, разрушается своим собственным диалектическим движением, а именно он есть внутреннее противоречие, как имеющий всю свою сущность в качествах, которые поэтому, как т о л ь к о е г о качества *, должны быть с ним неразрывно связаны и вне его исключительного единства не должны иметь самостоятельного и независимого существования: соль б е л а, с о л е н а, имеет к у б и ч н у ю ф о р м у, т я ж е с т ь и т. д., и вся ее сущность заключается в сих качественных определениях, которые поэтому должны быть с нею в неразрывном единстве **. Но качества являются также как и с а м о с т о я т е л ь н ы е, независимые, как в с е о б щ и е определения, не ограничивающиеся только одним предметом, но распространяющиеся на несколько различных предметов: с о л ь бела, но б е л и з н а не есть ее исключительная принадлежность,—и с н е г, и с а х а р, и м е л б е л ы. Скажут, что между белизною снега, сахара, мела и т. д. есть разница, но эта разница невыговариваема и потому и не может быть предметом всеобщего сознания, а потому и не более как н и ч т о ж н а я разница, — существенное заключается во всеобщей, выговариваемой определенности, независимой от одного какого-нибудь предмета. Вследствие этого предмет наблюдения разрушается именно с той стороны, которая составляет его сущность, реальность; он р а с п а д а е т с я н а с в о и к а ч е с т в а, являющиеся как с у щ е с т в е н н ы е, в противоположность предмету как несущественному. Это может показаться странным, но довольно малейшего внимания в предмет со многими качествами, для того чтоб удостовериться в истине нами сказанного. В самом деле что такое предмет, взятый отдельно от его качеств? Ведь в каче-

* Слова «как т о л ь к о его качества» вписаны над строкой.

** Первоначально было написано: «должны быть с нею неразрывно связаны», но потом исправлено, как в тексте.

ствах его заключается вся его сущность; то, чем он различается от всех других предметов, и есть именно этот определенный предмет. Как различите вы например сахар от соли? Не иначе, как посредством их различных качеств, без которых они составляли для вас один и тот же предмет; если б сахар например имел совершенно одинаковые качества с солью, то они были бы для вас одно и то же. Итак в качествах заключается вся сущность предмета, который является как всеобщая и равнодушная среда, в которой сопроникаются друг от друга различные качества, не вытесняя друг друга: соль бела и кубична и солена, и все эти качества не имеют различных мест, но занимают одно и то же место и простираются так же далеко, как и сама соль. Когда мы говорим о предмете со многими качествами, то в самом выражении этом уже заключается предположение, что предмет есть нечто самостоятельное, независимое от многоразличия своих качеств. Положим, что в самом деле каждый предмет кроме и вне многоразличных своих качеств имеет действительно совершенно самостоятельное существование, чистое и простое отношение к себе, так что, единый и нераздельный в этом чистом отношении к себе, он многоразличен только в отношении к познающему субъекту. Например соль, единая и себе равная по своей сущности, становится многоразличной в отношении к пяти чувствам человека: она бела для моего зрения, солена для моего вкуса и так далее. Но если многоразличие качеств предмета составляет его несущественную сторону, сторону его случайного отношения ко мне, сущность же его состоит в себе равном и безразличном единстве и отношении к себе, то предметы перестают быть друг от друга различными, и заместо многих различных предметов мы имеем только один предмет, потому что всякий предмет есть чистое, безразличное отношение к себе и нераздельное единство с собой, и только многоразличием качеств отличается один предмет от другого. Вследствие этого качества составляют существенную принадлежность, сущность самого предмета, так что вне их он превращается в ничто. Если ж в качествах заключается вся сущность, вся самостоятельная исключительность предмета, то они должны быть поэтому с ним неразрывно связаны и составлять его исключительную принадлежность. Но мы видели выше, что качества не ограничиваются исключительным единством одного предмета, но как всеобщие определен-

ности распространяются на много предметов, и существенность, исключительная самостоятельность предметов, разрешается и разрушается во всеобщности их определенностей, их качеств. Кроме этого сами качества, отрешившись от своего единства с предметом, перестают быть чувственными. Я могу ощущать белизну этого перед мной лежащего сахара, но не белизну вообще, которая точно так же недоступна моему чувственному созерцанию, как и всеобщий предмет наблюдения, например дерево вообще. Таким образом качества, прежде явившиеся нам как чувственные, осязаемые определенности, являются теперь как чистые и сверхчувственные всеобщности, в которых улетучивается и последний след чувственности. Когда мы говорим: этот дуб растет, то мы видим в растительности чувственное, ощутительное качество именно этого дуба; но трава также растет, собака также, — и растительность из чувственного, созерцаемого качества превращается в сверхчувственную всеобщность и становится сверхчувственным и всеобщим предикатом (сказуемым) организма вообще, неизменяемым законом органической жизни, невидимым и неосязаемым для чувственного созерцания и происшедшим для сознания только через отвлечение от многоразличия * внешнего, чувственного мира. Таким образом, отправляясь от многоразличия чувственного мира, сознание возвышается до незримого, всеобщего и бесконечного внутреннего мира, заключающего в себе существенное многоразличие всеобщих законов, проявляющихся во внешности, и полагает его как существенное в противоположность внешнему, изменяющемуся миру **, который излагается им до ничтожного и преходящего явления внутреннего. Сознание, имеющее предметом внутренний мир всеобщих и неизменяемых законов, есть *рассудок* (Verstand).

Итак мы возвратились теперь к последнему результату всего нашего исследования. Сначала мы рассмотрели все степени познающего духа, начиная от чувственного сознания до теоретического знания, оказавшегося неспособным к удовлетворению главного требования познающего Духа, не имеющего в себе ни органического единства, ни необходимости и указывающего за себя на высшую степень познавания, — на философию. Потом

* Первоначально было написано «многоразличного».
** Первоначально было прибавлено «миру явлений», но потом «явлений» зачеркнуто.

мы повторили все нами сказанное в первой половине нашей статьи, для того чтоб показать, что результат нашего исследования * не есть только субъективный и односторонний результат нашего индивидуального мнения, но объективный, т. е. необходимый результат развивающегося сознания, проходящего все эти степени как необходимые степени своего развития и отрицающего их наконец на высшей степени, на степени всеобщего отвлеченного рассудка, на котором впрочем оно не останавливается; рассудок собственным диалектическим движением своим возвышается до разума и отрицает себя в нем как в сфере абсолютного, истинного знания. Этот переход рассудка в разум будет теперь особенным предметом нашего исследования.

Познающее сознание развилось теперь до такой степени, что чувственное, преходящее явление перестало быть для него истиной. Оно ищет истины во внутреннем, неизменяемом мире законов, в законах как физического, так и духовного мира: механики, физики, химии, физиологии, антропологии, психологии, права, эстетики, истории и т. д.

Внешнее проявление законов, чувственный мир явлений, беспрестанно изменяется, проходит, беспрестанно осуществляет свое собственное ничтожество; и познающее сознание возвышается над преходящеюся ** внешностью в непреходящий внутренний мир. Но этот внутренний мир не безразличен; нет, он различается и раздробляется на множество особенных, также непреходящих законов. Кроме этого внутренний мир законов не мог бы быть действительным, существенным, не мог бы быть истинным, если б он не имел проявления в ничтожной сфере явлений. Внутренний мир законов есть внутренний только в отношении к проявляющему его миру внешних явлений; и потому рассудочное сознание должно обратиться к последнему, должно наблюдать его, для того чтоб отыскать в нем проявляющиеся в нем законы, которые, как бы ни были многоразличны явления, всегда остаются себе равными и неизменяемыми. Если закон открыт, то внешнее многоразличие непосредственного пребывания, в котором он является, теряет всякое значение, как ничтожное и несущественное. Закон неизменяем, внешнее же проявление его беспрестанно изменяется. Закон пре-

* Первоначально было начато: «нашей ста»[тьи], но исправлено, как в тексте.

** Так в оригинале.

ломления лучей например везде и всегда один и тот же, но внешнее пребывание, внешнее явление этого закона беспрестанно видоизменяются внешними и случайными обстоятельствами, так что ни одно не похоже на другое. Но многоразличие и случайность единичных явлений в противоположность единству и необходимости всеобщего закона ничтожны для познающего рассудка, который вникает в них не для того, чтоб на них остановиться, но для того, чтоб отвлечь * от них всеобщий неизменяемый закон. Вследствие этого предметный мир распадается для сознающего рассудка на два противоположные мира: 1) на существенный вутренний мир законов и 2) на ничтожный мир их внешнего проявления; последний, как находящийся между сознающим рассудком и внутренним миром, отделяет их друг от друга и не допускает непосредственного отношения одного к другому. Рассудок относится к внутреннему миру законов не непосредственно, но через посредство внешнего мира явлений. Но различие обоих миров, внутреннего и внешнего,—неистинное и несущественное различие: закон есть не что иное, как всеобщее и неизменяемое выражение изменяющегося явления, которое в свою очередь не более как конкретное обнаружение закона, обнаружение, различающееся от всеобщности закона только случайными и ничтожными видоизменениями. Вследствие этого содержание чувственной внешности и сверхчувственной внутренности совершенно одинаково, и сознающий рассудок, относясь к внешнему миру явлений, непосредственно относится к внутреннему миру законов. Рассмотрим теперь это отношение.

Он относится к нему как ко вне его и независимо от него ** находящемуся, как к самостоятельному предмету его познавания и как истине в противоположность себе как неистинному. Вследствие этого сознающий рассудок должен безусловно с ним соображаться *** и не должен позволять себе ни малейшего изменения. Он отвлекает от ничтожного многоразличия внешности и, возвысившись до внутренней сущности как физического, так и духовного мира, находит в нем существенное многоразличие вечных неизменяемых законов. Что же

---

* Первоначально было написано «извлечь», но потом зачеркнуто.

** Слова «и независимо от него» вписаны под строкою.

*** Далее, после точки, следовали слова: «Он отвлекает», затем зачеркнутые.

такое эти * законы? Они уже — не непосредственные единичности и не чувственные всеобщности, как предметы чувственной достоверности и опытного наблюдения, но чистые, сверхчувственные всеобщности, — мысли, происшедшие для сознания через его собственную сознающую деятельность и через его собственное отвлечение от всего особого и чувственного. Но как мысли они перестают быть внешними и чуждыми для познающего рассудка, потому что мысли суть собственные определения (Bestimmungen), собственная внутренняя принадлежность рассудка; и потому объективные, т. е. действительно сущие с одной стороны, они с другой стороны — субъективные мысли, т. е. мысли, мыслимые познающим субъективным сознанием. Таким образом сознание, считавшее до сих пор всё принадлежащее ему и все от него происходящее за неистинное и за несущественное, собственным имманентным (присущим) движением своим доходит до сознания истинных своих собственных мыслей, до сознания, что они, несмотря на то, что они — его мысли, имеют объективную действительность **. Сознание другого, внешнего объекта превратилось в сознание своих собственных мыслей, своей собственной сущности, самого себя как истины и становится самосознанием.

Но тут является новое противоречие. Познавая законы как физического, так и духовного мира, рассудочное сознание познает свои собственные определения, свои собственные мысли; и несмотря на это ***, оно познает их как нечто вне его находящееся и ему чуждое. Эмпирически познающий рассудок получает их через отвлечение от внешнего многоразличия чувственной достоверности опытного наблюдения; он принимает, но не понимает их, не находит себя в них. Вследствие этого эмпирики и теоретики беспрестанно отрицают возможность действительного проникновения во внутреннюю сущность и необходимость законов; но эти **** законы — его собственные мысли; да, его познающее сознание, единое и нераздельное по своей сущности, не может найти себя в анархическом многоразличии законов; но эти **** законы — его собственные мысли; да, его собственные, но только изолированные, раздроблен-

* Исправлено из «эте».

** Первоначально написанные далее четыре строки зачеркнуты.

*** Первоначально написанная далее строка зачеркнута.

**** Исправлено из «эте».

ные, друг для друга внешние, пребывающие в многоразличии и лишенные органического, всепроникающего единства. Понять многоразличие значит найти в нем * такое всеобщее и живое единство, которое проникало бы его — так, что все неподвижные особенности, части его превратились бы в текучие члены единого, всеобщего и живого организма; а следовательно для того, чтоб понять многоразличие законов или мыслей, должно найти в нем такое всеобщее и единое начало, которое бы имело во всех особенных законах или мыслях свои органические, необходимо из него вытекающие члены, и которое, будучи их единственным началом и источником, было бы вместе и их единственным концом, их единственной целью. Каким же образом найти это всеобщее и единое начало? Внешний мир не может дать его сознанию, потому что он дает ему только ничтожное многоразличие чувственных единичных предметов, так что сознанию необходима уже собственная деятельность отвлечения и вникания для того, чтоб возвыситься до существенного многоразличия законов; теперь же, отыскивая всеобщего и единого начала в многоразличии законов или мыслей, оно еще скорее должно обратиться к самому себе как к единственному источнику этих мыслей. Многоразличие законов есть многоразличие его собственных мыслей, его собственной единой и нераздельной понимающей деятельности. Понимающий рассудок есть источник этих мыслей; он сам обособляется (besondert sich), реализуется в них. По себе (an sich), в возможности они уже находятся в живом, необходимом единстве между собою, потому что они имеют единым и всеобщим источником и основанием нераздельное единство понимающего рассудка. Рассудок есть отвлеченное всеобщее, имеющее свою реальность, свое действительное существование в конкретном многоразличии особенных, из него вытекающих мыслей. Если б он остался при своей отвлеченной и единой всеобщности и не осуществлялся бы в многоразличии особенных мыслей, то он не был бы действительностью, но только возможностью понимания; вследствие этого он должен выйти из своей отвлеченной всеобщности и осуществиться в особенных мыслях; но его отвлеченность и односторонность состоят именно в том, что, различив и раздвоив себя на всеобщее и на особенное, он остается при этом различии или раздвоении и не умеет восстановить

* Далее было написано «единство», но потом зачеркнуто.

в нем своего *единства*, так что особенные мысли в действительном пребывании своем являются как внешние и равнодушные друг к другу и как независимые от своего всеобщего и единого начала. Они приводятся рассудком во *внешнюю систему* и как особенные *субсуммируются* под всеобщее; а это составляет предмет обыкновенной *формальной логики*; но такая внешняя система не есть действительная, необходимая система, вытекающая из натуры самого предмета, но внешнее и произвольное деление познающего субъекта, а потому и не может удовлетворить познающего сознания, которое, ставши *самосознанием*, обращается к самому себе для разрешения этого последнего противоречия.

Как *сознание* оно еще искало истины в *другом*, для него внешнем, но в постепенности своего развития оно испытало *улетучивание* всякой чувственной и непосредственной единичности и всеобщности в сверхчувственном и неизменяемом мире вечных законов, как в *единственной истине и действительности* всего сущего. Наконец оказалось, что, сознавая многоразличие законов, оно сознает многоразличие своих собственных мыслей, — и сознание перешло в *самосознание*.

Сознание как предшествующая степень уже предполагает *самосознание*, но как подчиненный момент, как неистинное в противоположность внешнему сознаваемому предмету как истинному; а именно сознание как знание *другого* невозможно без различения себя от другого, а следовательно и без знания себя, без самосознания; но мы видели, что сознание знает себя как неистинное и как долженствующее соображаться с истиною внешнего предмета; одним словом истина для сознания не самопознающее субъективное *я*, но противоположный ему *объект*, внешний предмет. Теперь же отношение это совершенно изменилось. Сознание собственным диалектическим движением своим дошло до сознания *ничтожества* внешнего мира явлений и до сознания, что противоположные ему бесконечность и всеобщность внутреннего мира, заключающего в себе существенное многоразличие *особенных всеобщностей* * или законов, есть единственная истина. Но бесконечность и всеобщность внутреннего мира есть не что иное, как *отвлеченная мысль*, бесконечная всеобщность самого сознающего рассудка,

* Первоначально было написано: «всеобщих особенностей», но потом исправлено, как в тексте.

всеобщность, произведенная деятельностью его собственного отвлечения от изменяемости и от ничтожного многоразличия внешнего мира явлений; и потому, говоря о непроницаемости внутреннего мира, эмпирики и теоретики, никогда не возвышающиеся над степенью отвлекающего и вникающего рассудка, сами не знают, что и о чем они говорят. Они говорят о внутреннем мире, как о чем-то имеющем самостоятельное существование, независимое от внешности, и заключающем в себе конкретное содержание, недоступное для нас, потому что, не имея внешнего проявления, оно закрыто от нас внешностью мира явлений *. Но ** мы видели, что внутренний мир есть внутренний только в отношении ко внешнему, и что внешний мир не имеет самостоятельного существования, независимого от внутреннего, так что он не более как проявление внутреннего мира; если же мы предположим, что последний имеет особенное существование, отдельное от существования внешнего мира, и особенное конкретное содержание, закрытое от нас и потому и не являющееся нам во внешности, то мы необходимо должны будем допустить и самостоятельное существование внешнего мира, отдельное от внутреннего и противоположное ему. Таким образом внешность, оказавшаяся в нашем исследовании, как преходящее и несущественное проявление существенного внутреннего мира, становится теперь самостоятельной, независимой и существенной. Но мы

* Мы не можем не привесть здесь ответа Гёте на одно стихотворение, утверждавшее, что:

Ins Innere der Natur
Dringt kein erschaffner Geist,
Zu glücklich, wenn er nur
Die äussere Schaale weisst.

(«Во внутрь природы не проникает ни один сотворенный дух, слишком счастливый, если он только знает внешнюю ее оболочку».)

Гёте отвечает на это:

Das hör' ich sechzig Jahre weiderholen,
Und fluche drauf, aber verstohlen:
Natur hat weder Kern, noch Schaale,
Alles ist sie mit einem Male, и т. д.

(«Это я слышу уже в течение 60 лет и тайком кляну. У природы нет ни ядра, ни оболочки: она — то и другое вместе», и т. д.)

(Примечание Бакунина).

** Далее следовали слова: «во-первых», затем вычеркнутые.

видели, что все развитие сознания заключается именно в том, что * оно возвышается над внешностью как над ничтожной и несущественной к существенности внутреннего мира, и это не было наше индивидуальное мнение, но необходимый диалектический ход самого сознания; сама внешность как преходящая и несущественная указывает за себя на существенность внутреннего мира как на единственную истину в противоположность ей как неистинной, ничтожной и несамостоятельной. Итак мы должны признать внутренний мир за единственную истину, вследствие чего ** не можем признать существенности и самостоятельности внешнего, потому что по выше доказанному одно отрицает другое. Отвергая же существенность и самостоятельность внешнего мира, мы не можем принять особенного и скрытого существования внутреннего, вся сущность которого состоит именно в том, что он проявляется во внешнем. Кроме этого, если содержание внутреннего мира не проявляется во внешнем, то это — ничтожное, бессильное содержание, не имеющее силы, энергии самоосуществления, а потому и неистинное. Вследствие этого предположение господ эмпириков и теоретиков совершенно нелепо.

Но откуда же происходит это заблуждение, это мнение о мнимой непроницаемости внутреннего мира? Всеобщность *** внутреннего мира не есть особенный предмет и потому не может быть предметом ни чувственного созерцания, ни опытного наблюдения; каким же образом рассудок находит его? Не иначе как деятельностью своего собственного отвлечения от чувственного многоразличия внешнего мира. Итак внутренний мир не найден им во внешности как особенное существование, но есть результат, произведение его собственной отвлекающей деятельности. Внутренний мир есть всеобщая отвлеченная мысль, отвлеченная всеобщность самого рассудка и, несмотря на это, единственно истинный и существенный объект; но как существенный и истинный, он не может быть пустым, если ж он не пуст, то он имеет конкретное содержание, если-ж он имеет конкретное содержание, то по выше указанному оно не должно и не может заключаться в себе, но должно иметь энергию самоосу-

* Далее было написано: «несущественною», затем вычеркнуто.

** Далее следуют три зачеркнутые строки, повторенные впрочем в дальнейшем тексте.

*** Далее было написано: «и бесконечность», но затем вычеркнуто.

ществления, должно проявляться во внешности. И потому содержание его должно быть открыто. Откуда же происходит мнение, что оно скрыто и непроницаемо? Внутренний мир имеет свое действительное, конкретное содержание в существенном многоразличии законов, из которых каждый имеет внешнее проявление. Но мы видели, что внутренний мир есть не что иное, как всеобщая отвлеченная мысль, отвлеченная всеобщность самого рассудка. Различные же законы так же не более как особенные всеобщности, особенные мысли, произведенные деятельностью осуществляющегося, отвлекающего и вникающего рассудка. Они так же не подлежат чувственному созерцанию и опытному наблюдению, как и отвлеченная всеобщность внутреннего мира, и точно так же не могут быть найдены им во внешности как особенные * чувственные существования, но произведены самостоятельной деятельностью его отвлечения и вникания **. Но мы видели, что недостаток рассудка состоит именно в том, что, осуществляя отвлеченную всеобщность свою в многоразличии особенных мыслей и различая себя таким образом на отвлеченно-всеобщее и на конкретно-особенное, он остается при этом различии, не умеет восстановить в нем своего первоначального единства и как отвлеченно-всеобщее не умеет найти себя в конкретно-особенном. Вследствие этого он распадается для себя на отвлеченную пустую всеобщность и на анархическое многоразличие особенных мыслей. Таким образом, имея в предметном мире с одной стороны отвлеченную и беско-

* Первоначально было написано: «особенные», но потом исправлено, как в тексте.

** Кому покажется странным, что законы определяются нами как чистые мысли, произведенные деятельностью рассудка, и что несмотря на это, мы приписываем им объективное достоинство, тому стоит только обратить внимание на математические вычисления, для того, чтоб согласиться с нами. Математика и чистая механика суть чистые науки, нисколько не зависящие и ничего не заимствующие от опыта. Содержание их есть чистое содержание a priori: числа, идеальные измерения, законы — чистые мысли, основывающиеся единственно только на рассудке и развивающиеся его чистой, совершенно самостоятельной деятельностью без всякого применения к опыту. И, несмотря на это, математики вычисляют посредством этих чистых мыслей движение планет,—вычисляют его с изумительной точностью. Это может служить доказательством, что чистые субъективные мысли есть вместе и определения объективного действительно сущего мира.

(Примечание Бакунина).

нечную всеобщность внутреннего мира, а с другой — конкретное многоразличие законов, он не знает, что это многоразличие есть действительное и существенное содержание всеобщности внутреннего мира. Но так как последний оказался ему как существенный, существенность же и пустота несовместны, то он и предполагает, что внутренний мир имеет особенное, скрытое и непроявляющееся содержание, и впадает таким образом в противоречие, разрешение которого принадлежит уже не ему, но самосознанию. А именно, так как внутренний мир есть его собственная, бесконечная всеобщность, а многоразличие законов — многоразличие его собственных мыслей, то, относясь к внутреннему миру законов, рассудочное сознание относится к самому себе и становится самосознанием, самосознательным субъектом, имеющим в своих мыслях всю бесконечную истину объективного, предметного мира, так что мысли его, как субъективные, не противоположны объективному, познаваемому миру природы и Духа, но напротив, проникают его и составляют его существенность; и, субъективные с одной стороны, они с другой стороны — объективные определения, простые всеобщие сущности и единственная истина всего сущего.

Из этого могут заключить, что всякое единичное самосознание, самосознание всякого единичного индивида, в противоположность всему окружающему его миру, есть абсолютная истина, так что всякий человек, достигший до этой степени развития, уже достиг полного осуществления своего человеческого назначения, своей внутренней цели, возможности. И в противоположность этому мнимому результату всего нашего исследования укажут на ежедневный опыт, беспрестанно являющий нам людей, имеющих самосознание, — а до отвлеченного самосознания доходят очень рано и самые ограниченные люди, — и, несмотря на это, еще неистинных, несовершенных, недовольных внутренним и внешним содержанием своей жизни и стремящихся к истине и к внешнему благополучию. Но это возражение нисколько не пугает нас. Единичное самосознание истинно и разумно, но только по себе (an sich), а не для себя (für sich), в возможности, а не в действительности, так же, как и дитя есть только зародыш разумного человека; разумность не дается и не приобретается им со-вне, но составляет его существенную сущность, — сущность, на основании которой оно принадлежит именно к человеческому роду и не есть животное.

Последнее не может достигнуть разумности, потому что не имеет ее в себе. Вследствие этого дитя, как принадлежащее к человеческому роду, разумно, но никто не станет утверждать, что[б] оно было действительно разумным. Для того, чтоб быть действительно разумным, оно должно развиться до мужеского возраста. Итак, разумное с одной стороны, оно с другой стороны неразумно, т. е. оно есть только возможность, а не действительность разума; для того чтоб стать * в действительности (для себя) тем, что оно есть в возможности (по себе), оно должно развиться. В чем же состоит это развитие? Неужели только в том, что его организм достигает мужеского возраста? Мы встречаем напротив очень часто взрослых людей, которых все называют детьми, неразумными, именно потому, что, развившись физически, они не развились духовно и, оставшись только при возможности разума, не осуществили его в действительности. Итак истинная действительность человека состоит именно ** в его духовном развитии, в осуществлении его разума, *** он должен познать бесконечную истину, составляющую его субстанцию, его сущность и осуществлять ее в своих действиях, так что в тождестве истинного знания и действий человека, в истине его теоретического мира и в сообразности практического мира с теоретическим заключается вся действительность его. Дитя же, как принадлежащее к человеческому роду, единственная сущность которого есть разум,—разумно; но как не **** развившее своей разумности, оно есть только внутренняя возможность разума, а не действительность его; оно не знает истины и не может поступать сообразно с нею, — в этом заключается его невинность, — невинность, улетучивающаяся в развитии самосознания; не зная истины, оно не знает и лжи, не зная добра, оно не знает зла, в познании же зла заключается источник всякого греха. Но, несмотря на то, что оно не действительно как разумное, оно все-таки существует, живет, имеет внешнее пребывание, и все существование, вся внешняя действительность его состоит в удовлетворении потребностей животного организма. Правда, что в самом непрони-

---

* Первоначально было написано «быть», но потом зачеркнуто и изменено, как в тексте.

** Далее было написано «том», но затем зачеркнуто.

*** Далее в рукописи следует один совсем чистый лист и второй, на котором написано: «Вторая половина 1-й статьи о философии М. Бакунина 1840. Июнь». Возможно, что эти два листа просто лежат не на своем месте.

**** Далее в рукописи имеется лишнее слово «как», нами опускаемое.

щаемом тумане его чувственной жизни уже просвечивают лучи бесконечного Духа; но это не более как мгновенные озарения, свидетельствующие только о его божественном происхождении и не достигающие действительного существования; действительное существование его ограничивается чувственною жизнью, которая, как не положенная (gesetzt), не произведенная его разумной сущностью, не есть самоосуществление пребывающего в нем разума и не соответствует его внутренней, бесконечной возможности; и дитя есть внутреннее противоречие — противоречие между бесконечностью его внутренней идеальной сущности и ограниченностью его внешнего существования, противоречие, которое есть источник движения, развития, стремящегося единственно только к его разрешению. В чем же состоит это разрешение?

В обнаружении, в самоосуществлении внутренней разумности и в отрицании несоответствующей ей внешности, — так, чтоб внешнее существование развивающегося человека соответствовало его внутренней бесконечной сущности. Как Дух, всякий человек имеет субстанцию, единственным источником своей человеческой жизни абсолютную истину, бесконечную всеобщность и полноту разума. И потому всякий в единичности своей есть Всеобщий и, как имеющий в себе всеобщее, может возвыситься до него, не выходя из своей единичности, может познавать всеобщее, истину и осуществлять ее силой своей свободной воли. Мы видели, что всеобщее есть единственная основа, истина и необходимость всего сущего, необходимость, которой все покорено и которой ничто избегнуть не может. Все сущее как в физическом, так и в духовном мире происходит, развивается, живет и проходит по необходимым и определенным законам, и эти законы, как определенные и особенные мысли, суть необходимые члены единого, бесконечного и нераздельного организма всеобщего, — разума.

Вследствие этого, не говоря уже об органическом развитии человека, вполне подчиненном законам органической жизни, само духовное развитие, как развитие и самоосуществление заключающегося в нем разума, покорено необходимости, а именно необходимости развивающегося разума, всеобщего. Разум проникает все мироздание, бессознательное развитие которого, так же как и сознательное развитие человека, подчинено его непременным и вечным законам. Из этого могут заключить, что человек не есть

существо свободное, и это будет противоречить существенному определению человеческого духа, сущность которого есть свобода. Но разве необходимость исключает свободу? Нисколько. Повинуясь внешней необходимости, я не свободен как условленный и ограниченный со-вне и потому, что законы, [об]условливающие и определяющие мое существование, не во мне, но вне меня. Как чувственный, единичный организм я не свободен, потому что я безусловно подчинен всеобщим законам органической жизни, существующим независимо от моей единичной индивидуальности и вместе вполне обнимающим ее; пробуждение и удовлетворение моих физических потребностей и весь жизненный процесс моего организма независимы от меня как необходимые определения всеобщности органической жизни,—всеобщности, которой я, как единичный организм, есть только частное, преходящее осуществление. Это абсолютное рабство единичного организма еще сильнее является в животном, как только единичном в своей единичности и как не имеющем в свободной мысли всемогущего средства к освобождению. Оно не свободно, потому что, будучи с одной стороны осуществлением всеобщего, имеющего в нем свою единственную действительность, оно с другой стороны не обнимает его собою, не заключает его в себе, а потому и не в силах возвыситься до него, — до истины, — не в силах вырваться из своей единичности, из тесной сферы своего чувственного эгоизма, которым ограничивается и в котором единственно заключается все его существование *. И вся животная органическая жизнь есть не что иное, как беспрерывное, ничем не разрешимое противоречие всеобщности рода, осуществляющегося и действительного только в бесконечном множестве единичных животных организмов и не достигающего себя в них, потому что каждое единичное, как не соответствующее всеобщему и как дополняемое со-вне другими животными организмами, конечно и вследствие своей конечности исчезает в бесконечной субстанциальности своего рода и уступает место другим единичным организмам **, точно так же конечным и недостаточным и точно так же преходящим и смертным, как и оно.

* «Животное, — говорит Розенкранц в своей психологии, — есть glebae adscriptus; оно должно так действовать, как оно действует, и не может иначе действовать. Ограниченностью своей жизни оно заключено в очарованном круге, за который никогда перешагнуть не может; отсюда поразительная безошибочность его инстинкта». *(Примечание Бакунина).*

** Слово «организмам» написано над строкою.

Человек, как единичный животный организм, находится в точно таком же отношении к своему роду и точно так же конечен и преходящ, как и животное. Но с другой стороны он в единичности и конечности своей бесконечен и всеобщ *. Каждый человек в единичности своей заключает всю бесконечную и всеобъемлющую полноту всеобщей абсолютной истины и потому он не нуждается в дополнении другим, бесконечность не может быть дополнена, и сущность человеческого духа есть свобода, потому что, пребывая в себе, пребывая во внутренности существа своего, он пребывает в свободной, ничем не ограниченной истине и необходимости всего сущего. Всеобщее развивается, живет и обособляется по необходимым неизменным законам; но эта необходимость не стесняет его свободы, потому что она не положена и не ограничивает его со-вне, но составляет его собственную и единственную, все собой обнимающую, [об]условливающую и ничем со-вне не [об]условленную сущность. Вследствие этого человеческий дух, как в единичности своей всеобщий, по сущности своей так же свободен и так же ничем не ограничен, как и всеобщая необходимая истина. Но если он в самом деле свободен, если он действительно заключает в себе всю полноту бесконечной истины, почему же он вместе и ограничен, и конечен, и недостаточен? Каким образом может он заблуждаться, страдать и стремиться к освобождению? Одно противоречит другому; как же разрешить это противоречие? Оно необходимо вытекает из двойственной природы человеческого духа, который есть бесконечная полнота и свобода всеобщей истины с одной стороны, а с другой— единичный, конечный и преходящий индивид. Как естественное существо человек, человек так же связан и ограничен, как и животное. Правда, что организм его выше, полнее, а потому и свободнее всех других животных организмов; тело человеческое, как полное, совершенное осуществление органической и естественной жизни вообще, гармонически соединяет в себе все частные образования и процессы как органической, так и неорганической природы. Предчувствуя сию тотальность и полноту человеческого организма, древние мистики наименовали его микрокозмом

* Человек, в котором разрушается тождество единичности и всеобщности, становится животным, потому что вне этого тождества он перестает быть разумным, перестает следовать разумным законам всеобщности и повинуется только животным движениям своего единичного организма.

(Примечание Бакунина).

(малым миром), и это название оправдалось новейшими * открытиями естественной науки.

Вследствие этого человек не связан, подобно другим животным, особенным климатом, особенным родом жизни и пищи; всеобъемлемость его природы возвышает его над всяким ограничением и делает возможным то господство над всеми царствами природы, к которому он призван как существо разумное, как самосознательный ** сын бога живого и как причастник бесконечного духа его.

И, несмотря на это совершенство и на сию полноту и свободу своего организма, человек подвержен недостаткам, болезням, страданиям! Откуда же это происходит и не есть ли это новое противоречие? До сих пор мы говорили о человеке вообще, о всеобщем понятии человеческого организма, которое не существует как всеобщее, но осуществляется во множестве единичных, естественных индивидов. Понятие, всеобщая сущность человеческого организма, как пребывающая в прозрачном и свободном эфире творческой, самоосуществляющейся мысли, не заключает в себе недостатков и не подлежит разрушению, но не имеет также и действительности. Она действительна только в своем осуществлении, только в множестве единичных, естественных индивидов, которые, как единичные и как пребывающие во внешности, находятся в непосредственном единстве с природой и определяемы климатом, географическим положением, родом пищи и т. д. Отсюда вытекают различия племен — национальные, семейные и наконец индивидуальные различия. Естественные индивиды как единичные, несмотря на внутреннее, разумное тождество с природою и между собой, несмотря на бесконечную полноту всеобщего, пребывающего в каждом, относятся к природе и между собою как друг для друга внешние и чуждые; вследствие этого каждый индивид подвержен случайному влиянию внешностей; каждый индивид недостаточен, ограничен и, как все внешнее и ограниченное, подлежит разрушению и смерти. В конечности человека заключается единственный источник всех его страданий, всего претерпеваемого им. Все конечное, как конечное, предполагает свое другое, ограничивающее его, и имеет его в себе как

* Первоначально было написано «новыми», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

** Первоначально было написано «самостоятельный», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

свою границу. Всё конечное, как неистинное и как имеющее своё другое в себе, изменяется и проходит. Но все ли конечное чувствует свою ограниченность и способно к страданию? Нет, чувствовать свою ограниченность и страдать может только то, что по себе, в возможности уже возвышено над своей ограниченностью и что поэтому есть внутреннее противоречие, стремящееся к разрешению. Вследствие этого механические и химические объекты, как только конечные и как не заключающие в себе бесконечности понятия — всеобщего, не чувствуют недостатка; конечность и граница их существуют только для третьего — для сознания. «Чувство недостатка и страдание, — говорит Гегель, — есть высокое преимущество живой, органической природы. Только живое, как бесконечное в своей сущности, субстанции, во всеобщности своего понятия и как ограниченное в своей единичности, чувствует недостаток; страдание есть высокое преимущество живого над безжизненным. Животное, как тотальное в своем непосредственном единстве, всеобщности и единичности и как конечное в своем внешнем существовании *, чувствует это внутреннее противоречие и стремится к его разрешению, стремится к осуществлению своей внутренней тотальности; и оно достигает этого разрешения; но так как оно ** есть только непосредственное единство всеобщности и единичности, единство, существующе[е] в нем как полнота самоощущения, а не существующее для него как самосознание, так как жизнь животного есть жизнь во внешности, то и разрешение внутреннего противоречия, удовлетворение его нужды происходит так же во внешности, как единичное, преходящее; животное достигает только преходящего удовлетворения, удовлетворения, за которым снова следует новое пробуждение нужды и новое страдание».

Как естественный, единичный организм, человек подвержен той же участи. Он так же чувствует нужду, как и животное, но как заключающее в себе действительную возможность тотальности всеобщего, как способное к самосознанию и к неограниченной свободе в нем, человек способен к сильнейшему

* Первоначально было написано: «Животное, как тотальное в своей возможности, в своей непосредственной всеобщности и как конечное в своей единичности, страдает».

** Первоначально было написано «животное», но потом зачеркнуто и надписано, как в тексте.

страданию, чем животное. Страдания его глубже, и как действительно бесконечный в своей единичности, он может перенести бесконечное противоречие и сохраниться в нем; но в этой же бесконечности противоречия заключается и залог разрешения, уже не внешнего и не преходящего, как в животной, органической жизни, но не преходящего и бесконечного разрешения в безграничном и свободном царстве вечного духа; страдание есть необходимое условие человеческого развития; священный голос бессмертного духа, стремящегося к осуществлению своей свободы и своей бесконечности и к отрицанию чуждой ему внешности *, страдание есть единственный путь очищения и освобождения для человеческого духа, — путь, по которому он возвышается над тесной и туманной сферой сво[е]й земной единичной жизни, сбрасывает с себя все бренное и преходящее и возносится в безграничное и безоблачное небо свободной и вечной мысли.

Сделаем теперь легкий обзор всему нами сказанному. В феноменологическом процессе своем сознание, начиная от чувственной достоверности, принимающей за истину многоразличие чувственного единичного бытия, снялось (hat sich aufgehoben) как подчиненный момент в самосознании; чувственное многоразличие единичного бытия улетучилось во всеобщем и низложилось до преходящего и ничтожного явления существенных и всеобщих законов как физического, так и духовного мира. Потом, нисколько не отступая от имманентного и необходимого развития самого сознания, мы увидели, что эти всеобщие законы, заключающие в себе весь бесконечный мир истины и действительности, суть не что иное, как определенные мысли, особенные всеобщности, и что эти определенные мысли суть не более как произведения осуществляющейся в них отвлеченной всеобщности познающего рассудка, так что, познавая их, рассудок познает самого себя, и сознание стало самосознанием. Таким образом мы узнали, как результат всего феноменологического процесса, что каждый единичный дух заключает в себе всю бесконечную всеобщность истины **, но с другой стороны мы видели, что единичный дух есть в то же самое время и единичный организм, конечный индивид, который, как все конечное, подвержен неизбежному рабству, разрушению и смерти;

---

* Первоначально было написано: «чуждых ему внешностей», но потом исправлено, как в тексте.

** Далее было написано «и действительности», но затем зачеркнуто.

мы видели, что эта конечность есть источник страдания — страдания, которое явилось нам как необходимое условие развития и освобождения. В чем же состоит это развитие и освобождение?

В том, что единичный дух, начиная от первого момента рождения, где он еще не более как самоощущающий, животный организм и только возможность, а не действительность сознания, и переходя через все степени сознания, постепенно возвышается над своей единичностью к своей истинной всеобщей сущности и становится самосознанием.

Фихте праздновал день, в который сын его сказал в первый раз *я*, и он был прав: кто говорит *я*, тот уже сознает себя, тот уже вырвался из туманной сферы ощущений, созерцаний и представлений и возвысился во всеобщую область мысли, в свободную область истинно человеческой жизни, в том уже блеснуло солнце самосознания, и возможность свободы и света стала действительностью. Пробуждение самосознания в человеке есть второе рождение,—рождение действительности духа.

«Выражение самосознания, — говорит Гегель в своей Энциклопедии,—есть *я=я;* отвлеченная свобода, чистая идеальность». Разобрав это определение, мы увидим, что мы не ошиблись, говоря о единичном отвлеченном самосознании. Мы сказали, что оно истинно и разумно, но только в возможности, а не в действительности. Как возможность истины, оно истинно и неистинно в одно и то же время.

1. Выражение единичного отвлеченного самосознания есть *я=я*. *Я* есть выражение чистой отвлеченной всеобщности, ставшей для себя предметом, распадение всеобщности на субъективную и объективную, чистое равенство субъекта и объекта. Движение самосознания — уже не ощущение более, потому что всеобщее не может быть предметом ощущения, и не мышление еще, потому что мышление требует конкретного, определенного содержания, чистое же *я* не имеет еще никакого определения и не более как отвлеченная, неопределенная всеобщность, но отвлеченная основа мышления, — мыслящее интеллектуальное созерцание (intellectuelle Anschauung), в котором единичный субъект, возвысившийся до своей всеобщности, различает себя от себя и становится для себя предметом. Самосознание есть беспрерывно возобновляющаяся деятельность интеллектуального * себя — созерцания, сопровождающая все представле-

* Слово «интеллектуального» вписано сверху строки между слов.

ния субъекта и остающаяся тождественной во всех изменениях, происходящих с ним. Кроме этого мое *я* ничем не различно от *я* другого человека. Отвлеченное самосознание, взятое отдельно от конкретной индивидуальности, служащей ему основанием, не есть единичное, но всеобщее *я*. Я различаюсь от другого моею индивидуальностью, моим организмом, моим развитием и т. д. Но как отвлеченное самосознание, как *я* = *я*, я не различен от других, и это безразличие есть главная основа единства, тождества людей между собою и всех духовных организмов — государства, искусства, религии, науки, в которых осуществляется жизнь всеобщего духа. Вследствие этого отвлеченное самосознание есть * бесконечная всеобщность и, как всеобщее и не имеющее другого предмета кроме самого себя, бесконечная свобода и истина.

2. Но с другой стороны отвлеченное самосознание есть только «отвлеченная свобода». Как всеобщее, оно оказалось бесконечною истиною, — истиною, в которой улетучилось все единичное и внешнее. Но как отвлеченное, оно не более как неопределенная, а потому и пустая всеобщность, — всеобщность, еще не произведшая из себя своего конкретного содержания: *я* = *я*, безразличное различие от себя. Мы сказали выше, что для того, чтоб стать для себя предметом, *я* должно различить себя от себя, раздвоиться на сознающее и сознаваемое. Но в этом различии себя от себя сознающее и сознаваемое *я* ничем друг от друга не различны, но напротив совершенно одинаковы; и потому отвлеченное Самосознание есть отвлеченная всеобщность, отвлеченное тождество с собою. Но всякое конкретное содержание предполагает действительное различие, действительную определенность; и отвлеченное Самосознание, как не имеющее в себе такого различия и такой определенности, не имеет еще никакого содержания. Но мы видели выше, что самосознание оказалось как единственная и бесконечная истина; истина же как конкретная необходимо должна иметь содержание: и отвлеченное самосознание, как истина и неистина в одно и то же время, есть возможность конкретной действительной истины, возможность, еще не осуществившаяся в действительности, еще не произведшая своего содержания.

---

* Далее было написано «чистая», но затем зачеркнуто.

Но отвлеченная и пустая всеобщность существовать не может; существовать может только ч т о - н и б у д ь, только о п р е д е л е н н о е бытие. Каким же образом существует отвлеченное, пустое самосознание? Оно существует как конкретная, органическая, живая, а потому и определенная и н д и в и д у а л ь н о с т ь, снявшаяся в нем как в своей истине и вместе сохранившаяся в нем как подчиненный момент. Единичная, конкретная индивидуальность, органическая жизнь и вся полнота чувств, созерцаний и представлений живого индивида составляют единственное содержание отвлеченного самосознания, — содержание, к которому оно относится как сознание.

Отвлеченное, себя сознающее я с о з н а е т конкретное содержание живой индивидуальности и имеет в нем свое единственное наполнение. В чем же состоит содержание живой индивидуальности? Во-первых она сама не более как единичный, а потому и конечный и преходящий организм; кроме этого, как единичная, живая индивидуальность, она не имеет другого предмета кроме единичностей. Всеобщее существует только для всеобщего. Но мы знаем, что единичное, не имеющее в себе всеобщего, неистинно и несвободно; мы видели, что вследствие этого живой субъект, для того чтоб быть истинным и свободным, должен о т в л е ч ь [с я] от единичности своей конкретной индивидуальности и возвыситься над собой во всеобщую сущность свою. Через отрицание себя как единичной, конкретной индивидуальности субъект стал свободным и истинным как с а м о с о з н а н и е.

Но самосознание, происшедшее через это первое отрицание, еще отвлеченно, еще не произвело своего собственного, соответствующего ему содержания, и вся р е а л ь н о с т ь его заключается в живой, единичной индивидуальности, которая в нем же самом снялась как неистинная и несвободная. И потому субъект, возвысившийся только до отвлеченного самосознания, освободился только через о т в л е ч е н и е от рабского мира своей индивидуальности, а не через действительное п о б е ж д е н и е его, а потому и остался к нему в отношении и достиг только отвлеченной основы и возможности всеобщего, истины, а не действительного осуществления ее, достиг только о т в л е ч е н н о й свободы и истины. Мы заметили выше, что отвлеченное самосознание есть основа разумного единства людей между собою. Но так как оно отвлеченно и так как вся реальность, все конкретное содер-

жание его заключается в единичной индивидуальности,—единичные же индивидуальности друг от друга различны и относятся друг к другу как внешние и чуждые, — то оно не более как в о з м о ж н о с т ь этого единства, возможность, ни в чем и нисколько не осуществленная; такая возможность, которая, удержавшись в своей отвлеченности и оставшись при единичности своего индивидуального содержания, становится преступным э г о и з м о м.

С переходом сознания в самосознание исчезло различие между с у б ъ е к т о м и о б ъ е к т о м. В сознании сознающее *я*, субъект, относился к сознаваемому предмету, к о б ъ е к т у, как от него различному, как к такому, с которым он должен был соображаться. Различие это происходило оттого, что субъектом было э т о единичное, непосредственное *я*, а объектом—внешнее многоразличие непосредственных единичностей. Но в феноменологическом процессе сознания улетучились внешность и единичность как субъекта, так и объекта, а вместе с этим исчезло и различие между ними, потому что оба оказались как всеобщие. Единичное *я* стало в с е о б щ н о с т ь ю с у б ъ е к т и в н о г о *я*, сознающего всеобщность о б ъ е к т и в н о г о м и р а з а к о н о в и л и м ы с л е й, и сознание перешло в с а м о с о з н а н и е. Вследствие этого в самосознании положено тождество субъекта и объекта. Но первая форма самосознания, происшедшая для нас в феноменологическом процессе, есть о т в л е ч е н н о е самосознание, которое, как еще не осуществившееся, имеет все свое содержание во внешности и единичности живого и конкретного индивида,—содержание, которое в нем же самом снялось как неистинное в своей истине и которое различно от него как единичное и чувственное от всеобщего и сверхчувственного. Всеобщий отвлеченный субъект относится к внешнему и чувственному многоразличию как к чуждому и различному от него предмету сознания, и тождество субъекта и объекта снова разрушилось.

3. Но между отвлеченным самосознанием и сознанием та разница, что в последнем единичность и внешность предмета положены как истина, в то время как в первом они снялись вместе с непосредственной индивидуальностью субъекта. В отвлеченном самосознании уже положено ничтожество всего этого единичного и преходящего мира; и оно, как внутреннее противоречие отвлеченной всеобщности чистого *я* и непосредственной единичности и внешности индивида и чувственного мира, есть с т р е м л е н и е к обнаружению своего внутреннего, имманентного ему, всеобщего

содержания и к действительному отрицанию всего непосредственного и внешнего. Отвлеченно себя сознающий субъект приходит в соприкосновение с чувственными единичностями, ограничивающими его свободу, и, предчувствуя свое могущество над ними, предчувству[я] истину своей всеобщности, покоряет их своим собственным субъективным целям и восстановляет таким образом единство субъекта и объекта. Кроме этого живые, отвлеченно себя сознающие субъекты, как безграничные в отвлеченной всеобщности своего самосознания и как ограничивающие друг друга в действительности, встречаются друг с другом и, побуждаемые стремлением осуществить свою внутреннюю всеобщность, свою внутреннюю отвлеченную свободу во всем окружающем и ограничивающем их мире, вступают между собою в *борьбу*, результатом которой бывает или смерть одного, предпочевшего отвлеченную свободу своего самосознания — жизни, или рабство другого, пожертвовавшего достоинством свободной всеобщности для сохранения своего единичного существования, — в борьбу, в которой постепенно отрицаются их живые индивидуальности, отделяющие их друг от друга, и, как единичные и неистинные, подчиняются истине самосознания, и которая наконец венчается *взаимным признанием* единичных субъектов во всеобщей сфере *всеобщего разумного самосознания*, т. е. такого, в котором один свободный и самостоятельный единичный субъект не ограничивается другим, противоположным ему, но продолжает, находит и сознает себя в нем.

Всеобщее * *самосознание* есть положительное знание о себе одной единичной самости, одного единичного субъекта в другом, противоположном ему, — знание, которое возможно не иначе как через отрицание непосредственности или чувственности обоих.

Может быть, некоторые из преследователей философского знания найдут и здесь повод к привязке и станут утверждать, в противоположность нами сказанному и основываясь на своем собственном опыте, так же как и на опыте многих подобных им людей, что в человеке нет ни малейшей потребности к отрицанию своей непосредственной или чувственной единичности и к возвышению над ничтожностью окружающего его чувственного мира. Но во-первых нам довольно указать на всемирную историю, на существование гражданских обществ, искусства, религии и науки,

* Далее было написано «разумное», но потом зачеркнуто.

для того чтоб доказать, что это стремление не только что не наша фантазия, но что без действительного осуществления его человек остался бы на степени животного; во-вторых же это возражение нисколько не удивит нас, потому что, говоря о развитии человеческого духа, мы говорим о человеке вообще, а не об эмпирически существующих индивидах, из которых многие по недостатку и бедности природы своей могут не соответствовать всеобщему понятию и определению человека. Мы знаем, что существование конечного духа, как [об]условленное внешностью и естественностью, подвержено бесконечным случайностям и зависит от большего или меньшего совершенства организаций. Многие рождаются уродами, идиотами, так что, несмотря на свой человеческий образ, они кажутся ближе к животному, чем к человеческому роду. Другие без видимых недостатков так бедны природою и наклонностями своими, что они не в силах ощутить противоречия своей бесконечной внутренности и своей конечной внешности и всегда будут предпочитать кусок бифстекса как нечто абсолютно действительное — мысли, которая для них всегда останется призраком. Если же в них и просвечивает иногда бесконечная сущность духа, то она в них не довольно сильна для того, чтобы вырвать их из тесной сферы естественной жизни, и, связанная с чувством бессилия, пробуждает в них иногда зависть *, которая бывает часто поводом нехороших, неблагородных поступков. Может быть и весьма вероятно, что большая часть из наших врагов философии находится под этой категорией и потому ответ на их возражения принадлежит более антропологической физиологии; мы же обратимся к своему предмету.

Мы видели, что самосознание, как заключающее в чистых определениях своей сущности, всеобщего, в своих мыслях всю бесконечную истину и действительность объективного мира, уже не противоположно ему, а потому и не ограничено им и, как единство субъекта и объекта, есть бесконечная истина; но что в первом непосредственном пребывании своем, как непосредственно единичное самосознание **, оно еще не соответствует своему понятию и есть единство субъекта и объекта, истина только в возможности, а не в действительности. Мы видели, что вследствие этого противоречия единичное самосознание от-

* Первоначально было написано: «чувство зависти», но потом исправлено, как в тексте.

** Первоначально было написано просто «сознание».

рицает свою непосредственность, так же как и непосредственность чувственного мира и подобных ему единичных самостей, и становится всеобщим *самосознанием*. Рассмотрим теперь последнее.

Происшедши через взаимное самоотрицание непосредственно единичных субъективностей, оно есть *всеобщий разумный субъект*, в котором единичные субъекты, как отрешившиеся от своей непосредственности, не исчезают, сохраняются, но вместе и перестают быть друг от друга различными и составляют одно всеобщее, неразрывное единство. Всеобщий разумный субъект есть общая, духовная почва, общая, духовная и незримая отчизна всех непосредственно единичных субъективностей, отчизна, которая находится не вне их, так что для достижения ее они должны бы были выйти из себя и перестать быть самими собой, но заключается в них самих как их истинная сущность, так что для достижения ее они должны только очиститься от ограниченности и эгоизма своей чувственной непосредственности, разделяющей их между собою и противополагающей их друг другу, и возвыситься во внутренность своей собственной сущности и истины, где нет ограниченной и эгоистической вражды, но безграничное, разумное и любовное взаимное признание, признание во всеобщей и нераздельно единой среде разумного самосознания, всеобщего субъекта.

«Борьба самосознаний, — говорит Розенкранц в своей психологии, — имеет своим истинным результатом *всеобщее признание* субъектов, различающихся друг от друга своими индивидуальностями. Каждый из них знает * себя как самосознание, которому покорено самоощущение единичной жизни, и каждый знает другого, противоположного субъекта как самосознание, сущность которого тождественна с его собственною сущностью. Таким образом исчезает *индивидуальное различие* субъектов между собою и заменяется их разумным себя знающим *единством*; объектом самосознания становится оно само; оно сознает себя в другом и другого в себе, и *объективность* становится *тождественною с субъективностью*».

«*Тождество субъекта и объекта* есть *форма* всякого *духовного* сознания; одно самосознание для других то же, что они для него. Одно сознает себя в другом. Одно

* Далее в рукописи следует чистый лист, на котором снова написано: «Вторая половина 1-й статьи о философии М. Бакунина. 1840. Июнь».

отражает в себе другого и обратно отражается в другом. Любовь, дружба, патриотизм, вера, семейство, государство и все духовные организмы вообще, так же как и все добродетели, имеют основою это единство самосознания с собою и другими. *Я* есть *мы*».

В феноменологическом процессе сознания и в возвышении его к самосознанию исчезло различие субъекта и объекта; самосознание оказалось как истина сознания, как тождество субъекта и объекта, как бесконечная истина и свобода. Но первою формою самосознания оказался единичный, отвлеченно себя сознающий субъект, отвлеченная всеобщность, не осуществившая своего внутреннего содержания и имеющая всю свою реальность во внешности и единичности живого индивида; субъект, в котором достигнутые истины, свобода, единство субъекта и объекта и единство субъектов между собой ниспали до неосуществленной возможности — до возможности, ограниченной несоответствующею ей действительностью. Отсюда произошло стремление к освобождению, стремление, имеющее целью обнаружение своего внутреннего содержания и отрицание ничтожной внешности: подчинение единичностей чувственного мира субъективным целям самосознания и борьба субъектов между собой, взаимное отрицание живых индивидуальностей и возвышение над ними в истинную область всеобщего, разумного субъекта, в котором полное осуществление внутреннего содержания самосознания, полное осуществление тождества субъекта и объекта и единства субъектов между собою, полное осуществление бесконечной истины и свободы.

Мы сказали, что всеобщее самосознание есть общая, духовная и незримая почва, в которой единичные субъекты, различающиеся друг от друга своими индивидуальностями, сливаются в одно неразрывное единство. Эта всеобщая почва, в которой исчезают различия единичных субъектов между собою, есть для себя сущая всеобщность и объективность самосознания — разум.

«Самосознание, — говорит Розенкранц, — является себе, как разумное. Объективность, лишившись внешней коры, отделявшей ее от субъективности, перестала быть ей чуждою; и так как каждая из них получила значение всеобщности, то взаимное противоположение их исчезает. Субъект достиг достоверности, что его мысли заключают в себе объективную истину, или

что предметный, объективный мир в определениях своих заключает содержание, тождественное его собственному самоопределению, содержанию его собственных определений, мыслей. Поразительное и важное этого результата заключается в том, что субъект говорит миру: «Ты — мой мир». В этой достоверности заключается бесконечное примирение сознания: оно ничего не имеет вне себя, что бы противоречило ему, точно так же, как и ничего не находит в себе, что бы не имело вне его соответствующей ему реальности. Вследствие этого разумность самосознания есть вершина феноменологического развития».

Таким образом вопрос, составляющий главный предмет этой второй половины нашей статьи, разрешен самым удовлетворительным образом; нам нужно было знать, возможно ли такое знание a priori, которое, обнимая всю полноту субъективных мыслей, обнимало бы в одно и то же время и всю полноту объективного, действительного мира. Но разум произошел для нас как простое тождество субъекта и объекта, как единство бытия и мышления, как бесконечная истина и свобода, как такая истина, для достижения которой человек не должен выходить из себя, но должен только возвыситься над собою, над тесным и ложным миром своей индивидуальности во всеобщую и разумную сущность свою, в единственную истину своего существования. И потому вся бесконечная полнота разума доступна его знанию, в этой же полноте заключается вся истина и вся действительность как физического, так и духовного мира. «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно», говорит Гегель, и это определение разума и действительности произвело много споров и дало повод ко многим недоразумениям, которые большею частью * произошли оттого, что худо поняли смысл, придаваемый им слову «действительность». Обыкновенно называют действительным все сущее, всякое конечное бытие, и в ** этом-то и заключается ошибка; действительно только то бытие, в котором пребывает вся полнота разума, идеи, истины; все же остальное — призрак (Schein) и ложь. «Идея есть истина, — говорит Гегель в своей Энциклопедии философских наук ***, — потому что истина именно и состоит в том, что объективность соответствует понятию. Не в том однакоже, что

* Слова «большею частью» вписаны над строкой между слов.

** Далее было написано «этой ошибке», но потом зачеркнуто.

*** 3-е издание, 203 стр. *(Примечание Бакунина)*.

внешние предметы соответствуют моим представлениям: это будут верные представления, — представления, которые я [об] этом имею. Идее же нет дела ни до этого, ни до представлений, ни до внешних предметов. Но и все действительное * по той степени, по какой оно ** есть истина, есть также идея, и вся его истина вытекает единственно только из идеи. Единичное бытие выражает только какую-нибудь одну сторону идеи и нуждается потому в дополнении другими односторонними действительностями, являющимися так же как особенные и самостоятельные ***; только в их полном собрании и в их взаимном отношении осуществлено понятие. Единичное, взятое отдельно, не соответствует своему понятию; эта **** односторонность составляет его конечность и есть источник его необходимого разрушения».

Теперь ясно, что человек может познавать абсолютную истину, и что философия возможна; и потому мы можем приступить к разрешению нашего третьего ***** вопроса, — вопроса о пользе философии.

Но прежде чем приступать к его разрешению, мы скажем несколько слов о философии как о науке. Мы не станем распространяться об этом предмете, потому что развитие философии как науки должно быть наукообразно и потому ****** выходить из пределов журнальных статей. Мы же, рассмотрев сперва только главное деление философского знания, скажем потом несколько слов об отношении его к эмпиризму.

Мы видели, что разум есть бесконечная истина, субъект-объект, тотальность субъективных мыслей и полнота объективного, действительного бытия. Разум есть единственная и бесконечная субстанция мира, но вместе и единственный субъект, сознающий ее, единственная причина и единственная цель, начало, середина и конец всего сущего.

1. Но взятый в абстрактном ******* элементе чистого мышления, разум, или, что все равно, идея, есть то-

* Далее было написано «также», но затем вычеркнуто.

** Далее было написано «заключает в себе истину», но затем вычеркнуто.

*** Далее было написано «в них собраны», но затем зачеркнуто.

**** Первоначально было написано «это ограничение его пребывания», но затем исправлено, как в тексте.

***** Первоначально было написано «второго».

****** Слово «потому» написано над строкой между слов.

******* Слово «абстрактном» вписано над строкой.

тальность чистых категорий или мыслей. Таким образом он составляет предмет Логики.

Здесь должно вспомнить, что мысли, составляющие содержание логики,— не субъективные только и не противоположные бытию, но и объективные, так же как тождественные и единые с бытием. Вследствие этого логика, имеющая их предметом, не должна быть смешана с обыкновенною формальною логикою. Последняя имеет предметом только формы без содержания, только субъективные * мысли, противоположные бытию и относящиеся к нему внешним образом. Спекулятивная же логика имеет содержанием разум, который есть абсолютное мышление и абсолютное бытие вместе; абсолютное бытие составляет ** единственный предмет ее, но только абсолютное бытие, заключенное в себе, в абстрактном элементе мышления и не осуществившееся еще в действительном мире природы и духа.

Другая существенная разница между спекулятивною и формальною логикою состоит в том, что последняя есть наука, чисто эмпирическая и, как эмпирическая, не заслуживает даже *** названия науки, потому что наука требует строгого и органического порядка необходимого развития, а мы видели выше ****, что эмпиризм ***** есть не что иное, как сброд частных познаний, и что вся деятельность его ограничивается внешнею классификациею ******. Как образовалась формальная логика? Наблюдающий ******* дух обратил внимание на внутреннюю и чистую деятельность своего мышления и, подметив категории, являющиеся в ней, привел их ******** в порядок. Предчувствуя, что они — необходимые моменты единой и нераздельной деятельности мышления, он старался возвыситься до этого единства, но, как находившийся в области эмпиризма, не мог достигнуть, понять его и должен был довольствоваться внешнею классификациею категорий. Таким образом формальная ло-

* Слово «субъективные» вписано над строкой.

** Первоначально вместо «составляет» было написано «и есть», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

*** Слово «даже» вписано над строкой.

**** Первоначально вместо «выше» было написано «уже».

***** Далее было написано: «есть сброд не более», но потом зачеркнуто.

****** Далее было написано: «Спекулятивная логика есть наука в полном и строгом смысле этого слова. Каким образ...», но потом вычеркнуто.

******* Далее было написано: «ум и», но зачеркнуто.

******** Далее было написано: «в чисто внешний», но зачеркнуто.

гика разделилась на учение о понятии, о суждении и умозаключении, которые в свою очередь подразделяются еще далее, и во всех этих делениях нет никакой необходимости, нет и следу того внутреннего, имманентного и необходимого развития, которое есть conditio sine qua non науки в строгом смысле этого слова. Спекулятивная же логика вполне заслуживает название науки, потому что, начиная от идеи в возможности или от абстрактного, неопределенного бытия и до идеи, произведшей из себя всю бесконечность своего содержания, до конкретного бытия, все категории развиваются в ней необходимым, имманентным порядком.

2. Идея во внешности, в своем для себя внешнем пребывании, или природа, составляет предмет философии природы.

3. И наконец идея, возвратившаяся из внешности к себе, в бесконечную внутренность существа своего, и сознающая себя в этом возвращении к себе, есть дух и составляет предмет философии духа, которая в свою очередь подразделяется на философию субъективного, объективного и наконец абсолютного духа *.

Не должно позабывать, что это деление, как философское и как истинно наукообразное, не произвольно, но вытекает из собственного необходимого развития самого абсолютного содержания, в котором все отдельные, особенные части составляют необходимые текучие моменты, собственным имманентным движением своим возвышающиеся над собою и отрицающие себя в ** последующих высших моментах и наконец в бесконечной тотальности целого. Вследствие этой последовательности необходимость деления философии может быть доказана только в науке и недоступна для тесных рамок журнальной статьи.

Каким же образом относится философия к эмпиризму и возможна ли первая без последнего? До сих пор мы указывали на недостаточность эмпиризма, теперь же *** мы должны показать его необходимость. Мы видели, что в феноменологическом развитии духа чувственная достоверность, опытное на-

* Далее с красной строки было написано: «Могут подумать, что это деление так же произвольно, как деление эмпирического знания», но затем вся эта фраза зачеркнута.

** Первоначально было написано: «в своих высших», но затем зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

*** Слово «же» вставлено над строкой между слов.

блюдение и рассудочный эмпиризм предшествуют разумному самосознанию, точно так же как чувство, созерцание и представление предшествуют чистому мышлению, но кроме этой психологической необходимости эмпиризма он необходим еще и в другом отношении. А именно он собирает материалы для философии, он беспрестанно и неутомимо роется в действительном мире природы и духа, беспрестанно приобретает сокровища, которых не может понять, не в силах проникнуть животворной мыслью и которые передает абсолютному пониманию чистого, философского мышления *. Таким образом Аристотель, спекулятивный во многих отношениях, составил свою таблицу категорий чисто эмпирическим образом. После него Кант составил свою собственную таблицу ** категорий, во многом разнствующуюся от таблицы Аристотеля; и хотя он и говорил о необходимости вывода их из единого всеобщего начала ***, но не вывел и не доказал их и довольствовался извлечением их из различных форм суждения. Фихте старался вывесть их из одного начала, но не мог достигнуть своей цели вследствие субъективной односторонности своей системы. Шеллинг во многих сочинениях своих предрекал скорое образование чистой, абсолютной формы **** для абсолютного содержания философии, но не исполнил своего обещания. Великому гению Гегеля было предоставлено внести наукообразность в область чистой, логической мысли; он создал спекулятивную логику из материалов, собранных его предшественниками, из ***** категорий, пребывавших до него в темной области эмпиризма и возведенных им в прозрачную область чистого, спекулятивного мышления, где они сомкнулись в единую, органическую и необходимую систему. Точно то же является и в науках, касающихся природы и духа; эмпиризм предшествует в них философскому пониманию; чистое спекулятивное мышление не выводит из себя фактов действительного мира природы и духа, но получает их от эмпиризма и приближается к ним с полной достоверностью, что в них, как в фактах объективного, действитель-

* В рукописи явная описка: «мышлению».

** Первоначально было написано «восстановил эту таблицу», но потом зачеркнуто и исправлено, как в тексте.

*** Далее было написано: «но нигде не сделал этого вывода», но потом зачеркнуто.

**** Далее было написано «философии», но потом зачеркнуто.

***** Далее было написано: «чистых», но потом вычеркнуто.

ного мира, пребывает разум, и что поэтому они доступны для философского понимания. Он получает их от эмпиризма, но понимает и доказывает их от себя, своим собственным имманентным диалектическим движением.

В одном из следующих № мы займемся разрешением вопроса о пользе философии.

(Продолжения нет.)

№ 372. — Письмо сестре Варваре.

15 марта 1840 [года].
Москва.

Милый друг, давно не писал я тебе, но тебе не нужны уверения, ты знаешь, что любовь моя к тебе не может потухнуть. Друг, весело смотреть на тебя, ты такая светлая, ясная, сильная, в тебе так много глубокого спокойствия. Видишь, что наши предчувствия и надежды сбылись. Ты не даром и не бессмысленно страдала, ты достигла истины своего существования, достигла той действительности, которая так прекрасно соединила в себе мудрость, приобретенную долгими, мучительными испытаниями, с детскою, глубокою, пламенною простотою твоих юношеских годов. Да, Варинька, я с глубоким уважением смотрю на тебя. Во мне пробуждается чувство гордости и неизъяснимого блаженства, когда я думаю, что ты меня любишь, что с самого детства нашего между нами завязался святой союз, из которого для нас всех уже произошло так много прекрасного и который никогда не перестанет быть нашею святою, благодатною родиною. Да, Варинька, в это время, в которое мы все пережили много, много тяжелого, в продолжение которого я часто терял из созерцания святой и духовный смысл жизни, в это время, Варинька, мысль о тебе всегда освежала, освобождала меня. Милая, хорошая, прекрасная Варинька, ты не знаешь, как много мне дает любовь твоя.

В жизни моей я встретил двух людей, которые имели решительное влияние на мое духовное, нравственное развитие. Это — ты да Станкевич. С тобой мы были уже в детстве дружны. Вспомни, как мы гуляли вместе рано поутру, как мы ходили вместе в церковь. Наша детская дружба была бессознательна, но в ней таилось много, много прекрасного, много глубоких предчувствий, которые все осуществились. Потом судьба разъединила нас. Меня забросила она в чуждый, грязный, несоответствующий мне мир,

где я на время совершенно загрязнился, где я все утратил кроме способности фантазировать о лучшем, благороднейшем состоянии. Те, которые осуждают меня теперь иногда так несправедливо, были бы снисходительнее, если бы они знали, из какого грязного, животного, можно сказать, состояния я вырвался. Я оставил военную службу пустой со-вне и с-внутри и ничего в себе не имеющий кроме бесконечной потребности знания, жизни и религии. Встреча с Станкевичем была для меня спасительна; она составляет эпоху, решительный перелом в моей жизни. Он имел на меня влияние не только глубоким умом, благородным направлением своим, но и прекрасною, совершенно прозрачною непосредственностью всего существа своего. Зима, проведенная с ним,—до сих пор самый счастливый период моей жизни. Тебе известны грустные обстоятельства...

(Конец не сохранился.)

№ 373. — Письмо Александре Беер.

[15 марта 1840 года.]
[Москва.]

Милая Alexandrine! Жизнь пережить — не поле перейти, говорит пословица (вы видите, как заразительны худые примеры: вот и я заговорил пословицами по примеру Натальи). Человек рожден для счастья — в этом нет никакого сомнения. Это — его всеобщее, существенное определение. Но оно видоизменяется до бесконечности органическими и внешними условиями, воспитанием, привычками, которые еще прежде, чем человек достигает полного самосознания, успевают дать частное, ограниченное направление его всеобщему, безграничному человеческому существу. Потом наступает период борьбы, стремление к бесконечному, к отрицанию всякой враждебной внешней и внутренней определенности. В этом периоде много прекрасного, много истинного, но вместе много и ложного, смешного, много ошибок, за которые впоследствии человек дорого поплачивается. После него наступает третий период — период крепкого, смелого, но вместе и осторожного и опытного движения вперед, к цели, к действительно бесконечному; период, обогащенный прошедшею опытностью.

Мы переживаем теперь, Alexandrine, этот третий период. В нем повидимому уже нет эксцентрической, непобедимой силы

второго периода, но это только по видимому, потому что сила не исчезла, но ушла в глубь. Какая-нибудь мелочь, обманчивый призрак уже не в силах вызвать ее наружу, как прежде. Но это только потому, что в призраках она уже не находит более жизни. Ей нужна действительность — не в смысле [В. Г.] Белинского, но истинная действительность, такая, душою которой была бы бесконечность. В нас попрежнему кипят жизненные силы, стремящиеся обнять всю бесконечность мировой жизни. Но мы не тратим их по мелочам, не позволяем им разбрасываться, зная из прошедшего опыта, что они действительно сильны только тогда, когда они связаны неразрывным единством единого самообладающего духа. Самообладание, гармоническое течение жизни как необходимые условия человеческого достоинства и счастья, как верные средства к достижению цели — вот наша теперешняя девиза.

Милая Alexandrine, продолжайте мне писать так же часто и откровенно, как теперь, Ваша дружба становится мне все более и более необходимою. Верьте в жизнь и в себя. Вы сами не знаете себя, а вы рождены для человеческого счастья и исполняйте назначение свое. Не отчаивайтесь в своей мнимой неподвижности. Придет время, и вы сознаете, что вы прошли огромное пространство: человек идет вперед большею частью бессознательно.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

№ 374. — Письмо сестре Александре.

18-го марта 1840 [года].
Москва.

Милая Саша! Ты напрасно приняла письмо * за выражение наших общих чувств. В начале его я нарочно заметил, что всякий должен сам отвечать за себя, для того чтобы ты поняла, что я говорю собственно о моих личных отношениях и чувствах к тебе. Я не знаю, до какой степени братья разделяют их, но думаю, что, несмотря на всеобщее содержание жизни, неразрывно связывающее нас, каждый из нас имеет свой особенный индивидуальный мир, который не может и не должен улетучиваться во всеобщем; я люблю не сестер вообще, но Вариньку, Танюшу и Сашу (любовь моя к нашей святой Любаше перешла вместе с нею из временной в вечную жизнь и не подле-

* От 13 марта 1840; см. № 369.

жит более изменениям времени и обстоятельств), и любовь моя к каждой из них при всей одинаковости глубины и силы различается сообразно с их различными личностями.

Что ж касается до остального содержания письма твоего, то мне нечего прибавлять к моему последнему письму, заключающему в себе полный и определенный ответ на все слова твои.

Я рад впрочем, что ты поняла наконец, что мы не можем разлюбить тебя; относительно же моей близости с тобою, той близости, в которой я вижу единственное совершение любви, мне нечего говорить, потому что ты сама должна знать и чувствовать, до какой степени она осуществлена между нами. Но ради бога будем только называть всякую вещь ее настоящим именем. Я в себе и для себя уже давно это сделал.

Если для большего освещения пути твоего тебе уж непременно нужно иметь и меня в числе своих солнушек, то я никак не отказываюсь от этой блестящей роли; боюсь только, чтобы это бедное солнушко не было похоже на смоляную бочку, которая почти совсем не освещает окружающих ее предметов, но употребляет весь тусклый свет свой единственно только на то, чтоб обратить на себя внимание; боюсь, чтобы ты не сознала наконец, что это бедное солнушко не только что не греет, но даже и светит плохо.

[В. П.] Б[откин] посылает вам «Abendroth» * Шуберта — чудная песенка. Сегодня мы слышали Брейтинга и Фирзинга, которые прекрасным пением своим доставили нам глубокое наслаждение. Нам еще много предстоит прекрасной музыки, а вы, бедные девочки, лишены этого наслаждения. Впрочем потерпите немножко, и на вашей улице будет праздник.

Прощай, Саша. Брат твой

М. Бакунин.

NB.— Танюше буду отвечать завтра и пришлю кстати копию с письма моего родителям.

№ 375. — Письмо Александре Беер.

1840 год. 21-го марта. Москва.

Милая Alexandrine, прошедший понедельник, т. е. 18-го марта, я послал Ваше письмо к Вариньке и прибавил, кроме страницы, нарочно для меня оставленной, еще целый листик в 4 стра-

* «Вечерняя заря».

ницы. Павел, который отвез письмо на почту, узнал там, что оно дойдет до Неаполя в 9 дней, так что в конце этого месяца Варинька непременно получит его. Ваше письмо к ней разбило кору, покрывавшую мои отношения к ней, кору, образовавшуюся долгим взаимным молчанием. Не думайте, что я позабыл ее или охладел к ней, — нет, она всегда пребывает в душе моей живая и глубокая и исполненная той широкой и свободной любви, которая нас всех привязывает к ней. Но я не мог писать, — так просто не мог писать. Ваше же письмо так сильно пробудило во мне все старые воспоминания, что эта кора совсем растаяла, и я написал ей хорошее, умное письмо. О всех новых обстоятельствах я не сказал ни слова, потому что должен бы был сказать очень много, а очень много говорить теперь мне не следует.

Завтра посылаю письмо к родителям: оно написано так, что результат должен быть хороший. Впрочем, какой бы он ни был, я теперь опять ничего не боюсь. Я чувствую, что во мне пробуждаются мои старые силы, — значит, что волосы опять выросли. Не бойтесь, Alexandrine: буду в Берлине.

Обо всех внешних обстоятельствах узнаете из письма к Наталье *. Внутри же меня все светло, сильно и тепло: это — хороший знак. Все это время я думал и писал письмо к родителям да читал романы Вальтер-Скотта; как жаль, что я не могу Вам прислать ни одного из них: они производят такое светлое и вместе глубокое впечатление.

Напишите мне о своем здоровьи, да ради бога берегите себя — для себя и для нас. Вам тяжело теперь, бедным девочкам, но потерпите, будет и хорошо. Константин ** к вам приедет летом, и я непременно увижусь с вами до отъезда за границу. Теперь Константин, братья и я составляем наш тесный, теплый кружок, и нам хорошо вместе. Больше писать нечего.

Ваш М. Бакунин.

№ 376. — Письмо Наталье Беер.

21-го марта 1840 г[ода]. Москва.

Милая Наталия! Может, письмо это найдет Вас в неприятных обстоятельствах: у Вас теперь брат Ваш ***, вид, манеры и речи которого не могут произвесть слишком приятного впечатле-

* От того же дня (см. № 376).

** Беер.

*** Алексей Беер.

ния. Мы надеемся однако на Вашу кротость и на Ваше благоразумие и уверены, что с помощью этих двух добродетелей Вы сумеете овладеть собою и соблюсти надлежащую внешнюю гармонию *. Не забывайте, дорогой друг, что кротость представляет единственный источник силы женщины, — кротость, которая ничуть не исключает твердости. Что касается моих отношений с [В. П.] [Боткиным], то они становятся все более ясными и более холодными, и после первого же объяснения мы станем на правильную ногу. Это объяснение не преминет в скором времени притти нам на помощь. До сих пор мы встречались только у общих знакомых и в общественных местах. Вы не можете себе вообразить, как я рад тому, что наши внешние отношения целиком уподобятся нашим внутренним отношениям. Мы останемся добрыми знакомыми, но не будем больше профанировать имени друга, называя так один другого. Я решил сохранить пассивность во всем его деле, ибо совесть моя не позволяет мне помогать любви, истинность и действительность которой отнюдь для меня не доказаны.

Видите, милая Наталия, я еще не позабыл французского языка и для того, чтобы доказать Вам это, написал Вам несколько строк чистым французским языком, который Вы должны любить, потому что начало нашего знакомства и потом нашей дружбы было сделано на французском языке.

Прошедшую субботу встретились мы с [В. П.] Б[откиным] у Огарева ** и стали играть в шашки. Он мне сказал: «Нет, Мишель, уж пожалуйства не вводи меня в конфликт», а я ему в ответ: «Эх, друг, ты все прячешься по уголкам, выходи-ка на чистую воду». Видите ли, Наталья, для умных людей всякая глупость, даже шашки, могут служить поводом к тому, чтоб сказать несколько умных речей. Предоставляю Вашему суду решить, кто лучше сострил: я или он.

С сестрою Alexandrine *** у нас также произошел маленький конфликт. Я Вам послал письмо ее к Вам, пробудившее гнев Б[откина]. Это письмо вместе с письмом Танюши к Александрине Беер заставило меня написать Саше большое письмо ****, где я сказал ей, что разлюбить ее мы не можем, потому что произвол

---

* Отсюда до конца абзаца по-французски в оригинале.

** Николай Платонович.

*** Александра Бакунина.

**** См. № 369.

бессилен над любовью, но что между нами нет той свободной текучести отношений, которая есть единственное осуществление любви и без которой любовь не действительна, но только возможна, что между нами нет действительной близости и что в этом виновата она сама, потому что, заключившись в себя, она разорвала тонкую нить, связывавшую нас. Ко всему этому было присоединено несколько нравственных поучений и умных замечаний, которые я должен был высказать ей. Все это было проникнуто самым горячим чувством любви, так что я не сомневался в том, что она поймет меня. Но к великому удивлению моему я получил при сем прилагаемый ответ, который вытянул из меня коротенькое письмо, копию которого я также при сем прилагаю *. Видите ли, Наталья, и с этой стороны туманы также рассеиваются, и погода объясняется **, для того чтоб уступить не горячим и оживотворяющим лучам весеннего солнца, но ясному и вместе холодному солнцу.

Как бы то ни было, но истина лучше всего. Вся моя забава состоит теперь в том, что я разгоняю все окружающие меня туманы: пусть другие живут в туманах, а я хочу света, чтоб он все осветил.

Я решился писать каждой сестре особенно. Было время, когда всеобщее выражение «сестры и братья» имело смысл. Это было тогда, когда мы все были связаны одним общим интересом, одною общею целью — освобождением Вариньки. Это будет всякий раз, как кто-нибудь из нас будет нуждаться в помощи. Но теперь, когда такого общего интереса нет, и всякий живет сам по себе, ничего нет смешнее этого обобщения. Сестры вообще пишут братьям вообще и обратно. Теперь нужно довести отрицание до крайности. Что сохранится в этом отрицании, то истинно; все же остальное пусть рушится как ложь, не стоящая даже внимания. Вы видите, милая Наталья, я опять расхрабрился, а знаете почему? Потому что разгоняю туманы и потому что более и более возвращаюсь в истинную и чистую сущность своей жизни.

Будущий четверг пошлю вам копию с письма к родителям, в котором я прямо прошу у них денег для Берлина ***. Письмо написано хорошо, с чувством и с логикою: вероятно мне будет

* См. № 374.
** Так в оригинале (вместо «проясняется»)
*** См. № 377.

можно послать вам вместе и ответ родителей. Каков бы ни был результат моего письма, я знаю по крайней мере, что оно восстановит мои отношения с родителями так, как они должны быть.

Милая Наталия, пишите нам чаще и скорее. Мне всегда так весело, так легко и свободно на душе, когда я думаю о Вас. Наши отношения достигли наконец той крепкой и широкой действительности, которая исключает все сомнения и всякое резонерство.

Ваш М. Бакунин.

№ 377. — Письмо родителям.

[24 марта 1840 года. Москва.]

Любезные родители!

Я приступаю к этому письму с чувством какого-то страха, с чувством особенного, до сих пор мне мало известного тревожного беспокойства. Я берусь за перо для того, чтобы просить вас о денежной помощи. Как поймете вы поступок мой? Не найдете ли вы в нем нового повода к тому, чтобы презирать меня? Я, который был обвинен вами в самых гнусных преступлениях, я, которому вы несколько раз изъявляли абсолютное презрение и который несколько раз выговаривал вам свое сомнение в любви вашей, я прибегаю к вам с просьбою о деньгах!

Да, любезные родители, если сомнения мои справедливы, основательны, то я делаю в самом деле непростительную, ужасную ошибку. В таком случае я даю вам повод к новому, еще большему презрению и уничтожаю тем последнюю возможность соединения с вами,— соединения, которое было всегда предметом моих самых пламенных желаний. Если вы действительно презираете меня, то в вас не может быть любви ко мне; если же вы не любите меня, то из уважения к себе, к своему нравственному достоинству, из уважения к тому невольному чувству любви к вам, которое никогда не покидало меня, я не должен прибегать к вам.

Но если я ошибся, если ваша родительская любовь ко мне не потухла в вас, несмотря на мои ошибки, несмотря на мои действительные проступки против вас и на преступления, в которых я невинен, но в которых вы считаете меня виноватым; если в душе вашей осталось хоть одно для меня живое место, которое еще любит меня, которое не презирает меня и готово верить мне,— в та-

ком случае делаю ли я ошибку, прибегая к вам? Нет, сердце мое говорит мне, что нет. Любовь снисходительна, она умеет прощать и понимать всякое чистое побуждение; любовь доверчива и не может быть несправедлива. В последнем письме Вашем, любезный батюшка, Вы говорите мне, что Вы и маменька никогда не переставали любить меня. И я собираю всю силу веры своей, отвлекаю[сь] от всего прошедшего, от всех настоящих сомнений своих, закрываю глаза для всего, кроме той любви, о которой вы мне говорите, и, обращаясь прямо к ней, поручаю себя ее снисходительности.

(Зачеркнуто пять строк.)

Но я постараюсь выговорить сперва предмет моей просьбы; сделав это, я буду свободнее, мне будет легче говорить о чувствах, теперь волнующих меня.

(Зачеркнуто шесть строк.)

Не стану распространяться о своей прошедшей жизни. В ней было много ошибок, много промахов с моей стороны, но также и много неудач и несчастных обстоятельств, зависевших не от меня. Впрочем я не жалуюсь на нее, потому что она была для меня прекрасною школою опытности, и я сознаю, что уроки ее не были для меня бесполезными.

Нисколько не утратив своей пламенной жажды знания и потребности истины, сохранив всю безграничность веры своей в жизнь, я чувствую, что я стал благоразумнее, хладнокровнее; я сознаю, что одною внутреннею жизнью жить нельзя, что истина этой самой жизни требует внешнего осуществления, действительности, что всякая внутренняя жизнь, как бы истинна она ни была,—не более как призрак, как зарытый талант, если она не имеет внешнего проявления, и что наконец всякая внутренняя жизнь, долго остающаяся внутреннею и не обнаруживающаяся во внешней деятельности, гниет и превращается в болезненную, немощную жизнь, недостойную человеческого призвания. Всякий гражданин должен быть полезен своему отечеству, [быть] деятельным членом своего государства; но для осуществления этой гражданской обязанности, которая в одно и то же время есть необходимое условие его собственного внутреннего спокойствия (зачеркнуто три строки), он не должен искать необыкновенных средств и форм, но сообразоваться с формами и средствами, данными ему направлением и духом того государства, к которому он принадлежит,

Я более и более сознаю необходимость выйти из неопределенности своего внешнего, а следовательно и внутреннего положения и выбрать такой род деятельности, который, дав мне верный кусок хлеба и звание в обществе, позволил бы мне быть вместе и полезным моему отечеству, полезным по мере сил своих. Я уж вышел из той экзальтации, которая меня заставляла думать, что человек может безнаказанно оторваться от всех общественных условий, и вследствие которой всякая определенность казалась мне стеснением бесконечности внутреннего мира человека. Я жажду определенной и действительной внешней деятельности, как спасения, как единственного выхода из неприятной и тяжелой неопределенности моего настоящего положения.

Я уже несколько раз говорил вам, люб[езные] родители, что я никогда не смотрел на учительство иначе как на мимоходное средство. Целью оно не может быть во-первых потому, что, связанное с большою утратою времени, оно, несмотря на это, дает очень неверные и недостаточные доходы; а во-вторых потому, что учителя пользуются у нас самым незавидным местом в обществе.

Я не честолюбив, но вместе и не могу и не хочу отказаться от прав, которые мне дает мое звание и воспитание, которым я вам обязан.

Итак мне предстоит теперь выбор такого рода деятельности, который бы соответствовал направлению моего духа и моим внутренним и внешним средствам. Мне предстоит выбор между хозяйством, военною, гражданскою или ученою службою.

Я знаю, как вы желаете, любезные родители, чтобы я занялся хозяйством; я понимаю и чувствую, что единственный источник вашего желания есть благосостояние детей ваших, благосостояние, которому вы посвятили большую часть своей жизни. Я чувствую, как законно Ваше требование, любезный батюшка, и как непонятно и странно должно Вам казаться, что я отстраняюсь от исполнения его,— Вам, которые, по требованию Вашей матери, оставили и свою карьеру и блистательную будущность, для того, чтобы зарыться на всю жизнь в деревне. Я вполне чувствую, как велика была жертва, принесенная Вами семейству, но позвольте мне заметить одно, батюшка. Когда Вы решились удалиться в деревню для того, чтобы исключительно заниматься хозяйством, тогда внутреннее развитие Ваше уже достигло своего действительного совершения; Вы уже много знали, видели, испытали и потому

имели в своей внутренней жизни крепкую опору и верное убежище от всех сует и часто тяжелых отрицаний жизни. Я понимаю, что Вам тяжело, очень тяжело было оторваться от карьеры, которую Вы любили, и от будущности, на которую Вы имели полное право надеяться, и что, сделав это, Вы принесли огромную жертву семейству; но с другой стороны мне кажется, что жертва эта была для Вас возможна, потому что Вы уже были тогда крепким, действительным человеком с широкою и определившеюся внутреннею жизнью.

Мое положение, любезные родители, совершенно другое. В душе моей еще ничто не уложилось, она не достигла еще того крепкого и гармонического порядка, который составляет необходимое условие внутренней действительности. Несмотря на мою сильную, над всем другим преобладающую потребность знать, я еще очень мало знаю.

Вы, может быть, скажете, что я сам виноват в этом. Я не стану спорить, любезные родители, напротив я соглашусь с вами, что я сам много виноват в неопределенности своего положения. Я сознаю это и хочу употребить всевозможные средства для того, чтобы возвратить утраченное и поправить испорченное. Я предвижу, что вы мне скажете, что исполнение обязанностей есть лучшее средство к достижению того внутреннего мира, той внутренней действительности, к которым я стремлюсь, и что обязанности сына и брата принадлежат к священнейшим обязанностям человека. Да, любезные родители, не только холодный и железный долг, но и любовь к вам, к сестрам и братьям, любовь, которую вы отрицаете во мне, но которая постоянно пребывает в душе моей, должна была также заставить меня согласиться на исполнение вашего желания. Быть деятельным помощником вашим в устроении семейного благосостояния, сколько-нибудь вознаградить вас трудами своими за все пожертвования, принесенные вами семейству, и доказать вам тем, что любовь моя к вам не пустые слова, но живое чувство; быть опорою сестер, которые мне дороже всего в мире, и братьев, с которыми я также тесно связан, о, я понимаю, как велик и как благороден этот подвиг, сколько в нем может быть отрады и внутреннего счастья, неразрывно связанного с чувством исполненного долга и доказанной, осуществленной любви. Итак, — спросите вы меня, — если я так хорошо понимаю всю святость семейной обязанности, что ж удерживает меня от исполнения ее?

Любезные родители, у меня может быть только один ответ на этот вопрос, ответ, который я вам часто повторял, и удовлетворительность которого вы никогда не хотели признать. Меня удерживает и связывает моя безграничная потребность знания, потребность, составляющая коренную основу и внутреннейшую сущность всего моего духовного существования. Я знаю, вы не верите этой потребности, вы видите в ней фразу, пустую претензию, и если бы было возможно не упоминать о ней, то я не сказал бы о ней ни слова. Тяжело, мучительно тяжело открывать свой задушевный, внутренний мир, когда знаешь, что тот, перед кем обнаруживаешь его, не верит и видит громкие и пустые фразы в самых искренних движениях души, и я постараюсь быть по возможности короче, для того чтобы не утомить вашего внимания. Батюшка, неужели потребность, нисколько не уменьшившаяся в продолжение 4-х лет постоянной и трудной работы, но напротив с каждым днем усиляющаяся во мне, не есть действительная потребность? Неужели пустая фразерная претензия могла заставить меня отказаться от всех внешних наслаждений и удобств света, для того чтобы с утра до вечера сидеть за занятиями, которые бывают иногда очень тяжелы, потому что военное воспитание и моя прежняя лень оставили огромные пробелы в моих познаниях? Откуда же во мне эта несокрушимая вера в возможность побеждения всех предстоящих мне трудностей и в достижение моей единственной цели — истинного и действительного знания, если она не внушается мне безграничной любовью и потребностью знания?

Вы мне несколько раз говорили, любезные родители, что я не хочу служить и хозяйничать единственно только из эгоизма и из лени. Но эгоизм и лень не состоят ли именно в том, что, избегая всякого труда и всякого самоотрицания, человек старается пользоваться всеми внешними удобствами и благами жизни?

Путь же, избранный мною, требуя беспрерывного труда и абсолютного самоотрицания, представляет мало внешних удобств и мало средств для наслаждения внешними благами жизни.

Вы, может быть, скажете, что, нисколько не отрицая и не осуждая моей потребности знания, вы осуждаете ее только, когда она становится крайностью и заглушает собою все другие необходимые движения души; что наука не должна занимать всего моего времени, что она должна быть соединена с другими важнейшими занятиями хозяйства или службы и из исключительного занятия

превратиться в отдохновение от ежедневных трудов. Любезные родители, я не отрицаю возможности такого разделения для других, но чувствую, знаю, что я сам не могу таким образом разрываться. Если бы я стал заниматься хозяйством или службою, то это поглотило бы все мое время, я чувствую, что если моя внешняя деятельность не будет соответствовать моей внутренней жизни, то ни в первой, ни во второй не будет никакого толку. Я должен быть весь в своей деятельности, для того чтобы достигнуть действительного результата; заниматься хозяйством или службою только для формы и без живого участия в деле я не в состоянии, потому что считаю такое занятие в высшей степени недобросовестным и неблагородным; посвятив же себя хозяйству или службе, я должен буду совершенно отказаться от науки, потому что кроме того, что наука требует всего человека, — в моих познаниях, как я вам уже сказал выше, так много пробелов, что только совершенно исключительные занятия могут пополнить их.

Итак,— скажете вы,— если наука и хозяйство несовместимы, то я должен бросить науку для того, чтобы исключительно посвятить себя хозяйству и исполнить тем священный долг сына и брата. Любезные родители, понимаю всю законность вашего требования и знаю, что признание мое еще более укрепит вас в убеждении, что я — не более как холодный и своекорыстный эгоист; но я должен выговорить перед вами то, что я чувствую. Я не могу, не в силах оторваться от науки; нисколько не выдавая моей неограниченной привязанности к ней за добродетель и за достоинство, я вам говорю просто, что без нее жизнь для меня не имеет никакого значения; что, оторвавшись от нее, я оторвусь от единственного источника своей нравственной и духовной жизни и утрачу все, что во мне есть силы, жизни и веры в жизнь.

Может быть, эта безусловная привязанность к науке — не более как болезненный запой, но вы знаете, любезные родители, что прекращение пьянства для того, кто уж привык пить запоем, бывает почти всегда смертельным. Но нет, моя потребность знания — не бессмысленный запой, нет, она — благородная, чистая, святая потребность, потребность, наполняющая душу мою и любовью, и верою, и силами для перенесения всевозможных отрицаний и противоречий жизни. Она не заглушает во мне других человеческих чувств, но напротив пробуждает их. И если мои поступки бывали иногда нехороши, если я поступал иногда безнравственно, то это не вследствие моей потребности знания, но

вследствие заглушения ее другими нечистыми движениями моей страстной и грубой натуры.

Если бы вы знали, любезные родители, какое было внутреннее состояние моего духа при выходе моем из училища, тогда бы вы сами убедились, что потребность знания была моим спасением. В душе моей царствовала тогда абсолютная пустота, совершенный религиозный индиферентизм, самые святые нравственные законы были для меня не более как внешними, условными законами общественной жизни. Немудрено, что при таком положении тоска и апатия были моими неразлучными сопутницами; вследствие моей собственной вины я был послан в Литву, и там дух мой погрузился в еще худшее состояние. Грязная бездейственная апатия и каменное равнодушие ко всему его окружающему превратились почти в его вторую природу, и я б совершенно погиб, если б во мне не сохранилась одна святая, божественная искра, и эта искра была б е с с о з н а т е л ь н а я, п о ч т и и н с т и н к т и в н а я ж а ж д а з н а н и я. Она была моею спасительницею, она долго тлела под рудою грязной, апатической чувственности и никогда не угасала и постепенно усилялась и разгорелась наконец огромным пожаром, с которым вместе пробудились во мне и любовь и вера и все святые человеческие чувства. Да, любезные родители, я вам говорю не фразы, но совершенную истину; если б вы знали, чем я был лет 5, даже года 4 и 3 тому назад, тогда бы вы не стали так строго судить меня и поверили бы, что жажда знания была действительно моим единственным спасением, и что оторваться от нее для меня то же, что оторваться от жизни.

Два раза думал я пожертвовать ею для семейства. Один раз в Твери, когда граф Толстой предлагал мне место чиновника по особым поручениям, и когда Вы мне написали, батюшка, что это необходимо для Вашего спокойствия. Я не мог устоять против Вашей просьбы, я согласился, но Вы не знаете, как много стоило мне это согласие, Вы не знаете, какое уныние, отчаяние овладело моим духом. Я не мог перенесть этого лишения и целую неделю после моего согласия пьянствовал с утра до вечера в точном смысле этого слова. Мысль о самоубийстве беспрестанно мелькала передо мною, и если б я не уехал тогда в Москву, то это состояние могло бы худо кончиться. Я знаю, это — слабость, непростительная слабость, любезные родители, но слабость, которую победить я [был] решительно не в силах.

В другой раз — после кончины нашей святой Любаши, когда

вы и сестры были погружены в такую глубокую, безотрадную горесть. Вы ничего не говорили мне определенно; но я видел, что вы желали иметь во мне деятельного помощника в делах нашего семейства, — и во второй раз я не мог устоять против вашей горести так же, как в первый раз не мог устоять против вашей просьбы, — и во второй раз решился пожертвовать собою вашему спокойствию и благосостоянию сестер и братьев. Я ни слова не говорил вам о своем решении, потому что прежде хотел испытать самого себя и узнать наверное, действительно ли я способен к этой жертве. Любезные родители, я добросовестно и строго входил в себя и после долгого мучительного испытания убедился, что в случае нужды я готов пожертвовать жизнью для семейства, но не могу оторваться для него от науки, потому что жить и не знать для меня в тысячу раз хуже, чем умереть.

Да, любезные родители, если б вы могли бросить хоть один взгляд во внутренность души моей, то вы сами бы не стали советовать мне оторваться от того, в чем заключается единственное условие моего внутреннего спокойствия, моей нравственной чистоты и моего человеческого достоинства.

Вы писали мне, батюшка, в Петербург, что я должен выбрать между х о з я й с т в о м и с л у ж б о ю. Я сам убежден теперь в необходимости службы, и мне остается только выбрать такой род деятельности, который бы, соответствуя внутреннему направлению моего духа, обещал бы успех и действит[ельную] пользу.

О военной службе и говорить нечего, во-первых потому, что было бы смешно, если б после 4-х лет отставки я снова определился прапорщиком, и во-вторых потому, что она менее всего соответствует моим внутренним потребностям.

Гражданская служба требует точно такого же исключительного употребления времени и точно такого же исключительного внимания, как и хозяйство, с тою только разницею, что она не представляет того вознаграждения, какое представляет мне хозяйство, которое бы дало мне по крайней мере отрадное утешительное сознание, что я полезен моему семейству.

Кроме этого, если б я вступил теперь в гражданскую службу, с моим маленьким чином и без университетского диплома, то это кроме пустой формы не представило бы мне никакой действительной пользы.

Пожертвовать тем, что составляет сущность моей жизни, и посвятить все свое время, всю свою жизнь и все свои силы пере-

писыванию бумаг и не иметь средства быть полезным себе и другим, и все это только для того, чтобы кончить жизнь не отставным прапорщиком артиллерии, но титулярным советником,— вы согласитель, любезные родители, что здесь совершенно справедливо можно сказать: «Le jeu ne vaut pas la chandelle» *.

Вот причины, по которым я не могу посвятить себя ни хозяйству, ни гражданской и ни военной службе. Не знаю, покажутся ли они вам довольно убедительными, но уверяю вас, что они — не результат поверхностной и легкомысленной фантазии. Я уж не ребенок более, я вышел из экзальтированного периода своей жизни, из той экзальтации, которая, смешивая все предметы, показывала мне вещи не так, как они есть. Время призраков и пустой неопределенности для меня прошло, и я жажду определенности и действительности. Причины, мною изложенные, любезные родители, были результатом долгого и строгого вхождения в себя и испытания сил своих. Я выговариваю перед вами искренно и добросовестно, как перед единственными законными судьями частных дел моих, и уверен, что если вы отстраните ваши предубеждения против меня и примете слова мои с тою же любовью, с какою я писал их, то вы сами убедитесь в их искренности и добросовестности и увидите, что они не совсем лишены основания.

Но если я не могу заниматься ни хозяйством, ни военною и гражданскою службою, то это все-таки не исключает внутренней и внешней необходимости внешнего определения, положительной внешней деятельности. Кроме этого моя потребность знания, несмотря на всю силу свою, может превратиться в ничтожный и болезненный призрак, если она не найдет положительного, действительного осуществления. С 1837 года и до сих пор, а особливо в последние полтора года, я занимался прилежно, почти с-утра до вечера. Но я недоволен еще этими занятиями, в них нет довольно строгой системы. Для того чтобы действительно достигнуть своей цели, мне нужно учиться и всеми силами стараться приобрести то классическое образование, которого я не имею, и без которого я останусь дилетантом, т. е. пустым человеком, бесполезным для себя и для других.

Мне скоро будет 26 лет, любезные родители, и если так пройдут еще года 2 или 3, то мое положение будет безвыходным. Без состояния, без места в обществе и с дилетантизмом в душе

* Игра не стоит свеч.

я буду осужден на пустую, бесполезную и мучительную жизнь. Я вижу ясно свое положение и хочу употребить все силы души своей, все во мне заключающиеся средства для того, чтобы выйти из него, и прибегаю к вам в надежде, что, несмотря на все мои прошедшие проступки против вас и против самого себя, вы не откажете мне в своей помощи.

Есть одно и, мне кажется, единственное верное средство для достижения моей цели: это — стараться достигнуть профессорского места. Во-первых оно позволит мне соединить мои занятия с службою, во-вторых оно обеспечит мое состояние и в-третьих оно даст мне довольно почетное место в обществе. Но для того чтобы достигнуть профессорского места, должно быть во-первых достойным его, т. е. должно иметь действительные познания. Во мне слишком много добросовестности, благородства души и любви к истине для того, чтоб я решился для достижения внешних удобств жизни профанировать святость науки и превратить в простое средство то, что должно быть целью. Каким же образом достигнуть действительных, положительных и широких познаний? Я узнал на опыте, что домашние занятия, заключенные в самих себе, не могут дать классического образования во-первых по бедности средств, во-вторых по недостатку системы в занятиях, а в-третьих по недостатку внешнего, один раз навсегда установленного порядка, по недостатку беспрестанного внешнего побуждения и, — даже можно сказать, хоть и стыдно признаться,— внешнего принуждения.

Для классического образования слушание университетского курса необходимо.

Между всеми русскими университетами Московский считается лучшим, и потому повидимому он есть и самое лучшее средство к достижению моей цели.

Но слушание курса в Московском университете связано с большими неудобствами и для меня решительно невозможно. Во-первых потому, что будет смешно, если я, 26-тилетний мужчина, буду сидеть на лавке вместе с мальчиками, и если я буду курсом ниже братьев; во-вторых потому, что мне надо будет начать с 1-го курса и потерять 4 года на изучение многих таких предметов, которые мне не будут нужны впоследствии и которые полезны только для экзамена; в-третьих потому, что в продолжение этих 4-х лет мне надо будет оставить свои собственные субъективные занятия для того, чтобы предаться изучению других, для

меня бесполезных предметов, и наконец в четвертых потому, что по признанию всех молодых профессоров и даже самого правительства, которое не довольствуется нашими университетами и посылает за границу для образования профессоров, ни один из русских университетов не может еще дать классического, ученого образования, для достижения которого мне остается только одно средство: Берлин. Берлин представляет мне гораздо более выгод, чем Московский университет, и ни одного из неудобств его. Посещая Берлинский университет, я мог бы достигнуть положительного классического образования — учиться в настоящем смысле этого слова.

Теперь я прилежно занимаюсь греческим языком, там мог бы я приняться и за латинский и слушать вместе философию, историю и право. Для латинского и греческого языка мог бы я брать частные уроки, которые по словам профессора [Т. Н.] Грановского стоят там не более 1-го рубля за два часа. Таким образом я соединил бы там все собственные любимые занятия с приобретением тех познаний, которые мне необходимы для достижения моей цели. В продолжение трех лет, не имея другой цели и другого занятия кроме науки, я бы мог сделать огромные успехи, и успех зависел бы уж собственно от моего старания.

Другое необходимое условие для достижения профессорского места есть докторская степень, для приобретения которой необходимо должно приобресть сперва кандидатскую и магистерскую степени.

В самом начале приезда моего в Москву я думал готовиться к кандидатскому экзамену и сообщил это намерение знакомым мне молодым профессорам. Они отсоветовали мне, говоря, что кандидатский экзамен — самый трудный и самый неверный, во-первых потому, что он требует отличных ответов по всем предметам, проходимым во всех четырех курсах какого-нибудь отделения, ответов на самые специальные и мелочные вопросы; и во-вторых потому, что степень кандидата дается преимущественнее и охотнее студентам, чем экзаменующимся частным лицам. Они же советовали мне выслушать в продолжение трех лет курс в Берлинском университете, держать там экзамен на степень доктора — степень, которая дает мне право экзаменоваться в Московском университете прямо на магистра; магистерский же экзамен гораздо легче и дельнее, потому что он ограничивается одним главным и некоторыми другими вспомога-

тельными и подчиненными предметами, и потом на степень доктора, представляющую еще менее затруднений. Выдержав же экзамен на доктора, я мог бы занять в Москов[ском] или другом русском университете место профессора философии или истории или права.

Я чувствую, что у меня есть способности, любовь к знанию никогда не оставляла меня, а в последнее время я узнал, что во мне есть и возможность трудной, сухой и постоянной работы, в последнее время я сильно развил в себе терпение и постоянство, эти два необходимые условия успешного положительного образования. Вы часто упрекали меня, батюшка, в том, что я считаю себя гением. Но этот упрек несправедлив. Я самолюбив, это правда, но самолюбие мое никогда не доходило во мне до такого уродливого самообольщения. Любовь к истине была во мне всегда сильнее моего самолюбия и вела с ним беспрестанную борьбу и никогда не покорялась ему. Я никогда не считал себя гением, но я знаю, что во мне есть ум, довольно хорошие способности и добрая воля, которые при постоянном труде могут принести положительный, полезный плод. Правда, что я потерял много времени, и что в моих познаниях — огромные пробелы, но я чувствую в себе еще так много свежей, юной силы, так много живой потребности знания, что я верю в возможность побеждения всех этих трудностей, и думаю, что эта вера не обманывает меня.

Я знаю, что слово Б е р л и н пробудит в вас много неприятных, тяжелых для меня подозрений, я знаю, вы не верите моей любви к науке и думаете, что она служит только предлогом для того, чтобы как-нибудь съездить за границу. С словом Б е р л и н для меня неразрывно связано воспоминание ваших ужасных подозрений насчет моей честности и любви к сестрам, подозрений, которых я здесь ни называть, ни опровергать не стану, потому что не в силах сделать ни того ни другого. Вот почему мне было тяжело начать говорить с вами о Берлине. Любезные родители, я не стану опровергать ваших оскорбительных обвинений, я не могу говорить о них, но уверен, что рано или поздно вы сами убедитесь в их несправедливости.

Кроме этого вы не верите, чтоб источником моего желания ехать в Берлин была любовь к науке. Вы вероятно думаете, что единственный источник этого стремления за границу есть желание погулять и покутить.

Любезные родители, я не понимаю, каким образом в вас

родилась мысль, что я расточителен и что я — охотник гулять и кутить. Правда, что во время пребывания моего в училище, когда в душе моей не было никакого содержания, и когда я был совершенно пустым мальчиком, я наделал много глупостей, много довольно важных долгов, которые вы по доброте и снисходительности своей заплатили. Хотя я не был способен и тогда к подлости, но во мне не было ни рассудка, ни нравственного содержания, и я был в полном смысле этого слова легкомысленным и пустым мальчишкою. Впрочем и тогда даже, по недостатку ли худого примера или удобного случая или по бессознательному остатку нравственного чувства, внушенного мне вами в детстве, и тогда даже я никогда не предавался тому, что между молодыми людьми обыкновенно называется кутежом. Но с тех пор как во мне пробудилась сознательная потребность знания, с тех пор как я живу в Москве, я ни разу не заслужил упрека в расточительности и беспорядочной жизни; и это уж не бессознательно, любезные родители, но с полным совершенным сознанием. Оргии и беспорядочная жизнь, обыкновенно прощаемые молодым людям как необходимый атрибут юности, просто противны всему существу моему; мне необходима тихая, спокойная, умеренная жизнь как единственное условие моего внутреннего счастья и моего нравственного достоинства, и я не способен находить поэзию и удовольствие в грязном болоте чувственных наслаждений, недостойных человека. Мне немного нужно для удовлетворения моих внешних и чувственных потребностей: щи и каша составляют теперь мою единственную пищу, и это нисколько не огорчает меня. Во мне нет такого пустого самолюбия, которое бы заставляло меня жить и одеваться не по состоянию и стараться играть в обществе роль, не соответствующую моим средствам. Разумеется, что если б у меня были средства, то я стал бы и одеваться и жить лучше и посещать чаще общество, потому что это не только что не вредно, но бывает даже иногда очень полезно и приятно. Скорбеть же о том, что состояние мое не позволяет мне этого, я не стану и без всякого усилия покоряюсь этой еще совсем не тяжелой судьбе.

Вся расточительность моя состояла в неаккуратности и в неумении считать деньги, но необходимость научила меня и этому искусству, так что я считаю теперь каждую копейку.

Итак, любезные родители, не любовь кутежа и праздной, беспорядочной жизни заставляет меня желать ехать за границу. Правда, что кроме науки в ограниченном смысле этого слова меня

привлекает туда и живая духовная жизнь Запада, сокровища искусства, природы, но это — подчиненное желание, и в случае нужды я могу обойтиться и без его удовлетворения. Главная же и единственная цель моя есть наука. Я желаю ехать не за границу вообще, но в Берлин, и желаю ехать туда не для того, чтобы гулять и забавляться, но для того, чтобы с утра до вечера учиться, для того, чтобы удовлетворить там своей потребности знания и вместе достигнуть возможности быть не пустым, но действительно полезным человеком. Я желаю ехать в Берлин потому, что он есть единственное и решительное средство для выхода из затруднительной и тяжелой неопределенности моего настоящего положения.

И я прибегаю к вам с двумя следующими просьбами:

1. я прошу [у] вас позволения ехать в Берлин и

2. прошу вас дать мне средства к совершению этой поездки.

Я прежде думал, что мне можно будет приобрести эти средства собственными трудами, своими переводами, журнальными статьями, но теперь убедился, что это связано с большими затруднениями, и что если даже мне и удастся скопить достаточную сумму, то не иначе как через несколько лет, а я потерял уж так много времени, и срок, оставшийся мне для достижения моей цели, так короток, что я решился прибегнуть к вам. Журнальные статьи и переводы могут быть мне помощью при других средствах, основным же средством они быть не могут, потому что успех их зависит часто от совершенно случайных обстоятельств.

Я говорил с профессором Грановским, недавно приехавшим из Берлина, и я узнал от него, что, живя умеренно и ограничивая свои расходы, можно там слушать курс и жить с 2000 рублями. И потому, любезные родители, я вас прошу давать мне по 2000 р., а если это вам невозможно, то по 1500 р. в год — и это не более, как в продолжение трех лет.

По возвращении же из Берлина и выдержав экзамен на магистра, я бы мог даже вступить в гражданскую службу в ожидании удобного случая для занятия профессорского места в каком-нибудь из русских университетов и жить своими собственными трудами, т. е. службою, уроками и литературными занятиями. С моей же стороны я вам обещаю, даю честное слово, что я в продолжение этих трех лет буду стараться не потерять ни одной минуты и что по возвращении из-за границы я не буду вас более беспокоить просьбами о деньгах.

Любезные родители, теперь я высказал вам свою просьбу, и мне остается только ожидать вашего решения. Какое бы оно ни было, я безусловно покорюсь ему. Если, позабыв все мои прошедшие вины против вас, вы согласитесь на мою просьбу, то я буду смотреть на это как на величайшее благодеяние и никогда не позабуду, что вы первые освободили меня из тяжелого положения, которому я сам много способствовал. Если ж вы не согласитесь, то я с покорностью, без жалоб и без ропота выслушаю ваше решение и собственными средствами буду стараться из него вырваться. Удастся ли мне или нет, это только одному богу известно.

Кроме того, что сын не имеет права ничего требовать от родителей, кроме этого я сознаю, что я часто и во многом был виноват против вас и потому менее, чем кто-нибудь, вправе ожидать от вас помощи.

Теперь прошу я вас, любезные родители, выслушать еще несколько слов и совершенно отделить их от моей просьбы и от всего до нее касающегося и поверить, что они не имеют с ней ничего общего.

Я никогда не переставал пламенно любить вас и, несмотря на это, был во многом виноват против вас. Правда, что вы были иногда несправедливы к сестрам и ко мне, но никакая несправедливость не давала мне права оскорблять вас и переходить за границы сыновней любви и сыновнего почтения. Я часто позабывал это священное правило, и вы заключили и были вправе заключить из моих оскорблений, что во мне нет любви к вам. Если б можно было возвратить прошедшее, то (зачеркнуто три строчки) я дорого заплатил бы за возможность исключить из прошедших поступков моих все, что в них было для вас оскорбительного. Но это невозможно и потому мне остается только с полным и искренним раскаянием просить у вас прощения, которое мне необходимо для моего внутреннего спокойствия. Любезные родители, вы верно не откажете мне в нем и поверите, что я теперь буду строго блюсти за собой и не буду более допускать себя до преступных крайностей и до забвения священных обязанностей сына.

Прошу вашего благословения и остаюсь преданный вам сын ваш

М. Бакунин

№ 378. — Письмо сестрам.

[24 марта 1840 года. Москва.]

Милые девочки, мне хотелось дать вам прочесть письмо мое к папеньке, но лень было переписывать. Но вот кстати оно замаралось, и я должен был переписать его. Прочтите его и дивитесь моему дивному слогу. А как прочтете, отошлите мне его немедленно назад: оно мне нужно. Прощайте, милые кысиньки, настоящая кысинька хочет писать вам, и я уступаю ей блестящее поприще.

(Дальше идет приписка Константина Беера.)

№ 379. — Письмо сестре Татьяне.

[25 марта 1840 года. Москва.]

Милая Танюша, я долго не отвечал тебе, потому что занят был письмом к родителям и потому что хотел тебе послать его. Ты увидишь из него, что я решился просить у них денег. Мне тяжело было подвинуться на это, но обстоятельства мои так запутаны, и я потерял так много времени по-пустому, что мне должно было победить мое отвращение от просьб. Не знаю, какой будет результат этого письма, но я спокоен теперь; я думаю, что они могут дать мне маленькую сумму, о которой я их прошу; дело в том, захотят ли они. Если нет, то мне будет очень грустно, тяжело, но не бойся за меня, милый друг, я не повергнусь в отчаяние. Правда, что это отдалит и, может быть, сделает и совсем невозможною мою поездку в Берлин, с поездкою же в Берлин неразрывно связана участь всего моего духовного существования; но что ж делать, Танюша, покамест во мне будут силы, до тех пор буду я употреблять их на достижение моей цели; а там что будет, то будет. Во всяком случае я должен был написать это письмо к родителям во-первых для того, чтобы привесть мои собственные дела и надежды в ясность, и во-вторых для того, чтобы придти в истинные отношения с родителями. Я бывал часто виноват против них в тоне, манере, в форме моих поступков. В содержании их я был почти всегда прав, но правота содержания не давала мне права позабывать законную форму отношений детей к родителям, — и в этом я был действительно виноват против

них и должен был сознаться и просить прощения для того, чтобы снять с себя последнюю тяжесть.

Если они согласятся, то для меня начнется новая чудесная жизнь, во мне опять пробудится живая, безграничная вера в себя и в свое назначение. Мне хорошо будет тогда, Танюша, и тогда мы скоро увидимся для того, чтобы пробыть с вами около месяца и потом расстаться на 3 или 4 года; но эта разлука будет прекрасна потому, что она поведет меня к моей цели. Если же они откажут, то я не поеду, долго не поеду в Прямухино: до тех пор, пока собственные средства не позволят мне совершить поездку за границу. Я не поеду тогда к вам, потому что мне будет очень тяжело, а когда мне тяжело, тогда мне необходимо одиночество; в тяжелом состоянии духа я буду только стеснять вашу радость, ваши наслаждения и гармонию души вашей; а я ни за что в мире не хочу делать этого. В таком случае я постараюсь уехать в Шашкино * для того, чтобы там принять какое-нибудь сильное решение; как бы то ни было и куда бы то ни было, но я должен вырваться из невыносимой неопределенности моего теперешнего положения. И если б я убедился, что поездка в Берлин решительно не может осуществиться, и что мне предстоит тихое и постепенное опошление, то, оставив все занятия и все книги, я бы снова надел военный мундир и отправился бы на Кавказ: там по крайней мере нашел бы я живую деятельность и живое движение жизни. Но гнить и опошливаться понемногу это хуже всего **. Не следует впрочем предвосхищать будущего. Я должен еще дождаться ответа родителей. В случае получения отказа мне все же придется принять то или иное решение ***. Ты видишь, милая Танюша, почему я мало пишу о себе; я легко попадаю на минорный тон и не хочу заражать вас им. Вы будьте здоровые, умные девочки, для вас начнется скоро новая, прекрасная, широкая жизнь. Разрешение судьбы Alexandrine, возвращение Вариньки и все необходимые следствия этих двух счастливых обстоятельств вполне вознаградят вас за все претерпенные вами страдания. Впрочем не заключайте из этого письма, чтоб я когда-нибудь повергнулся в отчаяние. Нет, друзья, покуда во мне будет капля крови, до тех пор я буду действовать, думать, чувствовать и не повергнусь в мертвое, апатическое бездействие. Я как-нибудь уж

* Имение Бееров в Орловской губернии.

** Дальше по-французски в оригинале.

*** Отсюда снова по-русски в оригинале.

справлюсь с собой и с капризною судьбою своею и прежде умру, чем сделаюсь ежедневным пошляком.

Друзья, никогда не сомневайтесь в любви моей к вам: что бы там ни было, какие бы перемены ни произошли в наших отношениях, и как бы далеко мы друг от друга ни были, я никогда не разлюблю вас, потому что любовь к вам до сих пор была и вероятно никогда не перестанет быть моим драгоценнейшим сокровищем. Где бы я ни был и чем бы я ни был, воспоминание о вас всегда будет неразлучно со мною.

Если письмо мое заставит родителей сказать что-нибудь в вашем присутствии на мой счет, то как можно скорее передайте мне слова их; я хочу все знать и должен привесть положение свое в абсолютную ясность, и потому не бойтесь огорчить меня; я хочу все знать.

Недели через две к вам приедут братья. Присутствие их докажет вам, что и последние письма мои были написаны собственно от моего имени. Мои отношения к вам различны от их отношений, несмотря на неразрывное духовное единство, связывающее нас: между мною и ими — такое огромное различие, что каждый из нас должен и может говорить только от самого себя.

Что ж еще скажу вам, девочки?

Да, вот что: Саша, не сердись на мое последнее письмо, оно вырвалось не из холодного расположения духа, но из глубоко оскорбленного чувства любви к тебе. Впрочем я не буду более писать таких писем.

Прощайте, девочки.

Брат ваш
М. Бакунин.

Поблагодарите от меня барышень Ушаковых за их память обо мне. Что меня касается, то я никогда не позабуду немногих дней, проведенных с ними. Попросите их также передать от меня их матушке чувство глубокого и искреннего уважения, которое я к ней питаю *.

Непременно нужно, чтобы мохнатая кысинька ** написала вам несколько слов.

(Дальше следует приписка К. Беера.)

* Этот абзац по-французски в оригинале
** Константин Беер.

№ 380. — Письмо сестрам.

[26 марта 1840 года].
Москва.

Милые девочки! Вчера я позабыл попросить вас, чтоб, прочитав письмо мое к род[ителям], вы отослали его ко мне. Папенька и маменька еще вчера прочли его, какое впечатление произвело оно на них? Если вы что-нибудь заметили, то пожалуйста напишите мне: худо ли, хорошо ли — мне все надо знать. Если все кончится хорошо, то, может быть, почти наверное мы увидимся на праздниках; если ж нет, то об этом и говорить нечего. В таком случае братья, исключая Алеши, будут скоро с вами. Я рад этому для вас, но мне грустно будет расстаться с Пашею: в это время мы так привыкли друг к другу. Вероятно и брат Николай будет с вами; жаль, если обстоятельства не позволят мне увидеться с ним. Алеша останется с нами; я так рад, так рад, что он наконец берет уроки у Лангера; я знаю, это откроет в нем новый бесконечный источник жизни. Если б Саша мог брать уроки в живописи, к которой он имеет решительную способность, то я буду совершенно покоен насчет братьев: каждый пойдет своею дорогою и каждый достигнет того, что ему необходимо. Лангер доволен Алешею; он говорит, что он пойдет с ним споро.

Что ж скажу вам еще, милые девочки? О себе покамест ничего не могу сказать; судьба моя находится покамест в руках родителей; через неделю, а может быть и скорее, она решится, и тогда я буду знать, что говорить и что делать. Теперь же я покойно ожидаю их решения; правда, что спокойствие мое иногда прерывается маленьким волнением, но я не даю ему воли. Чем бы все это ни кончилось, я буду тверд и крепок и не изменю себе. Я рад, что мои дела приходят теперь в ясность; в моем прошедшем было много внешних призраков, я их понемногу разрушаю для того, чтоб жить и двигаться в том, что действительно есть.

Прощайте, девочки.

Ваш брат

М. Бакунин.

Танюша, что моя «Философия права»?

№ 381. — Письмо сестрам Беер.

Четверг, 27-го марта 1840 [года].
Москва.

Любезные друзья, вот уже более двух недель как мы не получаем от вас писем. Что бы это значило? Или вы не писали, или письма ваши задержаны худыми дорогами или задержаны недобрыми людьми. Которое из этих предположений верно, не знаю, но знаю только, что нам грустно оставаться так долго в неизвестности, и что мы с нетерпением ждем ваших писем. Здоровы ли вы, спокойны ли вы, не мучает ли вас присутствие вашего брата? * Пожалуйста напишите хоть одно слово. В прошедший понедельник я послал письмо к родителям, где я их прошу, чтоб они согласились на мою поездку в Берлин, и чтоб они давали мне в продолжение 3-х лет по 2000 или по крайней мере по 1500 рублей в год. От их согласия будет зависеть моя участь, потому что если они не дадут мне денег, то мне решительно нельзя будет ехать в Берлин. Ответ могу я получить завтра, в субботу или в воскресенье. К понедельнику судьба моя уже будет решена, и так как в понедельник идет почта в ваши страны, то я непременно напишу вам о результате моей просьбы и пришлю вам мое письмо к ним вместе с их ответом.

Во всяком случае я рад, что вопрос положен прямо, и что мое письмо к родителям совершенно объяснит мои отношения с ними.

Теперь же, пока ничто еще не решено, мне почти нечего вам писать, потому что пришлось бы говорить о предположениях, а это — самая скучная и сухая вещь.

И потому прощайте, девочки, до будущей почты, через которую вы узнаете или много хорошего или много худого.

Ваш М. Бакунин.

Пишите же скорей.
(Дальше идет приписка Константина Беер.)

№ 382. — Письмо сестрам Беер.

Четверг, 1840 [года]. 28-го марта.
Поздно вечером.

Милые друзья! Сейчас прочел ваши письма и чувствую в себе неодолимую потребность сказать вам несколько слов. Всякий

* Алексея Беера.

раз, как я читаю ваши письма, мне всегда становится так легко и так тепло на душе. Они навевают на меня родным воздухом, они меня заставляют глубоко чувствовать, какими неразрывными узами я связан с вами. Милые друзья, вам тяжело, очень тяжело теперь, но неужели любовь наша, т. е. любовь Констанина и моя, не облегчает вашего тяжелого жребия; или, может быть, вы еще не доверяете этой любви? Но неужели вы не чувствуете присутствия ее? Мне теперь самому тяжело, теперь разрешается важнейший, решительный вопрос моей жизни, и мне кажется, что он разрешится не в мою пользу. И целый день я был в невыносимо тяжелом расположении духа; и вот я прочел ваши письма, и они освободили меня от всякой тяжести; что бы там ни было и как бы ни решилась моя участь, я знаю, чувствую, что я найду в любви вашей верное и крепкое убежище. Да, друзья, если моя любовь к вам, моя пламенная, бесконечная любовь могла бы вам [дать] хоть десятую часть того, что вы даете мне, тогда бы вы не стали говорить, что вы — одни; тогда бы вам также было легче. Но вы не верите моей любви, вы видите в ней что-то преходящее, временное. Верьте, друзья, ваша вера не обманет вас: любить вас и быть вами любимым — это никогда не перестанет быть моею пламеннейшею потребностью, моим драгоценнейшим сокровищем. Когда я — с вами, тогда я дома, тогда я во внутреннейшем уголке души моей, в том уголке, в котором бьет живой источник моей жизни. Друзья, если мне не удастся уехать в Берлин, то я приеду к вам на целое лето, и будем мы оживлять друг друга любовью и будем и грустить, и горевать, и радоваться, и верить, и любить вместе. Какое бы ни было наше будущее, вооруженные нашей взаимною, прекрасною любовью, мы смело встретимся с ним *.

Больше не могу писать, я теперь так много, так полно чувствую и вместе не могу много говорить.

Прощайте, до завтрашнего дня.

30-го марта, суббота.

Ответа родителей я еще не получил; это — хороший знак. Если даже я получу от них и отказ, то это медление все-таки будет доказывать, что они не вдруг решились и что следовательно в них был голос, который говорил в мою пользу. Может быть, сегодня получу ответ, и вероятно к понедельнику все будет ясно; и так как в понедельник к вам идет почта, то и вы скоро узнаете

* В оригинале описка: вместо «с ним» сказано «с нею» (будущим).

о моей участи. Странная вещь! Перед получением вашего письма я был в тяжелом состоянии духа, но оно произвело на меня такое чудное впечатление, что я совершенно успокоился и стал вместе с Костею фантазировать о нашем летнем житье-бытье в Шашкине, о том, чем и как мы будем заниматься, как будем читать и гулять с вами, и фантазии эти так прекрасны, что мне жалко будет расстаться с ними, если родители согласятся на мою просьбу. Но не будем делать предположений, скоро все объяснится, и тогда я буду знать, что делать.

Что Вы пишете о сестрах, милая Alexandrine, кажется мне несколько преувеличено. Правда, что в них нет еще того ровного, спокойного и — надо выговорить — действительно нравственного и женственного духа, который бы давал меру всем поступкам их, который удерживал бы их от крайностей и неосторожностей, но я думаю, что этот дух, хотя и не дошел в них до самосознательной ясности, пребывает в них и особливо в Танюше как внутренний, женственный инстинкт, который будет их путеводителем и спасет их от пагубных крайностей. Натуры их так богаты, возможность истины так глубока в них, в чистых и женственных душах их так много святости, что эта чистота и святость будут их покровом. Я ж, Alexandrine, теперь ничего не могу [сделать] для них, я слишком глубоко и ясно чувствую это, для того чтоб обмануться. В наших отношениях многое, очень многое переменилось, и наше взаимное отчуждение становится все больше и больше. Мы живем в совершенно разных мирах и совершенно утратили способность понимать друг друга. Прежде это беспокоило, мучило меня, а теперь я примирился и с этою стороною моей жизни и ни шагу не сделаю для того, чтоб изменить ее *. Слишком долго я один отдувался за нашу призрачную дружбу. Но в конце концов я нашел, что роль Атланта мне совсем не подходит, и я стряхнул с своих плеч и отбросил далеко от себя этот возвышенный мир, полный лжи и фраз, и уверяю вас, что не имею никакой охоты снова к нему возвращаться **. Милые друзья, пусть все идет своим чередом, пусть все идут своими особенными путями; я верю, что все достигнут своей цели; наши же пути сошлись для того, чтобы не расходиться, и мы пойдем вместе, потому что мы черпаем жизнь из одного источника и идем к одной общей и святой цели.

---

* Отсюда по-французски в оригинале

** Дальше снова по-русски в оригинале.

Смотрите же, приготовьте нам угощение приличное. Право мысль о лете, проведенном с вами, так увлекла меня, что я почти не буду горевать о Берлине, тем более что он все-таки будет впереди.

До понедельника.

Ваш М. Бакунин.

№ 383. — Письмо сестрам

[1 апреля 1840 года].

Милые девочки! Меня глубоко тронуло ваше участие; не бойтесь за меня, я еще не получил ответа родителей, но какой бы он ни был, я ожидаю его твердо и спокойно. Еще раз повторяю вам, не бойтесь за меня. Если родители откажут, то мне нужно будет отложить свою поездку если не навсегда, то по крайней мере на долгое время. Но я не упаду духом; нет, я чувствую в себе еще так много сильной, внутренней жизни, что я найду в ней верное и неприступное убежище от всевозможных неприятностей, лишений и отрицаний.

Когда я вам писал последнее письмо, я был еще в несколько взволнованном состоянии духа и потому написал много глупостей. Но теперь я совершенно овладел собою, жизнь моя во мне, и покуда я жив, никто не отнимет у меня ее. Я не изменю себе, я буду верен своему внутреннему назначению. Трудности и препятствия не пугают меня, я верю и знаю, что я достигну своей цели. Поверьте, друзья, когда в душе чисто, ясно и крепко, тогда человек всемогущ; всемогущ не над внешними обстоятельствами, которые не всегда покоряются ему, но над самим собою, а я чувствую, что в душе моей теперь все ясно, чисто и проникнуто любовью, старая сила пробудилась вновь, и с нею вместе мне нечего бояться. Будьте же покойны и вы, девочки, и в случае отказа не обвиняйте родителей. Вспомните, что они смотрят на жизнь с точки зрения совершенно различной от нашей; вспомните, что я иногда был действительно виноват против них и что они совершенно будут вправе отказать мне.

Я не осуществил их надежд, я не пошел по пути, ими мне назначенному. И когда они советовали мне, требовали от меня, чтоб я служил, хозяйничал, то я не послушался, я повиновался единственно только внутреннему голосу души моей, и если они

откажут, то мы будем оба правы: они будут правы, отказавшись быть мне помощниками в достижении чуждой и неприятной им цели, я буду прав, повинуясь своему внутреннему влечению, которое не обманет меня и рано или поздно приведет меня к моей цели. Друзья, не упрекайте никого и не негодуйте против них. Во-первых потому, что они будут правы с своей точки зрения, а во-вторых потому, что всякое негодование, всякая досада стесняет душу человека, которая должна быть широка для того, чтобы вмещать в себе всю бесконечность любви, а вы знаете, что любовь есть единственная истина, единственная жизнь и единственное блаженство человека.

Повторяю вам, не бойтесь за меня: я тверд, крепок, во мне много любви и потому и много веры и много жизни. Если мне нельзя будет ехать в Берлин, то я уединюсь в каком-нибудь уголке, уйду в себя, сосредоточусь в себе и буду тихо и крепко работать; поверьте, я не утрачу самого себя, а с самим собою я никогда не утрачу смысла жизни и силы для жизни.

Всякое отрицание имеет свою благодетельную сторону; оно испытывает душу человека, и если стремление ее истинно, то оно усиляет ее. Видите, девочки, я силен и спокоен, и потому будьте же и вы сильны и спокойны. Человек — странное существо: то, что повидимому должно бы было задавить его, иногда возвышает и разрешает дух его. Я это испытываю теперь: в душе моей так легко и так свободно, как давно не было; и если б я только знал, что письмо мое успокоит вас, то я был бы совершенно покоен.

Прощайте.

Ваш М. Бакунин.

(Дальше идет приписка брата Павла.)

№ 384. — Письмо сестрам.

[Начало апреля 1840 года].

Москва.

Милые девочки, наконец-то получили мы от вас весточку. Вы здоровы, и это — главное, остальных же причин вашего молчания разыскивать не стану.

Если б кто посмотрел, как мы с Пашею * рассмеялись, когда узнали о несчастии, приключившемся с бабушкою, то верно б принял нас за злых людей, но мы рассмеялись (да и то Паша подал повод) потому, что мы только что говорили о том, что она скоро умрет. Впрочем этого растолковать нельзя. Жаль бабушку, хотя и мало было между нами общего, она принадлежит к совершенно другому, чуждому нам миру, но жаль ее, потому что ее присутствие запечатлено было часто для всех нас интересными происшествиями.

Родители мне не отвечают — из политики или по другой причине, не знаю, но не может быть, чтоб они не сказали обо мне ни одного слова в вашем присутствии. Вы, может быть, боитесь передать мне что-нибудь неприятное. Милые девочки, поймите хорошенько, что в продолжение этих 3-х лет я испытал столько различных неприятностей, что я привык к ним и стал к ним совершенно равнодушен. Итак вы не можете меня ни огорчить, ни восстановить против родителей. А мне нужно непременно знать до последней мелочи все, что обо мне говорится, и если вы слышали что-нибудь и по каким бы то ни было причинам не хотели мне передать слышанного, то вы делаете очень худо, потому что отнимаете у меня средства для действий. Вот теперь напр[имер] родителям вероятно не понравилось мое последнее письмо, и они вероятно решились прервать переписку, ce qui n'entre pas du tout dans mon compte **. Мне необходимо нужно продолжать с ними переписку письменно или в разговоре с вами; если напр. они показали вам каким бы то ни было образом, что они недовольны мною, моим последним письмом, то вы напишите мне так, чтоб, основываясь на ваших словах, я мог писать им несколько помягче; можете быть уверены, что я вас не скомпрометирую ***. Если же они сами не говорят, и если без вреда себе вы можете заставить их высказаться (не входя в определенные разговоры о моих планах), то это было бы очень хорошо. Итак, милые девочки, я жду вашего ответа, а покамест прощайте.

Ваш М. Бакунин.

Что ж мы ничего еще не знаем о наших книгах и особливо о моей «Философии права» Гегеля? А французские книги [В. П.] Боткина? Неаккуратные девочки!

* Брат Павел.

** «Что совсем не входит в мои расчеты».

*** Последняя фраза (8 слов) по-французски в оригинале.

А. И. Герцен
(1845)

Н. А. Герцен

№ 385. — Письмо Наталье Беер.

[Начало апреля 1840 года. Москва.]

?

Милая Наталия, Вас, может быть, удивит этот иероглиф, похожий на вопросительный знак и начинающий письмо. Но это — в самом деле вопросительный знак, символ холодного и глупого сомнения, извлеченный мною из всех Ваших писем. Вы не верите мне, Наталья, я ж не стану уверять Вас. Где нужны уверенья, там уж невозможна вера. Сомневайтесь до тех пор, пока Вы находите отраду в сомнении, и верьте, если Вам необходима вера. Вот все, что я могу сказать, на сомнения и на вопросительные знаки у меня нет ответа.

Историю я вам пришлю или, лучше сказать, буду присылать понемногу; в изложении ее буду более придерживаться необходимого движения человеческого духа, стремящегося к свой истине, к богу. Но если в стремлении этом я встречу момент, подобный какому-нибудь моменту Вашей настоящей, прошедшей или будущей жизни, тогда непременно укажу это подобие. Ведь оно иногда приятно, может быть, узреть себя во всемирной истории, в этом храме, которого бог никогда не оставляет. Милая Наталия, оставим [В. П.] Боткина в покое, во-первых потому, что в нем право есть много прекрасного, а во-вторых потому, что Alexandrine его действительно любит, и это возвышает его в глазах моих и делает его для меня священным.

Красов * приехал; сначала он пробудил во мне грустно приятное чувство, напомнив мне совершенно древний, святой мир [Н. В.] Станкевича и дома Штюрмер, — так что и болтовня его была мне сначала мила, но потом уж надоел.

Родители, — пишут сестры, — решились назначить мне 600 р. жалованья в год. Разумеется, что я не откажусь.

Прощайте, милая Наталия, худая девочка. Верьте, а то плохо будет.

Ваш М. Бакунин.

Мы с Костей ** и с Пашей *** всякий день толкуем о философии.

---

* Василий Иванович.
** Константин Беер.
*** Павел Бакунин.

Милая Наталия, напишите мне простое верующее письмо, без аллегорий; я терпеть не могу таких аллегорий.

Костя напишет вам в субботу.

№ 386. — Письмо Наталье Беер.

[Начало апреля 1840 года. Москва.]

Милая Наталия! Получать ваши письма стало для меня праздником. Они проникнуты святым содержанием нашей общей, нераздельной и непреходящей жизни, проникнуты тою благодатною любовью, которая расширяет, облагораживает душу. Да, вы — истинные, святые друзья мои. Поймите же хорошенько и как можно яснее, что любовь ваша, широкая, безграничная любовь, уже давно превратилась для меня в необходимость. Да, теперь настало время очищения нашего святого союза от всего ему внешнего, чуждого.

Вы прочтете письма [В. П.] Боткина и мой ответ ему. Я радуюсь этому, мне весело, когда ложное разрушается. Пусть все рушится, — наша дружба, наша святая взаимная любовь вечна, она не разрушится. Да, мне весело, Natalie; я имею в вас глубоких, святых, пламенных друзей. Истина прежде всего, и ничего вне истины. Костя толкает меня, пора посылать на почту, а я только что начал и кончать не хочется. Сегодня я послал письма сестрам,—хорошие, умные письма. А Костя все толкает. Пусть же эта недописанная бумага скажет вам, как глубоко, безгранично я люблю вас и как совершенно отдался вам.

Ваш М. Бакунин.

№ 387. — Письмо сестрам.

6-го апреля, суббота, 1840 [года].
Москва.

Милая Танюша!

У меня до тебя есть просьба: не можешь ли ты спросить у папеньки или у маменьки, только в присутствии их обоих, получили ли они мое последнее письмо о Берлине? Если они у тебя спросят об источнике этого вопроса, то скажи им, что я поручил тебе его сделать; если они скажут, что получили, но ничего к этому не

прибавят, то ты более ничего и не спрашивай. Если ж они скажут тебе, что они его не получили, то вычеркнув совершенно все, что мною было зачеркнуто, отдай им копию с моего письма, посланную мною вам, и скажи им, что так как письмо мое к ним вероятно затерялось, то я поручил тебе вручить им копию, мною тебе присланную.

Если исполнение этой просьбы будет связано для тебя хоть с малейшим затруднением, то не исполняй ее. Если ж ты можешь это сделать, то сделай это до приезда братьев, сейчас по получении этого письма. Братья отправятся к вам сегодня, и я рад за вас, потому что знаю, что это много прибавит к вашей ясной и спокойной жизни. Что ж касается до меня, то присутствие их нисколько не поможет мне во-первых потому, что я не привык искать и находить опору в других, и во-вторых потому, что я совершенно спокоен. Я — в себе, в полном мире с собою, и этот мир есть для меня источник бесконечных сил.

Милый Илья, благодарю тебя за твои деньги; я без всякого зазрения совести взял их, потому что знаю, что они были мне присланы любовью, и потому что сделал бы то же на твоем месте.

Прощайте, девочки.

Брат ваш

М. Бакунин.

№ 388. — Письмо родителям.

[Первая половина апреля 1840 года. Москва].

Любезные родители!

В последнем письме моем я описал вам свое положение истинно и добросовестно так, как оно есть, так, как я чувствую и понимаю его; в нем не было ни одной фразы, потому что все сказанное в нем было мною глубоко перечувствовано; оно не было результатом опрометчивого и минутного чувства, потому что я долго думал и строго вникал в самого себя. В нем была изложена просьба, важнейшая и единственная, с какою я могу прибегнуть к вам. Вы можете сильно содействовать моему внутреннему и внешнему спасению; более и кроме этого вы ничего не можете сделать для меня. Я знаю и высказал вам это в последнем письме: мои прошедшие ошибки, а, главное, ваше презрительное мнение обо мне

не дают мне права ожидать от вас помощи. Я прибежал к вашей любви, но не знаю, поверит ли и захочет ли она отвечать мне. Я все высказал в последнем письме моем, и ничего не могу более прибавить и вполне с неограниченною покорностью судьбе и вашей воле предоставляю вам решение своей участи.

Теперь же я прибегаю к вам только с одною просьбою: дайте мне положительный и решительный ответ. Вот уж две недели, как я каждый день жду вашего ответа и каждый день обманываюсь в своем ожидании. Теперь я предвижу и знаю почти наверное, что о т к а з будет вашим ответом. Но, любезные родители, и отказ будет мне легче невыносимой неопределенности моего настоящего положения. Как бы то ни было, но оно совершенно объяснится тогда, объяснится во всех отношениях, и как ни трудно и ни тяжело мне будет тогда, я не останусь с сложенными руками, я не предамся праздному и слабодушному унынию, но употреблю все от меня зависящие средства для того, чтобы вырваться из своего затруднительного положения. Будущее известно только одному богу, и потому я не могу ручаться за успех, но я обязан делать все, что могу, и все, что от меня зависит.

Милая маменька, Вы поручили братьям передать мне 100 рублей. Не скрою от Вас, что это произвело на меня тяжелое впечатление; не получая от Вас ответа и не зная Вашего настоящего мнения обо мне и о письме моем, я не знаю, что думать об этой присылке. Я понимаю, что во всяком случае она имела источником Вашу доброту и Вашу снисходительность, но с этой добротой не было ли связано то презрение, которое так часто выражалось в Ваших письмах ко мне? И если так, то должен ли я и могу ли пользоваться Вашею добротою? И приняв эти деньги, не дам ли Вам нового повода к тому, чтоб презирать меня? Вы легко поймете, милая маменька, что я был рад, что эти 100 рублей необходимы братьям для выезда из Москвы. Вы не рассердитесь на меня за то, что я отдал им их во-первых потому, что без них им нельзя бы было ехать к вам, и во-вторых потому, что хотя я и не богат, но у меня довольно денег для удовлетворения необходимых ежедневных нужд.

Любезные родители, если вы не можете исполнить моей главной и единственной просьбы, то я не стану более прибегать к вам с просьбой о денежной помощи, потому что мои нужды здесь весьма ограничены и потому, что, решившись прибегнуть к вам для успешного окончания важнейшего и решительного шага в моей

жизни, ни за что в мире не стану беспокоить вас для улучшения своего ежедневного материального существования.

Прошу вашего благословения и остаюсь преданный вам сын

М. Бакунин.

№ 389. — Письмо А. И. Герцену.

20 апреля 1840 года.

[Тверь.]

Любезный Герцен! Приехав сюда, я нашел в отце моем согласие на мой отъезд в Берлин и готовность помочь мне деньгами. Но так как дела его вследствие неурожая и мелководия находятся в маленьком расстройстве, то он и не может мне дать теперь ничего другого кроме обещания. Он говорит, что если дела его поправятся, то он согласен давать мне по 1 500 руб. в год; но это если так неопределенно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на нем, то легко бы могло случиться, что они растаяли бы «яко воск от лица огня». Может быть, что со всею готовностью помочь мне он будет давать мне не более 1 000 или даже 500 руб. в год, а потому, милый Герцен, для того чтобы дать поездке моей в Берлин твердую и незыблемую основу, я должен обратиться к тебе. Если ты и друзья твои можете дать те 5 000 руб., о которых ты мне говорил, то это меня совершенно обеспечит. Имея их в виду, я могу смело ехать и, в случае нужды ограничив свои расходы и путешествие свое только одним Берлином, прожить без всяких других средств в Берлине в продолжение трех лет. Все же остальное, что я получу от отца или приобрету собственными трудами, будет употреблено мною на расширение моего путешественного плана, а следовательно и моего образования. Я жду духовного перерождения и крещения от этого путешествия, я чувствую в себе так много сильной и глубокой возможности и еще так мало осуществил, что каждая лишняя копейка для меня будет важна как новое средство к достижению моей цели. И потому я прошу тебя и друзей твоих, если вам это только возможно, дать мне теперь 2 000 руб., а в продолжение двух остальных лет присылайте мне по 1 500 руб. в год так, как ты говорил мне в Москве. Что же касается 2 000 руб. то чем скорее вы мне их доставите, тем будет лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

Я не могу назначить определенного срока для уплаты этих денег, но вы можете быть уверены, что при первой малейшей

возможности я поспешу заплатить их. Во всяком случае наследство, которое я получу от отца, и образование, которое я приобрету за границей, дадут мне верное средство к исполнению этой священной обязанности. В случае же моей смерти братья за меня заплатят. Впрочем по всем вероятностям я проживу еще долго. во-первых потому, что было бы глупо умереть, ничего не сделав путного, а во-вторых потому, что я совсем не намерен умирать.

Ты видишь, Герцен, что я обращаюсь к тебе прямо и просто, без всяких околичностей и отложив в сторону все 52 китайские церемонии. Я делаю это потому, что я беру у вас деньги не для удовлетворения каких-нибудь глупых и пустых фантазий, но для достижения человеческой и единственной цели моей жизни. Кроме этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мне нужно было не много времени для того, чтобы полюбить тебя от души, и для того, чтобы сознать, что в наших духовных и задушевных направлениях есть много общего, и что я могу обратиться к тебе. не боясь недоразумений.

Я не буду говорить тебе о своей благодарности, но, поверь мне, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнув в глубину души моей, поверили в действительность и святость моего внутреннего стремления; я никогда не позабуду, что, дав мне средства ехать за границу, вы, может быть, спасли меня от ужаснейшего несчастья, от постепенного опошления. Поверьте, что я всеми силами буду стараться оправдать вашу доверенность и что я употреблю все заключающиеся во мне средства для того, чтобы стать живым, действительно духовным человеком, полезным не только для себя одного, но и отечеству и всем окружающим меня людям. Да, я надеюсь, что со временем вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня в теснейший кружок своих друзей. Покамест же, Герцен, прощай. Отвечай мне пожалуйста скоро, потому что мне хотелось бы как можно скорее уничтожить всякую неопределенность в делах своих.

Посылаю тебе с братьями «Tagebuch eines Kindes» (Bettina) [1]. Пожалуйста только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы в отчаянии, если бы она затерялась.

Получив твой ответ, я окончательно обо всем переговорю с отцом и отправлюсь к вам на другой же день.

Прощай.

Твой М. Бакунин.

№ 390. — Письмо сестрам.

9-го мая 1840 [года].
Москва.

Милые друзья, какая чудная погода, и если б вы знали, как мне грустно за вас. Я знаю, чувствую, как души ваши рвутся в Прямухино, каждый день, проведенный в Твери, должен казаться вам безвозвратною потерею. Ты плачешь, Танюша, но я уверен, что вы скоро поедете в Прямухино. Брат Николай, если не у вас, то приедет на-днях. Судя по всем признакам, так как он в большой дружбе с Белинским, и так как Белинский теперь ненавидит и презирает меня, он должен быть весьма худо расположен ко мне [1]. Мне было бы интересно с ним встретиться.

Милые друзья, в последнее пребывание мое в Твери [2] мы опять сошлись. Это было для нас всех доказательством, что мы не можем разойтиться, что мы связаны слишком святыми узами для того, чтобы такое расторжение было возможно. Если бы вы знали, как мне было тяжело, грустно за вас все это время. Бедные девочки, вам необходимо много, много внутренней жизни, [нужен] огромный запас святого женственного терпения для того, чтобы переносить вашу тяжелую семейную жизнь.

Милые друзья, наша любовь должна вознаградить вас; вы будете всегда находить в ней убежище от всех отрицаний жизни, потому что она понимает, уважает вас. Через недели две я приеду к вам для того, чтобы провести с вами около месяца. В Прямухине с вами и с братьями мы еще сильнее скрепим наш святой, глубокий союз, скрепим его так, чтобы ничто постороннее и враждебное не смело более и не имело более силы нарушать его, и расстанемся надолго.

Мне предстоит теперь широкий путь, новая жизнь, и я возвращусь к вам через несколько лет, обновленный, истинно действительный и вполне достойный любви вашей брат и друг [3].

До свидания, девочки.

Ваш М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 391. — Письмо Александре Беер

[Конец мая 1840 года. Москва.]

Мы сейчас получили Ваше письмо, милая Александрин, то письмо, в котором Вы говорите о недоразумении и о трудности

столковаться в письмах. Вы неправы, дорогой друг, люди всегда понимают друг друга и не могут не понимать друг друга при любых обстоятельствах, если они раз хорошо друг друга поняли. А разве мы не поняли друг друга? Если мы даже не все себе сказали, то разве мы от этого что-нибудь потеряли? Разве мы не знаем всего того, что нас касается, разве мы не читаем друг у друга в душах? Вы упрекаете меня в слишком большой скрытности, в умолчании об известном Вам предмете, который специально меня касается. Причиною этого молчания был не недостаток доверия. Одно время чувство, которое я питал к моей кузине Муравьевой *, поглотило все мое существо и спасло меня от самоубийства. Это время прошло. Моя внутренняя жизнь изменилась: она стала более высокою, более богатою, более сильною; она стала более независимой от внешнего мира. Чувство, которое я питал к моей кузине, ослабело, оно уступило место более благородному чувству. Теперь это — лишь приятный сон, который возвращается ко мне весьма редко.

Повторяю вам, в моем сердце нет больше места для любви. Моя личность существует только для немногих людей, для вас, мои милые, очаровательные друзья, которые так хорошо меня знаете и верите мне без фактов и доказательств. Если бы вы знали, как дорога мне ваша дружба, как она для меня благодетельна, сколько раз вы, сами того не зная, меня поддерживали! Есть же такие люди, которые целиком меня понимают, которые любят то добро, какое и я люблю. И если одинокий путь, на который я вступил, временами навевает на меня апатию и мучительное состояние, я могу изливать их в ваши сердца без опасения быть непонятым, без опасения быть обвиненным в претенциозности. Таково то счастье, мои очаровательные друзья, которое вы мне дали и всегда будете давать. Прекрасно и величественно быть одним с своею целью, одним со своими надеждами, горестями, сомнениями, прекрасно не добиваться ничьей опоры, пренебрегать влияниями внешнего мира, всеми его бурями и всеми опасностями. Человек чувствует себя великим, когда он одинок, но он чрезвычайно счастлив, когда, не теряя своего человеческого достоинства, не унижая своих божественных свойств, он находит сердца, биение которых совпадает с биением его собственного сердца. И таким счастьем я наслаждаюсь. Вы — мои друзья, мои истинные друзья, сестры души моей, я верю в вас и я уверен в

* Софья Александровна.

вас. Ничто не сможет расторгнуть тех священных уз, которые нас объединяют, этих уз родственных душ, пламенеющих тем же огнем!

Дадим же друг другу руки, милые друзья. Наш путь не свободен от опасностей, от препятствий, но это — единственный путь, которым мы можем следовать, не унижая себя. Пойдем же вперед! Наша цель — впереди нас, а не позади нас. Пойдем вперед с высоко поднятою головою, ибо сердца наши чисты, ибо мы сознаем свое призвание, ибо мы — не от мира сего, мы не имеем с ним ничего общего. Будем страдать, если это нужно: страдание очищает, облагораживает душу, если не доводит ее до упадка, до апатии. Истинное земное счастье есть лишь страдание, но это страдание божественно, оно вытекает из божественного происхождения человека. В этом страдании есть великое наслаждение, а именно ощущение бесконечного, прекрасного, высокого в себе самом, это — особенно ясное понимание того, насколько мы созданы не для этого жалкого мира. Истинное блаженство заключается только в таком страдании. Будем же вместе страдать, мои милые друзья, и, верьте мне, мы будем счастливы, ибо наше счастье — в нас и в нашем будущем.

Прощайте, милая Александрин. Письмо это передаст Вам знакомый Вам [Т. Н.] Грановский. Это — очаровательный молодой человек, мы с ним подружились: в его характере и во всем его существе столько благородства. Федор * едет вместе с ним. Я не знаю хорошо, что он делает, я думаю, что не только он, но даже его старший брат не сознают ясно цели этой поездки. Возможно, что это — просто неловкий маневр со стороны последнего, но этот маневр разобьется о мою волю.

Ваш друг

М. Бакунин.

№ 392. — Письмо братьям.

[Конец мая 1840 года. Тверь.]

Милый Паша! Вот я и в Твери.

1. Алексей Павлович Полторацкий взял на себя все хлопоты по моему паспорту, газеты посылать ему не нужно, потому что он получает их.

---

* Ржевский.

2. Я позабыл взять с собою 4 немецкие книги «Нов[ой] Истории» сочинения Spazier [1], принадлежащие полковнику *, они остались у Кости **, который, забрав их к себе для перелистывания, позабыл их отдать мне ***.

3. Брат Николай приехал сюда в Тверь совсем, под начальство полковника Пистолен-Корса, который отпустил его на неделю в Прямухино, где мы послезавтра увидимся с ним. Мои предположения насчет его и [В. Г.] Белинского совершено справедливы; я узнал это из некоторых выражений его, переданных мне братом Ильею. Из Прямухина обо всем напишу. Вчера обедал у Алекс[ея] Павловича ****, видел Дьякова *****, который не ест салата, потому что боится испортить европейский голос. После обеда был с Ильею и с Петром Ивановичем у Ушаковых ******; милые, чудные девочки, мы с ними откровенно говорили, — они о своем отце, а я о маменьке говорили как брат и сестры. Вчера я полюбил их еще больше; если можно будет, братья, то заезжайте к ним по дороге. Они и Ольга Яковлевна ******* будут вам искренно рады. Они говорили мне, что в последнее время опять была сцена между маменькою и Танюшею. Бедные сестры, постараюсь опять сделать маленькую революцию. Маменька уж чересчур распустилась. Пускай Николай испытает все, что в продолжение нескольких лет мы с вами, братья, испытали.

4. Напомни Вас[илию] Петр[овичу Боткину] о «Философии права» [Гегеля], о которой он хотел справиться на почте.

5. Побывай у Сатина ******** и, если можно, попроси его, чтоб он дал 200 руб. в счет 1.800 рублей; полковнику Шпилевскому очень нужны деньги; если он даст, то пошли их немедленно полковнику. Его адрес просто в Тверь. Или попроси Вас[илия]

---

* Шпилевскому.

** Беера.

*** Главное и позабыл сказать тебе: возьми эти 4 книги и ... жи их хорошенько и пошли их немедленно в Тверь на имя Петра Ивановича Воскресенского, асессора Тверской строительной комиссии, в г-д Тверь, а он отдаст полковнику; я говорю немедленно, потому что иначе полковник будет сердиться на меня. Пожалуйста же, исполни мою просьбу. *(Примечание М. А. Бакунина.)*

**** Полторацкого.

***** Николая Николаевича.

****** Анна Петровна (впоследствии жена Николая Бакунина) и Екатер Петровна (Катенька).

******* Ушакова, мать предыдущих.

******** Николай Михайлович

Петр[овича] послать, только с письмом от тебя с твоею надписью на пакете.

6. Если вы все уедете из Москвы, то попроси Вас[илия] Петровича, чтоб он хоть [Н. Х.] Кетчера попросил написать записку, с которою мне будут присланы кредитивы на берлинского банкира и 300 франков.

7. Не позабыл ли Вас[илий] Петр[ович] послать [А. А.] Краевскому письмо с деньгами на место в пароходе и книги? Если позабыл, то попроси его, чтоб он поспешил.

8. Милый Костя *, мохнатая кысинька, теперь обращаюсь к тебе. Итак мне было суждено не проститься с тобою. А мне, право, хотелось еще раз посмотреть на тебя. Прощай, друг, благодарю от всей души, благодарю тебя за зиму, проведенную вместе. Мне было так отрадно видеть тебя, говорить с тобою. Поверь мне, Костя, я истинно и глубоко люблю тебя; ты — необходимый член моего маленького благодатного мира. Прощай, Костя, может быть, еще увидимся, может быть, еще увижусь и с сестрами **.

Прощайте, друзья, до будущего письма; исполните мои просьбы и пишите чаще обо всем, что для вас и для меня может быть интересно.

Ваш М. Бакунин.

Завтра еду в Торжок, а послезавтра в Прямухино.

№ 393. — Письмо сестрам Беер.

(13 июня 1840 года.)

Милые, добрые друзья, вчера я получил письмо от [Н.] Станкевича вместе с письмом от Вариньки. Станкевич заболел опасно в Риме, Варинька узнала об этом от [А. П.] Ефремова и вместе с ним поехала в Рим. Но пусть Станкевич сам расскажет вам о своем удивлении и о своей радости. Милые друзья, я послал бы вам его письмо, если б не должен был выехать отсюда 23-го июня (29-го сажусь на пароход), т. е. через 10 дней. Вот вам некоторые отрывки из него.

«Любезный Мишель, ты, разумеется, удивишься моему письму после такого долгого молчания. Ну, удивляйся, — это невредно, а между тем я хочу тебе писать и на этот раз не могу не

* Беер.
** Сестрами Беер.

писать. Прежде всего скажу тебе, что Вар[вара] Алек[сандровна] здесь, в Риме. Я собирался ехать в Неаполь, заболел, и она, узнавши об этом, приехала нарочно, чтобы меня видеть. Друг мой Мишель! Несмотря на твои несправедливые предположения, к которым я, может быть, подал повод своею безалаберностью, ты поверишь мне, когда я сам скажу тебе, что каждое лицо вашего семейства для меня вечно свято, что я храню память о нем вместе с памятью всего лучшего и святейшего в первом юношеском периоде моей жизни, что я не знаю для себя лучшего, более чистого, более отрадного мира. Теперь ты можешь судить, что такое для меня святое, братское участие сестры твоей. Я не умею сказать тебе ни слова о том, что произвел приезд ее, но она это видит, я в этом уверен. Я только спрашиваю себя день и ночь: за что, за что это счастие? Оно не заслужено совсем. Она окружает меня самою сильною, самою святою, братскою любовью; она распространила вокруг меня сферу блаженства, — я дышу свободнее, у меня поднялось и здоровье и сердце, я становлюсь и крепче и святее. Но довольно об этом. К тебе.

«Она показала мне письмо твое, которое она получила на-днях. Друг мой, ты с одной стороны слишком много даешь мне участия в твоем внутреннем процессе: я ли, другой ли, книга ли — сделали бы то же; это только внешнее побуждение, внутренняя сила делает все. С другой ты горько несправедлив ко мне, но виноват в этом только один я. Мишель, как бы много ни было в нас недостатков, ты должен согласиться, что мы давно вышли из животной сферы невольных впечатлений, и что лицо не может для нас играть роль какой-нибудь вещи, напоминающей то или другое состояние души, — иначе я должен бежать всех, кого встречал в минуты моих страшных душевных раздоров! Что ж касается до причин, которые б могли развесть нас, — я не вижу никаких. Ты мог охладеть ко мне, это не было бы невольное впечатление; ты с упреком мог оттолкнуть меня — и я не имел бы права жаловаться. Но ты с братскими слезами разделял мои страдания и мучил[ся за] меня столько же, сколько за тех, которые ближе всего были твоему сердцу. Мишель, после всего этого оправдания, которые ты стараешься дать моему мнимому чувству к тебе, — непоследовательность и противоречие. В моих чувствах к тебе ничего не переменилось, и если ты в иных письмах моих видел гримасы, то это оттого, что я в самом деле был в судорогах. В одном твоем письме ты несколько абстрактно судил и обвинял

меня; я был прав в душе, но, может быть, подал повод к недоразумениям. Такая вещь также не могла развести нас. Но довольно объясняться: когда-нибудь подробности можно будет объяснить изустно».

Потом следуют объяснения внешних причин, помешавших ему писать мне:

«Наконец я увиделся с Варварою Алекс[андровною] и после того, что увидел в письме твоем к ней, не мог не писать тебе, не вывести тебя из заблуждения, которое для меня тяжеле, нежели для тебя. Нет, Мишель, между нами не становилось никакой стены, никаких перемен не может быть в наших отношениях. Не говори о золотой середине. То, что сделала судьба, должно еще более сблизить нас, потому что оно сняло с нас все накидное, разрушило все призраки, а мне показало всю силу твоей дружбы. Мишель, я хочу верить, что это письмо разогнало твои сомнения. Я не люблю объясняться, я всегда надеюсь на мое слово. Зачем говорить мне тебе выдумки? Ты должен мне верить, дай мне руку, и с этих пор все ясно между нами».

Потом [он] говорит о своей болезни, которая видимо исчезает со дня приезда Вариньки. Они едут вместе сперва в Lago di Como *, для того чтобы там пить эмскую воду, а зиму проведут вместе в Ницце.

«Эта будущность дает мне теперь силы и заставляет сердце трепетать от радости».

Потом говорит о своих настоящих и будущих занятиях. Вообще видно, что он — мальчик умный; я от него сильно отстал, да постойте — догоню! **.

«При всех внутренних страданиях, какие пришлось естественно перенести твоей сестре в ее полном одиночестве, в ее чертах запечатлено нечто светлое. Она конечно одинока, но независима, ее сердце может поэтому иногда отдаваться самому себе, за ее спиной не стоит уже пугало. Если бы только возможно было упрочить это положение, чтобы она и в России могла жить посреди любимой семьи столь же свободною и самостоятельною!.. Милый Мишель, ты много, много сделал для нее, ты вернул ее самой себе и свету. Я не могу удержаться от того, чтобы не поблагодарить тебя от глубины сердца. Дай небо, чтобы в конце концов ей все удалось» и пр. и пр.

---

* Озеро Комо.

** Отсюда по-немецки в оригинале.

Его адрес: Г-ну Станкевичу, Флоренция, великое герцогство Тосканское, санатория г. Фенци К°. * А там вы можете узнать от него самого о его новом адресе.

Вот вам, милые друзья, отрывки из его милого письма. Вы поймете, как сильно оно обрадовало меня. Оно разрешило все мои сомнения и действительно воскресило мои старые, святые отношения с ним. Ведь я не такой, как вы. Вот хоть например избалованная мною (а не судьбою) малютка Alexandrine пишет предлинную диссертацию о том, как некоторые люди в радости позабывают грустных друзей своих. Нехорошо, стыдно, друзья, неужели это те благословения, о которых я вас просил и без которых я не хочу и не могу ехать за границу? Итак я до сих пор не мог убедить вас в несомненной и широкой и пламенной действительности моей любви к вам? Неужели вы в самом деле сомневаетесь, друзья? Неужели вы сами не чувствуете, как искренна и как бесконечно крепка моя любовь к вам? Если вы этого не чувствуете, то в вас самих нет любви. Но я знаю: вы любите меня, а потому и знаете, что я вас также люблю. Если же вы это знаете, откуда же и зачем эти сомнения?

Ради бога оставьте эту тесную и неблагодатную сферу сомнения, — будем жить вместе в широком и привольном царстве бессмертной любви, в которой святое братство наше освящено благословением духа, в котором мы все составляем одно неразрывное и блаженное существо, проникнутое одною мыслью и одним чувством. Друзья, мне не нужно уверять вас, вы сами знаете, что вы имеете и всегда будете иметь во мне верного и горячего друга, и что дух мой вечно будет присутствовать с вами, а любовию своею обнимать вас. А потому все сомнения в сторону! Дайте руки, друзья, на прощание. Прощай, Константин. Если ты так же полюбил меня, как я тебя, то мы — крепкие, действительные друзья. Пишите мне в Берлин: à M-r Bacounine, à Berlin, poste restante, а там я вам пришлю свой адрес.

Танюша говорит, что человек сейчас отправляется. И потому прощайте, прощайте. Милая Наталия, я все любимые книжки буду читать с Вашею заметкою и буду прилежным мальчиком.

Ваш М. Бакунин.

13-го июня 1840 [года]. Прямухино.

---

* Отсюда снова по-русски в оригинале.

№ 394. — Письмо сестре Варваре.

[Середина июня 1840 года. Прямухино.]

Милая, добрая Варинька, Станкевич болен, и ты теперь с ним. Ради бога, напиши скорее, лучше ли ему и поправляется ли он. Ты пишешь, что жизнь его в опасности. Нет, Варинька, он не может умереть,—такие люди не должны умирать! Не знаю, как и почему, но я уверен в его выздоровлении... Смерть его отняла бы слишком много у всякого, хоть сколько-нибудь знающего его. А ты знаешь, чем он всегда был и чем никогда не перестанет быть для меня. Ты знаешь, как горяча, как бесконечно глубока моя любовь к нему и как безусловна моя вера в него.

Да, Варинька, ты счастлива теперь, ты свободна, ты могла дать полную волю влечению своего сердца.

Я знаю, твое присутствие оживляет его, я знаю, как он любит тебя, как он благоговеет перед тобой — твое присутствие освежит его душу.

Милая Варинька, как я люблю тебя за то, что тебя ничто не остановило, что ты, несмотря на все препятствия и внешности, решилась поехать к нему.

Это свидание вознаградит вас обоих за множество перенесенных вами страданий. Знаешь, Варинька, он для меня — единственный человек, а ты — единственная женщина в полном смысле этого слова. Я так же глубоко люблю его, как и тебя, я равно благоговею и преклоняюсь перед вами. Я жаждал вашего свидания — и вот наконец мое желание исполнилось. Вы теперь вместе, вы можете, должны быть и будете истинными, святыми друзьями. Это было необходимо для вас обоих. Ради бога напиши мне сейчас же по получении этого письма о его здоровьи. Адресуй так письмо: à Berlin, poste restante. Вероятно, что 29 июня я выеду из Петербурга на пароходе...

(Продолжения не найдено.)

№ 395. — Письмо Н. Станкевичу.

18-го июня — по вашему 30-го — 1840 года.
С[ело] Прямухино.

Милый Станкевич! Я не стану благодарить тебя за письмо твое. Все, что я сказал бы, не выразило бы и половины того глу-

бокого, святого, радостного чувства, которое оно произвело во мне. Благодарю тебя, друг. Возвратив мне твою дружбу или достоверность твоей дружбы, ты мне отдал лучшую часть моего собственного существования. Тебе не нужно было много объясняться для того, чтобы рассеять мои сомнения, одного живого слова твоего было достаточно для того, чтобы снова пробудить в душе моей старую, непоколебимую веру в тебя. Я чувствую, что ты снова стал моим, и ты не знаешь, как много это чувство дает мне блаженства.

Я давно желал вашего свидания с сестрою *, и вот наконец мое желание исполнилось. Я знаю, вам обоим необходимо было встретиться, и вам хорошо будет вместе. Скажи ей только, чтоб она взяла все нужные предосторожности. Папенька писал к ее знакомому коменданту ** и к своему родственнику Ивану Муравьеву, пребывающему в Флоренции [2].

Если она хочет, чтобы здесь не знали о ее приезде в Рим, пусть она попросит коменданта учесть это в своем ответе ***. Впрочем я предоставляю все дело ее рассудительности, хотя очень часто она бывает нерассудительною ****.

Я не стану тебе много писать, потому что теперь я в сильных хлопотах; через три дня я выезжаю отсюда, а через 11 дней, т. е. 29 июня, сажусь на пароход и отправляюсь в Берлин. Итак, милый Станкевич, я наконец буду в Берлине. Мне грустно оставлять сестер и родителей, тем более что много узлов осталось еще неразвязанных. Но что ж делать? Я наконец сознал, что спешить не надо и что многое должно предоставить времени. Мне необходимо было ехать, потому что дух мой дошел наконец до такой болезненности, что на нем не осталось наконец ни одного здорового места.

Теперь я уж почти здоров и готовлюсь посвятить все свои средства и все время свое науке. Во мне снова пробудилась вера в возможность достижения.

Из Берлина буду много писать тебе, а теперь все мои мысли и чувства в разброде; и ты также пиши ко мне и не оставляй меня советами, а особливо касательно моих берлинских занятий. Ты теперь — человек опытный, знаешь, как за что должно прини-

---

* Варварою Александровною Дьяковой.

** Генерал Руберти [1].

*** Вероятно старику Бакунину.

**** Последний абзац по-немецки в оригинале.

маться, и опытность твоя может мне быть очень полезна. Если будешь писать к Вердеру [3], то замолви ему за меня словечко.

[Т. Н.] Грановский обещал дать мне к нему и к другим письма, но до сих пор еще не прислал их. Он теперь в деревне. Он — славный, живой, теплый и умный человек. Всю эту зиму я был в ипохондрическом состоянии духа и потому не мог с ним очень сблизиться. Но это не помешало мне искренно полюбить его. В университете он пробудил сильное и живое участие к своему предмету. Студенты любят и уважают его; по гуманитатности своей он — лучший из всех профессоров, между которыми теперь есть много прекрасных и полезных людей.

Прощай, Станкевич, с радостью жму я твою руку, из Берлина буду много писать, и ты пиши мне туда.

Поцелуй [А. П.] Ефремова в переносицу и скажи ему (от сестер), чтоб он не позабывал своей должности и каждое утро приносил сестре букет цветов.

Твой М. Бакунин.

(Дальше идут приписки сестер Бакунина.)

№ 396. — Письмо братьям и сестрам.

[Конец июня 1840 года.
Петербург.]

Милые, прекрасные друзья, прощайте, надолго прощайте. Мы долго не увидимся, но я знаю, что мы никогда не перестанем пребывать друг в друге. Мы не можем расстаться, мы слишком глубоко и неразрывно связались для того, чтобы когда-нибудь развязаться. Милые друзья, пусть ничто не разрушит этого священного союза, этой безграничной святой веры друг в друга.

Друзья, милые братья и сестры, не оставляйте отца. Мы все обязаны вознаградить его за все страдания, перенесенные им. Старайтесь всеми силами как можно более сблизиться с ним: это усладит последние годы его жизни. Я найду его еще живым, — я в это крепко, беспредельно верю, и только одна эта вера может успокоить меня.

Танюша, ты знаешь, как глубоко я люблю тебя. Не правда ли, ты никогда не перестанешь быть моим святым, прекрасным, верным другом?

Alexandrine, ты иногда сомневалась в любви моей, но ты была несправедлива. Друг мой, я не умею разделять вас в любви своей. Будь только счастлива, я хочу только твоего счастия, и больше ничего. Не увлекайся только фантазиями, помни, что на фантазиях не может быть основано ни счастье ни достоинство человека *. Пойми сама себя и не забывай, что только чистая, абсолютно чистая истина может лежать в основе человеческого счастья, и помни, что ничто на свете не разлучит и не в состоянии разлучить нас **.

С тобой, милый Николай, мы менее всего знакомы. Но если ты [меня] любишь так же, как и я тебя, то мы — уже истинные друзья. Я люблю и уважаю тебя. Будь другом и покровителем сестер и не позабывай меня.

И вы также, братья, составляете неотъемлемые члены нашего любовного, святого мира, который для нас всех да будет миром очищения и духовного крещения.

Друзья, соединим в последний раз наши руки и будем любить друг друга попрежнему и, если можно, более прежнего.

Ваш М. Бакунин.

№ 397. — Письмо братьям и сестрам.

1840 [год]. — 29-го июня.
Ст-Петербург.

Милые, добрые друзья! Прощайте, прощайте, благословите меня на дальний путь. В продолжение всей дороги и трех дней, проведенных мною здесь, я беспрестанно думал о вас и в первый раз в жизни сознал и почувствовал так ясно неразрывность и святость уз, привязывающих меня к вам.

Не позабывайте, любите меня, друзья, у меня никого нет кроме вас, кроме вашего маленького мира, в котором я пережил так много человеческих и глубоко блаженных минут. В короткое пребывание мое в Петербурге я сознал наконец, что старый кружок моих мнимых друзей не существует для меня более.

По приезде сюда у меня произошло большое и серьезное объяснение с г. Катковым, который находится в Петербурге уже две

---

* Дальше по-немецки в оригинале.

** Дальше снова по-русски в оригинале.

недели. Белинский встретил меня очень холодно, я отвечал ему тем же. Теперь ясно, что отныне мы друг для друга не существуем. Я покончил со всеми этими господами за исключением Станкевича, которого я всегда от них отделял *.

Я — ваш, друзья, весь ваш и никому более не принадлежу, кроме вас и истины, которая составляет общую цель нашей жизни. Дайте же руки, сожмите их крепче, и ни пространство, ни время не разожмут их. Единство, царствующее в наших существованиях, есть верный, священный залог нашей взаимной любви. Каждый из нас может быть уверен, что ничто не может произойти в нем такого, что бы не нашло живого отголоска и участия в других. С этой достоверностью весело жить на свете.

Прощай, Николай, люби меня так же, как я люблю тебя, примкнись хорошенько и крепче к нашему маленькому кружку и пойми, что никакие Белинские и Боткины не будут в состоянии заменить его. [В. Г.] Белинский хороший, но только — не наш, не родной нам человек. Будь другом и покровителем сестер, учи их и учись от них: система взаимного обучения — лучшая на свете. А от них можно многому научиться, я узнал это на опыте.

Милая Саша, никогда не позабывай, что ты имеешь во мне искреннего, горячего друга, которому необходима твоя откровенность, и который может быть полезен тебе, потому что он любит тебя. Приди в ясность сама с собой и сделай все, что необходимо для твоего истинного человеческого счастья. Только ради бога будь откровенна со мной и пиши мне чаще **.

Паша и Алеша, помните все обещания ваши, касающиеся папеньки, сестер и вас самих. Исполните их все. Прощайте, милые братья, «лейтесь, слезы, из очей». Алеша, ха, ха, ха! Прощайте, друзья. Александр, и ты также пиши иногда ко мне, учись рисовать, старайся приобресть действительное, определенное содержание для твоей духовной жизни, и тогда действительность твоя будет соответствовать твоей богатой натуре. Милая, прекрасная, умная Танюша, прощай, мой добрый, святой друг, будь счастлива по возможности и никогда не отнимай у меня любви своей, она мне более чем необходима. Все, что хоть несколько входит в твою жизнь, должно быть мне известно.

Пишите чаще.

---

* Последний абзац по-французски в оригинале.

** От слов «Приди в ясность» и до конца абзаца по-немецки в оригинале.

Паша и Алеша, [А. И.] Герцен и жена его * кланяются вам, — славные люди, я отвел с ними душу. Глазенапов в Петербурге нет; сейчас буду писать Беером.

Прощайте, до Любека.

Прощайте, друзья!

Ваш друг и брат М. Бакунин.

Сестрам и братьям.

№ 398. — Письмо сестрам Беер.

Ск.-Петербург, 29-го июня 1840 [года].

6 часов утра.

Итак, прощайте, друзья! Сегодня в час пополудни я сажусь на пароход. Прощайте надолго, на три, а может быть и на четыре года. И я уехал, не простившись с вами! Что ж делать? Если бы вы знали, как тяжело мне думать об этом, как невыразимо сильно было мое желание в последний раз увидеться с вами и сжать ваши руки, тогда б заместо упреков и аллегорий вы стали бы утешать меня. Но что ж делать, видно, было суждено, чтоб недоразумения и несправедливости были вашим последним прощальным словом. Но полно браниться, дайте руки, друзья, на долгое прощание. Вы обе и Константин ** глубоко врезаны в сердце моем: вы — все мои, и я никогда не расстанусь с вами и знаю, что, несмотря на всех больших и маленьких чертенков, смущающих вас, вы верите моей любви к вам, верите, что я не могу оторваться от вас. И мне этого довольно.

Пишите чаще, друзья, каждые два месяца вы будете получать от меня по письму. Употребим это время разлуки на наше духовное улучшение, на осуществление всего святого, заключающегося в нас, и нам весело будет встретиться. Прощай, милый Константин, люби меня немножко и пиши, когда лень позволит.

Мне грустно было расставаться с отцом, с сестрами и даже с маменькой, которая в последнее время доказала нам, что она по-своему любит меня. Мысль, что я не увижусь более с отцом, разрывает мне душу, и я верю, должен верить, что я найду его еще в живых. Танюша — умная и святая девочка. Alexandrine еще не в ясности с собою; кажется, что она не любит Б[откина и что она не будет его женою. Если мое предположение сбудется, то я от всей души перекрещусь.

---

* Наталья Александровна.

** Беер.

Прощайте, друзья, пора сбираться, еще кой-куда надо съездить. Из Любека я вам напишу.

Прощайте, прощайте.

Ваш М. Бакунин.

Все, что только войдет в жизнь мою, будет вам известно; могу ли я надеяться и от вас того же самого? Не оставляйте меня, друзья, это была бы для меня ужасная, невозвратимая потеря. Потеряв вас, я потеряю почти лучшую часть самого себя.

Прощайте.

КОМЕНТАРИЙ

Предисловие. — [1] Неандер, Иоанн Август Вильгельм (1789—1850) — немецкий богослов, еврей, принявший лютеранство; главное его сочинение, доведенное им лишь до конца XV века, «Всеобщая история христианской религии и церкви», выходило с 1824 по 1845 год.

[2] Михелет, Карл Людвиг (1801—1893) — немецкий философ, гегелианец, принадлежавший впоследствии к левому крылу гегелианства; автор «Этики Аристотеля», «История философских систем в Германии от Канта до Гегеля» (1837—1838), «Гегель», «Шеллинг и Гегель» и пр.

[3] Гизо, Франсуа Пьер Гильом (1787—1874) — французский историк и политический деятель консервативного направления; принадлежит к школе французских историков 30—40-х годов XIX века, предшествовавших и подготовлявших выработку материалистического понимания исторического процесса; автор «Истории революции в Англии», «Истории цивилизации в Европе», «Истории цивилизации во Франции» и пр.

[4] Шаллер, Юлий (1810—1868) — немецкий философ, последователь Гегеля и Розенкранца; его сочинения: «Философия нашего времени» (1837), «Исторический Христос и философия» (1838); другие вышли после 1843 г. и следовательно Бакунину в рассматриваемое время не могли быть известны. Во время своего пребывания в Германии Бакунин лично познакомился с Шаллером (см. том III настоящего издания).

№ 209. — Письмо это характерно для того периода, когда Бакунину еще не удалось полностью наладить отношения с сестрами, и Бееры были ему ближе по настроению. Но скоро он сумел завоевать доверие сестер и приобщить их к своему мистико-идеалистическому кружку, основанному на фихтеанских идеях «Наставления к блаженной жизни».

[1] Эти слова обращают на себя внимание: итак уже в 1837 году у Бакунина мелькала мысль об эмиграции, а между тем в это время и еще долго после того он в политической области был настроен, казалось бы, не очень-то революционно, так что не совсем ясны причины, побуждавшие его уже тогда задумываться над мыслью об оставлении России навсегда.

[2] Дошедшее до нас предисловие к переводу «Беттины» (т. е. ее «Дневника»), которое мы печатаем ниже под № 299, по содержанию не похоже на это обещание Бакунина. Оно очень кратко и ничего не говорит ни о женщинах вообще, ни о русских женщинах в частности. Существовало ли другое предисловие, нам неизвестно. Вернее всего, что нет.

№ 211. — [1] Марбах, Освальд Готтард (1810—1890) — немецкий писатель консервативно-идеалистического направления, противник радикальной «Молодой Германии»; составитель пятитомного «Популярного физического словаря»; писал стихотворения; написанная в виде писем к даме его книга «Ueber moderne Literatur. In Briefen an eine Dame» (3 части, 1836 — 1838) против нового направления в германской литературе была весьма популярна в кругу Станкевича. Особенно ею увлекался Бакунин, а вслед за ним его верный кружок. Бакунин даже начал переводить Марбаха на рус-

ский язык; среди конспектов и других бумаг Бакунина, сохранившихся в Прямухинском архиве, имеется и перевод первых четырех писем и начала пятого (продолжался ли перевод, мы не знаем).

№ 213. — [1] Подобно переводу учебника всеобщей истории Шмидта Бакунин и задуманный им перевод дневника Беттины фон Арним роздал в разные руки. Приступила ли к своей части перевода Варвара, мы не знаем, но в бумагах Прямухинского архива сохранилось несколько страниц этого перевода, написанных рукою Татьяны. Судя по этим страницам, и она в переводе далеко не продвинулась, так что львиную долю работы выполнил сам Мишель.

№ 214. — [1] Письмо, которого Мишель ждал от Н. Станкевича, было написано последним только 16 августа 1837 («Переписка» Станкевича, стр. 629—635). В нем наносится первый удар мечтаниям Мишеля о получении от Станкевича денег на заграничную поездку. Мишель старался убедить Станкевича, что Варвара для своего освобождения от нелюбимого мужа должна поехать за границу, и что он, Мишель, должен обязательно ее сопровождать. Станкевич признавал верность первого, но видимо сомневался в необходимости сопровождения сестры Мишелем, предпочитая ему горничную. Все же Станкевич обещал сначала передать Бакунину через своего брата 500 руб., а затем по получении от отца 10 000 руб. на дорогу прислать ему еще 1 700 руб., всего значит около двух тысяч рублей; по уплате долгов у Бакунина по расчету Станкевича должно было остаться свыше тысячи рублей, чего было достаточно для поездки в Карлсбад. В крайнем случае Станкевич обещал прибавить. А какого высокого мнения Станкевич был о Бакунине, видно из следующих слов его письма: «Что касается твоего пребывания за границей, то я откровенно скажу тебе, что я считаю его необходимым, чтобы сделать меня человеком». Станкевич выражает надежду, что им удастся жить вместе; в случае же, если им придется разъехаться, он обещает выдавать Бакунину по 1 500 руб. в год. Но потом Станкевич стал сокращать свои обещания, и деньги на поездку за границу Бакунин в конце-концов получил не от него, а через три года от А. И. Герцена.

[2] Таким образом Бакунину для оправдания своей неаккуратности пришлось прибегнуть ко лжи. Перевод Шмидта, от которого он ждал больших тысяч, им выполнен не был.

№ 215. — [1] Речь идет о письме Белинского из Пятигорска от 28 июня 1837 г. («Письма», т. I, стр. 77—80). Но из этого письма нельзя сделать того вывода, который делает из него Бакунин.

№ 219. [1] В этот момент Бакунин не мог еще знать ответа Станкевича, который в значительной мере разбил его надежды (см. выше № 214).

№ 225. — Частично (около трети) это письмо опубликовано у Корнилова (т. I, стр. 400).

[1] Крейцер, Георг Фридрих (1771—1858) — немецкий филолог; главный труд его «Символика и мифология древних народов» выходил в течение 1810—1824 годов, новое издание 1836—1843.

№ 227. — Первые две заметки (из трех) напечатаны у Корнилова (т. I, стр. 396—399 и 401) с некоторыми ошибками.

«Мои записки» относятся к тому времени, когда Бакунин вплотную начал заниматься Гегелем. Как видно из его конспектов, сохранившихся в Прямухинском архиве, он летом и осенью 1837 г. читал Энциклопедию, Феноменологию, Философию религии и возможно Философию истории Гегеля («Логику», судя по конспектам, он изучал в 1838 г.). В философии Гегеля его особенно поразило знаменитое положение о разумности всего действительного и о действительности всего разумного. Этой теме в значительной мере посвящены «Мои записки», а также ряд писем, относящихся к этому периоду, не говоря уже о его устных выступлениях в московских кружках.

№ 228. — Оригинал этого письма находится в отделе рукописей Всесоюзной Публичной библиотеки имени Ленина, в собрании писем к Н. Х. Кетчеру, № 5185.

Дата этого письма легко устанавливается письмом Белинского к Бакунину от 1 ноября 1837 года («Письма» Белинского, т. I, стр. 150). В этой

первой полемической «диссертации» Белинского против Бакунина говорится между прочим: «Я узнал от [В. П.] Боткина, что Кетчер горько ему жаловался, что ты взял у него на месяц сто рублей и, разумеется, теперь еще не отдал. Он — человек семейный, содержит мать и сестер, деньги достает кровавым потом, а что всего важнее — мог дать тебе ту сумму только на месяц. Ты знаешь, что он — человек благородный, готов услужить всякому с собственным лишением, и если решился обнаружить Боткину, хотя под тайною, свое против тебя неудовольствие, так это недаром: может быть, твоя неаккуратность обошлась ему дорого, тем более, что о собственном лишении [он] не стал бы хлопотать». Дальше со слов того же Кетчера Боткину Белинский передает, что частые просьбы Бакуниным денег без отдачи старых долгов так не нравятся Левашовым, что в последний раз они отказали ему вовсе не по недостатку денег. И Белинский, который о семействе Левашовых был не очень высокого мнения и считал их людьми, далекими от идейных интересов, прибавляет: «Признаюсь, такого рода отзыв от т а к и х людей очень неприятен, да и самые одолжения их хуже всякой нужды». Понятно, что Бакунин, получив такое письмо, поспешил раздобыть сто рублей и отослать их Кетчеру, косвенно дав через него понять Левашовым, что он постарается расплатиться и с ними. Отсюда ясно, что письмо Бакунина относится примерно к первой половине ноября 1837 г.

[1] Т. е. хлестаковщины (имя-отчество Хлестакова — Иван Александрович). Повидимому Бакунина в кружке Станкевича величали этим нелестным эпитетом. Об этом можно судить по письму Белинского к Бакунину от 28 июня 1837 г., где сказано: «Насчет твоего с ним (Ефремовым) соперничества по титулу И. А. Хлестакова он заклинает тебя всем святым в мире быть спокойным и не ревновать к нему, потому что, говорит он, ты — Иван Александрович Хлестаков par excellence, так что если бы собрать со всего света Хлестаковых, они были бы перед тобою только Ванички и Ванюши Хлестаковы, а ты один бы остался между ними Иваном Александровичем Хлестаковым» (Белинский — «Письма», т. I, стр. 78). По словам Белинского (ib., стр. 290) этот нелестный эпитет применял к Бакунину и Н. Станкевич с 1836 г.: «По приезде нашем из Прямухина он назвал тебя Хлестаковым, но добродушно и в шутку; тут (в 1837) он повторил это название, но только уже совсем не в шутку. Я с удивлением узнал, что со мною он был к тебе еще очень милостив, но [И. П.] Клюшникову и [М. Н.] Каткову отзывался о тебе с презрением и ненавистью». Последнее как-то не похоже на Н. Станкевича.

№ 229. — Бакунин, приехав в Москву 1 декабря 1837 г., сначала поселился у Левашовых, сыну которых он должен был давать уроки, а с 7 декабря переехал к Белинскому. Это письмо составлялось, судя по припискам Белинского, в его присутствии, но вряд-ли у него на квартире, ибо письмо Бакунина сестрам, датированное 7 декабря и помещенное ниже под № 231, написано повидимому позже данного письма, которое таким образом должно быть отнесено к первым дням его пребывания в Москве, как это впрочем видно и по содержанию письма.

№ 231. — Частично напечатано у Корнилова (т. I, стр. 401—402).

№ 232. — Дата письма устанавливается указанием на болезнь Любови Бакуниной, которая относится к концу ноября — первой половине декабря 1837 г. С 1 декабря Бакунин был уже в Москве, откуда в первой половине месяца и написал это письмо к Беерам. Письмо к отцу, о котором Бакунин говорит здесь, он начал писать 15 декабря.

№ 233. — [1] М е й е р б е р, Джакомо (1791 — 1834) — знаменитый немецко-французский композитор, выражавший в своих произведениях настроения тогдашней революционной буржуазии. «Роберт-Дьявол», первая парижская опера Мейербера, был написан в 1831 и имел огромный успех. Еще больше был успех «Гугенотов» и «Пророка».

[2] Полное заглавие этого романа Э. А. Гофмана было: «Жизненные воззрения кота Мурра вместе с фрагментарной биографией Иоганна Крейслера в случайно собранных макулатурных листах» (1820—1822). Русский перевод его, сделанный Н. Кетчером, вышел в 1840 году.

[3] Ближайшее письмо Н. Станкевича из Берлина было написано только 1/13 января 1838 года. Но возможно, что в тот момент не было еще получено в России предыдущее письмо Станкевича от 4/16 декабря 1837 года. В таком случае оно должно было получиться скоро после данного письма Мишеля.

№ 234. — Дата этого письма устанавливается его содержанием. В декабре 1837 вопрос о поездке Варвары Дьяковой за границу снова обострился, и Мишель уже начал подумывать о своей поездке в Казицыно с целью привлечь на сторону прямухинской молодежи тетушку Анну Михайловну Бакунину: на это намекает последняя строка письма.

№ 235. — Дату письма нетрудно установить со всею точностью. В начале своего большого письма к отцу от 15 декабря 1837 Мишель говорит, что письмо отца он получил за три дня до того, т. е. 12 декабря. А во второй строке данного письма к сестрам он заявляет, что «получил письмо от папеньки вчера». Отсюда следует, что данное письмо сестрам написано 13 декабря 1837. Корнилов, напечатавший часть этого письма на стр. 356—357 первого тома своей хроники, неизвестно на каком основании датирует его 20 декабря 1837. После сказанного нами выше ясно, что Корнилов ошибается.

На слова Мишеля, в которых он выражал опасение, что все созданное им разрушится, Варвара отвечала частично приводимым у Корнилова (стр. 357—358) письмом, в котором уверяла его в прочности возведенной им духовной постройки.

№ 236. — Дата устанавливается теми же соображениями, что и дата предыдущего письма.

№ 238. — Частично напечатано у Корнилова (т. I, стр. 355—356), который относит письмо к 24 декабря, хотя на оригинале ясно проставлена дата 22 декабря 1837 года.

Это письмо, равно как и предыдущие и последующие, относится к разгару «борьбы за освобождение Вариньки». Родители Варвары, считавшие ее намерение разойтись с мужем фамильным позором, принимали вместе с Н. Дьяковым всяческие меры, чтобы не допустить до такого на их взгляд «скандала», не останавливаясь перед запугиванием своей дочери, в частности угрожая отобрать от нее малолетнего сына. Чтобы не дать ее запугать, Мишель начал собирать юридические справки и спешил делиться полученными сведениями с сестрою, убеждая ее держаться твердо и не поддаваться запугиваниям.

№ 242. — Это письмо частично, отдельными небольшими отрывками биографического характера напечатано в разных местах первой части хроники, составленной А. Корниловым (т. I, стр. 33—35, 42—43, 46, 49, 54—55, 56, 63, 66, 78); но в главе о борьбе за освобождение Вариньки он почему-то о нем не упоминает. Как видно из письма Мишеля сестрам от 24 декабря, письмо к отцу писалось до конца декабря, но было ли оно закончено и отослано по назначению, неизвестно. Возможно, что до нас дошел только черновик письма (незаконченный), а оригинал был получен стариком Бакуниным и им в свое время уничтожен.

[1] Веневитинов, Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт и философ идеалистического направления, русский шеллингианец, вместе с кн. В. Ф. Одоевским основатель Общества любомудров, противников французского материализма и сторонников немецкого идеализма. Бакунин имеет в виду «Письмо к гр[афине] о философии», на самом деле адресованное княгине А. И. Трубецкой и содержавшее популярное изложение предмета и задач философии в духе немецкого идеализма послекантовской манеры.

[2] Речь идет о письме из лагеря под Красным Селом от 12 июля 1833, напечатанном в первом томе настоящего издания под № 48.

№ 244. — Бакунин неожиданно прикатил в конце декабря в Казицыно с целью привлечь на сторону Вариньки проживавшую там тетушку Анну Михайловну Бакунину, сестру отца Бакунина (Татьяна Михайловна Полторацкая тоже была его сестрой). Ему удалось добиться этой цели, как видно из следующего письма.

[1] Письмо Н. В. Станкевича к Варваре Дьяковой, о котором говорит здесь Мишель, это есть письмо от 3 ноября 1837, напечатанное в «Переписке» Н. Станкевича под № 333 (стр. 722—724).

№ 245. — [1] Настоящее письмо адресовано Татьяне Александровне Бакуниной. Сердечное письмо к отцу от 2 января 1838, о котором здесь говорит Бакунин, до нас не дошло. Но видимо оно сыграло свою роль.

№ 247. — Письмо находится в собрании Исторического музея, инвентарь № 48593, местохранение $B\frac{3}{51}36$.

Оно относится к периоду между возвращением Бакунина из Казицына в Москву и его отъездом в Шашкино к Беерам, т. е. к январю 1838 года. В. П. Боткина Бакунин ждал в это время потому, что хотел воспользоваться его практическими советами при ликвидации переданных ему драгоценностей сестры Варвары, собиравшейся за границу. Вместе с тем он хотел достать денег для Н. Дьякова, который одно время сам думал сопровождать свою жену в Карлсбад.

№ 248. — Так как по словам Бакунина он собирался провести в Шашкине неделю, а выехал он оттуда 17 или 18 февраля, то можно предположить, что из Москвы он выехал примерно 8 февраля, к каковому времени и относится приблизительно это письмо. Бакунин был тогда настолько уверен в близком отъезде своем за границу, что поспешил в орловское имение Бееров, где те тогда находились, чтобы проститься со своими друзьями перед долгой разлукой.

№ 250. — Повидимому дружеские отношения с Алексеем Беером, человеком прозаическим и не имевшим ничего общего с духовными исканиями Бакунина и увлеченных последним своих сестер, не восстановились, несмотря на это письмо Мишеля.

№ 251. — Это письмо все выцвело, и на расплывшихся строках кем-то (из семьи Бакуниных вероятно) написан новый текст, соответствующий старому. Но часть слов так и осталась неразобранной.

№ 252. — [1] Вероятно речь идет о письме Н. Станкевича к Мишелю от 9/21 февраля 1838 г. из Берлина («Переписка» Станкевича, стр. 653—658). В этом письме Станкевич советовал Бакунину жить расчетливее, не тратить денег на пустяки и намекал своему приятелю, чтобы тот не очень на него рассчитывал в смысле поездки за границу и проживания там. «Во всяком случае, — писал Станкевич, — ты теперь можешь еще меньше рассчитывать на меня. За все время моего пребывания за границею я смогу дать тебе всего две тысячи, а может быть и менее того». Не потому ли Бакунин ни слова не говорит об этом письме, пересылая его сестрам?

№ 254. — В этом письме срезаны поля, так что несколько слов нельзя разобрать.

№ 255. — Частью напечатано у Корнилова (т. I, стр. 403—404), который относит это письмо к началу марта.

[1] Гувернантка, сопровождавшая Варвару Дьякову и ее сына Сашу за границу; повидимому она была остзейского происхождения, как большинство гувернанток в помещичьих домах, и потому паспорт ей нужно было выправить в Риге.

[2] Эти письма к родителям до нас не дошли: повидимому старики их уничтожали.

[3] В это время Александра Беер воспылала страстью к Бакунину (подобно тому, как в 1836 году это сделала Наталья Беер). Эта вспышка любовной страсти была крайне неприятна Бакунину, тем более, что вскоре после того он сам на время поддался аналогичной слабости, увлекшись С. А. Муравьевой (см. ниже).

[4] Муравьев, Александр Николаевич (1792—1863) — сын основателя школы для колонновожатых, отставной полковник, один из основателей «Союза Благоденствия», был в 1826 г. сослан без лишения чинов и дворянства в Якутск, но уже с февраля 1828 снова начал служить, затем был возвращен в Россию, в 1837 был назначен архангельским губернатором, в 1856 — нижегородским губернатором, а в 1861 — сенатором. Впоследствии

радикально изменил свои взгляды, сделался весьма умеренным либералом и мистиком. Бакунин, познакомившись с ним в начале 1838, увлекся его дочерью Софьей, но это увлечение продолжалось недолго.

[5] На Белинского видимо оживляюще подействовал приезд Бакунина и В. П. Боткина, а, может быть. и ожидание постоянного заработка (10 марта он получил место преподавателя русского языка в Межевом институте).

№ 256.— Что письмо это относится к концу февраля, а не к марту 1838 г., видно из того, что в письме к Беерам от 1 марта об отъезде Н. Дьякова говорится как об уже состоявшемся факте, а в данном письме сказано, что он только собирался выехать накануне. А это дает возможность определить, о каких письмах Н. Станкевича здесь говорится. Повидимому речь идет о том самом письме от 9/21 февраля 1838, о котором мы говорили в коментарии к № 252. Нельзя допустить, чтобы Бакунин имел в виду следующее письмо к нему Станкевича из Берлина от 6/18 марта 1838 («Переписка», стр. 658 — 663), в котором Станкевич почти окончательно отказывал своему приятелю и писал: «Средства! У тебя нет ничего: начало великолепно. Постарайся иметь хоть что-нибудь. Я тебе сказал, что я могу сделать для тебя. Тебе нельзя будет сопровождать меня в Италию и Швейцарию. Это обошлось бы нам дорого. Единственное, что я, думаю, в состоянии буду сделать для тебя, это дать тебе две тысячи рублей за все время моего пребывания за границей, которое вероятно продолжится еще два года». И дальше он утешает своего приятеля тем, что он сумеет поселиться с кем-нибудь вместе, что уменьшит расходы, а там можно будет найти какой-нибудь перевод. Но в переводы Бакунин в глубине души сам мало верил, и подобного рода посулы он правильно мог считать за отказ.

Затем Бакунин получил в 1838 году от Станкевича еще два письма от 24 марта/5 апреля и от 4/16 мая. Какое из них является ответом на то новое письмо Мишеля, о котором он говорит в данном письме к сестре, неясно. В первом письме Станкевич, сообщая, что Варваре понадобится на поездку не менее 6 000, а то и все 8 — 10 тысяч рублей, если она поедет с мужем, подчеркивает, что просить у своего отца денег, обманывая его, он, Станкевич, не хочет; говорит, что с ним едет в Карлсбад Неверов, что еще уменьшает шансы Бакунина, но что тем не менее он надеется, что можно будет найти средства к «продолжению пребывания (Бакунина) за границей»; короче говоря, Станкевич довольно ясно дает понять Бакунину, чтобы тот на него не очень-то рассчитывал («видишь, я не деликатничаю»,—справедливо замечает Станкевич). Второе письмо от 4/16 мая представляет скорее записку, после которой Станкевич на целые два года прекратил переписку с Бакуниным. Из этой записки, служащей ответом на два письма Бакунина, которые до нас не дошли, видно, что Станкевич чувствовал себя неловко. Теперь он уже определенно заявляет, что Бакунины могут ждать от него только... советов («Пиши о ваших средствах, как располагаете, — хоть советом помогу»).

Кстати, если наши соображения верны, и данное письмо относится к концу февраля, то значит брат Николай Бакунин приехал в Прямухино не в марте, как говорит Корнилов, а в конце февраля (что конечно, не мешало ему находиться в начале марта в Прямухине).

№ 257. — Судя по указанию на Елизавету Ивановну (см. № 255) и на любовь к С. А. Муравьевой, это письмо относится тоже к концу февраля 1838 года.

№ 258.—Это письмо частью напечатано у Корнилова (т. I, стр. 594).

[1] Чтобы отклонить ухаживания Александры Беер, Бакунин давал ей понять, что его занимает только наука или философия; это повидимому и есть та «ревнивая жена», о которой он говорит здесь. В это время сам он увлекался Софьей Александровной Муравьевой и, сообщая об этом сестрам, просил их скрыть это от Бееров, «а то замутят».

[2] Эти портреты до нас не дошли, но зато нам известен другой портрет Гегеля, нарисованный Бакуниным, а именно тот, который он подарил сестре своей Александре и который был напечатан на странице 25 № 3/31 «Былого» за 1925 год с пояснением: «из собрания П. Е. Щеголева».

[3] Онслов, Джордж (1784—1852) — английский композитор, автор нескольких опер и симфоний, ныне забытых.

№ 259. — На оригинале нет даты: приведенная нами дата проставлена на письме повидимому А. Корниловым, с которым мы в данном случае не спорим, так как, судя по содержанию письма, дата эта приблизительно верна.

[1] Арним, Елизавета, обычно называемая Беттина (1785—1859) — представительница немецкого романтизма 30-х годов, сестра поэта-романтика Клеменса Брентано и жена романтика-писателя Людвига Иоахима (Ахима) фон Арнима. Известна больше всего своей дружбой и перепиской с Гёте и его матерью. В 1835 г. выпустила «Переписку Гёте с ребенком», доставившую ей громкую известность, в частности в кружках Бакунина и Герцена (книга посвящена романтическому культу Гёте, природы, искусства и любви). Бакунин переводил собственно не эту книгу, а дневник Беттины, приложенный к переписке. Замечательно, что, хотя перевод Бакунина напечатан не был (неизвестно даже, был ли он доведен до конца) и слух о нем не мог выйти за пределы довольно узкого кружка, Беттина все же о нем узнала, как видно из письма Н. Станкевича к Бакунину от 24 марта/5 апреля 1838 из Берлина. «M-me Arnim (Беттина), — пишет Станкевич, — интересовалась очень, кто ее перевел, и твое имя ей известно. Если тебе удастся быть в Берлине, она тебе будет покровительствовать; муж ее — министр» («Переписка», стр. 665). Впоследствии Бакунин, будучи в Берлине, познакомился с нею, но не очень сблизился. А скоро, как видно из письма его к сестре от 8/20 февраля 1843 г. (см. том III настоящего издания), Бакунин резко изменил свое мнение о Беттине и, сравнивая ее «мелкие жалкие фантазии» с великою фигурою Жорж Занд, признал ее мир «абстрактно-теоретическим», игнорирующим страдания действительности, а потому смешным и бедным.

№ 260. — Частью напечатано у Корнилова (т. I, стр. 404—406). Судя по указанию на недавнее знакомство с А. Н. Муравьевым, оно относится к началу марта 1838.

Это письмо важно в том отношении, что показывает, насколько правильно Бакунин понял мысли Гегеля о разумности действительного. Известно, что первоначально Бакунин и вслед за ним особенно Белинский истолковали соответствующие заявления Гегеля в смысле примирения со всякой существующей действительностью, в том числе и с тогдашней российской действительностью николаевской эпохи, против чего решительно протестовал радикально настроенный в политике Герцен. Особенно ярко выразил Белинский свое тогдашнее настроение в статьях о «Бородинской годовщине» в октябрьской и декабрьской книжках «Отечественных Записок» за 1839 год и в статье о Менцеле в январской книге за 1840 год («Полное собрание сочинений В. Г. Белинского» под ред. С. А. Венгерова, Спб. 1901, т. IV, стр. 338—349, 400—433 и 448—483). Крайности Белинского подействовали отрезвляющим образом и на Бакунина. Об этом свидетельствует не только неточный Герцен, но и Грановский. Последний в письме к Я. М. Неверову от 19 июля 1840 г. говорит: «Помнишь, какие гадкие, можно сказать, подлые статьи напечатал Белинский о Бородин[ской годовщине] и т. д.? Бакунин первый восстал против них, а кто внушил эти статьи? Он умнее и ловче Белинского» («Т. Н. Грановский и его переписка». Том II. Переписка Т. Н. Грановского. Москва, 1897, стр. 403). Грановский, не любивший Бакунина, выставляет здесь Белинского как жертву «нечистого влияния» Бакунина, искренность которого он берет под сомнение. Но вряд ли объяснение его верно, Бакунин одно время искренно увлекался квиетическим толкованием Гегеля, но раньше Белинского отказался от такого толкования. Как видим, уже в данном письме, относящемся к началу марта 1838, он готов дать мысли Гегеля правильное толкование и признавать действительностью в гегелевском смысле вовсе не всякую непосредственную действительность, которая на взгляд Гегеля является случайностью. Однако в предисловии к Гимназическим речам Гегеля, напечатанном в мартовской книжке «Московского Наблюдателя» за тот же год (см. ниже № 270), он снова стоит на старой консервативной позиции, на которой впрочем оставался еще долго после того.

[1] Относится ли это к получению Белинским места преподавателя в Межевом институте, или же уже в тот момент велись переговоры о переходе журнала «Московский Наблюдатель» в руки новой редакции во главе с Белинским (см. ниже)?

№ 261.—Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 320).

Трудно установить, о каком письме Станкевича к Любови Бакуниной говорится в этом проекте письма. Корнилов предполагает, что Бакунин отвечает на письмо Станкевича к Любаше от 6/18 февраля 1838 («Переписка», стр. 558—560), и правильно замечает, что «из этого письма едва ли можно было сделать выводы, подобные тем, к каким пришли Бакунин и Белинский». Но дело в том, что Бакунин повидимому отвечает на письмо от 8 марта 1838 (ibid., стр. 560—562) — надо полагать 8 марта нового стиля, как всегда вначале помечает письма Станкевич, т. е. 24 февраля старого стиля, которое могло получиться в России к началу марта, так что Бакунин мог свободно отвечать на него 8 марта. А это письмо дает гораздо больше оснований для тех выводов, которые из него сделал Бакунин, ибо оно действительно свидетельствует о некотором «разорванном» состоянии духа у Станкевича.

№ 262.—Письмо явно относится к той серии писем, которые говорят о знакомстве Бакунина с А. Н. Муравьевым и об увлечении его дочерью Софьей, т. е. к началу марта 1838. Оно характерно подчеркиванием общественного момента в настроениях Бакунина. Ефремова, незадолго до того женившегося и охладевшего к идейно-общественным интересам, Бакунин осуждает, заявляя уверенно, что уж он-то никогда не позабудет «общего своей жизни для прекрасного частного».

№ 263.—Частично напечатано у Корнилова (т. I, стр. 416—417).

[1] Речь идет о переводе «Дневника» Беттины фон Арним, который Бакунин собирался издать со своим предисловием (см. выше коментарии к № 209). Этот план не осуществился.

[2] Со времени закрытия «Телескопа» Белинский оставался без журнала и сильно страдал от этого материально и духовно. К рассматриваемому моменту типограф Степанов купил журнал «Московский Наблюдатель», издававшийся группою реакционных московских националистов под главенством С. Шевырева, и фактически передал его в руки Белинского, который поспешил привлечь туда своих друзей, в том числе В. Боткина, М. Бакунина и др. К кружку, группировавшемуся вокруг обновленного «Моск. Наблюдателя», принадлежали также К. С. Аксаков, М. Катков, поэт Кольцов, П. Н. Кудрявцев, бывший тогда еще студентом (см. Барсуков — «Жизнь Погодина», т. V, стр. 145). Первая книжка журнала под новой редакцией вышла в конце апреля 1838 г.

[3] Речь идет о «Предисловии к Гимназическим речам Гегеля» (см. ниже № 270).

[4] Имя Бакунина впервые появлялось под оригинальной статьей. Но в печати оно появилось уже до того, а именно им был подписан перевод лекций Фихте «О назначении ученых» в «Телескопе» 1835 г., т. XXIX.

№ 267.—Трудно с точностью установить как дату, так и адресатов этого письма. После долгих размышлений мы решили, что оно написано не сестрам, а А. и Н. Беерам, и что относится оно к марту 1838, при чем истолковываем его в том смысле, что в нем речь идет об увлечении Бакунина Софьей Муравьевой, о котором как-то узнали сестры Беер. Но оно может быть также легко обращено к родным сестрам Бакунина и трактовать об увлечении его Марией Воейковой, и тогда оно относилось бы к апрелю 1833. Вопрос могла бы решить фраза о познании Бакунина целиком и наполовину, но нам не удалось ее найти в дошедших до нас письмах.

№ 268.—Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 407—410).

Как видно из этого письма, чувство Бакунина к С. А. Муравьевой не оказалось особенно прочным, а скоро оно и совсем прошло.

[1] Каким образом Бакунин мог сочинять письмо о своей любви к М. А. Воейковой (а только о ней может здесь итти речь) в 1833 году вместе с братом Николаем, совершенно непонятно. Здесь какая-то ошибка памяти у Бакунина.

[2] Из названных Бакуниным статей появились только предисловие к Гимназическим речам Гегеля в мартовской книжке «Московского Наблюдателя» 1838 и одна статья о философии в «Отечественных Записках» 1840 (вторая часть этой статьи до сих пор не увидала света, и мы впервые печатаем ее в настоящем томе под № 371). Предисловие к Беттине в том виде, в каком оно дошло до нас (см. № 299), ничуть не соответствует обещаниям Бакунина.

[3] Надо полагать, что восторженные советы Бакунина братьям изучать историю древних навеяны были ему Гимназическими речами Гегеля, которых перевод, им сделанный, печатался в то время в ближайшей книге «Московского Наблюдателя». Вот что говорится на эту тему в первой же речи Гегеля: «Дух и цель нашего заведения заключается в приготовлении к ученому званию, в приготовлении, построенном на основании греков и римлян. Это есть почва, на которой в продолжение нескольких тысячелетий стоит все наше просвещение, из которой оно выросло и с которою находится в беспрестанной и неразрывной связи... Все искусства и науки выросли на этой почве, и хотя впоследствии они и приобрели самостоятельность, но не могли освободиться от воспоминания этого древнего образования. И как силы Антея возобновлялись от прикосновения к матери его, земле, так же точно и всякое новое движение и усиление науки и образования всегда вытекали из возвращения к древнему миру» («М. Н.», цит. книжка, стр. 23 — 24). Дальше Гегель рекомендует основательно изучать древние языки и особенно грамматику, каковому совету Бакунин пытался последовать.

[4] Илья Бакунин избрал военную карьеру.

[5] Повидимому письмо Н. Станкевича Любови Бакуниной из Берлина, датированное 29 марта н. ст. («Переписка», стр. 562 — 565).

№ 270. — Первая оригинальная статья М. Бакунина появилась в первой мартовской книжке журнала «Московский Наблюдатель» 1838 (часть XVI, год четвертый, стр. 5 — 21). Цензурное разрешение на выпуск этой книжки датировано 11 апреля 1838, а вышла она, судя по письму В. Белинского И. И. Панаеву от 26 апреля («Письма», т. I, стр. 184), не раньше конца месяца. Мы датируем статью цензурным разрешением, хотя сознаем, насколько это неточно.

Статья написана по поводу речей, произнесенных в числе пяти Гегелем в качестве директора Нюренбергской гимназии на годичных актах. Из этих речей Бакуниным переведено было три, из которых две были напечатаны в обеих мартовских книжках журнала. В той книжке, где помещено предисловие Бакунина, напечатана речь Гегеля от 29 сентября 1809 года, а во второй мартовской книжке другая речь без даты, но по содержанию явно та, которая была произнесена Гегелем 14 сентября 1810 г.

Ничего особенного эти казенные речи философа не представляют. Это — обычные официальные декларации, лишенные серьезного содержания и проникнутые духом типично монархического сервилизма. Зачем понадобились они Бакунину, непонятно: и без них он мог бы развить те мысли, какие он вложил в свое предисловие. Возможно даже, что если бы он избрал для перевода какое-либо другое более серьезное произведение Гегеля, то от этого его предисловие только выиграло бы. В настоящем своем виде оно свидетельствует о том, что в тот момент Бакунин понимал Гегеля в самом ограниченном и консервативном виде, так, как толковал свою систему сам ее основатель, когда выступал перед внешним миром, особенно официальным, и как в частности высказывался в этих казенных речах на публичных актах «вверенной» ему гимназии. Бакунин говорит в своем предисловии не столько о познании и понимании действительности, сколько о подчинении ей и о примирении с нею, при чем на место разумной действительности Гегеля незаметно подставляет непосредственную, фактическую, ограниченную и «случайную» действительность, «существующее», монархический режим во Франции и Германии (осуждая за борьбу с ним «Молодую Германию») и в России (скрыто осуждая еще непозабытых прогрессивными элементами общества декабристов). Диалектического понимания действительности Бакунин не обнаруживает в этом предисловии ни грана. Он не усматривает в ней самой никаких проти-

воречий, никакой внутренней борьбы, никакого развития путем противоположностей и в сущности не видит не только никаких опирающихся на саму действительность революционных путей, но даже и эволюционных возможностей. Бакунин строго осуждает рационализм просветителей XVIII века, изрекает суровый приговор над материализмом, всякую политическую и социальную оппозицию объявляет болезнью века, пустою претензиею на гениальность, бессмысленною болтовней. Такая философия, одно время усвоенная под влиянием Бакунина и В. Белинским, отвечала настроению определенных кругов российской интеллигенции, навеянному поражением декабристов и реакцией николаевской эпохи. Эта группа хотела открыть в самой действительности элементы, оправдывавшие ее стремления, но не нашла их и потому так легко приняла консервативное толкование гегелианства, от которого впоследствии отказалась.

Н. Г. Чернышевский в «Очерках Гоголевского периода» («Соч.», т. II, стр. 183 сл.) называет эту статью Бакунина «программою» обновленного журнала.

[1] Заимствовано из стихотворения В. А. Жуковского «Теон и Эсхин».

[2] Кант, Иммануил (1724—1804) — немецкий ученый и философ, основатель «критической философии» или, лучше сказать, критического идеализма. Главные его сочинения: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Естественная история и теория неба».

О Фихте см. т. I, стр. 459.

Якоби, Фридрих Генрих (1743—1819) — немецкий философ-идеалист, в конце-концов признавший, что последовательная философия приводит к отрицанию религии, а потому отвергший философию ради чувства, которое якобы подсказывает человеку веру в бога и мораль.

Вольтер, настоящая фамилия Аруэ, Франсуа Мари (1694—1778) — французский писатель и философ, один из наиболее блестящих представителей просветительной философии XVIII века, скептик, эмпирик, выразитель идей либеральной буржуазии, борец против деспотизма и христианства.

Руссо, Жан Жак (1712—1778) — французский писатель радикального направления, один из самых влиятельных представителей просветительной философии, разоблачитель извращений, созданных буржуазно-помещичьим обществом и частной собственностью; автор «Общественного договора».

Дидро, Денис (1713—1784) — французский философ, самый замечательный представитель материализма XVIII века, главный редактор «Энциклопедии», объединявший в своем лице таланты ученого, художественного критика, мыслителя, беллетриста, публициста и пр., величайший из просветителей. На русском языке избранные его сочинения изданы в трех томах Институтом Маркса и Энгельса.

Даламбер, Жан (1717—1783) — член группы французских просветителей и активный участник «Энциклопедии», математик по специальности, в борьбе между идеализмом и материализмом державшийся середины.

[3] Декарт, Рене (1596—1650) — французский математик и философ, положивший основание с одной стороны идеалистической теории познания, а с другой — естественно-научному материализму. Спиноза был его последователем.

Мальбранш, Николай (1638—1715) — французский философ, преемник Декарта, развивавший преимущественно идеалистическую сторону его учения и дошедший в этом отношении до крайнего идеализма в области познания.

[4] Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852) — русский поэт-романтик, преимущественно переводчик иностранных поэтов. В политическом отношении выразитель взглядов реакционной придворной и помещичьей аристократии, враждебно относившийся поэтому ко всякому проявлению революции, противник материализма и просветительной философии XVIII века, проводивший в своих писаниях идеи покорности и христианского смирения.

№ 273.—В конце апреля 1838 Бакунин приехал в Прямухино и оставался там повидимому до середины июня, когда на время уехал в Москву.

№ 275.— Судя по указанию на намерение Александры Беер прислать

Мишелю свой псалтырь, это письмо могло бы быть отнесено к февралю 1838, так как об этом намерении говорится в письме А. Беер от 18 февраля 1838 (см. А. Корнилов, т. I, стр. 594). Но так как в Прямухино Бакунин попал не раньше конца апреля, то ясно, что письмо это относится к началу мая.

№ 276.— Письмо написано непосредственно после отъезда Варвары Дьяковой из Прямухина, следовательно относится к маю 1838.

№ 277.— Первые десять строк этого письма напечатаны у Корнилова (т. I, стр. 584).

Родные провожали Варвару до Торжка, а дальше она поехала в Петербург в сопровождении своего мужа Н. Дьякова. С нею уехали сын Саша и его гувернантка-немка Елизавета Ивановна.

№ 278.—[1] Брат Николай (Бакунин) жил в Петербурге, откуда должна была отправиться за границу Варвара.

[2] «Московский Наблюдатель», в 1-й мартовской книжке которого напечатано было предисловие М. Бакунина к Гимназическим речам Гегеля (см. выше № 270).

№ 280.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Дата письма устанавливается двумя указаниями: 1) мать Бакунина с двумя дочерьми находилась в Москве в середине июня (они ездили провожать уезжавшую за границу Варвару); здесь они и познакомились с В. П. Боткиным, результатом какового знакомства и явился роман Боткина с Александрой Бакуниной; 2) Любовь Бакунина в это время умирала в Прямухине от туберкулеза, а так как местные врачи не внушали ее родным особенного доверия, то Мишель решил вызвать в Прямухино П. П. Клюшникова, брата поэта И. П. Клюшникова, члена станкевичевского кружка. П. П. Клюшников приехал в Прямухино в начале июля. На этом основании мы относим данное письмо к середине июня 1838 года.

[1] Бакунин знал, что семья его встретится в Москве с В. Боткиным, и потому уверенно отсылал Ефремова к нему для разузнания адреса.

[2] Судя по этим словам, Ефремов прежде ухаживал за Любашею.

[3] Как видно из следующего письма, Мишель в это время начал помаленьку входить в интересы отцовского хозяйства; но далеко в этом отношении он не ушел и скоро забросил неподходившее ему занятие.

[4] Приехали в июле в Прямухино кроме Ефремова Белинский, Лангер и Боткин. Ефремов присутствовал при смерти Любаши.

№ 281.— Мать Бакунина с дочерьми Татьяной и Александрой уехала в Москву. Так как здоровье Любови Бакуниной шло все время хуже и хуже, то кроме тверского врача Цирга решено было пригласить к ней московского врача П. П. Клюшникова, брата поэта И. П. Клюшникова, приятеля Н. Станкевича. Белинский с своей стороны горячо содействовал поездке П. Клюшникова в Прямухино. Результат получился совершенно неожиданный: эта поездка способствовала ссоре Бакунина с Белинским (см. ниже).

№ 282.— Первые строки этого письма упоминаются у Корнилова (т. I, стр. 559). Речь идет несомненно о том портрете, который сохранился и напечатан в первом томе Корнилова. Мы также приводим его в первом томе нашего издания. Молодой Бакунин представлен на этом портрете с чубуком в левой руке и с книгою в правой. На книге написаны столь часто цитируемые Бакуниным стихи Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы (Бакунин часто вместо «свободы» говорил «любви»), кто каждый день их должен с бою брать». Внизу портрета слева написано по-французски: «Наталье и Александре», а справа: «Как я не докончен, так и портрет мой не окончен. 1838 года, 14 мая. Прямухино» (у Корнилова на стр. 559 первого тома эта надпись приведена неточно: он заимствует приводимые им слова не с надписи на портрете, а из письма к сестрам Беер, при котором портрет препровождался).

№ 283.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

№ 284.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

№ 287.— На какое письмо Белинского отвечает здесь Бакунин, неизвестно. Сам Белинский в письме от 12/24 октября 1838 года («Письма», т. I, стр. 299) говорит о своей «первой длинной диссертации», написанной после смерти Любови Александровны Бакуниной, последовавшей 6 августа

1838 г. Затем он упоминает еще о двух столь же больших письмах («диссертациях»), написанных вслед за первым. Но из этих трех «диссертаций» до час дошла повидимому только одна, датированная 10 сентября 1838 года и напечатанная на стр. 227—255 цитируемой книги. Корнилов (т. I, стр. 443) думает, что это и есть третья «диссертация», но, судя по ее содержанию, точнее по ее началу, Корнилов ошибается, и мы не знаем, является ли она первой, второй или третьей.

Самый отрывок заимствован нами из ответного письма Белинского от 12 октября 1838 («Письма», т. I, стр. 299). Оригиналы писем Бакунина к Белинскому, как мы указывали в предисловии к первому тому настоящего издания, до сих пор не найдены.

Что касается ссоры Бакунина с Белинским, то ее действительные причины или, лучше сказать, поводы к ней до сих пор точно не установлены. Познакомились они, по указанию Белинского, в 1836 г. (Белинский—«Письма», т. I, стр. 284), но возможно, что это неверно, и что они познакомились уже в конце 1835 г., так как в письме Станкевича к Бакунину от 4 ноября 1835 г. сказано, что Белинский видел Бакунина у Станкевича и хочет с ним душевно познакомиться («Переписка», стр. 580). Если верить Белинскому, то сначала Бакунин ему не понравился, но затем они сблизились, и Белинский скоро подпал под влияние нового друга, посвящавшего его в тайны фихтеанства, а затем гегелианства. Это влияние усилилось после посещения Белинским Прямухина летом 1836 г. В своих письмах от 1837 и 1838 Белинский много говорит об этом влиянии, признавая его благотворным. Но авторитет Бакунина был слишком тяжек для такой свободолюбивой натуры, как Белинский, который впоследствии писал ему: «Я стонал под твоим авторитетом». Бакунин требовал от своих друзей полного единомыслия и согласия по всем пунктам. Недоразумения между ним и Белинским начались еще с весны 1838 г. Бакунин был недоволен тем, что друг его принял место преподавателя в Межевом институте, усматривая в этом какой-то компромисс. Еще больше испортились их отношения в связи с переходом в руки их кружка журнала «Московский Наблюдатель». Повидимому Бакунин хотел играть в журнале первую роль, считая себя главою кружка, а так как фактически ее играл Белинский, стоявший как литератор гораздо выше Бакунина, то последний повел агитацию среди приятелей в том смысле, что Белинский не способен редактировать журнал вследствие недостатка «объективного наполнения». «Я почувствовал,— пишет Белинский в письме от 12 октября 1838 («Письма», т. I, стр. 294),— что против меня образуется сепаратная коалиция, что обо мне начинаются толки и пересуды, что моя особа подвержена анализу. Месяцем раньше это меня зарезало бы; но во мне уже совершился великий процесс духа, и я в первый раз сознал свою силу, самобытность и действительность (с в о ю, Мишель). Ты приходишь ко мне и объявляешь, что [мы] не имеем права писать и печататься по недостатку объективного наполнения и действительности, а главное потому, что ни один из нас не может определить ни музыки, ни поэзии так, чтобы после нас никому не осталось об этом сказать ни слова. Но ты поздно пришел ко мне с этими идеями и не расчел, что они могли быть истинны только для тебя, как выражение твоего моментального состояния; моя диалектика была слаба перед твоею, но во мне были уже слишком сильны, глубоки и д е й с т в и т е л ь н ы некоторые убеждения, и я делал свое без помехи, с жаром и энергиею, нимало не чувствуя влияния твоих построений». Бакунин старался восстановить против Белинского не только Боткина, но и К. Аксакова. Белинский предлагал Бакунину честное объяснение (см. недатированное письмо, повидимому относящееся к концу апреля 1838 г., до отъезда Бакунина в Прямухино, и напечатанное в т. I «Писем» Белинского, стр. 185—188), которое повидимому состоялось, но уже не повело к восстановлению прежних дружеских отношений. Как видно из письма Белинского к Бакунину от 20 июня того же года (ib., стр. 188 сл.), Бакунин думал тогда, что у него с Белинским все кончено, и что они разошлись навсегда. Из Прямухина Бакунин написал письмо Боткину, в котором выражался в таком духе. Белинский это письмо читал (повидимому 16 июня), и оно подействовало на него отрез-

вляющим образом. В этот день он освободился от бакунинского авторитета, «почувствовал свое освобождение». Но под влиянием встречи в середине июня в Москве с сестрами Бакунина, в одну из которых (Александру) он был влюблен, Белинский снова почувствовал нежность к их брату и написал ему дружеское письмо от 20 июня. Таким же тоном проникнуто и письмо от конца июля, от которого до нас дошел только отрывок (ib., стр. 201 сл.).

В июле 1838 Белинский снова побывал в Прямухине, где оставался до конца месяца. Между приятелями продолжала царить холодность. По возвращении в Москву Белинский продолжал часто писать Бакунину в дружеском тоне, но, как он позже сам признавал, «первая (их) полемическая переписка была не кончена, а только прервана внешним образом. Мира не было; а только перемирие, наскоро сделанное». Полемика возобновилась после смерти Любови Бакуниной. Белинский написал Бакунину «длинную диссертацию» и получил в ответ то письмо, отрывок из которого, повторенный Белинским в своем письме к Бакунину от 12 октября 1838, мы и приводим под № 287. С этого момента начинается между ними обмен раздраженными и ругательными письмами, которые к концу 1838 года привели к полному разрыву (см. ниже коментарий к № 291).

№ 288.— Любовь Бакунина умерла 6 августа 1838 года. Смерть ее особенно сильно подействовала на Белинского, который откликнулся на нее двумя трогательными письмами к Бакунину от 13 — 14 и 16 — 17 августа («Письма», т. I, стр. 213 — 221 и 221 — 227; конец первого письма см. у Корнилова, т. I, стр. 693—697). На самого Н. Станкевича смерть его бывшей невесты не произвела особенно сильного впечатления, как видно по письму его к брату своему Ивану от 20 октября — 1 ноября 1838 из Берлина («Переписка», стр. 185), по письму к Белинскому от того же числа (ib., стр. 417) и письму к Варваре Дьяковой от 3 ноября 1838 г. (ib., стр. 722 сл., по ошибке датированному там издателем 1837).

№ 289.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Вскоре после смерти Любови Бакуниной Ефремов, находившийся тогда в Прямухине, выехал обратно в Москву вместе с братьями Бакунина.

№ 290.— Дата письма устанавливается первыми его строками; это — ответ на первое письмо Варвары, посвященное смерти Любаши; следовательно оно может относиться к концу августа — началу сентября, считая время, необходимое на получение Варварою известия о смерти сестры и на получение в Прямухине ее ответа на это сообщение.

[1] Эти строки заимствованы Бакуниным из стихотворения В. А. Жуковского «Теон и Эсхин». Бакунин вообще любил это стихотворение, усматривая в нем выражение рассудительного примирения с действительностью. В таком смысле Бакунин цитирует это стихотворение и в своей статье — предисловии к Гимназическим речам Гегеля (№ 270).

[2] Речь идет о дипломатическом конфликте, вспыхнувшем между Францией и Швейцарией в 1838 году. Претендент на французский престол принц Луи Бонапарт (впоследствии император Наполеон III) после своей попытки государственного переворота в Страсбурге уехал в Швейцарию под предлогом прощания с умиравшей матерью, а затем поселился там на жительство. Правительство Луи Филиппа нотою от 2 августа потребовало его высылки из Швейцарии, но кантон Тургау, где тот поселился, не пожелал изгнать его. Федеральный сейм также отклонил требование французского правительства. Последовали угрозы и подготовка к войне с обеих сторон: французские войска двинулись к швейцарской границе, а Швейцария приготовилась к сопротивлению. Но вследствие добровольного отъезда Луи Бонапарта из Швейцарии дело закончилось мирным исходом.

№ 291.— Подобно отрывку под № 287 мы и этот отрывок из письма Бакунина к Белинскому принуждены заимствовать из ответного письма Белинского от 12—24 октября 1838 («Письма», т. I, стр. 279, 280, 281). Как видно из указания Белинского (ib., стр. 282), это письмо Бакунина состояло из 15 листов (сам Бакунин говорит о 21 листках, см. № 297), до нас же дошло из него всего полстранички, да и то благодаря цитатам Белинского; отчасти письмо это излагается Белинским, отчасти же о содержа-

нии его можно судить по ответам Белинского. Повидимому это большое письмо Бакунина — не то же самое, что ругательная «записка с копиею», о которой говорит Белинский ниже и которая привела неистового Виссариона в такое исступление. Эта записка была вероятно небольшою и не могла занимать 15 листов (ведь эту цифру можно понимать как 60 страниц). Впрочем на стр. 305 Белинский сам отличает эту записку от огромного письма. Эта записка была написана в ответ на третью «диссертацию» Белинского (см. коментарий к 287). Вот как выражается Белинский об этой записке, поясняя причины своей откровенности в третьей «диссертации»: «Кроме прочих и многих причин, побудивших меня на подобную откровенность, было еще и желание узнать, сделать последний и удовлетворительный опыт: друзья ли мы или только играем комедию и фразами заменяем дело, а комедия и фразы мне уже крайне надоели и опротивели. И что же? Вдруг я получаю ругательную, насмешливую записку, написанную вместо чернил слюною бешеной собаки, упитанную желчью, злобою, всеми гадостями, до которых в состоянии унизиться дух человеческий. В этой записке всё прошедшее было отринуто, сознано комедией, фарсом, обманом» («Письма», т. I, стр. 300).

В ответ на эту записку Бакунина и на его письмо, отрывок из которого мы приводим под № 291, Белинский разразился посланием, которое он писал в течение почти двух недель, с 12 по 24 октября, и писал так, как только он умел, кровью сердца и соком нервов, так что к концу письма даже «сделался болен» (стр. 307). Это письмо, вошедшее в историю нашей культуры наравне с величайшими произведениями нашей литературы, занимает в первом томе «Писем» Белинского три печатных листа большого формата (стр. 259—307) и неоднократно цитировалось в нашей литературе (А. Пыпиным в его книге о Белинском, А. Корниловым в первом томе его семейной хроники Бакуниных, нами в книге о Бакунине и т. д.). Здесь рассказана вся история взаимоотношений между Белинским и Бакуниным (разумеется так, как это представлялось в тот момент Белинскому), влияния их друг на друга, причин, вызвавших среди них сначала размолвку, а затем и прямую вражду, наконец указаны те непосредственные поводы, которые обусловили новую вспышку полемики между недавними друзьями (мы не касаемся здесь их разногласий по поводу отношения к действительности).

Доктор П. П. Клюшников, побывав в Прямухине, куда он был вызван для лечения Любови Бакуниной, был неприятно поражен деланостью, взвинченностью и неестественностью сестер Бакуниных и не без основания приписал эти черты барышень влиянию Мишеля и его мистико-религиозной проповеди. Как врач П. Клюшников кроме того понял, что здесь играли немалую роль также пол и возраст девиц, находившихся в брачной поре и погруженных благодаря влиянию брата в вечное напряженное умничанье, убивавшее их естественные порывы и живое чувство. Он не скрыл своих наблюдений сперва от матери Бакунина (которая при этом горько жаловалась ему на то, что Мишель своей пропагандой восстановил дочерей против нее), а затем и от Белинского и Боткина. Белинский находился сам тогда в таком настроении, что признал доводы П. Клюшникова совершенно правильными, по крайней мере в основном. По возвращении в Москву П. Клюшников написал матери Бакунина письмо, в котором вошел в обсуждение внутренней жизни бакунинской семьи, явно порицая при этом то болезненное направление, которое она там получила. Это естественно не могло понравиться Мишелю, который написал по этому поводу резкое письмо П. Клюшникову. Последний впрочем ему не ответил, так как, по объяснению Белинского (ib., стр. 261), увидел в письме Бакунина желание поучать его правильным взглядам на жизнь, он же «ни в чьих советах не нуждается и хочет жить просто, чтобы прожить лет со сто». Одновременно Бакунин обрушился и на Белинского, подозревая последнего в комплоте с П. Клюшниковым и в посылке последним письма В. А. Бакуниной-старшей с ведома Белинского (от чего последний энергично отрекался, хотя в письме его от 10 сентября содержится много мыслей, если не навеянных П. Клюшниковым, то во всяком случае с ним солидарных). По существу же Белинский в весьма мягкой и

осторожной, но оттого не менее решительной форме повторял свои и клюшниковские обвинения против барышень Бакуниных, хотя и приписывая их недостатки, ломанье и умничанье влиянию Мишеля. «Несмотря на то, — писал Белинский (ib., стр. 262), — что ты называешь моими предубеждениями против них, они по-прежнему остаются для меня святым. Если я приписал им (истинно или ошибочно) нечто призрачное, недостойное их, то причину этого нашел в тебе, а все святое, прекрасное приписал их дивной субстанции и божественной непосредственности». Трудно было яснее осудить все направление прямухинского кружка с его искусственной экзальтацией, повышенной нервностью, чуть ли не истеричностью, с его рефлексией, мелочным самоанализом и залезанием в чужую душу, с копанием в собственном и чужих сердцах, с ненатуральным умничаньем и кривлянием, чем это сделал Белинский в своих письмах. Это уже было смертным грехом в глазах Бакунина. Но еще более тяжело на него должны были действовать беспощадные критические замечания Белинского насчет его, Мишеля, личных недостатков, и эти замечания должны были тем больнее бить по нему, что одновременно с ними его безжалостный критик отмечал все положительные с его точки зрения качества Бакунина.

Даже в разгар ссоры искренний Белинский писал Бакунину: «Всегда признавал и теперь признаю я в тебе благородную львиную природу, дух могущий и глубокий, необыкновенное движение духа, превосходные дарования, бесконечное чувство, огромный ум; но в то же время признавал и признаю: чудовищное самолюбие, мелкость в отношениях с друзьями, ребячество, легкость, недостаток задушевности и нежности, высокое мнение о себе насчет других, желание покорять, властвовать, охоту говорить другим правду и отвращение слушать ее от других. Для меня эти противоречия представляют единое целое, одного человека. Ты — богатое соединение самых прекрасных элементов, которые еще находятся в брожении и требуют большой разработки. Не мертвый абстракт, не логический труп, а олицетворенная философия Спинозы: ты пламенеешь неистощимою любовью к богу, но богу как субстанции всего сущего, как к общему, оторванному от частных явлений, и еще никогда не любил ты субъекты и образы индивидуальные. Как в индийском пантеизме живет один Брама, все рождающий и все пожирающий, и частное есть жертва и игрушка Брамы — тени преходящие, так и для тебя идея выше человека, его образ мысли выше его непосредственности, и ты приносишь его в жертву всерождающему и всепожирающему Браме своему». И дальше: «Сила, дикая мощь, беспокойное, тревожное и глубокое движение духа, беспрестанное стремление в даль без удовлетворения настоящим моментом, даже ненависть и к настоящему моменту и к себе самому в настоящем моменте, порывание к общему от частных явлений, — вот твоя характеристика; к этому надо еще присовокупить недостаток задушевности (Gemütlichkeit), нежности, если можно так выразиться, в отношениях с людьми близкими тебе... Не подумай, чтобы я отрицал в тебе любовь; нет, я знаю, в сокровенной глубине твоего духа скрыт неиссякаемый источник любви; но эта любовь пока еще устремлена на абсолют как на субстанцию, а не на явления. Твоя кровь горяча и жива, но она (если можно употребить такое сравнение) течет у тебя не в жилах, а в духе твоем». Признавая, что у них есть что-то общее, а именно разрушительный элемент, Белинский все же подчеркивает, что весь подход к людям и вещам у них различный и что он, Белинский, не умеет иначе назвать своего чувства к Бакунину, как «любовью, которая похожа на ненависть, и ненавистью, которая похожа на любовь».

Белинский думал, что этим обменом писем дружеские отношения между ним и Бакуниным порваны навсегда. Недаром он озаглавил свое письмо от 12—24 октября 1838 цитатою из Пушкина: «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя». В письме к Н. Станкевичу, которое в собрании писем Белинского датировано «октября» без указания дня, а издателем помечено датою «начало октября» (явно ошибочною, ибо свое резкое письмо Белинский начал писать только 12 октября, получив от Бакунина большое ругательное письмо), но во всяком случае относится к рассматриваемому

времени решительной ссоры, Белинский говорит: «С Мишелем я совершенно разошелся. Уважаю его, но любить не могу. Много пользы сделало мне его знакомство, но наша дружба была призрак, потому что не выработалась из жизни, а вышла из отвлеченных понятий об общем». И дальше он сообщает о происшедшей в нем великой перемене, о том, что он наконец понял то, что Станкевич в свое время называл простотою и нормальностью, и хвалит Станкевича за то, что он всегда «носил в душе... живую потребность выхода в простую, нормальную действительность» (ib., стр. 258). Вскоре после цитированного выше письма своего к Бакунину от 12—24 октября Белинский в письме к Н. Станкевичу от 8 ноября 1838 снова возвращается к своему конфликту с Бакуниным. «Меня, — говорит он, — напугали философиею, во имя ее меня хотели уверить, что я — пошляк, ничтожный человек, потому только, что моя кровь горяча, а сердце требует любви и сочувствия». И дальше: «С Мишелем я расстался. Чудесный человек, глубокая, самобытная, львиная природа, — этого у него нельзя отнять, но его претензии, мальчишество, офицерство, бессовестность и недобросовестность — все это делает невозможною дружбу с ним. Он любит идеи, а не людей, хочет властвовать своим авторитетом, а не любить. С весны я пробудился для новой жизни, решил, что каков бы я ни был, но я — с а м п о с е б е, что ругать себя и кланяться другим на свой счет — глупо и смешно, что у всякого свое призвание, своя дорога в жизни и пр. Ему это крайне не понравилось, и он с удивлением увидел, что во мне самостоятельность, сила, и что на мне верхом ездить опасно — сшибу да еще копытом лягну. Началась борьба перепискою. Он был изранен, выслушал горькие истины, выраженные энергическим языком. Примирился. После этого-то я был в Прямухине. После опять война. Он опять с миром, а я пишу ему, что прекраснодушные и идеальные комедии мне надоели. Спор о простоте играл тут важную роль. Я ему говорил, что о боге, об искусстве можно рассуждать с философской точки зрения, но о достоинстве холодной телятины должно говорить просто. Он мне ответил, что бунт против идеальности есть бунт против бога, что я погибаю, делаясь добрым малым в смысле bon vivant et bon camarade * и пр. А я только хочу бросить претензии быть великим человеком, а хочу со всеми быть как все». Дальше Белинский касается вопроса о сестрах Бакунина: «те чудные существа высшей человеческой и женственной природы, оне теперь хлопочут об мысли, не доверяют своему непосредственному впечатлению в наслаждении музыкою и поэзиею, советуют всем молодым людям заниматься объективным наполнением, преимущественно философиею... Что? Как тебе это покажется?.. Простое, живое чувство, задушевность, преданность человеческим интересам т а м уже не много значат и мало ценятся: т а м требуют мысли, знания и вздыхают о мысли и знании, без которых (для них!!!) нет любви, нет жизни. Я Мишеньке все и расписал откровенно и энергически. Он взбесился и прислал мне в ответ анафему; я не струсил и повел дело так, что он растерялся, стал противоречить себе и запросил мира. (NB: так как соответствующие письма Бакунина до нас не дошли, то мы лишены возможности судить о том, насколько точно и, главное, объективно Белинский передает их содержание; во всяком случае указание на то, что Бакунин запросил пардону, возбуждает в нас некоторые сомнения. В субъективной честности Белинского никто не может сомневаться, но весь вопрос в том, к а к он воспринимал смысл полемики. — *Ю. С.*). Действительность вытанцовалась и колотит его нещадно. Ото всех, даже от Петра Клюшникова, он услышал то же, что от меня». А затем Белинский сообщает, что с Шиллером он совсем рассорился, что героинь его не жалует, и что как поэт Шиллер перестал для него существовать (ib., стр. 308—310).

Замечательно, что когда через полгода Белинский вновь вернулся к этой теме, он заговорил о ней совершенно другим языком. В письме к Н. Станкевичу от 19 апреля 1839 Белинский писал: «В последнем письме моем я обещал тебе описать подробно всю мою ссору с Бакуниным. Я было и думал приняться за него, но каково было мое изумление, когда, взявшись

* Забулдыги и рубахи-парня.

за перо, увидел, что ссоры не было, что я не знаю, за что я ссорился и за что сердился на этого человека. Все дело было в том, что у нас никогда не было дружбы, потому что природы наши враждебно противоположны... Время есть поверка всех склонностей, всех чувств, всех связей — действительность стала вытанцовываться, а мы принялись грызться, а когда перегрызлись, то увидели, что совсем не из чего было грызться, и как умные люди теперь разошлись мирно, с уважением друг к другу. В Бакунине много дурных сторон: дружба простила бы его за них, но я не был его другом и потому теперь считаю себя в праве говорить только о хороших его сторонах, которых он тоже очень не чужд» (ib., стр. 317).

Итак о возобновлении старой дружбы, которую Белинский в последнем письме так же решительно отрицает, как это, по его словам, сделал Бакунин в злой записке от сентября 1838 (что в то время Белинского глубоко возмутило), уже не могло быть речи. Теперь дело могло заключаться только в установлении так наз. корректных отношений, не согретых внутренней симпатией. Так и ставит вопрос Белинский в письме к Бакунину от лета 1839. Там он, признав причины ссоры вздорными, продолжает: «Забудем прошедшее, и пусть оно останется для нас не больше как уроком для настоящего и будущего. Наши с тобою отношения не должны так детски разорваться — они должны продолжиться с той минуты, в которую мы с тобой обнялись и поцеловались в доме Беер в твой последний приезд. Мы — не друзья и даже не близкие приятели, но нам не за что ненавидеть друг друга и дичиться, и смешно говорить *вы*... Благословим прошедшее, оставим друг друга в покое и будем встречаться без ненависти и холодности... Готов встретить тебя с удовольствием везде — у тебя, у себя, у Боткина» (ib., стр. 320 — 321).

Наконец в письме к Н. Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 Белинский повторяет все свои прежние соображения об отношениях между ним и Бакуниным и констатирует, что для прежней задушевной дружбы нет более места, но что приятельские отношения между ними вполне возможны (ib., стр. 352).

№ 292.— Об этом письме Корнилов только упоминает (т. I, стр. 645).

[1] Здесь Бакунин имеет в виду письмо к нему Белинского от 10 сентября 1838. Шиллер в этом письме назван «фразером в большей части своих произведений», хотя и прибавлено «не будучи фразером», но ведь относительно первого периода деятельности Шиллера (а она пожалуй наиболее важная) то же самое писал о нем в своей статье Бакунин. Насчет чувства и ума в женщине Белинский в этом письме действительно говорил пошлости, но он просто неудачно выразил здесь свой протест против того жеманничанья и рефлектирования, которые развил в своих сестрах Бакунин и которые должны были неблагоприятно действовать на всякого свежего человека (вроде П. Клюшникова).

№ 293.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

№ 294.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Бакунин с таким нетерпением ждал ответа Ефремова потому, что боялся, как бы тот по примеру некоторых других общих приятелей его и Белинского не принял сторону последнего в произошедшем между ними конфликте. Оправдываться и объяснять смысл происшедшего Бакунин не хотел, считая, что в таких случаях объяснения ни к чему не приводят, и что здесь должен говорить в каждом внутренний голос. Его опасения в данном случае оказались неосновательными: Ефремов не перешел в лагерь его врагов, о чем Бакунин скоро узнал из письма своего приятеля (см. № 296).

№ 296.— Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

[1] Радость Бакунина при получении долгожданного письма Ефремова объяснялась тем, что из него он мог узнать об отказе своего приятеля примкнуть к лагерю сторонников В. Белинского в разгоревшемся между бывшими друзьями споре. Эта радость Бакунина была тем сильнее, что Ефремов был одним из самых близких к Н. Станкевичу людей и одним из самых старых членов его кружка, следовательно в случае надобности Ефремов мог информировать Станкевича в выгодном для Мишеля духе.

[2] Как мы знаем, Бакунин находил неуместным и неделикатным поступком П. П. Клюшникова отрицательную оценку влияния Мишеля на сестер, которую он не считал нужным скрывать от родных и приятелей Бакунина, в том числе от Белинского.

№ 297.— Частично напечатано у Корнилова (т. I, стр. 466).

Корнилов, не разобравшись в последовательности манускриптов, отнес вторую половину этого письма (после интерполяции Александры Бакуниной) к сентябрю 1836 г., как это видно из его карандашной отметки над этой частью письма, и поместил ее в папку писем до 1836 года. С большим трудом нам удалось разобраться в этой путанице и отнести вторую часть письма куда следует: таким образом нам удалось восстановить письмо целиком.

[1] Отмечаем разноречие в показаниях Белинского и Бакунина относительно размеров бакунинского письма, вызвавшего ответ Белинского от 12—24 октября 1838: Белинский говорит, что письмо состояло из 15 страниц, а сам Бакунин говорит о 21 листочке. Так как письмо до нас не дошло (сохранившиеся в ответном письме Белинского небольшие отрывки из него мы привели выше под № 291), то мы лишены возможности установить, кто из них ошибается.

Бакунин имеет в виду письмо Белинского от 10 сентября 1838, которое он, хотя и в несколько тенденциозной форме, излагает. Белинский правильно нападал на ломанье сестер Бакунина, на их деланость и т. п., но при этом он не удержался и впал в противоположную крайность, чтобы не сказать — пошлость, доказывая, что уделом женщины является не мысль, а чувство и пр. («Письма», т. I, стр. 250 сл.). Бакунин естественно поспешил использовать этот промах своего партнера.

№ 298.—Письмо относится к концу сентября или к началу октября 1838, что видно из упоминания о действиях В. Белинского и П. Клюшникова, направленных против Бакунина. Это же подтверждается указанием на пребывание В. П. Боткина в Харькове, а Боткин вернулся из Харькова в начале октября.

В письме бросается в глаза подражание стилю Гоголя; приписываемые Константину Беeру слова прямо заимствованы из «Вия».

[1] Эти слова Бакунина показывают, что он опасался (и не напрасно!) попыток Белинского восстановить против него общих знакомых.

[2] Бушман, Иоанн Карл Эдуард (1805—1880) — немецкий лингвист, сотрудник В. Гумбольдта по языкознанию; 3-й том работы В. Гумбольдта «Die Kawisprache auf der Insel Jawa» (1836—1839) большею частью принадлежит Бушману. Просит ли здесь Бакунин у Ефремова какой-нибудь работы Бушмана, неясно.

[3] Якобс, Христиан Фридрих Вильгельм (1764—1847) — немецкий филолог, писал преимущественно по вопросам античных литератур; автор хрестоматий по греческому и латинскому языкам.

№ 299.— Заимствовано из сохранившегося в бумагах Бакунина, содержащихся в Прямухинском архиве, перевода «Дневника» Беттины фон Арним (до нас дошел не весь перевод; был ли он доведен до конца, неизвестно).

№ 300.—Эта надпись сделана на немецком издании «Записок» Беттины фон Арним «Tagebuch». Berlin, bei Ferdinand Dümmler, 1835. Книжка сохранилась в Прямухинском архиве, где мы ею и пользовались. Главная часть надписи сделана на первой странице, а последние два стиха из «Фауста» — на ее обороте.

Впрочем известные заключительные слова Фауста, которые Бакунин так любил цитировать, и здесь приводятся им неточно. Обыкновенно Бакунин переделывал слово «свобода» в «любовь» (что было весьма характерно для его политического безразличия в те времена). В данном случае он оставил слово «свобода», но, желая во что бы то ни стало сохранить свою мистическую «любовь», выбросил слово «жизнь». Между тем у самого Гете говорится о жизни и свободе; о любви же в данном контексте не упоминается вовсе. В переводе Фета это место гласит:

Что тот свободы с жизнью лишь достоин,
Кто ежедневно должен их стяжать.

Фотоснимок с этого автографа Бакунина напечатан на стр. 745—746 посвященной Гёте книги № 4—6 журнала «Литературное наследство», изд. Журнально-Газетного об'единения, Москва, 1932.

№ 302.— Это письмо напечатано у Корнилова (т. I, стр. 595—598).

Вызвано оно следующими обстоятельствами. В начале ноября в Прямухине получено было письмо Александры Беер, в тот момент влюбленной в Мишеля, о том, что она собирается съездить в Оптину пустынь, чтобы посоветоваться там с ее настоятелем. Гостившая в то время в Прямухине сестра ее Наталья разволновалась и усмотрела в этом проекте Александры желание исполнить свое давнее намерение и поступить в монастырь. По ее просьбе Бакунин написал А. Беер это письмо с целью удержать ее от пагубного поступка. В ответном письме от 19 ноября (напечатано у Корнилова, т. I, стр. 598—600) А. Беер косвенно признавалась в своем замысле, от которого она после посещения пустыни и получения письма Мишеля отказалась.

№ 303.— Письмо трактует о том же вопросе, что и предыдущее (см. № 302). Последний абзац его дописывался, когда ответное письмо А. Беер от 19 ноября было уже получено в Прямухине. Следовательно оно может относиться приблизительно к 23—25 ноября 1838.

№ 305.— Возможно, что эта записка относится к декабрю 1838, когда Татьяна недолго была с братом в Москве. Но столь же возможно, что это происходило в марте 1839, когда они тоже были в Москве (см. № 314).

№№ 306 и 307.— Эти два письма, подобно № 305, также вероятно относятся к декабрю 1838 года, когда Бакунин, до 7 декабря по крайней мере остававшийся в Прямухине, на короткое время приехал в Москву с сестрою Татьяною. Затем он снова вернулся в Прямухино.

№ 310.— Дата устанавливается как содержанием письма (пребывание в Твери с отцом), так и отметкою в конце письма, сделанною какою-либо на сестер и гласящею: «получено в Прямухине 22 января 1839 года». Таким образом письмо написано вероятно около 20 января 1839.

[1] Семья Ушаковых — соседи Бакуниных по Тверской губернии: Яков Петрович, сестры его Екатерина Петровна и Анна Петровна (впоследствии жена брата Николая Бакунина), они же Cathérine и Annette (Катенька и Аннэт); мать их — Ольга Яковлевна Ушакова.

[2] Намек на письмо Белинского от 10 сентября 1838, где тот говорит, что удел женщины — чувство, а не мысль (см. выше, ком. к № 291 и № 292).

[3] Речь очевидно идет о борьбе за освобождение Вариньки от мужа.

№ 312.— Это письмо представляет приписку Мишеля на письме Татьяны.

№ 313.— Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 616—617).

Это письмо знаменует начало тех интимных отношений между Мишелем и Павлом, которое впоследствии перешло в тесную дружбу (во время первых лет пребывания Мишеля за границею).

№ 315.— Начала этого письма мы не нашли. Оно видимо относится к концу марта 1839, так как именно в это время в Прямухино приезжал Николай (см. ниже № 317).

[1] Штраус, Давид (1808—1874) — богослов, свободомыслящий, примыкавший к левым гегелианцам, выпустил в 1835 знаменитую книгу «Критически обработанная жизнь Христа», в которой наносил жестокий удар традиционным христианским представлениям, доказывая, что мнимая евангельская история есть не что иное как продукт бессознательного мифотворчества. Об этой книге и говорит Бакунин, который в первое время в качестве правоверного гегелианца и верующего христианина не мог не отнестись к Штраусу отрицательно.

[2] О Гёшеле см. коментарий к № 318.

№ 316.— Письмо это можно было бы отнести и к 1837 году, судя по тому, что в нем говорится о переводных планах. А последние строились Бакуниным в 1837 г. (как впрочем и раньше и позже); удар им нанесла на время история с неудавшимся переводом учебника Шмидта (что не мешало

Бакунину позже мечтать об издании перевода дневника Беттины фон Арним и т. п.). Но этому предположению противоречат следующие соображения. Катков примкнул к кружку Станкевича не раньше осени 1837 г.; до того Бакунин вряд ли был с ним знаком, а если случайно и встречался, то вряд ли они уже тогда состояли в переписке. Сам Бакунин вернулся в Москву из Прямухина лишь в начале декабря 1837 г. Поэтому сомнительно, чтобы письмо это относилось к 1837 году. Но упоминание о Каткове и обещание написать ему наводят на мысль о 1839 годе, и вот в какой связи. В Прямухинском архиве сохранилось письмо Каткова к Бакунину от 20 января 1839 г. (напечатано в книге Корнилова, т. I, стр. 490—491), в котором он, касаясь ссоры Бакунина с Белинским, довольно явно выражает свои симпатии Мишелю, что последний в то время должен был особенно ценить. В письме Катков между прочим жалуется, что со времени последнего свидания с Бакуниным они не обменялись ни словом, и просит Бакунина написать ему. Возможно, что именно на эту просьбу Каткова и отвечает Бакунин, а в таком случае данное письмо относится к концу января 1839 года. Отвечает же он Каткову в письме к Ефремову потому, что от того же 20 января 1839 г. он получил (значит одновременно с катковским) письмо от Ефремова, тоже сохранившееся в Прямухинском архиве. А как раз в это время (до середины февраля) Бакунин находился в Прямухине, откуда повидимому и написано данное письмо.

Письмо Александре Беер, которое Бакунин пересылал через Ефремова, не доверяя его почте, есть повидимому то самое, которое напечатано нами под № 317. Ввиду его интимного характера совершенно понятно, что Бакунин не хотел, чтобы оно попало в руки кого-либо постороннего, например матери Беер, Алексея и даже Наталии Беер. Во время пребывания в Москве он снова тесно сблизился с Александрой, и выражением этого сближения и было письмо № 317. Это кстати дает лишний аргумент в пользу отнесения данного письма Ефремову к марту 1839 года.

[1] Межевич, Василий Степанович (1813—1849) — писатель, в разное время заведывал редакциями нескольких газет и журналов; написал несколько книжек и водевилей, печатал переводы и т. п. Был предшественником В. Белинского в «Отечественных Записках» на амплуа критика, но неудачно.

[2] Поэт И. П. Клюшников впал в это время (к осени 1839 г.) в своего рода душевную болезнь, выражавшуюся в отдалении от общества, крайней хандре и пессимизме. Такое впечатление вынес от встречи с ним и Т. Грановский, приехавший в Москву в августе 1839 года (см. первое письмо его из Москвы Н. Станкевичу в «Переписке» последнего).

№ 317.— Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 601—604).

После встречи в Москве друзья разъехались: сестры Беер уехали в Шашкино, а Мишель и Татьяна Бакунины — в Прямухино. Отсюда Мишель и написал А. Беер данное письмо. Оно как-будто подавало влюбленной девушке некоторые надежды. Летом она приехала в Прямухино, но Мишель вскоре после того уехал в Петербург хлопотать по делу Вариньки и оставался там до ноября.

Убедив Николая в правоте молодых и склонив его на свою сторону, Мишель решил, что в лице брата он имеет теперь человека, способного заменить его в охране сестер, и с тем большею силою стал рваться за границу.

№ 318.— Этот список характеризует круг философских и научных интересов Бакунина в 1839 году. Как и следовало ожидать, это — преимущественно представители гегелианской школы, главным образом правого, но отчасти и зародившегося левого крыла.

Гёшель, Карл Фридрих (1781—1861) — немецкий философ, богослов и чиновник, один из первых сторонников Гегеля; в 1824 выпустил работу «О Фаусте Гёте и его продолжении», где пытался объяснить это произведение на основании философии Гегеля, а в 1829 — «Афоризмы о незнании и абсолютном знании в связи с христианским религиозным сознанием» (обе упоминаются Бакуниным).

Маргейнеке, Филипп (1780—1846) — профессор богословия в Гей-

дельбергском, а затем Берлинском университетах, сначала сторонник Шеллинга, но под влиянием лекций и сочинений Гегеля ставший ярым сторонником последнего.

Раумер, Фридрих Людвиг Георг (1781—1873) — немецкий историк, писавший главным образом по истории Германии. Упоминаемые Бакуниным его «История Гогенштауфенов» и «История реформации» были в то время наиболее популярными его произведениями.

Лео, Генрих (1799—1878) — немецкий историк, известный больше всего своей упоминаемой Бакуниным историей итальянских республик.

Штраус, см. коментарий к № 315.

Баур, Фердинанд Христиан (1792—1860) — протестантский богослов, гегелианец, основатель так наз. Тюбингенской (критической) школы; автор «Symbolic und Mythologie oder die Naturreligion des Alterthums» («Символика и мифология или естественная религия древности», 3 тома, 1824—1825), «Христианское учение о смирении в его историческом развитии» (1838) и других, но вышедших после 1839 года.

Но так как возможно, что в оригинале здесь пропущена буква, и что Бакунин имел в виду Бруно Бауера, то мы даем характеристику и последнего.

Бауер, Бруно (1807—1882) — немецкий философ, сначала был представителем правого крыла гегелианства, но затем сделался одним из самых крайних выразителей левого его крыла. Написал критику евангелий, в которой шел дальше Штрауса и отвергал историческое существование Христа, за что лишен был профессорской кафедры. В противоположность гегелевскому всемирному духу, творящему историю, Бауер выдвинул теорию критически мыслящей личности как главного исторического фактора. Критику воззрений Бауера дали Маркс и Энгельс в «Святом семействе».

Розенкранц, Иоанн Карл Фридрих (1805—1879) — немецкий философ, ученик и последователь Гегеля, автор многих не только философских, но и историко-литературных произведений. К 1838 году были опубликованы его «Естественная религия», «Энциклопедия богословских наук», «Критика теории веры Шлейермахера», «Психология или наука о субъективном разуме».

Шульце, Готлоб Эрнст (1761—1833) — немецкий философ, автор «Психической антропологии» (1816) и др.

Баадер, Франц Ксаверий (1765—1841) — немецкий философ и богослов, бывший врач, затем горный инженер, читал в Мюнхенском университете лекции по умозрительной догматике (5 выпусков 1828—1838; возможно, что именно они и заинтересовали Бакунина); старался примирить католическое богословие с философией. В «гегелисты» Бакунин зачислил его по недоразумению.

Дауб, Карл (1765—1836) — немецкий философ и богослов, сначала кантианец, затем шеллингианец, он под конец стал пропагандировать воззрения Гегеля и пытался применить в богословии спекулятивный метод.

Ретшер, Генрих Теодор (1803—1871) — немецкий философ и писатель, последователь Гегеля, взгляд которого на Сократа он развил в своей работе «Аристофан и его век» (1827). Писал преимущественно по вопросам драматического искусства.

Эрдман, Иоганн Эдуард (1803—1892) — немецкий философ, родом из Лифляндии, был священником в Вольмаре, но в 1832 уехал в Берлин, где в качестве доцента читал лекции о философии Гегеля, затем был профессором в Галле; называл себя последним могиканом гегелианства.

№ 320. — Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Ефремов собирался уехать за границу, каковое намерение вскоре и выполнил, и Бакунины хотели повидаться с ним до его отъезда.

[1] Речь шла о найме квартиры для братьев Бакунина, собиравшихся в Москву в университет.

[2] И Боткин и Бакунин каждый хотели взять на сохранение книги уезжавшего за границу Ефремова. Бакунину во всяком случае они не достались.

№ 321.—Напечатано почти полностью у Корнилова (т. I, стр. 494—503).

Как мы знаем, Белинский уже в октябре и ноябре 1838 счел нужным поставить Н. Станкевича в известность относительно происшедшей между ним и Бакуниным ссоры. Бакунин только в середине мая 1839 собрался написать о ссоре Станкевичу, когда острота конфликта собственно прошла и когда бывшие друзья стояли накануне установления холодных и корректных приятельских отношений. Для пересылки своего письма Бакунин воспользовался отъездом за границу А. П. Ефремова, бывшего члена станкевичева кружка. Надо полагать, что он воспользовался этим случаем для возобновления переписки с Станкевичем, которая, как мы знаем, оборвалась не по его вине, а в результате долгого молчания Станкевича на письма Мишеля. При такой оказии Бакунин очевидно не мог умолчать о конфликте между ним и Белинским. Писать же об этом раньше для него было повидимому просто невозможно в виду временного перерыва сношений между ним и Станкевичем.

Это письмо Мишеля получено было Станкевичем вероятно только осенью 1839, когда он встретился в Базеле с Ефремовым («Переписка», стр. 668). Станкевич собирался отвечать Бакунину, да так и прособирался до 7/19 мая 1840 года, когда наконец после двухлетнего молчания написал Бакунину большое (и последнее) письмо (о нем ниже). Откликнулся, собственно говоря, Станкевич в ответ не на это письмо Бакунина о ссоре с Белинским, а на письмо Бакунина к Варваре от 15 марта 1840 (см. № 372). Кстати, о конфликте между членами своего бывшего кружка Станкевич дипломатически умалчивает. Да и что он мог бы теперь сказать об этой ссоре, уже отошедшей в прошлое?

В последнем из дошедших до нас писем Станкевича к Белинскому от 20 октября—1 ноября 1838 года также обойдено молчанием сообщение Белинского о том, что он совершенно разошелся с Бакуниным. Повидимому Станкевич не хотел вмешиваться в этот тяжелый инцидент. Писал ли он после того Белинскому, неизвестно.

[1] Мосоловы — пензенские помещики, знакомые семьи Белинских.

[2] Таким образом Бакунин подтверждает, что основная непосредственная причина конфликта заключалась в нападках Мишеля, а вслед за ним и Боткина на Белинского как редактора «Московского Наблюдателя».

[3] Знакомый Н. Станкевича, которого он в своем письме к родным от 17/29 октября 1837 называет «Оглоблиным хандрящим» («Переписка», стр. 162).

№ 322.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

В мае 1839 года Ефремов действительно побывал в Прямухине. Затем он вскоре после того уехал за границу, там увиделся сначала с Варварою Бакуниною-Дьяковою и Н. Станкевичем, а затем через год и с Мишелем, приехавшим в Берлин.

№ 323.— Дата письма устанавливается следующим образом: в письме к Станкевичу (№ 321) Бакунин сообщает, что уезжает в Москву на неделю; указание на разговор с И. Клюшниковым показывает, что письмо писано в Москве. Следовательно это могло происходить во второй половине мая 1839. За то же говорит и содержащееся в конце письма приглашение Александре Беер приехать в Прямухино (она туда вскоре и приехала).

№ 324.— Напечатано с грубыми ошибками у Корнилова (т. I, стр. 560—561).

Настоящий реестр книг, отосланных Бакуниным из Москвы в Прямухино в мае 1839, свидетельствует о круге умственных интересов Бакунина в то время (ср. также № 318, где имеется список просимых Бакуниным книг около того же времени). Печатая этот реестр, А. Корнилов высказывает предположение, что эти книги Бакунин брал с собой в Москву для занятий. Во всяком случае он имел их там во время своего проживания в Москве, и многие из них он безусловно изучал, как показывают сохранившиеся его конспекты (см. предисловие к настоящему тому). Мы даем здесь пояснение этого реестра, допуская, что нами невольно могли быть здесь

допущены некоторые ошибки. Вот какие, по нашему мнению, книги имел здесь в виду Бакунин, называющий лишь фамилию автора, но не указывающий, какое или какие его произведения он в данном случае подразумевает.

2. «Законы Ману». Перевод на франц. яз. Луазлер-Делоншана. Париж 1833.

3. Крейцер, Г. Фр. — французский перевод «Символики и мифологии древних народов», начал выходить в 1825 г.; до 1839 вышло два тома (см. 18).

4. Имеется в виду первое издание сочинений Гегеля. Отсутствующие в бакунинском списке томы в 1839 еще не вышли (на немецком).

5. Фихте, Иоганн. Вероятно имеются в виду «Посмертные произведения», вышедшие в трех томах в 1834 г. (на немецком).

6. Геерен, Арнольд Герман Людвиг — «Руководство по истории» (на немецком).

7. Гердер, Иоганн — «Мысли о философии истории человечества», Рига 1784—1791 (на немецком).

8. Сальвадор, Жозеф. Так как 4-томного сочинения у него нет, то вероятно имеются в виду два его произведения:

а) «История моисеевых установлений и еврейского народа», Брюссель 1829, 2 тома (на франц.), и

б) «Иисус Христос и его учение». Париж 1838, 2 тома (на франц.).

9. Ариосто — «Неистовый Роланд», франц. перевод Трессана. Париж 1834. 6 томов.

10. «Провинциальные бредни и записки Д. В. Прутикова» (Александра Марковича Полторацкого; см. коментарий к № 30 тома I настоящего издания); вышли в 1836 г. в двух частях.

11. Зедергольм, Карл — «Этюды. Серия философских заметок в непериодичиских выпусках». Первый выпуск. Москва 1830 (на немецком).

12. Роттек, Карл — «Учебник естественного права и государственных наук». Штуттгарт 1829—1835, 4 тома (на немецком).

13. Люден, Генрих — «Всеобщая история народов и государств». Иена 1815—1824, 3 тома (на немецком).

14. Кант — «Критика чистого разума».

15. Его же — «Критика практического разума».

Неизвестно, какие имеются в виду издания. В 1838 начало выходить собрание сочинений Канта в 12 томах (до 1840).

16. Кизеветтер, Иоганн — «Очерк общей логики на основе кантианства». Брюссель 1794 (возможно, что речь идет о 4-м издании 1824).

17. Круг, Вильгельм Траугот — «Общий учебник философских наук» 1827—1834, «Опыт систематической энциклопедии знаний», 1796—1797, или «Система теоретической философии» в 3 томах, 1806—1810 и более поздние издания.

18. Крейцер, Г. Фр. — «Символика и мифология древних народов», 1810—1812, 3 тома (на немецком).

20. Рейнгольд, Христиан Эрнст, сын Карла Р. — «Учебник всеобщей истории философии», 1828—1829, всего было 3 тома (на немецком).

21. Окен, Лоренц — «Учебник системы натурфилософии». Иена 1831 (на немецком).

22. Шеллинг — слишком много сочинений; неизвестно, о каком здесь говорится.

23. Жан-Поль Рихтер — тоже.

26. Локк, Джон — «Опыт о человеческом разуме». В 4 книгах. Лондон 1788.

27. Известное сочинение Гельвеция — «Об уме» (неизвестно какое издание) *.

---

* **Гельвеций**, Клод Адриан (1715—1711) — французский философ, просветитель, энциклопедист, автор ряда материалистических произведений,

28. «Философия здравого смысла».
29. «Аналитическое познание человека».
30. Коран.
31. «Дифференциальное исчисление» Лакруа (Сильвестр Франсуа) *.
32. Эккартсгаузен **.
33. Des erreurs et de la vérité ou les hommes rappelès au principe universel de la science, par P*** (Philosophe) inc[onnu] [Louis-Claude de Saint-Martin]. Edinbourg. 1782. 2 vol. («О заблуждениях и истине или призыв всех людей к всеобщему принципу науки», соч. Неизв[естного] Ф[илософа]. [Луи-Клод де Сен-Мартен] ***. Эдинбург 1872, 2 тома).

№ 325.— Это письмо написано по возвращении в Прямухино и до отъезда в Петербург для хлопот о разводе Варвары. Выражением надежды на успех этого плана и в связи с этим на скорое свидание с Варварою в России оно и кончается.

Над подписью Мишеля надписано другою рукою: «A. B. Verfluchter», т. е. «А[лексей] Б[акунин] проклятый», а сбоку на полях приписка вероятно Варвары: «глупый, дурной мальчик», т. е. Алексей.

№ 329.— Напечатано с сокращениями у Корнилова (т. I, стр. 563—564). Корнилов прав, когда говорит, что письмо это написано перед самой поездкой Мишеля в Петербург, но неправ, когда тут же прибавляет, что оно написано вскоре после письма Бакунина к Станкевичу (№ 321). Ведь последнее датировано 13 мая 1839, тогда как в Петербург Бакунин уехал в июле. Следовательно письмо это относится к первой половине июля 1839.

№ 330.— Напечатано с сокращениями у Корнилова (т. I, стр. 564—566 и 526).

[1] Дубельт, Леонтий Васильевич (1792—1862) — жандармский генерал, известный охранник николаевской эпохи, сыгравший пагубную роль в истории русской литературы и революционного движения, с 1839 года управляющий III Отделения, т. е. политической полиции. Обращение к нему М. Бакунина объясняется тем, что в те времена III Отделение ведало и такими делами, как дела о разводах и т. п

[2] Краевский, Андрей Александрович (1810—1889) — литературный предприниматель и барышник, издатель ряда журналов, в которых бесстыдно эксплоатировал русских писателей, в частности Белинского, наживая на их счет большие капиталы. Герцен назвал Краевского литературным пристанодержателем. С 1838 года стал владельцем «Отечественных Записок», достигших при нем значительного расцвета, главным образом благодаря участию в них Белинского. Бакунин напечатал в его журнале первую часть своей статьи о философии (см. № 370). На знакомство с Краевским Бакунин возлагал некоторые надежды в смысле обеспечения материальной стороны своей предполагавшейся поездки за границу, но эти планы подобно другим литературным планам Бакунина не осуществились.

[3] Намек на начинавшийся роман между Александрой Бакуниной и В. П.

в том числе «Об уме» и «О человеке, его умственных способностях и воспитании».

* **Лакруа,** Сильвестр Франсуа (1765—1843) — французский математик, автор многочисленных сочинений, из которых самым замечательным был «Трактат о дифференциальном и интегральном исчислении» (1799).

** **Эккартсгаузен,** Карл (1752—1803) — немецкий писатель, автор ряда алхимических и религиозно-мистических произведений. Теософски-алхимические сочинения Эккартсгаузена были довольно популярны в России, где переведены были почти все его книги. О какой из них говорит здесь Бакунин, неизвестно; возможно, что о книге «Бог есть любовь чистейшая» (1817).

*** **Сен-Мартен,** Луи Клод, де, известный под названием «Неведомый философ» (1743—1803) — французский писатель и философ, мистик, теософ, иллюминат, последователь мистика Якова Беме. Названная в тексте его книга «О заблуждениях и истине» (1775) был направлена против материализма и свободомыслия энциклопедистов, как впрочем и другие его работы. Для него заблуждение есть материализм, а истина — чистый спиритуализм.

Боткиным (см. ниже). Из этих строк письма видно, что в тот момент Бакунин относился к роману несколько скептически.

[4] В бумагах Прямухинского архива сохранились две тетради, содержащие выписки Бакунина по греческой грамматике и частично относящиеся вероятно к рассматриваемому времени, хотя и датированные январем и февралем 1839 г. (возможно, что эти даты указывают на приступ к занятиям греческой грамматикой, которые продолжались и впоследствии).

№ 331. — Об этом письме Корнилов не упоминает.

Объясняется его содержание следующим образом. В течение двух месяцев Бакунин из Петербурга родным не писал, — надо полагать, потому, что столкновение с действительной жизнью убедило его в неосновательности его мечтаний, в частности касательно развода Вариньки с мужем, ибо если Бакунину и удалось поговорить на эту тему с новым и старым заведующим III Отделения, Дубельтом и Мордвиновым (сенатором), то вряд ли он в состоянии был убедить этих двух полицейских крыс в правоте своих морально-мистических соображений о необходимости «освобождения Вариньки». Надо полагать, что столь же неважно обстояло дело с его надеждами на крупный литературный заработок, и что и здесь он скоро убедился в тщете своих радужных ожиданий. Только 7 сентября он собрался написать отцу. Письмо его к отцу подобно большинству его писем к родителям до нас не дошло, но сохранился ответ ему отца, который в обширных выдержках приводится у Корнилова (т. I, стр. 568—571).

Указав сыну на беспочвенность его хлопот о разводе Вариньки, невозможном по русским законам, поставив ему в пример привязанность младших сыновей, в это время выдержавших вступительные экзамены в Московский университет, сообщив о болезни матери и о неудобстве проживания семьи Бакуниных в Москве на квартире В. К. Ржевского, старик снова ставил перед сыном вопрос о его будущности. Посмеявшись над словами Мишеля, который, сообщая отцу о знакомстве с Краевским, прибавлял: «я подрядился писать ему статьи по части философии», старик предсказывал этим статьям сына участь его «Беттины» и указывал ему, что, если разночинцу Белинскому и приличествует «продавать» умственные свои способности, то ему, Мишелю, более подобает или заняться хозяйством в качестве помещика, или поступить на царскую службу, и упрекает его в том, что он не использует для этой цели своего старого знакомого, М. Н. Муравьева (будущего Вешателя).

Теперь понятны жалобы Мишеля на письмо отца в письме к сестрам. Он остался тверд и, чувствуя свое призвание, отказался пойти по обычной дворянской дорожке.

Настоящее письмо не имеет подписи и обрывается на полуслове. Повидимому это — неотосланный проект, оставшийся незаконченным: об этом можно судить по тому, что после приведенного текста осталось полторы странички незаполненных, а последняя фраза письма обрывается на середине страницы.

№ 332. — Частично напечатано у Корнилова (т. I, стр. 537—538, прим., и стр. 586—588).

Это письмо заменяет предыдущий проект, Бакуниным видимо забракованный и оставшийся незаконченным. Здесь мыслям о женственности придано более подробное развитие, при чем бросается в глаза влияние на Бакунина многих мыслей, высказанных Белинским в полемике с ним и в частности в письме от 10 сентября 1838 г. Теперь Бакунин уже предостерегает сестер от рефлексии, умничанья и т. п.

В конце письма обращает на себя внимание новый адрес Бакунина. По приезде в Петербург он останавливается у своего давнего знакомца Сергея Николаевича Муравьева (см. т. I настоящего издания), но скоро между ними пробежала черная кошка: с одной стороны С. Муравьев сам материально нуждался, и проживание у него Бакунина видимо стесняло его и в этом отношении; с другой — они повидимому разошлись во взглядах. Начались сплетни, и Бакунин перебрался сначала в трактир, а затем к А. Д. Раевскому, повидимому старому приятелю по училищу.

№ 335.— Дата письма устанавливается как его содержанием, так и надписью на конверте: «1 ноября 1839», сделанною кем-либо из домашних. Адресовано оно «Татьяне Александровне Бакуниной» (Александре его нельзя было адресовать, так как она-то и взята была под надзор).

Касается письмо следующего инциндент. Завязавшийся между Александрой Бакуниной и В. П. Боткиным роман тщательно скрывался от родителей Бакунина. Осложняющим моментом являлись еще и сословные соображения: Бакунины были столбовые дворяне, хотя и небогатые, тогда как Боткины были разбогатевшие купцы вполне плебейского происхождения. Для родителей Бакунина, исполненных дворянской спеси, брак их дочери с купцом был бы жестоким ударом. Зато приятели Бакунина и Боткина были осведомлены об этой истории и по свойственной их кругу и эпохе манере обсуждали ее на все лады, анализируя чувства влюбленных до тонкости, вмешиваясь в их интимную жизнь, болтая о ней направо и налево и т. д.

В конце концов дело не могло не раскрыться. Одно из писем Александры Бакуниной к Мишелю, в котором говорилось о ее отношениях к Боткину, попало каким-то образом в руки дядюшки их, Александра Павловича Полторацкого, который поспешил передать его старику Бакунину. Разразился скандал. Пришлось во всем признаться. Александра с горя даже захворала (все это происходило в конце октября). Старик Бакунин написал Боткину письмо, в котором, называя свою дочь родственницею (видимо на случай, если письмо попадет в посторонние руки), подчеркивал невыгодные для обоих контрагентов стороны этого неравного брака. Боткин отвечал ему почтительным письмом, в котором указывал, что и он не лыком шит, происходит из «потомственного почетного гражданства», будет обладать собственным домом и капиталом, имеет круг знакомых, который по образованию не уступит никакому другому, и даже несколько прохаживался насчет «дворянского образа мыслей» своего корреспондента.

Мишель узнал о поступке дяди Полторацкого от сестры Татьяны и от В. Боткина. В кругу наших приятелей этот инцидент возбудил величайшее негодование: дворянская интеллигенция, переходившая на буржуазные позиции, была возмущена наглостью дворянских притязаний и живучестью сословных предрассудков. Это видно например по письмам сравнительно умеренного Т. Грановского к Станкевичу («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 364). Естественно, что разночинец, да еще столь темпераментный, как Белинский, буквально задыхался от негодования при зрелище этой наглой дворянской спеси. «Ты — bourgeois-gentilhomme *, — писал он Боткину 16 мая 1840 г., — а они кто? gentilshommes bourgeois **, т. е. обнищавшие дворянишки, у которых осталась только дворянская спесь да несколько пар портов. Кровь кипит от негодования — так и хлопнул бы по дворянским физиономиям плебейским кулакам. Я понимаю силу предрассудка, да они имеют значение у людей с силою воли и с характером, а это чорт знает что — дрянь. Ну да чорт с ними. Они мне гадки до того, что и думать о них нет мочи» («Письма», т. II, стр. 124). Сам Мишель был вне себя; он готов был поехать в Прямухино и разразить коварного дядюшку. Боткин с своей стороны просил Бакунина съездить в Прямухино, чтобы уладить дело и, если нужно, привезти сестру для лечения в Москву. Но дело обошлось без поездки Мишеля. Старик Бакунин ответил Боткину, что родители известной ему молодой особы, «случайно узнав о переписке» влюбленных, отлагают на год окончательный ответ, но ставят при этом условием, чтобы до того времени никакой переписки не было. Родители оказались неглупыми: через год от мнимой любви Боткина и А. Бакуниной не осталось и следа.

Приписка Николая Бакунина на письме гласит: «Добрые сестры, брат приедет к вам и все поправит, милые, добрые девочки, я совершенно убежден братом».

№ 339.—Эта записка повидимому относится к декабрю 1839 года, когда семья Бакуниных находилась в Твери, а сестра Саша была больна. Что письмо писалось до отъезда младших братьев Бакунина из Москвы на рож-

* Мещанин во дворянстве (заглавие известной пьесы Мольера).
** Дворяне во мещанстве, обуржуазившиеся дворяне.

дественские каникулы, видно из того, что на письме имеется приписка Павла Бакунина. Странным кажется только то, что Бакунин представляет сестрам доктора П. П. Клюшникова как совершенно незнакомого им человека, тогда как он ездил в Прямухино еще в 1838 г., когда лечил Любашу, а также несколько непонятен тот фамильярный тон, которым он говорит о П. Клюшникове после той жестокой перепалки, какую он вел с ним в 1838 г. в связи с полемикою с Белинским. Впрочем это — в духе Бакунина.

№ 345.— Дата письма определяется указанием на верху письма, что оно писано в воскресенье вечером. Так как дело происходило на рождественских каникулах, при чем Павел уже уехал в Тверь (куда ему и адресовано это письмо), а уехал он в 20-х числах декабря, судя по указаниям других писем, то на выбор остаются два воскресенья конца декабря: 24 и 31. Но к последнему это указание не может относиться, ибо в этот вечер все встречали новый год у Боткина. Значит остается только воскресенье 24 декабря.

[1] Редкин, Петр Григорьевич (1808—1891) — юрист и чиновник, с 1835 по 1849 г. занимал в Московском университете кафедру энциклопедии законоведения и русского государственного права; впоследствии служил по удельному ведомству и умер членом Государственного совета. Кроме юридических работ ему принадлежит «Обзор гегелевой логики».

№ 346.— Корнилов упоминает об этом письме (т. I, стр. 556—557).

[1] Гебель — известный в 30 годах московский музыкант, пианист и композитор, учитель Н. Станкевича, вращавшийся в его кругу.

Иоханнис и Калист — московские музыканты.

[2] Т. Н. Грановский был знаком с Бакуниным уже с 1836 года, но не близко. В августе 1839 г. он вернулся из-за границы в Москву и сошелся со всеми бывшими членами кружка Станкевича (с последним он в этот момент был очень близок). Особенно он сблизился с Белинским и с Боткиным, к которому стоял близко по взглядам (умеренного либерализма). С Бакуниным Грановский встретился лишь 28 ноября, как видно из письма его к Станкевичу от ноября-декабря 1839 («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 371): «Сегодня видел Мишеля Бакунина, возвратившегося из Петербурга. Мне с первого разу показалось, что он стал смирнее и не так резок и абстрактен, как прежде». И дальше под 2 декабря Грановский пишет: «Я видел уже несколько раз Мишеля. Признаюсь, в первый раз я сошелся с ним как-то нерадостно. Он обошелся со мною очень мило, на другой день после свидания у Боткина пришел ко мне и был очень любезен и прост. Белинский писал, что поездка в Питер его переменила; и в самом деле так. Меня отталкивала прежде его абстрактная энергия, — хоть на рассказы и жалобы прочих я не полагался, — его героизм был мне не по душе. После двух-трех свиданий мне стало совестно моих предубеждений, которых скрыть я не мог. Я думаю, что мы сойдемся. В истории Боткина он ведет себя очень тихо и хорошо... Право, мне теперь совестно бывать с ним: я был очень, очень несправедлив к нему» (стр. 375).

12/24 февраля 1840 г. Грановский снова пишет Станкевичу: «Мишель давно здесь. Ты мог заметить, что у меня было несовсем приязненное чувство к нему. Он платил мне тем же. Мы сошлись в первый раз у Боткина и говорили друг другу *вы*. Понемногу эта принужденность исчезла, и мы хороши. Сойтись с ним, как я сошелся с Боткиным, я не могу; но я высоко ценю его приязнь: широкая, полетистая, в высшей степени благородная и крепкая натура. Он хотел, чтобы я объяснил ему кое-что в логике; я отказался, потому что в этих вещах он гораздо далее меня ушел... Мы с Мишелем читаем Шиллера. Он — нашего мнения», т. е. не согласен с Белинским в отрицательном взгляде на Шиллера» (стр. 377—378).

Но недолго длилась эта идиллия: темпераменты Бакунина и Грановского были слишком различны, их подход к идеям и людям слишком не одинаков. Бурная натура Бакунина шла до конца, разрубала запутанные вопросы, резко ставила проблемы и требовала на них определенных ответов; Грановский же был человеком золотой середины, был склонен к компромиссам, обходил острые углы и чувствовал органическое отвращение ко всему из ряда вон выходящему, буйному, смелому. И очень скоро в его отзывах о Бакунине начинает слышаться новая, неприязненная нотка. В продолжении того же

письма под 17 февраля он пишет: «Вчера у нас была схватка с Бакуниным. Он дал мне понять, что я дурно делаю, посещая общество Киреевских. Странный человек! Я понимаю теперь, что Боткин и Белинский называют его абсолютизмом». И дальше Грановский признает, что взгляды, проповедуемые идеологами славянофильства, братьями Киреевскими, вредны, что с ними необходимо бороться, что влияние их на молодежь пагубно, но что сами они — милые люди, что он, Грановский, очень хорошо принят в их семействе, и бывать ему там приятно, хотя дом их посещается завзятыми реакционерами вроде Хомякова и пр. А под 18 февраля Грановский в том же письме, выражая удовлетворение тем, что Мишель перестал действовать в деле Боткина — Александры Бакуниной, куда он вносил элемент рефлексии и резонерства, продолжает: «В науке он может совершить великое (без тебя он много сделал: истинно спекулятивный талант), но в сферах деятельной жизни он никуда не годится. Для него нет субъектов, а все — объекты. Чудная натура! Может быть, без этих недостатков она не была бы так сильна. Любить его теплым чувством нельзя, но он у каждого вынудит удивление, уважение и участие. Что из него будет? Дай бог ему скорее попасть в Берлин, а оттуда в определенный круг деятельности — иначе его убьет вечная внутренняя работа. Разлады с собою и миром у него каждый день сильнее» (стр. 383).

Отношение Грановского к Бакунину становилось все хуже. В письме к Я. М. Неверову от 18 июля 1840 г. Грановский уже отрицает у Бакунина всякие нравственные устои: «Странный человек этот Бакунин: умен как немногие, с глубоким интересом к науке — и без всяких нравственных убеждений. В первый раз встречаю такое чудовищное создание. Пока его не знаешь вблизи, с ним приятно и даже полезно говорить, но при более коротком знакмстве с ним становится тяжело, — unheimlich (неуютно) как-то. Я боюсь, чтоб он опять не встретил где-нибудь Станкевича. Он измучит его, как измучил Боткина. Я ему откровенно высказал мое мнение о нем в глаза, и потому мы не сходились более, чем нужно. На Белинском, с которым они теперь — враги, лежит его же нечистое влияние» (стр. 403). И дальше Грановский приписывает этому влиянию Бакунина статьи Белинского о Бородинской годовщине, Менцеле и т. п.

Бакунин еще при жизни мог узнать о некоторых отрицательных отзывах о нем Грановского из первого издания книги А. Станкевича, которую мы здесь цитируем по 2-му изданию 1897 года (собственно цитируемый нами второй том, содержащий переписку Грановского, вышел в 1897 г. первым изданием). Итак, прочитав написанный А. Станкевичем биографический очерк Грановского, составляющий первый том названного издания, Бакунин в письме к Н. Огареву от 23 ноября 1869 г. говорил: «А. Станкевич — узенький, мизерненький, грязненький идеалист, — чем более живу на свете, тем более убеждаюсь, что на свете нет ничего грязнее идеалистов. И Грановский также был идеалист, — не грязный, это правда: он был слишком благороден и слишком друг Николая Станкевича, чтобы грязь могла когда-либо до него коснуться. Но в нем не было ни одной капли дидеротовской и дантоновской реально-человеколюбивой крови. Он жил и умер в доктрине и в сантиментально-гуманистической фикции. Он любил гуманность, но не живых людей (как мы видели, Грановский обращал против Бакунина аналогичный упрек. — *Ю. С.*). Как все доктринеры-идеалисты, он, сам того не сознавая, презирал во имя нации и во имя изящной туманности глупую, ненаучную и неизящную толпу, черный люд. Поэтому он должен быть отъявленным врагом социализма и верующим в жизнь другую, в которой, вероятно он думал, толпа будет иметь случай поумнеть и умыться. Я прочел несколько писем его к сестрам, к кузинам, — что за прекраснодушие, какое отвратительное хлопотанье о себе, о своей позе в исполнении de sa mission (своей миссии), что за несносноизящное саморисованье в идеале как перед зеркалом, что за отвратительное самолюбивое кокетство! И все это на французском диалекте, — признак лжи. Вечные хлопоты о себе, о своем счастьи, о своем несчастьи, о своей красоте, о своем достоинстве, о своем положении и о с в о е м призвании. Когда же ему было думать о живом, страждущем, попранном человечестве? Какая

огромная разница, какая пропасть между ним и нашим русским Дидеротом, нашим неумытом реалистом по темпераменту и по натуре, — Виссарионом Белинским! Этот весь отдавался предмету, — Грановский принимал предмет в себя, делал его своим украшением, своею изящною позою, а если предмет в нем не укладывался, урезывал его или совсем отбрасывал его от себя. Какое отсутствие реального чувства и смысла были необходимы, чтобы позволить ему писать такие письма к Вердеру, к Неверову, т. е. к теням, к бездушным и ридикульным (смешным) фантомам. Станкевич (Николай) также увлекался одно время и тем и другим, да, но только короткое время... Станкевич был идеалист, но сам проклинавший свой идеализм, сам собою недовольный, в то время как Грановский был сам собою доволен: это явствует из каждой строки его к кузинам и сестрам, в письмах к которым он так женоподобно рисуется... Перед гигантом Станкевичем Грановский был изящный маленький человек, не более. Я всегда чувствовал его тесноту и никогда не чувствовал к нему симпатии... Похороните его, друзья: он вас не стоит. Будет одною пустою тенью в памяти менее» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» под ред. М. П. Драгоманова. Женева 1896, стр. 244—245).

№ 347.— Воспользовавшись поездкою В. Боткина в Харьков, Мишель съездил на 10 дней к Беерам в Шашкино (их имение в Орловской губернии), а оттуда 18 января вернулся в Москву.

[1] Здесь Бакунин подшучивает над дворянскими предрассудками своих родителей: «почтеннейший» значит купец, плебей, а «высокоблагородие» это — дворянка А. Бакунина, которой Мишель предсказывает, что скоро она тоже сделается «почтеннейшею», т. е. выйдет замуж за купца Боткина.

[2] Боткины торговали чаем. Значит, когда Александра выйдет за Боткина, у них всегда в доме будет хороший чай.

№ 350.— [1] Содержащаяся в конце этого письма просьба адресовать впредь письма, предназначенные Мишелю, не на имя В. П. Боткина, как было до тех пор, показывает, что уже в это время отношения между Бакуниным и Боткиным начали портиться. Помимо обычных причин, приводивших к ссорам Мишеля со своими приятелями, т. е. требовательности, морального деспотизма, того, что они называли его «абсолютизмом», здесь действительно еще одно обстоятельство: Боткин, который своей бесхарактерностью сам был больше всех виноват в неудаче своего сватовства к Александре Бакуниной, готов был ответственность за это взвалить на других, в частности на М. Бакунина и вообще на братьев и сестер Бакуниных, которые выражали сомнение в серьезности любви Боткина и А. Бакуниной и вместе с сестрами Беер до мелочей обсуждали этот интимный инцидент, выворачивали наизнанку душу обоих участников этой истории и несомненно способствовали охлаждению и без того слабого их чувства. Михаила Бакунина Боткин подозревал и обвинял в том, что тот своими неуместными разговорами с сестрою поселяет в ней недоверие к действительности чувства Боткина и этим фактически отдаляет ее от него.

Грановский скоро подметил, что в сущности между Бакуниным и Боткиным нет искренно дружеских отношений. В письме от 18 февраля 1840 он писал Станкевичу: «Между Мишелем и Боткиным — тайные разлады. Они просто не любят друг друга. А[лександра] это знает и в письме обещает примирить их, стать посредницею» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 383). Впрочем, как мы видели выше, Грановский считал Боткина жертвою Бакунина и его мучительства. К весне отношения между Боткиным и Бакуниным окончательно испортились (см. ниже).

№ 351.— Дата этого письма устанавливается как выражением надежд на отъезд предстоящим летом в Берлин, так и упоминанием о гаруснице. Обещанная Александрою Беер гарусница была получена в Москве в конце января 1840 г. и положена под чернильницу, а гарусница, присланная Натальей, была положена под портрет Гёте. Письмо написано незадолго до того и относится к середине или ко второй половине января 1840 г.

№ 352.— Большое письмо к сестре Александре, о котором здесь говорит Бакунин, до нас не дошло. Но содержание его ясно из дальнейшего: оно

содержало выражение сомнения в любви Александры к Боткину и запрос относительно ее действительных чувств к нему. Александра отвечала брату, что Боткина любит, и этим на время рассеяла его сомнения насчет ее любви к Боткину, как видно из следующего письма Бакунина к сестре от 27 января 1840 (см. № 354). Выдержки из ответного письма сестры Мишель приводит в своем письме к Беерам от 27 января (см. № 355).

№ 355. — Дата этого письма устанавливается первыми же словами: «Сейчас получил ответ Alexandrine на мое длинное письмо», а он получил этот ответ 27 января (см. № 354); следовательно данное письмо написано или 27 января или в один из ближайших дней.

[1] С конца ноября после возвращения из Петербурга Бакунин поселился вместе с младшими братьями, поступившими к тому времени в Московский университет, и с Константином Беером.

№ 358. — Дата устанавливается указанием на приезд Боткина в Москву. Боткин приехал в Москву в первых числах февраля, как видно из письма его к Белинскому от 9/II («Летопись жизни Белинского», под ред. Н. Пиксанова, стр. 110).

Бакунин говорит о большом письме к Александре, в котором он запрашивал ее о серьезности ее чувства к Боткину, и о ее ответе на этот запрос, которые он, как сказано в письме его под № 357, положил на стол Боткину для прочтения. По его словам Боткин на всю эту историю не рассердился. Но в конечном счете такие выходки оставляют нехороший осадок (см. № 352 и № 367).

№ 359. — Корнилов, приводя небольшую выдержку из данного письма (т. I, стр. 508), относит его почему-то к 14 марта 1840 года. Это ни на чем не основано. Дату этого письма между тем вовсе не трудно установить с достаточной точностью. В самом деле Бакунин упоминает о получении Грановским письма от Станкевича, в котором говорится и о нем, Мишеле. Ясно, что речь идет о письме Станкевича из Флоренции, датированном 1 февраля 1840 (кстати, это — последнее письмо Станкевича к Грановскому): оно напечатано на стр. 478—490 второго издания «Переписки» Н. Станкевича, а относящееся к Бакунину место находится на стр. 490. Если даже допустить, что письмо шло из Флоренции 10 дней, то и в таком случае оно пришло в Москву 11 февраля н. ст., т. е. 30 января ст. ст., и уже никак не позже первых чисел российского февраля. Что мы правы, видно из того, что письмо Бакунина Станкевичу, в котором Мишель отвечает на касающиеся его строки станкевичева письма, датировано 11 февраля. А сестрам Мишель в данном письме пишет: «Вчера Грановский получил письмо от Станкевича». Как же мог Бакунин писать это в середине марта, тогда как на полученное якобы 13 марта письмо отвечал автору его 11 февраля? Как и во многих других случаях, предположения А. Корнилова не имеют под собой прочных оснований и даже непонятно, на чем базируются. Письмо Бакунина к сестрам вероятно написано в первых числах февраля 1840 г.

Вот что писал Станкевич в соответствующем месте названного письма «Кланяйся друзьям и знакомым. Миша не сердится, что я не пишу к нему: я ни к кому не пишу, даже к тебе не писал. Я чувствую вполне, как он добр и как любит меня. Я стыдился, был в затруднении и не знал, что отвечать на письмо Татьяне Александр[овне], которое передал Ефремов с другими, от покойной Любови Александровны. Я их читал у Тунского озера вечером: мы долго потом бродили по берегу его, меня окружили воспоминания, я был близок к ним, а как очнулся — образы, звуки лучшего мира неслись ко мне. Я напишу ей, если она это позволит. Я сам себе не могу позволить, разве увидевшись с Варвар[ой] Александровной» (и дальше он выражал пожелание удачи Боткину в его сватовстве к А. Бакуниной).

Таков был первый отклик Станкевича на письма к нему Бакунина и в частности на большое письмо от 13 мая 1839 (см. № 321). Да и то ответ был не прямой, а переданный через третье лицо. Однако Бакунин, считаясь с болезнью Станкевича, с неловким его положением вследствие нелепого и печального конца романа его с Любашей (на что сам Станкевич намекал в цитированных строках своего письма), памятуя ту роль, какую Станкевич

сыграл в его личном развитии, счел этот ответ Станкевича удовлетворительным и написал ему новое письмо (см. № 360).

№ 360.— Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 509—510). Опять-таки неизвестно на каком основании Корнилов относит и это письмо к марту, причем на стр. 509 говорит о нем, что оно относится к тому же времени, как и письмо № 359 к сестрам, т. е. к 14 марта, а на стр. 646 датирует его 11 марта, хотя в оригинале ясно стоит дата 11 февраля 1840 года.

№ 361.— Дата письма определяется указанием на близость поста.

№ 362.— Так как о надежде встретиться с Варварой Станкевич писал в письме к Грановскому от 1 февраля 1840, то ясно, что данное письмо Бакунина написано после получения этого письма Станкевича, т. е. примерно в середине февраля.

№ 366.— Напечатано частично у Корнилова (т. I, стр. 608—609).

[1] Речь идет о книге сына философа, Иммануила Германа Фихте, выпустившего в 1830 году двухтомное сочинение «J. G. Fichte's Leben und litterarischer Briefwechsel» («Жизнь и литературная переписка И. Г. Фихте»).

[2] Рахель, т. е. В а р н г а г е н ф о н - Э н з е, Рахиль Антония Фредерика (1771—1833) — жена германского писателя Карла Августа Варнгагена фон-Энзе, владелица литературного салона в Берлине, посещавшегося выдающимися немецкими писателями, как Шеллинг, так и впоследствии игравшими видную роль в радикальном движении «Молодой Германии» Гейне, Берне и пр. Была очень дружна с Шеллингом. С мужем ее (1785—1858), автором известных воспоминаний и дневника в 14 томов, позже был знаком Бакунин.

№ 367.— Дата этого письма определяется временем ссоры Мишеля с В. П. Боткиным. Она произошла скоро после приезда Боткина в Москву и окончательно разразилась в конце февраля и начале марта 1840. Об этом можно судить и по письму Боткина к Белинскому от начала марта, в котором первый жаловался второму на Бакунина, на вмешательство последнего в роман между Боткиным и Александрой и пытался возложить на Мишеля ответственность за неудачу этого романа («Летопись жизни Белинского», ред. Н. Пиксанова, стр. 117). Таким образом ясно, что если Мишель в письме от начала февраля к Александре (см. № 358) уверял, что Боткин на его вмешательство не рассердился, то это происходило лишь на первых порах, а затем Боткин, заметив, что положение его ухудшилось и шансы на успех упали, поспешил приписать такой исход дела влиянию Мишеля. К концу 1840 года переписка между Боткиным и Александрой Бакуниной замерла, а когда истек поставленный родителями годичный срок, ни одна сторона не потребовала заключения брака. Но в рассматриваемый момент Боткин еще переживал какое-то чувство и был чрезвычайно зол на Мишеля. В Белинском его жалобы встретили сочувственный отклик.

Одно время у Белинского и Бакунина снова установились хорошие отношения: это было во время их встречи в Петербурге, куда Белинский переехал около 24 октября 1839. В письме к Боткину от 22 ноября 1839 Белинский говорит: «Я увиделся с Мишелем на третий день приезда. С первых слов я увидел, что комедий ломать с ним не для чего, потому что он очень поумнел и очеловечился в последнее время и сам заговорил о твоем деле таким языком, каким мы говорили... Вообще Питер — славное исправительное место и очень исправил Мишеля. Я думал увидеться с Мишелем как с хорошим знакомым, но расстался с ним как с другом и братом души моей. Это, Васинька, — человек в полном значении этого слова. В нем сущность свята, но процессы ее развития и определений дики и нелепы; но за это винить его по крайней мере не мне». Пропускаем описание первой встречи, при которой Бакунин произвел на Белинского неблагоприятное впечатление. На второй день он пригласил к себе Белинского обедать, и тут-то, сообщает Белинский, «Мишель явился мне с самой л и ц е в о й, передней стороны. Сколько задушевности, теплоты, благородства, человеческости! Самые манеры его изменились — не было уже нелепых шуток и натяжных достолюбезностей, трубка уже не падала из рук его. Он спорил со мною... кротко, с... любовию и уважением ко мне... Одним словом я провел м о с к о в с к и й в е ч е р и ушел с новым, удивившим самого меня чувством к Мишелю». Затем, по рассказу Белинского, Мишель

был у него, спокойно выслушивал упреки по своему адресу и по адресу сестры Татьяны, кое в чем даже признавал свою вину, сознавался в некоторой бестактности по отношению к родителям и в конце концов снова очаровал Белинского. Теперь последний готов был взять обратно свое обвинение Бакунина в недостатки задушевности и в холодности к чужой личности. «В нем так много дикостей, угловатостей и нелепостей, он сам очень хорошо их видит и борется с ними; процессы его духа совершаются так трудно, как процесс деторождения для женщины; сверх того у него так мало такту и всего того, что дается счастливою непосредственностью и полнотою натуры, он все должен приобрести борьбою и успехами в мысли, что ему, право, пока совсем не до других, а только до себя... Но когда он бывает ровен с самим собою, это — человек насквозь теплый, насквозь светлый, в высшей степени задушевный, любящий, готовый принять в другом все участие, какого только можно желать». И дальше Белинский приводит в доказательство отношение Бакунина к нему: кажется, ни с кем так Бакунин не ссорился, как с Белинским, но где бы он ни появлялся, он всюду дает о Белинском самые восторженные отзывы и делает ему рекламу. «Погладь его за это по курчавой голове — право, он очень не глуп, как я начинаю уверяться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движение духа в этом шуте. Я немного побыл с ним в Питере, но много узнал от него нового, много уяснились мне и собственные мои идеи. Это — один человек, с которым побыть вместе значит для меня сделать большой шаг перед в мысли — дьявольская способнотсь передавать! Да, я вновь познакомился с Мишелем и от души, как друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новые отношения» («Письма», т. II, стр. 1—6).

Но это дружественное Бакунину настроение было в Белинском непрочно. Еще в первых февральских письмах к Боткину звучат отголоски этого настроения, но уже начиная с письма от 24 февраля — 1 марта слышится другой тон, тон знаменитых «диссертаций» осени 1838, в которых сказалась вся разница миропонимания и мироощущений обоих приятелей. Боткин своими письмами снова разбудил в душе Белинского уснувшую было вражду к бакунинской «абстрактности», «рефлексиям», «непосредственности» и пр. Белинский снова начинает говорить о Бакунине как о попрошайке (стр. 64), деспоте, восстанавливающем против себя самых смирных людей (вроде московского обывателя Заикина), отрицает в Бакунине всякое наличие воли, злорадно сообщает, что даже родной брат Мишеля, Николай, с которым Белинский в это время близко сошелся, не согласен с Бакуниным и т. п. Белинский доходит даже до такого утверждения: «Скажу тебе прямо, коротко и ясно; я ненавижу Мишеля, не для него и за него, а за них (т. е. за сестер. — *Ю. С.*), за его к ним отношения, за искажение их божественных натур. Я уважаю его, удивляюсь ему, но не как солнцу, все оживляющему, все согревающему, все очищающему, а как великолепному северному сиянию. Бывают даже минуты, когда и его индивидуальность бывает для меня если не мила, то достолюбезна; но лишь вспомню о н и х — я болен ненавистью, о которой не знаю, можно ли кому дать понятие. Да, это нечто выше враждебности: это — ненависть» (ib., стр. 59—60). И при этом характерно, что Белинский просит Боткина держать в секрете от Бакунина эти резкие отзывы о нем, ибо иначе переписка их оборвется или придется снова завести канительную полемику, бесплодную и раздражающую (стр. 64).

В это же время он написал Бакунину письмо, датированное 26 февраля 1840, в котором отвечал на какое-то большое сухое письмо Мишеля, вызванное отрицательным отзывом Белинского о «рефлексии» бакунинского кружка в письме к Боткину от 16 декабря 1839—10 февраля 1840 (стр. 12). Здесь Белинский писал: «Пора нам убедиться в том, что мы плохо понимаем друг друга, и что пора нам оставить друг друга в покое. Слияние невозможно для нас, действовать один на другого мы уже не можем ни положительно, ни отрицательно. Я уважаю тебя, говорю это тебе искренно, но я не люблю тебя, ибо мне н е н а в и с т е н образ твоих мыслей и еще н е н а в и с т н е е его осуществление. Это странное признание имеет целью не оскорбление тебя: прими его как знак моего уважения к тебе. Во всяком случае ты—человек благородный, я не могу играть с тобой комедии и хочу, чтобы ты не обманы-

вался насчет твоих ко мне отношений. Я всегда и везде встречу тебя с удовольствием, и мимолетная встреча с тобою всегда будет мне отрадна; мне будет о чем от души поговорить с тобою: у нас так много общих воспоминаний и общих предметов любви. Увидев тебя в беде, я не отдам тебе последней рубашки, как ты мне, но охотно (не по долгу, а по влечению сердца) поделюсь с тобою возможным, не спрашивая тебя о причине беды и даже зная, что она — именно то, что с особенною яростию ненавижу я в тебе. Но здесь и конец... Ты знаешь два языка, основания которых узнал в детстве, ты моложе меня, у тебя железное здоровье — перед тобой широкая дорога, в душе у тебя, как говорит Боткин, много полету — иди и лети к своей цели; но только помни, что достигнешь — я первый буду с жаром тебе аплодировать, срежешься—громко засвищу... Желаю тебе уехать в Берлин, желаю от всего сердца, чтобы ты сумел овладеть собою и прожить на 2000 рублей в год, чтобы ты вполне достиг своей цели. Но только тогда и поверю действительности твоего стремления. Что делать? С тех пор как я увидал свою нищету, ничтожество, дряблость, бессилие, я уж не верю словам, а верю только делам, фактам... Сбудется то, к чему ты стремишься, будущее сделается настоящим, — может быть, тогда твой пример будет для меня полезен, а пока... В ожидании жму твою руку» («Письма», т. II, стр. 75—76, 84, 86—87).

Отсюда ясно, что жалобы Боткина пали на подготовленную почву. 14 марта Белинский, выразив сожаление по поводу посылки Бакунину изложенного выше письма от 26 февраля, которое сам Белинский называет «прекраснодушным и москводушным», продолжает: «Не отрицаю в Мишеле действительной стороны, даже чего-то великого, но со всем тем он в моих глазах — сухой человек, олицетворенный дьявольский эгоизм, и пора мне перестать о нем и говорить и думать. Много я наделал в жизнь свою глупостей, о которых и больно и стыдно вспомнить, но знаешь ли что? для меня они и благороднее, и чище, и святее, и разумнее всех дел Мишеля, потому что источник их — сердечность, которой у него столько же, сколько у меня спекулятивности. Его отношения к тебе возмутительны и отвратительны. Бедный Николай (Бакунин. — *Ю. С.*) глубоко страждет от них и говорит, что он отца ни в чем не винит, прощает ему даже все его хитрости и кривды, и что его отец в праве всеми силами противоборствовать всякому делу, в котором имеет участие Мишель и дух его» (ib., стр. 87—88).

Появление статьи Бакунина о философии снова пробудило в душе Белинского некоторое дружеское чувство к Мишелю. В письме к Боткину от 16 апреля 1840 Белинский отзывался об этой статье восторженно (см. ниже комментарий к № 370). Так же хорошо он говорит о ней и в недатированном письме к Бакунину, относящемся по всем видимостям к апрелю 1840 г., ибо там говорится о письме Мишеля к родителям, написанном 24 марта (см. № 377), и о появлении статьи его о философии в «Отечественных Записках», что также имело место во второй половине марта. Мишель повидимому сообщил Белинскому, что сделал решительный шаг и определенно поставил перед родителями вопрос о своей поездке в Берлин, к которой, как мы видели, Белинский до тех пор относился скептически. На этот раз Белинский поверил в серьезность намерения своего приятеля. В указанном письме, являющемся ответом на неизвестное нам письмо Мишеля, Белинский сообщает, что сначала вид бакунинского письма возбудил в нем отвращение, так как он считал его ответом на свое ругательное письмо к Мишелю от 26 февраля и ждал от него возобновления настогчертевшей ему полемики, но затем настроение его резко изменилось. «Но когда я прочел твое письмо, то вельми возрадовался. Спасибо тебе за него, сто раз спасибо тебе. Ты поступил на этот раз по-человечески, преодолев чувство досады и враждебности, которые должно было возбудить в тебе мое письмо (от 26 февраля.—*Ю. С.*). В твоем письме нет ненавистной для меня философии (т. е. резонерства — *Ю. С.*), но зато есть человечность, и от него веет духом. Знаешь ли ты, что только оно, это письмо, еще в первый раз убедило меня, что твое стремление в Берлин — не пустая мечта праздного самолюбия, а действительная потребность? Прежде я не мог без чувства отвращения слышать от тебя

о Берлине (в который ты, правду сказать, сбирался по воздушной почте), но теперь я принимаю это дело к сердцу, и верь мне, если б я имел средства, то делом доказал бы мое участие... Также чрезвычайно меня обрадовало твое признание. что ты без поездки в Берлин обратишься в ничтожество. Я вспомнил твои упреки мне, что я ограничиваю свою жизнь конечными условиями, зависящими от слепого случая. Итак моя несчастная действительность одержала над тобою великую победу». И дальше Белинский предлагает Бакунину свои услуги в смысле подыскания ему литературной работы (ib., стр. 95—97).

№ 370.— Статья Бакунина о философии писалась повидимому в течение 1839 года. Возможно, что она начата была еще в Прямухине до отъезда в Петербург. В Петербурге она вероятно дописывалась и отделывалась. Ведь и на оригинале второй половины статьи имеется дата 1839 года: это во всяком случае показывает, что вчерне Бакунин набросал обе части статьи в 1839 г. (существовали ли другие части этой так и не законченной работы в более или менее обработанном виде, мы пока не знаем). Что первая часть статьи была закончена в 1839 г., мы знаем из показания Грановского, который в письме от 10 декабря к Станкевичу сообщает о ее прочтении. Вторая часть была повидимому приготовлена к печати около середины июня 1840 г., т. е. накануне отъезда Бакунина в Берлин. Об этом можно судить как по надписи на оригинале, так и по письму Краевского, который просил именно к этому времени прислать ему вторую часть статьи (см. ниже).

Первая часть статьи была напечатана в 4-й книжке «Отечественных Записок» за 1840 год, в IX томе этого журнала, в отделе II, на страницах 51 — 78. Цензурное разрешение (правда, на первой части указанного тома) помечено 14 марта 1840, так что за отсутствием более точных данных приходится пока датировать статью этим числом. Статья написана в обычном духе правого гегелианства и между прочим показывает, какой огромный шаг назад сделала русская мысль после подавления восстания 14 декабря 1825 года и после воцарения николаевской реакции (впрочем параллельно с умственной реакцией во всей Европе, где идеалисты à la Фихте, Шеллинг и Гегель, а особенно такие ничтожества, как Кузен, пришли на смену представителям революционной буржуазии, энциклопедистам XVIII века). В этой статье Бакунин продолжает ту же философскую и политическую линию, какой он держался в своей первой статье («Предисловие к Гимназическим речам Гегеля»), т. е. идеализма в теории и консерватизма с оттенком реакции в политической области. В этом письме Белинский неправ, когда проводит различие между первой и второй статьями Бакунина (см. ниже письмо его к Боткину). Та же ненависть к материализму и атеизму просветительной философии, то же отрицание у нее права на название философской школы, то же приписывание ей ответственности за французскую революцию и вообще за освободительные движения нового времени. С этой точки зрения Бакунин готов осудить даже всякую эмпирическую философию, начиная с Бекона Веруламского, за то, что из нее дескать с неизбежной последовательностью вытекают материализм и натурализм, столь опасные в политическом отношении. По сравнению с кружком Герцена Бакунин выступает и в этой статье форменным реакционером, старающимся обосновать идеалистическую философию между прочим и как орудие борьбы с неверием и революционностью.

Но наряду с этими недостатками статьи, которых такие люди, как тогдашний Белинский или такие сознательные буржуазно-консервативные либералы, как В. П. Боткин и Т. Н. Грановский, заметить не могли, статья эта обладала и несомненными достоинствами, привлекшими симпатии читателей. Впервые на русском языке основные принципы гегелевой философии излагались с такой простотой и ясностью, а сложнейшие теоретические вопросы обсуждались в такой удобопонятной и общедоступной форме. А так как традиции просветительной и материалистической философии XVIII века к тому времени в передовых кругах русского общества были позабыты (кроме небольших кружков вроде герценовского), так как в ходу тогда были различные системы философского идеализма, то естественно, что величественная система Гегеля, пытавшаяся с своей точки зрения установить единство человеческой мысли и истории, теории и действительности, проникнутая духом

непрерывного развития и отвергавшая агностицизм Канта, утверждавшая постижимость истины для человеческого ума, представлялась чем-то неизмеримо великим в сравнении с другими идеалистическими учениями вроде шеллингианства, фихтеанства и пр.

Во всяком случае статья Бакунина была хорошо встречена, по крайней мере в его кругу. Скупой на восторги Грановский писал 10 декабря 1839 года Станкевичу: «Мишель написал очень умную статью для «Отечественных Записок». Я читал в рукописи. Умно, дельно и просто» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 376). Более пылкий Белинский выражался по поводу статьи, разумеется, более восторженно. 16 апреля 1840 года он писал Боткину: «Статья Бакунина прекрасна, так прекрасна, как гадка наблюдательская (т. е. напечатанное в «Московском Наблюдателе» «Предисловие к Гимназическим речам Гегеля».—**Ю. С.**): выше этой похвалы я ничего не знаю. Этот человек может и должен писать — он много сделает для успехов мысли в своем отечестве» («Письма», т. II, стр. 109). А самому Бакунину он в недатированном апрельском письме писал так: «Начну с того, что твоя статья уже напечатана и что она привела Краевского в восторг своею ясностью, последовательностью и простотою; особенно его восхищает твоя катка эмпиризму... Краевский не ограничивает твоей деятельности двумя статьями: их может быть и пять и больше, да только с разными условиями и ограничениями» (ib., стр. 98; к сожалению, конец письма не сохранился, и мы не знаем, какие условия Краевский ставил для продолжения статей Бакунина, а это лишает нас возможности определенно ответить на вопрос о том, почему не была напечатана вторая статья Бакунина о философии).

Наконец сам Краевский не скрывал от Бакунина впечатления, произведенного на него статьею о философии. В письме от 28 мая 1840, напечатанном у Корнилова (т. I, стр. 582), этот литературный барышник писал Бакунину: «Я давно хотел писать к Вам, мой вселюбезнейший Михаил Александрович, и благодарить за прекрасную статью, которая для меня — просто о б р а з е ц философских статей на русском языке. Лучше этого по предмету философии я не желал бы ничего ни читать ни печатать по-русски. Ради господа шлите скорее. если можно к 15 июня (для июльской книжки), окончание этой статьи. Прошу вас всеусерднейше. Полноте сомневаться в своей способности к литературному делу, не Вам судить об этом, предоставьте другим, а сами знайте пишите да и только... Жду нетерпеливо обнять Вас в июне в Петербурге».

И тем не менее вторая статья Бакунина не была напечатана, хотя была повидимому представлена автором во-время, вероятно в июне, до выезда за границу. Что сыграло тут роль, мы не знаем. Испугало ли Краевского обещание Бакунина продолжать и дальше свои статьи? Вряд-ли: и Белинский и сам Краевский не ограничивали числа бакунинских статей двумя. Подействовал ли на Краевского угнетающе размер второй статьи, которая почти вдвое больше первой, и не подумал ли он, что пяток таких статей по философии будет несколько тяжеловат для его журнала? На этот вопрос мы не можем дать ответа, ибо не знаем тех условий, которые по словам Белинского Краевский ставил на случай продолжения статей Бакунина: может быть, там речь шла о размере статей, а может быть, о чем-либо другом. Во всяком случае вторая статья Бакунина в печати не появилась, она осталась в бумагах Краевского, а вместе с ними попала в архив ленинградской Публичной библиотеки, откуда мы ее и заимствовали.

[1] Ш л е г е л ь, Август Вильгельм (1767 — 1845) — немецкий ученый и писатель, сначала богослов, а затем филолог; как критик и поэт примыкал к романтической школе.

Ш л е г е л ь, Фридрих (1772—1829) — писатель и философ романтической школы; перейдя в католицизм, впал в мистицизм и реакционное мракобесие.

[2] Щ е г л о в, Николай Прокофьевич (1793—1831) — русский ученый, физик. Его «Основания частной физики» (1823) и «Основания общей физики» (1824) были позже изданы в переработанном виде под заглавием

«Руководство к физике» (Спб., 1829—1830) и долго служили в России пособием при изучении физики. Об этой книге и говорит Бакунин.

Рейнгольд, Христиан Эрнст, сын Карла Рейнгольда (1793—1855) — немецкий философ, кантианец, автор сочинений: «Логика или общее учение о формах мышления» (1827), «Учебник всеобщей истории философии» в 3 томах (1828—1829), «Теория человеческой способности познания и метафизика» (1832—1834), 2 тома, и «История философии в главных моментах ее развития» (4-е издание 1854, 3 тома).

Надеждин, Федор Михайлович — русский богослов, писатель, последователь Ф. Сидонского, автор «Очерка истории философии по Рейнгольду». Спб. 1837 (об этой книге и говорит Бакунин).

[3] Монтескье, Шарль (1689—1755) — французский писатель, идеолог либеральной буржуазии, автор сатиры на современные ему политические нравы «Персидские письма», «Рассуждения о причинах величия римлян и их упадка» и особенно «Духа законов» (1748), представляющего апофеоз либерально-конституционной буржуазной монархии и оказавшего огромное влияние на развитие политической мысли в XVIII и XIX веках.

[4] Балланш, Пьер Симон (1776—1847) — французский писатель, близкий друг г-жи Рекамье, автор многочисленных мистических произведений, посвященных развитию палингенеза, возрождения греховного человечества путем испытаний, ниспосланных ему провидением, в том числе и революционных потрясений. Бакунин имеет в виду его сочинение «Essais de palingénésie sociale» («Очерки общественного палингенеза»).

[5] Байргофер, Карл Теодор (1812—1888) — немецкий философ и политический деятель либерального направления, профессор в Марбурге, автор «Основных проблем метафизики» (1835) и сочинения «Идея и история философии» (1838).

№ 371.— Оригинал настоящей рукописи, ранее принадлежавшей А. А. Краевскому, хранится в ленинградской Публичной библиотеке (см. «Отчет» библиотеки за 1899 год, стр. 35).

Рукопись состоит из трех отдельных, однако вместе сшитых бумажных тетрадей обыкновенного листового формата. Каждая тетрадь имеет свою обложку (первый лист тетради оставляется чистым), при чем на всех обложках сделана одна и та же надпись: «Вторая половина 1-й статьи о философии М. Бакунина»; разница состоит лишь в том, что на обложке первой тетради стоит дата «1839-го года», а на обложках второй и третьей тетради «1840.— Июнь». Бумага в каждой тетради различная, несколько отличающаяся даже форматом. Несмотря на самостоятельные обложки, текст рукописи идет без всякого перерыва, так что например фраза, не оконченная во второй тетради, продолжается в третьей. Всего, включая и три обложки, но не считая пустых листов (одного — последнего первой тетради и четырех последних третьей тетради), в рукописи 23 листа. Первые девять листов текста и последние два листа писаны рукою Бакунина, средние девять листов писаны другою рукою, другим почерком.

Первоначально на обложке первой тетради было написано: «1-ая статья о философии М. Бакунина», но затем исправлено, как приводится в тексте. Сбоку была надпись «Философия Мих. Бакунина» — надпись эта зачеркнута. На оборотной стороне обложки 1-й тетради рукою Бакунина написано: «Таким образом из анализа эмпирического знания для нас произошло представление о истинном назначении философии и о тех условиях, без строгого соблюдения которых знание не может быть истинно философским знанием. Теперь остается узнать, возможно ли исполнение их, и если возможно, то каким образом и какими именно средствами. Во второй половине нашей статьи, которая будет помещена в следующем №, мы постараемся указать, как этот вопрос разрешается самостоятельным и необходимым развитием самого сознания».

Эти строки представляют почти дословно последний абзац первой половины статьи Бакунина, напечатанной в IX томе «Отечественных Записок» за 1840 год. Повидимому вторая половина статьи, не увидавшая света, была написана одновременно с первою или вскоре после нее. Но когда именно,

на это трудно ответить с положительностью. Очень возможно, что статья была написана, по крайней мере вчерне, уже в 1839 году. За это говорит дата 1839, проставленная на первой тетрадке публикуемой рукописи. Но закончена была вторая половина статьи лишь в июне 1840 г., как это видно по нескольким отметкам на следующих тетрадях. Таким образом выходит, что статья была закончена Бакуниным незадолго до своего отъезда за границу, который произошел 29 июня 1840 г. Вероятно она была окончательно отделана в Прямухине, где Бакунин в уютной семейной обстановке провел последний месяц своего пребывания в России. Поэтому статья интересна как документ, показывающий, каковы были философские взгляды Бакунина накануне его отъезда за границу, с которого начинается новая полоса его жизни.

Как первая напечатанная, так и вторая ненапечатанная половина статьи «О философии» полностью стоят на почве гегелевского идеализма. Впрочем, как известно, Бакунин и за границею в течение около двух лет продолжал еще оставаться на той же позиции правого гегельянства, и только с конца 1842 г. в нем совершается перелом сначала в сторону левого гегельянства, а затем и фейербахианства.

№ 372.— Небольшой отрывок напечатан у Корнилова (т. I, стр. 649). Конец письма до нас не дошел. История его происхождения такова. Александра Беер написала дружеское письмо Варваре на трех страничках почтового листка, оставив одну страничку чистой для приписки Мишеля. Но когда последний взялся за перо, в нем вдруг проснулись старые воспоминания, и он, закончив оставленный ему листок, продолжал писать и написал еще целых четыре страницы. Из них до нас дошел только первый листок на письме А. Беер, весь же листок, самостоятельно дописанный Бакуниным, исчез. Этот единственный сохранившийся листок мы и печатаем здесь (обо всем этом поведал сам Бакунин в письме к А. Беер от 21 марта 1840; см. № 375).

Бакунин до конца жизни сохранил благоговейное отношение к Станкевичу. Уже будучи законченным революционером, как небо от земли далеким от наивно-юношеских московских настроений, Бакунин в 1871 году нарисовал в своей «Кнуто-Германской Империи» следующий образ Станкевича: «Его внутреннее существо полностью проявлялось во-первых в его отношении к друзьям, а затем ко всем тем, кто имел счастье к нему приблизиться, — поистине счастье, потому что было невозможно жить подле него и не чувствовать себя в некотором смысле улучшенным и облагороженным. В его присутствии подлая и тривиальная мысль и дурной инстинкт казались невозможными. Под его влиянием самые обыденные люди становились выдающимися» (B a c o u n i n e — «Oeuvres», т. III, стр. 398).

Мы видим таким образом, что, говоря в письме к Варваре о своем отношении к Станкевичу, Бакунин отнюдь не находился под властью мимолетного настроения: он всегда т а к относился к Станкевичу, видя в нем в известном смысле своего учителя не только в умственном, но и в моральном отношении. Варвара, которая в конце концов встретилась с Станкевичем в Риме в середине мая 1840 г., показала ему это письмо Мишеля, вызвавшее ответное письмо Станкевича от 7/19 мая к Бакунину, в котором он посвятил несколько строк вопросу о своем влиянии на Мишеля: «Друг мой! Ты с одной стороны слишком много даешь мне участия в твоем внутреннем процессе: я ли, другой ли, книга ли сделали бы то же. Это — только внешнее побуждение: внутренняя сила делает все» («Переписка», стр. 667—668).

Из этого письма Станкевича Бакунин узнал об опасном обороте, какой приняла болезнь его друга, и о встрече его в Риме с Варварой Дьяковой. Он отвечал им отдельно письмами от середины июня, помещенными у нас под номерами 394 и 395 (см. ниже).

№ 373.—Напечатано с ошибками у Корнилова (т. I, стр. 612—613). Письмо не датировано. Корнилов датирует его 15 марта 1840, не оговаривая, что дата эта проставлена кем-то посторонним на письме карандашом (быть может, самим Корниловым). Возможно, что Корнилов в данном случае прав, и что письмо Бакунина является ответом на письмо А. Беер от 4—5 марта 1840 (напечатанное в выдержках у него, т I, стр. 609—612), которое в

свою очередь было ответом на письмо Мишеля к ней от конца февраля — начала марта, помещенное у нас под № 366.

№ 375. — Это письмо к А. Беер объясняет происхождение важного письма Мишеля сестре Варваре, помещенное у нас под № 372 (см.). Письмо к родителям было отослано им не 22, а 24 марта (см. № 377).

№ 376. — Письмо это важно в том отношении, что свидетельствует о прекращении дружеских связей между Бакуниным и Боткиным уже в марте 1840 года. С другой стороны оно показывает, что отчасти под влиянием сестер Беер, отчасти же под впечатлением нерешительности Боткина Бакунин уже к марту 1840 перестал верить в серьезность любви между Боткиным и Александрой Бакуниной.

№ 377. — Напечатано с сокращениями у Корнилова (т. I, стр. 621—635).

Корнилов относит это письмо к 23 марта (надо полагать, он имеет в виду дату его отсылки отцу, а не писания, ибо писалось оно вероятно несколько дней, и уже в письме к А. Беер от 21 марта Бакунин сообщал, что посылает письмо отцу завтра, т. е. 22 марта). Но Корнилов устанавливает дату неточно. Как видно из письма Мишеля к сестрам Беер от четверга 27 марта (см. № 381), он отослал письмо отцу «в прошлый понедельник», т. е. 24 марта 1840 (здесь слово прошлый надо понимать по-французски, т. е. не в смысле понедельник прошлой недели, а последний понедельник, который по отношению к четвергу является, разумеется, прошлым). Впрочем, отец Бакунина в ответном письме от 30 марта (см. у Корнилова, т. I, стр. 637—638) также указывает как дату отправления письма Мишеля 22 марта. В виду всех этих разноречий мы предпочитаем остановиться на дате, точно с указанием не только на число, но и на день отправки приводимой самим Мишелем, т. е. на 24 марта (или даже 25 марта, если принять во внимание, что в письме, помещенном у нас под № 382, Бакунин датирует четверг 28, а не 27 марта).

Какое важное значение Бакунин придавал этому письму, видно из того волнения, с которым он ждал ответа родителей на свое письмо и которое так явно сквозит в его письмах к сестрам и друзьям за последующие дни. Отец отвечал ему 30 марта. Мы впрочем не уверены в точности этой даты, приводимой А. Корниловым, или же принуждены допустить, что ответ старика Бакунина не сразу был отправлен сыну, ибо последний дожидался этого ответа больше двух недель, как видно из письма его к родителям от начала апреля (см. № 388) и из письма его к сестрам от 6 апреля. Ответ родителей нельзя было назвать определенным. Правда, на этот раз они в принципе не возражали против поездки Мишеля в Берлин, но обещали оказать ему денежную помощь не ранее сентября, да и то в случае хороших дел: в последнем случае они готовы были выдавать ему в год по 1.500 рублей. В конце концов Бакунину пришлось обратиться к посторонними людям (в смысле родства), а именно к А. И. Герцену.

№№ 379 и 380. — Дата этого и последующего писем устанавливается по содержанию. Письмо к Татьяне написано сейчас же после отсылки родителям письма № 377, т. е. вероятно 25 марта, а следующее письмо сестрам (под № 380) через день, ибо оно начинается словами: «Вчера я позабыл просить вас» и т. д., т. е. вероятно 26 марта. Идущее за сим письмо к Беерам (№ 381) уже датировано 27 марта, что подтверждает наши предположения. № 379 частично напечатан у Корнилова (т. I, стр. 636—637).

№ 383. — Дата устанавливается припискою Павла, датированною 1 апреля.

№ 385. — Это письмо можно было бы отнести по общему духу к более ранней дате, судя по тому, что там говорится о действительной любви А. Бакуниной к Боткину. Но фраза о том, что сестры сообщили Мишелю о согласии родителей давать ему по 600 рублей в год (независимо от верности этого сообщения), показывает, что письмо относится к началу апреля 1840 года, не ранее.

№ 387. — Это письмо возбуждает одно сомнение: что Бакунин называет здесь своим последним письмом к родителям о Берлине — письмо ли от 24 марта (№ 377) или второе письмо, помещаемое нами под № 388? Если бы

было верно последнее предположение, то выходило бы, что второе письмо написано и послано до 6 апреля 1840. Но это представляется маловероятным, ибо в этом втором письме Бакунин ясно говорит, что уже две недели ждет ответа от родителей. А так как он послал отцу первое письмо 24 марта, то, прибавляя по два дня на дорогу письма из Москвы в Тверь и столько же обратно плюс две недели ожидания, получим, что второе письмо могло быть отослано родителям не ранее 8—12 апреля, т. е. идет вслед за письмом к сестрам от 6 апреля.

№ 388.— Выдержка из этого письма напечатана у Корнилова (т. I, стр. 637). Корнилов говорит, что письмо отправлено через несколько дней после первого (т. е. письма от 24 или по мнению Корнилова от 23 марта). Но ведь сам Бакунин заявляет во втором письме, что оно написано после двух недель ожидания ответа на первое, а не через несколько дней, т. е., как мы показали в коментарии к № 387, не ранее 8—12 апреля.

№ 389.— Это письмо напечатано впервые в женевском издании переписки М. А. Бакунина с Герценом и Огаревым, стр. VIII—X, а затем перепечатывалось неоднократно. Мы тоже заимствовали его оттуда. Оригинал его хранится вероятно в Герценовском архиве в Лозанне.

Трудно установить с точностью время первого знакомства Бакунина с Герценом и Огаревым. С последним Бакунин и Белинский познакомились повидимому раньше, чем с первым. Свободно приезжать в Москву Герцен получил возможность с июля 1839 года, но он и прежде наезжал в Москву из Владимира; окончательно же он переехал из Владимира в Москву только в конце марта 1840 года. Бакунин с середины июля 1839 находился в Петербурге, следовательно, если он был знаком с Герценом до своего возвращения в Москву, то познакомиться они могли в один лишь из нелегальных наездов Герцена туда из Владимира. Когда Бакунин воротился в Москву (а это произошло во второй половине ноября 1839), то Белинского там уже не было (ибо он выехал из Москвы в Петербург 20 октября 1839). Таким образом споры о гегелевской «действительности» между Белинским и Бакуниным с одной стороны и Герценом с другой, столь художественно описанные последним в своих воспоминаниях («Сочинения» под ред. М. Лемке, т. XIII, стр. 11—16), вряд ли могли происходить так, как он их изображает, т. е. вестись одновременно с о б о и м и гегелианцами, если только не допустить, что эта сцена имела место в 1838 году (во Владимир Герцен попал в начале 1838). Но последнее предположение мало вероятно, так как Герцен определенно говорит о том, что Белинский в пылу спора прочитал ему «Бородинскую годовщину», а это относится к лету и осени 1839 года. Если же допустить, что Бакунин познакомился с Герценом только в конце 1839 года, то ясно, что Герцен спорил с ним и с Белинским отдельно.

Как бы то ни было, факты таковы: об Огареве Белинский пишет как о знакомом в ноябре 1839, а о Герцене — лишь с декабря 1839. С Бакуниным Герцен сошелся скорее, чем с Белинским, а это косвенно доказывает, что Бакунин не заходил так далеко в своем преклонении перед «действительностью», в частности российской, как не знавший золотой середины Белинский, и что он раньше Белинского отказался от примирения с этой действительностью, каковой более революционно настроенный тогда «политик» Герцен не мог переварить. Во всяком случае к весне 1840 Бакунин довольно близко сошелся с Герценом и Огаревым и был с ними на «ты». Повидимому новые приятели услышали от Бакунина о его мечте, т. е. о задуманной поездке в Берлин, и так как оба принадлежали к богатому помещичьему классу, обещали в случае нужды притти ему на помощь. Что они обещали дать Бакунину взаймы для этой цели 5 тысяч рублей, видно из его письма к Герцену. Друзья или точнее Герцен сдержали слово, и Бакунин получил таким образом возможность осуществить наконец свою мечту и вырваться за границу.

[1] Корнилов указывает, что заглавие посылаемой книги приведено Бакуниным неточно. Это был дневник Беттины фон-Арним, приложенный к ее переписке с Гёте и озаглавленный «Tagebuch zu Göthe's Briefwechsel mit einem Kinde». Этот дневник и был, как мы знаем, переведен Бакуниным.

№ 390.— Небольшая выдержка из этого письма напечатана у Корнилова

(т. I, стр. 675). Кроме того Корнилов упоминает об этом письме на стр. 574.

[1] Действительно со времени новой ссоры Белинского с Мишелем первый сильно сблизился с Николаем Бакуниным, который на все начал смотреть его глазами и которого он на время сильно восстановил против старшего брата. Соответствующие письма Белинского переполнены похвалами замечательным качествам Николая Бакунина, которые он противопоставляет недостаткам Мишеля.

[2] В Твери Бакунин побывал в апреле 1840. Написав приведенное выше письмо Герцену (см. № 389), Мишель, не дождавшись ответа, вернулся в Москву, где узнал о согласии Герцена предоставить ему просимый заем (на самом же деле это была не ссуда, а субсидия).

[3] Из этих слов Бакунина видно, что в тот момент он еще не решил остаться за границею в качестве эмигранта (хотя, как мы знаем, такая мысль у него по временам мелькала уже и раньше, даже в 1837 году).

№ 391.— Французский язык этого письма, весь его тон, упоминание в конце его о Федоре (Ржевском) могут внушить мысль, что письмо это относится к переписке 1836 года, напечатанной нами в первом томе настоящего издания. Но ретроспективное указание в середине письма на прошедшее увлечение Мишеля кузиною С. А. Муравьевою уже заставляет отнести его к эпохе, более поздней, чем даже весна 1838. Наконец последний абзац письма окончательно фиксирует его дату. Поездка Грановского в Орловскую губернию (а именно там жили Бееры в Шашкине) состоялась не раньше конца мая 1840, как видно из его биографического очерка («Т. Н. Грановский и его переписка», т. I. Библибографический очерк А. Станкевича, второе издание 1897, стр. 114). Отсюда явствует, что данное письмо относится к концу мая 1840 года (хотя в пакете писем к сестрам Беер из Прямухинского архива оно лежит вовсе не на своем месте).

№ 392.—[1] Шпацир, Рихард Отто (1803—1854)—немецкий писатель и историк, автор биографии своего дяди Жана-Поля Рихтера (1826 и 1833), написал в полонофильском духе «Историю польского народа» (1831) и «Историю польского восстания» (1832). Вероятно Бакунин говорит о последних.

[2] Сатин, Николай Михайлович (1814—1873) — член кружка Герцена, приятель Огарева, Белинского и пр.; писатель и переводчик. Повидимому имел какое-то отношение к выдаче Бакунину субсидии, назначенной ему Герценом и Огаревым (вероятно на этом основании Бакунин обращается к нему с просьбой выдать 200 руб. в счет 1800 руб., надо полагать, ассигнованных ему Герценом на заграничную поездку).

№ 393.— Напечатано частью у Корнилова (т. I, стр. 676).

Бакунин находился в это время в Прямухине, куда прибыл в конце мая, чтобы провести последние недели своего пребывания в России с родными. Здесь он оставался до 22 июня.

В письме речь идет о письме Н. Станкевича от 7/19 мая 1840 (см. коментарий к № 372). Выдержки приведены Бакуниным довольно, хотя и не вполне, точно.

№ 394.— Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 658—659). Где находится оригинал этого письма, который в свое время несомненно был у Корнилова в руках, нам неизвестно: по крайней мере в той части Прямухинского архива, которая была предоставлена нам б. Пушкинским Домом, мы его не нашли. Это— тоже один из вопросов, связанных с приведением в порядок Прямухинского архива, к которому пора же наконец приступить. Приведя ту часть письма, которую мы здесь принуждены перепечатать из его книги, Корнилов прибавляет: «Остальная часть письма посвящена предстоящему его отъезду и всему тому, что для него было связано с этим событием. К ней мы еще вернемся». Но о своем обещании Корнилов позабыл и вторую часть письма Бакунина в своей книге не привел, так что мы к сожалению принуждены ограничиться тою его частью, которая была Корниловым опубликована.

№ 395.— Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 659—662).

Письмо не застало Станкевича в живых: он скончался в ночь с 24 на 25 июня 1840 в городке Нови. Варвара Дьякова, находившаяся при нем и

в тот момент питавшая к нему не только дружеское чувство, была страшно поражена его смертью, как видно из ее заметок, набросанных у гроба и напечатанных у Корнилова (ib., стр. 665—668). На всех знавших его, а особенно на его друзей преждевременная смерть этого выдающегося человека произвела сильнейшее впечатление. Бакунин узнал о смерти друга лишь по приезде в Берлин. Первая реакция его на это ужасное известие нам неизвестна, но до нас дошло письмо его из Берлина к родным от 9 августа 1840, где он дает оценку покойному другу (это письмо будет напечатано в третьем томе настоящего издания).

[1] Речь идет о коменданте неаполитанского форта св. Эльма (итальянская Петропавловка), генерале Руберти, с семьею которого Варвара Дьякова сблизилась в Неаполе.

[2] Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич (1762—1851) — русский писатель, дипломат, был послом в Гамбурге и Мадриде, отец декабристов Ипполита, Матвея и Сергея Ивановичей Муравьевых, переводчик Аристофана, Шеридана, автор комедии «Ошибки» и «Путешествия в Тавриду». См. «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». Пред. и прим. С. Я. Штрайха. Изд. «Былое». Петроград, 1922.

[3] Вердер, Карл (1806—1893) — ученик и последователь Гегеля, сделался доцентом с 1834 г., читал главным образом по логике, написал книгу о первом отделе логики (качестве); читал много лекций о выдающихся драматических произведениях Шекспира и Шиллера; был очень популярен среди русских, приезжавших в то время в Берлин, в частности среди членов кружка Станкевича. Последний был с ним довольно близок; позже с ним познакомился и Бакунин.

№ 396. — Это письмо, представляющее нечто в роде завещания Бакунина сестрам и братьям, с которыми он в душе видимо прощался уже навсегда, до сих пор не опубликовывалось.

№ 397. — Напечатано у Корнилова (т. I, стр. 680—682).

Несмотря на временное пробуждение в душе Белинского прежнего дружеского чувства к Бакунину в апреле (см. комментарий к № 367), в нем скоро возобладало враждебное отношение к бывшему приятелю — в значительной мере под влиянием Боткина, отчасти, быть может, и под влиянием бессознательно говорившего в нем голоса классового чувства, злобы плебея против представителя вырождающегося, по его мнению, дворянского рода (см. приведенные в комментарии к № 335 выражения Белинского по поводу семьи Бакуниных в связи с любовной историей Боткина). Через какой-нибудь месяц после дружеских объяснений с Мишелем, а именно в письме к Боткину от 16 мая 1840 («Письма», т. II, стр. 124—125), Белинский дает полный простор проявлению самого враждебного отношения к Бакунину (этот отзыв следует непосредственно за выражением желания «хлопнуть по дворянским физиономиям плебейским кулаком», что и подсказывает мысль о влиянии классового инстинкта на враждебное отношение Белинского к Бакунину). Говоря о неудачном ходе сватовства Боткина, Белинский продолжает: «Теперь есть надежда, что дела твои могут пойти успешнее, ибо новый адвокат (т. е. Николай Бакунин.— *Ю. С.*) имеет действительную силу: любовь, совесть, человечность и уважение со стороны отца, словом все, чего нет у прежнего. Я уверен, что этот прежний и своим усердием так же вредил тебе, как и враждою. Такой уж человек, бог с ним. Кстати, бога ради не хвали мне его и не защищай: он для меня — решенная загадка. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человек с чудесной головою, но решительно без сердца и притом с кровью протухлой, соленой трески» (дальше Белинский в довольно грубой форме намекает на половое бессилие Бакунина, с каковым намеком, повидимому бывшим в ходу среди приятелей Мишеля, мы встретимся ниже при описании столкновения Бакунина с Катковым). И в высшей степени характерно: узнав, что между Катковым и Бакуниным создались враждебные отношения, Белинский настолько дает волю своей ненависти, что допускает следующее обращение к Боткину: «Расцелуй за меня Каткова, я вдвое больше люблю его за это. Это — новое доказательство, что он — человек». Здесь Белинский как бы предвидел и заранее благословлял

предстоящий конфликт, происшедший именно на его квартире и при его сочувствии врагу Мишеля.

М. Н. Катков, будущий глава всероссийской реакции, в молодости примыкал к кружку Станкевича, был близок с его членами, в ссоре Бакунина с Белинским в 1838 г. принял сторону Бакунина, которого в 1839 г. называл «одним из самых близких ему людей». Но в 1840 году они разошлись. По словам биографа Каткова С. Неведенского (Любимова), Бакунин распустил о Каткове какую-то сплетню. В точности до сих пор не совсем ясно установлена причина их ссоры, но, судя по появившимся с тех пор свидетельствам, в частности по письмам Белинского к Боткину (в начале второго тома его «Писем»), речь шла об интимных отношениях Каткова к первой жене Н. П. Огарева, Марии Львовне (выведенной И. С. Тургеневым в «Дворянском гнезде» под видом жены Лаврецкого). Е. М. Феоктистов в своих воспоминаниях «За кулисами политики и литературы», Лгр. 1929, стр. 84—85, рассказывает по этому поводу, что Бакунин однажды «вошел в кабинет m-me Огаревой и увидел, что Катков сидит на скамейке у ее ног, положив голову на ее колени; он быстро ретировался, но не замедлил рассказать о сцене, которой пришлось ему быть свидетелем» (этот рассказ Феоктистов якобы слышал от графини Салиас). Замечательно, что за разговоры Бакунина по этому поводу на него рассердился не только Катков, но и сам Огарев! История эта тянулась видимо довольно долго, потому что Белинский пишет о ней Боткину уже с ноября 1839, но окончательную развязку она получила при встрече Бакунина с Катковым накануне отъезда Мишеля за границу. Как видно из письма самого Белинского к Боткину, он сыграл в этом инциденте роль если не подстрекателя, то активного пособника враждебной Бакунину стороны.

На второй же день после своего приезда в Петербург, т. е. вероятно 27 июня, Бакунин пошел попрощаться к Белинскому, где для него было приготовлено нечто вроде ловушки. Впрочем предоставим слово самому Белинскому. Что в глубине души Белинский чувствовал некоторое угрызение совести по поводу сыгранной им в этом деле роли, видно из того, что он сам Боткину об этой истории не писал, что только через месяц Боткин, вероятно узнав о ней стороной, обратился к Белинскому 24 июля с прямым запросом о событии, и что даже после этого прямого запроса Белинский в течение трех недель молчал, как бы набрав воды в рот, и лишь 12—16 августа собрался ответить любопытствующему приятелю. Вот что он писал: «В письме твоем от 24 июля... спрашиваешь ты меня о моем свидании с Бакуниным. Тут целая история или, лучше сказать, целая драма... Не скрою от тебя, что я ждал Бакунина с некоторым беспокойством. Николай Бакунин писал ко мне, что Мишель хочет со мною обстоятельно и насчет всего переговорить и объясниться, а я чувствовал, что это объяснение с моей стороны будет бранью и ругательством, и потому, зная о своей храбрости, я несколько беспокоился предстоящим свиданием. Вдруг в одно прекрасное утро является ко мне Катков в каком-то необыкновенно и странно одушевленном состоянии и с разными штуками и мистификациями объявил наконец мне, что Бакунин приехал, что вчера с заднего крыльца часов в 11 ночи явился он к Панаеву, что Панаев не мог скрыть своей к нему холодности, отчего Бакунин конфузился, смотрел на него исподлобья подозрительными глазами, а Катков не выходил из своей комнаты (дальше Белинский признается, что именно он восстановил Панаева против Бакунина. — *Ю. С.*)... Катков пришел ко мне поутру, я встал поздно, и вот мы ждем (итак ясно, что встреча Каткова с Бакуниным была не случайной, а подготовленной Белинским и Катковым.— *Ю. С.*), ждем Бакунина, а его все нет как нет. Вот уж скоро и 12 часов. Мы уже решились было итти к Панаеву в чаянии там обрести нашего абстрактного героя (эти слова наводят на подозрение, что Белинскому было известно намерение Каткова применить к Бакунину метод физической расправы. — *Ю. С.*). Но вдруг гляжу в окно — на дворе длинная, уродливая фигура, в филистерском прегнусном картузе, спрашивает меня. Диким голосом закричал я ему в окно: «Бакунин, сюда!» Кровь прилила у меня к сердцу. Наконец он вошел, я поспешил выйти в переднюю, чтобы подать ему

руку, и не допустил его броситься мне на шею; однакож он прикоснулся своими жесткими губами к моим и через спаленку прошел в мой кабинет, где и встретился с Катковым лицом к лицу. Катков начал благодарить его за его участие в его истории. Бакунин, как внезапно опаленный огнем небесным, попятился назад и задом вошел в спальню и сел на диван, говоря с изменившимся лицом и голосом и с притворным равнодушием: «фактецов, фактецов, я желал бы фактецов, милостивый государь». — «Какие тут факты, вы продавали меня по мелочи, вы — подлец, сударь!». — Бакунин вскочил: «Сам ты — подлец!». — «С к о п е ц!». Это подействовало на него сильнее подлеца: он вздрогнул как от электрического удара. Катков толкнул его с явным намерением затеять драку. Бакунин бросился к палке, завязалась борьба. Я не помню, что со мною было, кричу только: «господа, господа, что вы, перестаньте», а сам стою на пороге и ни с места. Бакунин отворачивает лицо и действует руками, не глядя на Каткова; улучив минуту, он поражает Каткова поперек спины подаренным ему тобою бамбуком, но с этим порывом силы и храбрости его оставили и та и другая, и Катков дал ему две оплеухи. Положение Бакунина было позорно: Катков лез к нему прямо со своим лицом, а Бакунин изогнулся в дугу, чтобы спрятать свою рожу. Во время борьбы он вскричал: «если так, мы будем стреляться с вами!». Достигши своей цели, т. е. давши две оплеухи Бакунину (здесь Белинский снова выдает себя: итак он знал, какую цель ставил себе Катков, явившись на встречу с Бакуниным, чему Белинский всемерно способствовал.— *Ю. С.)*, Катков наконец согласился на мои представления и вышел в кабинет. Я затворил двери. На полу валялась шапка Бакунина, спаленка моя обсыпана известкою, которая свалилась с потолка от возни. Вообрази себе мое положение. Я был весь на стороне Каткова; но было жаль Бакунина, хотя мое сожаление было для него оскорбительнее всякой обиды; к тому же он был моим гостем, и у меня в доме подвергся позорным побоям. Равным образом мое положение было затруднительно и в отношении к Каткову: мне было на него досадно, что он мою квартиру избрал театром такого рода объяснения, а между тем я в то же время чувствовал, что есть такие положения в жизни, когда только одни филистеры думают о приличиях и отношениях. Однакож я вошел в комнату, где был Катков; я не имел силы быть с глазу на глаз с опозоренным Бакуниным. Мне было жаль его, но мое сожаление оскорбило бы его, если бы я ему его высказал. Катков снова бросился к нему. Я думал, что это—начало новой баталии, схватил его за руку и стал уговаривать. «Одно только слово!»—сказал он, подошел к Бакунину, который сидел, и, нагнувшись к его физиономии, грозя пальцем (как-будто намереваясь отдуть им по носу), сказал ровным сосредоточенным голосом: «послушайте, милостивый государь, если в вас есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали». Засим, внявши моим просьбам, он ушел. Ну, брат Василий, не забыть мне этого дня. Я сыграл тут роль мокрой курицы. Мне бы следовало или молча, с ученым видом знатока смотреть на занимательный спектакль, или броситься между витязями, чтобы разнять их; но я стоял т в е р д о на пороге комнаты, словно прикованный к нему, и только руки мои свободно простирались к бойцам, не доставая впрочем до них. Да, Боткин, в первый раз увидел я жизнь лицом к лицу, в первый раз еще узнал, что такое мужчина, достойный любви женщины».

16 августа, через четыре дня, Белинский продолжал: «Я остался один с Бакуниным. Он сидел, а я ходил по двум комнатам. Оба мы тяжело дышали, я просто задыхался. Его лицо было бледно, однако два неприятно багровые пятна украшали его ланиты, а его и без того отвратительные уста просто превратились в параллелограм. Я давно уже подозревал его безобразие, но тут вполне убедился, что он решительно безобразен. Трудно представить, чтобы какая-нибудь женщина могла полюбить его, и право не понимаю, как могут его целовать его сестры. Однако он мне был и жалок. Чтобы заговорить с ним, я стал уверять его, что я не виноват в этой сцене, ибо и не предвидел ее (после всего вышесказанного в этом дозволительно сомневаться.—*Ю. С.)* Он стал уверять, что и не думал подозревать меня. Затем я выпил несколько стаканов воды и начал отдыхать. Он едва мог про-

пустить глоток. «Не задерживаю ли я тебя?»,—спросил он. «О, нет»,—отвечал я. Но видя, что разговор не клеится, что нам тяжело быть вместе, я сказал ему, что надо итти, и мы пошли. Перед выходом я сказал ему, что решительно отказываюсь от всякого участия в их истории кроме примирительного. Приезжаю к Паневу, там Языков *. Ну, расспросы—я им поведал. Начали толковать о предстоящей дуэли, и Катков предлагает мне быть его секундантом. О, боги! Я—секундант!.. Бог вас да благословит, а я не виноват. Я отказался. Катков обратился к Панаеву—тот кивнул головою в знак согласия». Дальше Белинский рассказывает, что вся честная компания поехала на дачу к Краевскому, при чем Языков стал доказывать Белинскому, что Панаев как человек семейный не должен рисковать пойти в солдаты за участие в дуэли, и что роль секунданта следует взять на себя Белинскому. И что же, в своей вражде к Бакунину Белинский дошел до того, что согласился, забыв, как за несколько часов до того уверял Бакунина в нежелании вмешиваться в эту историю иначе как с примирительными целями! «Что ж ты думаешь, Боткин? Я расхрабрился. Иду на войну да и только... Во-первых, этот случай лучше всех теорий вразумил меня, что иногда дуэли бывают необходимы; а во-вторых, жизни хоть раз в жизни захотелось отведать. Много тут участвовало и участие к Каткову... Короче: приехав на дачу, я дал Каткову решительное слово. По возвращении с оной вечером я отправился к Бакунину. Он встретил меня просьбою отдать Каткову записку и уверениями, что хотя он и чужд предрассудков, однако есть в жизни случаи и прочая. Я поспешил с ним согласиться (что, казалось, заставило его опешиться) и прочел записку. Онанистическим и скопеческим слогом рассказано в ней было на двух почти страничках то, что можно было сказать в двух словах, а именно, что так как по русским законам оставшийся от дуэли в живых должен быть солдатом, то и лучше им стреляться в Берлине. Но теперь в письме Ефремова, которым он уведомляет меня о смерти Станкевича, находится ко мне просьба, чтобы я уговорил Каткова отложить дело на неопределенный срок, ибо в Берлине, В. А. Дьякова, для которой Мишель—единственная подпора и пр. Кажется, молодец хочет отделаться, а наш горячится тем пуще — говорит: надо подлеца стереть с лица земли! Впрочем я подозреваю, что он прикнучивает себя, ибо дуэль хороша тотчас же, когда оскорбление живо и сильно еще» («Письма», т. II, стр. 145—149).

Это письмо лучше говорит о роли Белинского в этом столкновении, чем могли бы сказать тысячи документов, принадлежащих другим лицам. И в создании враждебной атмосферы против Бакунина как до, так и после конфликта, и в подготовке встречи Бакунина с Катковым, и в приготовлениях к дуэли Белинский играл активную роль, стремясь не в меньшей мере, чем бреттер Катков, стереть Бакунина с лица земли. В своем озлоблении против бывшего учителя и друга Белинский доходит не только до того, что изображает его в виде морального и даже физического урода, но и до сожаления, что дуэль может не состояться и что таким образом Бакунина не удастся спровадить на тот свет! Тут говорила в Белинском не только симпатия к Боткину, потерявшему невесту якобы благодаря Мишелю, не только злоба на Бакунина за то, что он так долго держал Белинского под своим умственным и нравственным влиянием (игом, по мнению Белинского), не только за пагубное, по мнению его же, влияние Мишеля на сестер, но и за одну вещь, о которой Белинский старался не говорить и о которой вспоминал редко, хотя помнил всегда, а именно о своей прежней любви к той же Александре Бакуниной, любви, неудачу которой он также в значительной степени приписывал Мишелю и характеру его влияния на своих сестер. Как бы то ни было, интенсивность его вражды к Бакунину в рассматриваемое время свидетельствует о каком-то болезненном раздражении. Во всяком случае Баку-

* Языков, Михаил Александрович (1811—1885)—директор имп. стекольного завода; не будучи сам писателем, стоял близко к литераторам 40-х годов и даже принимал некоторое участие в редактировании «Современника». Был близким другом В. Г. Белинского. Основатель общественных библиотек в Калуге и Новгороде.

нин был совершенно прав, когда в письме к сестрам и братьям говорил, что Белинский—для них чужой человек. Это было несомненно так.

В письме к Ефремову от 23 августа 1840 Белинский требовал от Бакунина письменного извинения перед Катковым (ib., стр. 153). А месяца через полтора он сообщал Боткину в письме от 4 октября 1840, что такое извинение Бакуниным уже представлено. С явным издевательством Белинский писал там: «Когда он уезжал из Петербурга за границу, его проводил не я, не Катков (Катков был в тот момент очередным увлечением пылкого Виссариона, возможно в значительной мере вследствие открытой вражды этого наглого пролазы и карьериста к Бакунину.—*Ю. С.*), даже не Языков и Панаев, но Герцен, произведенный им за 1000 рублей в спекулятивные натуры. Но и этим комедия не кончилась: оная натура говорит, что его можно уважать за ум, но не любить, и что по письмам его московских друзей видно, что они даже плохо и уважают-то его» (ib., стр. 162).

В последних словах содержится видимо намек на письмо Огарева к Герцену от 24 августа 1840, опубликованное сначала в «Русской Мысли» 1889, № 1, а затем частично перепечатанное М. Драгомановым в предисловии к изданным им в Женеве в 1896 г. «Письмам М. А. Бакунина» (стр. XI). Получив сведения о встрече Бакунина с Катковым вероятно из тех же враждебных Мишелю и подогреваемых Белинским кругов, честный Огарев уже готов был сожалеть о помощи, оказанной Герценом Бакунину. «Что за продолжение боя у Каткова с Бакуниным,—писал он Герцену,—и почему окончание дурно? Объясни. Я уже придумал: вероятно один другого ударил в рожу, а тот обтерся. Мне ужасно жалко, что я протянул руку помощи этому длинному гаду (понимать ли эти слова так, что деньги на поездку в Берлин дал Бакунину Огарев или Огарев и Герцен вместе?—*Ю. С.*). Поведение его относительно Боткина так низко (как мы знаем, это — неправда, распространявшаяся Боткиным.—*Ю. С.*), что выразить нельзя. Надеюсь, что не худо будет не только от него отстать, но даже напрямик отказать во всяком остальном вспомоществовании (повидимому, так и было поступлено, ибо, попав за границу, Бакунин обращался за деньгами к кому угодно, но не к Герцену и Огареву, а с последним долго был в прямой вражде.—*Ю. С.*). Это—такой человек, которому гадко руку протянуть. Умно же ты сделал, что не сблизился с ним сердцем». И дальше он вполне в духе Белинского называет Бакунина подлецом.

Более полный текст этого письма напечатан по огаревскому оригиналу, хранящемуся в Вс. библиотеке им. Ленина в Москве, Н. Мендельсоном в № 7—8 «Литературного Наследства», стр. 290. Непонятно только, почему Н. Мендельсон называет письмо Огарева «майским», когда столкновение Бакунина с Катковым произошло в конце июня (впрочем у Н. Мендельсона это место изложено весьма туманно, так что нельзя понять, цитирует ли он только августовское письмо Огарева, или еще какое-то другое). Так, после слов «а тот обтерся» в огаревском подлиннике говорится: «Впрочем, несмотря на мою размолвку с Катк[овым] я должен ему отдать справедливость: он относится к Бак[унину] как благородство к подлости». А после слов, приведенных нами в конце предыдущего абзаца, Огарев продолжал: «Мне жаль, что этот человек умен, и что совестно наплевать на его голову так, как плюешь на его сердце. Ты не веришь, слушай.—1-е. Свидетельство Бо[ткина]: он ладил и разлаживал его отношения к своей сестре, чтобы иметь случай разъезжать и жить круглый год на счет Ботк[ина]; 2) свидет[ельство] Станкев[ича]. Когда Стан[кевич], чувствуя, что он не любит сестру Бак[унина], отказался от супружества [неразборчивое слово], Бак[унин] потребовал от него 3.000 р., а потом 15 тыс. руб.; 3) лицемерство относительно нас, чтоб не потерять деньги, и относительно Катк[ова], чтоб не потерять Ботк[ина]. От борьбы с Катковым отказался до Берлина, а из Берлина написал, что не может, потому что—единственный охранитель своей сестры, приехавшей в Берлин; 4) распечатал письмо Грановск[ого] к Ефремову и принял его на свой счет и благодарил, что Гранов[ский] его вспомнил (это даже глупо); 5) шесть лет, не получая денег из дому и не

вырабатывая, жил в Москве на чужой счет.—Воля твоя, все это обозначает величайшего мерзавца, которому я решительно готов отказаться протягивать руку».

Относительно готовности М. А. Бакунина пожить на чужой счет Огарев повторяет здесь ходячее обвинение, высказывавшееся, как мы знаем, и отцом Бакунина. Что же касается обвинения в вымогательстве денег у Боткина и в шантажировании Станкевича, то этому решительно противоречат как переписка самого Станкевича, так и печатаемая нами (в томах I и II) переписка Бакунина. Последняя сплетня могла сложиться на основе обещаний Станкевича дать Бакунину денег на поездку за границу—обещаний, впрочем Станкевичем не сдержанных.

Чтобы покончить с этой историей, приведем еще выдержку из цитированного письма Белинского к Боткину от 4 октября, хотя оно относится к периоду, выходящему за рамки настоящего тома: «Я,—пишет Белинский,—получил от него [Бакунина] письмо, полное искренности, в котором он говорит, что желал бы переделать свое прошедшее, что я был прав, называя его сухим диалектиком во время наших полемических переписок и пр. Это еще более усилило чувство моего болезненного к нему сострадания, в котором впрочем много и отвращения и презрения. Экая несчастная, жалкая личность! Я перешлю к тебе это письмо, как только отвечу на него. К Каткову он тоже пишет, приписывает свой поступок пустоте и болтовне, просит извинения, но говорит, что известное объяснение неизбежно, да я не верю: . . . . на месте объяснения и всего вернее увернется от него. Ты прав, что он трус» (ib., стр. 164).

Письмо Мишеля, о котором здесь говорит Белинский, датировано 4 сентября 1840, как явствует из письма Белинского к Николаю Бакунину от 6—8 апреля 1841 («Письма», т. II, стр. 230). На это письмо Мишеля Белинский не ответил по причинам, которые он следующим образом излагает в письме к Н. Бакунину: «Я наконец оторвался от него навсегда и больше не прилеплюсь к нему... Это-то письмо потому, что оно искренно и добросовестно, и показало мне, что мы разошлись навсегда, и что прошедшего уже не воротить... Я ему не отвечал и не буду отвечать. Да и для чего?» (ib., стр. 230—231).

Бакунин уезжал из России в самых отвратительных обстоятельствах, задыхаясь в атмосфере враждебности небольшого кружка своих знакомых. Только в обществе Герцена и его жены он несколько отдохнул душой в эти тяжкие для него дни, о чем с благодарностью вспоминал в первых письмах своих с парохода и из Берлина 7 июля и 13/25 июля 1840, напечатанных в третьем томе настоящего издания. Провожавший его Герцен оставил поэтическое описание последних мгновений, проведенных Бакуниным на родине.

«Из всех друзей,—пишет Герцен («Сочинения» под ред. М. Лемке, т. VI, стр. 478—479),—я один провожал его до Кронштадта. Едва только пароход вышел из устья Невы, на нас обрушился один из бешеных балтийских шквалов, сопровождаемых потоками холодного дождя. Капитан принужден был повернуть обратно. Это возвращение произвело на нас обоих чрезвычайно тяжелое впечатление. Бакунин грустно смотрел, как снова приближался к нам петербургский берег, который он думал оставить за собой на долгие годы, с его набережной, усеянной зловещими фигурами солдат, таможенными, полицейскими офицерами и шпионами, дрожавшими от холода под своими поношенными зонтиками. Было ли это предзнаменованием, указанием провидения? Подобное обстоятельство удержало Кромвеля, когда он садился на корабль, чтобы плыть в Америку. Но Кромвель покидал «старую Англию» и в глубине души был в восторге, что нашел предлог в ней остаться. Бакунин же покидал новый город царей. Ах, нужно видеть безмерный восторг, радость, слезы на глазах каждый раз, когда русский переезжает границы своего отечества и думает, что теперь он находится вне власти своего царя!

«Бакунин не захотел спуститься на берег, он предпочел дождаться часа отъезда в своей каюте на пароходе. Я оставил его, и мне все еще помнится его высокая, крупная фигура, закутанная в черный плащ и поливаемая не-

умолимым дождем; помнится, как он стоял на передней палубе судна и махал мне в последний раз своей шляпой, когда я входил в поперечную улицу».

И тот же хорошо знавший Бакунина Герцен оставил нам поучительные строки, в которых он как бы имеет в виду конфликты, сопровождавшие отъезд Мишеля за границу, и дает косвенный ответ его тогдашним недругам, которые во главе с Белинским готовы были поставить на Бакунине крест. «В этом человеке,—говорит Герцен,—лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, ересиархом, бойцом. Поставьте его куда хотите, только в крайний край, анабаптистом, якобинцем, товарищем Анах[арсиса] Клотца, другом Гракха Бабэфа— и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов.

Но здесь, под гнетом власти царской,

Колумб без Америки и корабля, он, послужив против воли года два в артиллерии да года два в московском гегелизме, торопится оставить край, в котором мысль преследовалась как дурное намерение и независимое слово как оскорбление общественной нравственности. Вырвавшись в 1840 году из России, он в нее не возвращался до тех пор, пока пикет австрийских драгун не сдал его русскому жандармскому офицеру, в 1849 * году» («Сочинения», т. XIII, стр. 572—579).

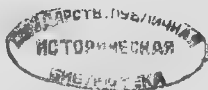
№ 398.— Корнилов на стр. 613 первого тома упоминает об этом письме.

Это—последнее письмо, написанное М. Бакуниным до своего отъезда из России. Оно снова свидетельствует о том, что в тот момент Бакунин не думал еще об оставлении России навсегда и о превращении своем в политического эмигранта.

С отцом Бакунину действительно не пришлось больше свидеться.

---

* Ошибка: в 1851.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры, набранные черным, указывают страницу, на которой сообщаются биографические сведения о данном лице

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОПЕЧАТКИ II ТОМА

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
82	18 св.	14	11
84	5 св.	человека	человек
106	13 св.	воспоминение	воспоминание
112	5 сн.	источникам	источнике
115	16 сн.	него	него.
160	13 сн.	$\frac{IV}{2}$	$\frac{IV}{4}$
162	16 св.	Николаем[1]	Николаем 1)
162	12 сн.	что-то	что то
168	7 св.	примриись	примирись
171	14 св.	субъктивности	субъективности
179	17 сн.	создание	создания
211	3 св.	нам	наш
211	16 св.	духовую	духовную
217	5 сн.	одностоpнними	односторонними
224	4 св.	смертно	смертное
270	8 св.	18[7]39	$18\frac{XII}{7}39$
275	12 сн.	перстала	перестала
304	11-12 св.	пошлосетей	пошлостей
304	2 сн.	бедствий	мерзостей
307	2 сн.	и	я
307	20 св.	Тверь.	Тверь,
308	6 св.	мея	меня
331	14 св.	как-то	как то
333	6 сн.	вддычествует	владычествуют
335	18 сн.	но так	, но так
345	2-3 св.	самоуничтожает	само уничтожает
345	5 сн.	себе,	себе
353	6 сн.	внимания	вникания
359	4 св.	его —	его
361	3 св.	мнешнего	внешнего
390	7 св.	[Боткиным]	Б[откиным]
421	5 сн.	руб.	руб.,
426	12 сн.	и	и уло-
426	4 сн.	Екатер	Екатерина
426	1 сн.	Михайлович	Михайлович[2].
443	9 сн.	1834	1864
447	9-10 сн.	верно,	верно.
453	13 сн.	авугста	августа
455	5 св.	святым	святы
463	2 сн.	1711	1771
466	5 св.	инциндент	инцидента

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
469	2 св.	неумытом	неумытым
469	20 св.	мнение	имение
469	33 св.	действительно	действовало
475	8 сн.	филиолог	филолог
478	4 св.	помещенное	помещенного

К ЧИТАТЕЛЯМ:

Письма №№ 302 и 303 следует переставить (поменять местами). То-же и коментарий к ним.

